

ДЖОН СТЕЙНБЕК

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

К ВОСТОКУ ОТ ЭДЕМА

эксклюзивная классика

К востоку от Эдема
Джон Эрнст Стейнбек

Аннотация
Джон Стейнбек. К востоку от Эдема
Часть первая
- Глава 1
  - 1
  - 2
- Глава 2
  - 1
  - 2
- Глава 3
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Глава 4
  - 1
  - 2
- Глава 5
- Глава 6
  - 1
  - 2
  - 3

Глава 7
1
2
3
Глава 8
1
2
3
4
5
6
Глава 9
1
2
3
Глава 10
1
2
3
Глава 11
1
2
3
4
5
6

Часть вторая
Глава 12
Глава 13
1
2
3
Глава 14
1
2
Глава 15
1
2
3
4
5
Глава 16
1
2
Глава 17
1
2
3
4
5
Глава 18
1

2
3
Глава 19
1
2
3
4
Глава 20
1
2
3
Глава 21
1
2
3
4
Глава 22
1
2
3
4
Часть третья
Глава 23
1
2
3

Глава 24
1
2
3
Глава 25
1
2
3
Глава 26
1
2
Глава 27
1
2
3
4
Глава 28
1
2
3
Глава 29
1
2
Глава 30
1
2

3
Глава 31
1
2
Глава 32
1
2
Глава 33
1
2
3
Часть четвертая
Глава 34
Глава 35
1
2
Глава 36
1
2
3
Глава 37
1
2
3
Глава 38
1

2
3
Глава 39
1
2
Глава 40
1
2
3
Глава 41
1
2
3
Глава 42
Глава 43
1
2
3
Глава 44
Глава 45
1
2
3
4
Глава 46
Глава 47

1
2
3
Глава 48
1
2
3
Глава 49
1
2
3
4
5
Глава 50
1
2
Глава 51
1
2
Глава 52
1
2
3
Глава 53
1
2

3
4
Глава 54
1
2
3
4
5
Глава 55
1
2
3

Аннотация

Шедевр «позднего» Джона Стейнбека. «Все, что я написал ранее, в известном смысле было лишь подготовкой к созданию этого романа», – говорил писатель о своем произведении.

Роман, который вызвал бурю возмущения консервативно настроенных критиков, надолго занял первое место среди национальных бестселлеров и лег в основу классического фильма с Джеймсом Дином в главной роли.

Семейная сага…

История страстной любви и ненависти, доверия и предательства, ошибок и преступлений…

Но прежде всего – история двух сыновей калифорнийца Адама Траска, своеобразных Каина и Авеля. Каждый из них ищет себя в этом мире, но как же разнятся дороги, которые они выбирают…

«Ты можешь» – эти слова из библейского апокрифа становятся своеобразным символом романа.

Ты можешь – творить зло или добро, стать жертвой или безжалостным хищником.

Джон Стейнбек
К востоку от Эдема

Посвящается Паскалю Ковичи

Дорогой Пат!

Однажды ты застал меня за вырезанием миниатюрной фигурки из дерева и предложил: «Может, сделаешь что-нибудь и для меня?»

Я поинтересовался, что именно ты хочешь, и в ответ услышал: «Шкатулку».

«Для чего?»

«Складывать вещи».

«Какие именно?»

«Всякую всячину», – ответил ты.

Ну вот, шкатулка готова; в ней уместилось почти все, что у меня есть, и все равно осталось много места. Здесь боль и переживания, печали и радости, мысли дурные и добрые – замыслы, приносящие удовлетворение и повергающие в отчаяние, а также не поддающееся описанию счастье творчества.

А поверх всего – огромная благодарность и моя любовь к тебе.

И все равно шкатулка не заполнена до конца.

Джон.

Печатается с разрешения The Estate of Elaine A.

Steinbeck и литературных агентств McIntosh and Otis, Inc. и Andrew Nurnberg.

© John Steinbeck, 1952
© Elaine A. Steinbeck, Thom Steinbeck, and John Steinbeck IV renewed 1989
© Школа перевода В. Баканова, 2015
© Перевод. Г. Злобин, наследники, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Часть первая

Глава 1
1

Салинас-Вэлли расположен в Северной Калифорнии и представляет собой длинную узкую полоску равнины между двумя цепями гор, посреди которой бежит, извиваясь и петляя, река Салинас, заканчивающая свой путь в заливе Монтерей.

Я помню, как назывались во времена моего детства травы и скрывающиеся в них загадочные цветы, знаю, где находится жилище жабы, в котором часу просыпаются летом птицы, как пахнут деревья и какой аромат у каждого времени года. Помню местных жителей, их походку и даже запах. Память хранит множество разных запахов.

Помню, что раскинувшиеся к востоку от долины горы Габилан светлые и жизнерадостные, обласканы солнцем и полны очарования. Они зовут и влекут к себе, и хочется взобраться на теплые склоны, как на колени к любимой матери. Манящие горы, покрытые бурой травой и пропитанные любовью. На западе упираются в небо вершины Санта-Лусия, заслоняющие

долину от океана. Темные и угрюмые, они таят враждебность и угрозу. Я всегда испытывал благоговейный страх перед западом и всей душой любил восток. Затрудняюсь объяснить причину. Возможно, она кроется в том, что из-за вершин Габилан приходит утро, а ночь наползает с хребтов Санта-Лусия, и две горные цепи ассоциируются у меня с рождением нового дня и его угасанием.

По обе стороны долины с горных ущелий в реку Салинас стекали маленькие ручейки. Зимой в дождливые годы ручейки превращались в бурные потоки, наполняющие реку до краев, и в один прекрасный день она закипала в приступе ярости и выплескивалась из берегов, разрушая все вокруг. Случалось, река отхватывала находящиеся вблизи берега большие куски фермерских угодий, опрокидывала амбары и дома, переворачивая и унося их с собой, ловила в свой капкан коров, свиней и овец, топила в бурых от грязи водах и увлекала в море. Потом, с наступлением поздней весны, река постепенно мелела, открывая песчаные берега, а летом и вовсе пересыхала, и только под высокими обрывами, где недавно бурлили глубокие водовороты, оставались лужи. Снова вырастал камыш и трава, и распрямлялись ивы, на верхних ветвях которых виднелся за-

стрявший мусор, принесенный во время паводка. Салинас — река непостоянная и течет на поверхности не круглый год, а с лучами летнего солнца уходит под землю. Она не отличается особой красотой, но другой в тех местах нет, и мы любили хвастаться грозным нравом нашей Салинас в дождливую зиму и удивительной способностью бесследно исчезать в песке засушливым летом. Впрочем, хвастаться можно чем угодно, если ничего другого под рукой нет, да и вообще чем меньше имеешь, тем сильнее тянет бахвалиться.

Низинная часть Салинас-Вэлли, которая находится между горными цепями, ниже предгорий, совершенно плоская, потому что когда-то сама долина была дном узкого морского залива длиной в сто миль. Давным-давно устье реки в Мосс-Лэндинг служило входом в этот залив. Однажды отец пробурил колодец посреди долины. Сначала бур прошел сквозь пахотный слой и гравий, а потом показался белый морской песок, в котором было полно ракушек и даже попадались частицы китового уса. Двадцать футов песка в глубину — и снова чернозем, где мы нашли обломок красного дерева, чья древесина отличается прочностью, не гниет и не портится. Должно быть, еще раньше, до появления морского залива, в долине рос лес.

И все эти чудеса творились прямо у нас под ногами. Порой по ночам мне слышался и шум моря, и шелест секвой в древнем лесу.

На равнинных землях пахотный слой толстый и плодородный. После щедрой на дожди зимы он мгновенно покрывался травой и цветами. В дождливый год весенние цветы невероятно красивы. Вся равнина и предгорья пестрели ковром люпина и маков. Как-то раз я услышал от одной женщины, что букет из разных цветов покажется еще ярче, если добавить несколько белых цветков для контраста. Лепестки люпина оторочены белой каемочкой, и потому люпиновое поле поражает невероятной синевой, в которую пылающими искрами вкрапляются калифорнийские маки. Их цвет обжигает: не оранжевый и не ярко-желтый, и стань чистое золото жидким, как молоко с отстоявшимися сливками, оно, наверное, имело бы такую же жгуче-пламенную окраску, что и наши маки. Маки отцветали, и им на смену поднималась в полный рост желтая горчица. Когда мой дед осел в долине, горчица была такой высокой, что над желтыми цветами виднелась только голова всадника, едущего верхом на лошади. На плоскогорьях трава усыпана лютиками, живучками и желтыми полевыми

фиалками с темными серединками. Чуть позже расцветают красные и желтые индейские кастиллеи. Эти цветы растут на открытой местности, где много солнечного света.

В тени виргинских дубов расцветал венерин волос, наполняя воздух сладким ароматом, а под покрытыми мхом берегами реки свисали заросли пятипалых папоротников и золотарника. А еще там росли колокольчики, похожие на изящные кремово-белые фонарики, полные колдовских чар и скрытого порока. Они встречались очень редко, и ребенка, которому посчастливилось найти один цветочек, выделяли из всей компании, и он становился героем дня.

С наступлением июня набравшие силу травы начинали жухнуть, и холмы приобретали бурую окраску, которую и бурой-то не назовешь, скорее золотистой с желто-оранжевым отливом и примесью красного — одним словом, цвет, не поддающийся описанию. С этого момента и до следующих дождей земля на равнине становилась все суше, покрывалась трещинами, ручьи пересыхали, и река Салинас уходила в песок. По долине гулял ветер, поднимая в воздух облака пыли и сухой травы. Продвигаясь на юг, он становился все сильнее и резче, а вечером утихал.

Колючий изматывающий ветер нес частицы пыли, которые въедались в кожу и раздражали глаза. На работу в поле люди надевали защитные очки и заматывали нос платком, чтобы туда не набилась грязь.

На равнине земля была богатой и плодородной, а на предгорьях пахотный слой совсем тонкий, всего несколько дюймов, на глубину вросших в него коротких корней травы. Чем выше поднимаешься в горы, тем тоньше становится плодородный слой, сквозь который проступают наружу осколки камней, и наконец за кустарниками начинается сплошная полоса кремневой гальки, от которой, слепя глаза, отражаются знойные солнечные лучи.

Я рассказал об урожайных годах, когда шли обильные дожди, но случались и страшные засухи, наводившие ужас на всех жителей долины. Дождливые и засушливые годы чередовались по тридцатилетнему циклу. Сначала выпадало пять-шесть замечательных лет с проливными дождями, когда уровень осадков составлял девятнадцать — двадцать пять дюймов, и напитанная влагой земля сплошь покрывалась сочной травой. За ними следовало шесть или семь вполне сносных лет с осадками двенадцать — шестна-

дцать дюймов. Потом наступали засушливые годы, во время которых дождей выпадало всего семь-восемь дюймов. Земля высыхала, трава не хотела расти, и на равнине появлялись большие, словно пораженные паршой проплешины. Виргинские дубы чахли, их кора напоминала коросту, и даже полынь становилась безжизненной и серой. Почва покрывалась трещинами, источники пересыхали, и домашний скот вяло жевал сухие ветки. И тогда все фермеры и хозяева ранчо проникались жгучей ненавистью к Салинас-Вэлли. Коровы тощали на глазах и нередко подыхали с голоду, а людям приходилось возить на фермы питьевую воду в бочках. Некоторые семьи продавали за бесценок все имущество и отправлялись искать счастья в другие края. С приходом очередной засухи люди не вспоминали о годах урожайных и сытых, а когда снова начинались обильные дожди, напрочь забывали о голодных засушливых временах. Так и жили.

2

Вот какой была долина Салинас-Вэлли, длинной узкой лентой вклинившаяся между гор. Ее история такая же, как у всего штата Калифор-

ния. Сначала здесь жили индейцы, никчемное пассивное племя, лишенное изобретательности и элементарной культуры. Люди, питающиеся личинками жуков, кузнечиками и моллюсками, слишком ленивые, чтобы охотиться или заниматься рыбной ловлей. Они ели то, что можно просто подобрать с земли, и ничего не сажали и не сеяли, а муку делали из горьких толченых желудей. Даже их войны походили на вымученную пантомиму.

Потом появились экспедиционные отряды суровых расчетливых испанцев. Алчные и практичные, они жаждали золота и насаждали веру в своего бога, коллекционируя людские души как драгоценные камни. Испанцы захватывали горы и долины, реки и земли, простирающиеся до самого горизонта. Именно так и в наши дни добиваются права на приобретение участка под застройку. Эти упрямые безжалостные люди сновали по всему побережью. Некоторые оседали на основании дарственной на земельные владения величиной с целое графство, пожалованной испанскими королями, не имеющими ни малейшего представления о том, что представляет собой подобный дар. Первые землевладельцы жили в бедных феодальных поселениях, и их

домашний скот бесхозно бродил по окрестностям, плодился и множился. Время от времени животных забивали ради шкуры и жира, а мясо бросали на съедение грифам и койотам.

Как только испанцы появились в этих краях, сразу возникла потребность дать названия всему, что видит глаз. Такова непременная обязанность любого путешественника и первооткрывателя. Впрочем, не только обязанность, но и преимущественное право. Прежде чем нанести то или иное место на нарисованную от руки карту, нужно придумать подходящее имя. Разумеется, испанцы были людьми религиозными, а читать, писать, вести путевые дневники и записи и рисовать карты умели неутомимые и фанатичные священнослужители, путешествующие вместе с солдатами. В результате первые названия давали в честь святых или религиозных праздников, которые отмечались на привале. Святых великое множество, и все же их число небезгранично, а потому встречаются и повторы. И вот появляется Сан-Мигель, Сент-Майкл, Сан-Ардо, Сан-Бернардо, Сан-Лоренцо, Сан-Карлос, Сан-Франциските. А потом идут праздники: Нативидад (Рождество Христово), Насимьенте (Рождество Девы Марии), Соледад (Уединение). Некоторым местам

давались названия в зависимости от настроения экспедиции в данный момент. Так появилась Буэна-Эсперанца, добрая надежда, и Буэна-Виста, потому что перед путешественниками открылся великолепный вид, а также Чуалар, так как местечко оказалось на удивление красивым. Далее следуют описательные названия, такие как Пасо-де-лос-Роблес, в честь росших в этом месте дубовых деревьев. Лос-Лаурелес обязан своим названием лавровым кустам, Туларситос — камышам, растущим на соседнем болоте, а Салинас — солончакам.

Потом названия стали давать в честь животных и птиц. Примером тому служат Габилан, так зовутся орлы, летающие в этих горах, а также Топо, где водились кроты, и Лос-Гатос, место, в котором в то время обитали дикие лесные кошки. Идея названия иногда возникала из-за особенностей самой местности. Тассахара — чашка с блюдцем, Лагу-на-Сека — высохшее озеро, Корраль-де-Тьерра — земляная насыпь, и, наконец, Параисо, место, вызвавшее у путников ассоциации с раем.

После испанцев пришли американцы, отличавшиеся еще большей жадностью, потому что их самих тоже было гораздо больше. Они захватывали земли и переделывали в свою пользу законы.

Повсюду, как грибы, росли фермерские хозяйства, сначала на равнинах, а потом и на склонах предгорий. Они представляли собой небольшие деревянные домишки, крытые дранкой из секвойи и огороженные частоколом. Стоило появиться на земле даже самому малому источнику воды, и дом рос на глазах, а семья множилась. Во дворе перед окнами дома высаживали красную герань и розовые кусты. Вместо тропинок появились наезженные телегами колеи, а поля, засеянные кукурузой, ячменем и пшеницей, вытеснили желтую горчицу. Вдоль проезжих дорог через каждые десять миль встречалась лавка с товарами или кузница, вокруг которых вырастали небольшие поселки, такие как Брэдли, Кинг-Сити, Гринфилд.

В отличие от испанцев у американцев имелась тенденция называть поселки в честь людей. После заселения равнин названия мест стали связывать с событиями, которые там произошли, и вот они-то и приводили меня в неописуемый восторг, потому что за каждым скрывается давно забытая история. На память приходит Болса-Нуэва — новый кошелек, Морококо — хромой мавр (интересно, кто это такой и как тут оказался?) и каньоны Уайлд-Хорс — дикая лошадь, Шерттейл

— пола рубашки или Мустанг-Грейд — племенной мустанг. Такие названия отражают характер людей, которые их придумали, и бывают почтительными или, наоборот, пренебрежительными, одни дают поэтическое описание, а другие звучат уничижительно. Любое место можно назвать Сан-Лоренцо, а вот каньон Пола Рубашки или Хромой Мавр — совсем другое дело.

Днем поселения насквозь продувались ветром, и фермеры посадили эвкалиптовые деревья, которые образовали ветрозащитную полосу протяженностью в несколько миль, чтобы уберечь пахотный слой от выветривания. Вот так выглядела Салинас-Вэлли, когда мой дед привез сюда жену и обосновался на предгорьях к востоку от Кинг-Сити.

Глава 2
1

Мой рассказ о Гамильтонах основан на слухах, старых фотографиях, семейных преданиях и расплывчатых воспоминаниях, где правда смешивается с вымыслом. Они были людьми ничем не примечательными и оставили после себя мало письменных упоминаний, да и те ограничиваются свидетельствами о рождении, заключении брака и смерти, а также документом на владение землей.

Молодой Сэмюэл Гамильтон и его жена родом с севера Ирландии. Он был сыном мелких фермеров среднего достатка, которые сотни лет прожили на одном участке земли в одном и том же каменном доме. Гамильтоны умудрились получить на удивление хорошее образование, считались людьми начитанными, и, как часто случается в этой зеленой стране, их связывали узы родства и с влиятельной знатной верхушкой общества, и с беднотой. Один из многочисленных кузенов мог носить титул баронета, а другой — побираться по чужим домам. Разумеется, как все

уважающие себя ирландцы, Гамильтоны вели свое происхождение от королей Ирландии.

Не знаю, что заставило Сэмюэла покинуть выстроенный из камня отчий дом и покрытую зеленью землю предков. Он никогда не интересовался политикой, и маловероятно, что причиной отъезда стало участие в мятеже. Сэмюэл был человеком кристально честным, и это исключает преследование со стороны полиции. Среди членов семьи ходили толки, которые и слухами-то не назовешь — так, некая витающая в воздухе недосказанность, — что он покинул родные края из-за любви, и отнюдь не к женщине, на которой женился. Не могу сказать, была ли эта любовь счастливой, или его чувства остались безответными и он бежал из-за уязвленной гордости. В семье все склонялись к первому варианту, ведь Сэмюэл слыл парнем красивым, обаятельным и веселым, и трудно представить молодую ирландскую крестьянку, которая не ответила бы ему взаимностью.

Дед приехал в Салинас-Вэлли в расцвете сил и здоровья. Энергия била из него ключом, а голову переполняли всевозможные идеи и замыслы. Глаза Сэмюэла поражали удивительной синевой, и когда он уставал, один глаз начинал слегка

косить. Он был человеком мощного телосложения, а по натуре деликатным и в некотором роде утонченным. Даже занимаясь крестьянским трудом, где без грязи никак не обойтись, он всегда выглядел безукоризненно чистым и опрятным. А еще Сэмюэл славился золотыми руками. Он был искусным кузнецом, плотником и резчиком по дереву и мог из любой деревяшки или куска металла смастерить какую-нибудь диковинку. Дед постоянно изобретал новые способы выполнить хорошо известное дело лучше и быстрее, но всю свою жизнь был начисто лишен таланта наживать деньги. Другие люди, в полной мере обладающие этим даром, брали на вооружение задумки Сэмюэла, выгодно продавали и богатели, в то время как сам изобретатель едва сводил концы с концами.

Трудно сказать, что привело деда в Салинас-Вэлли, место малоподходящее для человека, родившегося в краю, покрытом зеленью. Однако он приехал сюда за тридцать лет до начала двадцатого столетия вместе с миниатюрной женой-ирландкой, женщиной суровой и непреклонной, совершенно лишенной чувства юмора. Она придерживалась строгих пресвитерианских правил и моральных принципов, по которым все,

что есть приятного в жизни, является грехом и подлежит осуждению.

Ума не приложу, где Сэмюэл ее отыскал, как ухаживал и почему женился. Подозреваю, что где-то в дальнем уголке сердца запечатлелся образ совсем другой девушки, так как дед был натурой порывистой и страстной, а его супруга проявляла свои чувства весьма скупо. Тем не менее за все годы, прожитые в Салинас-Вэлли, с юности и до самой смерти, никто не слышал, чтобы Сэмюэл ходил к другим женщинам.

Когда Сэмюэл и Лайза появились в Салинас-Вэлли, все хорошие земли на равнине, плодородные предгорья и ложбины на склонах, а также участки, покрытые лесом, были уже разобраны, но еще оставались не занятыми земли малоплодородные. Вот дед и обосновался на пустоши, раскинувшейся на холме к востоку от места, где сейчас находится Кинг-Сити.

Он поступил как все: взял земельный надел в сто шестьдесят акров на себя и столько же на жену, а поскольку та была беременна, прибавил еще сто шестьдесят акров на ребенка. За годы супружеской жизни родилось девять детей, четыре мальчика и пять девочек, и с рождением каждого ребенка к ранчо добавлялось по участку, что со-

ставило одиннадцать земельных наделов общей площадью тысяча семьсот шестьдесят акров.

Попадись Гамильтонам стоящая земля, они стали бы людьми богатыми, но почва на полученных участках была сухой и твердой, без источников воды и с таким тонким пахотным слоем, что на поверхность то тут, то там выступали осколки кремня. Полынь и та выживала с трудом, а дубы из-за нехватки влаги превратились в карликов. Даже в сравнительно благоприятные годы корма отощавшей домашней скотине не хватало, и она бродила по окрестностям в поисках еды. С высоты своих пустошей Гамильтонам оставалось только любоваться раскинувшимися внизу на западе богатыми цветущими землями и зелеными полями по берегам реки Салинас.

Сэмюэл построил дом своими руками, так же как амбар и кузницу. Он очень скоро понял, что даже имея десять тысяч акров лишенной воды каменистой земли в горах, семью не прокормить. Золотые руки и тут не подвели, и дед смастерил бурильную установку и стал бурить колодцы на землях более удачливых соседей. Он изобрел и сам смастерил молотилку и во время сбора урожая ходил по расположенным на равнине фермам, обмолачивая зерно, которое не родилось

на его бесплодных землях. Дед натачивал лемеха плугов, чинил бороны и сломанные тележные оси и подковывал лошадей. Фермеры со всей округи несли Сэмюэлу в починку инвентарь, а кроме того, любили послушать его рассказы и рассуждения о жизни, поэзии и философии, которые существовали далеко за пределами Салинас-Вэлли.

Дед обладал роскошным, проникающим в самое сердце голосом, который звучал одинаково красиво, пел ли он песню или рассказывал очередную историю. Ирландский акцент у Сэмюэла отсутствовал, но его речь отличалась особой напевностью, мелодичностью и богатством интонаций, которые ласкали слух неразговорчивых фермеров с равнины. Они обычно приносили с собой виски и, отойдя в сторонку, подальше от кухонного окна и осуждающего взора миссис Гамильтон, украдкой отпивали из бутылки, а потом жевали зеленые листья дикорастущего аниса, чтобы отбить запах спиртного. День считался неудачным, если у кузницы не толпились три-четыре человека, прислушивающихся к ударам молота и внимающих речам Сэмюэла. Фермеры называли деда великим шутником и забавником и старались запомнить и донести до дома его

рассказы, а потом несказанно удивлялись, когда в пересказе у себя на кухне история теряла всю прелесть и вовсе не казалась смешной.

Владея бурильной машиной, молотилкой и кузницей, Сэмюэл должен был давно разбогатеть, однако у него полностью отсутствовала предпринимательская жилка. Клиенты, которым вечно не хватало денег, обещали расплатиться после жатвы, потом после Рождества и снова откладывали срок платежа, пока и вовсе не забывали о долге. Сэмюэл стеснялся им напомнить, и потому Гамильтоны оставались бедняками.

Дети в нашей местности появлялись на свет с завидной регулярностью, и перегруженные работой врачи округа нечасто заезжали на ранчо, чтобы принять роды, за исключением случаев, когда радостное событие превращалось в кошмар, тянувшийся несколько суток. Сэмюэл Гамильтон собственноручно принимал всех своих детей, аккуратно перевязывал пуповину, как полагается, шлепал младенца по попке и наводил порядок в доме. Когда при рождении младшего возникли осложнения и ребенок начал синеть, Сэмюэл прижался губами к ротику малютки и стал вдыхать в него воздух, пока младенец не задышал самостоятельно. У деда были искусные

и ласковые руки, и соседи приезжали за двадцать миль с просьбой принять роды, а он одинаково хорошо справлялся со своей задачей, будь то женщина, лошадь или корова.

На полке у Сэмюэла на видном месте стояла толстая книга в черном переплете с тисненным золотом названием «Доктор Ганн. Семейный справочник по медицине». Некоторые странички были загнуты и потрепаны от частого употребления, а другие вообще никогда не открывались. По книге доктора Ганна можно узнать всю историю болезней семейства Гамильтонов. Чаще всего дед обращался к разделам о переломах, порезах, синяках, болях в пояснице и детских болезнях, таких как свинка, корь, скарлатина и дифтерит. Большое внимание уделялось ревматизму, женским болезням и, конечно же, всему, что связано с беременностью и родами. Гамильтонам либо сильно везло, либо они и правда отличались высокой нравственностью, потому что страницы, посвященные гонорее и сифилису, так и не увидели света.

Сэмюэл, как никто другой, умел справиться с приступом истерики или успокоить перепуганного ребенка, и все благодаря проникновенным ласковым речам и нежной чувствительной душе.

Соблюдая тело в чистоте, он оставался чистым и в помыслах. Люди, приходившие в кузницу поболтать и послушать рассказы деда, на время забывали о бранных словах, и не потому, что сдерживали себя и не давали волю языку. Они делали это автоматически, чувствуя: здесь не место сквернословию.

Сэмюэл всегда отличался от остальных жителей, оставаясь чужаком. Возможно, все дело в особом, размеренном и напевном темпе речи, одинаково действующем на мужчин и женщин, заставляя их вести с Сэмюэлом откровенные разговоры, на которые они никогда бы не отважились с родственниками или самыми близкими друзьями. Из-за несколько странноватого характера дед держался особняком и благодаря этой особенности стал хранителем чужих тайн, надежным, как могила.

Лайза Гамильтон, тоже ирландка, была слеплена совсем из другого теста. В ее маленькой круглой головке умещались непритязательные примитивные убеждения и принципы. Глядя на пуговичный носик в сочетании с упрямым, будто срезанным подбородком и дерзко выступающей вперед нижней челюстью, становилось ясно, что миссис Гамильтон не свернет с раз избранного

пути, даже если этому воспротивятся призывающие к смирению ангелы небесные.

Лайза хорошо готовила незамысловатую еду, и ее дом — а она всегда считала его своей собственностью — неизменно сиял чистотой. Беременность и роды не слишком мешали и не отрывали надолго от дел. Обычно она остерегалась заниматься тяжелой работой не более двух недель. Должно быть, таз миссис Гамильтон был сделан из китового уса, так как она легко и быстро рожала одного за другим крупных младенцев.

Лайза остро чувствовала малейшее проявление греха. Безделье считалось грехом, как и игра в карты, которая в ее глазах также являлась праздным времяпрепровождением. К любому проявлению веселья она относилась с подозрением и опаской, будь то танцы, пение или обычный смех. В ее понятии люди, весело проводящие время, непременно становятся добычей дьявола. И это вызывало досаду, так как Сэмюэл был человеком веселым и любил посмеяться. Подозреваю, он мог легко попасть в лапы дьяволу, и жена по мере сил оберегала его от такой участи.

Лайза всегда убирала волосы назад и завязывала в тугой узел. Разумеется, я не помню, как она одевалась, но наверняка одежда в точности

соответствовала ее характеру и образу мыслей. У миссис Гамильтон полностью отсутствовало чувство юмора и лишь иногда проскальзывали проблески язвительного остроумия. Внуки боялись Лайзу, так как она была начисто лишена каких-либо человеческих слабостей. Всю свою жизнь она мужественно и без единой жалобы переносила страдания, свято веря, что Господь повелел всем своим чадам жить именно так, а награда за долготерпение придет потом.

2

Когда переселенцы из Европы, где вся земля была поделена и шла драка за каждый клочок, впервые появились на Западе и увидели необъятные просторы, для получения которых в собственность достаточно поставить подпись на бумажке и заложить фундамент под дом, их обуяла неуемная жадность. Хотелось приобрести все больше и больше земли, по возможности хорошей, но годилась любая.

Возможно, у людей засели в памяти обычаи феодальной Европы, где богатые влиятельные семьи становились таковыми благодаря приобретению собственности. Первые поселенцы

расхватывали землю, которая им была не нужна, не имея возможности ее обработать. Забирали даже никчемную бесплодную землю, только чтобы числиться ее владельцем. И все традиционные взаимосвязи поменялись. Человек, способный жить вполне обеспеченно на десяти акрах в Европе, становился нищим как церковная крыса на двух тысячах в Калифорнии.

Очень скоро все земли на гористых пустошах вблизи Кинг-Сити и Сан-Ардо разобрали, и по холмам расселились изнуренные работой бедные семьи, которые трудились до седьмого пота, чтобы прокормиться с бесплодной каменистой земли. Вместе с койотами они влачили жалкое существование и изворачивались, как могли. Эти люди приехали без денег и необходимых для работы орудий труда, без надежды получить кредит, а главное, ничего не зная о новых краях и как к ним приспособиться, чтобы выжить. Не понимаю, что толкнуло их на столь безрассудный шаг, святая глупость или великая вера. Теперь такого духа авантюризма и отваги в мире не встретишь. И действительно, семьи умудрялись выживать и росли числом. Все-таки у них имелся некий инструмент или, если хотите, оружие, которое впоследствии куда-то пропало, а может быть,

просто затаилось до лучших времен. Утверждают, что они выстояли, потому что не сомневались в справедливости, честности и милосердии Господа, которому доверили свое главное достояние — веру, отметая в сторону все суетное и мелкое. Но я считаю, эти люди просто верили в себя и уважали в себе личность, так как не сомневались в собственной значимости и способности стать нравственной основой нового общества. Именно это позволило им отдать Господу в заклад свое мужество и чувство собственного достоинства, которые он впоследствии вернул в сохранности обратно. Теперь ничего подобного не происходит, вероятно, потому, что люди больше не верят в свои силы, а если и приходится пойти на риск, предпочитают тащиться следом за сильным и решительным человеком, хотя тот может сто раз ошибиться и завести совсем не туда.

Многие явились в Салинас-Вэлли без гроша в кармане, но встречались и такие, кто, распродав все имущество, приехал с кругленькой суммой, намереваясь начать новую жизнь. Эти переселенцы тоже покупали землю, но непременно хорошую, и строили дома из тесаных бревен, обзаводились коврами и вставляли в окна цветные узорчатые стекла. Подобных семей насчитыва-

лось немало. Они скупили лучшую землю на равнине, очистили ее от желтой горчицы и посеяли пшеницу.

Среди них был и Адам Траск.

Глава 3
1

Адам Траск родился на ферме, на окраине небольшого поселка, расположенного недалеко от одного из крупных городов штата Коннектикут. Он был единственным сыном в семье и появился на свет спустя шесть месяцев после того, как в 1862 году его отца призвали на службу в Коннектикутский полк. Мать Адама вела хозяйство на ферме, носила под сердцем сына и, несмотря на занятость, находила время для изучения основ теософии. Чутье подсказывало, что муж непременно погибнет от руки свирепых дикарей-мятежников, и она готовилась к встрече с супругом в загробной жизни. Но он вернулся домой с оторванной по колено ногой через шесть недель после рождения Адама. Приковылял на грубо обструганной растрескавшейся деревяшке, которую сам вырезал из бука. Вынул из кармана и положил на стол в гостиной свинцовую пулю, которую грыз, пока ампутировали покалеченную ногу.

Отец Адама Сайрус слыл сущим дьяволом и

всегда отличался необузданным нравом. Он с такой лихостью раскатывал в двуколке, что казалось, деревянная нога не мешает, а, наоборот, помогает. Служба в армии со всеми ее тяготами приносила Сайрусу радость, его сумасбродной натуре пришлась по душе недолгая воинская подготовка с неизменными кутежами, азартными играми и распутством. Потом его отправили на юг с частями пополнения, и эту весть он тоже принял с радостью. По дороге Сайрус знакомился со страной, воровал кур и не упускал случая затащить в стог сена девушку-южанку.

Долгие маневры с их унылой безысходностью, да и сами сражения обошли Сайруса стороной. Первая встреча с противником произошла весенним утром в восемь часов, а в половине девятого в правую ногу попал тяжелый снаряд, превративший ее в кровавое месиво, так что о лечении не шло и речи. Но и тогда удача не отвернулась от Сайруса. Войска конфедератов отступили, и полевые хирурги немедленно пришли на помощь раненым. Правда, Траск все же натерпелся страху, когда на ноге обрезали лохмотья мяса, пилили кость и прижигали открытую рану. Подтверждением тому служат отметины от зубов, оставшиеся на пуле. В антисанитарных условиях, характер-

ных для полевых госпиталей того времени, рана заживала плохо и причиняла много мучений, но на редкость живучий Сайрус и тут сохранил присущую ему самонадеянность и бесшабашность. Целыми днями он старательно вырезал из бука ногу и уже бойко ковылял на костыле, когда в один прекрасный день его поманила свистом укрывшаяся за штабелем досок молодая негритянка и взяла за удовольствие десять центов.

Вскоре обнаружилось, что девушка наградила Сайруса гонореей. Закончив работу над деревянной ногой, он узнал неприятную новость и дни напролет занимался поисками злополучной негритянки, рассказывая приятелям, что с ней сделает, когда найдет. Замышлялось отрезать негоднице перочинным ножом уши и нос и получить назад деньги. Ковыряя ножом деревянную ногу, Сайрус демонстрировал товарищам, как станет резать девушку на части. «Отделаю сучку так, что все обхохочутся, — говаривал Сайрус. — С такой уродиной не захочет иметь дело даже пьяный индеец». Должно быть, предмет «пламенной любви» почувствовал его намерения, потому что девушка как в воду канула. К моменту выписки из госпиталя и демобилизации из армии гонорею подлечили, но, когда Сайрус вернулся домой в

Коннектикут, оставшегося хватило, чтобы заразить жену.

Миссис Траск была бледной, замкнутой в себе женщиной. Солнечные лучи никогда не касались ее щек, не знакомых с румянцем, а губы ни разу не сложились в беззаботную, веселую улыбку. Религия служила лекарством от всех зол, существующих на белом свете и в собственной душе, и миссис Траск приспосабливала ее под каждый конкретный грех. Когда необходимость в теософии, предназначенной для общения с покойным супругом, отпала, она занялась поисками нового несчастья и вскоре обрела достойную награду в виде заразы, которую принес домой с поля боя Сайрус. Узнав о болезни, мать Адама изобрела новую богословскую теорию, согласно которой Бог из средства общения с потусторонним миром превратился в орудие возмездия. Такое божество наилучшим образом соответствовало чаяниям миссис Траск и, как выяснилось впоследствии, стало ее последним творением. Она с готовностью списала недуг на определенного рода сновидения, посещавшие ее во время отсутствия мужа.

Однако болезнь показалась недостаточно суровой карой за разврат во сне, а новый бог знал толк в наказаниях и требовал от своих привер-

женцев жертвы. Миссис Траск долго ломала голову в поисках достойной жертвы, которая поможет претерпеть величайшее унижение, и очень обрадовалась, когда поняла, что лучше всего принести в жертву собственную жизнь. Написание прощального письма, редактирование и исправление ошибок заняло две недели. Миссис Траск признавалась в преступлениях и каялась в грехах, которые при всем желании не имела возможности совершить. Лунной ночью, облачившись в сшитый тайком саван, она вышла из дома и утопилась в пруду, таком мелком, что пришлось встать на четвереньки в самую грязь и держать голову под водой. Подобный поступок требовал большой силы воли. Миссис Траск уже начала погружаться в теплые волны забвения, как вдруг в угасающем сознании мелькнула досадная мысль, что, когда утром ее станут вытаскивать из пруда, белый полотняный саван будет перепачкан грязью. Именно так и случилось.

Сайрус Траск оплакивал жену в обществе бочонка виски и трех армейских друзей, которые заглянули к нему по дороге домой в штат Мэн. Малютка Адам проснулся и начал реветь. Безутешный муж и его приятели не имели понятия, как ухаживать за детьми, и забыли покормить

младенца. Сайрус быстро нашел выход и, обмакнув тряпку в виски, сунул ее в рот малышу. После третьего захода Адам уснул. В процессе скорбной церемонии он просыпался еще несколько раз с жалобным плачем, но тут же получал смоченную в виски тряпочку и снова погружался в сон. Младенец пьянствовал в течение двух с половиной суток. Трудно сказать, как запой повлиял на юный мозг и умственное развитие ребенка, но на обмен веществ алкоголь явно оказал благотворное действие, так как с тех пор Адам отличался железным здоровьем. По прошествии трех дней его папаша наконец выбрался из дома и купил козу. Малыш с жадностью набросился на молоко, его вырвало, но он все пил и пил, и приступы рвоты продолжались. Состояние младенца не вызвало тревоги у отца, так как его самого в это время выворачивало наизнанку.

Через месяц Сайрус присмотрел себе в жены семнадцатилетнюю дочь жившего по соседству фермера. Ухаживание было коротким и не оставляло места для романтических иллюзий. Никто не сомневался в честности его намерений, основанных на трезвом расчете. Отец девушки одобрил ухаживание, так как у него имелось еще две младших дочери, а Элис уже исполнилось

семнадцать лет, и до сих пор никто не просил ее руки.

Сайрус нуждался в женщине, которая будет присматривать за Адамом, вести домашнее хозяйство и готовить еду, а прислуга стоила дорого. Кроме того, он был мужчиной сильным и темпераментным и не мог жить без женского тела, которое тоже обходится недешево, если не вступить с ним в законный брак. На сватовство, помолвку и венчание ушло две недели, по истечении которых Элис уже оказалась беременной. Соседи не видели в действиях Сайруса ничего предосудительного и не считали, что он слишком торопится, так как в то время мужчина в течение жизни успевал отправить на тот свет трех, а то и четырех жен, и никого это не удивляло.

Элис Траск обладала рядом неоценимых достоинств. Она была чистюлей и содержала дом в идеальном порядке. Красотой не блистала, и поэтому необходимость приглядывать за ней отпадала сама собой. Несмотря на водянистые глаза, землистый цвет лица и кривые зубы, она отличалась редкостным здоровьем и ни разу не пожаловалась во время беременности. Неизвестно, испытывала ли она любовь к детям, потому что никто ее об этом не спрашивал, а Элис обыч-

но молчала как рыба, пока не зададут вопрос. Сайрус расценивал это качество как главное достоинство жены. Она никогда не высказывала своего мнения, а если кто-нибудь из мужчин говорил, делала вид, что внимательно слушает, продолжая заниматься домашними делами.

Юность, неопытность и молчаливый характер Элис Траск оказались для Сайруса весьма ценным приобретением. Как и соседи, он продолжал вести хозяйство на ферме и в это же время нашел себе новое занятие — стал воином-ветераном. Бьющая ключом энергия, которая толкала его на разгульную жизнь, устремилась в другое русло и заставила работать мысль. За пределами Военного ведомства никто не знал о характере и продолжительности его службы, а деревянная нога служила красноречивым доказательством военного прошлого и гарантией, что его никогда не возьмут в армию. Немного робея, Сайрус принялся рассказывать Элис о кампаниях, в которых принимал участие, но по мере того как искусство рассказчика росло, описываемые сражения приобретали все более грандиозный размах. Поначалу он понимал, что бессовестно врет, но очень скоро и сам поверил в правдивость своих повествований. До службы

в армии Сайрус не проявлял особого интереса к книгам на военную тему, а сейчас скупал их все, вчитывался в каждую сводку, подписался на нью-йоркские газеты и внимательно изучал карты. Раньше он имел весьма туманное представление о географии и совсем не разбирался в стратегии и тактике ведения боя, однако теперь стал настоящим авторитетом в этих вопросах. Он не только знал назубок названия всех сражений, походов и военных операций, но мог без запинки перечислить все подразделения, принимавшие в них участие, вплоть до названий полков, места их формирования и имен командиров. Повествуя о сражениях, Сайрус мало-помалу уверовал, что лично в них участвовал.

Метаморфозы произошли не вдруг, события развивались постепенно, а в это время Адам и его младший сводный брат потихоньку подрастали. Адам и Чарльз в почтительном молчании слушали рассказы отца, как тот или иной генерал составлял план сражения, где допустил ошибку и что следовало в действительности сделать во избежание печальных последствий. По словам Сайруса, он вовремя замечал каждый просчет полководцев и немедленно указывал на него Гранту и Маклеллану, упрашивая согласиться с

его оценкой сложившейся ситуации. Раз за разом генералы отклоняли его советы, но впоследствии правота Сайруса неизменно подтверждалась.

И все же у Сайруса хватило ума не повышать себя в звании. Мудрое решение. Начав воинскую службу рядовым, он остался таковым до конца. Из рассказов Сайруса выходило, что он был самым вездесущим и легким на подъем рядовым за всю историю войн, которому нередко доводилось присутствовать одновременно в четырех разных местах. Однако он, действуя скорее всего бессознательно, никогда не рассказывал о разных сражениях в одном и том же повествовании. В глазах Элис и обоих сыновей он был простым рядовым солдатом, который гордится своим званием и не только принимал участие во всех значительных сражениях, но имел свободный доступ на заседания штаба и либо соглашался с генералами, либо оспаривал их решения.

Смерть Линкольна стала для Сайруса страшным ударом, и он на всю жизнь запомнил чувство безысходного горя, которое испытал, услышав печальную весть. Стоило кому-нибудь заговорить на эту тему, как глаза Сайруса застилали слезы, и хотя он сам ничего подобного не утверждал, создавалось стойкое впечатление, что рядовой

Траск являлся одним из самых близких и задушевных друзей Линкольна. Когда у мистера Линкольна возникало желание ознакомиться с положением дел в армии, под которой подразумевались закаленные в боях воины, а не напыщенные тупицы в золотых галунах, он неизменно обращался к рядовому Траску. Непонятно, каким образом Сайрусу удалось убедить в этом окружающих, ведь он ни разу прямо не упомянул о близких отношениях с Линкольном, используя лишь туманные намеки и недомолвки, но можно назвать это ярчайшим примером торжества инсинуации. Никто не рискнул бы назвать рядового Траска лжецом, потому что ложь прочно засела у него в голове, и даже чистая правда, порой срывающаяся с его уст, попахивала враньем.

Очень скоро он начал писать письма, а затем и статьи о недавно закончившейся войне, и его выводы звучали разумно и убедительно. Сайрус развивал свое мышление и в результате стал блестящим военным стратегом. Его критические замечания по поводу минувшей войны и нынешнего положения дел в армии попадали точно в цель, а статьи, появляющиеся в различных журналах, привлекали всеобщее внимание. Письма Сайруса в Военное ведомство тут же перепеча-

тывались в газетах и оказывали существенное влияние на принятие решений по поводу проблем, имевших место в армии. Вполне вероятно, не набери «Великая армия Республики»[1]такого большого политического веса, и не будь ее деятельность столь целенаправленной, Вашингтон не услышал бы голоса Сайруса, и его выступления не имели бы такого громкого резонанса. Однако с мнением человека, выступающего от имени организации, которая насчитывает почти миллион человек, приходится считаться. Именно таким оракулом в военных делах и стал Сайрус Траск. Случалось, с ним советовались по вопросам, касающимся структуры армии, вооружения, взаимоотношений между офицерами и кадрового состава. Осведомленность Сайруса в подобных делах не вызывала сомнений у тех, кому посчастливилось его услышать. Он обладал выдающимися способностями к военным наукам и, кроме того, являлся одним из тех людей, благодаря которым «ВАР» превратилась в

[1] Примечания: 1

«Великая армия Республики» — Общество ветеранов Гражданской войны — северян; образовано в 1866 г. в Декейтере, шт. Иллинойс, для увековечения памяти погибших и оказания помощи их семьям. Было настолько влиятельным, что в течение почти 40 лет контролировало Республиканскую партию в северных штатах, где победа кандидатов на выборах зачастую зависела от поддержки этой организации. — Здесь и далее примеч. пер.

сплоченную и влиятельную силу, оказывающую существенное влияние на жизнь страны. Сайрус сменил в организации несколько неоплачиваемых должностей, но потом занял оплачиваемый пост секретаря, который и занимал до конца своих дней. Он ездил по всей стране, посещая лагерные сборы и всевозможные собрания. Вот так протекала его общественная жизнь.

Новое увлечение Сайруса повлияло и на его частную жизнь. Будучи натурой увлеченной и беззаветно преданной избранному поприщу, он установил военный порядок в доме и на ферме и требовал от жены регулярных отчетов о хозяйственных делах. Вполне вероятно, Элис это устраивало, так как она по природе была немногословна и отдавала предпочтение лаконичным рапортам в армейском духе. Она занималась воспитанием мальчиков и домашними делами, а кроме того, приходилось рассчитывать и беречь силы, хотя об этом Элис не упоминала ни в одном из рапортов, которых требовал муж. Время от времени внезапно накатывал приступ слабости, и тогда приходилось садиться на ближайший стул и ждать, когда полегчает. По ночам она обливалась потом и прекрасно понимала, что больна чахоткой, о которой регулярно напоми-

нал жестокий изнуряющий кашель.

Элис не знала, сколько еще протянет. Некоторые больные жили несколько лет, общих правил тут не существовало. Вероятно, она не решалась рассказать о недуге мужу, который изобретал собственные способы борьбы с болезнью, больше похожие на экзекуцию. Боль в животе лечилась ударной дозой слабительного, после которой человек только чудом оставался в живых. Признайся Элис супругу в недомогании, и Сайрус тут же приступил бы к лечению, способному угробить быстрее любой чахотки. Кроме того, по мере роста боевого духа мужа и перестройки домашнего быта на военный лад Элис быстро усвоила единственный способ, позволяющий выжить простому солдату. Она всеми силами старалась не привлекать внимания к своей персоне, не начинала разговор, пока к ней не обратятся, добросовестно выполняла свои обязанности, но никогда не проявляла инициативы и не стремилась получить повышение в звании. Одним словом, превратилась в неприметного рядового, пристроившегося в замыкающей шеренге. Такой образ жизни казался гораздо проще. Элис все больше уходила в тень, и в конце концов ее вообще перестали замечать.

Зато сыновьям доставалось с лихвой. Сайрус решил, что, несмотря на все недостатки и несовершенство, армия является единственным достойным занятием для мужчины. Его удручало, что из-за деревянной ноги нельзя навсегда остаться солдатом, но для сыновей он не мыслил иного поприща, кроме военной карьеры. Сайрус считал, что службу в армии нужно начинать рядовым, как сделал он сам, и тогда узнаешь всю подноготную на собственном опыте, а не из учебников и чертежей. Он принялся обучать мальчиков приемам строевой подготовки, едва те начали ходить. Когда настало время идти в начальную школу, сыновья уже вовсю маршировали сомкнутым строем, проклиная в душе ненавистную муштру. Отец не давал пощады и при выполнении очередного упражнения отбивал тростью ритм по деревянной ноге. Он отправлял их в длительные походы с тяжелыми, нагруженными камнями рюкзаками за спиной, укрепляя, таким образом, спину и плечи. Сайрус стремился сделать из сыновей метких стрелков и то и дело гонял их на тренировки в рощу за домом.

2

Когда ребенок впервые застает взрослого за неблаговидным поступком или ловит на лжи и в его маленькую смышленую головку приходит понимание, что взрослые вовсе не обладают выдающимся умом, их суждения не всегда мудры, образ мыслей бывает неправильным, а приговоры несправедливыми, детскую душу охватывает отчаяние и смятение. Кумиры свергаются с пьедесталов, и чувство безопасности утрачивается. Что касается падения с пьедестала, то речь идет не о мягкой посадке, нет, низвергнутые кумиры либо разбиваются вдребезги, либо безнадежно вязнут в зловонной грязной жиже. Установить их на прежнее место стоит огромных трудов, и никогда больше они не обретут прежнего блеска и величия. Мир ребенка тоже не вернется к первозданному состоянию и не обретет прежней чистоты и цельности. Взрослеть в таких условиях мучительно больно.

Адам разоблачил отца, и дело не в том, что тот изменился. Другим стал сам Адам. Как любое здоровое живое существо, он ненавидел дисциплину и порядок, но их существование было оправдан-

ным, целесообразным и неизбежным, как корь, которую бессмысленно не принимать или проклинать, к ней можно испытывать только тихую бессильную ненависть. А потом в один прекрасный день Адама вдруг осенило, что методы, которых придерживается отец, не имеют ничего общего с окружающим миром и представляют важность лишь для самого Сайруса, и не важно, как к ним относятся окружающие. Бесконечная муштра и занятия военным делом придуманы не во благо сыновей и служат единственной цели — сделать Сайруса важным человеком. И тут внутренний голос снова подсказал Адаму, что на самом деле отец важным человеком не является. Обычный маленький человечек, но на редкость целеустремленный и обладающий огромной силой воли, нацепивший на себя для пущего шика нарядный гусарский кивер, чтобы казаться повыше. Кто знает, как ребенок делает подобные открытия? Случайный взгляд, нечаянно всплывшая на поверхность ложь или минутная неуверенность? И вот уже в его глазах кумир свергнут с пьедестала.

Адам рос послушным ребенком. Все его существо противилось любому проявлению насилия, он ненавидел скандалы и напряженное молча-

ние в доме, которое угнетает и давит хуже самой громкой ссоры. Мальчик стремился к спокойной жизни, не проявлял жестокости и всячески избегал конфликтов, а потому приходилось прятать свои чувства, так как в любом человеке в той или иной мере живет склонность к насилию. Он скрывал переживания, отгородившись непроницаемой завесой, и по безмятежному взгляду ясных глаз никто не догадывался, какая богатая и насыщенная жизнь бурлит за ней. Это не защищало от оскорблений и нападок, но помогало воспринимать их менее болезненно.

Сводный брат Чарльз, младше Адама немногим больше года, унаследовал отцовскую самоуверенность и напористость. Он родился спортсменом — от природы ловкий, с великолепной координацией и неуемным желанием всегда одерживать победу, которое и способствует успеху в жизни.

Чарльз побеждал Адама во всех соревнованиях, независимо от того, требовалось ли там мастерство, физическая сила или сообразительность. Он выигрывал с такой легкостью, что вскоре утратил интерес к играм с братом и отправился искать достойных соперников в компании других детей. В результате между мальчиками возникла взаимная привязанность, больше похожая на лю-

бовь брата и сестры, чем на дружбу двух братьев. Чарльз дрался со всеми мальчишками, посмевшими обидеть Адама, и, как правило, выходил победителем. Он защищал сводного брата от крутого нрава отца, всячески выгораживая его, и даже, случалось, брал вину на себя. Чарльз испытывал к Адаму особое чувство нежности, которую люди обычно питают к существам беззащитным, наподобие слепых щенков или новорожденных младенцев.

А Адам выглядывал из-за завесы, скрывающей его мысли, и изучал окружающий мир и людей сквозь бездонные колодцы глаз. Вот взять хотя бы отца. Поначалу он казался грозным одноногим великаном, по праву занимающим пьедестал, чтобы маленькие глупые мальчишки чувствовали себя еще ничтожнее и в полной мере осознали собственную глупость. После низвержения с пьедестала Адам увидел в отце приставленного к нему с самого рождения жандарма, которого можно обмануть, обвести вокруг пальца, но возражать и вступать с ним в спор нельзя. В бездонных глазах-колодцах сводный брат Чарльз представал сверкающим яркими красками существом удивительной породы, проворным и ловким, с сильными мускулами. Он

словно явился из другого мира и вызывал такое же восхищение, как потягивающаяся с ленивой грацией грозная черная пантера, и никому не придет в голову сравнивать себя с ней. У Адама также никогда не возникало желания откровенничать с братом, поведать ему о своих чаяниях, неясных мечтах, замыслах и тайных радостях, скрывающихся по ту сторону глаз-колодцев. Все равно что изливать душу приглянувшемуся дереву или пролетающему над головой фазану. Общество Чарльза доставляло Адаму радость сродни той, что испытывает женщина, владеющая крупным бриллиантом. Он зависел от брата, как упомянутая владелица редкого бриллианта зависит от игры, блеска и цены своего сокровища, вселяющей чувство уверенности и надежности, но любовь, привязанность и способность сопереживать оставались выше его понимания.

По отношению к Элис Траск Адам испытывал тщательно скрываемую стыдливую нежность. Он знал, что Элис ему не родная мать, слышал это много раз. По тону, которым говорилось о посторонних вещах, мальчик понял, что когда-то у него была мать, которая совершила постыдный поступок. Наверное, забыла вовремя накормить и загнать в курятник кур или промахнулась,

стреляя по мишени, установленной в роще. И из-за этой оплошности ее теперь здесь нет. Иногда Адаму приходило в голову, что если бы он знал, какой грех совершила мать, то без колебаний последовал бы ее примеру, только бы оказаться подальше от дома.

Элис с обоими мальчиками обращалась одинаково, кормила и следила, чтобы они ходили опрятными, а все остальное оставляла отцу, который ясно и недвусмысленно дал понять, что физическое и умственное воспитание детей является его исключительным правом. Даже хвалил и ругал детей только он сам. Элис никогда не жаловалась, не затевала ссор, ни разу не рассмеялась и не заплакала. С ее губ, привычно сомкнутых в тонкую линию, не сорвалось ни единого возражения или предложения сделать что-нибудь по-своему. Но однажды, когда Адам был еще совсем маленьким, он незаметно для Элис зашел на кухню. Мачеха штопала носки и улыбалась. Адам тихонько выскользнул из дома и побежал в рощу, где у него имелось тайное укрытие под одним из пней. Там он заполз в ямку между дающих надежную защиту корней.

Потрясение было так велико, будто он застал Элис без одежды. Из груди Адама вырывалось

прерывистое дыхание. По сути дела, Элис действительно предстала перед ним обнаженной и беззащитной в тот момент, когда улыбалась. Как только она осмелилась на такую шалость?! И Адам страстно потянулся к ней всей душой, сам не понимая, что происходит. Тоска обездоленного сироты по материнской ласке, желание посидеть на мягких коленях, почувствовать нежные прикосновения любимых рук, прижаться к теплой груди с упругим соском и услышать голос, в котором звучат любовь и сочувствие. Все переживания слились в сладкое, щемящее душу чувство тревожного ожидания, но Адам не знал о существовании таких простых вещей, а как можно тосковать о том, с чем никогда не приходилось сталкиваться?

Разумеется, Адаму не раз приходило в голову, что он ошибся, поддался обману, созданному игрой света и теней. Тогда он снова восстанавливал запечатлевшуюся в памяти картину и ясно понимал, что у Элис улыбались не только губы, но и глаза. Значит, свет здесь ни при чем, и обмануться дважды нельзя.

С тех пор Адам стал следить за каждым шагом мачехи, как во время хитроумной игры, когда караулил сурков на холме. День за днем он часами

вылеживал, припав к земле, и выжидал, когда старые пугливые сурки вынесут детенышей погреться на солнышке. Он тайно шпионил за Элис, наблюдая краешком глаза за ее поведением, и в очередной раз убеждался в своей правоте. Да, ошибки быть не могло.

Когда Элис оставалась одна и была уверена, что ее никто не видит, она давала волю фантазии и тихо улыбалась. Адам не переставал удивляться ее способности мгновенно стереть улыбку с лица и запрятать куда-то очень глубоко, как сурки прячут в норку беззащитных малышей.

Адам бережно хранил драгоценное открытие в сокровенных уголках души и намеревался каким-либо образом отблагодарить за полученную радость. Элис вдруг стала находить подарки наподобие пары гвоздик, яркого перышка из птичьего хвоста или кусочка зеленого сургуча в самых неожиданных местах: то в корзинке для рукоделия, то в потрепанной сумочке, то просто под подушкой. Поначалу находки пугали, но вскоре она привыкла, и когда обнаруживала очередной неожиданный дар, лицо на мгновение озарялось знакомой улыбкой, которая тут же гасла, подобно форели, которая, блеснув чешуей, исчезает в глубине пруда.

Больше всего кашель донимал Элис по ночам, такой громкий и надрывный, что Сайрусу в конце концов пришлось перевести жену в другую комнату, а иначе он не смыкал ночью глаз. Но он часто навещал Элис, прыгая босиком на одной ноге и придерживаясь за стену, чтобы не упасть. Мальчики слышали, как содрогается дом, когда отец скачет к кровати Элис, а потом возвращается назад.

Взрослеющий Адам больше всего на свете боялся дня, когда его заберут в армию, а отец при каждом удобном случае напоминал, что этот день не за горами. Ведь именно Адаму нужно пройти армейскую школу, чтобы стать настоящим мужчиной, потому что Чарльз и без этого уже успел им стать. Действительно, даже в свои пятнадцать лет Чарльз был взрослым мужчиной, с которым опасно связываться, а ведь Адаму уже исполнилось шестнадцать.

3

С годами привязанность между братьями росла. Пожалуй, Чарльз относился к Адаму с некоторым пренебрежением, но за ним скрывалось желание защитить. Однажды вечером мальчики играли

во дворе перед домом в новую игру «чижик». Маленький колышек кладется на землю, и играющий ударяет по одному концу битой. Колышек взлетает в воздух, и в это время его нужно отбить как можно дальше.

Адам не отличался особой ловкостью в играх, но на сей раз, по счастливой случайности, умудрился обыграть брата. Четыре раза подряд он отбил колышек дальше, чем Чарльз. Чувство одержанной победы было новым и необычным, и, опьянев от радости, Адам перестал следить за настроением брата, как привык делать. Он отбил колышек в пятый раз, и тот, жужжа, словно пчела, улетел далеко в поле. Адам повернул счастливое лицо к брату и застыл на месте, будто внутри что-то оборвалось. Злоба, исказившая лицо Чарльза, пугала.

— Все вышло случайно, — смущенно пролепетал Адам. — Больше мне этого ни в жизнь не повторить.

Чарльз положил колышек на землю, ударил битой, и когда тот взлетел вверх, размахнулся еще раз — и промазал. Он медленно двинулся на Адама, буравя его пустыми холодными глазами. Адам в ужасе попятился. Повернуться и броситься наутек не хватило смелости, так как Чарльзу

ничего не стоило его догнать. Он медленно отступал, чувствуя, как все внутри сжимается от страха, и тщетно пытаясь проглотить застрявший в горле комок. Чарльз подошел совсем близко и ударил брата битой по лицу. Адам зажал руками разбитый нос, из которого хлынула кровь, а Чарльз снова замахнулся и с такой силой ударил по ребрам, что едва не вышиб из него дух, а потом огрел по голове и сбил с ног. Адам без чувств упал на землю, а Чарльз изо всей силы пнул его в живот и ушел.

Через некоторое время Адам пришел в себя. Грудь болела, дышалось с трудом. Он попытался сесть и снова упал от пронзившей живот боли. Юноша заметил в окне Элис. Никогда прежде не видел он на лице мачехи такого выражения. Адам не мог определить, что оно означает. Ни следа обычной покорности и мягкости. Скорее ненависть. Элис поймала его взгляд, задернула занавеску и отошла от окна. Адам с трудом поднялся на ноги и, согнувшись, пошел на кухню, где его уже ждали таз с горячей водой и чистое полотенце. В соседней комнате надрывно кашляла мачеха.

Чарльз обладал замечательной способностью никогда не чувствовать за собой вины, что бы

ни случилось. Он ни словом не обмолвился об избиении брата и, похоже, даже не вспомнил об этом происшествии. Однако Адам приложил все усилия, чтобы больше никогда и ни в чем не превосходить Чарльза. Исходящую от брата угрозу он чувствовал всегда, но сейчас ясно осознал, что выигрывать у него ни в коем случае нельзя, разве только чтобы потом убить Чарльза. А Чарльз не мучился угрызениями совести, он просто нашел самый простой способ выплеснуть переполнявшие его чувства.

Чарльз не рассказывал отцу об избиении, Адам тоже хранил молчание, не говоря уже об Элис. Однако Сайрус каким-то образом обо всем узнал. В последующие месяцы он обходился с Адамом на удивление мягко, разговаривал ласковее обычного и больше не наказывал. Почти каждый вечер он вел с Адамом нравоучительные беседы, но без прежней неистовости и жестокости. Доброта отца пугала Адама гораздо больше привычной суровости, и юноше казалось, что его собираются принести в жертву и напоследок перед закланием окружают заботой и лаской. Именно так ублажали людей, предназначенных в жертву богам, чтобы они с радостью взошли на жертвенный алтарь, а не гневили богов унылым видом.

Сайрус терпеливо посвящал Адама в тонкости солдатской службы, и хотя его познания основывались больше на теории, а не на личном опыте, он хорошо разбирался в вопросе и рассказ получался толковым. Он поведал сыну о печальной, но в высшей степени достойной судьбе солдата, о необходимости его существования по причине грехов, в которых погрязло человечество. По словам Сайруса, солдат несет в себе кару за моральное несовершенство людей. Похоже, в процессе рассказа Сайрус открывал многое и для себя, так как из его речей исчез ура-патриотизм и неуемная воинственность прежних лет. Он считал, что от солдата не случайно требуют полного повиновения и покорности. Тогда и в роковой час он безропотно пойдет на бессмысленную омерзительную смерть, проявив смирение в последний раз. Сайрус беседовал с Адамом наедине, не разрешая Чарльзу присутствовать во время их разговоров.

Однажды ближе к вечеру Сайрус взял Адама на прогулку и обрушил на сына шквал мрачных умозаключений, сделанных за долгие годы размышлений и научных изысканий, которые подняли в душе юноши волну кромешного ужаса.

— Ты должен уяснить, — нравоучительным тоном начал Сайрус, — что из всех людей на белом свете солдат является самым безгрешным, так как на его долю выпадают наиболее тяжкие испытания. Попробую объяснить понятнее. Посуди сам, во все времена людей учили, что убийство себе подобных является непростительным злом. Любого человека, совершившего убийство, следует предать смерти, так как это великий грех, возможно, самый страшный из всех, что есть на свете. И вот мы призываем солдата, вкладываем ему в руки орудие убийства и говорим: «Пользуйся им на свое усмотрение, по-хозяйски». Мы не контролируем его действия и никак не сдерживаем. Иди, убивай себе подобных существ из другого рода-племени, чем больше, тем лучше. А уж мы тебя вознаградим за нарушение заповеди, которую учили соблюдать с детства.

Адам облизнул пересохшие губы, намереваясь задать отцу вопрос, но сумел это сделать только со второй попытки:

— Но почему они так поступают? Почему все так устроено?

Слова сына тронули Сайруса до глубины души, и он заговорил тоном, которого Адам от него прежде не слышал.

— Не знаю, — честно признался Сайрус. — Я многое изучил и, возможно, понял, как устроен мир, но не имею ни малейшего представления, почему происходит так, а не иначе. И тебе не следует ждать от людей понимания того, что они совершают. Ведь многое делается бессознательно, так же как пчела производит мед или лиса обмакивает лапы в ручье, чтобы сбить со следа собак. Разве лиса может объяснить свое поведение или пчела помнит о прошедшей зиме и ждет наступления следующей? Когда я понял, что ты должен идти в армию, то решил положиться на волю случая и дать тебе возможность до всего дойти самому. Но потом подумал, а не лучше ли попробовать тебя защитить и поделиться немногими знаниями, которые у меня имеются. Теперь уже совсем скоро. Ведь ты достиг нужного возраста.

— Не хочу, — выдохнул Адам.

— Уже совсем скоро, — повторил отец, словно не расслышав его слов. — Хочу заранее предупредить, чтобы потом не удивлялся. Сначала с тебя сдерут всю одежду, но этим не ограничатся. Тебе не оставят ни капли чувства собственного достоинства, и ты утратишь естественное право жить по своему усмотрению, как ты его понимаешь.

Заставят есть, спать и справлять нужду рядом с другими людьми, а когда снова оденут, ты не сможешь отличить себя от остальных. Нельзя даже повесить на грудь какой-нибудь значок, чтобы выделиться из толпы.

— Не хочу так жить, — заявил Адам.

— Через некоторое время, — продолжил Сайрус, — ты станешь думать и говорить, как все остальные, и поступать так же, как они. В любом отступлении от общих правил почувствуешь угрозу для всей толпы одинаково мыслящих и одинаково действующих людей.

— А если я не соглашусь?

— Да, иногда случается и такое. Время от времени находятся люди, которые не желают выполнять то, что от них требуют. И знаешь, что тогда случается? Вся огромная машина направляет свои усилия на равнодушное и планомерное уничтожение этой непохожести. Твою душу, нервы, тело и разум будут сечь железными прутьями, пока не выбьют опасное инакомыслие. А если все-таки не покоришься, тебя просто изрыгнут и оставят смердеть на обочине, уже не частицу армии, но и не освободившегося от нее человека. С армией лучше не спорить, она действует так в целях самозащиты. Такая потрясающе бессмыс-

ленная и лишенная всякой логики машина, как армия, не может допустить сомнений, которые ослабят ее ряды. Однако если отбросить в сторону ненужные сравнения и издевательские насмешки, то медленно, но верно приходишь к выводу, что в армии имеются свой резон, логика и даже некая пугающая прелесть. Человек, который не принимает существующую в армии систему, совсем не хуже, а порой и лучше других. Слушай хорошенько, потому что я долго над этим размышлял. Некоторые, окунувшись в наводящую тоску рутину солдатской службы, быстро сдаются и теряют индивидуальность, но такие и прежде ничего путного собой не представляли. Может, и ты из их числа. Но есть и другие, они тоже погружаются с головой в общее болото, а потом всплывают на поверхность более цельными натурами, чем были раньше, потому что… потому что избавились от мелочного тщеславия и приобрели неоценимое сокровище, став единым целым со своей ротой или полком. Если падаешь так низко, то сумеешь и подняться на высоту, о которой не мечтал, и познаешь святое счастье дружбы, сродни общению с небесными ангелами. И вот тогда ты сможешь узнать, чего стоит любой человек, даже если он молчит. Но достигнуть

этого можно, лишь опустившись на самое дно.

По дороге домой Сайрус свернул влево и направился в рощу. Уже смеркалось.

— Видите тот пень, отец? — сказал вдруг Адам. — Я часто прятался между корней с той стороны, когда вы меня наказывали или если было просто паршиво на душе.

— Пойдем посмотрим, — предложил отец, и Адам подвел его к пню. Сайрус взглянул на углубление между корнями, похожее на гнездо. — Я давно знаю об этом тайнике, — признался он. — Однажды, когда ты пропадал слишком долго, я догадался, что у тебя есть тайное убежище, и вскоре нашел его. Сердцем чувствовал, какое место ты для него выберешь. Видишь, как притоптана земля и вокруг оборвана трава? Когда ты тут скрывался, то сдирал кору и разламывал ее на кусочки. Я сразу понял, что это здесь.

Адам с изумлением уставился на отца:

— Но вы ни разу не пришли сюда за мной.

— Да, — согласился Сайрус. — А зачем? Так можно любого довести до крайности, но я на это не пошел. Перед смертью человеку всегда нужно оставить хотя бы один путь к спасению. Запомни мои слова! Думаю, я и сам понимал, как жестоко с тобой обошелся, и не хотел подталкивать к

последней черте.

Отец и сын быстрым шагом шли через рощу.

— Хочется столько тебе рассказать, — признался Сайрус. — Потом я все забуду. Так вот, солдат жертвует многим, чтобы получить взамен нечто очень ценное, и ты должен это понять. Со дня появления на свет сама обстановка, существующие в природе законы и правила общения людей учат ребенка защищать свою жизнь. Поначалу им движет великий первобытный инстинкт самосохранения, и все вокруг подтверждает его непреложность. Но вот он становится солдатом, и теперь надо научиться нарушать законы, которые каждый обязан чтить. Солдат должен спокойно, без суеты, освоить науку быть готовым в любую минуту расстаться с жизнью и при этом не свихнуться. И если он ей овладеет, то в награду получит самый бесценный в мире дар. Правда, не каждому это по силам. Послушай, сынок, — с серьезным видом продолжил Сайрус, и в его голосе слышалась неподдельная искренность, — почти все люди испытывают страх и сами не знают, что является его причиной: расплывчатые тени, неизвестность, бесчисленные опасности, которым нет названия, или ужас перед безликой, неумолимой смертью. Но если хватит мужества встретиться

лицом к лицу не с безымянной тенью, а настоящей смертью, которую легко узнать, будь она от пули или сабли, стрелы или копья, страх навсегда исчезнет. По крайней мере тот, что не давал покоя раньше. И вот тогда ты действительно будешь выделяться среди толпы, оставаясь спокойным, когда другие трясутся и вопят от страха. И это великая и, возможно, единственная награда. Чистота высочайшей пробы, к которой не пристает плавающее вокруг дерьмо. Однако уже стемнело. Продолжим разговор завтра вечером, чтобы у нас обоих было время подумать над моими словами.

— Почему вы не ведете таких бесед с братом? — недоуменно спросил Адам. — Пусть Чарльз идет в армию, такая жизнь подходит ему гораздо больше, чем мне.

— Чарльз в армию не пойдет, — отрезал Сайрус. — Бессмысленная затея.

— Но из него получился бы отличный солдат.

— Только с виду, — возразил Сайрус. — Внутри он останется прежним. Чарльзу не знаком страх, а потому он никогда не поймет, что представляет собой настоящее мужество. Он ничего не видит, кроме себя, и не в состоянии осмыслить то, что я попытался тебе объяснить. Отдать Чарльза в армию — значит выпустить на волю все самое

худшее и опасное, что в нем живет и что следует держать в узде. Нет, слишком рискованно, и я на это не пойду.

— Вы никогда не наказываете Чарльза, — обиделся Адам. — Разрешаете делать все, что ему вздумается, и только хвалите. Ни разу не отругали. А теперь еще он и в армию не пойдет.

Он испугался своих слов и остановился, ожидая, что отец обрушит на него свой гнев или презрение, а то и поколотит.

Сайрус молча вышел из рощи с низко опущенной, свисающей на грудь головой. Он переступал со здоровой ноги на деревянную, которая монотонно постукивала по земле. Перед каждым шагом вперед деревяшка уходила в сторону, описывая полукруг.

Уже совсем стемнело, и из открытой двери кухни струился золотистый свет. Элис стояла в дверном проеме, вглядываясь в темноту, но, услышав неровные шаги, ушла на кухню.

Подойдя к крыльцу, Сайрус остановился и поднял голову.

— Ты где? — обратился он к сыну.

— Здесь, у вас за спиной.

— Ты задал вопрос, и думаю, на него надо ответить. Правда, я не уверен, стоит ли это делать.

Ты не блещешь умом, не знаешь, чего хочешь, и позволяешь людям издеваться над собой. Порой мне кажется, что ты просто слабак и всю жизнь просидишь в куче дерьма. Я ответил на твой вопрос? Но я всегда любил тебя больше Чарльза. Наверное, не стоило так говорить, но это правда. Да, тебя я люблю больше. А иначе зачем бы я стремился причинить тебе боль? Ну, хватит стоять, разинув рот. Иди ужинать, а завтра поговорим. У меня разболелась нога.

4

Ужин прошел в молчании, которое нарушали хлюпанье супа и хруст жующих челюстей, да еще отец время от времени взмахивал рукой, отгоняя ночных бабочек от керосиновой лампы. Адаму казалось, что брат исподтишка за ним наблюдает, а когда он вдруг поднял глаза, то поймал на себе взгляд Элис. Закончив трапезу, Адам отодвинул стул и заявил:

— Пожалуй, пойду прогуляюсь.

— И я с тобой. — Чарльз тоже поднялся с места.

Элис и Сайрус проводили их взглядом, и Элис, явно нервничая, обратилась к мужу с вопросом, что случалось крайне редко:

— Что ты натворил?

— Ничего, — откликнулся Сайрус.

— Заставишь его пойти в армию?

— Да.

— А он знает?

Сайрус с мрачным видом уставился в темноту за дверью.

— Знает.

— Ему там будет тяжело. Армия не для таких людей, как он.

— Не важно, — буркнул Сайрус и уже громче повторил: — Не важно. — Судя по тону, он хотел сказать: «Заткнись и не лезь не в свое дело». Некоторое время они сидели молча, а потом он с виноватым видом добавил: — Ведь Адам не твой сын.

Элис в ответ промолчала.

Мальчики шли по изрытой колеями дороге. Впереди виднелись редкие огоньки поселка.

— Что, хочешь заглянуть на постоялый двор и выпить? — предположил Чарльз.

— Да мне и в голову не приходило, — признался Адам.

— Тогда какого черта ты на ночь глядя потащился на прогулку?

— Тебя никто не просил идти со мной, — от-

кликнулся Адам.

Чарльз придвинулся к брату:

— Что он тебе рассказывал днем? Я видел вас вместе. Что он сказал?

— Да просто говорил об армии, как всегда.

— Что-то не похоже. — Чарльз с подозрением посмотрел на брата. — Я видел, как он к тебе наклонился. Он так разговаривает с приятелями. Понимаешь, не рассказывает, а беседует по душам.

— Он просто рассказывал, — терпеливо повторил Адам, стараясь дышать ровно, так как внутри шевельнулся страх и противно засосало под ложечкой. Он сделал глубокий вдох и задержал дыхание, пытаясь с ним справиться.

— И что же он рассказывал? — настаивал Чарльз.

— Про армию и солдатскую жизнь.

— Не верю, — не унимался младший брат. — Лживая тварь! Что ты скрываешь?

— Ничего, — совсем растерялся Адам.

— Твоя сумасшедшая мамочка утопилась! — грубо выкрикнул в лицо брату Чарльз. — Наверное, посмотрев на тебя. Тут любой на себя руки наложит.

Адам тихо выдохнул скопившийся в груди

воздух, стараясь подавить гнетущий страх, и промолчал.

— Ты пытаешься отнять у меня отца! — орал Чарльз. — Не знаю, как тебе это удается. Сам-то соображаешь, что творишь?!

— Ничего я не творю, — прошептал Адам.

Чарльз в один прыжок перегородил Адаму путь, и тому пришлось остановиться. Братья стояли лицом к лицу, почти касаясь друг друга, и тут Адам осторожно попятился, будто увидел змею.

— А помнишь его день рождения? — продолжал возмущаться Чарльз. — Я купил ему немецкий нож за семьдесят пять центов — три лезвия, отвертка и перламутровая рукоятка. Ну и где тот нож? Ты когда-нибудь видел, чтобы отец им пользовался? Может, он отдал нож тебе? Даже ни разу его не наточил! Может, он сейчас у тебя в кармане? Интересно, куда отец подевал нож? А мне только буркнул «спасибо». И все. С тех пор я так и не видел немецкого ножика с перламутровой рукояткой за семьдесят пять центов!

В голосе Чарльза слышался гнев, и Адам почувствовал, как по спине ползет холодок, но он знал, что в запасе еще есть немного времени. Много раз он наблюдал за разрушительной машиной, в которую превращается брат, сокрушая все на

своем пути. Сначала вырывается наружу неудержимая ярость, а ей на смену приходят холодное спокойствие, пустой взгляд и довольная улыбка, играющая на губах. Криков больше не слышно, только шепот. Вот тогда-то машина настраивается на убийство, хладнокровное и рассчитанное до мелочей, когда кулаки наносят умелые и точные удары. Адам судорожно сглотнул слюну, чтобы смочить пересохшее горло. Он не мог подобрать подходящих слов, чтобы урезонить брата, потому что в гневе Чарльз никого не слушал, а вернее, вообще утрачивал способность слышать. В темноте фигура Чарльза казалась ниже ростом, более массивной и широкой в плечах, но он еще не пригнулся, готовясь к решающему прыжку. При свете звезд губы Чарльза влажно блестели, но улыбка на них не играла, а в голосе по-прежнему звучала ярость.

— Что ты подарил отцу на день рождения? Думаешь, я не видел? Может, раскошелился на семьдесят пять или хотя бы пятьдесят центов? Нет, ты принес щенка-дворняжку, которого нашел в роще. Потом еще смеялся, как последний дурак, и говорил, что из него выйдет отличная охотничья собака. Эта псина спит у отца в комнате, он с ней играет и гладит, когда читает. Обучил

дворнягу разным штучкам. А куда подевался мой ножик? «Спасибо» — вот и все, что мне досталось.

Чарльз перешел на шепот и пригнулся.

Адам, в отчаянной попытке спастись, отскочил назад, закрывая руками лицо. Каждое движение его брата было точно рассчитано, а ноги твердо стояли на земле. Он выбросил вперед руку, примеряясь к удару, а потом началось безжалостное, хладнокровное избиение. Мощный удар в живот — и руки Адама бессильно повисли как плети. Затем последовали четыре удара по голове, и Адам услышал, как что-то хрустнуло в носу. Он снова поднял руки и тут же получил удар в грудь. Все это время Адам не сводил с брата растерянного, обреченного взгляда, каким приговоренная к смерти жертва смотрит на палача.

Вдруг, сам того не ожидая, он взметнул кулак вверх, нанося наугад неумелый удар, растворившийся в пустоте. Чарльз быстро наклонился и ловко поднырнул под руку брата, которая в следующее мгновение беспомощно обвилась вокруг его шеи. Адам обнял Чарльза и с рыданиями прижался к нему теснее. Он чувствовал, как кулаки молотят по животу и к горлу подкатывает рвота, но рук не отпускал. Время словно замедлило свой

бег. Чарльз пытался коленом раздвинуть ему ноги, а когда это удалось, нанес сильный удар в пах, и дикая боль белой молнией обожгла все тело. Адам разомкнул руки и согнулся вдвое. У него началась рвота, но это не остановило хладнокровного убийцу.

Град ударов сыпался на голову, лицо, глаза. Кожа на разбитых губах болталась лоскутами, застревая между зубов, но Адам потерял чувствительность, будто на него надели непробиваемый резиновый чехол. В мозгу тупо свербела мысль: почему до сих пор не подкосились колени и сознание остается ясным? Удары обрушивались один за другим, и Адам слышал частое, прерывистое, как у молотобойца, дыхание брата. В тусклом свете звезд, сквозь пелену смешанных с кровью слез, он видел лицо Чарльза. Простодушный, ничего не выражающий взгляд, легкая улыбка на влажных губах. Вдруг полумрак прорезала яркая вспышка света, и все погрузилось в темноту.

Чарльз постоял над братом, жадно хватая ртом воздух, словно выбившаяся из сил собака, а потом направился к дому, потирая на ходу разбитые костяшки пальцев.

Сознание вернулось к Адаму быстро, и в то же мгновение он испытал смертельный страх. В раз-

ламывающейся от боли голове стоял туман, а тело отяжелело от побоев. На дороге послышались торопливые шаги, и он мгновенно забыл о боли. На него накатился животный страх вперемешку со свирепой злобой, как у загнанной в угол крысы. Адам приподнялся на четвереньки и сполз на обочину, в сточную канаву, по краям которой росла высокая трава. Адам осторожно заполз в воду глубиной примерно на фут, стараясь ни единым всплеском не выдать своего присутствия.

Шаги приближались, прошли то место, где укрылся Адам, но потом вернулись. Из своего убежища Адам мог различить только черное пятно на фоне непроглядной ночи. Вот чиркнула спичка, и в слабом свете дрожащего синего огонька он рассмотрел карикатурно искаженное лицо брата. Чарльз поднял спичку повыше, осмотрелся по сторонам, и тут Адам заметил у него в правой руке небольшой топорик.

Спичка погасла, и ночь показалась еще чернее, чем прежде. Чарльз прошел вперед и зажег еще одну спичку, а потом еще одну. Он пытался найти на дороге следы брата, но вскоре бросил эту затею, размахнувшись, зашвырнул топорик в поле и быстро пошел прочь, туда, где тусклым светом мерцали огни городка.

Адам еще долго лежал в холодной воде, размышляя над тем, что сейчас испытывает брат, когда гнев постепенно угасает: панический ужас, раскаяние, угрызения совести или вообще ничего? Все эти чувства Адам переживал вместо брата. Связанный с Чарльзом невидимыми узами, он страдал за его грехи, как в те времена, когда взваливал на себя чужие обязанности и делал за него домашнее задание.

Адам выполз из канавы и поднялся на ноги. От страшных побоев тело задеревенело, а кровь на лице засохла коркой. Он решил подождать на улице, пока отец и Элис улягутся спать. Адам все равно не сможет ответить на их вопросы, так как просто не знает, что сказать, а изворачиваться в поисках правдоподобной лжи воспаленный мозг не в состоянии. Сознание снова стал заволакивать туман, перед глазами забегали синие огоньки, и Адам понял, что сейчас снова упадет без чувств.

Широко расставив ноги, он медленно плелся по дороге. Подойдя к крыльцу, Адам остановился и заглянул внутрь. Подвешенная на потолке лампа отбрасывала желтый круг света, который падал на Элис и стоящую на столе корзинку для шитья. Отец сидел напротив и грыз деревянную ручку.

Время от времени он обмакивал ручку в чернильницу и делал какие-то записи в своем журнале в черном переплете.

Элис подняла глаза и увидела перепачканное кровью лицо Адама. Она в испуге поднесла руку ко рту, прикусив пальцы.

Адам с трудом всполз на первую ступеньку, потом на следующую и прислонился к дверному косяку.

Сайрус тоже поднял голову и посмотрел на сына с равнодушным любопытством, постепенно осознавая, кто перед ним стоит. С озадаченным видом он поднялся с места, положил ручку в чернильницу и вытер руки о штаны.

— За что он тебя так? — тихо спросил Сайрус.

Адам хотел ответить, но во рту пересохло, и язык не хотел слушаться. Он облизнул губы, и изо рта снова пошла кровь.

— Не знаю, — выдавил Адам.

Стуча по полу деревянной ногой, Сайрус подошел к сыну и с такой силой ухватил его за плечи, что тот передернулся от боли и попытался освободиться от отцовских объятий.

— Не смей врать! В чем причина? Вы что, поссорились?

— Нет.

— Рассказывай! — рявкнул Сайрус, выворачивая Адаму руку. — Я хочу знать правду и заставлю тебя говорить! Черт побери, ты всегда его защищаешь! Думаешь, я не знаю? Неужели надеялся меня одурачить?! А теперь давай, рассказывай, а иначе заставлю простоять здесь всю ночь!

Адам лихорадочно подыскивал слова для ответа.

— Он думает, что вы его не любите.

Сайрус отпустил руку сына и, доковыляв до стула, сел. Поболтал ручкой в чернильнице, уставившись невидящим взглядом в журнал.

— Элис, помоги Адаму добраться до кровати. Рубашку, полагаю, придется разрезать. Помоги ему.

Сайрус снова встал и направился в угол, где на вбитых в стену гвоздях висела верхняя одежда, нащупал под ним дробовик, удостоверился, что ружье заряжено, и, хромая, вышел на улицу.

Элис подняла руку, будто желая удержать мужа с помощью невидимой веревки, но веревка оборвалась, а лицо приняло непроницаемое выражение.

— Ступай в свою комнату, — обратилась она к Адаму. — Я принесу таз с водой.

Адам лежал на кровати, укрытый по пояс простыней, а Элис обмывала раны смоченным в

теплой воде платком. Долгое время она молчала, а потом вдруг закончила предложение, которое не успел договорить Адам:

— Он думает, отец его не любит, но ты-то его любишь и любил всегда.

Адам ничего не ответил.

— Он странный мальчик, — снова заговорила Элис. — Нужно его понять. Вся грубость и злоба — это напускное, пока не узнаешь его хорошенько. — Она замолчала и, склонившись, закашлялась. Вскоре приступ прошел, но он отнял у Элис силы, и на щеках зардели два ярких пятна. — Нужно его понять, — повторила мачеха. — Вот уже долгое время он делает мне маленькие подарки, прелестные вещицы, которые мальчишки обычно и не замечают. И он не отдает подарки мне в руки, а прячет там, где я их непременно найду. Можно наблюдать за ним часами, но он ничем себя не выдаст. Нет, надо его понять.

Глава 4
1

А Чарльз в это время опирался о стойку бара в местном питейном заведении и радостно смеялся над забавными россказнями останови вшихся на ночь коммивояжеров. Он извлек из кармана кисет, где позвякивало несколько серебряных монет, и заказал им выпивку, чтобы коммивояжеры рассказали еще что-нибудь. Он ухмылялся, потирая разбитые костяшки пальцев. Приняв угощение, коммивояжеры подняли бокалы и выпили за здоровье Чарльза, который пришел в полный восторг. Он снова заказал выпивку для новых друзей, а потом отправился вместе с ними искать приключений в другом славном местечке.

Выйдя на улицу, Сайрус тяжело заковылял в непроглядную тьму. Душу переполнял бешеный гнев на сына. Не обнаружив следов Чарльза на дороге, он направился в трактир, но сын уже оттуда ушел. Найди отец Чарльза той ночью, он, вероятно, его убил бы или избил до полусмерти. Любой судьбоносный поступок меняет ход

истории, однако вполне вероятно, что в определенной степени это присуще всем событиям вообще, вплоть до самых незначительных, когда, например, наступаешь на камень, валяющийся на дороге, с замиранием сердца смотришь на прелестную девушку или нечаянно ломаешь ноготь, работая в саду.

Разумеется, Чарльзу вскоре донесли, что отец охотится за ним с дробовиком, и парень на две недели исчез, а когда в конце концов вернулся домой, об убийстве не было и речи. Сайрус выплеснул на Чарльза обычную порцию гнева и в виде наказания нагрузил работой, а сын с лицемерным видом демонстрировал покорность отцовской воле.

Адам провел в постели четыре дня. Любое движение причиняло нестерпимую боль, и время от времени он жалобно стонал. На третий день отец на деле подтвердил влияние, которым он пользуется в военных кругах, потешив тем самым свое самолюбие и наградив Адама за страдания. В спальню больного зашел кавалерийский капитан в сопровождении двух сержантов в синих парадных мундирах. Во дворе ждали два солдата, которые держали под уздцы лошадей. Прямо в постели Адама зачислили в армию рядовым

кавалеристом. В присутствии отца и Элис он подписал Военный кодекс и принял присягу. На глазах у Сайруса блестели слезы.

После ухода военных отец долго сидел у постели Адама.

— Я не зря записал тебя в кавалерию, — признался Сайрус. — От долгого сидения в казарме мало радости, а кавалерия занимается настоящим делом. Уж я-то знаю. Тебе придутся по душе походы в земли индейцев. Скоро начнется большая работа. Не имею права говорить, откуда мне известно, но грядет война.

— Да, отец, — откликнулся Адам.

2

Меня всегда удивляло, что в армию, как правило, попадают люди подобные Адаму. Ему совсем не нравилось воевать, и, в отличие от многих других, он так и не полюбил солдатскую службу, испытывая все большее отвращение к насилию. Офицеры не раз присматривались к Адаму, пытаясь уличить его в пренебрежении служебными обязанностями, но повода для обвинений не находилось. За пять лет воинской службы Адам перещеголял по количеству нарядов всех солдат

в эскадроне, но если от его руки и пал хоть один противник, то произошло это по чистой случайности, или пуля попала рикошетом. Будучи метким стрелком, он на удивление часто промахивался. К тому времени война с индейцами походила на полный опасности перегон скота на новое место. Индейские племена подстрекали к мятежу, прогоняли с исконных территорий и безжалостно уничтожали, а те, кому удалось выжить, с угрюмой безнадежностью оседали на бесплодных землях. Работа не слишком приятная, но, принимая во внимание путь развития, который избрала страна, выполнить ее было необходимо.

Адам являлся инструментом в чужих руках и видел не фермы, которые появятся на отвоеванных территориях, а вспоротые животы сильных здоровых людей. Зрелище вызывало омерзение и поражало бессмысленностью. Осознанно стреляя мимо цели, он совершал предательство по отношению к боевым товарищам, но угрызений совести не испытывал. Неприятие насилия крепло с каждым днем, пока не переросло в предрассудок, который, как любой другой, отупляет и препятствует работе мысли. Адам отрицал насилие как таковое, и не важно, над кем и с

какой целью оно совершалось. Болезненная чувствительность — а иначе такое состояние и не назовешь — завладела всем его существом, напрочь вытеснив способность здраво рассуждать. Однако в армейской характеристике ни слова не говорилось о проявленной Адамом трусости. Напротив, ему трижды объявляли благодарность, а впоследствии и наградили за отвагу.

Сопротивление насилию крепло, и Адам, следуя зову сердца, ударился в другую крайность. Много раз он подвергал риску свою жизнь, вынося с поля боя раненых, и в свободное от службы время добровольно работал в полевых госпиталях, невзирая на смертельную усталость. Товарищи смотрели на него со снисходительной симпатией и скрытым страхом, свойственным людям при виде душевных порывов, которые им не дано понять.

Чарльз регулярно писал брату, сообщая новости о жизни на ферме и в городке, о напавшей на коров болезни, родившемся у кобылы жеребенке, пастбищах, что добавились к их угодьям, и о сгоревшем от удара молнии амбаре. Сообщил, что Элис умерла от чахотки, а отец получил оплачиваемую должность в «Великой армии Республики» и переехал в Вашингтон. Как часто

бывает, Чарльз, не умевший красиво выразить словами свою мысль, писал на удивление складно, доверяя бумаге свое одиночество, тревоги и сомнения, а также многое другое, о чем сам не подозревал.

За время своего отсутствия Адам узнал брата гораздо лучше, чем до армии и после возвращения. Благодаря переписке между братьями установилась близость, о которой ни один из них даже не мечтал. Одно письмо Адам хранил особенно бережно. На первый взгляд все в нем было понятно, и все же он усмотрел в послании брата тайный смысл, докопаться до которого не мог.

Дорогой брат Адам! Пишу в надежде, что ты пребываешь в добром здравии. – Чарльз всегда начинал письмо одной и той же фразой, чтобы потом было легче перейти к сути. – *Я пока не получил ответа на последнее письмо, но думаю, у тебя и так дел по горло (ха-ха!). Дожди пошли некстати, и яблоневый цвет погиб, так что яблок на зиму не запасти. Но постараюсь хоть что-то сберечь. Сегодня занимался уборкой. Теперь все в доме мокрое и в мыле, но чище, похоже,*

не стало. Интересно, как это у матери все блестело и сияло? Мне так не суметь. Повсюду какая-то липкая гадость, не знаю, откуда она берется, но отскоблить невозможно. Ну да ладно, по крайней мере я равномерно размазал грязь по дому (ха-ха!).

Отец писал тебе о поездке? Отправился аж в Сан-Франциско, в Калифорнию, на слет «Великой армии Республики». Туда же приедет и военный министр. Отец должен его представить. Теперь-то ему это раз плюнуть! Он уже раза три или четыре встречался с президентом и даже ужинал в Белом доме. И мне хотелось бы взглянуть на Белый дом. Может, съездим на пару, когда вернешься домой? Отец приютит нас на несколько дней, и потом, он все равно захочет с тобой повидаться.

Думаю, мне нужно подыскать жену. Ферма наша хорошая, и пусть я сам не слишком удачное приобретение, ни одна девушка не откажется стать на ней хозяйкой. Как думаешь? Ты не говорил, собираешься ли вернуться домой после армии. Надеюсь, так и будет. Скучаю.

Здесь письмо обрывалось. На листке виднелись царапины и большая клякса, а дописали его уже карандашом, но тон был уже совсем другим.

В приписке карандашом говорилось:

Продолжаю. Ручка вдруг перестала писать. Сломалось перо. Придется идти в поселок за новым. Это совсем ржавое.

Дальше мысли ложились на бумагу более гладко.

Пожалуй, надо было купить новое перо и не связываться с карандашом. Но я засиделся на кухне при включенной лампе и задумался. Вот и не заметил, как наступила ночь. Должно быть, уже за полночь. На часы я не смотрел. В курятнике закукарекал старина Черный Джо, а потом заскрипело матушкино кресло-качалка, будто она сидит там собственной персоной. Ты же знаешь, я в такую чепуху не верю, но вдруг на ум полезла всякая всячина из прошлой жизни. Сам понимаешь, иногда находит. Пожалуй, разорву это письмо. Что толку писать разную ерунду?

Потом слова понеслись вскачь, будто торопились занять свое место на бумаге и не успевали.

Уж если я решил выбросить письмо, пожалуй, все-таки сначала допишу. Дом словно ожил, и со всех сторон смотрят чьи-то глаза. Кажется, стоит выглянуть за дверь – а там люди, только и ждут, чтобы войти. Просто волосы встают дыбом. Да, я вот что хочу сказать… Давно собираюсь… Хочу сказать, что до сих пор в толк не возьму, почему отец так поступил. То есть почему ему не понравился нож, что я подарил на день рождения. Ну почему? Нож был хороший и нужен отцу. Если бы он хоть раз им воспользовался, или по крайней мере наточил, или просто вынул из кармана, чтобы посмотреть. Ничего большего и не требовалось. Если бы нож пришелся отцу по душе, и я бы на тебя не набросился. А так пришлось поколотить. Кажется, матушкино кресло чуть покачивается. Нет, просто игра света. Не верю я во всякую чушь. Мне вот все думается: что-то осталось незаконченным. Так бывает, когда сделаешь

работу наполовину и не знаешь зачем. Да, что-то не сложилось, пошло не так. Мне здесь нечего делать. Я должен путешествовать по свету, а не сидеть на нашей славной ферме и заниматься поисками жены. Произошла какая-то ошибка. Будто дело не доведено до конца и все случилось слишком быстро, а что-то важное упущено. Я должен быть на твоем месте, а ты – здесь. Никогда раньше об этом не думал. Наверное, во всем виновата ночь… Хотя она уже на исходе. Вот выглянул в окно – уже начало светать. Похоже, я так и не уснул. И почему это ночь пролетела так быстро? Спать уже не пойду. Да и все равно не уснуть.

Подпись под письмом отсутствовала. Наверное, Чарльз забыл, что собирался его порвать, и отправил брату. Адам долго хранил послание Чарльза, и всякий раз, когда перечитывал, по телу пробегала дрожь, хотя причины он не понимал.

Глава 5

На ранчо Гамильтонов подрастало потомство, и каждый год на свет появлялся очередной младенец. Джордж был высоким красивым мальчиком, добрым и кротким, и с детства отличался покладистостью и учтивыми манерами. Даже в раннем возрасте он был вежлив и, по словам взрослых, не доставлял никаких хлопот. От отца он унаследовал опрятность во всем, будь то одежда, собственное тело или прическа, и даже в бедном платье выглядел хорошо одетым и подтянутым. Джордж рос безгрешным ребенком и остался таким, когда сделался взрослым. За всю жизнь за ним не числилось ни одного серьезного проступка, совершенного преднамеренно, а случайные оплошности не выходили за рамки порой досадных, но невинных мелочей. Уже в зрелые годы, когда медицина продвинулась вперед, у Джорджа обнаружили злокачественную анемию, и вполне возможно, все его добродетели объяснялись нехваткой жизненной энергии.

Уилл, брат Джорджа, младше всего на год, рос коренастым и крепким. Богатым воображением он не обладал, зато энергия била ключом. С

самого детства Уилл отличался удивительным трудолюбием, и, если ему поручали какое-нибудь дело, повторять дважды не приходилось, он работал без устали. Уилл был человеком консервативных взглядов, и не только в политике, но и во всем остальном. Любые новые веяния он считал революционными, относился к ним подозрительно и с омерзением и решительно их отвергал. Уилл хотел жить так, чтобы никто не мог к нему придраться, а потому приходилось изо всех сил подстраиваться под других людей.

Возможно, на неприязнь Уилла ко всем новшествам и переменам повлиял отец. Взросление мальчика пришлось на период, когда отец прожил в Салинас-Вэлли недостаточно долго, чтобы по праву считаться старожилом. Да он и был здесь чужаком-ирландцем, а ирландцев в то время в Америке недолюбливали и относились к ним с презрением, особенно на Восточном побережье. Впрочем, пренебрежительное отношение к этим людям просочилось и на Запад. Сэмюэл не просто отличался ото всех остальных жителей долины, он постоянно что-то изобретал и был неистощим на разные выдумки. В маленьких, живущих в своем крошечном мирке общинах к таким людям всегда относятся с подозрением, пока они своим

поведением не докажут, что не представляют опасности для окружающих. Незаурядный яркий человек наподобие Сэмюэла всегда доставляет массу беспокойства. К примеру, к нему могли проникнуться симпатией женщины, мужья которых и сами понимали, что не представляют собой ничего интересного. Кроме того, он был хорошо образован, много читал, покупал и брал у людей книги и знал такие вещи, которые вроде бы и не нужны, потому что их не съешь, не наденешь на себя и не используешь в хозяйстве. А еще интересовался поэзией и ценил хорошую литературу. Стань Сэмюэл богачом, вроде Торнов или Делмаров, и поселись в большом красивом доме на равнине, он непременно бы собрал замечательную библиотеку.

У Делмаров библиотека имелась — большая комната, заполненная книгами, с отделанными дубом стенами. Сэмюэл брал у них книги и прочел гораздо больше, чем сами хозяева. В то время богатому человеку позволялось иметь хорошее образование. Он мог отправить сына учиться в колледж, не вызывая пересудов, носить по будням жилет, белую рубашку с галстуком и перчатки, а также содержать ногти в чистоте. У богатых свои, непонятные для простых людей

жизнь и привычки, и кто знает, что им пригодится, а что — нет. Другое дело бедняк. Зачем ему поэзия, живопись или музыка, под которую не споешь и не спляшешь? Разве подобная чепуха поможет собрать хороший урожай или одеть детишек? А уж если он упорствует и продолжает чудить, то, наверное, имеет на то причины, в которые лучше не вникать.

Взять хотя бы Сэмюэла. Прежде чем приступить к работе с деревом или железом, он делает чертеж. Это понятно и абсолютно правильно. Остается только позавидовать. Но на полях чертежей он делает непонятные зарисовки: деревья, лица людей, животных или жуков, а иногда и вообще не разберешь что. Люди только смущенно посмеивались над его чудачествами. И потом, никогда не угадаешь, что у Сэмюэла на уме, что он скажет и как поступит. От него можно ждать чего угодно.

В первые годы жизни в Салинас-Вэлли люди относились к Сэмюэлу с недоверием. Возможно, в раннем детстве Уилл слышал разговоры, которые велись в магазине в Сан-Лукасе. Мальчишкам не нравится, когда их отцы не похожи на других мужчин. Вероятно, именно тогда и пустил корни его консерватизм. Позже, когда родились

и подросли другие дети, Сэмюэл стал в долине своим, и им гордились, как гордится своим приобретением владелец павлина. Люди перестали его бояться, так как Сэмюэл не соблазнял чужих жен и не нарушал их размеренной серой жизни. В Салинас-Вэлли полюбили Сэмюэла, но к тому времени характер Уилла уже успел сформироваться.

Некоторые люди, порой совсем того не заслуживая, становятся настоящими баловнями судьбы и без малейших усилий получают все, чего пожелают. К их числу принадлежал и Уилл Гамильтон. Он получал от судьбы подарки, которые мог по достоинству оценить. Уиллу везло с детства. В отличие от отца, который так и не научился наживать деньги, Уиллу они сами плыли в руки. Стоило Уиллу Гамильтону завести кур и они начали нестись, как цены на яйца сразу подскочили. В ранней юности два его приятеля, которые содержали небольшой магазинчик, оказались на грани бесславного банкротства и попросили у Уилла немного денег, чтобы расплатиться по счетам за квартал. Желая хоть как-то отблагодарить друга, они предложили взять его в долю третьим владельцем. Уилл не был скрягой и ссудил приятелей нужной суммой. Через год

дела в магазинчике пошли на лад, через два он заметно вырос и стал солидным магазином, а через три открылось уже несколько филиалов. Сейчас дочерние магазины образовали огромную торговую сеть, которая занимает ведущее положение во всем штате.

Кроме того, в уплату давно просроченного долга Уилл получил мастерскую по ремонту велосипедов, а через некоторое время несколько богачей в долине купили автомобили, и его механик стал на них работать. Потом к Уиллу привязался один неугомонный мечтатель, стремившийся выразить свои чаяния в латуни, чугуне и резине. Звали этого человека Генри Форд, а его планы выглядели смехотворными, не сказать хуже — противозаконными. Уилл после долгих уговоров согласился стать его представителем в южной части Салинас-Вэлли, а через пятнадцать лет вся долина кишела «фордами», а сам Уилл разбогател и разъезжал на «мармоне».

Третий сын Гамильтонов Том пошел в отца. Он появился на свет с яростным воплем, и вся его жизнь была яркой, как вспышка молнии. Том очертя голову, с безудержной радостью бросился в ее пучину. Он не открывал заново окружающий мир и людей, а творил их сам, брал книги

отца и читал их как первооткрыватель, живя во вселенной, сияющей первозданной красотой и свежестью, как рай на шестой день сотворения мира. Отпущенный на свободу разум резвился будто беззаботный жеребенок на тучном пастбище, и когда впоследствии жизнь стала воздвигать перед Томом преграды, он бесстрашно бросался грудью на колючую проволоку. Даже когда его со всех сторон окружили высоким частоколом, Том прорвался и вышел на волю. Он был способен на великую радость и всепоглощающую скорбь, а потому смерть любимой собаки воспринял как конец света.

Том унаследовал от отца изобретательность, но оказался более дерзким и решительным. Он брался за дела, о которых отец даже подумать боялся. Кроме того, в отличие от Сэмюэла, его обуревали не дающие покоя похотливые желания. Возможно, именно по вине неуемного зова плоти он всю жизнь оставался холостяком. Том родился в высоконравственной семье, и вполне вероятно, что из-за определенного вида снов и возникавших в связи с ними желаний, которые удовлетворялись непотребными способами, он чувствовал себя достойным презрения ничтожеством и время от времени убегал в горы, чтобы

выплакаться. В характере Тома необузданность удивительным образом сочеталась с кроткой добротой. Он трудился до седьмого пота, чтобы хоть так подавить пагубное влечение.

Ирландцы и в самом деле обладают склонностью к безудержному веселью, но на закорках у каждого сидит угрюмый зловредный призрак, который заглядывает в душу и читает мысли. Стоит ирландцу рассмеяться чуть громче, чем принято, и призрак тут же затыкает глотку длинным костлявым пальцем. Одним словом, ирландцам свойственно себя осуждать еще до того, как предъявят обвинение, а потому они всегда держатся настороже.

В девятилетнем возрасте Тома не на шутку встревожила задержка речи у младшей сестры, прелестной Молли. Он попросил девочку открыть рот и обнаружил под языком перепонку, которая и являлась причиной всех бед. «Я могу все исправить», — пообещал Том и повел сестру в укромное местечко подальше от дома. Наточив о камень перочинный нож, он резанул по преграде, вставшей на пути у слов, а потом убежал и долго мучился приступами рвоты.

По мере регулярного прибавления в семействе Гамильтонов рос и их дом, изначально рас-

считанный на большое количество пристроек, появляющихся по мере надобности. Комната и кухня, из которых поначалу состоял весь дом, вскоре затерялись в их беспорядочных лабиринтах.

Между тем Сэмюэлу так и не удалось разбогатеть. У него появилась крайне вредная привычка патентовать все подряд. Многие стали жертвами этой болезни. Он придумал приставку к молотилке, благодаря чему она стала работать гораздо продуктивнее всех существующих на тот момент аналогов, а стоила дешевле. Расходы на патентного адвоката съели мизерную прибыль за год. Сэмюэл отослал макеты машины одному промышленнику, который забраковал чертежи, но не замедлил взять на вооружение саму идею. Потом в течение нескольких лет семья жила впроголодь, так как все средства уходили на судебную тяжбу. Выкачивание денег прекратилось, только когда Сэмюэл проиграл процесс. Так состоялось его первое нелицеприятное знакомство с непреложным правилом, которое гласит, что сражаться с деньгами можно, только располагая еще большими деньгами. Но Сэмюэл уже заразился патентной лихорадкой, и год за годом все средства, заработанные молотьбой и работой в

кузнице, поглощали патенты. Дети Гамильтонов ходили босиком, в заплатанной одежде и часто недоедали, чтобы отец имел возможность заплатить за хрустящие светокопии с изображением шестеренок, вертикальных проекций и плоскостей.

Одни люди мыслят широко, а другие — узко. Сэмюэл и его сыновья Том и Джо мыслили масштабно, а мышление Джорджа и Уилла оставалось ограниченным. Четвертого сына Гамильтонов, Джозефа, вечно погруженного в мечты, обожала и всячески оберегала вся семья. Мальчик рано понял, что беспомощная улыбка является лучшим способом увильнуть от работы. Все его братья росли тружениками, и им было проще сделать работу самим, чем заставлять Джо. Отец и мать считали его прирожденным поэтом, так как ни на что другое парень не годился. Они так старательно вбивали сыну в голову эту мысль, что в конце концов Джо начал пописывать непритязательные стишки, дабы подтвердить правоту родителей. Он был безнадежно ленив не только телом, но и умом, проводя жизнь в мечтаниях и грезах. Однако мать любила его больше остальных детей, считая беззащитным и беспомощным. В действительности же Джо вовсе

таковым не являлся и получал все, чего душа пожелает, причем с минимальными усилиями. Одним словом, Джо был в семье любимцем.

В Средние века юношу, не способного как следует владеть мечом и копьем, отправляли в священники, в семействе же Гамильтонов непригодность Джо к работе на ферме и в кузнице открыла ему путь к высшему образованию. Он не был ни болезненным, ни слабым, но он не мог поднимать тяжести, скверно ездил верхом и всем сердцем ненавидел лошадей. Вся семья смеялась с умилением, вспоминая, как Джо учился пахать. Первая кривая борозда петляла подобно текущему по равнине ручейку, а вторая всего раз наехала на нее и, пройдя поперек поля, умчалась в неизвестном направлении.

Постепенно Джо отстранился от всех обязанностей на ферме. Лайза оправдывала сына и говорила, что его мысли витают в облаках, будто это является уникальным достоинством.

Когда стало ясно, что Джо не справляется ни с одним делом, отец поручил ему пасти стадо из шестидесяти овец. Это самая легкая работа, не требующая никакого умения. Нужно только все время находиться рядом с овцами. И Джо умудрился их потерять, все шестьдесят, и не

мог их отыскать на дне ущелья, где животные сгрудились в поисках тени. Как гласит семейное предание, после этого случая Сэмюэл созвал всю семью и заставил детей дать клятву, что после смерти отца они позаботятся о Джо, а иначе он умрет с голода.

Вперемежку с мальчиками в семье Гамильтонов родилось пятеро дочерей. Старшая Уна, серьезная темноволосая девочка, прилежная в учебе. Лиззи… Нет, должно быть, старшей была Лиззи, потому что ее назвали в честь матери. О Лиззи я мало что знаю. Похоже, она с детства начала стыдиться своей семьи, рано вышла замуж и покинула отчий дом, появляясь потом только на похоронах. Из всех Гамильтонов только Лиззи отличалась злобным нравом и умела ненавидеть. У нее родился сын, а когда он подрос и женился на девушке, которая пришлась Лиззи не ко двору, она много лет с ним не разговаривала.

Потом родилась Десси, неутомимая хохотушка, и всем хотелось посидеть в ее компании, потому что ни с кем другим не было так весело.

Дальше шла Олив, моя мать, и последней была Молли, маленькая белокурая красавица с глазами как фиалки.

Так и росли дети Гамильтонов, и просто чу-

до, как сухонькая маленькая Лайза умудрялась рожать их каждый год, кормить, печь хлеб, обшивать, да еще учить хорошим манерам и жестким моральным устоям.

Удивительно, как Лайза умела подчинить детей своей воле. Она пребывала в полном неведении об окружающем мире, не читала книг и никуда не ездила, не считая долгого путешествия из Ирландии в Америку. У нее не было других мужчин кроме мужа, но и на близость с ним Лайза смотрела как на тягостную, а порой и мучительную обязанность. Большая часть жизни ушла на вынашивание и воспитание детей, а все сведения об окружающем мире черпались из Библии, не считая бесед с Сэмюэлом и детьми, но болтовню детей она не слушала. В Библии для Лайзы сосредоточился весь мир, с его историей, поэзией, внутренним устройством, изучением человеческих душ, моральными принципами и поисками пути к спасению. Она не анализировала содержание Библии и не старалась вникнуть в его суть, а просто читала, не обращая внимания на многочисленные противоречия и несоответствия, которые ее нисколько не смущали. В конце концов она выучила Библию наизусть и привычно пробегала глазами по строчкам, не

задумываясь над словами.

Лайза пользовалась всеобщим уважением, так как была женщиной добропорядочной, вырастила хороших, почтительных детей, и у нее имелись все основания для гордости. Муж, дети и внуки относились к Лайзе с почтением. Она обладала непреклонной волей, никогда не шла на компромисс, свято веря в собственную правоту, которую противопоставляла всеобщим заблуждениям, вызывая благоговейный трепет, лишенный сердечной теплоты.

Лайза люто ненавидела спиртное и считала прием любого алкогольного напитка преступлением против Господа, которого люди и без того достаточно прогневили. Сама она спиртного в рот не брала и упорно отказывала в этой радости другим. В результате Сэмюэла и детей так и тянуло тайком приложиться к рюмке.

Как-то раз Сэмюэл захворал и попросил у жены стаканчик виски, чтобы облегчить страдания.

— Неужели ты намерен, представ перед Господом, дышать на него перегаром? — нахмурилась Лайза, вздернув маленький упрямый подбородок. — Ни за что не допущу такого безобразия!

Не получив желанного облегчения, Сэмюэл молча повернулся на другой бок.

В семьдесят лет, когда возраст стал напоминать о себе все чаще, врач порекомендовал Лайзе принимать по столовой ложке портвейна в качестве лекарства. Первую ложку она, кривясь, проглотила с трудом, но лекарство оказалось не таким уж отвратительным на вкус. С той поры от нее всегда попахивало вином. Поначалу Лайза пила портвейн строго по столовой ложке, считая его лекарством, но постепенно доза увеличилась до кварты[2], и Лайза стала чувствовать себя более раскрепощенной и счастливой.

Сэмюэл и Лайза Гамильтон успели вырастить и поставить на ноги всех детей еще до начала двадцатого века. На ранчо к востоку от Кинг-Сити подрастала целая орава молодых Гамильтонов, и эти юноши и девушки были американцами. Сэмюэл так и не вернулся в Ирландию и постепенно совсем ее забыл. Он был человеком занятым и не имел времени предаваться тоске по родине. Весь мир для Сэмюэла сосредоточился на Салинас-Вэлли, и одной поездки в город Салинас, расположенный на севере, в самом начале долины, хватало на весь год. Бесконечная работа на ранчо и забота о многочисленном семействе,

---

[2] Примечания: 2
Кварта — в США примерно 0,94 литра.

которое надо накормить, одеть и обуть, отнимала почти все время. Почти, но не все. Энергия у Сэмюэла по-прежнему била через край.

Дочь Уна, серьезная темноволосая девушка, была прилежной ученицей, и отец гордился ее от природы пытливым умом. Олив готовилась к окружным экзаменам после окончания средней школы в Салинасе. Она хотела стать учительницей, и это было так же почетно, как в Ирландии иметь в семье священника. Джо намеревались отправить в колледж, так как ни на что путное он не годился. Уилл уверенно двигался к уготованному судьбой богатству, Том шел по жизни, набивая шишки и зализывая раны, а Десси училась на портниху. Что до красавицы Молли, то никто не сомневался, что в один прекрасный день она выйдет замуж за солидного обеспеченного человека.

О дележе наследства речи не велось. Раскинувшееся на холмах ранчо занимало большую территорию, оставаясь катастрофически бедным. Сэмюэл бурил для соседей скважину за скважиной, но так и не нашел воду на собственной земле. Сложись обстоятельства по-иному, и Гамильтоны жили бы вполне обеспеченно, но единственным источником воды по-прежнему оставалась жал-

кая струйка, которую качали из скважины рядом с домом, порой уровень воды резко падал, а дважды она и вовсе пересыхала. Скот приходилось гнать на водопой с дальнего конца ранчо, а потом снова отправлять на пастбище.

В общем, семья Гамильтонов получилась крепкой и дружной, надежно обосновалась в Салинас-Вэлли и жила не беднее и не богаче многих других. Гармоничная семья, среди членов которой имелись консерваторы и радикалы, витающие в облаках мечтатели и твердо стоящие на ногах реалисты. Сэмюэл всей душой радовался плодам, выросшим из его семени.

Глава 6
1

После ухода Адама в армию и отъезда Сайруса в Вашингтон Чарльз жил на ферме один. Он хвастался, что подыскивает жену, но не предпринимал обычных в таких случаях шагов, которые медленно, но верно ведут к законному супружеству. Он не назначал девушкам свиданий, не водил их на танцы и не пытался подвергнуть проверке их целомудренность. Дело в том, что Чарльз страшно робел перед девушками и, как все стеснительные мужчины, удовлетворял плотские потребности в обществе проституток. Робкий мужчина чувствует себя с проституткой уверенно. Он заранее платит женщине за услуги, и та превращается в товар, с которым можно обращаться по своему усмотрению: славно повеселиться или вести себя как грубое животное. К тому же исчезает вероятность получить отказ, при одной мысли о котором у стеснительного мужчины подводит живот.

Система общения с проститутками отличалась простотой и хранилась в строжайшей тайне. У

хозяина постоялого двора имелось на втором этаже три комнаты для проезжих путешественников, которые он сдавал на две недели девицам легкого поведения. По истечении этого срока им на смену прибывала другая бригада девушек. Хозяин постоялого двора мистер Хэллам в этом не участвовал и с полным правом мог утверждать, что пребывает в неведении относительно дел, творящихся наверху. Просто он получал плату за три комнаты в пятикратном размере, а сводничал, вербовал, перевозил, наказывал и обирал девиц живший в Бостоне сутенер по имени Эдвардс. Девушки, не торопясь, переезжали из одного городка в другой, нигде не задерживаясь дольше двух недель. Такая система полностью себя оправдывала. Краткое пребывание бригады проституток в городке не успевало вызвать недовольство местных жителей или начальника полиции. Основную часть времени они проводили в отведенных номерах и не появлялись в общественных местах. Им запрещалось напиваться, дебоширить и влюбляться, а ослушниц избивали до полусмерти. Еду тоже подавали в номера, а всех клиентов тщательно проверяли и пьяных к девушкам не пускали. По истечении полугода каждой девушке полагался месячный

отпуск, во время которого она могла уйти в загул и беспробудно пить. Однако стоило какой-нибудь из девиц в рабочее время нарушить установленные правила, и мистер Эдвардс лично сдирал с нее одежду, затыкал кляпом рот и безжалостно избивал кнутом. За повторную провинность девушка оказывалась в тюрьме по обвинению в бродяжничестве и проституции.

Двухнедельное пребывание на одном месте имело еще одно преимущество. Многие девушки болели, но почти всегда успевали скрыться, прежде чем их подарок клиенту даст о себе знать, и бедняге было не на ком сорвать злость. Мистер Хэллам ничего не знал, а мистер Эдвардс предпочитал не распространяться о характере своего бизнеса и получал хороший доход от придуманной системы.

Все девицы были похожи друг на друга, дородные, ленивые и глуповатые, и клиенты не замечали между ними особой разницы. Чарльз Траск имел обыкновение посещать постоялый двор не реже двух раз в месяц. Он тайком крался на второй этаж, быстро завершал свое дело и возвращался в бар, чтобы принять на грудь.

В доме Трасков и в прежние времена было не слишком весело, но, когда здесь остался один

Чарльз, он стал еще более мрачным и, тихо поскрипывая, приходил в упадок на глазах. Кружевные занавески посерели, полы, несмотря на то что Чарльз их подметал, были сырыми и липкими. От постоянного жарения на сковородках стены, окна и потолок в кухне покрылись толстым слоем жира.

Жены Сайруса содержали дом в чистоте и успешно боролись с грязью, устраивая дважды в год генеральную уборку, во время которой отскабливали до блеска пол и стены. Чарльз и подметал-то в доме нечасто. Он убрал простыни и спал на одеяле, а вторым накрывался. Что толку наводить чистоту в доме, если все равно никто не видит? Мылся и облачался в чистую одежду он только перед очередным визитом на постоялый двор.

Чарльза не покидало странное беспокойство, из-за которого он просыпался на рассвете. Терзаясь от одиночества, он работал на ферме не покладая рук, а придя домой, наскоро жарил ужин, набивал живот и с тупой апатией погружался в сон.

На его смуглом лице застыло мрачное безразличное выражение, присущее одиноким людям. Чарльз тосковал по брату больше, чем по матери

и отцу, и предавался далеким от действительности воспоминаниям о той поре, когда Адам жил дома. То было счастливое время, и Чарльз хотел, чтобы оно вернулось.

Несколько лет он ничем не болел, не считая хронического несварения желудка, характерного, как в те годы, так и сейчас, для одиноких мужчин, которые сами готовят пищу и съедают ее также в одиночестве. С этим недугом Чарльз боролся с помощью сильного слабительного по названию «Эликсир жизни папаши Джорджа».

Единственный несчастный случай произошел с ним на третий год одинокой жизни. Чарльз выкапывал булыжники и перевозил их на тележке к каменной стене. Один большой булыжник никак не удавалось сдвинуть с места, и Чарльз использовал в качестве рычага длинный железный лом, который подсунул под камень. Однако булыжник раз за разом скатывался на прежнее место. И тут Чарльз вышел из себя. По губам пробежала легкая улыбка, и он в немой ярости обрушился на камень, будто перед ним стоял человек. Чарльз просунул лом еще глубже и налег на него всей тяжестью. Лом выскользнул из рук и ударил верхним концом по лбу. Несколько минут Чарльз лежал в поле без сознания, потом перевернулся и,

встав на ноги, заковылял к дому, ничего не видя перед собой от застилающей глаза боли. Через весь лоб до самой переносицы вздулся длинный рваный рубец. Несколько недель Чарльз носил повязку, сквозь которую проступал гной, но это не вызывало тревоги, так как в то время гной считался хорошим признаком, свидетельствующим, что рана заживает как положено. Когда же она действительно зажила, на лбу остался длинный бугристый шрам. Обычно шрамы светлее здоровой кожи, но у Чарльза шрам почему-то потемнел. Возможно, в рану попала ржавчина, въелась в кожу, и получилось нечто наподобие татуировки.

Рана Чарльза не беспокоила, чего не скажешь о шраме. Будто кто-то приложил ко лбу длинный палец. Он часто изучал шрам, глядя в маленькое зеркальце над печью, и даже стал зачесывать на лоб волосы, чтобы он не бросался в глаза. Чарльз стыдился и люто ненавидел свой шрам, начинал нервничать и впадал в ярость, когда кто-нибудь интересовался его происхождением. В письме к брату Чарльз описал свои чувства:

Будто кто меня заклеймил, как корову, – писал он. – *Проклятая штука стано-*

вится все темнее, а когда ты вернешься, наверное, вовсе почернеет. Не хватает еще одного поперек, и стану ни дать ни взять, как папист в день покаяния. Не пойму, почему это так тревожит, ведь у меня полно и других шрамов. А тут как будто меня пометили. Стоит пойти в город или на постоялый двор, все на него глазеют и судачат, когда думают, что я не слышу. И с чего их любопытство распирает? Если и дальше так пойдет, вообще перестану ходить в город.

2

В 1885 году Адам демобилизовался из армии и отправился в долгий путь домой. Внешне он изменился мало, так и не приобретя военной выправки, что после службы в кавалерии и неудивительно. В некоторых эскадронах кавалеристы гордятся походкой вразвалку.

Адам жил как во сне. Резкая перемена привычного, пусть и ненавистного уклада жизни, всегда дается нелегко. По утрам он просыпался в одно и то же время, секунда в секунду, и подолгу лежал в кровати в ожидании сигнала «подъем». Ноги

тосковали по плотно облегающим крагам, а без жесткого воротничка шея казалась голой. По прибытии в Чикаго он непонятно зачем снял на неделю меблированную комнату, прожил там два дня и отправился в Буффало, но передумал и поехал на Ниагарский водопад. Домой Адаму не хотелось, и он, как мог, оттягивал момент возвращения. Мысли о доме радости не вызывали, а те чувства, что довелось там пережить, давно умерли, и воскрешать их желания не возникало. Будто загипнотизированный, он часами смотрел на водопад, рев которого оказывал одурманивающее действие.

Как-то вечером на Адама напала разъедающая душу тоска по тесным солдатским казармам и походным палаткам, и вдруг возникло непреодолимое желание окунуться в самую гущу толпы, не важно какой, лишь бы почувствовать человеческое тепло. Первым, подвернувшимся по дороге людным местом оказался маленький, битком набитый прокуренный бар. С радостным облегчением он угнездился в людской гуще, словно кошка, высмотревшая укромный уголок в поленнице. Адам заказал виски и принялся неторопливо отхлебывать из стакана, чувствуя, как по телу расползается приятная теплота. Он

никого не видел и не слушал чужих разговоров, а просто наслаждался близостью людей.

Было уже совсем поздно, посетители бара начали расходиться, и Адам с ужасом подумал о моменте, когда придется вернуться домой. Вскоре он остался один в компании бармена, который яростно протирал стойку из красного дерева, всем своим видом давая понять, что пора уходить.

— Налей-ка еще одну, — обратился он к бармену.

Бармен выставил на стойку бутылку, и Адам только сейчас заметил ярко-красное пятно у него на лбу.

— Я нездешний, — признался Адам.

— На водопадах большинство посетителей приезжие, — ответил бармен.

— Я служил в армии, в кавалерии.

— Вон оно что! — откликнулся бармен, не желая поддерживать разговор.

Адам вдруг почувствовал непреодолимое желание поразить этого человека, прорваться сквозь стену безразличия.

— Воевал с индейцами, — продолжил он свой рассказ. — Вот были времена!

Бармен не произнес в ответ ни слова.

— У моего брата тоже отметина на голове.

Бармен потер рукой красную метку:

— Она у меня с рождения, и с каждым годом становится все больше. Твой брат тоже с ней родился?

— Нет, случайно поранился. Он мне об этом написал.

— Обратил внимание, что моя отметина похожа на кошку?

— И правда похожа.

— Вот ко мне с детства и прилипла кличка Кот. Говорят, матушку напугала кошка, когда она меня носила.

— А я еду домой. Давно там не был. Выпьешь со мной?

— Спасибо. А где ты остановился?

— В пансионате миссис Мэй.

— Как же, знаю. Говорят, она потчует постояльцев супом, чтобы меньше мяса съели.

— Да, в любом ремесле есть свои тонкости, — задумчиво протянул Адам.

— Вот именно. В моем деле тоже немало премудростей.

— Истинная правда, — согласился Адам.

— Жаль только, главной премудрости я не знаю.

— И что же это?

— Да как выпроводить тебя домой и закрыть бар.

Адам молча уставился на бармена.

— Шучу, — попытался исправить неловкость бармен.

— Пожалуй, отправлюсь поутру домой, — сообщил Адам. — То есть вернусь в свой дом.

— Что ж, желаю удачи, — откликнулся бармен.

Ускоряя шаг, Адам брел по темному городу, будто хотел убежать от преследующего по пятам одиночества. Под угрожающий скрип ступеней он поднялся на просевшее крыльцо пансиона. В прихожей тускло светила керосиновая лампа. Кто-то предусмотрительно прикрутил фитиль, и огонек дрожал как при последнем издыхании.

В дверях комнаты застыла фигура хозяйки. Тень от ее носа падала на кончик подбородка, а холодные, словно на портрете, глаза следили за каждым его движением. Миссис Мэй принюхивалась к запаху виски, исходившему от постояльца.

— Доброй ночи, — пробормотал Адам, но хозяйка не ответила на приветствие.

На площадке верхнего этажа он оглянулся. Миссис Мэй стояла, подняв голову, и тень от носа уже падала на шею, а зрачков совсем не было видно.

В комнате Адама пахло многолетней пылью, которая неоднократно намокала, а потом снова высыхала. Он вынул коробок, чиркнул спичкой и зажег огрызок свечи в черном лакированном подсвечнике. Огонек осветил провисшую, как гамак, кровать, покрытую грязным лоскутным стеганым одеялом, по краям которого вылезли клочья ваты.

Ступени снова заскрипели, и Адам понял, что хозяйка заняла позицию в дверях, намереваясь выплеснуть скопившееся недовольство на очередного постояльца.

Он сел на жесткий стул, опершись локтями о колени, и обхватил руками лицо. Ночную тишину нарушил надсадный кашель, доносившийся из соседнего номера.

И тут Адам осознал, что не может вернуться домой. Много раз он слышал от бывалых солдат подобные истории и сейчас собирался последовать их примеру.

«Я просто не мог это пережить. Некуда податься. Друзей и знакомых нет. Поколесил по стране и очень скоро перетрухнул, как малое дитя. Сам не помню, как оказался у дверей казармы и принялся упрашивать сержанта, чтобы взял обратно. Будто он делает мне большое одолжение».

Возвратившись в Чикаго, Адам заключил повторный контракт на военную службу и попросился в свой полк. Поезд повез его на восток, и сослуживцы из родного эскадрона казались самыми близкими людьми.

В ожидании пересадки в Канзас-Сити он услышал свое имя, и в следующую минуту ему в руку сунули депешу, приказ явиться в Вашингтон в канцелярию военного министра. За пятилетнюю службу в армии Адам даже не выучил, а впитал каждой клеточкой сознания правило не удивляться никаким приказам. Рядовому солдату далекие военные божества в Вашингтоне казались сумасшедшими, о которых лучше не думать и не вспоминать, если сам хочешь остаться в здравом уме.

Явившись в положенный срок в канцелярию, Адам назвал секретарю свое имя и уселся ждать в приемной, где и нашел его отец. Адам не сразу узнал Сайруса, и ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя от изумления. Сайрус стал большим человеком и одевался соответственно положению: пиджак и брюки из тонкого черного сукна, черная широкополая шляпа и пальто с бархатным воротником. Картину довершала трость из эбенового дерева, которой Сайрус

манипулировал как шпагой. И вел себя Сайрус как подобает большому человеку. Неспешная доброжелательная речь, размеренная и без суеты, отсутствующая прежде широта в движениях и новые вставные зубы, придающие улыбке особое коварство и сходство с лисьим оскалом, независимо от чувств, которые Сайрус испытывает в данный момент.

До Адама наконец дошло, что перед ним родной отец, но оправиться от изумления удалось не сразу. Он перевел взгляд вниз и вдруг обнаружил, что деревянная нога исчезла, а вместо нее появилась обычная, сгибающаяся в колене и обутая в начищенный до блеска короткий ботинок из лайковой кожи с прикрепленными резинками. При ходьбе Сайрус слегка прихрамывал, но это не имело ничего общего с прежней ковыляющей походкой.

— Механическая, — пояснил Сайрус, поймав удивленный взгляд сына. — Работает на шарнире с пружиной. Когда постараюсь, могу вовсе не хромать. Я потом сниму ее и покажу тебе. А теперь пошли со мной.

— Я прибыл по приказу, сэр, и обязан доложить полковнику Уэллсу.

— Я в курсе и сам попросил полковника отдать

такой приказ. Идем.

— Если позволите, сэр, я сначала схожу с докладом к полковнику Уэллсу, — смущаясь, возразил Адам.

— Я тебя испытывал, — важно заявил Сайрус, меняя тактику. — Хотел посмотреть, как в современной армии обстоят дела с дисциплиной. Молодец. Я знал, что служба в армии пойдет тебе на пользу, и вот теперь, мой мальчик, ты стал настоящим мужчиной и воином.

— Я прибыл по приказу, — повторил Адам.

Стоящий перед ним человек был чужим, и в душе шевельнулось отвращение. Все здесь отдавало фальшью, и ни стремительно открывшиеся двери в кабинет полковника, ни подобострастный тон, которым он разговаривал с отцом, не изменили чувств Адама.

— Министр сейчас вас примет.

— Это мой сын, господин министр, простой солдат, каким и я был в свое время. Рядовой солдат армии Соединенных Штатов.

— После первого срока я ушел в отставку капралом, — доложил Адам.

Он не слушал обмен любезностями, погрузившись в собственные мысли. Ведь это военный министр, неужели он не видит, что отец вовсе

не такой, каким хочет казаться? Он просто притворяется. Ну что с ним случилось? Странно, что министр этого не замечает.

В маленькую гостиницу, где жил отец, они отправились пешком, и по дороге Сайрус, как опытный экскурсовод, самозабвенно рассказывал обо всех достопримечательностях и исторических местах.

— Живу в гостинице, — сообщил Сайрус. — Правда, подумывал купить дом, но ведь я постоянно в разъездах, и платить за него невыгодно. Приходится колесить по всей стране.

Портье в гостинице тоже ничего не замечал и, кланяясь Сайрусу, величал того сенатором и намекал, что обеспечит Адаму номер, даже если придется вышвырнуть за дверь другого постояльца.

— Будьте добры, пришлите в номер бутылку виски, — распорядился Сайрус.

— Если желаете, могу прислать и кубики льда.

— Какой лед?! — возмутился Сайрус и стукнул тростью по ноге, которая тут же отозвалась глухим звуком. — Мой сын солдат, и я был простым солдатом, так зачем нам лед?

Жилище Сайруса поразило Адама. В номере имелась не только спальня, но и гостиная, и даже

туалет, расположенный в специальной комнатке рядом со спальней.

Сайрус, вздохнув, уселся в глубокое кресло, закатал штанину, представляя взору Адама замысловатое сооружение из железа, кожи и дерева. Сайрус расшнуровал кожаный чехол, с помощью которого протез крепился к культе, и встал рядом с креслом, напоминая карикатуру.

— Натирает, терпеть нет сил, — признался он.

С отстегнутой ногой отец снова стал похож на себя, каким его помнил Адам. На смену презрению, которое он испытал в кабинете полковника, вернулись детский страх, почтение и враждебность, будто он снова стал ребенком и старается угадать настроение отца, чтобы избежать неприятностей.

Сайрус закончил возиться с ногой, выпил виски и расстегнул воротничок.

— Ну, что скажешь? — обратился он к Адаму.

— Сэр? — не понял Адам.

— Почему ты завербовался на второй срок?

— Не знаю, сэр. Просто захотелось.

— Тебе ведь не нравится армия, Адам.

— Нет, сэр.

— Тогда почему вернулся?

— Не хочу возвращаться домой.

Сайрус вздохнул, потирая кресло кончиками пальцев.

— Собираешься остаться в армии? — поинтересовался он.

— Не знаю, сэр.

— Могу отправить тебя в Уэст-Пойнт[3]. У меня связи. Уволим тебя со службы, и поступишь в Уэст-Пойнт.

— Не хочу.

— Бросаешь мне вызов? — спокойно осведомился Сайрус.

Адам задумался в поисках лазейки из щекотливого положения и после долгого молчания ответил:

— Да, сэр.

— Налей-ка мне виски, сынок, — попросил Сайрус и, когда Адам выполнил просьбу, продолжил: — Сдается, ты не понимаешь, каким я пользуюсь влиянием. Могу натравить «Великую армию Республики» на любого кандидата, и ему никогда не победить на выборах. Даже сам президент интересуется моим мнением по государственным делам. Могу отправлять в отставку сенаторов и раздавать должности по

---

[3] Примечания: 3

Уэст-Пойнт — Военная академия США, основана в 1802 году.

своему усмотрению. Мне не составит труда продвинуть человека по служебной лестнице или испортить ему карьеру и уничтожить. Хоть это до тебя доходит?

Однако Адам понимал происходящее гораздо лучше, чем казалось Сайрусу, и ясно видел, что отец прибегает к угрозам с целью самообороны.

— Да, сэр, я слышал.

— Я мог бы добиться для тебя назначения в Вашингтон, взять под свое начало и научить уму-разуму.

— Пожалуй, мне лучше вернуться в полк, сэр.

От Адама не ускользнула тень разочарования и досады, пробежавшая по лицу отца.

— Вероятно, я допустил оплошность. Тупое солдатское упорство дало глубокие корни, — вздохнул Сайрус. — Что ж, распоряжусь, чтобы тебя отправили обратно в полк. Так и сгниешь в казармах.

— Благодарю, сэр. — Немного помолчав, Адам поинтересовался: — Отец, а почему вы не возьмете в Вашингтон Чарльза?

— Потому что я… Нет, Чарльзу лучше оставаться там, где он живет сейчас… ему там лучше.

Адам впоследствии часто вспоминал тон отца и выражение лица, а для воспоминаний времени

было предостаточно, потому что ему действительно пришлось влачить жалкое существование в казармах. Он помнил, что Сайрус страшно одинок и сам это понимает.

3

Чарльз с нетерпением ждал возвращения брата, отсутствовавшего пять лет. Он покрасил дом и амбар, а когда до дня приезда осталось совсем мало времени, нанял женщину, чтобы та навела порядок в доме и отчистила многолетнюю грязь.

Прислугой оказалась чистенькая старушка со злобным нравом. Взглянув на посеревшие от пыли истлевшие занавески, она, не долго думая, выбросила их вон и сшила новые, а потом принялась за заросшую жиром плиту, которую никто не мыл со дня смерти матери Чарльза. Она вывела щелоком толстый слой жирной копоти от сковородок и керосиновых ламп, налипший на стены, протравила полы известью и замочила в соде одеяла, скорбно приговаривая: «Ну, мужики — грязные скоты! Свиньи и те чище. Протухли в собственном дерьме. И как это женщины за них замуж выходят! Ну и вонища! Только посмотрите на плиту — ее не чистили со времен

Мафусаила».

Без соды, нашатыря и хозяйственного мыла чистоты в доме не навести, но от их запаха щипало в носу, и Чарльз переселился в сарай. Однако он успел понять, что почтенная женщина не одобряет его метода ведения хозяйства. Наконец докучливая старушонка убралась из сияющего чистотой дома, но Чарльз по-прежнему жил в сарае, так как хотел сохранить порядок до приезда брата. В сарае хранились необходимые для работы на ферме орудия труда и инструмент для их починки, и очень скоро Чарльз обнаружил, что жарить пищу на кузнечном горне гораздо быстрее и удобнее, чем на кухонной плите. Достаточно качнуть мехи, и от углей идет жар, и нет нужды ждать, пока нагреется плита. Как же он раньше не догадался?

Чарльз ждал Адама, а тот все не приезжал. Возможно, он стыдился писать брату, и вместо него это сделал Сайрус. В сердитом письме он поведал Чарльзу, что Адам завербовался на второй срок против воли отца. Сайрус также вскользь намекнул, что как-нибудь пригласит Чарльза в Вашингтон, но больше об этом ни разу не упомянул.

Чарльз снова перебрался в дом и жил в страш-

ной грязи, с наслаждением уничтожая труды старой карги.

Прошло больше года, прежде чем Адам прислал Чарльзу письмо, которое начиналось с каких-то мелочей, будто Адам набирался смелости, чтобы в конце приписать: «Не знаю, зачем я снова завербовался. Будто это сделал вовсе не я, а кто-то другой. Ответь поскорее и расскажи, как живешь».

Чарльз написал только после того, как получил от брата четыре полных тревоги письма. Ответ был холодным. «Да я не больно-то тебя и ждал», — говорилось в послании, а дальше следовал подробный отчет о жизни на ферме и хозяйственных делах.

Время сделало свое дело. Следующее письмо Чарльз получил сразу после Нового года и получил ответ от Адама после следующего Нового года. Братья отдалились друг от друга, ничего общего не осталось, расспрашивать тоже было не о чем.

Чарльз стал приводить в дом неряшливых женщин, а когда они начинали раздражать, выгонял их вон. Он проделывал это с такой легкостью, будто продавал свинью. Чарльз не любил сожительниц и не интересовался, какие чувства

женщины испытывают к нему. В городке он почти не появлялся и ограничивал круг общения постоялым двором и начальником почты. Жители городка должны бы осудить его за подобный образ жизни, но у Чарльза имелось преимущество, которое оправдывало его уродливую жизнь даже в глазах добропорядочных обывателей. Никогда прежде хозяйство на ферме не велось так хорошо. Чарльз расчистил землю, построил стены, прорыл канавы и расширил ферму на сто акров. Кроме того, он стал разводить табак и выстроил за домом внушительных размеров сарай для его хранения. Такие действия вызывали уважение у соседей. Ни один фермер не сочтет никчемным человека, который так ловко справляется со своим хозяйством. Чарльз тратил на ферму все деньги и вкладывал всю свою энергию.

Глава 7
1

Следующие пять лет Адам занимался привычной армейской рутиной, которую изобрели, чтобы солдаты не сошли с ума. Он начищал до блеска металл и кожу, гарцевал на парадах и учениях, ездил в конном эскорте, присутствовал на церемонии поднятия флага под звуки горна, одним словом, участвовал в представлении, придуманном для людей, которым больше нечем заняться. В 1886 году на консервном заводе в Чикаго вспыхнула крупная забастовка, и полк Адама погрузился в поезд, однако забастовка закончилась прежде, чем солдаты успели прибыть к месту назначения. В 1888 году зашевелились семинолы, которые так и не подписали мирного договора, и на их усмирение снова бросили кавалерию, но семинолы отступили в родные болота и затихли, а армия снова погрузилась в спячку.

Человеческое сознание воспринимает ход времени странным и противоречивым образом. Разумно предположить, что будни, лишенные каких-либо значительных событий, тянутся

бесконечно долго. Так и должно быть, но в действительности дело обстоит иначе. Скучные, однообразные дни пролетают незаметно, и, наоборот, периоды жизни, заполненные яркими событиями, будь они связаны с безутешным горем или счастьем без конца и границ, оставляют в памяти неизгладимый след, и потом кажется, что они были очень долгими. Если хорошенько поразмыслить, это правильно. В бессодержательном существовании не расставишь вехи, которые определяют, сколько времени оно тянется, и бесцельно прожитые дни сливаются в серую безликую пустоту.

Адам и не заметил, как пролетел второй пятилетний срок службы, и в конце 1890 года он демобилизовался с военной базы Пресидио в Сан-Франциско. Адам крайне редко обменивался письмами с братом, но перед демобилизацией написал Чарльзу: «На сей раз я точно возвращаюсь домой». После этого послания Чарльз больше трех лет не получал от Адама никаких известий.

Адам провел зиму, путешествуя вверх по реке до самого Сакраменто, потом кочевал по долине Сан-Хоакин, а когда наступила весна, обнаружилось, что у него совсем не осталось денег. Свернув походное одеяло, он не спеша отправился на

восток, часть пути шел пешком, а иногда вместе со случайными попутчиками ехал зайцем, устроившись под вагоном неторопливо катившегося товарного поезда. Ночевал он вместе с бродягами в ночлежках на окраинах очередного, встретившегося на пути города. Адам научился попрошайничать, но просил не деньги, а еду, и не заметил, как вскоре сам превратился в бродягу.

В наши дни такие люди встречаются редко, а в девяностые годы их было много, неприкаянных одиноких скитальцев, которых подобный образ жизни вполне устраивал. Одни скрывались от закона, а другие считали, что общество обошлось с ними несправедливо, выбросив за борт. Иногда они работали, но недолго, порой занимались воровством, но крали только еду или одежду с бельевой веревки, чтобы заменить ту, что сносилась. Среди бродяг встречались самые разные люди: грамотные и невежественные, опрятные и неряхи, но всех их объединяла неугомонность и жажда перемены мест. Бродяг влекло тепло, и они избегали мест, где слишком жарко или холодно. С наступлением весны они направлялись на восток, а при первых заморозках уходили на запад и юг. Они имели много общего с койотами, которые ведут дикий образ жизни, но стараются

поселиться поближе к людям и курятникам. Обычно бродяги останавливались не в самих городах и селениях, а где-нибудь неподалеку. Они заводили приятелей, но дружба длилась не дольше недели, а потом каждый шел своим путем.

Вокруг маленьких костров, пока в котелке булькала общая похлебка, велись беседы на самые разные темы, и только о личной жизни говорить не полагалось. Здесь Адам узнал о радикальной профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира» и ее разгневанных приверженцах и покровителях. Он слушал философские споры, рассуждения о метафизике и эстетике, истории из жизни незнакомых людей. Товарищем по ночлегу мог оказаться убийца, лишенный сана или отказавшийся от него по доброй воле священник, профессор, покинувший теплое местечко на кафедре из-за тупости коллег, одинокий изгнанник, бегущий от воспоминаний, падший ангел или будущий дьявол, только что ступивший на порочный путь. И каждый делился у костра частицей своих мыслей и соображений, точно так же, как вносил в общий котел морковку, пару картофелин или луковиц или кусок мяса. Адам освоил все сложности бритья с помощью осколка стекла и по виду дома безошибочно определял, стоит ли

здесь рассчитывать на подаяние. Он научился держаться подальше от суровых блюстителей порядка, если нужно, договариваться с ними, а также ценить женщин за доброе сердце.

Адам получал удовольствие от новой жизни, и когда на деревьях показались первые признаки осени, он уже добрался до Омахи, а потом, не долго думая, направился на юго-запад и, перемахнув через горы, очутился, к великой радости, в Южной Калифорнии. Он брел вдоль берега, на север от границы с Мексикой, и добрался до Сан-Луис-Обиспо. По дороге совершал набеги на оставшиеся после прилива заводи и добывал угрей, мидий и окуней, откапывал на песчаных отмелях съедобных моллюсков и с помощью изготовленных из лески силков ловил в дюнах кроликов. А потом лежал на нагретом солнцем песке и считал набегающие на берег волны.

С приходом весны Адама снова потянуло на восток, но теперь он уже не спешил. Лето в горах прохладное, а местные жители, как многие люди, обитающие в глуши, добрые и гостеприимные. Адам нанялся работать на ранчо у вдовы недалеко от Денвера, безропотно делил с ней стол и постель, пока морозы снова не погнали его на юг. Он продвигался вдоль Рио-Гранде, мимо

Альбукерке и Эль-Пасо, через Биг-Бенд и Ларедо до Браунсвилля. По дороге выучился испанским словам, обозначающим еду и удовольствия, а еще узнал, что часто очень бедные люди охотно делятся всем, что имеют. И Адам проникся к беднякам любовью, которая никогда бы не зародилась в сердце, не хлебни он сам нищеты. А теперь он превратился в многоопытного бродягу, и присущие бедному люду покорность и смирение стали обязательным атрибутом ремесла. Он исхудал, почернел от солнца и заглушил в себе личность до такой степени, что не вызывал ни злобы, ни зависти. Голос стал тихим и мягким, а в речи смешалось столько всевозможных акцентов и диалектов, что он нигде не чувствовал себя чужаком. Для бродяги это верное средство обеспечить безопасность, своего рода защитный покров. На поездах Адам теперь ездил редко, так как среди населения росла ненависть к бродягам, вызванная жестокими действиями «Индустриальных рабочих мира» и подогреваемая беспощадными репрессиями в отношении этой организации. Однажды Адама арестовали за бродяжничество. Скорые на расправу полицейские и зверства соседей по камере напугали его до смерти и отбили охоту принимать участие в сборищах бродяг. С

тех пор он путешествовал в одиночку и всегда тщательно брился и следил за чистотой одежды.

Снова наступила весна, и Адам подался на север, чувствуя, что спокойному периоду жизни приходит конец, а там, на севере, ждут Чарльз и смутные воспоминания детства.

Он стремительно пересек бескрайние просторы восточного Техаса, прошел по Луизиане и по краю примыкающих друг к другу штатов Миссисипи и Алабама и в конце концов оказался во Флориде. Внутреннее чутье подсказывало, что надо торопиться. Негры, хоть и были достаточно бедными, чтобы обладать таким качеством, как доброта, но белым людям не доверяли, даже таким же нищим, как они сами. Что до бедноты с белым цветом кожи, то они боялись чужаков.

Неподалеку от Таллахасси его задержали по обвинению в бродяжничестве и направили в арестантскую команду по строительству дорог. В то время все дороги строились именно так. Адама приговорили к шести месяцам работ, но не успел он выйти на свободу, как его снова арестовали и осудили еще на полгода. К тому времени он понял, что некоторые люди считают себе подобных скотами и лучший способ поладить с ними — действительно превратиться в скотину.

Чисто выбритое открытое лицо и прямой взгляд привлекают внимание, которому неизменно сопутствует наказание. Адам решил, что, совершая жестокие поступки и подлости, человек причиняет себе боль и потому должен за нее кого-нибудь наказать. Арестантов сторожили вооруженные охранники, на ночь их приковывали к одной общей цепи, но это были обычные меры предосторожности, а вот безжалостные порки за малейшее своеволие, проявление чувства собственного достоинства или неповиновение свидетельствовали о том, что тюремщики боятся заключенных. Еще со времен службы в армии Адам усвоил, что человек, испытывающий страх, представляет собой опасное животное, и, как любое живое существо, он боялся, что удары кнута искалечат его тело и душу. И тогда он натянул на себя защитную оболочку, запер рот на замок, а лицо утратило всякое выражение, и свет в глазах погас. Впоследствии Адам удивлялся не тому, что на него обрушилось, а как он сумел все пережить, причем без особой боли и страданий. Воспоминания о днях заключения стали гораздо страшнее самих испытаний, выпавших тогда на его долю. Какое нужно иметь самообладание, чтобы смотреть, как человека секут плетью, пока на

спине сквозь кровавые раны не проступят белые блестящие полосы мышц, не проявляя признаков жалости, гнева или любопытства? Адам освоил и эту науку.

Обычно видишь людей только в первые минуты, а потом уже просто ощущаешь их присутствие. Отбывая второй срок на строительстве дорог во Флориде, Адам полностью подавил свое «я». Ни единым словом или жестом он не привлекал внимания к своей персоне и фактически превратился в невидимку. Если охранник не замечает заключенного, то перестает его бояться, и вскоре Адаму поручили уборку бараков и раздачу баланды, а еще он должен был вовремя наносить воды.

Адам дождался, пока до окончания второго срока останется три дня, и после обеда, как обычно, принес воды, а потом снова отправился к речушке и, наполнив оба ведра камнями, утопил их. Затем он зашел в воду и поплыл вниз по течению, временами останавливаясь для короткого отдыха. Так он плыл до наступления темноты, а затем подыскал укромное местечко под берегом среди прибрежных кустов. Из воды Адам не выходил.

Среди ночи послышался лай собак, бегущих по обоим берегам реки, но Адам предусмотрительно

натер голову свежими листьями, чтобы сбить животных со следа. Он сидел в воде, оставив на поверхности только нос и глаза, а утром собаки вернулись и, не заметив беглеца, пробежали мимо.

Охранники тоже слишком устали и прочесывать берег не стали. После их ухода Адам достал из кармана кусок раскисшего в воде жареного шпика и съел.

Адам приучил себя действовать не спеша, памятуя, что большинство беглецов попались из-за своей суетливости. Путь до Джорджии занял пять дней. Рисковать беглец не хотел и растущее в душе нетерпение решительно подавлял усилием воли, удивляясь своим способностям.

Добравшись до окраины Валдосты, он пролежал в укрытии до наступления ночи, а потом незаметно, как тень, прокрался к заднему окну дешевой лавочки и стал осторожно нажимать на раму, пока винты шпингалета не выскочили из рассохшейся на солнце древесины. Затем он установил шпингалет на прежнее место, но окно оставил открытым. Работать приходилось при лунном свете, проникающем сквозь грязные окна. Украл Адам пару дешевых брюк, белую рубашку, черные туфли и шляпу да клеенча-

тый дождевик, примерив предварительно все вещи. Прежде чем выйти на улицу через окно, он неторопливо осмотрелся по сторонам, желая убедиться, что не оставил за собой беспорядка. Из вещей, которых в лавке было мало, Адам не взял ничего и даже не заглянул в ящик кассы. Осторожно опустив раму, он стал передвигаться перебежками от одного темного участка к другому.

Днем Адам скрывался, а на поиски еды отправлялся ночью и брал продукты, пропажу которых никто не заметит: репу, пару кукурузных початков из кормушки или несколько яблок-падалиц. Новенькие туфли он натер песком, чтобы их блеск не привлекал внимания, а дождевик старательно измял, и теперь он выглядел изрядно поношенным. Долгожданный дождь пошел через три дня, а возможно, беглец просто внушил себе, что для пущей безопасности он просто необходим.

Дождь начался ближе к вечеру, и Адам ждал наступления темноты, закутавшись в дождевик. Когда совсем стемнело, он, окунувшись в промозглую сырую ночь, направился в Валдосту, натянув на глаза шляпу и завязав дождевик под самым горлом. Добравшись до железнодорожной станции, Адам заглянул в залитое дождем

окно. Начальник станции, в зеленом козырьке и черных нарукавниках, высунувшись из окошка кассы, болтал с приятелем, который ушел только минут через двадцать. Адам проводил его взглядом до конца платформы и, пытаясь унять волнение, сделал глубокий вдох и зашел внутрь.

2

Письма приходили Чарльзу редко, и иногда он не появлялся на почте неделями. В феврале 1894 года на его имя пришел толстый пакет из Вашингтона от адвокатской конторы, и начальник почтового отделения, решив, что письмо важное, сам отправился пешком на ферму Трасков, где застал Чарльза за колкой дров. Вручив пакет адресату, он стал ждать, пока тот прочтет письмо и поделится новостями. Ведь не зря же он проделал долгий путь, хлопоча о чужих делах.

Не обращая внимания на начальника почты, Чарльз неторопливо прочел все пять страниц, а потом принялся перечитывать послание, беззвучно шевеля губами. Наконец он сложил письмо и направился к дому.

— Что-нибудь случилось, мистер Траск? — крикнул вслед почтмейстер.

— У меня умер отец, — ответил Чарльз и, зайдя в дом, закрыл за собой дверь.

— Сильно переживал, — рассказывал потом начальник почты в городе. — Так убивался, но воли чувствам не давал. Человек он неразговорчивый и все держит в себе.

Зайдя в дом, Чарльз зажег лампу, хотя еще не стемнело. Он положил письмо на стол и, прежде чем снова приступить к чтению, вымыл руки.

Послать телеграмму было некому, и адвокаты отыскали адрес Чарльза среди бумаг отца. В письме они выражали соболезнования, не скрывая при этом радостного возбуждения. Составляя завещание Траска, адвокаты думали, что старик оставит сыновьям несколько сотен долларов. Во всяком случае, эту сумму они определили по внешнему виду клиента. Однако при изучении его банковских счетов обнаружилось, что Траск оставил девяносто три тысячи долларов да еще десять тысяч в ценных бумагах. В связи с этим открытием отношение к мистеру Траску в корне изменилось, ибо люди, располагающие такими средствами, причисляются к рангу богатых, им не о чем беспокоиться и можно спокойно основывать собственную династию. Адвокаты поздравляли Чарльза и Адама, так как по усло-

виям завещания наследство делилось поровну. Затем следовал перечень личных вещей покойного: пять парадных сабель, врученных Сайрусу на съездах «Великой армии Республики», вырезанный из оливкового дерева и украшенный золотой пластинкой молоток председателя собрания, масонский брелок для часов в виде циркуля и угольника, инкрустированный бриллиантами между делениями, золотые коронки от зубов, которые Сайрус заменил на вставные челюсти, серебряные часы, трость с золотым набалдашником и многое другое.

Чарльз прочел письмо дважды и, обхватив голову руками, задумался о брате. Ему очень хотелось, чтобы Адам вернулся домой.

Чарльз пребывал в растерянности, будто его загнали в тупик. Он развел огонь, поставил на плиту сковородку и стал нарезать кусками шпик. Вскоре он снова вернулся к письму, но вдруг схватил его и засунул в ящик кухонного стола с твердым намерением забыть о нем до поры до времени.

Разумеется, ни о чем другом Чарльз уже думать не мог, и его мысли блуждали по замкнутому кругу, неизменно возвращаясь к исходной точке, где не давал покоя мучительный вопрос: «Где он

раздобыл столько денег?»

Когда два события имеют нечто общее по характеру, времени или месту, мы радостно делаем скоропалительный вывод, что это не случайное совпадение, создаем легенду и охотно пересказываем всем желающим. Никогда прежде Чарльзу не приносили на ферму писем, а тут еще через пару недель прибежал мальчишка с телеграммой в руках. Впоследствии он всегда связывал между собой эти два события, как обычно проводят параллель между двумя смертями и ждут третьей. Зажав в руке телеграмму, Чарльз поспешил на железнодорожную станцию.

— Послушай-ка, что я тебе прочту, — обратился он к телеграфисту.

— Я уже и так прочел.

— Как это?

— Ее же передали по телеграфу, — пояснил телеграфист, — и я сам записывал.

— А, ну да, конечно. «Срочно вышли сто долларов. Еду домой. Адам».

— Прислали наложенным платежом, — продолжил телеграфист. — Ты должен шестьдесят центов за доставку.

— Валдоста, Джорджия. Никогда не слыхал о таких местах.

— Я тоже, но телеграмма пришла именно оттуда.

— Послушай, Карлтон, а как отправить телеграфом деньги?

— Неси сто два доллара шестьдесят центов, и я отправлю в Валдосту телеграмму, чтобы Адаму выплатили сто долларов. А мне ты должен шестьдесят центов.

— Да я заплачу, но как узнать, что деньги получит Адам? Как бы их не прикарманил кто-нибудь другой.

Телеграфист с видом человека, умудренного житейским опытом, изобразил на лице улыбку.

— Послушай, как поступают в подобных случаях. Ты придумываешь вопрос, ответ на который знает только твой брат, и я посылаю телеграфисту в Валдосте и вопрос, и ответ. Телеграфист задаст парню вопрос, и если тот не ответит, денег ему не дадут.

— Хитро придумано, ничего не скажешь. Пойду сочиню вопрос потруднее.

— Лучше неси сто долларов, пока старина Бинс не закрыл телеграф.

Чарльз пришел в восторг от предложенной телеграфистом игры и вскоре вернулся, сжимая в кулаке деньги.

— Придумал вопрос, — радостно доложил он.

— Надеюсь, это не второе имя вашей матушки. Многие таких вещей не помнят.

— Ничего похожего. Слушай и записывай: «Что ты подарил отцу в день рождения, перед тем как ушел в армию?»

— Хороший вопрос, но уж больно длинный. А нельзя его сократить до десяти слов?

— Давай пиши, не тебе платить! А теперь ответ: щенка.

— Да уж, поди догадайся! — восхитился Карлтон. — Ну да ладно, платить и правда не мне.

— Вот будет потеха, если Адам забыл, — усмехнулся Чарльз. — Тогда ему вовек не добраться до дома.

3

От городка до фермы Адам добирался пешком. Его рубашка потемнела от грязи, а остальная ворованная одежда выглядела помятой и замызганной, так как целую неделю он спал не раздеваясь. Остановившись между домом и амбаром, Адам прислушался, и в следующее мгновение из нового сарая для хранения табака послышались удары молотка.

— Эй, Чарльз! — позвал Адам.

Удары прекратились, наступила тишина, и Адаму показалось, что брат наблюдает за ним сквозь щели в стене. Но Чарльз уже вышел из сарая и спешил ему навстречу. Братья пожали друг другу руки.

— Ну, как ты?

— Прекрасно, — ответил Адам.

— Господи, а какой тощий!

— Да, и к тому же постарел.

Чарльз осмотрел брата с ног до головы:

— Не похоже, что ты преуспел в жизни.

— Ты прав.

— А где твой чемодан?

— Нет никакого чемодана.

— Господи, где же тебя носило столько времени?!

— Да так, где придется.

— Неужели бродяжничал?

— Случалось.

Прошло столько лет, лицо Чарльза избороздили морщины, а темные глаза покраснели, но Адам по старой памяти мгновенно понял, что брат, помимо заданного вопроса, думает о чем-то еще.

— Почему ты не ехал домой?

— Пристрастился к бродячей жизни и никак не

мог остановиться. Она засасывает, как трясина. Какой у тебя страшный шрам на лице.

— Я о нем писал. С каждым днем становится все безобразнее. Почему не писал? Есть хочешь?

Чарльз то засовывал руки в карманы, то снова вынимал и начинал теребить подбородок и почесывать голову.

— Может, еще и пройдет. Я как-то встретил человека, бармена, так у него отметина с рождения. Похожа формой на кошку. Его так и прозвали Котом.

— Проголодался? — снова спросил Чарльз.

— Да, очень.

— Собираешься остаться здесь?

— Наверное. Может, зайдем в дом?

— Да-да, конечно, — эхом откликнулся Чарльз. — Отец умер.

— Знаю.

— Откуда, черт возьми, тебе это известно?

— Начальник станции сказал. Когда он умер?

— Около месяца назад.

— Что случилось?

— Воспаление легких.

— Где похоронили, здесь?

— Нет, в Вашингтоне. Я получил письмо и газеты. Его везли на лафете, а сверху накрыли флагом.

На похоронах присутствовал вице-президент, а президент прислал венок. В газетах все написано, и фотографии есть. Я покажу. Все сохранил.

Адам внимательно изучал лицо брата, пока тот не выдержал и отвернулся.

— На что-то сердишься? — поинтересовался Адам.

— С какой стати мне сердиться?

— Мне показалось…

— Да не с чего мне сердиться. Пошли, покормлю тебя.

— Хорошо. Долго он болел?

— Нет, это была скоротечная пневмония, и он буквально сгорел.

Чарльз явно о чем-то умалчивал. Ему очень хотелось поделиться, но он не знал, как начать, и говорил о разной ерунде. Адам ничего не отвечал. Наверное, лучше всего сейчас помолчать и дать Чарльзу возможность походить вокруг да около, а уж потом он выложит свою тайну.

— Я не очень-то верю в послания с того света, — признался Чарльз. — Хотя как знать? Некоторые люди утверждают, что им были знамения. Взять хотя бы Сару Уитберн. Старуха клянется, что получала оттуда весточки. Даже не знаешь, что и думать. А у тебя никаких знамений не было? Да

что ты все молчишь, будто язык проглотил?

— Просто думаю, — откликнулся Адам.

И он действительно думал и удивлялся своим мыслям. «Надо же, я больше не боюсь брата! Раньше боялся до смерти, а вот теперь — нет. А почему? Может, все дело в армии? Или каторге? Или сыграла роль смерть отца? Да, все может быть, но я не понимаю причины». Адам перестал испытывать страх перед Чарльзом, зная, что может говорить свободно, не задумываясь над каждым словом и не опасаясь нажить неприятности, как бывало раньше. Прекрасное чувство, как будто он умер, а потом воскрес из мертвых.

Братья зашли на кухню, которую Адам помнил с детства, но теперь она казалась другой, меньше размером и более убогой.

— Послушай, Чарльз, — обратился Адам к брату, стараясь придать голосу веселость, — по-моему, тебе не терпится что-то рассказать, но почему-то ты все ходишь кругами, как терьер вокруг норы. Давай выкладывай все как на духу, и дело с концом.

Чарльз поднял голову, и его глаза сверкнули гневом. Власть над братом была утрачена. «Я больше не смогу его отколотить», — в отчаянии подумал он.

— Наверное, грешно веселиться, когда мы только что похоронили отца, — с усмешкой сказал Адам. — Но знаешь, Чарльз, никогда в жизни мне не было так хорошо. Ну же, Чарльз, перестань себя грызть, облегчи душу.

— Ты любил отца? — спросил вдруг Чарльз.

— Не отвечу, пока не скажешь, куда клонишь.

— Так любил или нет?

— А тебе-то какое дело?

— Отвечай.

Пьянящее чувство полной свободы овладело всем существом Адама.

— Хорошо, отвечу. Нет, не любил. Иногда он внушал страх, а порой… ну да, он вызывал у меня восхищение. Но по большей части я его ненавидел. А теперь скажи, почему ты об этом спрашиваешь?

Чарльз внимательно изучал свои руки, потом тихо откликнулся:

— Не знаю. Только до меня никак не доходит. Ведь отец любил тебя больше всего на свете.

— Верится с трудом.

— Ну и не верь, дело твое. Отцу нравилось все, что ты ему приносил, а вот меня он не любил, и мои подарки тоже. Помнишь, как я подарил ему перочинный ножик? Чтобы его купить, при-

шлось наколоть и продать кучу дров, а отец даже не взял его с собой в Вашингтон. Ножик и сейчас лежит у него в комоде. А ты подарил щенка, который не стоил и цента. Я покажу тебе фотографию этого пса. Он был на похоронах, совсем слепой от старости. Его держал на руках какой-то полковник. После похорон пса пристрелили.

Адама озадачил свирепый тон брата.

— Не понимаю, куда ты клонишь, — удивился он.

— Я его любил, — признался Чарльз и впервые на памяти Адама расплакался, обхватив голову руками.

Адам хотел было подойти к брату, но в душе шевельнулся знакомый скользкий страх. «Нет, — подумал он, — если я к нему прикоснусь, он попытается меня убить». И Адам, подойдя к открытой двери, выглянул на улицу. А за спиной сопел и всхлипывал младший брат.

Участок рядом с домом представлял собой неприглядное зрелище, да и в прежние времена он выглядел довольно убого. Повсюду мусор, неопрятность и запустение. Постройки разбросаны беспорядочно, цветов нет и в помине, на земле валяются обрывки бумаги и щепки. Сам дом тоже не блистал красотой: добротное строение, где

можно укрыться от непогоды, переночевать и приготовить пищу. И ферма, и дом производили гнетущее впечатление. Жилище, не согретое ничьей любовью и абсолютно безразличное к своим обитателям. Да разве можно назвать это место родным домом, куда тянет вернуться, как бы далеко и долго ты ни странствовал? Адам вдруг вспомнил о мачехе, такой же нелюбимой, как эта неуютная постройка. Она всегда выполняла свои обязанности и, как могла, старалась поддержать чистоту и порядок, но назвать Элис хозяйкой и хранительницей семейного очага язык не поворачивался. Это прозвучало бы так же нелепо, как слова «отчий дом» по отношению к неухоженной избе Трасков.

Брат перестал всхлипывать, и Адам оглянулся. Чарльз смотрел перед собой пустым взглядом.

— Расскажи мне о матери, — попросил Адам.

— Она умерла, я же писал.

— Нет, расскажи мне о ней.

— Я же сказал, она давно умерла, да и вообще не была тебе матерью.

В памяти Адама всплыло озаренное тихой улыбкой лицо Элис, когда он тайком подсматривал за мачехой. Оно, как живое, стояло перед глазами.

Голос Чарльза ворвался в воспоминания и разрушил видение:

— Ответь мне на один вопрос. Не торопись и хорошенько подумай. Только скажи правду или вообще не отвечай. — Чарльз молча шевелил губами, обдумывая вопрос. — Как думаешь, мог отец быть человеком бесчестным?

— Что ты имеешь в виду?

— Разве я неясно выразился? У слова «бесчестный» только одно значение.

— Не знаю, — откликнулся Адам. — Не знаю, что и сказать. Никто его так не называл. Сам подумай, он запросто ночевал в Белом доме, и вице-президент пришел на его похороны. Разве он похож на бесчестного человека? Ну хватит тянуть резину, Чарльз, — взмолился Адам, — давай выкладывай все, что ты собирался рассказать, как только я появился на пороге.

Младший брат облизнул пересохшие губы, лицо побледнело, будто из Чарльза выпустили кровь, а вместе с ней ушла вся жизненная сила и ярость.

— Отец оставил завещание, — произнес он без выражения. — Разделил наследство между нами поровну.

— Вот и будем жить на ферме, — рассмеялся

Адам. — Надеюсь, с голода не умрем.

— Там сто с лишним тысяч долларов, — сообщил Чарльз бесцветным голосом.

— Да ты спятил. Сто долларов — еще куда ни шло. Откуда ему взять такие большие деньги?

— Ошибки нет. Его жалованье в «Великой армии Республики» составляло сто тридцать пять долларов в месяц. Отец сам платил за номер в гостинице и еду и получал на дорожные расходы по пять центов за милю, да еще ему оплачивали гостиницу.

— Возможно, он получал эти деньги с самого начала, а мы и не знали.

— Ничего он не получал.

— Тогда почему не обратиться в «Великую армию Республики» и не поинтересоваться? Может, кто-нибудь и знает.

— Лучше не нарываться, — возразил Чарльз.

— Да не заводись ты с пол-оборота. Ведь есть еще игра на бирже, и многим удалось разбогатеть. Он ведь знался с важными людьми и, возможно, участвовал в выгодном деле. Вспомни золотую лихорадку. Люди ехали в Калифорнию и возвращались богачами.

Лицо Чарльза приобрело горестное выражение, а голос стал таким тихим, что Адаму пришлось

наклониться совсем близко, чтобы расслышать. Чарльз говорил без всякого выражения, словно читал заученный рапорт:

— Отца призвали в Армию Союза в июне 1862 года, и три месяца он проходил подготовку в нашем штате. Значит, до сентября. Потом его отправили на юг, а двенадцатого октября он был ранен в ногу и направлен в госпиталь. И уже в январе отец вернулся домой.

— Не пойму, куда ты клонишь.

— Он не воевал в Чанселлорсвилле. — С губ Чарльза срывались тихие, полные горечи слова. — Не было его ни под Геттисбергом, ни в Уилдернессе, и не сражался он в Ричмонде и Аппоматтоксе.

— Откуда ты знаешь?

— Из послужного списка. Его прислали вместе с другими документами.

Адам глубоко вздохнул. В груди клокотала бешеная радость, словно кто-то колотил кулаками изнутри. Он недоверчиво покачал головой.

— И как только он умудрился? — недоумевал Чарльз. — Как, черт побери, отцу это удалось? И никто не усомнился. Разве тебе приходило в голову, что он врет? И мне тоже. И мать не сомневалась. Да вообще никто. Поверили даже в

Вашингтоне.

Адам поднялся с места:

— Дадут в этом доме поесть? Пойду сам разогрею.

— Вчера вечером я зарезал курицу. Сейчас зажарю, только придется малость подождать.

— А что-нибудь побыстрее?

— Есть соленый окорок и яйца.

— Подходит, — согласился Адам.

Оставшийся без ответа вопрос повис в воздухе, и братья старательно его обходили, боясь нечаянно задеть. О больной теме не обмолвились ни словом, но все мысли сосредоточились только на ней. Они хотели обсудить дела отца и не могли. Чарльз жарил окорок с яичницей и поставил на огонь котелок с бобами.

— Я распахал луг и засеял рожью, — сообщил он брату.

— Ну и какой урожай?

— Прекрасный, после того как я очистил землю от камней. — Он потрогал шрам на лбу. — Вот тогда-то и получил эту заразу. Никак не мог сдвинуть булыжник.

— Да, ты писал. Не помню, говорил ли я, как много значили для меня твои письма.

— Ты никогда не распространялся о службе в

армии, — заметил Чарльз.

— Просто старался не задумываться. Сказать по правде, паршивая штука.

— Я читал в газетах о военных кампаниях. Ты тоже в них участвовал?

— Участвовал, только не хочу об этом вспоминать. До сих пор тошно.

— И что, случалось убивать индейцев?

— Да, приходилось.

— Наверное, мерзкие людишки.

— Должно быть, так.

— Не хочешь — не рассказывай.

— Не хочу.

Ужинали при свете керосиновой лампы.

— Надо бы вымыть абажур, тогда станет светлее, — заметил Чарльз.

— Я вымою, — вызвался Адам. — Ведь всех дел не упомнишь.

— Хорошо, что ты вернулся. Теперь все пойдет по-другому. Не хочешь сходить после ужина в трактир?

— Посмотрим. Пожалуй, лучше посижу дома.

— Я ведь тебе не писал, что в трактире есть девочки. Уж и не знаю… Может, все-таки надумаешь пойти со мной. Их меняют каждые две недели. Как у тебя насчет этого? Не хочешь на

них взглянуть?

— Девочки?

— Да, там, наверху. Очень удобно. Вот я и решил, раз ты вернулся…

— Сегодня не хочу. Как-нибудь потом. И дорого они берут?

— Доллар. Девчонки-то в основном премиленькие.

— Потом, — повторил Адам. — Интересно, как их туда пускают.

— И я поначалу удивлялся. Но у них там все схвачено.

— Часто туда наведываешься?

— Каждые две-три недели. У одинокого мужчины жизнь тоскливая.

— Ты как-то писал, что подумываешь жениться.

— Да, собирался, да вот невесты подходящей не нашел.

Братья так и ходили вокруг да около главной темы, порой уже были готовы ее затронуть, но уже в следующий момент передумывали и снова пускались в разговоры об урожае, местных сплетнях, политике и болезнях. Они оба понимали, что рано или поздно придется вернуться к больному вопросу. Чарльзу не терпелось сразу приступить

к делу, но в отличие от Адама у него было время все обдумать. Что до Адама, обрушившиеся на него чувства и переживания оказались новыми и непривычными, и он предпочел бы отложить разговор на завтра, хотя понимал, что брат этого не допустит. Наконец он не выдержал и сказал без обиняков:

— Пойдем спать. Утро вечера мудренее. Поговорим завтра.

— Ладно, как скажешь, — согласился Чарльз.

Постепенно темы для разговора иссякли. Братья успели обсудить всех знакомых и местные новости. Беседа зашла в тупик, а время шло.

— А не пойти ли нам спать? — снова предложил Адам.

— Посидим еще немножко.

Братья молчали, а по дому бродила неугомонная ночь, подталкивая их к решающему разговору.

— Жаль, что не удалось попасть на похороны, — начал Чарльз.

— Наверное, они были пышными.

— Хочешь взглянуть на вырезки из газет? Я храню их у себя в комнате.

— Нет, сейчас не стоит.

Чарльз резко развернулся вместе со стулом и

положил локти на стол.

— Нам надо во всем разобраться, — заявил он, явно нервничая. — Как ни тяни, но, черт побери, придется решать, как жить дальше.

— Понятно, — согласился Адам. — Просто мне нужно время, чтобы подумать.

— И что толку? У меня времени было навалом, а я так ни до чего и не додумался. Старался все забыть, но мысли так и лезут в голову. Думаешь, время хороший помощник в подобных делах?

— Пожалуй, нет. Твоя правда. С чего хочешь начать? Все равно ни о чем другом не думается.

— Деньги, — начал Чарльз, — осталось больше ста тысяч долларов. Целое состояние.

— Ну и что?

— Откуда они взялись?

— Почем мне знать? Я уже говорил, что он мог играть на бирже, или кто-нибудь в Вашингтоне взял его в выгодное дело.

— А сам-то ты в это веришь?

— Я вообще ничему не верю, — заявил Адам. — Как можно верить или не верить в то, чего не знаешь?

— Это огромные деньги, — продолжал Чарльз. — Нам досталось целое состояние, и на него можно жить припеваючи всю оставшуюся жизнь. А еще

можно купить уйму земли, которая будет приносить доход. Похоже, до тебя еще не дошло, что мы стали богачами. Богаче всех в округе.

— Ты говоришь таким тоном, будто читаешь себе приговор, — рассмеялся Адам.

— Откуда они взялись? — настаивал Чарльз.

— А тебе что за забота? — удивился Адам. — Может, не забивать себе голову ерундой и пожить в свое удовольствие?

— Он не сражался под Геттисбергом и вообще не участвовал ни в одном сражении за всю войну. И ранили его в обычной перестрелке, а все его россказни — сплошное вранье.

— Ну и куда ты все-таки клонишь? — снова поинтересовался Адам.

— Похоже, отец эти деньги украл, — горестно вздохнул Чарльз. — Ты спросил, и я говорю, что думаю.

— А тебе известно, где он их украл?

— Нет.

— Тогда откуда ты взял, что отец их украл?

— Он все врал про войну.

— Ну и что?

— А то. Если он пошел на такой обман, то мог и украсть.

— Каким образом?

— Он же занимал высокие должности в «Великой армии Республики» и мог запустить руку в казну или подделать какие-нибудь документы.

— Ну, если дело обстоит так, как ты предполагаешь, — вздохнул Адам, — то почему ты им не напишешь и не поделишься своими подозрениями? Пусть проверят бухгалтерские книги, и если обнаружат мошенничество, мы можем вернуть деньги.

Лицо Чарльза исказила страдальческая гримаса, и шрам на лбу стал еще заметнее.

— Сам вице-президент присутствовал на его похоронах, а президент прислал венок. За гробом на полмили выстроилась вереница экипажей, и сотни людей шли пешком. А знаешь, кто нес гроб?

— Не пойму, зачем ты уже в который раз это говоришь?

— Представь, мы докажем, что отец был вором. Тогда выплывет наружу, что он не сражался под Геттисбергом и вообще нигде не воевал. И все узнают, что он был лжецом и всю жизнь врал. А если он когда и говорил правду, никто уже этому не поверит.

Адам сидел не двигаясь, во взгляде не было тревоги, но бдительности он не утратил.

— А я-то думал, ты любил отца, — спокойно заметил он, испытывая чувство облегчения, как человек, только что обретший свободу.

— Да, я его любил и сейчас люблю. И потому мне страшно подумать, что жизнь отца пропала зря. Понимаешь, все пошло насмарку. А могила? Ее могут раскопать, а отца вышвырнуть на улицу. — Голос Чарльза дрожал от боли. — А ты-то его любил?! — выкрикнул он в лицо брату.

— До этого момента я и сам не знал, — признался Адам. — Не мог разобраться в своих чувствах. Нет, я его не любил.

— Тогда тебе наплевать, что его жизнь прошла впустую, а его несчастное тело выроют из земли… Господи, да что же это такое!

Адам лихорадочно подбирал слова, чтобы лучше выразить свои чувства.

— А меня это и не должно волновать.

— Разумеется, — с горечью согласился Чарльз. — Если ты его не любил, то чего переживать? Можешь даже присоединиться к глумящейся толпе и полить его грязью.

Адам понимал, что брат больше не представляет опасности. Повод для ревности исчез, отцовские грехи легли всей тяжестью на Чарльза, зато теперь отец принадлежит только ему, и уже

никто не может его отнять.

— И как ты собираешься пойти в город и посмотреть людям в глаза, когда все станет известно? — требовательно спросил Чарльз.

— Я уже сказал, что меня это не волнует. С какой стати я должен переживать, если не верю ни единому слову.

— И чему же ты не веришь?

— Не верю, что он украл деньги, но не сомневаюсь, что отец воевал и принимал участие во всех сражениях, о которых рассказывал.

— Есть доказательства! А как же послужной список?

— У тебя нет никаких доказательств, что он украл деньги, и ты просто сам все выдумал, потому что не знаешь, откуда они взялись.

— Но его армейские документы…

— Там может быть ошибка, — настаивал Адам. — Не сомневаюсь, что там ошибка, и верю в своего отца.

— Ничего не понимаю.

— Попробую объяснить. Имеются веские доказательства, что Бога не существует, но множество людей верит, что он есть, и их веру не могут поколебать никакие доказательства.

— Ты ведь признался, что не любил отца. Как

же ты можешь в нем не сомневаться?

— Возможно, в этом-то и кроется главная причина. — Адам говорил медленно, обдумывая каждое слово. — Если бы я любил отца, то испытывал бы ревность, как ты. Вероятно, любовь делает людей подозрительными и заставляет сомневаться. Ведь когда любишь женщину, все время в ней сомневаешься, потому что не уверен в себе самом, так? Теперь я это ясно понимаю. Знаю, как ты его любил, и вижу, что эта любовь с тобой натворила. А вот я отца не любил, хотя он меня, может быть, и любил. Он все время меня испытывал, обижал и наказывал и в конце концов вообще отослал в армию, будто принес в жертву во искупление каких-то своих грехов. А тебя он хоть и не любил, зато не сомневался в тебе. Похоже… Ну да, сдается, тут все шиворот-навыворот.

— Ничего не понимаю, — признался Чарльз, в изумлении глядя на брата.

— Я и сам еще не до конца понял. Только пытаюсь разобраться. Эта мысль пришла в голову недавно. Но сейчас мне хорошо. Никогда в жизни не чувствовал себя лучше. Будто избавился от чего-то лишнего. Возможно, потом стану таким, как ты, но не сейчас. А пока мне просто хорошо.

— Не понимаю, — повторил Чарльз.

— Неужели трудно понять, что я не считаю отца ни вором, ни лжецом?

— Но документы…

— Плевать на документы, они ничего не значат в сравнении с моей верой в отца.

— Значит, ты возьмешь деньги? — спросил Чарльз, тяжело дыша.

— Разумеется.

— Даже если он их украл?

— Ничего он не крал и не мог украсть.

— Все равно не понимаю, — твердил Чарльз.

— Не понимаешь? Похоже, в этом-то и кроется весь секрет. Послушай, я раньше об этом никогда не говорил. Помнишь, как ты меня отколотил перед уходом в армию?

— Помню.

— А помнишь, что было дальше? Ты вернулся с топором в руках, чтобы меня убить.

— Не помню. Должно быть, у меня помутился рассудок.

— Тогда я не понимал, но теперь точно знаю — ты сражался за свою любовь.

— За любовь?

— Да, — подтвердил Адам. — Мы будем расходовать деньги с пользой. Может, останемся здесь или уедем… Скажем, в Калифорнию. Посмотрим,

как нам жить дальше. И разумеется, нужно поставить отцу солидный красивый памятник.

— Никуда я отсюда не поеду, — заявил Чарльз.

— Поживем — увидим. Торопиться некуда. У нас много времени, чтобы все хорошенько обдумать.

Глава 8
1

Я верю, что нормальные родители могут дать жизнь чудовищу. Всем нам доводилось встречаться с уродливыми существами с огромной головой и маленьким хилым тельцем. Одни рождаются без рук и ног, а у других бывает по три руки, безобразный хвост или рот находится совсем не на том месте, где полагается. Принято думать, что своим появлением на свет они обязаны роковой случайности и ничьей вины тут нет. Правда, в прежние времена их считали наглядной карой за тайные грехи.

И коль в мире рождаются создания с всевозможными физическими пороками, почему не появиться на свет божий и людям с уродствами моральными и психическими? Лицо и тело у них может поражать безупречной красотой, но если по вине взбунтовавшегося гена или неполноценной яйцеклетки появляются существа с врожденным физическим уродством, вполне резонно предположить, что аналогичный процесс приведет к рождению людей с деформированной,

ущербной душой.

Уроды представляют собой в большей или меньшей степени отклонение от общепризнанной нормы, и точно так же, как ребенок появляется на свет без руки, он может родиться без зачатков доброты или совести. Человек, лишившийся рук в результате несчастного случая, вынужден преодолевать массу трудностей, приспосабливаясь и свыкаясь с потерей, а безрукий от рождения страдает только по вине людей, которые считают его странным, не таким, как все. У него никогда не было рук, он не может осознать, что означает их иметь, и потому не ощущает их отсутствия. Порой в детстве мы представляем, что у нас вдруг выросли крылья, но это ощущение совсем не похоже на то, что владеет птицами. В понимании урода общепринятая норма выглядит чудовищно безобразной, потому что каждый человек считает нормальным именно себя. Для человека, наделенного внутренними, не видимыми глазу пороками, понятие «норма» является еще более расплывчатым, так как его внешность не отличается от других людей. Родившемуся без совести человек с чуткой ранимой душой кажется смешным и нелепым, а в глазах преступника честность выглядит беспросветной глупостью.

Следует помнить, что уродство — это всего лишь отклонение, и любой монстр считает уродливым то, что кажется нормальным другим людям.

Я убежден, что Кэти Эймс родилась с наклонностями (или отсутствием таковых), которые определяли ее поведение и оказывали влияние в течение всей жизни. Так бывает, когда разбалансируется один маховичок, и весь механизм работает наперекосяк. С самого рождения Кэти отличалась от других людей. Подобно калеке, который научился использовать свой недостаток во благо и в определенном виде деятельности превзошел физически полноценных людей, Кэти пользовалась своей непохожестью, внося в окружающий мир смятение и мучительный разлад.

В старые времена люди назвали бы Кэти одержимой дьяволом, начали бы изгонять из нее злого духа, и если бы многократные попытки не дали должного результата, сожгли как ведьму на костре, во имя всеобщего блага. Единственное, что не прощается ведьме, это ее умение причинять людям горе, вселять чувство беспокойства и тревоги, а порой и зависти.

Природа будто расставила тщательно спрятанные силки, наградив Кэти невинным ангельским личиком, чудесными золотистыми волосами и

карими глазами с поволокой, которые придавали ей загадочный и томный вид. Маленький изящный носик, высокие, широко поставленные скулы, соскальзывающие к узкому подбородку, делая лицо похожим на сердечко. Красиво очерченный, хотя и слишком миниатюрный ротик с пухлыми губами, как говорят, настоящий «розовый бутон». Крошечные уши без мочек так плотно прилегают, что совсем не бросаются в глаза даже с поднятыми в высокую прическу волосами. Так, тоненькие лоскутки, приклеенные к голове.

Даже став взрослой женщиной, Кэти сохранила фигуру подростка. У нее были тонкие руки с изящными кистями, а грудь так и не развилась в полной мере. До того как она созрела, соски оставались втянутыми, а в десять лет грудь начала болеть, и матери пришлось вытаскивать их наружу. Фигурой Кэти напоминала мальчика-подростка, с узкими бедрами, прямыми ногами и тонкими, но не слишком изящными лодыжками. Ступни ног маленькие, широкие и округлые, с высоким подъемом, похожие на копытца. Кэти была прелестным ребенком и превратилась в очаровательную молодую женщину. Ее нежный голос с легкой хрипотцой порой звучал так слад-

ко, что никто не мог устоять перед его чарами. Однако в глотке Кэти, должно быть, имелся стальной трос, потому что в случае нужды ее голос мог резануть не хуже слесарной пилы.

Даже в детские годы в Кэти было нечто, неизменно привлекающее внимание людей. Взглянув на нее, люди отворачивались, но тут же снова оглядывались, охваченные неясной тревогой. В ее глазах притаилось нечто неведомое, но когда люди смотрели на нее во второй раз, оно куда-то исчезало. Двигалась Кэти неспешно и говорила мало, однако стоило ей зайти в комнату, и все взгляды устремлялись на нее.

Она будила в людях чувство тревоги, но не настолько, чтобы ее сторонились. И мужчинам, и женщинам хотелось получше ее рассмотреть, постоять рядом и выяснить причину исходящего от нее смутного беспокойства. Поскольку Кэти сталкивалась с таким явлением всю жизнь, то не находила в нем ничего странного.

Кэти во многом отличалась от остальных детей, однако одна черта особенно выделяла ее среди ровесников. Дети, как правило, не любят выделяться из общей массы и стремятся подражать поведению, одежде и разговору товарищей.

Если у них вдруг входит в моду чудовищный

в своей нелепости наряд, ребенок, лишенный возможности в него облачиться, страшно переживает. Стань в детской среде популярным ожерелье из свиных отбивных, и мальчик или девочка, не имеющие такого украшения, будут безутешны. Рабское подражание большинству обычно распространяется на все сферы жизни, будь то игры или любое другое занятие. Стремление к одинаковости играет у детей роль своего рода защитной окраски, которая обеспечивает безопасность.

С Кэти ничего подобного не происходило. Она никому не подражала ни в одежде, ни в поведении, и носила все, что пожелает. В результате другие дети начинали ей подражать.

Когда Кэти подросла, ровесники, представляющие собой, как любой детский коллектив, подобие стада, стали замечать, что она является существом чужеродным и странным. Взрослые поняли это уже давно. Теперь дети предпочитали общаться с Кэти только с глазу на глаз, а веселые стайки мальчишек и девчонок обходили ее стороной, будто она излучала неведомую опасность.

Кэти была отчаянной лгуньей, но и врала она не так, как другие дети. Ее ложь не имела ничего общего с фантазией, когда ребенок что-нибудь

выдумывает и в своих рассказах выдает за действительность и сам начинает в это верить. Всего лишь небольшое отступление от реальной жизни. Мне кажется, выдумка отличается от лжи тем, что рассказчик, стараясь придать истории правдоподобие, берет на вооружение все атрибуты правды, чтобы увлечь слушателя, а заодно увлекается и сам. Ни выгоды, ни убытка никому нет. Что касается лжи, то она является орудием наживы или средством избежать неприятностей. Полагаю, если строго придерживаться этой сентенции, писателя, обеспечивающего свое финансовое процветание за счет литературного творчества, можно смело назвать лжецом.

Ложь в устах Кэти не имела ничего общего с невинными фантазиями и всегда преследовала корыстные цели: избежать наказания, отвертеться от работы или ускользнуть от ответственности. Чаще всего лжецы попадают впросак по забывчивости или при внезапном столкновении с неопровержимой правдой. Однако Кэти забывчивостью не страдала, помнила до мелочей свое вранье и разработала в высшей степени удачную систему обмана. Она старалась стереть границу между ложью и правдой, чтобы подозрения окружающих, если они возникнут, не

переросли в уверенность. Применяла она и два других приема, либо искусно переплетая ложь с правдой, либо представляя правду как ложь. Если человека однажды обвинили во лжи, но впоследствии выясняется, что он говорил правду, ему обеспечено преимущество, позволяющее долгое время беззастенчиво врать.

Кэти росла в семье единственным ребенком, и у матери не имелось возможности для сравнения с другими детьми, вот она и считала, что дочь ничем не отличается от ровесников. Как всех родителей, мать Кэти мучили разного рода сомнения и тревоги, и она свято верила, что у друзей с детьми возникают такие же трудности.

Отец Кэти не разделял уверенности жены. Он владел кожевенной мастерской в одном из городков штата Массачусетс, которая, если работать не покладая рук, обеспечивала семье безбедное существование. Находясь вдали от дома, мистер Эймс общался с другими детьми и, скорее не разум, а внутреннее чутье подсказывало, что Кэти сильно отличается от ровесников. При мысли о дочери в душу закрадывалась тревога, и он не мог объяснить причину.

Почти у каждого человека в душе скрываются разного рода страстные желания, непреодо-

лимые влечения, похотливые фантазии или неуемное себялюбие, и большинство людей либо держат эти чувства в узде, либо находят тайный способ их удовлетворить. Кэти не только знала о существовании порочных помыслов у других людей, но и умела использовать их к собственной выгоде. Вполне возможно, она не верила в наличие у окружающих наклонностей иного рода и, несмотря на исключительное внутреннее чутье, в некоторых вопросах оставалась незрячей.

Совсем в юном возрасте она поняла, что зов плоти с сопутствующими ему вздыханиями, страданиями, вспышками ревности и всевозможными запретами представляет собой влечение, которое больше всего будоражит человека и вносит смуту в его жизнь. В то время оно причиняло еще больше тревог и волнений, чем в наши дни, так как считалось запретной темой. Каждый тщательно скрывал бушующее внутри пламя, делая вид, что его просто не существует, а когда оно обрушивалось на человека всей мощью, тот оказывался совершенно беспомощным перед этой стихией. Кэти быстро уяснила, что если умело манипулировать этой особенностью человеческой натуры, можно подчинить своей власти кого угодно. С одной стороны, плотское

влечение является оружием, а с другой — само представляет серьезную угрозу. Мало у кого хватит сил ему противостоять. Кэти никогда в жизни не находилась во власти ослепляющей страсти, которая делает человека беспомощным, и потому, вероятно, зов плоти волновал ее мало, и она презирала тех, кто не мог бороться с этим влечением. Если задуматься, то в некотором смысле она была права.

Только представьте, какую свободу обрели бы мужчины и женщины, если бы не склонность постоянно попадаться в силки и капканы, куда их заманивает зов плоти, обрекая на адские муки и рабское существование! У такой свободы всего один недостаток: без этого влечения люди потеряли бы человеческий облик и превратились в чудовищ.

В десять лет Кэти уже кое-что знала о великой силе сексуального влечения и хладнокровно приступила к экспериментам. Планируя свои действия, она всегда действовала трезво и расчетливо, предвидя ожидающие на пути трудности и заранее к ним готовясь.

Во все времена дети увлекались эротическими играми. Думаю, каждый нормальный мальчишка бегал с девочками по кустам, прятался под плаку-

чей ивой, в проложенной под дорогой трубе или в каком-нибудь другом укромном местечке, или хотя бы проделывал все это в мечтах. Почти всем родителям приходится рано или поздно сталкиваться с такой проблемой, и, если они еще не забыли свое детство, можно считать, что ребенку повезло. Однако в детские годы Кэти нравы были куда суровее, и родители, осуждающие любые проявления интереса к плотским удовольствиям у взрослых, приходили в ужас, обнаружив, что запретный предмет волнует их чад.

2

Однажды весенним утром, когда роса на молодой травке, распрямляющейся под солнечными лучами, еще не успела высохнуть, а на пропитанной теплом земле уже выросли желтые одуванчики, мать Кэти развешивала выстиранное белье. Эймсы жили на окраине городка, и за их домом находился амбар с каретным сараем, а также огород и загон для двух лошадей.

Миссис Эймс вспомнила, что Кэти пошла в сторону амбара, однако, когда она громко позвала дочь, ответа не последовало, и женщина решила, что ошиблась. Она уже собиралась вернуться в

дом, когда из каретного сарая послышался сдавленный смешок.

— Кэти! — громко окликнула она дочь, но та не отозвалась.

Миссис Эймс почувствовала смутную тревогу. Она воспроизвела в памяти звук голоса и поняла, что он не принадлежит Кэти, которая никогда не отличалась смешливостью.

Никто не понимает характера и причин внезапной родительской тревоги за родное чадо. Конечно, в большинстве случаев опасения оказываются беспочвенными, и, как правило, подобное случается в семьях с единственным ребенком, родители которого легко поддаются страхам его потерять.

Миссис Эймс застыла на месте, прислушиваясь. Вскоре снова послышались приглушенные голоса, и она крадучись двинулась в сторону сарая. Двустворчатые двери были закрыты, а изнутри доносилось подозрительное шушуканье, но голоса дочери миссис Эймс различить не смогла. Женщина бросилась к сараю и резко распахнула дверь. Поток солнечного света ворвался в полутемное помещение, и при виде представшего ее взору зрелища миссис Эймс застыла на пороге с отвисшей челюстью. Кэти лежала на полу с

задранной до пояса юбкой, а рядом стояли на коленях два мальчика лет четырнадцати. От неожиданности они тоже словно примерзли к полу. Глаза Кэти расширились и потемнели от ужаса. Миссис Эймс знала и мальчишек, и их родителей.

Вдруг один из мальчиков вскочил с места и, пролетев стрелой мимо женщины, скрылся за углом дома. Второй мальчишка с беспомощным видом попятился от миссис Эймс и с громким криком бросился к выходу. Миссис Эймс ухватила его за шиворот, но ткань выскользнула из рук, и подросток, как ошпаренный, вылетел на улицу. Только слышался быстро удаляющийся топот ног.

Миссис Эймс хотела заговорить, но из горла с трудом вырвался сдавленный хриплый шепот:

— Вставай!

Кэти не двинулась с места, тупо уставившись на мать. Миссис Эймс только сейчас заметила, что руки дочери связаны толстой веревкой. С громким криком она опустилась на колени и принялась распутывать узлы. Потом она схватила Кэти на руки, отнесла в дом и уложила в постель.

Семейный врач, осмотрев девочку, признаков

насилия не обнаружил.

— Благодарите господа, что вовремя пришли, — то и дело повторял он.

Кэти долго не разговаривала, и врач определил, что это от пережитого потрясения. Когда девочка в конце концов оправилась, то наотрез отказалась говорить о случившемся. Если Кэти задавали вопросы, ее глаза тут же расширялись от страха, дыхание замедлялось, а лицо наливалось кровью.

При разговоре с родителями мальчиков присутствовал и доктор Уильямс. Мистер Эймс большей частью молчал. Он принес веревку, которой связали руки дочери, но в глазах застыло недоумение. Отдельных деталей он так и не понял, но своими сомнениями делиться не стал.

Миссис Эймс ударилась в истерику. Она сама присутствовала на месте преступления и все видела своими глазами, а посему именно она и является главным судьей. Однако за истеричными выкриками просматривалась злобная физиономия дьявола. Женщина жаждала крови и испытывала садистское удовольствие, требуя наказания для безобразников. Город, да и всю страну нужно оградить от подобных бесчинств. Эта мысль прослеживалась красной нитью. Слава

богу, она вовремя появилась на месте преступления, а что, если в другой раз повезет меньше и она не успеет? И какие чувства должны переживать другие матери? Ведь Кэти всего десять лет.

В прежние времена наказания были гораздо суровее, чем сейчас, и люди искренне верили, что кнут является орудием добродетели. Мальчиков безжалостно выпороли, сначала поодиночке, а потом обоих вместе.

Их преступление и так было тяжким, но ложь, которую они изобрели, оказалась такой наглой и беззастенчивой, что очистить от греха не мог даже кнут. Оправдания мальчишек с самого начала выглядели смехотворными. По их словам, Кэти затеяла все сама, и они заплатили девочке по пять центов, и руки ей не связывали, а с веревкой девчонка играла.

Миссис Эймс не выдержала первой, и весь город разделил ее праведный гнев. «Они что, хотят сказать, что Кэти сама связала себе руки? Десятилетний ребенок?»

Если бы мальчишки признались в содеянном преступлении, то могли бы облегчить свою участь, но упорное отрицание вины привело в ярость не только их отцов, жестоко выпоровших своих чад, но и всех обитателей городка. С одоб-

рения родителей обоих мальчиков отправили в исправительный дом.

— Девочке не дает покоя весь этот ужас, — сетовала миссис Эймс соседям. — Если бы Кэти могла об этом поговорить, ей стало бы легче, но стоит мне задать какой-нибудь вопрос, и она словно все переживает заново и цепенеет от ужаса.

Эймсы никогда больше не напоминали дочери об этой истории. Тема считалась запретной. Мистер Эймс вскоре выбросил из головы преследовавшие его сомнения. Не слишком приятно осознавать, что два мальчика угодили в исправительный дом за преступление, которого не совершали.

Когда Кэти окончательно оправилась от пережитого потрясения, дети поначалу ее сторонились, но потом стали тянуться к ней, как зачарованные. В отличие от других девочек-подростков Кэти ни в кого не влюблялась, и мальчишки из боязни быть осмеянными приятелями не осмеливались провожать ее из школы. Тем не менее ее влияние на сверстников было огромным, и когда кто-нибудь из мальчишек все же отваживался подойти, то чувствовал, что его влечет к этой девочке непреодолимая таинственная сила.

Кэти росла прелестной, полной изящества и

грации девочкой с тихим проникновенным голосом. Одна любила совершать долгие прогулки в одиночестве и редкий день не сталкивалась во время них с каким-нибудь мальчиком. Слухи ползли разные, однако никто точно не знал, чем Кэти занимается, а если что и было, то об этом только перешептывались, что само по себе выглядело странно. Ведь обычно у девочек-подростков полно секретов, которые так и тянет выболтать друзьям.

Улыбалась Кэти тоже по-особому. Так, едва уловимое движение губ, тень улыбки. А еще она имела обыкновение, стрельнув глазами в сторону, тут же их потупить, намекая встретившемуся на пути мальчику на тайну, которой может с ним поделиться.

В голове у отца Кэти вертелся назойливый вопрос, который он старательно отгонял прочь и даже обвинял себя в непорядочности за греховные мысли. Кэти всегда сопутствовало удивительное везение находить ценные вещи, то золотой брелок, то деньги или маленькую шелковую дамскую сумочку, а однажды она нашла серебряный крестик с красными камешками, которые оказались рубинами. Кэти постоянно что-нибудь находила, но когда отец дал объяв-

ление о найденном крестике в еженедельник «Курьер», владелец так и не откликнулся.

Мистер Эймс, отец Кэти, был человеком сдержанным и скрытным, редко высказывал свои мысли вслух и уж тем более не рискнул бы поделиться ими с соседями, храня при себе смутные подозрения. Гораздо разумнее, удобнее и безопаснее делать вид, что ничего не знаешь. Что до миссис Эймс, дочь окутала ее коконом, сплетенным из такого множества правдоподобных обманов, прозрачных намеков и недомолвок, что она не смогла бы различить среди них истину, какой бы очевидной и бросающейся в глаза она ни была.

3

Кэти хорошела не по дням, а по часам. Цветущее личико с нежной кожей, прелестный изящный ротик, золотистые локоны и широко поставленные невинные глаза. Их взгляд вдруг становился манящим и многообещающим, и все это неизменно привлекало людские взоры. Кэти закончила восемь классов средней школы с отличными оценками, и родители направили ее в небольшой колледж, хотя в то время девушки,

как правило, не продолжали учебу. Однако Кэти заявила, что хочет стать учительницей, приведя в умиление родителей, так как это считалось единственной достойной профессией для девушки из приличной, но не слишком обеспеченной семьи. Родители по праву гордились дочерью-учительницей.

Кэти поступила в колледж в четырнадцать лет. Родители по-прежнему души в ней не чаяли, однако, приобщившись к таинствам алгебры и латыни, девушка вознеслась в заоблачные высоты, куда отцу и матери доступ был закрыт. Они потеряли дочь, понимая, что она стала существом высшего порядка.

Латынь в колледже преподавал бледный впечатлительный юноша, отчисленный из духовной семинарии. Однако его знаний хватало, чтобы обучать других обязательному набору, состоящему из латинской грамматики и трудов Цезаря и Цицерона. Тихий и скромный, он свыкся с участью неудачника и даже испытывал от этого удовольствие, свято веря, что Всевышний отринул его справедливо.

И вдруг окружающие стали замечать, что Джеймс Грю заметно оживился, а его глаза все чаще загораются огнем. В компании Кэти его

ни разу не застали, и никто не заподозрил, что между ними завязались определенного рода отношения.

Джеймс Грю превратился в мужчину и теперь не ходил, а буквально летал, тихонько напевая про себя. Его письма в семинарию выглядели такими убедительными, что местное руководство всерьез подумывало о его восстановлении в рядах учащихся.

Но неожиданно вспыхнувшее пламя так же внезапно погасло. Еще вчера гордо расправленные плечи понуро поникли, в глазах появился лихорадочный блеск, а руки стали судорожно подергиваться. По вечерам Джеймса Грю видели в церкви, где он, стоя на коленях, беззвучно шептал молитвы. Он стал пропускать занятия, посылая записки, что болен, хотя все прекрасно знали, что он подолгу бродит в одиночестве среди раскинувшихся за городом холмов.

Однажды поздним вечером он постучался в дом к Эймсам. Мистер Эймс, недовольно бурча себе под нос, вылез из теплой постели, зажег свечу и, накинув поверх ночной сорочки теплое пальто, направился к двери. На пороге, дрожа как осиновый лист, стоял Джеймс Грю с блуждающим безумным взглядом.

— Мне нужно с вами поговорить, — хрипло выдавил он.

— Однако час уже поздний, — с суровым видом возразил мистер Эймс.

— Мне необходимо поговорить с вами с глазу на глаз. Накиньте что-нибудь потеплее и выйдем на улицу. Мне очень нужно что-то вам сказать.

— Знаете, юноша, вы либо больны, либо в стельку пьяны. Ступайте домой и проспитесь. Уже за полночь.

— Не могу я ждать до утра. Нам надо поговорить немедленно.

— Приходите утром в кожевенную мастерскую, — заявил мистер Эймс, с решительным видом закрывая дверь перед носом назойливого посетителя. Некоторое время он стоял, притаившись, и прислушивался к тому, что происходит на улице.

— Не могу я ждать! Понимаете, не могу! — раздавались жалобные стоны, а потом послышались шаркающие шаги.

Прикрыв лампу рукой, чтобы не слепила глаза, мистер Эймс побрел в спальню. На мгновение ему показалось, что дверь в комнату Кэти бесшумно закрылась, но скорее всего его ввела в заблуждение игра света и тени, так как при свете лампы

показалось, что портьера тоже колышется.

— Кого там принесло? — поинтересовалась жена, когда он уже улегся в кровать.

Мистер Эймс и сам не понял, как с губ сорвался неожиданный ответ:

— Какой-то пьянчужка. — Возможно, ему просто хотелось прекратить дальнейшие расспросы.

— И куда только катится мир! — сердито проворчала миссис Эймс.

Мистер Эймс погасил свечу и лежал в темноте, но перед глазами стоял зеленый кружок пламени, из которого, как из рамки, смотрели безумные, умоляющие глаза Джеймса Грю. Заснул он в ту ночь не скоро.

А утром по городку поползли противоречивые слухи, и только к полудню стала вырисовываться ясная картина. Церковный сторож обнаружил на полу перед алтарем распростертое тело Джеймса Грю. Вся верхняя часть черепа была снесена, а рядом лежали дробовик и палочка, которой самоубийца нажал на спусковой крючок. Чуть поодаль стоял снятый с алтаря подсвечник, в котором из трех свечей зажгли только одну, и она еще не догорела, и лежали две положенные одна на другую книги — псалтырь и молитвослов. По мнению сторожа, Джеймс Грю положил

ствол дробовика на книги, чтобы дуло оказалось вровень с виском, но в результате отдачи от выстрела ружье упало на пол.

Многие вспомнили, что слышали рано утром выстрел. Еще не рассвело. Джеймс Грю не оставил посмертной записки, и причина самоубийства так и осталась невыясненной.

Мистер Эймс хотел немедленно отправиться в полицию и рассказать о ночном визите Джеймса Грю, но потом подумал: «А что толку? Если бы мне было что-нибудь известно, тогда другое дело, но я-то ничегошеньки не знаю». Мистера Эймса охватило тошнотворное муторное чувство, хотя он без конца убеждал себя, что его вины в горестном событии нет. Да и чем он мог помочь Джеймсу Грю, даже не зная, чего тот хочет. И все же он чувствовал себя виноватым и несчастным.

За ужином жена заговорила о самоубийстве, и у мистера Эймса пропал аппетит. Кэти сидела молча, но она и прежде не отличалась разговорчивостью. Девушка откусывала маленькие кусочки и то и дело вытирала губы салфеткой.

Миссис Эймс в красочных подробностях описывала покойника и дробовик.

— Я вот что хочу спросить, — обратилась она к мужу. — А тот пьянчужка, что ломился к нам

в дверь прошлой ночью… Это, часом, был не Джеймс Грю?

— Нет, — торопливо ответил мистер Эймс.

— Точно? Может, ты не разглядел впотьмах?

— Я зажег свечу, — оборвал жену мистер Эймс. — Нисколько не похож на Джеймса Грю. У того была длинная борода.

— Нечего на меня покрикивать, — возмутилась миссис Эймс. — Я же просто спросила.

Кэти аккуратно вытерла рот салфеткой, а когда положила ее на стол, родители увидели, что она улыбается.

Миссис Эймс обратилась к дочери:

— Кэти, ты же каждый день встречалась с ним в школе. Может, он выглядел в последнее время опечаленным? Не заметила ли ты чего?

Кэти потупила взор в тарелку, а потом подняла глаза и сказала:

— Мне показалось, он болен. Да, в последнее время он плохо выглядел. Все в школе сегодня только об этом и говорили, и кто-то, я уж точно не помню, сказал, что у мистера Грю неприятности в Бостоне. Какие именно — не знаю. Мы все любили мистера Грю. — Девушка снова изящным движением вытерла ротик.

Кэти осталась верна своей тактике. Уже на

следующий день все в городке знали, что Джеймс Грю попал в Бостоне в какую-то историю, и никому и в голову не приходило, что этот слух пустила Кэти. Даже сама миссис Эймс уже не помнила, откуда узнала новость.

4

Кэти исполнилось шестнадцать лет, и вскоре ее точно подменили. Однажды утром она не встала как обычно, чтобы пойти в колледж. Когда мать зашла в ее комнату, то застала ее в постели. Кэти с задумчивым видом изучала потолок.

— Поторопись, а то опоздаешь. Уже почти девять часов.

— Я никуда не пойду, — равнодушным голосом откликнулась Кэти.

— Уж не заболела ли?

— Нет.

— Тогда вставай поскорее.

— Я же сказала: никуда не пойду, — невозмутимо заявила Кэти. — Вообще больше не пойду в колледж.

От неожиданности мать застыла с открытым ртом:

— Как тебя понимать?

— Никогда больше не пойду в колледж, — повторила Кэти, не отрывая взгляда от потолка.

— Посмотрим, что на это скажет отец! Столько затрачено трудов и денег, а через два года получишь диплом! — Миссис Эймс подошла совсем близко к дочери и тихо спросила: — А ты, часом, не замуж собралась?

— Нет.

— Что за книгу ты прячешь?

— Да вот она. И не думаю прятать.

— О господи! «Алиса в Стране чудес»! А не слишком ли ты велика для таких книжек?

— Могу стать такой маленькой, что тебе и не разглядеть, — возразила Кэти.

— Да что ты несешь?

— И никто меня не отыщет.

— Прекрати дурачиться! — рассердилась мать. — Не понимаю, о чем ты только думаешь? И чем же намерена заняться госпожа фантазерка?

— Пока не знаю, — отозвалась Кэти. — Думаю, уеду куда-нибудь.

— Ладно, лежи пока, мисс фантазерка, а вот когда вернется отец, уж он тебе скажет пару ласковых слов.

Кэти медленно повернулась к матери и встретилась с ней взглядом. Ее глаза были пустыми и

холодными, и миссис Эймс вдруг испугалась дочери. Она тихо выскользнула из комнаты, закрыв за собой дверь. Добравшись до кухни, она села на стул, сложив руки на коленях, и уставилась в окно, за которым виднелся ветхий сарай.

Дочь вдруг стала чужой. Как случается в один прекрасный день с большинством родителей, миссис Эймс обнаружила, что теряет власть над своим чадом и поводья, данные ей, для того чтобы направлять Кэти на правильный путь, выскальзывают из рук. Она и не подозревала, что никогда не имела влияния на Кэти и была всего лишь орудием в руках дочери. Придя в себя, миссис Эймс надела шляпку и направилась в кожевенную мастерскую. Дома обсуждать с мужем поведение Кэти не хотелось.

После полудня Кэти с неохотой покинула постель и долгое время сидела перед зеркалом.

Тем же вечером мистер Эймс, проклиная все на свете, прочел нотацию о дочернем долге, любви и почтении, которые Кэти должна испытывать к родителям. Проникновенная речь подходила к концу, когда мистер Эймс вдруг понял, что дочь его не слушает. Поведение Кэти взбесило отца, и он прибегнул к угрозам, пустившись в рассуждения о власти над малолетним чадом, которой

Господь Бог и государство наделяют родителей. Теперь Кэти внимательно слушала отца, глядя на него в упор немигающим взглядом. На губах Кэти блуждала легкая улыбка. В конце концов мистер Эймс не выдержал и отвел глаза в сторону, рассердившись еще больше. Прикрикнув на дочь, он велел ей выбросить из головы глупости и прозрачно намекнул, что в противном случае прибегнет к обычной порке.

— Пообещай, что утром пойдешь в колледж и перестанешь валять дурака, — на робкой ноте завершил свою речь мистер Эймс.

Лицо дочери ничего не выражало, а пухлые губки упрямо сжались.

— Хорошо, — согласилась она наконец.

Поздним вечером мистер Эймс с напускной твердостью в голосе убеждал жену:

— Вот видишь, иногда нужно проявить родительскую власть, а мы обращались с ней слишком уж мягко. Правда, Кэти всегда вела себя безупречно. Просто она забыла, кто здесь хозяин. Немного строгости еще никому не повредило. — К несчастью, мистер Эймс вовсе не испытывал уверенности, которую пытался вложить в свои слова.

А утром Кэти исчезла. Пропала и ее дорожная

соломенная корзинка вместе с самыми красивыми платьями. Кровать стояла аккуратно застланная. Комната Кэти выглядела безликой, не осталось и намека, что здесь жила и взрослела девочка. Ни картинок на стенах, ни памятных вещичек или другой чепухи, которой так увлекаются дети. В куклы Кэти никогда не играла. Одним словом, не осталось ни единого следа от ее многолетнего пребывания в этой комнате.

Мистер Эймс был по-своему человеком весьма неглупым. Нахлобучив шляпу-котелок, он поспешил на железнодорожную станцию. Начальник станции с уверенностью заявил, что Кэти села на первый утренний поезд. Девочка купила билет до Бостона. Он помог составить телеграмму, адресованную бостонской полиции, и мистер Эймс, купив билет до Бостона и обратно, успел на поезд, который отправлялся в 9.50. В критических ситуациях он вел себя, как подобает настоящему мужчине.

Тот вечер миссис Эймс провела на кухне при плотно закрытой двери. Бледная как смерть, она сидела, вцепившись руками в стол, и безуспешно пыталась унять дрожь во всем теле. Но и через закрытую дверь отчетливо слышались сначала только удары, а потом и истошные крики.

Мистер Эймс никогда прежде не прибегал к порке и потому с кнутом обращался неумело. Он неловко хлестнул Кэти по ногам, но когда та, не шелохнувшись, уставилась на отца равнодушным взглядом, окончательно вышел из себя. Первые удары были неуверенными и слабыми, но, видя, что дочь и не думает плакать, мистер Эймс принялся что есть силы хлестать ее по бокам и плечам. Свистя в воздухе, кнут впивался в тело. Потеряв голову от ярости, он то промахивался, то подходил слишком близко, и кнут обвивался кольцом вокруг Кэти.

Соображала Кэти на удивление быстро. Она хорошо знала характер отца и как только поняла, в каком состоянии тот находится, принялась визжать, извиваясь всем телом.

Мольбы о прощении возымели должное действие, и, к своей радости, Кэти почувствовала, что удары уже не такие сильные.

Мистер Эймс не на шутку испугался дела своих рук и прекратил избиение. Кэти с рыданиями упала на кровать. Догадайся отец посмотреть повнимательнее, он бы непременно заметил, что в глазах у дочери нет ни слезинки, и только шея напряглась, а на скулах, у самых висков, вздулись желваки.

— Ну, будешь еще бегать из дома? — обратился он к дочери.

— Нет-нет! Прости! — жалобно скулила Кэти, отворачиваясь к стене, чтобы отец не рассмотрел злобного выражения, застывшего на лице.

— Не забывайся, знай свое место и помни, что главный здесь я.

— Не забуду, — сквозь сдавленное рыдание пробормотала Кэти.

Миссис Эймс сидела на кухне, в отчаянии ломая руки. Муж осторожно погладил ее по плечу.

— Думаешь, мне не больно? — начал он. — Но иначе нельзя. Похоже, порка пошла ей на пользу, и мне показалось, что Кэти все поняла и изменит свое поведение. Как говорится, пожалеешь розги — испортишь дитя. Видимо, слишком мы ее баловали, и в этом наша ошибка.

Мистер Эймс понимал, что хотя жена сама настояла на порке, теперь она испытывает к мужу ненависть. При этой мысли им овладело отчаяние.

5

На первый взгляд казалось, что именно кнута Кэти и не хватало. По словам мистера Эймса,

она стала ближе к родителям. Кэти всегда была послушной девочкой, а теперь стала еще и заботливой дочерью. После неудачного побега она принялась помогать матери на кухне, предлагая свою помощь, даже когда в том не было нужды. Она начала вязать для матери шерстяную шаль, а на такую работу уйдет не один месяц. Миссис Эймс хвасталась соседкам: «У Кэти изумительный вкус и чувство цвета. Подумать только, подобрала красно-коричневые и желтые нитки. Уже связала три квадрата».

Для отца у Кэти всегда имелась наготове улыбка. Когда он возвращался домой, дочь предупредительно вешала его шляпу на крючок и ставила стул так, чтобы свет падал с нужной стороны и отцу было удобно читать.

Даже в колледже Кэти вела себя по-иному. Она всегда считалась примерной ученицей, но теперь стала обдумывать планы на будущее. Девушка побеседовала с директором об экзаменах на учительский диплом и попросила разрешения сдать их на год раньше. Ознакомившись с текущими оценками, директор решил, что у Кэти хороший шанс справиться с поставленной задачей. Вскоре он заглянул в кожевенную мастерскую, чтобы обсудить просьбу Кэти с мистером Эймсом.

— Она ничего нам не сказала, — с гордостью в голосе признался мистер Эймс.

— Что ж, возможно, и мне не стоило вам говорить. Однако надеюсь, такой сюрприз не испортил вам настроения.

Супруги Эймсы наивно полагали, что случайно обрели волшебное средство для решения всех проблем. Свой успех они объясняли подсознательной родительской мудростью, продиктованной любовью к ребенку.

— В жизни не видел, чтобы человек так изменился прямо на глазах, — удивлялся мистер Эймс.

— Но Кэти всегда была славной девочкой, — возражала жена. — А ты заметил, как она похорошела? Просто красавица. А какой изумительный цвет лица!

— Думаю, с такой внешностью ей недолго работать в школе, — поддакнул муж.

Кэти и правда вся сияла. С губ не сходила детская улыбка, пока она тщательно готовилась совершить задуманное. Времени у нее хватало. Она вычистила погреб и старательно заткнула бумагой все щели, чтобы не было сквозняка. Заметив, что кухонная дверь скрипит, девушка смазала петли и замок, который иногда заедало. И

уж коль в руках оказалось масло, смазала заодно и петли парадной двери. Она следила, чтобы все лампы в доме были заправлены, а на стекле не оседала копоть, и изобрела собственный способ их очистки. Кэти окунала стеклянные колпаки в жестяную банку с керосином, которая хранилась в подвале.

— Смотрю и глазам не верю, — удивлялся мистер Эймс.

Перемены в поведении Кэти наблюдались не только в домашних делах. Преодолев отвращение к запаху дубильных растворов, она повадилась навещать отца в кожевенной мастерской. Девушке пошел семнадцатый год, и отец по-прежнему считал ее ребенком. Вопросы об особенностях работы в мастерской, которые задавала дочь, приводили мистера Эймса в изумление.

— Да она сообразительнее многих знакомых мне мужчин, — признавался он старшему мастеру. — Смотришь, и станет вместо меня хозяйкой в мастерской.

Кэти интересовал не только процесс выделки кож, но и коммерческая сторона дела. Отец объяснил, как взять и погасить кредит, посвятил в тонкости бухгалтерии и выдачи зарплаты рабочим. Он показал, как открывается сейф, и

был приятно удивлен, что дочь с первого раза запомнила комбинацию цифр в коде.

— Я вот что скажу, — объяснял он жене. — В каждом из нас живет эдакая чертовщинка, и нет ничего хорошего, если ребенок не проказничает. По-моему, это просто способ дать выход скопившейся энергии, и если держать эту энергию под контролем, она сама направится в нужное русло.

Тем временем Кэти перештопала свою одежду и привела в порядок все вещи.

Однажды майским днем она вернулась из школы и сразу взялась за вязание. Миссис Эймс уже одетая стояла на пороге.

— Мне нужно на собрание алтарной гильдии, — пояснила она дочери. — Там обсуждается вопрос о проведении аукциона тортов на следующей неделе. Меня избрали председателем. Отец спрашивал, не сможешь ли ты зайти в банк, забрать деньги на зарплату рабочим и отнести в кожевенную мастерскую. Я сказала, что занимаюсь аукционом тортов и помочь ему не успею.

— С удовольствием помогу, — заверила Кэти.

— Деньги уже приготовили и выдадут тебе в мешочке, — сказала миссис Эймс и поспешила на собрание.

Кэти действовала быстро, но без ненужной

суеты. Чтобы не испачкаться, она надела поверх одежды старый передник, нашла в подвале банку из-под конфитюра с крышкой и отнесла в сарай, где хранились инструменты. Потом сходила в курятник, поймала молодую курицу и, положив ее на деревянный чурбак, отрубила голову и долго держала судорожно подергивающуюся шею над банкой, пока та не наполнилась кровью. Затем Кэти отнесла тушку курицы к навозной куче и закопала поглубже. Вернувшись в кухню, сняла передник, затолкала в печь и стала шевелить кочергой угли, ожидая, когда пламя перекинется на ткань. Закончив работу, девушка вымыла руки, внимательно осмотрела туфли и чулки. Заметив на носке правой туфли маленькое темное пятнышко, она тут же его аккуратно вытерла и взглянула на себя в зеркало. Щеки горели румянцем, глаза сияли, а на губах играла невинная детская улыбка. Выйдя из дома, Кэти спрятала банку под нижнюю ступеньку кухонного крыльца. С момента ухода миссис Эймс прошло не более десяти минут.

Легкой, танцующей походкой Кэти обошла вокруг дома и оказалась на улице. На деревьях распускались листья, а на лужайках уже желтели первые одуванчики. Кэти весело шагала к центру

городка, где находился банк, и выглядела такой очаровательной и полной юной свежести, что встречные прохожие оглядывались ей вслед и долго провожали взглядом.

6

Пожар вспыхнул около трех часов ночи. Пламя с ревом взметнулось вверх, раздался страшный треск и грохот, а потом огненный столб рухнул и рассыпался множеством искр. Все случилось так быстро, что никто не успел опомниться, и когда появилась добровольная пожарная команда, притащившая тележку со шлангом, помочь она уже ничем не могла. Оставалось только поливать водой крыши соседних домов, чтобы на них не перекинулся огонь.

Дом Эймсов взлетел в воздух как ракета. Добровольцы-пожарные и сбежавшиеся к сгоревшему дому зеваки осматривались по сторонам в надежде найти среди освещенных огнем лиц супругов Эймс и их дочь. Внезапно всех осенило, что никого из Эймсов среди присутствующих нет. Люди как завороженные смотрели на огромную могилу из тлеющих углей, представляя себя и своих детей погребенными под остатками дома. При этой

мысли сердца сжимались от страха, и в горле перехватывало дыхание. Пожарные принялись лить воду на догорающий дом, словно еще оставалась искра надежды спасти хоть кого-нибудь из его обитателей. По городку пополз жуткий слух, что вся семья погибла в огне.

Ближе к рассвету вокруг дымящейся черной груды столпился весь городок. Стоявшие в первых рядах зрители закрывали руками лица, защищаясь от жара. Пожарные без передышки качали воду, пытаясь охладить обуглившиеся руины. К полудню коронер приказал настелить смоченные водой доски и принялся ковырять ломом спекшиеся мокрые угли. Вскоре нашли останки мистера и миссис Эймс, по которым определили, что при пожаре погибло два человека. Соседи показали, где находилась комната Кэти, но как ни старались коронер и вызвавшиеся помочь добровольцы, старательно прочесывая граблями площадку, не удалось обнаружить ни одной косточки, ни даже зуба.

А вот начальник пожарной команды нашел ручки и замок от кухонной двери. Вид почерневшего от огня металла привел его в недоумение, причина которого стала понятна не сразу. Взяв у коронера грабли, он рьяно принялся за работу и

для начала направился к месту, где находилась входная дверь. Начальник пожарных старательно разгребал угли, пока не наткнулся на наполовину расплавленный, покореженный замок. Вокруг него уже собралась толпа любопытных.

— Что ты там ищешь, Джордж?

— В замках нет ключей, — с озадаченным видом откликнулся главный пожарный.

— Может, они просто упали на землю?

— И как вы себе это представляете?

— Ну, тогда расплавились.

— Замки ведь не расплавились.

— Возможно, их вынул сам Билл Эймс.

— Изнутри? — Он поднял вверх найденные трофеи. Оба язычка были выдвинуты наружу.

Поскольку дом хозяина сгорел вместе со своим владельцем, рабочие из кожевенной мастерской, в знак уважения к погибшему, не вышли на работу. Они ошивались вокруг пожарища, с деловитым видом предлагая помощь, но фактически только мешали, путаясь под ногами.

Старший мастер Джо Робинсон появился в кожевенной мастерской уже после обеда и обнаружил там открытый сейф и разбросанные по полу документы. По разбитому окну было ясно,

каким образом вор проник в помещение.

Теперь картина предстала совсем в ином свете. Значит, пожар не был случайностью. На смену горестному возбуждению пришел страх, а потом души людей наполнились гневом, неизменным спутником страха. Толпа разбрелась по округе в поисках улик.

Далеко идти не пришлось. В каретном сарае обнаружились так называемые «признаки борьбы» в виде сломанного ящика, разбитой лампы, процарапанных в пыли следов и клочьев соломы. Никому и в голову бы не пришло считать это «следами борьбы», если бы не кровь на полу.

Бразды правления взял в свои руки констебль, так как подобные дела входили в сферу его деятельности. Он тут же принялся выталкивать зевак из сарая. «Хотите уничтожить улики? — покрикивал он. — А ну марш все за дверь!»

Он обыскал помещение, что-то подобрал с пола, а в углу обнаружил нечто представляющее интерес. Подойдя к двери, он показал находку — испачканную кровью голубую ленту и крестик с красными камушками.

— Кто-нибудь узнал эти вещи? — обратился констебль к присутствующим.

В маленьком городке, где все знают друг дру-

га, трудно поверить, что злодейское убийство является делом рук соседа. Вот почему, если следы не ведут в определенном направлении, все подозрения падают на таинственного чужака, пришедшего из далекого мира, где подобные зверства являются делом обычным. И тогда начинаются налеты на лагеря бродяг, которых тащат в полицейский участок, а также тщательные проверки всех, кто остановился в гостиницах. Под подозрение попадает всякий, кого не знают жители городка. Как вы помните, на дворе стоял май, и бродяги, радуясь наступлению теплых дней и возможности расстелить одеяло у любого ручья, только что устремились в путь. Кроме того, в пяти милях от городка появился цыганский табор. Ох и досталось же несчастным цыганам!

Прочесали все окрестности в радиусе нескольких миль в поисках свежевскопанной земли, а также обследовали все водоемы, где, возможно, утопили тело Кэти.

— Она была такая хорошенькая, — вздыхали жители городка, намекая, что прекрасно понимают причину, по которой похитили Кэти. В конце концов на допрос привели заросшего, бессвязно бормочущего дурачка, который являлся отличным кандидатом на виселицу, так как не только

не имел алиби, но и вообще не помнил ни одного события в своей жизни. Своим слабым умишком он понимал, что люди, ведущие допрос, чего-то от него добиваются, и, будучи по натуре существом добродушным, он всей душой хотел дать им желаемое. Его заманивали в ловушку хитроумными наводящими вопросами, и бедняга с радостью туда шел и был счастлив, глядя на довольное лицо констебля. Он изо всех сил старался угодить этим высшим существам. Было в бедном недоумке что-то очень привлекательное и располагающее, но вот беда — слишком уж во многих грехах он признался и слишком запутанные давал показания. Приходилось то и дело напоминать о преступлениях, которые он якобы совершил. Он ощутил себя на вершине блаженства, представ перед лицом строгих, до смерти напуганных присяжных. Наконец удалось добиться чего-то путного в жизни!

Во все времена существовали и до сих пор встречаются судьи, чье преклонение перед законом и его назначением нести в мир справедливость сравнимо с любовью к женщине. Именно такой человек председательствовал на допросе перед передачей дела в суд. Чистый душой и неподкупный, он за свою жизнь не дал свершиться

множеству злых деяний. Без привычных подсказок признания мнимого преступника выглядели полной чепухой. Допросив его, судья понял, что хотя подозреваемый и старается следовать полученным указаниям, он просто не в состоянии вспомнить, кого убил, а уж тем более как и почему. Тяжело вздохнув, судья жестом приказал вывести обвиняемого из зала суда и поманил пальцем констебля.

— Послушай, Майк, — обратился к нему судья, — ну нельзя же так. Будь этот бедолага чуть умнее, так и попал бы с твоей легкой руки на виселицу.

— Но ведь он признался. — Констебль чувствовал себя оскорбленным в лучших чувствах, так как был он человеком честным и добросовестным.

— С таким же успехом он мог признаться, что взобрался по золотой лестнице на небеса и перерезал святому Петру глотку шаром для боулинга, — усмехнулся судья. — В следующий раз будь осмотрительнее, Майк. Закон создан, чтобы спасать, а не уничтожать людей.

В трагедиях местного масштаба время работает подобно мокрой кисти, скользящей по акварели. Четкие контуры расплываются, боль постепен-

но утихает, краски сливаются, а из множества отдельных линий получается большое серое пятно. Уже через месяц исчезла необходимость кого-нибудь вешать, а через два месяца вдруг обнаружилось, что серьезных улик и обвинений вообще никому предъявить нельзя. Если бы не убийство Кэти, пожар и ограбление кожевенной мастерской сочли бы случайностью. А потом люди решили, что без тела Кэти ее смерть доказать нельзя, даже если никто не сомневается, что девушки нет в живых.

В городке Кэти оставила после себя аромат приятных воспоминаний.

Глава 9
1

Мистер Эдвардс занимался сутенерским бизнесом аккуратно и неторопливо, не давая воли чувствам. Его жена и двое прекрасно воспитанных детей жили в богатом доме в одном из престижных районов Бостона. Еще в младенчестве оба сына были зачислены в знаменитую частную школу в Гротоне.

Миссис Эдвардс содержала дом в идеальном порядке и успешно руководила прислугой. Разумеется, мистеру Эдвардсу приходилось частенько отлучаться по делам, однако он умудрялся вести домашний образ жизни и проводил в кругу семьи гораздо больше вечеров, чем можно предположить, учитывая род его занятий. Свои дела мистер Эдвардс вел так аккуратно и четко, что ему мог бы позавидовать профессиональный бухгалтер. Был он мужчиной крупным, мощного телосложения, и хотя к пятидесяти годам накопил лишний жирок, по-прежнему оставался в прекрасной форме, что является редкостью для мужчин его возраста, которые считают полноту

признаком преуспевания в жизни.

Схему бизнеса, включая вояжи по небольшим городкам и поселкам, краткое пребывание каждой проститутки на одном месте, дисциплину, прибыли и комиссионные, он разработал сам. Действовал мистер Эдвардс осторожно и ошибки допускал редко, никогда не посылая девиц в крупные города. С охочими до денег констеблями в небольших местечках он легко находил общий язык, а к многоопытным и ненасытным в своей жадности полицейским в больших городах относился с трепетным почтением. Идеальным местом для работы был городок с многократно заложенной гостиницей и полным отсутствием развлечений, где конкуренцию его девочкам могли составить только жены обывателей да какая-нибудь случайно подвернувшаяся несовершеннолетняя проститутка. В то время, о котором идет речь, у мистера Эдвардса имелось десять бригад, состоящих из жриц любви, а к шестидесяти семи годам, когда он внезапно умер, подавившись куриной косточкой, на него работали группы из четырех девиц в тридцати трех разных городках Новой Англии. Мистер Эдвардс был не просто хорошо обеспеченным, а богатым человеком, и сама его смерть символизировала

успех и процветание.

В наши дни институт публичных домов, по-видимому, находится в стадии отмирания. Ученые умы дают этому явлению различные объяснения. Некоторые полагают, что смертельный удар по борделям нанесло стремительное падение нравственности среди женской части населения. Другие, настроенные на более идеалистический манер, уверены, что публичные дома вытесняются из жизни благодаря строгому надзору полиции. В конце девятнадцатого и начале двадцатого века факт существования публичных домов признавался, но открыто не обсуждался. Утверждали, что подобные заведения защищают честь добропорядочных женщин. Не связанный узами брака мужчина мог навестить один из борделей и дать выход накопившимся плотским желаниям, которые причиняют немало беспокойства. Это нисколько не мешало ему придерживаться общепринятых принципов относительно женской чистоты и добродетели. Подобное противоречие является загадкой, которых, впрочем, в общественном мышлении существует великое множество.

Существовали разного рода дома терпимости, от роскошных дворцов, утопающих в бархате

и золоте, до убогих зловонных лачуг, где даже свинью вывернуло бы наизнанку от омерзения. Время от времени из уст в уста передавались истории, как торговцы живым товаром похищают и обращают в рабство невинных девушек. Возможно, во многих рассказах есть доля правды, однако в большинстве случаев к древнейшей из профессий приобщаются в результате собственной лени и глупости. В домах терпимости девицам не о чем беспокоиться, их кормят, одевают и лечат, пока не состарятся, после чего вышвыривают на улицу. Впрочем, возможность такого плачевного финала не сдерживает девиц легкого поведения. Ведь молодым свойственно думать, что старость никогда не наступит.

Время от времени проституцией начинали заниматься девушки смышленые и разумные. Как правило, их судьба складывалась куда более удачно. Некоторые открывали свои заведения, успешно зарабатывали на жизнь с помощью шантажа или выходили замуж за богачей. Для таких умниц придумали громкое название «куртизанки».

Мистер Эдвардс без особых хлопот нанимал партии проституток и держал их в узде. Если девица была для него недостаточно тупой, ее

тут же вышвыривали вон. Красавицы также не приветствовались. Какой-нибудь местный юнец мог влюбиться в смазливую девицу, и тогда расходов и неприятностей не оберешься. Если проститутка беременела, ей предлагали на выбор либо покинуть заведение, либо пойти на аборт, который делался таким варварским способом, что для многих девушек заканчивался смертью. Тем не менее, за редким исключением, все выбирали аборт.

Дела мистера Эдвардса не всегда шли гладко, и порой возникали серьезные проблемы. В то время, о котором я веду рассказ, несчастья обрушивались на него одно за другим. Железнодорожная катастрофа унесла жизни восьмерых девиц, что составило две бригады, а еще одной четверки он лишился по милости приходского священника в одном из городков, когда тот в порыве вдохновения принялся заводить своими проповедями паству. Церковь не вместила огромную толпу, и прихожанам пришлось выйти на улицу. И вот тут, как часто случается, святой отец открыл давно припасенную карту, которая оказалась козырной. Он предсказал точную дату конца света, и тут к нему с восторженным блеянием стал стекаться чуть ли не весь округ. Приехав в

злополучный городок, мистер Эдвардс извлек из чемодана ременную плеть и жестоко выпорол девиц, однако суровое наказание не отрезвило ослушниц, и девушки умоляли хозяина пороть их еще и еще, дабы искоренить воображаемые грехи. Плюнув в сердцах, он забрал у девиц одежду и вернулся в Бостон. Раскаявшиеся проститутки снискали себе популярность, явившись нагишом на проводимое под открытым небом богослужение, чтобы исповедоваться и покаяться. После этих событий мистеру Эдвардсу пришлось беседовать и набирать девушек партиями, а не вербовать по одной в разных местах, как делалось раньше. Нужно было срочно сформировать заново три бригады.

Не знаю, каким образом Кэти Эймс узнала о мистере Эдвардсе. Возможно, от извозчика. Если девушка заинтересовалась подобными делами, слухи до нее непременно дойдут. В то утро, когда она зашла в кабинет мистера Эдвардса, тот чувствовал себя далеко не лучшим образом. Виновницей мучительных болей в животе он считал уху из палтуса, которую жена подала на ужин прошлым вечером. Всю ночь мистер Эдвардс не сомкнул глаз, так как уха стремилась вырваться на волю сразу из двух отверстий, и

сейчас он чувствовал страшную слабость и спазмы в желудке.

Именно по этой причине мистер Эдвардс не раскусил с первого взгляда девушку, назвавшуюся Кэтрин Эймсбери. Для работы в борделе она была слишком хорошенькой. Тихий грудной голос, тоненькая, полная изящества фигурка и изумительная кожа. Одним словом, она не подходила мистеру Эдвардсу по всем статьям, и, если бы не утреннее недомогание и слабость, он немедленно выпроводил бы ее за дверь. При беседе, во время которой мистер Эдвардс главным образом задавал вопросы о семье и родственниках, способных доставить неприятности, он не присматривался к девушке и вдруг почувствовал, что тело определенным образом реагирует на ее присутствие. Мистер Эдвардс сластолюбцем не был, а кроме того, никогда не смешивал деловую жизнь и маленькие интимные радости. Неожиданная реакция привела его в полное замешательство, и он в изумлении посмотрел на девушку. Та чуть опустила веки, что придало лицу особое очарование и таинственность, и слегка качнула бедрами, к которым были прикреплены небольшие накладки. Крошечный ротик изогнулся в кошачьей улыбке. Тяжело дыша, мистер Эдвардс подался

вперед. Теперь он точно знал, что эту девушку хочет оставить для себя.

— Не понимаю, почему такая девушка, как ты… — начал он, впадая в самое древнее в мире заблуждение, заключающееся в том, что девушка, в которую влюблен, непременно должна быть честной и порядочной.

— У меня умер отец, — смущенно призналась Кэти. — Но до того он умудрился развалить все наше хозяйство. Мы не знали, что он заложил ферму, и теперь я не могу допустить, чтобы банк отнял ее у матушки. Такое горе ее убьет. — На глаза Кэтрин навернулись слезы. — Вот я и подумала, что, может быть, сумею заработать хоть на уплату процентов.

У мистера Эдвардса еще имелся последний шанс вовремя остановиться. И действительно. В мозгу прозвучал слабый сигнал тревоги, но он был слишком тихим. Примерно восемьдесят процентов девиц, приходивших к нему на собеседование, нуждались в деньгах для выплат по закладной, и мистер Эдвардс установил для себя золотое правило не верить ни одному их слову, даже когда они рассказывали, что съели на завтрак. Потому что и в мелочи они могли соврать. И вот надо же такому случиться — взрослый тол-

стый мужчина, многоопытный сутенер и мастер своего дела, сидит, прижавшись животом к столу, лицо налилось кровью, а по ногам вверх бегут возбуждающие мурашки.

В следующее мгновение мистер Эдвардс услышал собственный голос:

— Что ж, милочка, давай все обсудим и, возможно, найдем способ заработать деньги на уплату процентов.

Такие любезности девице, которая всего лишь просится поработать проституткой в одном из его борделей! А точно она просилась?

2

Миссис Эдвардс была убежденной верующей, хотя ее религиозные взгляды не отличались глубиной. Она уделяла много внимания текущим церковным делам, и поэтому не оставалось времени задумываться над историей церкви и ее влиянием на людские умы. Миссис Эдвардс считала, что муж занимается импортом, и даже если бы узнала, какого рода у него на самом деле бизнес — а похоже, ей это было известно, — все равно бы не поверила. И тут мы имеем дело с очередной загадкой. Муж всегда относился к миссис

Эдвардс с холодной предупредительностью и не обременял себя супружескими обязанностями. Да, мистера Эдвардса нельзя было назвать нежным супругом, но и жестокого обращения жена от него не видела. Все ее заботы и переживания ограничивались детьми, собраниями членов приходской общины и приготовлением пищи. Миссис Эдвардс была довольна своей жизнью и не уставала благодарить за нее Господа. Заметив, что в последнее время мужу изменяют обычное самообладание и рассудительность, он становится беспокойным и раздражительным, подолгу сидит, уставившись в одну точку, а потом вдруг срывается с места и бежит из дома, она поначалу объясняла эти метаморфозы несварением желудка или неприятностями на службе. Как-то раз она застала мужа в ванной комнате. Мистер Эдвардс сидел на унитазе и тихо плакал. Тогда миссис Эдвардс поняла, что супруг тяжело болен. Он торопливо закрыл рукой лицо, пряча покрасневшие от слез глаза. Ни травяные чаи, ни лекарства не возымели должного действия, и тут миссис Эдвардс пришла в отчаяние, чувствуя свою беспомощность.

Если бы совсем недавно мистеру Эдвардсу рассказали, что мужчина его лет и профессии

попал в такую переделку, он рассмеялся бы этому человеку в лицо. Однако как ни крути, а мистер Эдвардс, хладнокровный многоопытный сутенер, каких на свете мало, отчаянно и безнадежно влюбился в Кэтрин Эймсбери. Он снял для девушки маленький кирпичный домик, который вскоре ей подарил, покупал дорогие безделушки, обставил дом с вычурной роскошью и следил, чтобы там всегда было тепло. Ковры были слишком уж пушистыми, а все стены занимали картины в тяжелых рамах.

Никогда в жизни мистер Эдвардс не чувствовал себя таким несчастным. По долгу службы он изучил женщин настолько хорошо, что ни одной не верил ни на йоту. И вот теперь его сердце разрывалось на части от переполнявших его противоречивых чувств. Он всей душой полюбил Кэти, а любовь, как известно, требует доверия, и, следовательно, мистер Эдвардс должен был доверять любимой женщине — и все же ей не верил. Он рассчитывал завоевать ее преданность дорогими подарками и деньгами. Находясь вдали от Кэти, мистер Эдвардс терзал себя мыслями о других мужчинах, которые наведываются к ней в домик. Он не хотел покидать Бостон и возненавидел поездки по провинциальным городкам,

во время которых проверял работу своих подопечных, потому что приходилось расставаться с Кэти и оставлять ее одну. Он стал относиться к делам с некоторым пренебрежением. Ведь такая любовь обрушилась на него впервые в жизни и едва не убила.

Однако мистер Эдвардс не догадывался, да и не мог догадаться, так как Кэтрин никогда бы этого не допустила, об одной простой вещи. Девушка ему не изменяла, то есть не принимала у себя других мужчин и сама их не навещала. Для Кэтрин мистер Эдвардс представлял собой часть выгодного бизнеса, и она относилась к своему благодетелю с таким же холодным безразличием, как он, в свою очередь, к выездным бригадам проституток. И так же, как мистер Эдвардс, Кэтрин разработала собственные фирменные методы и правила поведения. Завладев его сердцем, а произошло это довольно скоро, она стала изображать легкую неудовлетворенность жизнью, всегда выглядела возбужденной и встревоженной. Мистеру Эдвардсу казалось, что она может в любую минуту сорваться с места и сбежать. В те дни, когда ожидался визит мистера Эдвардса, Кэтрин взяла за правило уходить из дома, а к его приходу возвращалась с сияющим видом, словно

после удивительного приключения. Девушка постоянно сетовала, как трудно выносить наглые взгляды и приставания мужчин, которые не дают прохода, стоит только выйти на улицу. Пару раз она вбегала, запыхавшись, перепуганная насмерть, и принималась рассказывать, как незнакомый мужчина преследовал ее до самого дома. Едва удалось от него сбежать. Кэтрин возвращалась домой ближе к вечеру и, обнаружив в доме сгорающего от нетерпения мистера Эдвардса, пускалась в объяснения:

— Да что тут такого? Я просто ходила по магазинам. Надо же сделать кое-какие покупки.

Говорилось это таким тоном, чтобы собеседник заподозрил ее во лжи.

Что касается постели, Кэтрин убедила мистера Эдвардса, что особого наслаждения от их отношений не испытывает, а вот обладай он достаточной мужской силой, то разбудил бы в ней неслыханную страсть. Одним словом, суть ее метода состояла в том, чтобы держать мистера Эдвардса в постоянном напряжении. Девушка с удовлетворением наблюдала, как сдают его нервы, появляется дрожь в руках, как он худеет на глазах, а взгляд стекленеет и становится безумным. Внутреннее чутье неизменно подска-

зывало о приближающемся приступе ярости, за которым последует жестокое наказание. И тогда Кэтрин усаживалась к нему на колени и осыпала ласками, вынуждая поверить в свою невиновность. Убедить мистера Эдвардса в чем угодно она умела.

Кэтрин жаждала денег и делала все, чтобы процесс их приобретения проходил быстро и беспрепятственно. Когда Кэтрин поняла, что нужный момент наступил и из мистера Эдвардса можно вить веревки, она стала его беззастенчиво обкрадывать, шарила по карманам, забирая подвернувшиеся под руку крупные купюры. Он не решался обвинить Кэтрин в воровстве из боязни навеки ее потерять. Драгоценности, которые он дарил, бесследно исчезали, и, несмотря на уверения, что она их потеряла, мистер Эдвардс знал, что подарки были проданы. Она приписывала лишние цифры к счетам из бакалейной лавки и называла баснословные цены за купленную одежду. Дом Кэтрин не продала, но заложила с максимальной для себя выгодой.

Однажды вечером мистер Эдвардс не смог открыть входную дверь своим ключом, и, прежде чем попасть в дом, пришлось долго стучать. Кэтрин призналась, что сменила замки, так как

потеряла ключи и испугалась. Ведь живет она одна, и мало ли кто может ввалиться в дом беззащитной девушки. Разумеется, она закажет для мистера Эдвардса еще один ключ. Однако своего обещания она так и не выполнила, и теперь мистеру Эдвардсу приходилось подолгу звонить в дверь. Открывали ему не сразу, а то и вовсе не впускали в дом, и он не мог определить, дома Кэтрин или нет. В конце концов мистер Эдвардс установил за ней слежку, а она и не подозревала, что за каждым ее шагом наблюдают.

Мистер Эдвардс не отличался тонкостью натуры, но и у простого человека имеются в душе темные извилистые закоулки. Кэтрин, несомненно, обладала незаурядным умом, но даже самая умная женщина не в состоянии уследить за неожиданными поворотами в сознании влюбленного мужчины.

Она совершила всего одну непростительную ошибку, которой всячески старалась избежать. Как и полагается, мистер Эдвардс держал в их гнездышке изрядный запас шампанского, которое Кэтрин в первый же день наотрез отказалась пить.

— Оно вызывает у меня тошноту, — объяснила девушка. — Я как-то раз попробовала и поняла,

что совсем не могу пить.

— Ерунда, — возразил мистер Эдвардс. — Выпей один бокал, он тебе не повредит.

— Нет, спасибо. Я не пью.

Мистер Эдвардс решил, что ее отказ объясняется утонченными манерами и желанием походить на благородную даму, и настаивать не стал. Однако однажды вечером ему пришло в голову, что он совсем ничего не знает о девушке, а вино прекрасно развязывает язык. Чем чаще мистер Эдвардс думал о такой возможности, тем больше ему нравилась затея с вином.

— Почему ты отказываешься выпить со мной по бокалу шампанского? Как нелюбезно с твоей стороны, — упрекнул он Кэтрин.

— Я же сказала, что не выношу шампанского.

— Чепуха.

— Нет, правда не хочу.

— Глупости, — настаивал мистер Эдвардс. — Хочешь, чтобы я рассердился?

— Нет.

— Тогда выпей бокал.

— Сказала же — не хочу.

— Пей.

Он протянул девушке бокал, но та отодвинулась в сторону.

— Ты не знаешь, как плохо оно на меня действует.

— Пей.

Кэтрин взяла бокал, осушила его одним махом и замерла на месте, дрожа всем телом и словно к чему-то прислушиваясь. Ее щеки разрумянились, и в следующее мгновение она налила себе второй бокал, а потом и третий. Глаза Кэтрин стали холодными, взгляд застыл, и мистеру Эдвардсу вдруг стало страшно. С девушкой что-то происходило, и ни мистер Эдвардс, ни она сама не могли управлять этим процессом.

— А ведь я не хотела, помнишь? Ты сам настоял, — спокойным голосом сказала Кэтрин.

— Может, больше не стоит? — робко пробормотал мистер Эдвардс.

Кэтрин рассмеялась, наполняя очередной бокал:

— Теперь уже все равно. Одним бокалом больше, одним меньше — какая разница?

— Иногда приятно выпить бокал шампанского, — выдавил мистер Эдвардс.

— Ах ты, жирный слизняк, — тихо заговорила Кэтрин. — Да что ты обо мне знаешь? Думаешь, не могу прочесть все твои грязные мыслишки? Хочешь, расскажу? Тебе интересно, откуда такая

примерная девочка, как я, научилась разным штучкам? Хорошо, слушай. Я обучилась этому в притонах! Понимаешь, в притонах! Четыре года я работала в таких трущобах, о которых ты и слыхом не слыхал. Матросы возили мне подарочки из Порт-Саида. Я ведь вижу тебя насквозь, вонючий поганец, знаю все твои похотливые слабости и могу их использовать для своей выгоды.

— Остановись, Кэтрин, — умолял мистер Эдвардс. — Ты сама не понимаешь, что говоришь.

— Нет, я тебя раскусила. Хотел, чтобы я заговорила? Вот и слушай.

Она медленно двинулась в сторону мистера Эдвардса, и тот с трудом удержался от желания обратиться в бегство. Однако, несмотря на страх, остался сидеть. Остановившись напротив, Кэтрин допила шампанское, изящным движением разбила бокал о стол и вдавила осколок с зазубренными краями в щеку мистера Эдвардса.

И тогда он пулей вылетел из дома, а вслед ему несся смех Кэтрин.

3

Людей, подобных мистеру Эдвардсу, любовь калечит. Страсть отняла у него способность здраво

рассуждать и выносить трезвые оценки, перечеркнула весь жизненный опыт и лишила воли. Он убеждал себя, что у Кэтрин случился приступ истерики, сам старался поверить, а девушка всеми силами этому способствовала. Неожиданный срыв испугал ее, и теперь Кэтрин делала все возможное, чтобы реабилитировать себя в глазах мистера Эдвардса.

Трудно представить, до чего может себя довести безумно влюбленный мужчина, на какие терзания себя обречь. Мистер Эдвардс всем сердцем стремился поверить в добродетель Кэтрин, но засевший в душе бес сомнения и ее недавняя выходка не давали покоя. Движимый внутренним чутьем, он стал докапываться до правды и не верил тому, что всплывало на поверхность. Так он узнал, что Кэтрин не хранит деньги в банке. Один из нанятых агентов с помощью сложной системы зеркал нашел укромное местечко в подвале кирпичного домика, где Кэтрин прятала свои сбережения.

А в один прекрасный день из сыскного агентства, услугами которого пользовался мистер Эдвардс, прислали вырезку из старого провинциального еженедельника, где описывались подробности случившегося в городке пожара.

Мистер Эдвардс внимательно прочел заметку, после чего его бросило в жар, кровь ударила в голову, а глаза застлала красная пелена. К безумной любви добавился смертельный ужас, а, как известно, при образовании такой смеси в осадок выпадает жестокость. На заплетающихся ногах он доковылял до стоявшего в кабинете дивана и рухнул на него лицом вниз, прижимаясь лбом к прохладной черной коже. На некоторое время он будто завис в вакууме. Каждый вдох давался с трудом. Постепенно рассудок прояснился, во рту чувствовался солоноватый привкус, а из груди рвался наружу гнев, отдаваясь нестерпимой болью в спине. Однако мистер Эдвардс сохранял спокойствие, а его разум, словно луч прожектора в темноте, прорезал во времени дорогу к намеченной цели. Он не спеша проверил чемодан, как делал всякий раз, выезжая в провинцию с инспекционной проверкой. Все на месте: чистые рубашки, нижнее белье, ночная сорочка, шлепанцы и тяжелая ременная плеть, скрутившаяся кольцами на дне чемодана.

Тяжелой походкой он прошел через маленький садик перед кирпичным домом и позвонил в дверь.

Кэтрин сразу же открыла. Она была в пальто

и шляпке.

— Ах, какая жалость! — воскликнула она. — Мне надо кое-куда ненадолго отлучиться.

Мистер Эдвардс поставил чемодан на пол.

— Нет, — твердо сказал он.

Девушка устремила на него испытующий взгляд. Что-то было не так. Он протиснулся мимо Кэтрин и стал спускаться в подвал.

— Ты куда?! — взвизгнула Кэтрин.

Мистер Эдвардс не ответил и через некоторое время появился с маленькой дубовой шкатулкой в руках и положил ее в чемодан.

— Это мое, — тихо сказала Кэтрин.

— Знаю.

— Что ты надумал?

— Полагаю, нам с тобой надо совершить небольшое путешествие.

— Куда? Я сейчас не могу ехать.

— В один маленький городок в Коннектикуте. У меня там кое-какие дела. Ты как-то сказала, что хочешь работать. Вот и поработаешь.

— А теперь не хочу, и ты меня не заставишь. Да я обращусь в полицию!

Лицо мистера Эдвардса исказила зловещая улыбка, и девушка в страхе попятилась, чувствуя, как удары сердца гулко отдаются в висках.

— А может, желаешь наведаться в родные края? — поинтересовался мистер Эдвардс. — Несколько лет назад там случился страшный пожар. Пожар-то ты помнишь?

Кэтрин сверлила его взглядом, стараясь отыскать уязвимое место, но в глазах мистера Эдвардса застыло суровое безразличие.

— Чего ты от меня хочешь? — тихо спросила Кэтрин.

— Всего лишь составить мне компанию в коротком путешествии. Ты же сама говорила, что хочешь работать.

Теперь Кэтрин оставалось только одно: нужно во всем с ним соглашаться и ждать подходящего случая. Не будет же он все время за ней следить. Сейчас спорить с ним опасно, лучше смириться и выждать время. Такая тактика всегда себя оправдывала, во всяком случае, до сегодняшнего дня. И все же слова мистера Эдвардса привели Кэтрин в ужас.

До места они добрались, когда уже начало смеркаться. Выйдя из поезда, мистер Эдвардс и Кэтрин направились по неосвещенной улице и вскоре оказались за городом. Кэтрин держалась настороженно и не спускала глаз со своего спутника. В сумочке у нее притаился острый нож с тонким

лезвием. Выведать намерения мистера Эдвардса так и не удалось.

Мистеру Эдвардсу казалось, что он четко определил свои дальнейшие действия. Он собирался выпороть Кэтрин, а затем поместить в одном из номеров при местном трактире, снова высечь и увезти в другой городок, и так до тех пор, пока от нее уже не будет никакого толку. Тогда останется только вышвырнуть ее на улицу. Местный констебль позаботится, чтобы Кэтрин никуда не сбежала. Наличие у девушки ножа у мистера Эдвардса тревоги не вызывало, так как он прекрасно знал о его существовании.

Когда путешественники остановились в пустынном месте между каменной стеной и опушкой кедрового леса, он первым делом вырвал у Кэтрин из рук сумочку и перебросил через стену. С ножом мистер Эдвардс разобрался, а вот понять свои чувства оказалось куда труднее. Ведь прежде он никогда не влюблялся и думал, что просто хочет наказать обманщицу. Однако после пары ударов плетью он почувствовал, что такой кары явно недостаточно. Отшвырнув плеть в сторону, мистер Эдвардс принялся избивать свою жертву кулаками. Дыхание, вырывавшееся из его груди, напоминало визгливый скулеж.

Кэтрин изо всех сил старалась не поддаться панике, увертываясь от ударов и загораживаясь руками. Однако в конце концов страх одержал верх, и девушка обратилась в бегство. Мистер Эдвардс в несколько прыжков догнал ее и сбил ударом на землю. Теперь уже и кулаков стало недостаточно. Рука судорожно шарила в темноте, пока не нащупала камень, и в следующее мгновение остатки самообладания и здравого смысла смело волной ярости, с ревом обрушившейся на сознание.

Придя в себя, мистер Эдвардс осмотрел изуродованное лицо Кэтрин, стал прислушиваться, бьется ли ее сердце, но ничего не услышал за гулкими ударами, отдававшимися в висках. В голове вертелись совершенно противоречивые мысли. Один голос нашептывал: «Нужно ее похоронить, вырыть яму и закопать». А второй голосок жалобно хныкал как малый ребенок: «Нет, я этого не вынесу! Не могу до нее дотронуться!» Потом, как часто случается, после приступа ярости накатила тошнота, и он очертя голову побежал прочь от проклятого места, бросив чемодан, ременную плеть и дубовую шкатулку с деньгами. Мистер Эдвардс долго бродил впотьмах, обуреваемый единственным желанием спрятаться и пере-

ждать, пока отпустит тошнота.

Никто не задал ему ни одного вопроса. После непродолжительной болезни, во время которой жена окружила его нежной заботой, мистер Эдвардс вернулся к текущим делам и уже никогда больше не позволял любви затуманить разум. «Из жизни не извлекают уроков только дураки», — говаривал мистер Эдвардс и впоследствии до конца дней испытывал к себе нечто наподобие трепетного почтения. Он и не подозревал в себе способности убить человека.

А не убил он Кэтрин по чистой случайности, потому что каждым ударом стремился стереть ее с лица земли. Долгое время девушка пролежала без сознания, а потом находилась в полубреду. Придя в себя, она поняла, что рука сломана и нужно срочно искать помощи, чтобы выжить. Желание жить было сильным, и Кэтрин, превозмогая боль, поползла по темной дороге. Она свернула в первые попавшиеся ворота и уже почти добралась до верхней ступеньки крыльца, когда снова потеряла сознание. В курятнике закукарекали петухи, а на востоке уже показалась серая полоска рассвета.

Глава 10
1

Когда двое одиноких мужчин живут под одной крышей, они обычно поддерживают видимость убогого порядка, чтобы заглушить зарождающуюся друг против друга злобу. Между двумя одинокими мужчинами в любую минуту может вспыхнуть ссора или потасовка, и они сами прекрасно это понимают. Адам Траск вернулся домой сравнительно недавно, но напряжение росло с каждым днем. Братья слишком много времени проводили вместе и слишком редко встречались с другими людьми.

Несколько месяцев ушло на получение наследства, оставленного Сайрусом. После оформления необходимых документов они сняли со счетов все деньги и набежавшие проценты. Братья съездили вместе в Вашингтон и навестили могилу отца, на которой был установлен добротный каменный обелиск с чугунной звездочкой наверху. В звездочке имелось отверстие, чтобы в День поминовения устанавливать флагшток с миниатюрным государственным флагом. Адам и

Чарльз долго стояли у могилы, а потом ушли, ни словом не обмолвившись об отце.

Если Сайрус и добыл богатство бесчестным путем, то проделал это исключительно ловко, так как братьям не задали ни одного вопроса по поводу наследства. Однако отцовские деньги по-прежнему не давали Чарльзу покоя.

Вернувшись на ферму, Адам поинтересовался:

— Почему ты не купишь новую одежду, ведь теперь ты богатый человек? Создается впечатление, что ты просто боишься тратить деньги и трясешься над каждым центом.

— Так и есть, — признался Чарльз.

— И в чем же дело?

— А вдруг придется вернуть деньги!

— Опять взялся за старое? Неужели не понимаешь: если бы что-нибудь обнаружилось, нам бы об этом давно стало известно.

— Ну, не знаю, — пробурчал Чарльз. — Не хочу это обсуждать.

Однако поздним вечером он вернулся к незаконченному разговору.

— Одно меня тревожит, — начал Чарльз.

— Ты снова о деньгах?

— О них. Когда имеешь дело с такими большими деньгами, должны оставаться какие-то

следы.

— Ты о чем?

— Ну, разные документы, бухгалтерские книги, купчие, векселя, расписки… Мы ведь пересмотрели все отцовские вещи, но не нашли ничего похожего.

— Возможно, он их сжег.

— Может, и так, — согласился Чарльз.

Братья жили по установленному Чарльзом порядку и никогда его не нарушали и не меняли. Чарльз просыпался точно в половине пятого, вместе с боем часов, будто медный маятник толкал его в бок. В тот день он проснулся на секунду раньше и лежал с открытыми глазами, успев моргнуть перед первым ударом. Некоторое время он не вставал с постели, всматриваясь в темноту и почесывая живот. Потом Чарльз протянул руку к столику у кровати и нащупал коробок со спичками. Пальцы привычным движением вытащили спичку и чиркнули о коробок. Серная головка вспыхнула синим пламенем, а потом огонь перекинулся на деревянную палочку. Чарльз зажег свечу, что стояла у кровати, отбросил в сторону одеяло и встал. Спал он в серых, свободно болтающихся у щиколоток кальсонах с вытянутыми коленками. Зевнув, Чарльз направился к двери,

открыл ее и крикнул в пространство:

— Адам, половина пятого! Время вставать! Просыпайся!

— Хоть бы раз забыл и дал поспать, — послышался приглушенный голос Адама.

— Пора вставать. — Просунув ноги в штанины, Чарльз стал натягивать брюки. — Ну, тебе-то вставать не обязательно, — проворчал он. — Ты же у нас богач и можешь валяться в постели хоть весь день.

— Впрочем, как и ты. Тем не менее, несмотря на богатство, мы все равно встаем до рассвета.

— Тебе нет нужды вставать в такую рань, — повторил Чарльз. — Но если обзавелся фермой, надо заниматься хозяйством.

— Ну да, прикупим еще земли, чтобы еще больше загрузить себя работой, — уныло заметил Адам.

— Все, заткнись и иди досыпать.

— Держу пари, ты не заснешь, даже если останешься в кровати, — откликнулся Адам. — А знаешь, почему? Готов поспорить, ты поступаешь так, как хочешь, да еще считаешь это бог весть каким достоинством. А чем тут гордиться? Все равно что хвастаться шестым пальцем на руке.

Чарльз направился в кухню и зажег лампу.

— Нельзя заниматься делами фермы лежа в кровати, — буркнул он, стряхивая золу с решетки в плите. Затем он нарвал бумаги, положил на неостывшие угли и принялся дуть, пока не разгорелся огонь.

— Спичек и тех жалко? — съязвил Адам, наблюдая за братом через полуоткрытую дверь.

— Не твое дело! — огрызнулся Чарльз. — И вообще отвяжись от меня!

— Отвяжусь, — согласился Адам. — Похоже, у меня здесь и правда нет никаких дел.

— Тебе решать. Можешь уйти, когда пожелаешь. Хоть сейчас. Счастливого пути!

Ссора разгорелась из-за пустяка, но Адам уже не мог остановиться. Сам того не желая, он перешел на крик, выплескивая на брата скопившиеся злость и раздражение:

— Вот именно. Уйду, когда захочу. Я здесь такой же хозяин, что и ты. И дом этот тоже наш общий.

— Тогда почему не заняться делом?

— О господи! — воскликнул Адам. — Ну, из-за чего мы ругаемся? Давай прекратим.

— Мне-то скандалы ни к чему, — согласился Чарльз, разложил в миски теплую кашу и швырнул их на стол.

Братья уселись завтракать. Чарльз смазал ку-

сок хлеба маслом, подцепил ножом варенье из банки и намазал поверх масла, а потом снова ковырнул масло ножом, оставляя на куске кляксу от варенья.

— Черт побери, неужели нельзя вытереть нож? На это масло смотреть противно! — возмутился Адам.

Чарльз отодвинул в сторону нож и кусок хлеба и положил руки на стол ладонями вниз.

— А катился бы ты отсюда, — сердито бросил он брату.

— Уж лучше жить в свинарнике! — огрызнулся Адам, вставая из-за стола и направляясь к двери.

2

В следующий раз Чарльз встретился с братом через восемь месяцев. Вернувшись с работы, он застал Адама над кухонным ведром, из которого тот зачерпывал воду и плескал себе на голову.

— Здорово, — поприветствовал Чарльз гостя. — Как дела?

— Отлично, — откликнулся Адам.

— Где был?

— В Бостоне.

— И все, больше нигде?

— Нет, просто посмотрел на город.

Братья вернулись к прежнему укладу, но теперь каждый старался не давать воли раздражению, оберегая друг друга от вспышек злобы. Чарльз, который всегда был ранней пташкой, вставал и готовил завтрак, а уже потом будил брата, а Адам поддерживал порядок в доме и завел книги, чтобы вести учет на ферме. Так братья прожили в мире два года, но в один прекрасный день скопившееся раздражение вырвалось из-под контроля.

Однажды зимним вечером Адам оторвался от счетной книги и задумчиво сказал:

— Как хорошо в Калифорнии! И зимой там славно. А выращивать можно все, что душе угодно.

— Вырастить-то можно, а что потом прикажешь делать с урожаем?

— А пшеница? В Калифорнии выращивают много пшеницы.

— Ее всю съест ржавчина, — возразил Чарльз.

— Откуда ты знаешь? Послушай, говорят, в Калифорнии все растет так быстро, что только успевай собирать.

— Так почему тебе туда не поехать? — поинтересовался Чарльз. — Я хоть сейчас выкуплю твою половину фермы. Только свистни.

На сей раз Адам смолчал, но на следующее утро,

расчесываясь перед маленьким зеркалом, снова вернулся к вчерашнему разговору.

— В Калифорнии вообще нет зимы, — начал он. — Круглый год весна.

— А вот я люблю зиму, — буркнул Чарльз.

Адам подошел к плите.

— Да не злись ты, — примирительно сказал он брату.

— А ты отвяжись. Сколько тебе яиц?

— Четыре.

Чарльз положил семь яиц на крышку разогревающейся плиты и развел сильный огонь из щепок, которыми аккуратно прикрыл угли. Поставив на плиту сковородку, он приступил к жарке бекона, и его мрачное настроение заметно улучшилось.

— Послушай, Адам, может, ты и сам не замечаешь, но в последнее время только и разговоров что о Калифорнии. Правда хочешь туда поехать?

— Я и сам пытаюсь разобраться, — хмыкнул Адам. — Не знаю. Все равно что ранний подъем по утрам. Вставать не хочется, но и в постели лежать — тоже.

— Вечно ты выдумываешь. Создаешь себе ненужные хлопоты.

— В армии я каждое утро подскакивал под про-

клятый горн и поклялся перед Господом, что, если выберусь из этого ада, буду каждый день спать до полудня. И вот у себя дома я просыпаюсь за полчаса до побудки. Ответь, Чарльз, какого черта мы здесь горбатимся?

— Лежа в кровати, хозяйство на ферме не ведут, — возразил Чарльз, переворачивая вилкой шипящие ломтики бекона.

— Посуди сам, — серьезно сказал Адам. — Ни у одного из нас нет даже любимой девушки, не говоря уже о жене и детях. Если не изменить свою жизнь, так и будем сидеть в одиночестве. Нам некогда осмотреться и подыскать себе подходящих жен. Вместо этого собираемся прирастить к своей ферме участок Кларка, если сойдемся в цене. А зачем?

— У Кларка отличная земля, — возразил Чарльз, — и если объединить ее с нашей, получится лучшая ферма во всей округе. Эге! Уж не надумал ли ты жениться?

— Нет. Именно об этом-то я и толкую. Пройдет несколько лет, и мы станем владельцами лучшей фермы в здешних краях. Два старых хрыча, вкалывающих до седьмого пота на своей замечательной земле. Потом один из нас умрет, и хозяином фермы станет одинокий старый хрыч,

а когда и он помрет…

— Что ты, черт возьми, несешь? — разозлился Чарльз. — Никак не угомонишься? И мне не даешь жить спокойно! А ну давай выкладывай начистоту, что задумал?!

— Что за радость от такой жизни? Да никакой! Пашешь с утра до ночи, а толку? Тем более что можно вообще не работать.

— Ну и в чем дело?! — крикнул в лицо брату Чарльз. — Убирайся ко всем чертям! Силком никто не держит. Давай катись на Южные моря и болтайся там весь день в гамаке, если такая жизнь тебе по душе!

— Не заводись, — примирительным тоном сказал Адам. — Это все равно как ранняя побудка по утрам. Вставать неохота, но и в постели валяться тоже не тянет. И на ферме оставаться не хочу, и уезжать желания нет.

— Тьфу, все жилы вытянул! — еще больше рассердился Чарльз.

— Чарльз, подумай хорошенько. Тебе тут и правда нравится?

— Нравится.

— Действительно собираешься провести на ферме всю жизнь?

— Да.

— Господи, как у тебя все просто! Мне бы так. Как думаешь, что со мной творится?

— С жиру бесишься. Баба тебе нужна. Ступай вечером в трактир, и вся дурь мигом пройдет.

— Может, ты и прав, — согласился Адам. — Только что за удовольствие от шлюхи? Мне их компания никогда не нравилась.

— А какая разница? Все бабы одинаковые, — удивился Чарльз. — Закрой глаза — и один черт!

— Некоторые парни в полку заводили постоянных любовниц из индейских женщин. И у меня какое-то время была такая.

Чарльз с любопытством посмотрел на брата:

— Отец в гробу бы перевернулся, узнай он, что ты путался с индейской бабой. И как тебя угораздило?

— Очень просто. Она стирала и чинила мне одежду, готовила еду.

— Да я не о том. Как там у вас… ну, сам понимаешь, о чем я.

— Замечательно. Нет, правда чудесно. Столько теплоты и нежности. Да, она была такая ласковая и кроткая.

— Повезло, что она не зарезала тебя во сне.

— Нет, что ты. Она была такая тихая и нежная.

— Как-то у тебя глаза странно заблестели. Похо-

же, эта скво и правда запала тебе в душу.

— Ты прав, — согласился Адам.

— И что с ней случилось?

— Умерла от оспы.

— И ты не завел себе другую любовницу?

— Мы складывали их в кучу, как дрова. — Глаза Адама наполнились болью. — Более двухсот человек. Руки и ноги торчали в разные стороны. А потом набросали наверх хвороста, облили керосином и подожгли.

— Говорят, индейцы не выживают после оспы.

— Эта болезнь их убивает, — подтвердил Адам. — Смотри, у тебя бекон подгорает.

Чарльз быстро повернулся к плите.

— Нет, просто будет поджаристая корочка, — возразил он. — Я люблю с корочкой. — Он выгреб бекон на тарелку и разбил яйца в кипящий жир. Подпрыгнув на раскаленной сковородке, они зашипели, и по краям стал образовываться похожий на коричневое кружево ободок.

— В наших краях жила одна учительница, — начал Чарльз. — Ты таких красавиц не встречал. А ножки какие крошечные! Всю одежду покупала в Нью-Йорке. Волосы золотистые, а уж ножки! Сроду таких не видал! Она пела в церковном хоре, и все вдруг повадились ходить в церковь.

Давно это было.

— В то время, когда ты писал, что подумываешь жениться?

— Именно, — усмехнулся Чарльз. — Всем парням в округе тогда загорелось жениться.

— И куда она подевалась?

— Знаешь ведь, как бывает. Женщины потеряли из-за нее покой, объединились между собой и выжили ее. Говорили, она носит шелковое белье. Вся из себя такая надменная и благородная. Куда уж тут! Школьный совет выставил ее вон среди учебного года. А ножки-то! Вот такусенькие! Ты бы видел! Она любила их показывать, вроде как случайно. При каждом удобном случае выставит из-под юбки по самую щиколотку.

— Ты хоть успел с ней познакомиться? — поинтересовался Адам.

— Нет. Только в церковь ходил. С трудом проталкивался. Такой хорошенькой девушке не место в маленьком городке. Только вводит в искушение людей. Одно беспокойство.

— А помнишь дочку Сэмюэлсов? — спросил Адам. — Вот уж была красавица! Что с ней стало?

— Та же история. Смущала людей, а потом уехала из наших мест. Слышал, живет теперь в Филадельфии и работает портнихой. Говорят, за

каждое платье берет по десять долларов.

— Может, и нам нужно уехать? — предположил Адам.

— Никак не выкинешь из головы Калифорнию?

— Ага.

И тут Чарльза прорвало.

— Выметайся отсюда! — заорал он. — Видеть тебя не хочу! Выкуплю твою долю, или продам, или еще что придумаю. Вали отсюда, сукин сын! — Он на мгновение замолчал. — Насчет сукиного сына я того, переборщил. Только, черт побери, ты все время выводишь меня из терпения!

— Я уеду, — откликнулся Адам.

3

Через три месяца Чарльз получил по почте красочную открытку с видом гавани Рио-де-Жанейро, на обратной стороне которой Адам неряшливо нацарапал: «Здесь лето, а у вас зима. Почему бы тебе сюда не приехать?»

Через полгода пришла еще одна открытка из Буэнос-Айреса: «Дорогой Чарльз! Ты не представляешь, какой это огромный город. Тут разговаривают по-французски и по-испански. Посылаю

тебе книгу».

Но книги Чарльз так и не получил, хотя ждал ее всю следующую зиму и весну. Вместо книги объявился сам Адам, загорелый, в одежде на иностранный манер.

— Как поживаешь? — поинтересовался Чарльз.

— Отлично. Ты получил книгу?

— Нет.

— Интересно, куда она подевалась? В ней такие замечательные картинки.

— Собираешься остаться?

— Пожалуй. Расскажу тебе о странах, где побывал.

— И слушать не желаю, — огрызнулся Чарльз.

— Господи, до чего ж ты злющий.

— Просто я знаю наперед, что будет дальше. Посидишь на ферме с годик, а потом опять начнешь ерзать и мне покоя не дашь. Мы осточертеем друг другу, но будем вести себя вежливо, а это еще невыносимее. Потом не выдержим, сорвемся, и ты снова уйдешь и вернешься, и так будет повторяться до бесконечности.

— Неужели не хочешь, чтобы я остался? — спросил Адам.

— Черт возьми, конечно же, хочу, — возмутился

Чарльз. — Стоит тебе уехать, и я скучаю, но точно знаю, что ничего не изменится.

И действительно, история повторилась. Некоторое время братья вспоминали детские годы, потом говорили о времени, проведенном вдали друг от друга, и в конце концов стали все чаще подолгу молчать, часами работали, не обмолвившись ни словом, держась сдержанно-вежливо. И как всегда, дело закончилось привычными вспышками гнева. Время тянулось бесконечно долго, так как ничего значительного не происходило.

Однажды вечером Адам сказал:

— Знаешь, а ведь мне скоро тридцать семь. Считай половина жизни.

— Ну, понеслось, — сердито буркнул Чарльз. — Снова начнешь ныть о бесцельно потраченных годах. Послушай, Адам, может, обойдемся на сей раз без ссор?

— И как же?

— Ну, если все пойдет как обычно, недели три-четыре поругаемся, а потом ты опять уедешь. Только если так не терпится, нельзя ли съехать тихо, без скандалов?

Адам рассмеялся, и напряженная обстановка разрядилась.

— Оказывается, у меня мудрый брат, — сказал он. — Конечно, когда станет невмоготу, я уеду мирно, без ссор. Да, мне определенно нравится твое предложение. А ты все богатеешь, Чарльз, верно?

— Ну, я бы так не сказал, но дела идут неплохо.

— Еще скажи, что не ты купил в городе четыре дома и трактир.

— Вот и скажу.

— Брось, Чарльз, я же знаю, что купил. У тебя же самая лучшая ферма во всей округе, так почему не построить новый дом с ванной, водопроводом и уборной? Ведь теперь мы не бедняки. Говорят, ты чуть ли не самый богатый человек в здешних краях.

— Новый дом нам ни к чему, — с угрюмым видом заявил Чарльз. — Шел бы ты подальше со своими бреднями.

— А как хорошо иметь уборную в доме, а не бегать на улицу.

— Отцепись со своими глупыми фантазиями.

— А что, если я построю собственный домик прямо здесь, возле рощи? — развеселился Адам. — Что скажешь? И не будем тогда действовать друг другу на нервы.

— Не хочу никакого дома на своей земле.

— Но она наполовину моя.

— А я выкуплю твою долю.

— С чего ты взял, что я продам?

— Я спалю твой проклятый домишко. — Чарльз сердито сверкнул глазами.

— Не сомневаюсь, — вздохнул Адам, спускаясь с небес на землю. — Ты на это способен. Что ты так смотришь?

— Я вот долго думал, — медленно начал Чарльз, — и все хотел напомнить. Но ты, похоже, вообще об этом забыл.

— Ты о чем?

— Помнишь, как отправил мне телеграмму и попросил сто долларов?

— Конечно. Ты спас мне жизнь. А что?

— А долг-то ты так и не вернул.

— Как же, вернул.

— Нет.

Адам смотрел на старый стол, за которым некогда сидел Сайрус, постукивая тростью по деревянной ноге. Над столом по-прежнему висела керосиновая лампа, от которой струился дрожащий желтый свет.

— Утром расплачусь, — медленно сказал Адам.

— Да уж, я тебе дал большую отсрочку. Так что времени было предостаточно.

— Ты прав, Чарльз. Мне следовало самому вспомнить. — Он немного помолчал, что-то обдумывая. — Ты ведь не знаешь, для чего мне тогда потребовались деньги.

— Я не приставал с расспросами.

— А я не рассказывал. Наверное, стыдился. Знаешь, Чарльз, я ведь сидел в тюрьме и сбежал оттуда.

— Что ты болтаешь? — Чарльз открыл рот от изумления.

— Все собирался рассказать. Я был бродягой, и меня задержали за бродяжничество, а потом отправили в дорожную команду. На ночь на нас надевали кандалы. Через полгода выпустили, но тут же снова задержали. Вот так и строятся у нас дороги. Когда до окончания второго срока осталось три дня, я сбежал, добрался до Джорджии, ограбил магазин одежды и послал тебе телеграмму.

— Не верю, — изумился Чарльз. — Хотя нет, верю. Ты никогда не врешь. Разумеется, я тебе верю. Только почему ты молчал?

— Наверное, стыдился. Но еще стыднее, что не расплатился с тобой.

— Да брось ты, — смутился Чарльз. — Не знаю, зачем я завел этот разговор.

— Господи, да нет же, утром я расплачусь.

— Будь я проклят, мой брат — закоренелый преступник!

— Чему ты так радуешься?

— Сам не пойму, — удивился Чарльз. — Но я даже вроде как горжусь. Подумать только, мой братец — беглый каторжник! Только объясни, Адам, почему ты не сбежал раньше, а ждал, когда до конца срока останется всего три дня?

— Причин было три, — признался Адам. — Я боялся, что, если отсижу до конца, меня снова загребут. А еще подумал, что за три дня до конца срока никому и в голову не придет, что я замыслил побег.

— Разумно, — одобрил Чарльз. — Но ты упомянул еще одну причину.

— Думаю, она и была самой главной, — признался Адам. — И объяснить ее сложней всего. Я считал, что должен отработать на государство шесть месяцев, как сказано в приговоре. Мошенничество мне не по душе, вот я и обманул государство всего на три дня.

Чарльз расхохотался.

— Совсем свихнулся, сукин сын, — с нежностью сказал он. — Но ты еще упоминал ограбление какой-то лавки.

— Я выслал владельцу деньги и еще добавил десять процентов.

Чарльз подался вперед.

— Расскажи мне о дорожной команде, Адам, — попросил он.

— Непременно, Чарльз. Непременно.

Глава 11
1

Узнав о тюремном прошлом брата, Чарльз проникся к Адаму уважением и тем теплым чувством, которое испытываешь только к человеку, далекому от совершенства и потому не заслуживающему нашей ненависти. Адам использовал это обстоятельство с выгодой для себя и то и дело искушал брата.

— Чарльз, тебе никогда не приходило в голову, что с нашими деньгами можно делать все, чего душа пожелает?

— И чего же она желает?

— Можем отправиться в Европу, прогуляться по Парижу.

— Что там такое?

— Ты о чем?

— Послышалось, кто-то возится на крыльце.

— Наверное, кошка.

— Похоже на то. Скоро придется их отстреливать.

— Чарльз, можно поехать в Египет, посмотреть на сфинкса.

— А еще можно остаться здесь и найти разумное применение деньгам. А кроме того, самое время заняться работой и провести день с пользой. Чертовы кошки! — Чарльз подскочил к двери и распахнул ее настежь: — Брысь! — Он вдруг замолчал, уставившись на ступеньки. Адам подошел к брату.

Какое-то существо в грязных лохмотьях, извиваясь, как червяк, пыталось заползти на крыльцо. Худенькая рука цеплялась за ступеньки, а вторая бессильно повисла, как плеть. Лицо покрыто коркой засохшей крови, губы разбиты, глаза смотрят из-под распухших почерневших век. На лбу открытая рана, и свежая кровь струйкой стекает на волосы.

Адам спустился вниз и, став на колени, склонился над непонятным существом.

— Помоги-ка, — обратился он к брату. — Давай занесем ее в дом. Осторожно, смотри, рука-то сломана.

Братья стали заносить девушку в дом, и она потеряла сознание.

— Клади ее на мою кровать, — скомандовал Адам. — А теперь, пожалуй, сходи за врачом.

— А может, лучше запрячь лошадей, положить ее на телегу и отвезти в город?

— Отвезти в город? Ты совсем одурел?

— Это еще как сказать, кто больше одурел. Поразкинь мозгами.

— Господи, да о чем тут думать?

— Двое мужчин ведут уединенный образ жизни, и вдруг у них в доме появляется вот это.

— Ты серьезно? — опешил Адам.

— Куда уж серьезнее. По-моему, ее лучше увезти. Через пару часов о ней проведают все в округе. Откуда ты знаешь, кто она такая? Как сюда попала, и что с ней случилось? Адам, ты играешь с огнем.

— Если сейчас же не поедешь за доктором, поеду сам, а ты останешься здесь, с ней, — холодно заявил Адам.

— Я-то поеду, а вот ты совершаешь большую ошибку. Предупреждаю, мы с ней еще натерпимся.

— Ладно, твое дело привезти врача, а все страдания я беру на себя.

После отъезда брата Адам пошел на кухню и, налив в таз горячей воды из чайника, направился в спальню. Он смочил в воде носовой платок и принялся смывать с лица девушки запекшуюся кровь и грязь. Она уже пришла в сознание, и из-под распухших век на Адама сверкнули ясные

глаза. Его мысли перенеслись в прошлое: та же комната, та же кровать. Над ним склонилась мачеха с мокрым полотенцем в руках, струйки воды стекают по разбитому лицу, отзываясь расползающейся во все стороны болью. Мачеха все говорила и говорила. Адам слышал голос, но слов вспомнить не мог.

— Все будет хорошо, — обратился он к девушке. — Уже поехали за врачом, он будет здесь с минуты на минуту.

Девушка с трудом пошевелила губами.

— Молчи, не надо разговаривать. — Адам бережно вытирал лицо девушки, и все его существо переполняла нежность. — Можешь остаться здесь. Живи сколько хочешь, — бормотал он. — Я буду о тебе заботиться. — Он выжал платок и, промокнув спутанные волосы, убрал их с рассеченного лба.

— Что, больно? — Адам слышал собственный голос, доносившийся издалека, и не узнавал его, будто говорил другой человек. — Бедные глазки. Ну, ничего, я сделаю примочки, и все пройдет. Господи, какая глубокая рана на лбу! Не осталось бы шрама. Можешь сказать, как тебя зовут? Нет, лучше молчи. У нас впереди много времени. Да, времени предостаточно. Слышишь?

Колеса скрипят. Вот и доктор приехал. Правда, быстро? — Адам направился к кухонной двери и крикнул: — Сюда, док, сюда! Больная здесь.

2

Девушка была страшно изувечена, и, существуй в то время рентген, врач обнаружил бы еще больше травм, которых, впрочем, и так оказалось предостаточно. Левая рука и три ребра были сломаны, на челюсти и черепе трещины, а с левой стороны выбито несколько зубов. Вся голова покрыта рваными ранами, а лоб рассечен до кости. Вот какая картина предстала перед врачом. Он наложил на руку лубок, туго перебинтовал ребра и зашил раны на голове. Взяв стеклянную трубочку от пипетки, он разогрел ее над спиртовкой и согнул под углом, а затем вставил в отверстие от выбитого зуба, чтобы девушка могла пить и принимать жидкую пищу, не травмируя покалеченную челюсть. Потом вколол больной большую дозу морфия и, оставив на столе бутылочку с пилюлями опиума, вымыл руки и надел сюртук.

В кухне доктор сел за стол и стал пить горячий кофе, который поставил перед ним Чарльз.

— Ну так что же все-таки с ней случилось? — спросил он.

— Откуда нам знать? — грубо оборвал врача Чарльз. — Мы нашли ее на крыльце. Если есть желание, можете взглянуть на следы, что ведут от дороги, когда она ползла к дому.

— Знаете ее?

— Господи, разумеется, нет!

— Вы бываете наверху в трактире. Она, часом, не одна из девиц?

— Я давно там не был и в таком виде все равно бы ее не узнал.

— А вы видели ее прежде? — обратился врач к Адаму.

Адам отрицательно покачал головой.

— Да что вы тут вынюхиваете? — возмутился Чарльз.

— Что ж, если интересно, скажу. По этой девице отнюдь не борона проехала, хотя на первый взгляд очень похоже. Кто-то ее умышленно изувечил, и она изрядно насолила этому человеку. Уж если начистоту, ее хотели убить.

— А почему вы ее не спросите? — поинтересовался Чарльз.

— Она еще долго не сможет разговаривать. Ко всему прочему, у нее еще и трещина в черепе,

и одному богу известно, во что это выльется. Я, собственно, вот о чем: следует ли вмешивать в это дело шерифа?

— Нет! — Адам выкрикнул это с такой горячностью, что оба собеседника посмотрели на него с изумлением. — Оставьте девушку в покое. Пусть отлежится.

— А кто будет за ней ухаживать?

— Я, — решительно заявил Адам.

— Погоди, погоди… — начал Чарльз.

— Не суй свой нос куда не следует!

— Но ведь дом не только твой, но и мой.

— Хочешь, чтобы я ушел?

— Да я вообще не о том говорю.

— Ну так знай, если выкинешь ее на улицу, я тоже уйду.

— Успокойся, — сказал примирительно врач. — С чего это ты так близко принимаешь к сердцу?

— Я бы и больную собаку из дома не выгнал.

— Ну и беситься тоже не стоит. А ты ничего не скрываешь? Выходил куда-нибудь прошлой ночью. Не твоих ли это рук дело?

— Он всю ночь провел дома, — заверил Чарльз. — Храпел, как паровоз.

— Почему вы не оставите девушку в покое? Дайте ей выздороветь.

Врач поднялся из-за стола и отряхнул руки.

— Послушай, Адам, твой отец был моим старинным приятелем, и я прекрасно знаю и тебя, и всю вашу семью. Ты ведь не дурак, и я не возьму в толк, почему ты отказываешься признавать очевидные факты? А дело обстоит именно так, и приходится уговаривать тебя, как младенца. На девушку совершено нападение, и не вызывает сомнений, что ее намеревались убить. Если я не доложу шерифу, то нарушу закон. Не скрою, иногда я законы нарушаю, но не в таких серьезных случаях.

— Хорошо, расскажите шерифу, только попросите не беспокоить девушку, пока ей не полегчает.

— Не в моих правилах причинять вред пациентам, — гордо заявил врач. — Так вы по-прежнему хотите оставить ее у себя в доме?

— Да.

— Что ж, дело хозяйское. Завтра к вам загляну. Девушка будет спать. Поите ее через трубочку водой и кормите теплым бульоном, если, конечно, она захочет принимать пищу. — С этими словами врач удалился.

— Адам, ради всех святых, что все это значит? — накинулся Чарльз на брата.

— Отстань.

— Да что на тебя нашло?

— Отвяжись, слышишь? Просто оставь меня в покое.

— Господи Иисусе!

Сплюнув в сердцах на пол, Чарльз с тяжелым сердцем отправился на работу.

Адам радовался, что остался один. Он походил по кухне, вымыл оставшуюся после завтрака посуду и подмел пол. Наведя порядок на кухне, он пошел в спальню и, придвинув к кровати стул, сел. Под действием морфия девушка погрузилась в глубокий сон и тяжело похрапывала. Отеки с лица начали сходить, но обрамленные черными кругами глаза оставались распухшими. Адам сидел не шевелясь, не в силах оторвать глаз от девушки. Сломанная левая рука в лубке лежала у нее на животе, а правая — поверх одеяла. Пальцы сжаты в кулачок, как гнездышко. Маленькая, совсем детская ручка. Адам осторожно погладил теплое запястье, и девушка слегка пошевелила пальцами. Украдкой, словно опасаясь, что его застанут врасплох, Адам разжал ладошку и погладил изящные кончики нежных розовых пальчиков. Кожа на тыльной стороне руки словно светилась изнутри, как перламутровая.

Адам восторженно крякнул. Внезапно девушка перестала дышать, и он насторожился, но в следующее мгновение в горле что-то булькнуло, и мерное похрапывание возобновилось. Адам бережно спрятал руку девушки под одеяло и вышел на цыпочках из комнаты.

Несколько дней под действием опиумных пилюль и пережитых потрясений Кэти лежала в забытьи. Из-за сильной боли она почти не шевелилась, а все тело казалось налитым свинцом. Девушка понимала, что вокруг нее происходят какие-то события. Постепенно голова прояснилась, и с глаз спала пелена тумана. К ней в комнату заходили двое молодых мужчин: один появлялся от случая к случаю, а второй — почти все время сидел у ее постели. Кэти догадалась, что третий мужчина, который регулярно ее навещает, — доктор. Но больше всех девушку интересовал еще один человек, высокий и худой, и интерес этот был вызван страхом. Возможно, сквозь тяжелый сон под действием морфия она что-то услышала, и это отпечаталось в мозгу.

Постепенно и медленно в памяти всплывали и выстраивались заново события последних дней. Перед глазами возникало лицо мистера Эдвардса. Вот оно утрачивает невозмутимое самодоволь-

ное выражение и превращается в маску убийцы. Никогда прежде Кэти не испытывала такого смертельного ужаса, зато теперь она знала, что собой представляет страх. И ее рассудок метался в поисках спасения, точно крыса, ищущая выход из западни. Мистер Эдвардс узнал о пожаре. А может, не он один? Как же он пронюхал? При этой мысли в груди поднялась волна слепого тошнотворного страха.

Из разговоров Кэти поняла, что высокий худой человек — шериф и хочет ее допросить, а молодой мужчина по имени Адам всячески этому препятствует, защищая ее. Возможно, шериф уже знает о пожаре.

Голоса звучали очень громко, и тут Кэти осенило, как надо действовать дальше.

— У девушки наверняка есть имя, — говорил шериф. — И кто-то должен ее знать.

— Как она станет отвечать на вопросы? Ведь у нее сломана челюсть, — послышался голос Адама.

— Если она пишет правой рукой, то может написать ответы на наши вопросы. Послушай, Адам, если кто-то хотел ее убить, лучше я поймаю его сейчас, пока есть возможность. Дай мне карандаш и позволь с ней побеседовать.

— Вы же слышали, что сказал доктор. У нее трещина в черепе. Вы уверены, что девушка все вспомнит?

— Послушай, дай бумагу и карандаш, а там увидим.

— Не хочу, чтобы вы ее беспокоили.

— Черт возьми, Адам, твои желания не имеют никакого значения! Повторяю: мне нужны бумага и карандаш.

— Да что с тобой происходит? — послышался голос второго молодого мужчины. — Говоришь так, будто это ты виноват. Дай же ему наконец карандаш.

Когда все трое зашли в комнату, девушка лежала с закрытыми глазами.

— Она спит, — прошептал Адам.

Кэти открыла глаза и посмотрела на мужчин.

Высокий мужчина подошел к кровати:

— Не хочется вас беспокоить, мисс. Я — шериф, и знаю, что вы не в состоянии разговаривать, и все же, может, напишете пару слов?

Девушка хотела кивнуть и тут же сморщилась от боли и заморгала, давая понять, что согласна.

— Ну и умница, — обрадовался шериф. — Видите? Она хочет отвечать. Он положил блокнот на кровать и вложил ей в руку карандаш. — Вот так.

А теперь назовите свое имя.

Трое мужчин внимательно следили за лицом больной. Губы девушки сжались, она сощурилась, а потом закрыла глаза, и карандаш пополз по бумаге, выводя крупные корявые буквы: «Не знаю».

— Дайте-ка я возьму чистый листок. А что вы помните?

«Пустота. Ничего не помню», — нацарапал карандаш и соскользнул с листка.

— Неужели не можете вспомнить, кто вы такая и откуда приехали? Подумайте!

Лицо девушки исказила страдальческая гримаса. Было видно, что малейшее движение дается ей с огромным трудом.

«Нет, все спуталось. Помогите».

— Бедняжка, — сочувственно вздохнул шериф. — Тем не менее благодарю, что откликнулись на мою просьбу. Когда немного окрепнете, попробуем еще раз. Нет-нет, больше писать не нужно.

Карандаш медленно вывел: «Спасибо» — и выпал из ослабших пальцев.

Итак, шерифа удалось привлечь на свою сторону. Теперь он заодно с Адамом. Остался только один противник — Чарльз. Братьям приходилось

вдвоем подкладывать под больную судно, чтобы не причинить боли, и когда они заходили в комнату, Кэти внимательно изучала сердитую, угрюмую физиономию Чарльза. В лице мужчины было что-то хорошо знакомое, вызывающее тревогу. Девушка заметила, как он то и дело трогает рукой шрам на лбу: то потрет, то просто проведет пальцами. Однажды Чарльз поймал ее взгляд и, отдернув руку ото лба, с виноватым видом посмотрел на пальцы.

— Не переживай, — злобно буркнул он. — И у тебя останется такой же, а может, еще краше.

Девушка улыбнулась и отвела глаза в сторону. В комнату зашел Адам, он принес Кэти теплый бульон.

— Пойду прогуляюсь до города. Выпью пивка, — заявил Чарльз.

3

Никогда в жизни Адам не испытывал такого счастья. Ничего страшного, что он не знает имени девушки. Она просила называть себя Кэти, и этого было достаточно. Он готовил для Кэти еду и пересмотрел все кулинарные рецепты, которыми еще пользовались его мать и мачеха.

Девушка оказалась на удивление живучей, и выздоровление шло быстро. С лица спали отеки, и по мере того как к больной возвращалось здоровье, оно приобретало прежнее очарование. Вскоре Кэти с помощью братьев могла садиться на кровати. Рот она открывала и закрывала с опаской, но уже начала есть мягкую пищу, которую не надо пережевывать. Повязку с головы еще не сняли, но остальная часть лица почти не пострадала, не считая впалой щеки с той стороны, где выбиты зубы.

Кэти попала в беду, и теперь ее мысли метались в поисках выхода. Говорила она мало, хотя речь уже давалась без труда.

Как-то раз, услышав на кухне шаги, она позвала:

— Адам, это ты?

— Нет, я, — откликнулся голос Чарльза.

— Будь добр, зайди ко мне на минутку.

Чарльз застыл в дверном проеме, устремив на девушку угрюмый взгляд.

— Ты редко ко мне заходишь.

— Верно.

— Я тебе не нравлюсь.

— Попала в точку.

— Может, объяснишь почему?

Чарльз замялся в поисках подходящего ответа, а потом буркнул:

— Я тебе не верю.

— Почему?

— Сам не знаю. Не верю в твою потерю памяти.

— Но с какой стати мне врать?

— Не знаю и потому не верю. Есть в тебе что-то… очень знакомое.

— Да мы ведь с тобой никогда прежде не встречались.

— Может, и не встречались, да только мне тревожно. Чувствую, что должен понять причину. А откуда такая уверенность, что мы раньше не встречались?

Кэти молчала, и Чарльз повернулся, намереваясь уйти.

— Постой, не уходи, — попросила девушка. — Что ты решил?

— Насчет чего?

— Насчет меня.

Чарльз посмотрел на девушку, и в его глазах зажглось любопытство:

— Хочешь знать правду?

— Потому и спрашиваю.

— Точно не знаю, но могу сказать одно: собираюсь выставить тебя отсюда как можно скорее.

Мой братец совсем сдурел, но ничего, я его наставлю на ум, даже если придется задать хорошую трепку.

— А справишься? Он ведь сильный.

— Как-нибудь справлюсь. Раньше мне это удавалось.

— А где сейчас Адам? — Кэти устремила на Чарльза безмятежный взгляд.

— Потащился в город за твоими лекарствами, чтоб они провалились.

— Ты злобный человек.

— Я вот что скажу: ты со своей смазливой мордашкой в сто раз подлее и хуже меня. Настоящая дьяволица.

— Значит, мы друг друга стоим, — тихо рассмеялась Кэти. — Скажи, Чарльз, сколько у меня осталось времени?

— Смотря для чего. Говори яснее.

— Когда ты собираешься меня выгнать? Только честно.

— Будь по-твоему. Через неделю. Ну, в любом случае у тебя в запасе не больше десяти дней. Как только очухаешься и встанешь на ноги.

— А если я не уйду?

Чарльз бросил на девушку хитрый взгляд, с трудом скрывая радость от предстоящего поединка.

— Ладно, начистоту так начистоту. Когда тебя напичкали лекарствами, язык у тебя развязался. Разболталась не на шутку. Лопотала как во сне.

— Не верю.

Чарльз рассмеялся, заметив, как Кэти быстро сжала губы, словно спохватившись.

— Ну и не верь. Если уберешься подобру-поздорову, никому не скажу. А вздумаешь артачиться… ну, сама понимаешь. И шериф тоже все поймет.

— Да не могла я сказать ничего плохого.

— Спорить мне некогда. Полно работы. Ты спросила — я ответил.

Чарльз вышел из дома и, завернув за курятник, согнулся вдвое от приступа смеха, похлопывая время от времени себя по ляжкам.

— Я-то думал, она умнее, — бормотал он сквозь смех. Впервые за последнее время ему полегчало, будто камень с души свалился.

4

Разговор с Чарльзом до смерти напугал Кэти. Он распознал ее сущность, но и девушка безошибочно угадала в нем родственную душу. Впервые в жизни Кэти столкнулась с человеком, играющим по ее правилам. Она ясно представляла

ход мыслей Чарльза, но это служило слабым утешением, так как не вызывало сомнений, что хитрости Кэти, которыми она обычно пользовалась, с ним не пройдут. А ведь именно сейчас она, как никогда, нуждается в покое и покровительстве. Денег Кэти лишилась, и теперь необходимо найти пристанище, где придется провести долгое время. Несмотря на болезнь и усталость, Кэти прокручивала в голове вариант за вариантом.

Адам вернулся из города с бутылочкой обезболивающего лекарства и, налив столовую ложку, предупредил Кэти:

— На вкус мерзкое, но действует безотказно.

Кэти без возражений выпила лекарство и даже не поморщилась.

— Ты так ко мне добр. Только не пойму, почему? От меня ведь одни хлопоты.

— Никаких хлопот. С твоим появлением в доме стало светлее. На твою долю выпали такие страдания, а ты ни разу не пожаловалась.

— Какой ты хороший и добрый, Адам.

— Да мне не трудно.

— Тебе нужно идти? А может, останешься и поболтаешь со мной?

— Конечно. Никаких срочных дел вроде нет.

— Пододвинь поближе стул и садись.

Адам сел, и Кэти протянула ему правую руку, которую он бережно спрятал в ладонях.

— Хороший, добрый, — повторила девушка. — Адам, ты ведь всегда держишь слово, правда?

— Стараюсь. Почему ты спрашиваешь?

— Я осталась совсем одна и очень боюсь, — расплакалась девушка. — Мне так страшно.

— Чем тебе помочь?

— Думаю, мне уже никто не поможет.

— Доверься мне, и я попробую.

— В том-то и дело, что я не могу все рассказать.

— Почему. Если это секрет, я никому не скажу.

— Тайна ведь не моя, понимаешь?

— Не совсем.

Пальчики Кэти вцепились Адаму в руку:

— Адам, я не теряла память.

— Но зачем же ты сказала…

— Вот я и пытаюсь тебе объяснить. Ты любил отца, Адам?

— Скорее относился к нему с большим почтением.

— Представь, если бы человек, которого ты почитаешь всей душой, вдруг попал в беду. Разве ты бы не сделал все, чтобы спасти его от гибели?

— Думаю, сделал бы.

— Вот и я так же поступила.

— Но где тебя изувечили?

— Ах, все связано между собой, потому-то я и должна молчать.

— Тебя избил отец?

— Да нет же. Но все так переплелось, запуталось.

— Иными словами, если откроешь мне имя человека, который тебя покалечил, твоему отцу грозят неприятности?

Кэти вздохнула. Пусть сам додумает историю.

— Адам, можешь мне поверить? — спросила она вслух.

— Конечно.

— Мне тяжело просить об этом.

— Ничего страшного, ведь ты хочешь защитить отца.

— Ты же понимаешь, это не моя тайна, а то я сразу бы тебе призналась.

— Разумеется, понимаю. И я на твоем месте поступил бы так же.

— Какой ты чуткий.

Глаза Кэти наполнились слезами. Адам склонился над девушкой, и та поцеловала его в щеку.

— Не бойся, я тебя уберегу от всех бед, — пообещал он.

— Вряд ли получится. — Кэти откинулась на

подушку.

— Почему?

— Твой брат меня невзлюбил и хочет выгнать из дома.

— Он сам так сказал?

— Нет, что ты. Но я же чувствую. У него нет твоей доброты.

— Поверь, сердце у него не злое.

— Знаю. И все же Чарльз не понимает… Ему не хватает твоей чуткости. Когда мне придется покинуть ваш дом, шериф пристанет с вопросами, и я останусь одна-одинешенька.

Адам устремил задумчивый взгляд в пространство.

— Брат не может тебя выгнать. Половина фермы принадлежит мне, да и деньги у меня водятся.

— Если он станет настаивать на моем уходе, я уйду. Не хочу портить тебе жизнь.

Адам встал и широким шагом вышел из комнаты. Подойдя к двери кухни, он выглянул на улицу и сразу же попал в объятия ясного дня. Вдалеке, в конце поля, брат сгружал с тележки булыжники и укладывал на каменную стену. Адам поднял глаза к небу, всматриваясь в стаю серебристых перистых облаков, надвигающихся с востока. Он вдохнул воздух полной грудью, и внутри шевель-

нулось волнующее, будоражащее чувство. Будто из ушей вынули вату, и теперь отчетливо слышится кудахтанье кур и шум восточного ветра, проносящегося над землей. Он слышал стук копыт на дороге и далекие удары молотка по дереву — это сосед кроет дранкой крышу амбара. И все звуки вдруг слились в одну мелодию. Зрение тоже прояснилось. Заборы, стены и сараи с необыкновенной отчетливостью выделялись на фоне желтых отблесков послеполуденного солнца. И предметы тоже стали единым целым. Все вокруг вдруг сделалось другим. Стайка воробьев опустилась на землю и, окунувшись в пыль, завозилась в поисках пищи. Потом птицы вспорхнули вверх серой, трепещущей на ветру шалью. Адам снова посмотрел на брата. Он потерял счет времени и не знал, как долго простоял на пороге.

Время и правда застыло на месте. Чарльз по-прежнему возился с огромным булыжником, а Адам так и не выдохнул воздух, который задержал в груди в тот самый момент, когда время для него остановилось.

Внезапно он понял, что радость и грусть неразрывно переплетаются между собой, так же как храбрость и страх, образуя одно затейливое полотно. Адам поймал себя на том, что мурлычет

под нос какой-то простой мотив. Развернувшись, он прошел по кухне, остановился на пороге спальни и посмотрел на Кэти. Девушка слабо улыбнулась, и Адам подумал: «Господи, да ведь она совсем еще дитя! Слабое беззащитное дитя!»

— Пойдешь за меня замуж? — спросил он.

Лицо Кэти напряглось, а пальцы судорожно сжались.

— Можешь сразу не отвечать, — успокоил ее Адам. — Хочу, чтобы ты все хорошо обдумала. Только помни: если выйдешь за меня, я сумею тебя защитить, и уже никто не посмеет тебя обидеть.

В следующее мгновение девушка пришла в себя:

— Подойди, Адам, и сядь рядом. Вот так. — Кэти взяла Адама за руку и прижала к своей щеке. — Милый, — прошептала она прерывающимся голосом, — милый мой, ты мне поверил. А теперь пообещай кое-что. Обещай не говорить брату, хорошо?

— Не говорить, что сделал тебе предложение? Но почему мы должны скрывать?

— Не в этом дело. Дай мне время хотя бы до завтрашнего утра, а возможно, и еще несколько дней. — Кэти поднесла руку ко лбу. — Знаешь, у

меня ум за разум заходит, и мысли разбегаются в разные стороны, а хочется решить на ясную голову.

— Как думаешь, сможешь стать моей женой?

— Адам, умоляю, оставь меня на некоторое время и дай подумать. Прошу тебя, милый.

Адам нервно усмехнулся:

— Только не затягивай с ответом. Я как тот кот, что взобрался на дерево, а спуститься вниз не может.

— Просто дай мне время. Ты ведь такой добрый и все понимаешь.

Адам вышел на улицу и направился к брату, который все еще грузил на тележку булыжники.

Как только он ушел, Кэти встала с кровати, добрела нетвердым шагом до комода и, подавшись вперед, посмотрела на себя в зеркало. Лоб все еще забинтован. Девушка приподняла край повязки и увидела воспаленный багровый рубец. Она уже давно решила выйти замуж за Адама, задолго до того, как он сделал предложение. Ее жизнь проходила в страхе, и Кэти нуждалась в чьем-нибудь покровительстве и деньгах, а Адам мог обеспечить и то и другое. Кроме того, она сможет им манипулировать. Это Кэти понимала очень хорошо. Замуж ей не хотелось, но

на данный момент брак являлся путем к спасению и обретению покоя. Тревожило лишь одно: Адам относился к ней с теплотой, которая была Кэти непонятна, так как сама она никогда не испытывала подобного чувства ни к нему, ни к кому-либо другому. Мистер Эдвардс поверг ее в ужас, и единственный раз в жизни ситуация вышла из-под контроля. Кэти твердо решила, что ничего похожего больше не допустит. При мысли о том, что скажет Чарльз, когда узнает новость, девушка мысленно усмехнулась. Она чувствовала в Чарльзе родственную душу, и его подозрения не вызывали беспокойства.

5

Увидев брата, Чарльз выпрямился и, приложив руки к пояснице, принялся растирать усталые мышцы.

— Господи, сколько же здесь камней! — вздохнул он.

— Один парень в армии рассказывал, что в Калифорнии есть долины, где на несколько миль не то что булыжника, даже маленького камешка не сыскать.

— Значит, там другие пакости имеются, — воз-

разил Чарльз. — На любой ферме свои трудности. Куда без них? Вот на Среднем Западе саранча, а в других местах — страшные ураганы. Так стоит ли обращать внимание на десяток булыжников? Подумаешь, какая важность!

— Наверное, ты прав. Вот я и пришел помочь.

— Как любезно с твоей стороны. А я уж решил, ты так и будешь до конца дней держать эту стерву за ручку. И долго она еще здесь прогостит?

Адам уже был готов признаться, что сделал Кэти предложение, но что-то в тоне брата заставило его прикусить язык.

— Да, кстати, тут недавно заходил Алекс Платт. Знаешь, какая с ним случилась история? В жизнь не поверишь! Он нашел целое состояние.

— Как же ему удалось?

— Помнишь то место на его участке, где растет кедровая роща? Ну, прямо у дороги?

— Помню. Ну и что?

— Алекс охотился на кроликов, пошел через рощу вдоль каменной стены и нашел чемодан с мужской одеждой. Все так аккуратно сложено, только насквозь промокло от дождей. Похоже, пролежало довольно долго. А еще он нашел деревянную шкатулку, и когда взломал замок, там оказалось почти четыре тысячи долларов. Рядом

валялась дамская сумочка, но в ней ничего не было.

— И что, никаких меток с именем?

— То-то и странно. Ни меток на одежде, ни наклеек на чемодане. Похоже, парень боялся, что его выследят.

— Алекс собирается оставить вещи и деньги у себя?

— Он отнес все шерифу, а тот даст объявление, и, если хозяин не найдется, все достанется Алексу.

— Да нет же, владелец непременно даст о себе знать.

— И я так думаю, но Алексу ничего не сказал. Он так радуется. Только странно, что никаких меток. И ведь они не срезаны, их просто не было.

— Да, большие деньги, — согласился Адам. — Кто-нибудь наверняка объявится.

— Мы тут с Алексом маленько поболтали. Ты ведь знаешь, его жена только и делает, что ходит по гостям. — Чарльз умолк. — Послушай, Адам, — продолжил он через некоторое время, — нам надо поговорить. По всей округе идут разговоры.

— О чем? Говори яснее.

— Черт побери, да все о том же! Об этой девке! Нельзя двум холостым мужчинам жить в одном

доме с девчонкой. Алекс говорит, местные кумушки уже все кости нам перемыли. Адам, так не может продолжаться. Нам здесь жить, и ни к чему марать свое доброе имя.

— Предлагаешь вышвырнуть на улицу больную девушку?

— Хочу, чтобы ты от нее избавился. Пусть убирается. Мне она не по душе.

— Ты сразу невзлюбил Кэти.

— Вот именно. Я ей не верю. Есть в этой девице что-то… Сам не знаю, как объяснить, но мне она не нравится. Когда она уберется?

— Поступим так, — медленно произнес Адам, — дай Кэти еще неделю, а потом я придумаю, как с ней поступить.

— Обещаешь?

— Даю слово.

— Ну, так-то лучше. Пойду шепну словечко жене Алекса, а уж она разнесет новость по всей округе. Ну и славно же мы заживем, когда снова останемся вдвоем. Полагаю, память к ней так и не вернулась?

— Нет, — откликнулся Адам.

6

Пятью днями позже Чарльз отправился покупать корм для телят, а Адам подогнал коляску к кухонному крыльцу и помог Кэти в нее сесть. Одним одеялом он укутал ей колени, а второе — накинул на плечи. Они отправились в окружной центр, где мировой судья оформил брак.

По возвращении они застали Чарльза дома. Адам с Кэти зашли на кухню, и Чарльз, скорчив кислую мину, буркнул:

— Я-то решил, что ты повез ее к поезду.

— Мы поженились, — сообщил Адам без обиняков.

Кэти улыбнулась Чарльзу.

— Как? Зачем ты это сделал?!

— А что? Разве я не имею права жениться?

Кэти быстро прошла в спальню и плотно закрыла дверь.

— Говорю тебе, она обычная мерзавка, шлюха! — неистовствовал Чарльз.

— Чарльз! — попытался остановить его брат.

— Неужели не видишь: она же дешевая шлюха! Разве можно ей верить? Сука! Тварь подзаборная!

— Прекрати, Чарльз! Прикуси свой поганый язык и не смей оскорблять мою жену!

— Какая из нее жена? Кошка драная.

— Похоже, ты ревнуешь, Чарльз, — тихо сказал Адам. — Думаю, ты и сам был не прочь на ней жениться.

— Что? Это я-то ревную?! Ах ты, чертов дурень! Да я даже жить с ней под одной крышей не стану!

— Тебе и не придется, — невозмутимо ответил Адам. — Я уезжаю. Если хочешь, можешь выкупить мою долю и оставить себе ферму. Ты ведь всегда этого хотел. Оставайся здесь и копайся в дерьме.

— Ну почему ты не хочешь от нее отделаться? — Голос Чарльза стал тихим. — Прошу тебя, Адам, вышвырни ее вон. Эта девка тебя погубит, изуродует всю жизнь! Вот увидишь! Слышишь, Адам?!

— С чего ты взял? Ведь ты же ее совсем не знаешь?

— Не знаю. — Глаза Чарльза стали пустыми и холодным, а губы плотно сжались.

Адам не стал спрашивать Кэти, выйдет ли она к ужину, а просто отнес в спальню две тарелки и сел рядом.

— Скоро мы уедем, — обратился он к жене.

— Позволь лучше уехать мне. Прошу тебя. Не хочу, чтобы из-за меня ты возненавидел брата. За что он меня невзлюбил?

— Думаю, он ревнует.

— Ревнует? — переспросила Кэти и прищурилась.

— Мне так кажется. Но ты не беспокойся. Мы уедем в Калифорнию.

— Не хочу в Калифорнию.

— Ты — моя жена, — мягко сказал Адам. — И я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Кэти замолчала и больше к этому разговору не возвращалась.

Вскоре они услышали, как Чарльз, уходя из дома, хлопнул дверью.

— Прогулка пойдет ему на пользу, — заметил Адам. — Немного выпьет, и сразу станет легче на душе.

— Послушай, Адам. — Кэти со смущенным видом принялась разглядывать пальцы. — Я не смогу быть тебе женой, пока не поправлюсь.

— Я все понимаю и подожду.

— Но я хочу, чтобы ты остался со мной. Я боюсь Чарльза. Он так меня ненавидит.

— Принесу сюда раскладушку, и если станет

страшно, позови. Можешь протянуть руку и дотронуться до меня.

— Какой ты добрый, — восхитилась Кэти. — Может, выпьем чая?

— Конечно. Я и сам хотел предложить. — Он принес в спальню две дымящиеся чашки и вернулся в кухню за сахарницей, а потом пододвинул стул к кровати Кэти.

— Я заварил покрепче. Не слишком крепкий для тебя?

— Нет, я такой люблю.

Адам допил чай:

— Какой-то странный привкус, тебе не кажется?

Кэти испуганно поднесла руку ко рту.

— Ой, дай попробовать. — Она допила остатки и воскликнула: — Ах, Адам, ты взял мою чашку, а в ней было лекарство!

— Думаю, оно не причинит большого вреда. — Адам облизнул губы.

— Нет, — тихо рассмеялась Кэти. — Хоть бы не пришлось звать тебя ночью.

— Почему же?

— Ты выпил мое снотворное и вряд ли проснешься.

Опиум начал быстро действовать, и Адам, как

ни боролся, вскоре погрузился в тяжелый сон.

— Неужели доктор прописал тебе такую большую дозу? — пробормотал он заплетающимся языком.

— Ты просто не привык, — откликнулась Кэти.

Чарльз вернулся домой в одиннадцать, и Кэти слышала его нетвердые шаги. Пошатываясь, он прошел к себе в комнату, сбросил одежду и улегся в постель. Ворча себе под нос, он повернулся, пытаясь устроиться поудобнее, а когда открыл глаза, увидел у кровати Кэти.

— Что надо?

— А ты как думаешь? Ну-ка подвинься.

— А где Адам?

— Выпил по ошибке мое снотворное. Давай двигайся.

— Я сегодня уже переспал со шлюхой, — сердито засопел Чарльз.

— Ну, ты парень крепкий. Подвинься чуток.

— А как же сломанная рука?

— Не твоя печаль. Я сама о ней позабочусь.

Чарльз неожиданно рассмеялся.

— Вот несчастный придурок, — сказал он, откидывая одеяло, чтобы пустить Кэти к себе в постель.

Часть вторая

Глава 12

Ну вот мы и дошли страница за страницей до великого рубежа, который известен как 1900 год. Очередная сотня лет пронеслась, перемолотая в муку, и все события приобрели определенную окраску, в зависимости от того, как их воспринимали и хотели видеть люди. И чем дальше они уходили в прошлое, тем ярче и значительнее казались. Некоторые мемуары утверждают, то было время, лучше которого мир не знал. Ах, старое доброе время, беззаботное, милое в своей простоте и безыскусности. Как будто тогда не они сами, а время было молодым и не ведающим страха. Старики, не надеющиеся перевалить через порог столетия, смотрели в будущее с неприязнью, так как в мире наступали перемены, и былое очарование уходило в небытие вместе с добродетелью. В разъедаемый ржавчиной мир вползала тревога, и куда подевались хорошие манеры, непринужденность и красота? Все пропало! Настоящие леди исчезли бесследно, да и верить слову джентльмена больше нельзя.

Наступило время застегнутых на все пуговицы ширинок, и мужское стремление к свободе выки-

пало, словно вода из чайника. Даже детские годы больше не приносят радости — не то что прежде, когда единственной заботой для ребенка был поиск подходящего камешка, не совсем круглого, но непременно плоского, обтекаемой формы. Такой легко завернуть в кусок кожи, отрезанной от старого башмака, и метнуть из рогатки. И куда только подевались все хорошие камешки, куда исчезли былое простодушие и бесхитростность?

Да и память у людей ослабла. А иначе почему ни за что не вспомнить пережитое чувство боли, радости или страсти, от которой перехватывает дыхание? Помнится только, что когда-то их испытывал. Пожилые мужчины смутно припоминают, как осторожно, словно доктора во время приема больных, щупали девочек, но они начисто забыли, да и не желают освежать в памяти едкий привкус душевного волнения, которое охватывает во время приступов юношеской хандры. И тогда падаешь лицом в молодые побеги овса и колотишь кулаками по земле, причитая сквозь рыдания: «О господи!» При виде подобного зрелища постаревшие мужчины обычно говорят: «С какой радости этот мальчишка валяется в траве? Так недолго и простудиться».

Увы, земляника утратила былую сладость, в

любви нет прежней страстности, да и женские бедра уже не такие упругие!

Придя к такому выводу, некоторые мужчины успокаивались и с чувством выполненного долга ждали смерти, словно наседки, высиживающие в гнезде яйца.

Историю с неуемным рвением творят миллионы историков. Нужно выбираться из этого уродливого века, заявляли некоторые из них. Прочь из эпохи мошенничества, кровавых мятежей, таинственных смертей и погони за общественными землями, для добычи которых были хороши любые средства.

Оглянемся в прошлое и вспомним, как наша малолетняя, не в меру самонадеянная нация, превозмогая тяготы, осваивала океанские берега. Едва мы успели встать на ноги, как снова пришлось сражаться с британцами. Мы их разбили, но проку в этом было немного, так как в обмен на победу нам остались сгоревший Белый дом и десять тысяч вдов, которым выплачивалась пенсия из государственного бюджета.

Потом солдат отправили в поход на Мексику, который обернулся весьма поганым пикничком. Кто бы объяснил, зачем нужно устраивать пикники и терпеть массу неудобств под открытым

небом, когда можно с приятностью и без проблем славно покушать дома. Тем не менее война с Мексикой принесла две выгоды. Мы завладели обширными землями на Западе, фактически удвоив собственную территорию, а кроме того, генералы получили возможность набраться военного опыта, и когда в стране вспыхнула братоубийственная бойня, наши военачальники, овладевшие нужными навыками, сумели превратить ее в кровавый кошмар.

Затем разгорелись споры:

— Можно ли иметь рабов?

— Почему бы и нет, если покупаешь раба честным путем.

— Эдак можно договориться, что и лошадей запретят покупать. Кто это посягает на мою собственность?

И вот мы уподобились человеку, который собственноручно разодрал себе лицо и теперь умывается кровью.

Гражданская война закончилась, и мы, медленно поднявшись с залитой кровью земли, отправились осваивать Запад.

За экономическим подъемом последовали спад, полное банкротство и депрессия.

Появились выдающиеся мошенники с гром-

кими именами, которые опустошали карманы каждого, у кого там что-нибудь водилось.

Пошел он к черту, этот прогнивший насквозь век!

Переступим через порог и захлопнем за собой дверь! Закроем, как книгу, и начнем читать с новой главы, знаменующей новую жизнь. Закроем крышку мусорного ведра, где остался этот смердящий век, и будем жить с чистыми руками. Впереди ждет светлое будущее, не замаранное грязью и скверной новое столетие. Колода пока не перетасована, и любого ублюдка-шулера, что посмеет на нее посягнуть, мы распнем на кресте, окунув головой в нужник.

И все равно никогда уже земляника не будет такой сладкой, да и женские бедра утратили былую упругость!

Глава 13
1

Порой на человека нисходит неземное блаженство, и тогда происходит озарение. Подобное случается почти с каждым, и ты чувствуешь, как оно нарастает и неуклонно приближается, словно огонек, бегущий по бикфордову шнуру навстречу динамиту. Появляется особое ощущение под ложечкой, радостный трепет во всем теле, и ты кожей впитываешь сладостный вкус воздуха, и каждый глубокий вдох вызывает восторг. Сначала испытываешь наслаждение, как после долгого сна, когда потягиваешься и сладко зеваешь, а дальше — вспышка в мозгу, и мир перед глазами начинает сверкать всеми красками. Возможно, вся жизнь прошла в серой безысходности, на унылой земле, среди темных угрюмых деревьев, и события, даже самые значительные и важные, прошли мимо безликим, блеклым строем. Но вдруг наступает озарение, и песенка сверчка услаждает слух, ноздри трепещут от аромата теплой земли, и пятна солнечного света, пробившегося сквозь листву деревьев, ласкают

взгляд. И тогда все, что годами копилось в душе и сознании человека, выплескивается наружу мощным потоком, но это нисколько не умаляет его значимости. Полагаю, роль человека в мире, его ценность, измеряется количеством и характером посетивших его озарений. Человек переживает мгновенья озарения в одиночестве, но именно они связывают нас с окружающим миром и стоят у истоков любого творчества, выделяя каждого из толпы и одаривая индивидуальностью.

Не знаю, как это будет происходить в дальнейшем. Мир охвачен колоссальными переменами, и на сцену выходят неведомые нам силы, которые формируют лик будущего. Нам кажется, что за некоторыми из этих сил скрывается зло, но, возможно, дело не в них, а в их стремлении уничтожить дорогие нашему сердцу понятия, которые всегда считались правильными и действующими во благо. Действительно, два человека поднимут большой камень, с которым одному не справиться, и бригада рабочих изготовит детали и соберет автомобиль быстрее и качественнее того, кто станет делать эту работу в одиночку. И хлеб, испеченный в большой пекарне, стоит дешевле, а буханки не отличаются друг от друга по форме и вкусу. Однако как только наша пища,

одежда и жилье станут изготавливаться в процессе массового производства, массовый метод неизбежно проникнет и в мышление, уничтожая любое инакомыслие. В наше время массовый или так называемый коллективный метод производства уже внедрился в экономику, политику и даже религию, и вот уже отдельные народы заменяют понятие «Бог» новым — «коллектив». Вот чем опасно время, в которое мне довелось жить. Скопившееся в мире напряжение достигло предела, превышение которого чревато катастрофой, и люди пребывают в растерянности и чувствуют себя несчастными.

В такое время вполне естественно и закономерно спросить себя: «А во что я верю? За что и против чего должен бороться?»

Мы — единственная особь на земле, способная творить, и имеется лишь одно орудие творчества — ум и душа отдельной личности. Никогда творческие работы не создавались вдвоем. Примеров плодотворного соавторства нет, будь то музыка, поэзия, математика или философия. Но когда чудо свершилось, группа людей может воспользоваться плодом творчества и развить и усовершенствовать первоначальную идею, но она не в силах изобрести что-либо новое.

Драгоценный дар скрывается в мышлении индивидуума.

Но вот силы, сплоченные идеей коллективизма, объявили беспощадную войну этому бесценному дару, человеческому разуму. Стремясь надеть оковы на свободолюбивый бунтарский разум, притупить пытливость и одурманить, его подвергают всяческим унижениям, подавляют, морят голодом и вколачивают железным молотом в жесткие рамки условностей и запретов. Похоже, человеческие особи встали на горестный путь самоубийства.

Я свято верю, что свободный пытливый ум отдельной личности является самой великой ценностью в мире, и готов бороться за право мыслить независимо без каких бы то ни было ограничений и препон. А сражаться я буду против любой идеологии, религии или правительства, которые ограничивают возможности личности или попросту ее уничтожают. На этом стою и стоять буду. Совершенно очевидны причины, которыми руководствуется построенная по некому шаблону система, прилагая все силы, чтобы убить свободный разум. Ведь только он, постигнув сущность такой системы, может ее сокрушить. Я это понимаю, ненавижу и буду бороться за спасение

единственного различия между людьми и бессловесными тварями, лишенными способности созидать. Если потушить огонь озарения — мы погибли.

2

Адам Траск вырос в сером мире, лишенном радости, и вся его жизнь протекала под пыльной, подернутой паутиной завесой, за которой медленно проходила вереница дней, полных горестей и болезненной неудовлетворенности. Но вдруг в нее ворвалась Кэти, и к Адаму пришло озарение.

И не важно, что таких женщин, как Кэти, называют чудовищами. Возможно, нам не дано ее понять, но, с другой стороны, мы и сами способны как на великую добродетель, так и на смертный грех. Да и кто из нас, хотя бы мысленно, не ступал ногой в черные воды порока, пытаясь измерить их глубину?

Наверное, в душе каждого из нас имеется тайный отстойник, где зарождаются и крепнут злобные, греховные помыслы. Однако он огорожен забором, и плавающая там дрянь, пытаясь взобраться по скользким стенам, неизменно

падает вниз. Но разве не может случиться, что зло наберет силу, и скопившиеся нечистоты, выплеснувшись за ограду, вырвутся на волю? Не такого ли человека причисляют к чудовищам, и не сроднились ли мы с ним в глубинах наших собственных отстойников? Большая нелепость, признавая ангелов, не постигнуть сути демонов, ведь и тех и других сотворили мы сами.

Можно считать Кэти кем угодно, но именно она зажгла в жизни Адама искру озарения. Душа воспарила в облака, избавив от страха, ожесточения и горьких воспоминаний. Озарение наполняет окружающий мир светом и меняет всю картину, как осветительный снаряд, взметнувшийся над полем боя. Вероятно, и Адам видел Кэти совсем другой, таким сияющим был ореол, в котором девушка предстала перед его глазами. В сознании запечатлелся божественно прекрасный, непорочный образ прелестной нежной девушки, чистой и любящей. Кэти стала для мужа дороже всего на свете, и что бы она ни сказала или сделала, этот образ все равно бы не померк.

Она говорила, что не хочет ехать в Калифорнию, но Адам не слушал, потому что Кэти, которую он создал в воображении, взяла его за руку и первой отправилась в путь. Посетившее Адама озарение

было таким ослепительно ярким, что он не замечал угрюмого настроения и страданий брата, не видел, как странно поблескивают его глаза. Он по дешевке продал свою долю фермы Чарльзу, добавил к полученной сумме деньги, доставшиеся по наследству от отца, и почувствовал себя свободным и богатым.

Братья стали друг другу чужими. На вокзале они обменялись рукопожатиями, и Чарльз, потирая шрам на лбу, наблюдал за отходящим поездом. Проводив Адама, он отправился в трактир, выпил четыре порции виски подряд и поднялся наверх. Чарльз, как заведено, заплатил девушке вперед, а когда у него ничего не получилось, рыдал в объятиях проститутки, пока та его не выставила. Свою ярость он выместил на ферме, выжимая из нее все соки, покупал новые участки, бурил колодцы и содержал хозяйство в идеальном порядке. Чарльз работал, не зная ни покоя, ни отдыха, и богател день ото дня, однако богатство не приносило радости. Он пользовался всеобщим уважением, но так и не обзавелся друзьями.

Адам ненадолго задержался в Нью-Йорке, чтобы купить одежду для себя и жены, а затем супруги сели на поезд, который увез их на другой конец континента, и нетрудно догадаться, каким

образом они оказались в Салинас-Вэлли.

В то время развивающиеся железнодорожные компании вели между собой ожесточенную борьбу за господство в стране, используя все доступные средства для увеличения своих перевозок. Не ограничиваясь рекламой в газетах, они выпускали яркие брошюры и плакаты с описанием красот и несметных богатств Запада. Реклама не преувеличивала — край был действительно сказочно богатым. Благодаря неукротимой энергии Лиланда Стэнфорда Южно-Тихоокеанская железная дорога под его предводительством добилась главенства на Тихоокеанском побережье не только в сфере транспорта, но и в политике. Ее рельсы потянулись к долинам. Вырастали новые города, осваивались и заселялись новые земли, так как для увеличения перевозок требовалось большое количество пассажиров.

Компания не обошла вниманием и узкую полоску Салинас-Вэлли, вытянувшуюся между двух горных хребтов. Адам внимательно изучил красочный рекламный плакат, утверждавший, что райские кущи являются лишь жалкой копией сказочной долины. После ознакомления с рекламной литературой только сумасшедший не загорелся бы желанием как можно скорее осесть

в Салинас-Вэлли.

С покупкой земли Адам не торопился. Он приобрел повозку и стал разъезжать по окрестностям, беседуя со старожилами об условиях жизни, земле, наличии воды, погоде и урожаях. Делал это Адам не из праздного любопытства. Он приехал в Салинас-Вэлли, намереваясь построить дом, создать крепкую семью и, возможно, даже основать династию.

Адам объезжал ферму за фермой, брал в руки комочки земли и разминал их пальцами, строя грандиозные планы на будущее. Жителям долины он пришелся по душе, и они радовались, что Адам намерен осесть в их краях, так как сразу распознали в нем человека солидного и обстоятельного.

Тревожило Адама только состояние Кэти. Ей все время нездоровилось, и хотя она сопровождала мужа в поездках, интереса к его планам не проявляла. Однажды утром она пожаловалась на плохое самочувствие и осталась в гостинице в Кинг-Сити, а Адам, как обычно, отправился на очередную ферму. Вернулся он к пяти вечера и обнаружил, что жена умирает от неожиданно открывшегося кровотечения. К счастью, доктор Тилсон ужинал дома, и Адам вытащил его из-за

стола, не дав доесть ростбиф. Быстро обследовав больную, врач с помощью тампонов принялся останавливать кровотечение, бросив Адаму через плечо:

— Будьте добры, спуститесь вниз.

— Она поправится?

— Да, я вас скоро позову.

Адам ласково погладил жену по плечу, и она улыбнулась в ответ.

Плотно закрыв дверь, доктор Тилсон подошел к кровати. От гнева его лицо налилось кровью.

— Зачем вы так поступили?

Губы Кэти сжались в тонкую линию.

— Муж знает, что вы беременны?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Чем вы пользовались?

Кэти молча смотрела на врача.

Доктор Тилсон осмотрел комнату и, подойдя к комоду, вынул вязальную спицу и потряс перед лицом больной.

— Знакомая виновница всех бед, — пробормотал он. — Какая же вы дура. Едва не убили себя, а от ребенка все равно не избавились. Полагаю, помимо этого вы травили себя разной дрянью, наподобие камфоры, керосина и красного перца. Господи, и что вы, женщины, только творите!

Взгляд Кэти сделался стеклянным.

Врач придвинул стул к кровати и сел.

— Почему вы не хотите родить ребенка? — тихо спросил он. — У вас хороший муж, неужели вы его не любите? Что, так и будем молчать? Да скажите же что-нибудь, хватит упрямиться!

Кэти молчала, крепко сжав губы, и не мигая смотрела на доктора.

— Голубушка, — теряя терпение, сказал врач, — неужели не понимаете? Нельзя убивать зародившуюся жизнь. Уж если что и способно меня взбесить, то вот такое безобразие. Видит господь, я иногда теряю больных из-за недостатка знаний. Но я до конца борюсь за их жизнь. И вдруг на моих глазах совершается преднамеренное убийство. — Врач говорил все быстрее, страшась тягостного молчания, которое следовало за каждой его репликой. Лежащая на кровати женщина вызывала недоумение. Было в ней нечто чуждое человеческой природе. — Вы не знакомы с миссис Лорел? Бедняжка извелась от горя, день и ночь молит Господа послать ей ребенка. Все на свете отдала бы за счастье родить дитя. А вы протыкаете своего ребенка спицей. Ладно, — доктор Тилсон перешел на крик, — можете молчать и дальше, но я вам вот что скажу: ваше дитя живо, убить

его не удалось, и вы дадите ему жизнь! Знаете, что говорится в законодательстве нашего штата об абортах? Не трудитесь, можете не отвечать! Только если вы еще раз попробуете избавиться от ребенка и преуспеете, я сразу же пойму, в чем дело, выдвину против вас обвинение и добьюсь соответствующего наказания. Надеюсь, у вас достаточно здравого смысла, чтобы понять серьезность моих намерений.

Кэти облизала пересохшие губы заостренным язычком, ее глаза утратили холодное выражение и засветились грустью.

— Простите, — прошептала она, — но вы всего не знаете.

— Так почему вы ничего не рассказываете? — Гнев доктора рассеялся, как туман. — Объясните, милая, в чем дело.

— Трудно об этом говорить. Адам такой хороший, сильный, а я… у меня дурная наследственность, эпилепсия.

— Не может быть!

— То есть у меня эпилепсии нет, но и дед, и отец, и брат страдали этой болезнью. Я не осмелилась признаться мужу.

— Бедная девочка, — посочувствовал врач, — не отчаивайтесь, скорее всего ребенок родится здо-

ровым. Обещаете больше не делать глупостей?

— Да.

— Вот и хорошо. Я ничего не скажу вашему мужу. А теперь лягте и дайте посмотреть, прекратилось ли кровотечение.

Убедившись, что все в порядке, врач закрыл свой чемоданчик и положил спицу в карман.

— Загляну к вам завтра утром.

Едва мистер Тилсон спустился по узкой лестнице в вестибюль, как Адам атаковал его вопросами:

— Ну как она? Все обошлось? Что случилось? Можно к ней подняться?

— Да погодите вы, — усмехнулся доктор Тилсон и не удержался от привычной шутки, которую всегда произносил в подобных случаях: — Вашей жене нездоровится…

— Доктор…

— Но у нее единственная на свете болезнь, которая приносит радость.

— Как же это, доктор…

— Она ждет ребенка. — Довольный собой, мистер Тилсон быстро проскользнул мимо ошарашенного Адама. Трое мужчин, расположившихся возле печи, смотрели на него с добродушной усмешкой. — Лично я пригласил бы по такому

случаю приятелей, скажем, человек трех, выпить и разделить со мной радость.

Его намек повис в воздухе, так как Адам уже поднимался на заплетающихся ногах по узкой лестнице.

…Внимание Адама привлекало ранчо Бордони, расположенное в нескольких милях к югу от Кинг-Сити, а точнее, на полдороге между Сан-Лукасом и Кинг-Сити.

Семейство Бордони владело девятьюстами акрами земли, оставшимися от десяти тысяч, полученных прадедом миссис Бордони от испанской короны. Сами Бордони были швейцарцами, но миссис Бордони происходила из испанской семьи, осевшей в Салинас-Вэлли в стародавние времена, и являлась ее законной наследницей. Как часто случается с большинством старинных родов, Санчесы постепенно теряли свои земли. Часть проиграли в карты или продали для уплаты налогов, а порой землей расплачивались за приобретение предметов роскоши, таких как породистые лошади, драгоценности или любовь красивых женщин. Оставшиеся девятьсот акров располагались в центре первоначальных владений Санчесов, и именно там находились самые лучшие земли. Раскинувшиеся по берегам реки,

они упирались с обеих сторон в предгорья, так как в этом месте Салинас-Вэлли сужается, а потом расширяется снова.

Старинный глинобитный дом Санчесов еще вполне годился для жилья. Он стоял в небольшой лощине среди холмов, представляющей собой долину Салинас-Вэлли в миниатюре, по которой струился никогда не пересыхающий ручей, являющийся главной ценностью. Именно поэтому Санчес построил здесь дом. Крошечную долину защищала тень от мощных виргинских дубов, и земля здесь была плодородной, покрытой густой зеленью, что не свойственно для этой части Салинас-Вэлли. Стены низкого дома имели четыре фута в толщину, а бревенчатые стропила и балки были скреплены ремнями из сыромятной кожи, предварительно смоченной водой. Высохнув, кожа дала усадку и надежно стянула бревна, а сами ремни затвердели, как железо, и практически не изнашивались. Такой способ строительства имеет лишь один недостаток: кожаные крепления могут перегрызть крысы, случись им завестись в доме.

Старинный дом, казалось, рос прямо из земли, и в этом имелась своеобразная прелесть. Бордони приспособил его под коровник. Хозяин приехал

сюда из Швейцарии и унаследовал от своего народа страсть к чистоте. Не надеясь на толстые глинобитные стены, он построил на некотором расстоянии каркасный дом, а в глубоких проемах окон в старинном доме Санчесов виднелись коровьи головы.

Чета Бордони была бездетной, и когда супруга скончалась в расцвете лет, вдовец не на шутку затосковал по родным Альпам. Он хотел продать ранчо и вернуться на родину. Адам не спешил с покупкой земли, а Бордони запросил высокую цену и, пользуясь испытанным приемом торговцев, делал вид, что продажа ранчо его не слишком волнует. Бордони задолго до Адама понял, что тот непременно купит у него землю.

Адам намеревался обосноваться всерьез и на долгие годы, вырастить здесь будущих детей, которые продолжат его дело. Он боялся, что, купив ферму, найдет место получше, но земли Санчесов влекли к себе с неодолимой силой. С появлением Кэти Адам не сомневался, что впереди ждет долгая счастливая жизнь, и тем не менее действовал осмотрительно, тщательно обдумывая каждую мелочь. Он вдоль и поперек объездил в повозке и верхом земли Бордони, а зачастую отправлялся в путь пешком. Адам бурил землю, вдыхал ее запах

и мял в пальцах, исследуя, что находится под верхним слоем, интересовался каждым диким растением, которое находил в поле, на берегах реки и склонах холмов. В местах, где почва была сырой, он опускался на колени и рассматривал причудливые рисунки, образованные следами животных: вот здесь прошел олень, а за ним кралась пума, а там пробежал койот и дикая кошка. Следы скунса и енота переплетались с отпечатками лапок ласки и кролика, а поверх всего вырисовывался узор, оставленный куропатками. Он бродил среди ив и сикомор, продирался сквозь заросли ежевики, росшей вдоль русла реки, ласково поглаживал стволы виргинских и карликовых дубов, любовался земляничными и лавровыми деревьями и кустарниками тойона.

Бордони наблюдал за ним краем глаза, потягивая стакан за стаканом красное вино, изготовленное из винограда, выращенного на собственном небольшом винограднике, разбитом на склоне холма. Бордони не отказывал себе в удовольствии пропустить несколько стаканчиков после обеда, и Адам, никогда прежде не пробовавший вина, тоже к нему пристрастился.

Он то и дело спрашивал мнение Кэти об облюбованной земле, интересовался, нравится ли

жене ранчо и будет ли она чувствовать себя здесь счастливой. Адам не слушал невразумительные ответы, свято веря, что Кэти полностью разделяет его энтузиазм. В холле гостиницы в Кинг-Сити он разговорился с мужчинами, собравшимися возле печки, чтобы почитать газеты, присланные из Сан-Франциско.

— Меня беспокоит только вода, — признался он как-то вечером. — Ведь без колодца не обойтись, а как глубоко придется бурить, не знаю.

— Вам надо поговорить с Сэмом Гамильтоном, — посоветовал фермер, одетый в брюки из грубой хлопчатой ткани. Он расположился у печи, закинув ногу на ногу. — Сэм лучше всех расскажет, где искать воду. Он в этом деле прямотаки колдун. Да и колодцы роет замечательно. В этой части долины добрая половина всех колодцев — его работа.

— Еще бы ему не знать, — хмыкнул второй фермер. — Ведь на земле у самого Сэма нет даже захудалого ручейка.

— Как его найти? — поинтересовался Адам.

— Знаете что, мне все равно нужно съездить к Сэму за железными уголками, так что могу и вас захватить, — предложил фермер. — Мистер Гамильтон вам понравится. Замечательный

человек.

— А уж какой шутник и забавник, — добавил его товарищ.

3

На ранчо Гамильтонов отправились на телеге Луиса Липпо. В дощатом кузове грохотали обрезки железа, на которых подпрыгивала на каждом ухабе предусмотрительно обернутая во влажный холст оленья нога. В те годы, отправляясь к кому-нибудь с визитом, брали с собой основательный запас съестного в качестве подарка хозяину, так как он непременно приглашал гостей отужинать, и отказ считался оскорблением. Однако неожиданно нагрянувшие гости уничтожали недельный запас еды, и каждый приличный человек считал своим долгом восполнить нанесенный ущерб. Четверть свиной туши или говяжий огузок считались достаточным вкладом. Вот Луис и прихватил с собой оленину, а Адам запасся бутылкой виски.

— Хочу предупредить, — обратился к Адаму Луис, — мистер Гамильтон не прочь выпить, а вот его жена на дух не выносит спиртного. Лучше оставить бутылку под сиденьем, а когда завернем

за кузницу, самое время ее достать. Мы так всегда делаем.

— Что же, миссис Гамильтон и выпить мужу не разрешает?

— Видели бы вы ее. Ростом с воробышка, но самых твердых убеждений женщина. Так что послушайте доброго совета, спрячьте бутылку под сиденье.

Съехав с дороги, они продолжили путь по бесплодным холмам, изрытым колеями, размытыми во время зимних дождей. Лошади, упираясь изо всех сил, тащили раскачивающуюся телегу, которая то и дело кренилась в разные стороны. Год для этой местности оказался неблагоприятным, и уже в июне почва на холмах пересохла, и из-под чахлой, выжженной солнцем травы проступали камни. Овсюг, едва набрав шесть дюймов в высоту, заколосился, словно знал, что иначе зерна не успеют вызреть.

— Да, здешний край не радует глаз, — заметил Адам.

— О чем вы, мистер Траск? Какая радость? Земля в этих местах высосет из человека все силы, вымотает душу и загонит в могилу. Вот у мистера Гамильтона земли вдоволь, но он едва не помирает с голоду со всем семейством. Ранчо

не прокормит такую ораву, вот он и берется за любую работу. Правда, теперь и сыновья начали приносить что-то в дом. Замечательная семья.

Адам задумчиво смотрел на верхушки мескитовых деревьев, выглядывающие из лощины.

— И как его угораздило обосноваться в таком неприглядном месте?

Луис Липпо, как свойственно большинству мужчин, любил пускаться в многословные объяснения, особенно если имеешь дело с приезжим, а местных жителей, которые могут вмешаться с возражениями, поблизости не наблюдается.

— Видите ли, — начал он, — возьмите хоть меня. Мой отец итальянец и приехал в здешние края уже после войны. Кое-какие деньги у него водились. Моя ферма не слишком большая, но хорошая. Прежде чем купить, отец долго ее выбирал. Или вот хотя бы вы. Не знаю, какими средствами вы располагаете, да и спрашивать не стану. Люди говорят, вы присматриваетесь к старым землям Санчесов, а Бордони своей выгоды не упустит. Значит, человек вы состоятельный, а иначе бы и расспрашивать о них не стали.

— Да, денег у меня достаточно, — скромно признался Адам.

— Я, собственно, вот к чему клоню, — продол-

жил Луис. — Когда мистер и миссис Гамильтон приехали в долину, у них даже ночного горшка не было. Вот и пришлось брать то, что осталось, государственную землю, которая никому и даром не нужна. На двадцати пяти акрах не прокормить и корову даже в урожайный год. А уж если год выдался тяжелый, говорят, отсюда бегут и койоты. И по сей день многие удивляются, как Гамильтонам удалось выжить. А что тут понимать? Мистер Гамильтон с первого дня взялся за работу — вот так и выжили. Работал батраком, пока не соорудил молотилку.

— Вероятно, потом он все же преуспел. На каждом шагу только о нем и слышно.

— Пожалуй что и преуспел. Вырастил девятерых детей. Но держу пари, не скопил ни цента на черный день. Да и как ему скопить?

Повозка резко наклонилась на одну сторону, но, перевалив через крупный булыжник, снова выровнялась. Лошади взмокли от пота, с боков и из-под хомута свисали хлопья пены.

— Буду рад с ним познакомиться, — сказал Адам.

— Что ни говорите, сэр, но в некотором смысле ему удалось-таки собрать хороший урожай. Дети у Гамильтона замечательные, и воспитал он их

достойно. Все работящие, кроме разве что Джо, младшенького. Говорят, Гамильтоны собираются отправить его в колледж. А остальные — просто молодцы. Мистер Гамильтон может ими гордиться. Их дом за следующим холмом. Не забудьте спрятать виски, а не то миссис Гамильтон сотрет вас в порошок.

По пересохшей под жаркими лучами солнца земле расползались трещины, и со всех сторон доносилось стрекотание сверчков.

— Вот уж действительно забытая господом земля, — вздохнул Луис.

— А я прямо чувствую себя подлецом, — заявил Адам.

— Это еще почему?

— Ну, я богат, и мне не придется жить в подобном месте.

— Как и мне. Только я не мучаюсь угрызениями совести, а, наоборот, от души радуюсь.

Телега взобралась на холм, и, глянув вниз, Адам увидел постройки, из которых состояло хозяйство Гамильтонов: сам дом с множеством пристроек, коровник, кузницу и каретный сарай. Сухая, изъеденная солнцем земля, ни одного высокого дерева и только маленький огород, который хозяева поливали вручную.

Луис повернулся к Адаму, и в его голосе послышались враждебные нотки:

— Хочу вам кое-что разъяснить, мистер Траск. Некоторые при первой встрече с Сэмюэлом Гамильтоном считают его обычным треплом и чудаком. И говорит он не так, как другие, потому как ирландец. А голова у него полна разных задумок и планов, по сотне на день. Он никогда не теряет надежды. Господи, а как еще прикажете выживать на этой земле?! Только имейте в виду, он настоящий труженик, замечательный кузнец, и от некоторых его затей большая польза. Многое из того, что он говорит, впоследствии сбывается. Я сам не раз был тому свидетелем.

Адама насторожила скрытая в словах Луиса угроза.

— Не в моих правилах осуждать людей, — ответил он, вдруг почувствовав, что Луис видит в нем врага и чужака.

— Просто хочу, чтобы все начистоту. А то приезжают некоторые с Востока и думают, если у человека нет кучи денег, так и грош ему цена.

— Да разве я бы позволил себе…

— Может быть, у мистера Гамильтона и нет ничего за душой, но он наш человек, не хуже всех остальных. И у него самая замечательная семья.

Вряд ли вам доводилось встретить лучше. Вот я и хочу, чтобы вы это помнили.

Адам уже собирался что-нибудь сказать в свою защиту, но передумал.

— Хорошо, запомню. Спасибо, что предупредили.

Луис снова смотрел перед собой.

— Да вот и он сам. Видите, рядом с кузницей? Наверное, услышал, что мы подъезжаем.

— Он носит бороду? — спросил Адам, всматриваясь вдаль.

— Да, борода у него славная. Только очень быстро седеет. Скоро совсем побелеет.

Они проехали мимо каркасного дома и заметили в одном из окон миссис Гамильтон, которая наблюдала за телегой. У дверей кузницы их уже поджидал Сэмюэл.

Адам увидел перед собой рослого мужчину с бородой библейского патриарха. Ветер шевелил его тронутые сединой, легкие как пух волосы. По-ирландски белокожее лицо Сэмюэла под палящим солнцем стало красным. На нем были чистая синяя рубашка, рабочий комбинезон и кожаный фартук. Закатанные рукава открывали безупречно чистые мускулистые руки, только кисти почернели от копоти. Взглянув мельком

на Сэмюэла, Адам сосредоточил внимание на голубых, по-юношески восторженных глазах, в ореоле расходящихся в разные стороны морщинок, свидетельствующих о том, что их владелец любит посмеяться.

— Рад тебя видеть, Луис. Большое счастье принять друзей в нашем райском уголке, — обратился Сэмюэл к Луису Липпо, улыбаясь Адаму.

— Вот привез к тебе мистера Адама Траска, — объяснил Луис. — Приехал с Восточного побережья и хочет осесть в наших краях.

— Рад знакомству, — ответил Сэмюэл. — Руки пожмем в другой раз. Не хочу вас испачкать своими грязными лапами.

— Я, мистер Гамильтон, привез полосовое железо. Будьте добры, сделайте несколько уголков, а то у меня рама на жатке совсем развалилась.

— Конечно, Луис. Все сделаем как надо. Выгружайтесь. Давайте отведем лошадей в тень.

— Там сверху кусок оленины, а мистер Траск захватил кое-что поинтереснее.

Сэмюэл покосился в сторону дома.

— Пожалуй, «кое-что поинтереснее» мы опробуем позже, когда поставим телегу за сарай.

Адам слушал напевную речь и не замечал ни одного неправильно произнесенного слова, не

считая нескольких звуков.

— Луис, может, сам высвободишь лошадей? А я пока отнесу оленину в дом. Лайза обрадуется. Она любит рагу из оленины.

— А кто-нибудь из молодежи дома?

— Никого. Джордж и Уилл приехали домой на выходные, но еще вчера вечером отправились в каньон Уайлд-Хорс, там, в школьном пансионе Пичтри, устраивают танцы. Приплетутся домой, когда стемнеет. Из-за этих танцев мы лишились дивана. Но об этом потом. Ох и задаст им Лайза трепку. Все проделки Тома. Ладно, потом расскажу. — Сэмюэл рассмеялся и направился в сторону дома, держа в руках завернутую в холстину оленью ногу. — Пожалуй, лучше отнести «кое-что поинтереснее» в кузницу, чтобы не отсвечивало на солнце.

— Лайза, ни за что не догадаешься! — слышался из дома голос Сэмюэла. — Луис Липпо привез кусок оленины, такой огромный, что тебя за ним не разглядишь.

Луис отвез телегу за сарай, и Адам помог распрячь лошадей и привязал их в тени.

— Он намекает, что бутылка блестит на солнце, — сообщил Луис.

— Ну и грозная же у него жена.

— Да уж. Сама махонькая, но до того настырная!

— «Высвободишь лошадей», — задумчиво повторил Адам. — Где-то я уже слышал это слово, а может, прочел в газете или книге.

Вскоре в кузницу пришел и Сэмюэл.

— Лайза будет рада, если вы останетесь с нами отужинать, — обратился он к мужчинам.

— Но ведь она не ждала гостей, — запротестовал Адам.

— Ерунда. Ей ничего не стоит сделать еще две порции рагу. Мы вам рады. А теперь, Луис, давай сюда свои железки и объясни толком, какие нужны уголки.

Сэмюэл поджег груду стружек, качнул мехи и стал подсыпать щепотками мокрый кокс, пока зев горна не накалился.

— Давай, Луис, помаши крылышками над моим огоньком. Да не спеши и не дергай мехи, качай плавно. — Сэмюэл положил полосы железа на рдеющий кокс. — Знаете, мистер Траск, Лайза привыкла готовить на девятерых вечно голодных детишек, так что ее уже ничем не удивишь и не испугаешь. — Он взял щипцы и, смеясь, подвинул железо поближе к потоку горячего воздуха. — Ладно, последние слова беру обратно.

Как раз сейчас моя супруга мечет громы и молнии, а потому вам обоим не стоит упоминать в ее присутствии про диван. Это слово вызывает у Лайзы гнев и боль.

— Да, вы что-то говорили о диване, — напомнил Адам.

— Если бы вы знали моего сынка Тома, то поняли бы, в чем дело. Вот Луис его знает.

— Точно, знаю, — подтвердил Луис.

— Мой Том — парень шальной и ни в чем не знает удержу, ни в горе, ни в радости. Вечно хватает кусок, который не может проглотить, и берет на себя больше, чем в состоянии одолеть. Да, есть такие одержимые люди. Лайза считает, что и я из их числа. Не знаю, какая судьба ждет Тома: может, величие и слава, а может, и петля. В прежние времена, случалось, Гамильтонов вешали на площади. Расскажу как-нибудь в другой раз.

— Вы начали рассказывать историю о диване, — в очередной раз вежливо напомнил Адам.

— Ах да, конечно! Вот и Лайза говорит, что у меня мысли разбредаются в разные стороны, как стадо овец у плохого пастуха. Значит, услышали мои ребята, Джордж, Том, Уилл и Джо, про танцы в Пичтри и решили туда отправиться. И разумеется, пригласили девушек. Джордж, Уилл

и Джо — парни непритязательные и скромные. Они пригласили по одной подружке, а Том, как всегда, разинул рот слишком широко и взял с собой сразу обеих сестричек Уильямс, Дженни и Белл. Послушай, Луис, сколько отверстий под винты надо просверлить?

— Пять, — ответил Луис.

— Понятно. Надо сказать, мистер Траск, мой Том, как все мальчишки его возраста, которые считают себя некрасивыми, без меры тщеславен и очень высокого мнения о своей персоне. В обычные дни он не слишком печется о внешности, но, случись какое-нибудь торжество, рядится не хуже праздничного майского дерева и расцветает пышным цветом. На это уходит много времени. Вы, наверное, обратили внимание, что в каретном сарае пусто? Джордж, Уилл и Джо выехали рано и не прихорашивались, как Том. Джордж взял телегу, Уилл — повозку, а Джо — маленькую двуколку. — Голубые глаза Сэмюэла светились от удовольствия. — И тут выходит Том, блистательный, как римский император, и видит, что из всего транспорта остались только конные грабли, на которых не уместится даже одна сестричка Уильямс. На счастье или на беду, Лайза на тот момент вздремнула, а Том уселся на крыльце и

задумался. Потом вижу, он направляется в сарай, запрягает пару лошадей и снимает грабли с колес. Затем возвращается в дом, пыхтя, вытаскивает во двор диван и цепями крепит его за ножки к козлам. Видели бы вы, какой замечательный диван! С набивкой из конского волоса, с гнутыми ножками и боковинами. Лайза в нем души не чает. Я подарил ей этот диван еще до рождения Джорджа, чтобы было где отдохнуть. Не успел я опомниться, как Том, развалившись на диване, уже поднимался на холм. Поехал за сестричками Уильямс. Боже правый! Да по нашим-то дорогам от дивана останутся рожки да ножки! — Сэмюэл отложил в сторону щипцы и, подбоченившись, расхохотался. — А Лайза вне себя от гнева. Аж дым из ноздрей идет. Бедняга Том.

— Не желаете попробовать «кое-что поинтереснее»? — с улыбкой спросил Адам.

— Не откажусь, — откликнулся Сэмюэл, принимая из рук Адама бутыль. Глотнув из горлышка, он вернул ее Адаму. — «Уискибау» — по-ирландски виски. Означает «животворная вода». Очень точное название.

Он положил раскаленные полоски железа на наковальню, пробил отверстия для болтов и с помощью молотка загнул уголки. Только искры

разлетелись в разные стороны. Затем Сэмюэл окунул шипящее железо в бочку, наполовину заполненную темной водой.

— Готово, — сообщил он, бросая уголки на землю.

— Благодарю. Сколько с меня? — спросил Луис.

— Нисколько. Приятная компания — вот главная награда.

— И так всегда, — с беспомощным видом посетовал Луис.

— Неправда. Когда я бурил на твоей земле новый колодец, ты расплатился как положено.

— Кстати, мистер Траск собирается купить ранчо Бордони, старую усадьбу Санчесов, помните?

— Прекрасно помню, место замечательное.

— Его интересует вода, и я сказал, что вы в этом деле разбираетесь лучше всех в округе.

Адам снова передал Сэмюэлу бутыль, и тот, сделав небольшой глоток, вытер рот тыльной стороной руки, чтобы не испачкаться в саже.

— Я пока еще не решил насчет покупки. Просто навожу справки.

— Ну, дорогой мой, вы и влипли в историю. Недаром говорят, что рискованно расспрашивать ирландца, потому что он непременно начнет отвечать. Надеюсь, вы понимаете, на что обрекаете

себя, предоставив мне возможность поболтать? На этот счет существует два мнения. Одни полагают, что немногословность служит признаком мудрости, а другие утверждают, что неумение облачить свои мысли в слова свидетельствует о скудоумии. Разумеется, мне больше по душе вторая точка зрения, и Лайза считает это большим недостатком. Так что вы хотите узнать?

— Поговорим о ранчо Бордони. Глубоко ли придется там копать, чтобы добраться до воды?

— Нужно обследовать то место, где вы хотите сделать колодец. Иногда до воды не более тридцати футов, а порой и все сто пятьдесят. Случается, приходится бурить чуть ли не до пупа земли.

— Но ведь вы, так или иначе, находите воду, верно?

— Практически везде, кроме собственной земли.

— Да, я слышал, что с водой у вас туго.

— Еще бы не слышать! Мои вопли наверняка дошли до ушей Всевышнего на небесах, так как кричал я достаточно громко.

— Рядом с рекой участок в четыреста акров. Как думаете, есть там вода?

— Надо взглянуть. Салинас-Вэлли, по-моему, не совсем обычная долина. Если наберетесь

терпения, могу кое-что порассказать, я ведь тут каждый уголок обследовал, везде носом поводил. Как говорится, голодный всегда мечтает о еде.

— Мистер Траск приехал из Новой Англии, — пояснил Луис Липпо. — Собирается осесть в наших краях. Вообще-то он прежде бывал на Западе. Воевал с индейцами, когда служил в армии.

— Правда? Тогда рассказывать должны вы, а мне остается только слушать.

— Не хочется об этом говорить.

— Почему? Если бы мне довелось сражаться с индейцами, у моего семейства и всех соседей в округе давно бы уши завяли! Им осталось бы только молить Господа о милосердии.

— Я вовсе не хотел с ними воевать, сэр. — Слово «сэр» сорвалось с губ непроизвольно.

— Понимаю. Наверное, трудно убить совсем незнакомого человека, к которому не питаешь ненависти.

— А может быть, наоборот, так даже легче, — возразил Луис.

— В твоих словах имеется определенный смысл, Луис. Дело в том, что есть люди, в сердцах которых умещается любовь ко всему миру, но существуют и другие: они ненавидят себя и распространяют

ненависть на все, к чему прикасаются. Как масло расползается по горячему хлебу.

— Может, лучше побеседуем о земле, — смущенно предложил Адам, пытаясь отделаться от всплывшей в памяти жуткой картины с горой нагроможденных друг на друга мертвых тел.

— А который час?

Луис выглянул на улицу и посмотрел на солнце.

— Еще нет десяти.

— Если я начну рассказывать, то уже не остановлюсь. Мой сын Уилл говорит, что когда рядом нет слушателей, я беседую с деревьями. — Сэмюэл вздохнул, усаживаясь на бочку с гвоздями. — Я уже говорил, что эта долина — место необычное. Может быть, мне так кажется, потому что я родом из зеленого края. А ты, Луис, не видишь ничего странного в нашей долине?

— Нет. Я ведь больше нигде не бывал.

— Кто бы знал, сколько я здесь земли перекопал, — продолжил Сэмюэл. — В ее недрах происходили необычные процессы, а возможно, происходят и сейчас. Там, в глубине, когда-то находилось дно океана, а под ним, еще глубже, совсем иной неизведанный мир. Впрочем, фермерам нет до этого дела. Верхний слой почвы

плодородный, особенно в низинах. В верховьях долины почва светлая, песчаная, но сдобренная перегноем, что смывается с холмов в зимнее время. По мере продвижения на север долина расширяется, а почва становится темнее, плотнее и скорее всего богаче. Мне думается, в тех местах были когда-то болота. Корни растений веками перегнивали в земле, удобряя ее и делая черной. Если перевернуть верхний пласт, виден тонкий слой жирной глины, который будто склеивает землю. Такая земля, к примеру, в Гонсалесе, к северу от устья реки. А вокруг Салинаса, Бланко, Кастровилля и Мосс-Лэндинга болота существуют и поныне, и когда в один прекрасный день их осушат, там будут самые плодородные земли в здешних краях.

— Он всегда говорит о том, что будет бог весть когда, — встрял Луис.

— Человеческий разум, в отличие от тела, не может стоять на месте.

— Если я решу обосноваться здесь, то должен знать, что и как тут будет дальше, — поддержал Сэмюэла Адам. — Когда у меня появятся дети, им предстоит жить на этой земле.

Сэмюэл из тьмы кузницы смотрел поверх голов собеседников на золотистый солнечный свет.

— Тогда вам следует знать, что на большей территории долины, где глубже, где ближе к поверхности, находится твердый пласт очень плотной, маслянистой на ощупь глины. Местами его толщина не более фута, но кое-где он значительно толще. И вот этот пласт не пропускает воду. Не будь его, зимние дожди просачивались бы вглубь и смачивали почву, а летом вода снова бы поднималась наверх и поила корни. А так, когда земля над твердым пластом насквозь пропитывается влагой, избыток воды возвращается наверх в виде половодья либо застаивается на этом пласте, и тогда корни загнивают. В этом-то и заключается главная беда долины.

— Но все равно жить здесь хорошо, верно?

— Да, но человеку нет покоя, если он знает, что можно сделать землю богаче. Я вот подумал, что если пробурить в пласте тысячи скважин и открыть путь воде, она может его растворить. А потом я провел опыт, пробурил в пласте отверстие, заложил несколько шашек динамита и взорвал. Пласт в том месте раскололся, и вода прошла вниз. Господи, сколько же потребуется динамита, чтобы взорвать весь пласт! Я вот прочел, что один швед, тот самый, что изобрел динамит, придумал новую взрывчатку, более

мощную и безопасную. Возможно, это и есть решение проблемы.

— Его хлебом не корми, только дай что-нибудь изменить, — насмешливо и в то же время с неподдельным восхищением сказал Луис. — И все-то ему не так.

Сэмюэл улыбнулся в ответ:

— Говорят, когда-то люди жили на деревьях. Но потом кому-то из них разонравилось перескакивать с ветки на ветку, а иначе ты бы до сих пор так и не спустился вниз и не ходил бы на двух ногах. — Сэмюэл снова весело рассмеялся. — Так и вижу себя со стороны. Сижу на грязной куче, весь в пыли, и мысленно занимаюсь сотворением мира. Ну прямо как Господь Бог. Только Всевышний увидел свое творение, а мне этого не дано. Разве что в мечтах. В один прекрасный день наша долина станет сказочно богатой и сможет прокормить весь мир. Вполне вероятно, именно так и случится. И жить здесь будут тысячи счастливых людей… — Сэмюэл оборвал речь на полуслове, глаза его затуманились, а на лицо легла тень грусти.

— Выходит, здесь действительно подходящее место, чтобы прочно обосноваться, — заметил Адам. — Если у долины такое будущее, то где же

еще растить детей, как не в этих краях?

— И все-таки кое-что мне неясно, — продолжил Сэмюэл. — Над долиной висит непонятный мрак. Не могу объяснить, что он собой представляет, но чувствую его присутствие. Иногда в ясный погожий день он будто затмевает солнце и поглощает свет, как присосавшийся паразит. — Голос Сэмюэла становился все громче. — На долине лежит проклятие неведомых темных сил. Не знаю, как понятнее объяснить… Словно ее преследует древний призрак со дна мертвого океана, что находится под землей, наполняя воздух предчувствием беды. Здесь скрывается какая-то загадка, сродни затаенной скорби. Не понимаю ее смысла, но вижу и чувствую ее в здешних людях.

Адам зябко поежился.

— Совсем забыл. Я же обещал жене вернуться пораньше. Кэти ждет ребенка.

— Но у Лайзы уже готов ужин.

— Объясните причину, ваша супруга все поймет и не обидится. Кэти неважно себя чувствует. И большое спасибо, что рассказали мне о воде.

— Я нагнал на вас тоску своей болтовней?

— Вовсе нет. Просто это наш с Кэти первый ребенок, и сейчас ей очень плохо.

Всю ночь Адам боролся с одолевающими душу

сомнениями, а на следующий день поехал к Бордони, ударил с ним по рукам и стал законным владельцем усадьбы Санчесов.

Глава 14
1

Об американском Западе тех лет можно рассказывать до бесконечности, и не сразу сообразишь, с чего начать. За одной историей тянется сотня других, и тут важнее всего решить, которую из них рассказывать первой.

Помните, Сэмюэл Гамильтон упомянул о вечеринке в школе Пичтри, на которую отправились его сыновья. В те дни провинциальные школы являлись центрами культурной жизни. Протестантские церкви в городах и поселках боролись за право существования в стране, где они появились сравнительно недавно. Католическая церковь обосновалась здесь гораздо раньше, успела пустить глубокие корни и пребывала в состоянии безмятежной дремы, замкнувшись в узком кругу традиций. А тем временем католические миссии приходили в упадок, обветшалые крыши обваливались, а разграбленные алтари стали пристанищем для голубей. Библиотеку миссии Сан-Антонио, состоящую из множества книг на латыни и испанском, выбросили в хлебный

амбар, где крысы погрызли кожаные переплеты. В провинции средоточием науки и искусства стала школа, и школьный учитель трепетно хранил и поддерживал священный огонь знаний и красоты. В школу приходили послушать музыку и обсудить важные вопросы, здесь же голосовали во время выборов. Все важнейшие события общественной жизни, будь то коронация самой красивой девушки на майском празднике, панегирик в честь скончавшегося президента или танцы до упаду, происходили в здании школы. Школьная же учительница являлась не только общепризнанным эталоном и безусловным общественным лидером, но и самой завидной невестой во всей округе. Если сын женился на школьной учительнице, все семейство ходило с гордо поднятой головой, а ее дети считались умнее всех остальных ребятишек, как благодаря хорошей наследственности, так и надлежащему воспитанию.

Для дочерей Сэмюэла Гамильтона не годился удел изнуренных работой фермерских жен. Девушки были хороши собой, и в их облике чувствовалось благородство, доставшееся в наследство от далеких предков, ирландских королей. Держались они с достоинством, заставлявшим забыть о

нищете, и никому не приходило в голову жалеть дочерей Гамильтонов. Сэмюэлу и правда удалось вывести потомство улучшенной породы. Девушки были начитаннее и лучше воспитаны по сравнению с большинством современниц. Всем им отец передал тягу к знаниям, благодаря чему они резко выделялись на фоне всеобщего самодовольного невежества тех лет. Олив Гамильтон стала учительницей. В пятнадцать лет она покинула отчий дом и поселилась в Салинасе, где посещала среднюю школу. В семнадцатилетнем возрасте она успешно сдала окружному совету экзамен по гуманитарным и естественным наукам и в восемнадцать лет стала преподавать в школе в Пичтри.

Некоторые ученики Олив были старше ее и выше ростом, поэтому работа школьной учительницы требовала величайшего такта и деликатности. Наведение порядка среди великовозрастных, не приученных к дисциплине парней, не прибегая к помощи пистолета или кнута, было делом трудным и опасным. В одной из школ в горном районе ученики изнасиловали учительницу.

Олив Гамильтон приходилось не только преподавать все предметы, но и иметь дело с учениками разного возраста. В то время мало кто заканчивал

восемь классов, и у некоторых этот процесс растягивался на четырнадцать, а то и пятнадцать лет, так как приходилось совмещать учебу с работой на ферме. Кроме всего прочего, девушка оказывала элементарную медицинскую помощь, потому что несчастные случаи не являлись редкостью. После очередной драки на школьном дворе она зашивала ножевые раны, а когда босоногого мальчонку ужалила гремучая змея, Олив была вынуждена отсасывать яд из пальца.

Она преподавала чтение в первом классе и алгебру в восьмом, руководила школьным хором, выступала в роли литературного критика, писала заметки о местных новостях, которые публиковались в еженедельнике «Салинас джорнал». Кроме того, Олив занималась организацией всех общественных мероприятий в округе, куда входили не только торжества по случаю окончания школы, но также вечера танцев, всевозможные собрания, диспуты, концерты хора, рождественские и майские праздники, траурные церемонии в День поминовения и празднование Дня независимости четвертого июля. Она являлась членом избирательной счетной комиссии, а также возглавляла и направляла деятельность местных благотворительных организаций. Труд школьной

учительницы был непомерно тяжким и налагал множество обязанностей. Учительница не имела права на личную жизнь, находясь постоянно на виду, под прицелом множества глаз, которые бдительно следили за ней, выискивая недостатки и слабости. Ей не позволялось снимать жилье у одной семьи более трех месяцев, так как это вызывало зависть остальных, а люди, у которых она останавливалась, приобретали особый вес в обществе. Если в семье имелся неженатый сын, он, не долго думая, делал девушке предложение, а при наличии нескольких претендентов разгорались жестокие драки за ее благосклонность. К примеру, трое сыновей Агита едва не поубивали друг друга из-за Олив Гамильтон. В провинциальных школах учительницы редко задерживались надолго. Учительский труд был таким изнурительным, а предложения руки и сердца сыпались, как из рога изобилия, и молодые учительницы очень скоро выходили замуж.

Олив Гамильтон с самого начала решила избежать такой судьбы. Она не разделяла интеллектуальной восторженности отца, однако, прожив некоторое время в Салинасе, поняла, что ни за что на свете не станет женой фермера и хозяйкой ранчо. Девушка хотела жить в городе,

пусть не таком большом, как Салинас, но и не в глуши. В Салинасе Олив в полной мере вкусила радости жизни, пришла в восторг от пения церковного хора, облачения священнослужителей и благотворительных базаров, которые регулярно устраивала англиканская церковь. Она приобщилась к искусству, посещая спектакли гастролирующих трупп, которые приезжали в Салинас и играли пьесы, а порой даже оперные спектакли, приоткрывая завесу в таинственный, благоухающий неведомыми ароматами большой мир. Олив ходила на вечеринки, разгадывала шарады, декламировала стихи на конкурсах, стала членом хорового общества и играла в оркестре. Салинас манил ее множеством соблазнов. Здесь можно пойти на вечеринку в нарядном платье и в нем же вернуться домой, не складывая праздничную одежду в седельную сумку, чтобы потом, проскакав на лошади десять миль, снова ее распаковывать и гладить.

Работа учительницы занимала все время, но Олив продолжала страстно мечтать о городской жизни, и когда некий молодой человек, построивший мельницу в Кинг-Сити, попросил, как положено, ее руки, девушка согласилась, но потребовала, чтобы помолвка оставалась в

тайне. Такая предосторожность была вызвана необходимостью, так как известие о помолвке взбудоражило бы всех местных парней и привело к большим неприятностям.

Олив не унаследовала отцовское остроумие, но чувством юмора обладала, да к тому же в сочетании с непреклонной волей матери, и вполне преуспела, вколачивая знания в головы изо всех сил упирающихся учеников.

К учебе относились с предубеждением, и если ребенок умел читать и считать, полагали, что этого достаточно. Чрезмерное увлечение науками делает человека неудовлетворенным жизнью и взбалмошным. Примеров тому множество. Бывало, выучится парень, бросит родную ферму, подастся в город и так возгордится, что считает себя умнее родного отца. Вполне хватит арифметики, чтобы умел мерить землю и строительный лес да вести учет. Письму тоже надо учиться, чтобы заказывать товары и писать родственникам. Еще нужно знать грамоту и читать газеты, альманахи и сельские журналы. Музыкальные занятия можно ограничить псалмами и патриотическими песнопениями. Этих знаний вполне достаточно для жизни, не сбивая парня с толку заумными бреднями. Образование нужно только

докторам, адвокатам да учителям, составляющим особую касту, не имеющую ничего общего с простыми людьми. Встречаются, конечно, чудаки, наподобие Сэмюэла Гамильтона, который пользуется симпатией и уважением соседей. Правда, трудно сказать, как бы относились люди к семье Гамильтон, не умей ее глава бурить колодцы, подковывать лошадей и работать на молотилке.

Олив все-таки вышла замуж за своего нареченного и уехала в Пасо-Роблес, потом перебралась в Кинг-Сити и наконец оказалась в Салинасе. Олив обладала удивительным чутьем, сродни кошачьему, и в поступках тоже руководствовалась скорее чувствами, чем рассудком. В наследство от матери ей достались упрямый подбородок и пуговичный носик, а от отца — изумительные ясные глаза. Из всего семейства Гамильтонов, разумеется, за исключением Лайзы, Олив отличало наиболее ограниченное мышление. Ее религиозные взгляды представляли собой причудливую смесь, объединившую фей и эльфов из ирландских легенд и ветхозаветного Иегову, которого в более зрелом возрасте она путала с отцом. Рай виделся Олив уютным родным ранчо, где обитают умершие родственники. Она решительно вычеркивала из окружающей действительно-

сти все события и явления, способные вызвать огорчение, попросту отказываясь верить в их существование, и если кто-нибудь осмеливался ее переубеждать, не на шутку сердилась. Говорили, однажды Олив горько рыдала, потому что не могла пойти одновременно на две танцевальные вечеринки, назначенные на субботний вечер. Одна состоялась в Гринфилде, а вторая — в Сан-Лукасе, который находился в двадцати милях. Чтобы попасть на обе и вернуться домой, нужно было проскакать верхом шестьдесят миль. Отрицать такой очевидный факт не представлялось возможным, и девушка от досады проплакала весь вечер и никуда не поехала.

С возрастом Олив изобрела для борьбы со всеми невзгодами метод массированной пулеметной атаки. В шестнадцатилетнем возрасте я, ее единственный сын, заболел пневмонией и плевритом, а в то время такие болезни неизбежно сводили людей в могилу. Я угасал на глазах, уже ощущая на веках прикосновение ангельских крыльев, и тут матушка открыла по болезни массированный пулеметный огонь. Ее метод сработал. О моем выздоровлении молился священник англиканской церкви, по возможности привлекая к этой процедуре и меня, а мать-настоятельница и мона-

хини из ближайшего монастыря дважды в день брали меня на руки и возносили к небесам, прося Господа облегчить мои страдания. Дальний родственник, последователь христианского учения, также упоминал меня в обращенных к Всевышнему молитвах. Мать призвала на помощь все известные заклинания, ворожбу и настои из трав, а кроме того, наняла двух опытных сиделок и пригласила лучших в городе докторов. В результате метод себя оправдал, и я выздоровел. Олив была любящей и строгой матерью и приучила меня и трех сестер к работе по дому. Мы мыли посуду, стирали одежду и учились хорошим манерам. В гневе она могла испепелить провинившееся чадо одним взглядом, словно снимала скорлупу с каленого миндального ореха.

Когда я оправился от болезни, пришлось заново учиться ходить. Я пролежал в постели более двух месяцев, и за это время мышцы ослабли, а по мере выздоровления на меня напала лень. Наконец меня подняли, и я ощутил адскую боль во всем теле, особенно сильно болел бок, проколотый для откачивания гноя из плевральной полости. Снова упав на кровать, я жалобно заскулил: «Не могу встать! Не могу!»

И тогда Олив будто загипнотизировала меня

горящими гневом глазами.

— А ну поднимайся! — скомандовала она. — Отец работал день и ночь и влез из-за тебя в долги. Немедленно встать!

И я поднялся с постели.

Само слово «долги» вызывало у Олив отвращение. Любой счет, не оплаченный до пятнадцатого числа, расценивался как долг. Понятие «долгов» ассоциировалось с непорядочностью, разгильдяйством и бесчестием. Олив свято верила, что лучше ее семьи нет на свете, и из-за снобизма не могла запятнать ее долгами. Она так прочно внушила детям страх перед любыми долгами, что даже сейчас, когда экономическая ситуация изменилась и долги считаются делом обычным, я начинаю нервничать, если задержался с оплатой счета на пару дней. Олив с самого начала не признавала покупок в рассрочку, несмотря на их популярность. Купленная в рассрочку вещь тебе не принадлежит, а значит, ты залез в долги. На каждую покупку она копила деньги, и поэтому всевозможные новшества появлялись у нас в доме на два года позже, чем у соседей.

2

Олив обладала великим мужеством. Ведь без него не вырастить детей. Считаю своим долгом рассказать, как она восприняла Первую мировую войну. По убеждениям Олив отнюдь не являлась интернационалисткой, и основное географическое пространство для нее ограничивалось собственной семьей. Второе место отводилось Салинасу, городу, где она жила, а дальше расплывчатой пунктирной линией маячила государственная граница. Вот почему Олив не верила в начало войны, даже когда кавалерийский эскадрон ополчения, попав под призыв, погрузил лошадей в вагоны и отбыл воевать на другой конец света.

Мартин Хоппс жил за углом, по соседству с нами. Коренастый рыжеволосый парень с большим ртом и вечно красными глазами, самый робкий и стеснительный во всем Салинасе. Даже здороваясь по утрам с соседями, он сгорал от смущения. И в кавалерийский эскадрон Мартин записался только потому, что там имелась баскетбольная площадка.

Знай германцы характер Олив и обладай хоть

каплей здравого смысла, они приложили бы все усилия, только бы не навлечь на себя гнев этой женщины. Но они не подозревали о существовании Олив или же были попросту глупы, а потому, когда Мартин Хоппс погиб, война для германской армии была безнадежно проиграна, так как против нее, собрав в кулак всю ярость, ополчилась моя матушка. Она всей душой любила Мартина Хоппса, который за всю жизнь и мухи не обидел, и когда он пал на поле брани, Олив объявила войну всей Германской империи.

Она устремилась на поиски достойного орудия мести. Вязание подшлемников и носков казалось Олив недостаточным вкладом. На некоторое время она облачилась в медсестринскую форму Красного Креста и проводила значительную часть времени в учебном манеже, где вместе с другими дамами, одетыми точно так же, занималась подготовкой перевязочных материалов и заодно узнавала всю подноготную жителей города. И все бы ничего, но подобными действиями нельзя поразить кайзера в самое сердце, а Олив жаждала крови за загубленную жизнь Мартина Хоппса. В конце концов она нашла, что искала в лице Правительственных облигаций военного займа. Никогда в жизни матушка не имела дела с

торговлей, разве что иногда выставляла на благотворительных аукционах, проводимых алтарной гильдией в подвале англиканской церкви, торты со взбитыми сливками. И вот теперь она продавала облигации пачками, вкладывая в это занятие все свое неуемное рвение и скопившуюся в душе ярость. Думаю, люди просто боялись ей отказать и, приобретя у Олив акции, начинали чувствовать себя участниками великой битвы, вонзающими штык в брюхо Германии.

Продажи акций достигли заоблачных высот и удерживались на том же уровне, что вызвало интерес к новоиспеченной амазонке со стороны министерства финансов. Сначала приходили благодарственные письма, отпечатанные на ротапринте, а потом и более солидные письма, за личной подписью, а не каким-нибудь факсимиле, самого министра финансов. Мы, разумеется, гордились матерью, но гордость наша возросла еще больше, когда стали приходить подарки. Нам прислали немецкую каску, которая оказалась всем мала, штык от винтовки и покореженный осколок шрапнели на подставке из эбенового дерева. Мы еще не достигли призывного возраста и лишь маршировали с деревянными винтовками через плечо, поэтому военные подвиги матери

как бы оправдывали нашу собственную бездеятельность. А потом Олив превзошла самое себя, да и всех остальных граждан, распространявших облигации в той части страны, где жила наша семья. Она вчетверо превысила свой и без того сногсшибательный рекорд и была удостоена сказочной награды — прогулки на военном самолете.

Нас так и распирало от гордости! И пусть мы имели весьма отдаленное касательство к великому событию, оказанная Олив честь кружила нам головы. Что до бедной матушки… Должен вам сообщить, она упорно отказывалась верить в существование некоторых очевидных фактов и понятий, несмотря на неоспоримые доказательства, которые представляла жизнь. Так, во-первых, Олив не верила, что человек по фамилии Гамильтон может быть непорядочным, а во-вторых, что на свете есть такая вещь, как самолет, и то, что она не раз наблюдала их воочию, нисколько не поколебало ее убеждений.

В свете событий тех лет я пытаюсь представить, что пришлось пережить матушке. Должно быть, всем ее существом завладел смертельный ужас, ведь как же можно летать на штуковине, которой не существует? Если бы прогулку на

самолете предложили в виде наказания, такая кара могла рассматриваться как крайне жестокая и несколько необычная, но в данном случае это была высочайшая награда и великая честь. Глядя в наши глаза, Олив читала там благоговейное обожание и понимала, что попала в капкан. Отказ от полета стал бы страшным разочарованием для всего семейства. Матушку обложили со всех сторон, и единственным достойным выходом из этой ситуации являлась смерть. Вероятно, приняв решение подняться в воздух на несуществующем предмете, она не надеялась остаться в живых.

Олив потратила уйму времени на составление завещания и позаботилась, чтобы документ имел законную силу. Затем она открыла шкатулку из розового дерева, где хранились все письма мужа со времен жениховства. Оказывается, отец сочинял для нее стихи, а мы-то и не подозревали. Матушка развела огонь в камине и сожгла отцовские письма, все до единого. Эти признания принадлежали только ей, и ни одна душа не должна была их видеть. Олив купила новое нижнее белье, так как сама мысль, что ее мертвое тело найдут в заштопанной или, того хуже, рваной сорочке, приводила матушку в неописуемый ужас. Думаю, ей мерещились искривленные от

боли толстые губы и растерянные глаза Мартина Хоппса, и она чувствовала, что своей смертью искупает до времени загубленную жизнь парня. В дни, предшествующие полету, матушка была с нами ласковой и не замечала плохо вымытой посуды, после которой на полотенце оставались жирные пятна.

Великое событие должно было свершиться на ипподроме в Салинасе, на площадке, предназначенной для родео. За нами прислали армейский автомобиль, и мы, упиваясь собственной исключительностью и значимостью, выглядели торжественнее, чем на пышных похоронах. Отец в то время работал на сахарном заводе Спреклза, находившемся в пяти милях от города, и поехать не смог или попросту не захотел из боязни не выдержать столь тяжкого испытания. Однако Олив, заявив, что иначе полет вообще не состоится, предусмотрительно договорилась с пилотом и упросила его долететь до сахарного завода, прежде чем самолет рухнет на землю.

Теперь-то я понимаю, что сотни людей, собравшихся на ипподроме, просто пришли поглазеть на самолет, но тогда нам казалось, что они явились оказать честь матушке. Олив не отличалась высоким ростом и к тому же успела располнеть,

так что нам пришлось сообща выгружать ее из автомобиля. Наверное, внутри у нее все замирало от страха, но маленький упрямый подбородок был, как обычно, гордо вздернут вверх.

Самолет стоял посреди поля, вокруг которого располагалась беговая дорожка, и выглядел невероятно маленьким и хрупким. Обычный биплан с открытой кабиной, деревянными шасси с растяжками из рояльной проволоки и обшитыми парусиной крыльями. В полном смятении Олив направилась к самолету, напоминая всем видом корову, которую ведут на бойню. На одежду, которая должна была стать погребальным саваном, два сержанта натянули френч, стеганую куртку и кожаный летный реглан. Матушка округлялась на глазах. Ансамбль довершили кожаный шлем и очки, которые в сочетании с пуговичным носиком и пухлыми розовыми щеками представляли собой весьма красочное зрелище. В тот момент она напоминала мяч, на который напялили летные очки. Сержанты подсадили Олив и с решительным видом принялись заталкивать в задний отсек для пассажиров, в который она вписалась с большим трудом. Матушку пристегнули ремнями, и тут она внезапно оживилась и неистово замахала руками, желая привлечь

внимание. Один из солдат вскочил на ступеньку и, выслушав просьбу Олив, направился к моей сестре Мэри и подвел ее к аэроплану. Матушка лихорадочно стаскивала с левой руки толстую стеганую летную перчатку, а когда ей это удалось, сняла с пальца подаренный отцом в день помолвки перстенек с мелким бриллиантом и вручила Мэри, не забыв проверить, что обручальное кольцо надежно сидит на положенном месте. Потом она снова натянула перчатки и уставилась в пространство перед собой. Пилот занял свое место в кабине, а один из сержантов налег всем весом на деревянный пропеллер. Маленький аэроплан медленно покатил по полю, развернулся и, сотрясаясь всем корпусом, с ревом поднялся в воздух. Олив плотно зажмурила глаза.

Мы провожали взглядом набирающий высоту самолет. На ипподроме воцарилась тишина. Ни члены комитета по распространению облигаций, ни друзья, родственники и просто случайные зрители не собирались покидать поле. Самолет превратился в черную точку, направившуюся в сторону сахарного завода Спреклза, и вскоре исчез из вида. Снова мы увидели его лишь через четверть часа безмятежно плывущим в воздухе на большой высоте. Вдруг, ко всеобщему ужасу,

самолет накренился, и всем показалось, что он вот-вот рухнет вниз. Падение длилось бесконечно долго, но тут самолет выровнялся, взвился вверх и сделал «петлю». Кто-то из сержантов рассмеялся. Мгновение самолет летел ровно, а потом, словно обезумев, принялся выписывать «бочки», перевороты Иммельмана и «восьмерки», после чего перевернулся и пролетел над полем вверх ногами. Мы даже успели рассмотреть черный кружок матушкиного шлема. Кто-то из солдат прошептал: «Должно быть, пилот спятил. Ведь пассажирка уже в годах».

Самолет достаточно уверенно приземлился и покатил к толпе зрителей. Рев мотора стих. Пилот выпрыгнул из кабины, озадаченно мотая головой.

— Черт меня побери, в жизни не встречал таких отчаянных женщин! — пробормотал он, пожал безжизненную руку Олив и торопливо пошел прочь.

Из кабины матушку высаживали четверо солдат, и эта процедура заняла довольно много времени. От пережитого страха тело Олив задеревенело и не хотело сгибаться. Мы привезли ее домой и уложили в кровать, где она провела два последующих дня.

Постепенно картина прояснилась, и мы поняли, что произошло. Кое-что удалось узнать от пилота, а кое-что рассказала сама Олив, после чего обе истории сложили вместе, чтобы получился связный рассказ. Самолет долетел до сахарного завода, как договаривались, и описал над ним три круга, чтобы отец непременно его увидел. А потом пилоту вздумалось пошутить. Ни о чем дурном он и не помышлял. Он что-то крикнул, и матушке показалось, что его лицо перекосилось от страха. За шумом двигателя она не расслышала слов, а пилот, сбавив газ, крикнул: «Покувыркаемся малость?!» Олив видела перед собой лицо в авиаторских очках, а ветер отнес в сторону и исказил слова, и ей послышалось: «Сломались!»

«Ну, все, как я и предполагала», — промелькнуло в голове у матушки. Настал ее смертный час. Она лихорадочно вспоминала, не забыла ли чего важного: завещание составлено по всем правилам, личные письма сожжены, на ней самой надето чистое нижнее белье, а в доме достаточно еды на хороший ужин. А выключила ли она свет в задней комнате? Все эти мысли пронеслись за одну секунду, а потом Олив подумала, что, возможно, еще есть хотя бы мизерный шанс спастись. Молодой пилот напуган до смерти, и самое

неприятное, что страх мешает ему справиться с создавшейся ситуацией. Если и она поддастся панике, парень испугается еще больше. И Олив решила приободрить пилота. Широко улыбаясь, она утвердительно кивнула, желая помочь ему обрести утраченное мужество, а в следующее мгновение под матушкой разверзлась бездна. Благополучно выйдя из «петли», пилот оглянулся и крикнул: «Еще?»

Олив уже была не в состоянии что-либо расслышать, но подбородок был по-прежнему вздернут, и она не утратила решимости помочь пилоту, чтобы бедняга не слишком трусил, когда они рухнут на землю. Матушка снова улыбнулась и кивнула. После очередной фигуры высшего пилотажа она неизменно подбадривала «незадачливого» пилота. Впоследствии он повторял как заведенный: «Вот это да! В жизни не встречал такой сногсшибательной женщины! Я нарушил, к черту, все инструкции, а ей подавай еще и еще! Вот из кого получился бы настоящий ас!»

Глава 15
1

Адам блаженствовал на своей земле, уподобившись довольному, сытому коту. Из въезда в маленькую лощину под гигантским дубом, уходящим корнями в грунтовые воды, он любовался своими владениями. Бескрайние акры земли раскинулись по обоим берегам реки до самой поймы, переходя на западе в округлые предгорья. Даже летом, под беспощадно палящим солнцем, эти места не утрачивали красоты. Посреди ранчо тянулся ряд речных ив и сикоморов, соединяя обе его половины, а на западе рыжели пышной травой раскинувшиеся на холмах пастбища. По непонятной причине на горах к западу от Салинас-Вэлли слой почвы толще, чем на восточных склонах, и поэтому трава там богаче. Возможно, горные вершины накапливают влагу и потом распределяют ее более равномерно, а может быть, все дело в густых лесах, которые притягивают дожди.

В поместье Санчесов, которое теперь принадлежало Траску, обрабатывалась лишь небольшая

часть земли, но Адам уже видел в мечтах поля, колосящиеся высокой пшеницей, и засеянные зеленой люцерной угодья возле реки. За спиной слышался стук молотков. Привезенные из Салинаса плотники занимались перестройкой старого дома Санчесов, в котором и решил поселиться Адам. Лучшего места для основания семейной династии и не найти. Из помещения вычистили навоз, сняли старые полы и выбросили оконные рамы, истертые коровьими шеями. Все делалось из лучшего дерева: пахнущей смолой сосны и бархатистой секвойи. Крышу тоже застелили заново и обшили длинными тонкими досками. Толстые древние стены слой за слоем поглощали белила, замешанные на разведенной в соленой воде извести, и по мере высыхания, казалось, начинали светиться изнутри.

Адам намеревался обосноваться здесь навсегда. Садовник подстриг посаженные с незапамятных времен розы, развел герань, разбил огород и направил быстрый ручей по маленьким каналам, прорытым по всему саду. Адам жил в предвкушении покоя и комфорта, которыми окружит себя и будущих наследников. В сарае хранилась под брезентом запакованная в ящики массивная мебель, которую он заказал в Сан-Франциско, а

потом перевез на телегах из Кинг-Сити.

Домашний быт он тоже собирался обустроить как положено. Нанятый поваром китаец Ли с заплетенными в косу волосами специально ездил в Пахаро, где закупил для кухни кастрюли, чайники, сковородки, банки, медную и стеклянную посуду и прочую утварь. Новый свинарник строился на почтительном расстоянии от дома с подветренной стороны. По соседству расположились птичники для кур и уток, а также псарня для собак, которые должны отпугивать койотов. Такой грандиозный замысел требует времени, и второпях его до ума не довести. Нанятые Адамом рабочие трудились не спеша, продумывая каждый шаг. Ведь работа большая, и Адам хотел, чтобы ее сделали на совесть. Он внимательно изучал каждое крепление, хорошо ли подогнаны доски, и, отойдя в сторону, подолгу разглядывал образцы красок на фанерных дощечках. В углу его комнаты лежала кипа каталогов сельскохозяйственных машин, отделочных материалов, семян и фруктовых деревьев. Теперь Адам радовался, что благодаря отцу разбогател, и воспоминания о жизни в Коннектикуте становились все более расплывчатыми и туманными. Наверное, неистовое, знойное солнце Запада стало постепенно

затмевать родные края. Когда он мыслями возвращался в отчий дом, на ферму, пытался вспомнить городок и лицо брата, все образы закрывала черная пелена, и Адам гнал воспоминания прочь.

Он временно переселил Кэти в чисто выбеленный дом Бордони, где она дожидалась окончания строительных работ и рождения ребенка. Уже не вызывало сомнений, что малыш появится на свет гораздо раньше, чем будет готов дом, но Адам не торопился.

— Хочу, чтобы дом был прочным, — не уставал он повторять рабочим. — Строим на долгие годы, а потому используем только медные гвозди и дерево самых твердых пород, чтобы ничего не заржавело и не прогнило.

В своих чаяниях в отношении будущего Адам был не одинок. Планы на будущее строила вся долина и весь американский Запад. То были годы, когда прошлое утратило пленительную сладость и уже не казалось таким привлекательным. Вернуть старое доброе время мечтал разве что какой-нибудь древний старик, да и того найдешь не сразу. Люди приспособились к новой жизни, вписались в нее и чувствовали себя комфортно, несмотря на ее суровость, а порой и несуразность. Правда, рассматривали ее исключительно

как преддверие в умопомрачительное будущее. Стоило случайно встретиться двум приятелям, фермерам у стойки бара или большой компании у костра, где вгрызаются зубами в жесткую оленину, как тут же заходил разговор о блистательном будущем долины, при мысли о котором захватывает дух. Причем люди не просто строили догадки, а говорили с уверенностью:

— Все так и будет, и, кто знает, может быть, даже при нашей жизни.

В мечтах о светлом будущем каждый находил то, чего был лишен в настоящей жизни. Например, спускается с горного ранчо на тяжелых санях фермер вместе со своим семейством. А сани представляют собой большой ящик, прибитый гвоздями к дубовым полозьям, и подпрыгивают они на каждом ухабе, которых здесь великое множество. А в ящике примостилась на охапке соломы жена, прижимает к себе детишек, чтобы они, не дай бог, не откусили себе языки или не лишились зубов из-за жуткой тряски по камням. В это время отец семейства, упершись пятками в передок, предается мечтам: «Вот построят дороги, и наступит золотое время. А что, мы тогда будем разъезжать в кабриолете, с ветерком, и доберемся до Кинг-Сити часа за три. Чего же еще желать?»

Или другой фермер обходит дубовую рощу, все деревья как на подбор и горят жарче угля. Лучших дров в целом свете не найти. В кармане у него завалялась газета с объявлением: «В Лос-Анджелесе один корд[4]дубовых дров продается по десять долларов». «А что, — думает фермер, — вот протянут до наших мест железнодорожную ветку, и я разложу рядом с рельсами свои отлично распиленные сухонькие дровишки по полтора доллара за корд. Ладно, с учетом всех расходов, даже если «Саузерн-Пасифик» сдерет за доставку три с половиной доллара, все равно получу с каждого корда по пять долларов, а только в одной этой рощице три тысячи кордов. Вот и выходит пятнадцать тысяч чистой прибыли.

Находились и такие, кто, задыхаясь от восторга, разглагольствовал об оросительных каналах, которые принесут воду всей долине. В такие моменты казалось, будто вокруг их голов появляется сияющий нимб. Кто знает, может быть, и нам доведется увидеть это чудо? А еще говорили о глубоких колодцах, которые пробурят чуть ли не до самого центра земли и станут качать воду паровыми насосами. Нет, вы только представьте,

---

[4] Примечания: 4
Корд — мера пиломатериалов, равная 3,62 кубометрам.

какие здесь будут собирать урожаи! Черт возьми, да при таком количестве воды наш край превратится в цветущий сад!

А еще кто-то, совсем уж сумасшедший, утверждал, что скоро изобретут способ возить персики аж до Филадельфии, и они останутся свежими, душистыми и сочными, как тот, что у меня в руке. Разложат по ящикам со льдом или еще что придумают.

В городах вели разговоры о канализации и туалетах прямо в доме. У некоторых такие уже имелись. А еще на перекрестках повесят фонари с дуговыми лампами и установят телефоны. В Салинасе все это есть. Одним словом, будущее сулило безграничные возможности. Очень скоро люди станут прямо-таки купаться в счастье, и всеобщее благоденствие хлынет в долину бурным потоком, подобно реке Салинас в марте самого щедрого на дожди года.

Глядя на пересохшую в пыль землю и уродливые, растущие как грибы городишки, люди видели прекрасное будущее. Кто знает, может, оно наступит еще при нашей жизни? Вот почему не стоило насмехаться над мечтами Сэмюэла Гамильтона. А уж он давал волю фантазии и делал это с особым наслаждением, как никто

другой. В его устах самая бредовая идея не казалась глупостью, особенно когда приходили известия о грандиозных переменах в Сан-Хосе. В одном только Сэмюэл опростоволосился, выбиваясь из общего ряда. Он, видите ли, сомневался, что, обретя сказочное благополучие, люди будут счастливы.

— Будем ли мы счастливы? Да он совсем рехнулся! Уж только бы дожить до золотых денечков, вот тогда сам увидишь!

А Сэмюэл вспоминал историю двоюродного брата матери, которую слышал еще в Ирландии. Он был знатен, богат и красив, но вдруг взял да и застрелился прямо на обитом шелком диване, рядом с красивейшей на свете женщиной, которая его любила.

— Человек — существо ненасытное, — говаривал Сэмюэл. — И все блага в мире не удовлетворят его аппетитов.

Адам Траск возлагал большие надежды на будущее, но и сейчас жизнь дарила ему немало радостей. С замирающим сердцем он смотрел на Кэти, тихо греющуюся на солнышке. Ребенок в ее чреве рос, и он любовался прозрачной нежной кожей жены, которая наводила на мысли об ангелах с открыток в воскресной школе. Ветерок

шевелил сияющие волосы Кэти, и стоило ей поднять глаза, как Адама охватывал исступленный, щемящий душу восторг, сродни великой печали.

Уже говорилось, что Адам пребывал на своей земле в полном блаженстве, как ухоженный сытый кот, но и в Кэти тоже было много кошачьего. Она обладала отличительной чертой, присущей животным, и умела отказаться от всего, чего нельзя получить, а потом, выждав время, достигала цели, которая ей по плечу. Эти два бесценных дара давали Кэти огромное преимущество. Беременность стала для нее неожиданностью, и когда после неудачной попытки сделать аборт доктор пригрозил ей судом, Кэти отказалась от опасной затеи. Однако это не означало, что она смирилась. Кэти относилась к беременности как к тяжелому недугу, который надо пережить, хотя и придется потерпеть. Брак с Адамом тоже был случайностью. Попав в ловушку, она воспользовалась наиболее подходящим способом, чтобы выбраться из нее. В Калифорнию Кэти ехать тоже не хотелось, но на тот момент других вариантов не представилось. Еще будучи ребенком, она научилась одерживать победу над противником, используя его же оружие. Если нельзя сопротивляться мужской силе, можно легко направить ее

в нужное русло.

Вряд ли кто догадывался, что Кэти живет вовсе не там, где хочет, и в условиях, далеких от ее желаний. Просто она дала себе временную передышку в ожидании перемен, которые, несомненно, наступят в один прекрасный день. Кэти обладала одним свойством, присущим самым великим и удачливым преступникам: она никому не доверяла и ни с кем не делилась своими планами. Жила как одинокий остров в безбрежном океане. Вполне вероятно, она даже не удосужилась взглянуть на приобретенную мужем землю и на строящийся дом, не задумывалась над временем, когда он претворит в жизнь свои грандиозные планы, так как не собиралась здесь жить, когда оправится от болезни и дверца ловушки приоткроется. Однако на вопросы Адама Кэти отвечала, как требовали обстоятельства, так как любые возражения привели бы только к пустой трате сил и ненужному напряжению. А разумной кошке подобное поведение не свойственно.

— Посмотри, любимая, как удачно стоит дом. Окна выходят прямо на долину.

— Да, прекрасный вид.

— Знаешь, возможно, мои слова покажутся глупостью, но я часто пытаюсь представить, как

здесь жил старик Санчес сто лет назад. Интересно, какой тогда была долина? Наверное, он все тщательно обдумывал. Представляешь, у него имелся водопровод. Сделал трубы из красного дерева и то ли просверлил, то ли прожег в них отверстия, чтобы вода из ручья подавалась в дом. Мы нашли остатки водопровода.

— Изумительно, — откликнулась Кэти. — Несомненно, умный был человек.

— Хочется узнать о нем больше. Судя по расположению дома, архитектуре, планировке и посаженным деревьям, он был настоящим художником, артистической натурой.

— Ведь он испанец, верно? Артистизм в крови у всех испанцев. Помню, в школе нам рассказывали про одного художника… Ах нет, тот был греком.

— У кого бы узнать о старике Санчесе?

— Ну, поспрашивай людей. Кто-нибудь да знает.

— Он все так замечательно продумал, спланировал, а Бордони превратил его дом в коровник. А знаешь, что меня интересует больше всего?

— Что, Адам?

— Хочу узнать, была ли у Санчеса любимая женщина, как ты для меня, Кэти, и что она собой

представляла.

Кэти, потупившись, смущенно улыбнулась и отвела глаза в сторону.

— Ах, ну что ты говоришь!

— Несомненно, такая женщина существовала! А как же иначе? Ведь до встречи с тобой у меня не было ни сил, ни цели в жизни, ни самого желания жить.

— Не смущай меня, Адам. Ой, осторожнее, не тряси так сильно! Мне больно.

— Прости, я такой увалень.

— Да нет, просто забываешь. Как думаешь, не пора ли мне заняться вязанием или шитьем? Хотя так славно сидеть и ничего не делать.

— Мы купим все необходимое, а ты сиди и ни о чем не тревожься. По-моему, ты сейчас трудишься как никто другой. Но зато награда… Нет на свете награды более драгоценной!

— Адам, боюсь, шрам на лбу не исчезнет.

— Доктор сказал, что со временем он станет менее заметным.

— Иногда он вроде бы бледнеет, но потом проступает еще сильнее. Посмотри, кажется, сегодня он потемнел, да?

— Нет, что ты.

Однако шрам действительно потемнел, кожа

вокруг него сморщилась, и он походил на отпечаток, оставленный пальцем великана. Адам протянул руку ко лбу жены, но она отдернула голову.

— Не надо, — попросила она. — В этом месте кожа такая чувствительная и краснеет от малейшего прикосновения.

— Все пройдет. Просто нужно набраться терпения и немножко подождать.

Кэти улыбнулась мужу, но когда тот отвернулся, ее взгляд стал пустым и рассеянным. Она заерзала в кресле, чувствуя беспокойные движения ребенка в своем чреве, а потом сделала глубокий вдох, и мышцы сами собой расслабились. Кэти выжидала.

К ее креслу, установленному под самым высоким и развесистым дубом, подошел Ли:

— Мисси хоцет цай?

— Нет… А впрочем, пожалуй, выпью.

Кэти внимательно изучала китайца, но раскосые темно-карие глаза оставались непроницаемыми. В присутствии Ли она ощущала беспокойство. Кэти всегда умела проникнуть в мысли любого мужчины, угадать его желания и чаяния, понять, что движет его поступками. Но вторгнуться в сознание Ли мешала невидимая

преграда, упругая и прочная, как каучук. Худое лицо Ли хранило любезное выражение, а с губ не сходила вежливая улыбка. Открытый широкий лоб свидетельствовал о впечатлительной и тонкой натуре. Блестящие черные волосы он заплетал в длинную косу, завязанную на конце тонкой шелковой ленточкой. Ли перекидывал косу на грудь, и она покачивалась в такт движениям китайца, а когда приходилось выполнять тяжелую работу, обматывал ее вокруг головы. Ли обычно ходил в узких хлопчатых брюках, черных шлепанцах и отороченной тесьмой китайской блузе. При каждом удобном случае он прятал руки в рукава, словно боялся их лишиться. Впрочем, в те годы такая привычка присутствовала у большинства китайцев.

— Плинесу маленькая столика. — Почтительно поклонившись, Ли засеменил прочь.

Кэти, нахмурившись, проводила его взглядом. Ли не вызывал страха, но в его присутствии она чувствовала себя неуютно. Впрочем, китаец отличный слуга, уважительный и ловкий. О лучшем и мечтать нельзя. Да и каким образом он может навредить Кэти?

2

Лето было в разгаре, река Салинас ушла под землю, и только под высокими берегами остались зеленые лужи стоячей воды. Домашняя скотина весь день дремала под ивами и только к вечеру выходила на пастбища. Трава пожухла, а днем по долине гулял ветер, поднимая густые облака пыли, которые взвивались в небо, чуть ли не до самых горных вершин. В тех местах, где ветер выдул почву, на поверхности виднелись спутанные клубки корней овсюга. Над отполированной ветром долиной носились клочья соломы и ветки, цепляясь за встречные кусты и деревья. Ветер играл мелкими камушками, и они перекатывались зигзагами по пыльной земле.

Теперь стало окончательно ясно, почему Санчес построил дом в укромной ложбине, куда ветер не доносил пыльные облака, а в слегка обмелевшем ручье по-прежнему журчала холодная чистая вода. Однако Адама при виде пересохшей пыльной земли охватила паника, присущая всем переселенцам, приехавшим в Калифорнию из восточной части страны. В Коннектикуте, если в течение двух недель нет дождей, лето считается

сухим, а уж если без дождей прошел целый месяц, люди говорят о засухе. Если окрестности не покрыты густой зеленью, значит, земля умирает. Однако в Калифорнии с конца мая до начала ноября дождей практически не бывает, и как ни убеждай переселенца с Восточного побережья, что для здешних краев это обычное явление, ему все равно думается, что в засушливые месяцы земля страдает от тяжелой болезни.

Адам написал записку, в которой просил Сэмюэла приехать и обсудить закладку колодцев, и отправил Ли на ферму к Гамильтонам.

Выйдя из повозки Трасков, Ли увидел сидящего в тени Сэмюэла, который следил, как сын Том мастерит капкан собственного изобретения для ловли енотов. Китаец по привычке спрятал руки в рукава и ждал, пока Сэмюэл прочтет записку.

— Том, — обратился он к сыну, — справишься с хозяйством, пока я съезжу переговорить с соседом, изнывающим без воды?

— Почему не взять меня с собой? Возможно, тебе потребуется помощь.

— В разговорах мне помощники не нужны. Как я понимаю, до бурения колодцев еще далеко. Это дело тонкое, и надо все обсудить. На каждую лопату земли придется примерно по пятьсот или

шестьсот слов.

— А я хочу поехать с тобой. Ведь ты отправляешься к мистеру Траску. А я с ним даже не познакомился, когда он был на нашей ферме.

— Поедешь, когда начнем копать. Я тебя старше и право вести переговоры оставляю за собой. Кстати, Том, енот просунет вон туда лапку и сбежит. Ты же знаешь, какие они сообразительные.

— А вот эту штучку видишь? Завинчивается и опускается вот в этом месте. Из такого капкана даже тебе не выбраться.

— Ну, я же не такой умник, как енот. Хотя, похоже, ты и правда все продумал. Том, сынок, оседлай Акафиста, а я схожу к матери предупрежу, что уезжаю.

— Я на повозке плиехал, — вмешался Ли.

— Но мне же и домой придется возвращаться.

— Я пливезу назад.

— Вздор, — возразил Сэмюэл. — Я привяжу лошадь к повозке, а назад вернусь верхом.

Сэмюэл уселся на козлах рядом с Ли, а привязанная к повозке лошадь плелась сзади, тяжело перебирая сбитыми копытами.

— Как тебя зовут? — дружелюбно поинтересовался Сэмюэл.

— Ли. Есть длугие имена. Ли — моя папа имя.

Вся наса семья Ли зовут.

— Я много читал о Китае. Ты в Китае родился?

— Нет, здесь.

Сэмюэл долго молчал, пока повозка сползала по колее в покрытую пылью долину.

— Ли, — прервал он наконец молчание, — не хочу тебя обидеть, но никак не возьму в толк, почему вы, китайцы, до сих пор говорите на какой-то тарабарщине. Ведь даже вылезшая из ирландских болот неграмотная дубина, у которой в голове только гэльский, а язык еле ворочается, прожив здесь десяток лет, начинает сносно болтать по-английски.

— Моя говоли как китайса, — усмехнулся Ли.

— Ладно, наверное, у тебя имеются свои причины, и вообще дело не мое, но только прости, Ли, я тебе не верю.

Ли бросил быстрый взгляд на спутника. Глаза под полукруглыми веками открылись шире, утрачивая безликое, отстраненное выражение, и засветились теплом и пониманием:

— Дело не только в том, что так удобно, — хмыкнул Ли. — И даже не в желании защититься. Чаще всего приходится так разговаривать, чтобы люди нас понимали.

Сэмюэл не подал вида, что заметил происшед-

шую с Ли перемену.

— Два довода мне понятны, а что до третьего — никак не уловлю смысла.

— Знаю, в это трудно поверить, но подобные вещи случаются со мной и моими друзьями на каждом шагу, и мы принимаем их как должное. Если я подойду к какой-нибудь даме или джентльмену и заговорю, как сейчас, меня просто не поймут.

— Это почему же?

— Они слушают то, что хотят услышать. Хороший английский язык из моих уст они не воспримут, а следовательно, и не поймут.

— Невероятно! А как же я тебя понимаю?

— Вот потому я с вами и разговариваю. Вы — один из немногих, кто умеет смотреть на мир без предубеждения и видит то, что есть на самом деле, тогда как большинство людей видят то, что им хочется увидеть.

— Вот уж никогда бы не додумался. Правда, мне не приходилось ни с чем подобным сталкиваться, но в твоих словах есть доля истины. Знаешь, я рад, что мы разговорились. Хочется о многом тебя расспросить.

— С удовольствием отвечу.

— Да, вопросов так много, даже не знаю, с чего

начать. Вот, например, ты носишь косу, а я читал, что она символизирует рабское положение. Такой обычай ввели маньчжуры после завоевания южной части Китая.

— Верно.

— Тогда скажи на милость божью, зачем носить ее здесь, где до тебя никаким маньчжурам не добраться?

— Моя китайса, китайски говоли, китайски коса носи. Понимай?

Сэмюэл расхохотался:

— Действительно, удобное прикрытие. Вот бы мне найти такую лазейку.

— Не знаю, как лучше объяснить, — начал Ли. — Такие вещи трудно понять, не пережив на собственном опыте. Ведь вы тоже родились не в Америке.

— В Ирландии.

— И тем не менее через несколько лет вы освоились, и люди перестали видеть в вас чужака. А вот я, хоть и родился в Грасс-Вэлли, ходил в местную школу, а потом несколько лет проучился в Калифорнийском университете, лишен такой возможности.

— А если отрезать косу, нормально одеться и говорить как все?

— Пробовал. Ничего не вышло. Для так называемых белых я оставался китайцем, которому к тому же нельзя доверять, а соотечественники стали меня сторониться. Пришлось отказаться от этой затеи.

Ли остановил повозку под деревом и распряг лошадей.

— Пора и пообедать, — обратился он к Сэмюэлу. — Я тут кое-что захватил. Хотите перекусить?

— С удовольствием. Вот только устроюсь в тени. Иногда я забываю поесть, и это очень странно, так как меня постоянно мучает голод. Слушать тебя очень интересно. Речь умудренного жизнью человека. Вот я и думаю, что тебе следует возвратиться в Китай.

Губы Ли искривились в саркастической усмешке.

— Я развею ваши сомнения. В поисках своего места в жизни я испробовал все пути, не упустил ни одной возможности. Ведь я возвратился в Китай. Мой отец был довольно состоятельным человеком. Однако ничего толкового не получилось. Люди говорили, что у меня чужеземная речь и обличье. Я допускал непростительные промахи в этикете, так как не знал многих тонкостей, которые появились уже после отъезда отца

в Америку. Одним словом, меня отказывались признать своим. Трудно поверить, но здесь я чувствую себя не таким чужим, как в Китае.

— Верю. Рассказ твой разумен. Однако ты дал мне пищу для размышлений эдак до конца февраля. Я не надоел своими вопросами?

— Нет, нисколько. Хуже всего, что начинаешь думать на языковой тарабарщине, которую называют пиджином. Я много пишу на английском, чтобы совсем его не забыть. Одно дело читать и слушать на языке, и совсем другое — разговаривать и писать.

— А не случалось забыться и перейти на нормальный английский язык?

— Нет. По-моему, все зависит от того, чего от тебя ожидают. Посмотришь в глаза человеку и видишь: он ждет, что ты залопочешь на пиджине и засеменишь, шаркая ногами. Вот и приходится нести тарабарщину и шаркать ногами.

— Полагаю, ты прав, — согласился Сэмюэл. — Взять хотя бы меня. Я ведь тоже без конца сыплю шутками, потому что люди приезжают ко мне посмеяться. Вот я и стараюсь ради них выглядеть веселым, даже когда на сердце печаль.

— Но, говорят, ирландцы — народ веселый и любят хорошую шутку.

— Такой же обман, как твой пиджин и коса. Нет в них никакой жизнерадостности. Наоборот, ирландцы — народ угрюмый и обладают особым даром обрекать себя на страдания, которых не заслуживают. Говорят, не будь виски, благодаря которому легче на душе, да и весь мир не кажется таким поганым, они давно наложили бы на себя руки. Вот и сыплются из них шуточки, как и хочется людям.

Ли извлек из свертка небольшую бутыль:

— Хотите попробовать? Китайский напиток уцзяпи.

— Что он собой представляет?

— Китайская бленди, отень клепкая. Вообще-то это бренди с добавлением полыни. Очень крепкий напиток, и мир от него кажется менее мерзким.

Сэмюэл отхлебнул из горлышка.

— На вкус как гнилые яблоки, — признался он.

— Да, но вкусные гнилые яблоки. Задержите напиток во рту, чтобы ощутить его всем языком.

Сэмюэл, сделав большой глоток, откинул назад голову.

— Теперь понимаю, что ты имел в виду. И правда великолепно.

— Вот сандвичи, маринованные огурчики, сыр

и банка пахты.

— Какой ты хозяйственный.

— Люблю все заранее предусмотреть.

Сэмюэл принялся за сандвич.

— У меня возникло с полсотни вопросов, но после твоего рассказа стало понятно, какой из них главный. Не возражаешь?

— Нет. Хочу только попросить об одном: не разговаривайте так со мной в присутствии других людей. Это вызовет замешательство, и они все равно не поверят своим ушам.

— Постараюсь, — заверил Сэмюэл. — Но даже если забудусь, так ведь всем известно, какой я шутник и забавник. Трудно смотреть на человека только с одной стороны, после того как открылись обе его сущности.

— Кажется, я догадываюсь, каким будет следующий вопрос.

— И каким же?

— Почему я довольствуюсь положением слуги, так?

— Как же, черт возьми, ты угадал?

— Он напрашивается сам собой.

— И звучит для тебя обидно?

— Не из ваших уст. Оскорбительно звучат только вопросы, заданные снисходительным тоном, с

желанием унизить. Не понимаю, почему работа слуги считается постыдным занятием. Ведь она дает философу отменное убежище от мирской суеты, обеспечивает лентяя пищей, и если выполнять ее с умом, помогает добиться большого влияния и даже снискать любовь. Странно, что это не приходит в голову большинству умных людей и они не избирают ремесло слуги своим поприщем. Научись хорошо выполнять свою работу — и пожинай плоды. Хороший слуга надежно защищен, и не потому, что у него добрый хозяин, а в силу человеческих привычек и любви к праздности. Трудно привыкнуть к блюдам с другими приправами или самому складывать белье. Вот и нанимают плохого слугу, только бы все оставалось по-прежнему. Но хороший слуга — а я, надо сказать, слуга отменный — может командовать господином. Направляя его мысли в нужное русло, слуга диктует, как следует поступить, на ком жениться и когда развестись. Он может наказать хозяина, превратив его жизнь в кошмар, или, наоборот, осчастливить, чтобы в конце концов тот упомянул его в своем завещании. При желании я мог бы обобрать до нитки и разорить любого, у кого работал, а мне бы еще и «спасибо» сказали. Помимо прочего, в силу уже

упомянутых обстоятельств, я являюсь человеком беззащитным, а хозяин не даст меня в обиду. Вот вам приходится много трудиться и разгребать кучу проблем. А я работаю меньше, да и забот таких не имею, оставаясь при этом хорошим слугой. Но и скверный слуга, который бездельничает и ни о чем не тревожится, всегда накормлен, одет и надежно защищен. Не знаю другого ремесла, где столько бездарностей, а по-настоящему одаренные люди, мастера своего дела, встречаются так редко.

Сэмюэл внимательно слушал, наклонившись к собеседнику.

— С каким же облегчением я снова перейду на пиджин, — продолжил свою мысль Ли.

— До ранчо Санчесов рукой подать. Почему ты решил сделать привал? — поинтересовался Сэмюэл.

— Все влемя говоли да говоли. Моя луцсий китайская слуга. Готова ехать дальсе?

— Что? — не понял Сэмюэл. — Ах да, конечно. Но наверное, при такой жизни чувствуешь себя очень одиноким.

— И в этом единственный недостаток, — согласился Ли. — Я думаю поехать в Сан-Франциско и открыть свое дело.

— Прачечную или бакалейную лавку?

— Нет. Китайских прачечных и ресторанчиков и так много. Пожалуй, открою книжный магазин. Это дело мне по душе, да и конкурентов меньше. А может, так и не решусь. Слуга постепенно утрачивает предпринимательскую жилку и становится бездеятельным.

3

После полудня Сэмюэл и Адам поехали верхом осматривать владения Траска. Как обычно, в это время поднялся ветер, взметая в небо желтые облака пыли.

— Прекрасное ранчо! — воскликнул Сэмюэл. — На редкость хорошая земля.

— А по-моему, она постепенно выветривается, — заметил Адам.

— Нет, она просто перемещается. Вы делитесь землей с ранчо Джеймса, а взамен получаете ее с фермы Саути.

— Не люблю ветер. Он меня раздражает.

— Ветер всем быстро надоедает, и животные из-за него ведут себя беспокойно. Не знаю, обратили ли вы внимание, но чуть дальше в долине для защиты от ветра сажают эвкалипты. Их завезли

из Австралии. Говорят, за год дерево вырастает на десять футов. Почему бы и вам не посадить несколько рядов? Посмотрите, что получится. Со временем они преградят путь ветру, да и топливо из них отменное.

— Ценное предложение, — согласился Адам. — Но сейчас мне больше всего нужна вода. При таком сильном ветре можно установить насосы при ветряных мельницах, и они перекачают всю воду, что найдется на моей земле. Я вот думаю, если пробурить несколько колодцев и соорудить оросительную систему, верхний слой почвы не будет выветриваться. Можно еще посадить бобы и фасоль.

— Попробую добыть вам воду, — щурясь от ветра, сказал Сэмюэл. — Кстати, у меня есть небольшой, но довольно мощный насос собственного изобретения. А ветряные мельницы — штука дорогая, хотя, пожалуй, я смогу их соорудить, и вы сэкономите деньги.

— Замечательно, — согласился Адам. — И бог с ним, с ветром, пусть себе дует, если принесет пользу. Только бы добыть воду, и тогда можно посеять люцерну.

— На люцерне много не заработаешь.

— Я не о том. Пару недель назад я проезжал по

окрестностям Гринфилда и Гонсалеса. Там поселились швейцарцы и развели по небольшому стаду отличных дойных коров. Они собирают по четыре урожая люцерны в год.

— Как же, слышал. Они завезли коров швейцарской породы.

— Вот и я хочу последовать их примеру, — с сияющим от счастья лицом мечтал Адам. — Масло и сыр продам, а молоком стану откармливать поросят.

— Что ж, думаю, вы станете гордостью нашей долины, — согласился Сэмюэл. — Именно такие люди и построят прекрасное будущее.

— Эх, только бы добыть воду.

— Если здесь есть вода, я ее непременно найду. Даже захватил с собой волшебную палочку. — Он похлопал по притороченной к седлу сухой рогатой лозе.

Адам махнул рукой влево, в сторону большого ровного пустыря, заросшего полынью:

— Вот тридцать шесть акров равнинной земли. Я пробовал бурить, толщина пахотного слоя под песком примерно три с половиной дюйма. Лемех плуга дойдет до суглинка. Как думаете, есть здесь вода?

— Не знаю, — задумчиво откликнулся Сэмю-

эл. — Посмотрим.

Он спешился, отдал поводья Адаму и, отвязав от седла рогатую лозу, взял в каждую руку по расходящемуся в разные стороны концу и медленно двинулся вперед. Расставив локти, Сэмюэл вытянул вперед руки, направив хвост лозы вверх. Он передвигался зигзагами, потом, нахмурившись, вдруг вернулся на несколько шагов назад, но тут же разочарованно покачал головой и пошел дальше. Адам не спеша ехал за ним верхом, а лошадь Сэмюэла вел в поводу.

Адам не спускал глаз с лозы, и вдруг увидел, как она вздрогнула и слегка дернулась вниз, как удочка, крючок которой заглотила невидимая рыба. Лицо Сэмюэла застыло, приняв сосредоточенное выражение, но он продолжал идти вперед, пока конец лозы не потянуло резко вниз, будто она вырывалась из сжатых в напряжении рук. Сэмюэл медленно описал круг, вырвал кустик полыни и бросил на землю. Потом отошел подальше, снова поднял лозу вверх и направился к отмеченному месту. По мере приближения невидимая сила снова потянула конец лозы вниз. Сэмюэл, облегченно вздохнув, уронил свою «волшебную палочку» на землю.

— Вода здесь есть, и не слишком глубоко. Виде-

ли, как лозу потянуло вниз? Воды тут полно.

— Прекрасно, — обрадовался Адам. — Хочу показать вам еще несколько участков.

Сэмюэл присмотрел самый толстый стебель полыни, обстрогал его и воткнул в землю, расщепив верхушку, а для верности еще вставил поперечину. Потом притоптал вокруг сухую полынь, чтобы сразу найти нужное место.

На следующем участке, в трехстах ярдах от первого, лозу едва не вырвало из рук Сэмюэла.

— Э, да тут разлился целый океан, — с удовлетворением заметил он.

Третья попытка оказалась менее удачной. После получасового хождения по земле лоза слегка вздрогнула всего один раз.

Мужчины не спеша возвращались к дому Траска. Клубы желтой пыли, поднимаясь до небес, окутывали все вокруг золотой дымкой. Как обычно, на закате дня ветер стал затихать, но пыль еще долго держалась в воздухе и оседала на землю далеко за полночь.

— Я и раньше знал, что земля здесь хорошая, это всем известно. Но то, что я увидел, превзошло все ожидания. Должно быть, происходит мощный отток грунтовых вод с гор. Вы умеете выбирать землю, мистер Траск.

— У нас ферма в Коннектикуте, — улыбнулся Адам. — Шесть поколений людей очищали ее от булыжников, и одно из первых воспоминаний детства — телега, нагруженная камнями, которую тащат к стенам на краю поля. Я думал, что все фермы на свете такие, а здесь никак не приду в себя от изумления. Странно… Да и жить на такой земле чуть ли не великий грех. За каждым камнем приходится бежать бог весть куда.

— Понятие греха — штука любопытная, — заметил Сэмюэл. — Если бы человеку пришлось отдать все, что он имеет, включая бессмертную душу, он и тогда бы исхитрился припрятать пару грешков. Так, чтобы было чем себя терзать. Да, с грехами мы расстаемся в самом крайнем случае и в последнюю очередь.

— Может быть, сознание своей грешной сущности помогает смирить гордыню, почувствовать свое ничтожество и вселяет страх перед гневом Господа.

— Вероятно, — согласился Сэмюэл. — Полагаю, подобное чувство — вещь хорошая, так как редко какой человек его начисто лишен, и все же, сталкиваясь со смирением и покорностью, трудно понять, в чем их ценность. Остается только признать, что боль, испытываемая по их милости,

сладостно-прекрасная. Да и кто правильно определит природу страдания?

— Расскажите о своей лозе, — попросил Адам. — В чем ее секрет?

Сэмюэл погладил сухой прутик, привязанный к седлу.

— Скорее всего никакого секрета нет, и все-таки она оправдывает ожидания. — Он улыбнулся Адаму. — Возможно, дело вот в чем: просто я знаю, где искать воду. Чувствую нутром. Встречаются люди, наделенные самыми разными способностями. Предположим… Одним словом, можете считать, что смирение или полное неверие в свои силы заставляет меня творить волшебство и извлекать на всеобщее обозрение то, о существовании чего я совершенно точно знаю. Улавливаете, куда я клоню?

— Придется поразмыслить над вашими словами.

Всадники отпустили поводья, и лошади брели сами по себе, низко опустив головы.

— Переночуете у нас? — спросил Адам.

— Пожалуй, поеду домой. Я не предупредил Лайзу, что останусь на ночь. Не хочу, чтобы она волновалась.

— Но ведь ей известно, где вы.

— Разумеется, известно. И все-таки вечером я поеду домой, и не важно, что доберусь до места поздно. А вот от приглашения поужинать не откажусь. А когда вы хотите приступить к закладке колодцев?

— Как можно скорее. Все зависит от вас.

— Видите ли, вода — дорогое удовольствие. Я буду вынужден брать по пятьдесят центов за фут, а может, и больше, в зависимости от того, что находится внизу. Это влетит в кругленькую сумму.

— Деньгами я располагаю, и колодцы нужны позарез. Послушайте, мистер Гамильтон…

— Зовите меня Сэмюэл. Так удобнее.

— Так вот, Сэмюэл, я хочу превратить свою землю в цветущий сад. Недаром меня зовут Адамом. И пока собственного рая у меня нет, об изгнании речь не ведется.

— Достойное основание для создания сада! Лучше и не придумаешь! — с усмешкой воскликнул Сэмюэл. — И где же предполагается разбить райский сад с древом познания?

— Нет, яблоки разводить я не стану, — сказал Адам. — К чему искушать судьбу?

— А что на это скажет Ева? Ведь у нее есть собственное мнение. Как известно, все Евы обожают яблоки.

— Только не моя. — Глаза Адама сияли счастьем. — Такой Евы вы еще не встречали. Она одобрит любое мое решение. Никто не в состоянии по достоинству оценить ее добродетель.

— Вам досталось редкое сокровище. Что может быть драгоценнее такого дара?

Они уже подъезжали к лощине, где стоял дом Санчеса. Вдалеке виднелись округлые кроны могучих виргинских дубов.

— Божий дар, — тихо повторил Адам. — Вы ведь не знаете… Да и никто не в состоянии понять, какой безрадостной и серой была моя жизнь, мистер Гамильтон… Сэмюэл. Не то чтобы хуже, чем у других людей, но безликая и пустая. Не знаю, зачем я с вами откровенничаю.

— Наверное, потому, что мне интересно слушать.

— Мать я не помню, она умерла, когда я был младенцем. Мачеха была женщина хорошая, но замученная жизнью и очень больная. Отец был человек суровый и достойный, возможно, даже великий.

— Но любви к нему вы не испытывали, верно?

— Он вызывал чувство, похожее на то, что испытываешь в церкви, но к нему примешивается изрядная доля страха.

— Понимаю, — кивнул Сэмюэл. — Некоторым нравится вызывать благоговейный страх. — Он грустно улыбнулся. — А вот мне всегда хотелось совсем иного отношения, но Лайза считает это моей слабостью.

— Отец отправил меня в армию, и я попал на Запад, где сражался с индейцами.

— Да, помню. Но на военного вы не похожи.

— Да, я был никудышным солдатом. Вот, открываю перед вами душу.

— Значит, вы испытываете такую потребность. Откровений без причины не бывает.

— Нужно, чтобы солдат с желанием исполнял свой долг во время войны или по крайней мере испытывал удовлетворение. Я же не видел причин для убийства людей, мужчин и женщин, всех без разбора, и не понимал, когда эти убийства пытались оправдать.

Некоторое время они ехали молча.

— Я ушел из армии с чувством, что выбрался из вязкой трясины, весь испачканный липкой тиной, — нарушил тишину Адам. — Много бродяжничал, прежде чем вернуться в родной дом, который никогда не забывал, но не любил.

— А ваш отец?

— Он к тому времени умер, и отчий дом стал

просто крышей над головой, пристанищем, где к тому же надо работать, ожидая в тоске, когда за тобой явится смерть. Напоминает предчувствие кошмарного пикника, на который все равно придется пойти.

— И вы остались совсем один?

— Нет, у меня есть брат.

— И где же он? Живет в ожидании «пикника»?

— Да уж. Попали в точку. А потом появилась Кэти. Но о ней, пожалуй, расскажу как-нибудь в другой раз, когда у вас возникнет желание послушать, а у меня — поведать свою историю.

— С радостью выслушаю прямо сейчас. Страсть как люблю разные истории.

— Она будто излучала вокруг себя сияние, и мир вдруг заиграл всеми красками, открывая мне объятия. Каждое утро я просыпался с радостью в предвкушении очередного счастливого дня. Для меня исчезли все преграды, люди вокруг стали казаться красивыми и добрыми, и я перестал испытывать страх.

— Знакомое чувство, — откликнулся Сэмюэл. — Мы с ним старые приятели. Оно никогда не умирает, но иногда на время исчезает. Или мы сами от него отдаляемся. Да, оно вросло мне в плоть и кровь.

— И все эти чудеса произошли благодаря хрупкой изувеченной девушке.

— А может, все дело в вас?

— Ну нет, а иначе бы это случилось раньше. Нет, чудо пришло вместе с Кэти, и его сияние освещает все вокруг. Теперь понимаете, зачем мне понадобились колодцы? Я должен каким-нибудь образом расплатиться за сокровище, что мне досталось. Посажу здесь сад дивной красоты, и он станет достойным жилищем для Кэти, в котором будет сиять ее негасимый свет.

Сэмюэл сглотнул подступивший к горлу ком, а когда заговорил, голос звучал хрипло и сдавленно:

— Я ясно понимаю свой долг, — начал он. — Да, я должен выполнить свой долг, если считаю себя порядочным человеком и вашим другом.

— Не понимаю, куда вы клоните?

— Мой долг заключается в том, — с саркастической усмешкой сообщил Сэмюэл, — чтобы сбросить с пьедестала ваш кумир. Сбросить, а потом поднять и вывалять в грязи, чтобы сквозь толстый слой нечистот не пробивалось пагубное сияние. — Голос Сэмюэла окреп, и он заговорил с нарастающей горячностью: — Мне следует ткнуть вам в лицо это дерьмо и показать, ка-

кой оно таит в себе порок и угрозу. Я должен вас предупредить, чтобы вы присмотрелись внимательнее и увидели свою святыню во всем безобразии. Надо бы напомнить вам о непостоянстве и изменчивости всего земного и привести примеры из жизни. Подбросить, так сказать, платок Отелло. Знаю, что должен поступить именно так, прояснить царящую у вас в голове путаницу, убедить, что ваше стремление отнюдь не ново, и от него смердит, как от дохлой коровы в сырую погоду. Надумай я так поступить, и вы вернетесь к прежней убогой жизни, а я испытаю чувство удовлетворения от выполненного долга, приобщив вас к компании себе подобных, прозябающей в затхлости.

— Да вы шутите? Наверное, мне не следовало пускаться в откровения…

— Именно таков долг друга. В свое время и у меня был друг, который свой долг исполнил, открыв мне глаза. А вот я не стану следовать его примеру, хотя и понимаю, что вызову осуждение людей своего круга. Так берегите же свою прекрасную мечту, и пусть ее сияние озаряет вашу жизнь. А уж я постараюсь и выкопаю колодцы, даже если потребуется пробурить земное чрево. Выжму из него воду, как сок из апельсина.

Проехав под высокими дубами, всадники повернули к дому.

— Вот она, сидит у дома, — сообщил спутнику Адам и крикнул жене: — Кэти, он говорит, здесь море воды! — А потом взволнованным голосом добавил: — Кажется, я говорил, Кэти ждет ребенка.

— Даже издали видно, что ваша жена красавица, — признал Сэмюэл.

4

День стоял жаркий, и Ли накрыл стол на улице, под раскидистым дубом. Солнце клонилось к возвышающимся на западе горам, а Ли неутомимо сновал туда-сюда, принося все новые блюда, приготовленные на ужин: холодное мясо, пикули, картофельный салат, кокосовый торт и пирог с персиками. Посреди стола стоял огромный глиняный кувшин с молоком.

Мужчины вышли из прачечной, где мылись после дороги. На лицах и волосах блестели капельки воды, борода Сэмюэла распушилась. Они стояли у стола, ожидая, когда подойдет Кэти.

Кэти шла медленно, сжав перед собой руки в замок и глядя под ноги, словно боялась упасть.

Пышная юбка и передник скрывали живот. Ее лицо хранило безмятежное выражение, как у ребенка. Она подошла к столу и только тогда взглянула на Адама и его гостя.

— Дорогая, ты еще не знакома с мистером Гамильтоном, — обратился он к жене, пододвигая стул.

— Здравствуйте, — поприветствовала Сэмюэла Кэти, протягивая руку.

Сэмюэл внимательно изучал хозяйку ранчо.

— Какое красивое лицо, — признал он. — Рад знакомству. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

— Да, благодарю.

Мужчины сели за стол.

— Она всегда такая чопорная, по-другому не умеет. С Кэти обычный ужин превращается в торжественное событие, — пояснил Адам.

— Ну что ты, — возразила Кэти. — Ведь это неправда.

— А вы, Сэмюэл, разве не чувствуете себя на званом торжестве? — обратился он к гостю.

— Именно так и чувствую. И должен сказать, на свете мало таких любителей ходить по гостям. Разве что мои дети. Мой сын Том просился к вам сегодня. Пользуется любым удобным случаем,

только бы сбежать с ранчо.

Сэмюэл вдруг понял, что своей длинной речью хочет оттянуть надвигающееся молчание. Он замолчал, и за столом воцарилась тишина. Кэти была поглощена куском жареной баранины на тарелке. Вонзив мелкие зубки в мясо, она наконец подняла широко поставленные глаза, и Сэмюэла поразила зияющая в них пустота. Он зябко поежился.

— Не замерзли? — любезно поинтересовался Адам.

— Нет, что вы. Так, что-то тревожно стало на душе.

— Знакомое чувство.

Над столом снова повисло тягостное молчание. Сэмюэл все ждал, что вот-вот завяжется разговор, прекрасно понимая тщетность своих надежд.

— Миссис Траск, нравится ли вам наша долина?

— Что? Да, разумеется.

— Осмелюсь спросить, когда вы ждете пополнения в семействе?

— Месяца через полтора, — ответил за Кэти Адам. — Моя жена принадлежит к числу образцовых женщин, которые не отличаются разговорчивостью.

— Порой молчание красноречивее любых слов, — заметил Сэмюэл.

Кэти быстро подняла глаза и тут же их опустила, и Сэмюэлу показалось, что шрам у нее на лбу заметно потемнел. Что-то насторожило миссис Траск. Так прядает ушами лошадь, заслышав щелканье хлыста. Сэмюэл тщетно старался вспомнить, какие слова заставили женщину внутренне содрогнуться. Он испытывал нарастающее напряжение, сродни тому, что чувствовал, наблюдая за лозой, стремительно опускающейся к земле. Тревога от присутствия чего-то чужеродного, противоестественного. Он взглянул на Адама и поймал его восторженный взгляд, устремленный на жену. Что бы здесь ни происходило, Адам не замечал ничего странного, и его лицо светилось счастьем.

Кэти жевала кусочек мяса передними зубами. Ничего подобного Сэмюэл не встречал за всю жизнь. Проглотив мясо, она высунула маленький острый язычок и облизала губы. «Что-то неправильно, — свербело в мозгу у Сэмюэла. — Только никак не пойму, в чем дело».

За спиной послышались шаркающие шаги. Оглянувшись, Сэмюэл увидел Ли. Китаец поставил на стол чайник и удалился.

Сэмюэл заговорил, только чтобы нарушить тягостное молчание. Он принялся рассказывать, как приехал из Ирландии в долину, но очень скоро понял, что ни Адам, ни Кэти его не слушают. Желая убедиться в догадке, он воспользовался испытанным приемом, когда хотел узнать, слушают ли его дети. Они тут же просили отца продолжить историю. Итак, Сэмюэл вставил в рассказ пару совершенно бессмысленных предложений, но хозяева ранчо никак не отреагировали на его затею. И тогда Сэмюэл сдался.

Проглотив наспех ужин и запив его обжигающим чаем, он сложил салфетку и обратился к хозяйке дома:

— С вашего позволения, мэм, я поеду домой. Благодарю за гостеприимство.

— Доброй ночи, — откликнулась Кэти.

Адам вскочил из-за стола, словно спускаясь с небес на грешную землю.

— Не уезжайте. Я все-таки надеялся уговорить вас переночевать у нас на ранчо.

— Нет, благодарю за приглашение, но вынужден отказаться. Путь не длинный, а кроме того, я вижу, что ночь будет лунная.

— Когда вы приступите к бурению колодцев?

— Нужно проверить весь инструмент, как сле-

дует наточить и закончить кое-какие дела дома. Через пару дней Том привезет сюда все необходимое оборудование.

Адам возвратился из мира грез в действительность.

— Поторопитесь, — обратился он к Сэмюэлу. — Нужно выкопать колодцы как можно скорее. Кэти, мы превратим этот край в самое прекрасное место на земле, и ничто с ним не сравнится.

Сэмюэл посмотрел украдкой на Кэти. Ее лицо не изменилось, глаза оставались пустыми и холодными, а пухлые, приподнятые по краям губы сложены в равнодушную улыбку.

— Будет чудесно, — откликнулась она.

На мгновение у Сэмюэла возникло желание что-нибудь сказать или сделать, только бы пробить стену, которой она отгородилась. Он снова зябко повел плечами.

— Опять дурное предчувствие? — поинтересовался Адам.

— Да, именно так. — Уже смеркалось, и темные силуэты деревьев вырисовывались на фоне неба. — Спокойной ночи.

— Я вас провожу.

— Нет, останьтесь лучше с женой. Вы ведь не доели ужин.

— Но…

— Сидите, молодой человек. Уж я как-нибудь отыщу собственную лошадь, а нет — украду одну из ваших. — Сэмюэл ласково положил Адаму руки на плечи и заставил сесть. — Доброй ночи. Доброй ночи, мэм.

Попрощавшись, он торопливо направился в сторону сарая.

Старина Акафист, переступая разбитыми копытами, смачно жевал сено плоскими, как две камбалы, губами. Цепочка недоуздка, позвякивая, ударялась о деревянную кормушку. Сэмюэл снял с гвоздя седло, подвешенное за деревянное стремя, водрузил его на широкую спину лошади и уже принялся затягивать подпругу, когда за спиной послышался шорох. Оглянувшись, он увидел силуэт Ли на фоне сгущающихся сумерек.

— Когда вы снова приедете? — тихо спросил китаец.

— Не знаю. Дней через пять-шесть. Ли, что здесь происходит?

— Вы о чем?

— Черт возьми, сам прекрасно понимаешь о чем.

— Китайса только лаботай, мало слусай, мало говоли.

— Да, разумеется, ты прав. Прости, что задал такой вопрос. Не слишком деликатно с моей стороны. — Повернувшись к Акафисту, Сэмюэл осторожно вставил ему в рот мундштук и заправил большие обвисшие уши в оголовье уздечки. Бросив в кормушку недоуздок, он снова обратился к китайцу: — Доброй ночи, Ли.

— Мистер Гамильтон…

— В чем дело, Ли?

— Вам, случайно, повар не нужен?

— Человеку в моем положении не по карману держать повара.

— Я бы недорого взял.

— Да Лайза от тебя мокрого места не оставит. А почему ты хочешь уйти?

— Да просто так спросил, на всякий случай. Всего доброго.

5

Адам и Кэти сидели под деревом в сгущающихся сумерках.

— Славный человек, — нарушил молчание Адам. — Мне он нравится. Жаль, что не сумею его уговорить перебраться к нам и вести хозяйство. Ну, что-то вроде управляющего.

— Но у него есть свой дом и семья, — возразила Кэти.

— Знаю. Только земля у него из рук вон плохая. Вряд ли есть где хуже. Он больше заработает на жалованье, которое я буду платить. Все же попрошу его. Чтобы привыкнуть к новым местам, требуется время. Словно родиться заново и учиться всему сначала. Дома я безошибочно определял, откуда придет дождь. А здесь все по-другому. В Коннектикуте я нутром чувствовал, с какой стороны подует ветер, когда похолодает. Но я и здесь всему научусь. Нужно только немного потерпеть. Тебе удобно, Кэти?

— Да.

— Наступит день, и он не за горами, и ты будешь любоваться из окон нашего замечательного нового дома зелеными полями люцерны. Я посажу эвкалиптовые деревья, выпишу семена и необычные растения, одним словом, создам нечто наподобие опытной фермы. Попробую посадить косточки китайской сливы личи. Интересно, приживутся ли они в здешних краях? Попробую. Может, Ли что-нибудь подскажет. А когда родится малыш, ты сможешь ездить по всему ранчо вместе со мной. Ведь ты его даже не видела. Я говорил, что мистер Гамильтон постро-

ит ветряные мельницы и мы сможем смотреть на них из окна? — Адам с удовольствием вытянул ноги под столом. — Ли уже пора принести свечи. Интересно, куда он запропастился?

— Адам, — невозмутимым тоном начала Кэти, — я не хотела сюда ехать и не собираюсь задерживаться надолго. Уеду при первой возможности.

— Не говори чепухи, — рассмеялся Адам. — Ты как ребенок, которого в первый раз увезли из дома. Вот подожди, родится малыш, и ты привыкнешь к здешним краям и полюбишь их. Знаешь, когда я попал в армию, думал, что умру от тоски по дому. Но ничего, пережил ведь. И со всеми происходит то же самое. Так что не говори глупостей.

— Это вовсе не глупости.

— Давай оставим этот разговор, любимая. Вот увидишь, все изменится, когда родится ребенок. Вот увидишь.

Сцепив руки за головой, он смотрел сквозь ветви деревьев на тусклое мерцание звезд.

Глава 16
1

Сэмюэл возвращался домой залитой лунным светом ночью, посеребрившей своим мерцанием окрестные холмы. Зачарованные луной деревья и вся земля застыли в мертвом безмолвии. Черные тени представляли собой резкий контраст со светлыми участками открытой местности, которые лунное сияние окрасило в неестественно белый цвет. Со всех сторон слышались приглушенные шорохи: питомцы луны олени в ясную ночь бродили в поисках пищи, отсыпаясь днем в лесной чаще. Кролики, мыши-полевки и прочая мелочь, служащая пищей крупным хищникам, тихо крались, ползли и подскакивали, храбрея под покровом лунной ночи, и мгновенно замирали на месте, сливаясь с камнями и кустарниками при малейших признаках опасности. Хищники тоже вышли на охоту. Словно коричневые лучики света, мелькали изящные куницы. Дикие кошки прижимали к земле мускулистое тело, превращаясь в невидимок. Их выдавал только блеск желтых глаз в темноте. Лисы, принюхива-

ясь острыми вздернутыми носами, выискивали добычу на ужин. У застывшей воды неслышно бродили еноты в надежде поймать лягушку. По склонам холмов рыскали койоты, в приступе тоски, сменяющейся буйной радостью, поднимали головы к небу, изливая накопившиеся чувства своей покровительнице луне, то рыдая, как по покойнику, то оглашая окрестности диким хохотом. За ночной жизнью сверху наблюдали совы, и их расплывчатые тени падали на землю зловещими пятнами. Ветер к ночи стих, осталось лишь легкое, как вздох, дуновение от теплых потоков воздуха с высушенных под жарким солнцем холмов.

Акафист брел по дороге, тяжело выстукивая копытами неравномерную дробь, которая распугивала ночных обитателей и заставляла затаиться, в ожидании пока лошадь пройдет мимо. Борода Сэмюэла серебрилась в лунном свете, а седеющие волосы вздымались высоко над непокрытой головой. Черную шляпу он повесил на рожок седла. Под ложечкой противно сосало от мрачных предчувствий, повергающих в уныние. У немцев это чувство известно под названием «Weltschmerz», мировая скорбь. Поднимаясь в душе, подобно парам ядовитого газа, она растека-

ется безысходным отчаянием, и человек пытается отыскать причину, но так и не находит ответа.

Сэмюэл снова мысленно перенесся на поразившее его воображение ранчо, вспомнил, как нашел там воду. Нет, причин для мировой скорби там явно нет, если только в его сердце не скрывается червячок зависти. Он заглянул к себе в душу, пытаясь найти признаки зависти, но ничего подобного не обнаружил. Тогда он задумался над мечтой Адама превратить ранчо в библейский райский сад, вспомнил, с каким обожанием он относится к Кэти. Нет, опять не то. Разве что в душе открылась старая рана, напомнив Сэмюэлу о собственной утрате. Но с тех пор прошло столько времени, и боль давно притупилась. Воспоминания юности обволакивали сладостным теплом, совсем не похожим на ненасытную страсть, некогда терзавшую плоть.

Он проезжал сквозь тьму от теней деревьев и открытую равнину, озаренную лунным светом, а навязчивые мысли не давали покоя. Когда же «мировая скорбь» заползла змеей в сердце? Внезапно его осенило: все дело в Кэти, хрупкой, изысканной, полной утонченной прелести. Вот только почему? Да, она все время молчала, но на свете много неразговорчивых женщин. Тогда

что же? Сэмюэл вспомнил, что испытал чувство надвигающейся неизбежности, сродни тому, что обрушивается, когда держишь в руках лозу. Вспомнил, как от дурного предчувствия по телу пробежал холодок. Теперь все встало на свои места. Предчувствие беды нахлынуло во время ужина, и опасность исходила от Кэти.

Сэмюэл представил ее лицо с широко посаженными глазами, изящно вырезанными ноздрями, маленьким ротиком… такие не в его вкусе, но все равно выглядят прелестно. Миниатюрный, четко очерченный упрямый подбородок… И снова глаза… Пожалуй, в них застыл холод. Значит, причина кроется в глазах. Шаг за шагом он приближался к истине. Глаза Кэти ничего не выражали, в них нельзя прочесть ни одного присущего людям чувства. В них скрывается пустота. У человека таких глаз не бывает. Глаза миссис Траск воскресили смутные воспоминания, расплывчатую картину времен детства. Сэмюэл лихорадочно рылся в памяти, и вдруг все прояснилось само собой.

Образы прошлого обрели яркие краски, вновь зазвучали громкие голоса возбужденной толпы, и Сэмюэл увидел себя маленьким мальчиком, которому приходится вставать на цыпочки, что-

бы дотянуться до отцовской руки. Вот он идет по булыжной мостовой Лондондерри, увлекаемый веселым круговоротом большого города, единственного, который довелось увидеть за короткую жизнь. В Лондондерри устроили ярмарку с кукольными балаганами и лотками со всевозможной снедью. Прямо на улицах смастерили загоны для коров и овец, которых продавали, обменивали и выставляли на аукционы. Среди всеобщей суеты бросались в глаза и манили красотой палатки с яркими безделушками и игрушками, которые маленький Сэмюэл уже считал своими, поскольку отец его был человеком веселым и щедрым.

Вдруг толпа всколыхнулась подобно бурной реке, и мощный поток подхватил отца и сына и понес по узкой улочке, словно две щепки. Со всех сторон напирала людская лавина, и малыш едва за ней поспевал, отчаянно перебирая ногами. Улочка вывела на площадь, где у серой стены какого-то здания возвышалось бревенчатое сооружение, с которого свисала толстая веревка с петлей на конце.

Увлекаемые толпой, они неумолимо приближались к серой стене, а в памяти звучали слова отца: «Такое зрелище не для детей, да и взрослым

смотреть непотребно». Отец тщетно пытался проложить дорогу локтями и выбраться из людского потока. «Ради всех святых, выпустите нас! Ведь со мной ребенок!» — в отчаянии бормотал он.

Но мощная волна с упорным безразличием толкала их вперед. Сэмюэл поднял голову, чтобы рассмотреть непонятное сооружение. На помост взобралось несколько человек в темных одеждах и такого же цвета шляпах. Среди них стоял золотоволосый мужчина в темных штанах и голубой рубашке с расстегнутым воротом. Сэмюэл с отцом оказались так близко к помосту, что мальчику пришлось поднять голову, чтобы следить за происходящим.

Создавалось впечатление, что у Золотоволосого нет рук. Он обвел глазами толпу, а потом посмотрел вниз, встретившись взглядом с Сэмюэлом. Глаза Золотоволосого ничего не выражали, зияя пустотой. У людей таких глаз не бывает.

Вдруг на помосте началось движение, и отец, обхватив голову Сэмюэла обеими руками, закрыл мальчику уши. Сильные руки крепко прижали лицо к черному парадному отцовскому сюртуку. Теперь, несмотря на все усилия, Сэмюэл не мог пошевелить головой и видел краешком глаза лишь узкую полоску света, а до слуха доносился

приглушенный рев толпы. А еще мальчик слышал, как гулко стучит сердце в груди отца. Руки и плечи у него напряглись, дыхание стало частым, потом, сделав глубокий вдох, он на мгновение замер, и Сэмюэл почувствовал, как сильно дрожат отцовские руки.

Сэмюэл вспомнил, что было дальше, и перед глазами возникла еще одна яркая картина, повисшая в воздухе, прямо перед мордой Акафиста. Обшарпанный стол в пивной, громкие голоса и смех. Перед отцом стоит оловянная кружка с пивом, а перед Сэмюэлом — чашка горячего ароматного молока с сахаром и корицей. Губы у отца почему-то синие, а в глазах застыли слезы.

— Знал бы, ни за что бы тебя туда не повел. Неподходящее зрелище для нормальных людей, а уж для ребенка и подавно.

— Но я ничего не видел, — пискнул Сэмюэл. — Ты же пригнул мне голову.

— Вот и хорошо, что не видел.

— А что там происходило?

— Что ж, придется тебе объяснить. Там казнили мерзкого человека.

— Золотоволосого?

— Да. И не стоит о нем жалеть. Его следовало убить. Он совершил столько страшных преступ-

лений, на которые способен разве что изверг рода человеческого. И печалит меня не то, что его повесили, а что люди устроили из казни веселое представление, когда подобные деяния должны вершиться втайне, а не выставляться на всеобщее обозрение.

— Я видел Золотоволосого. Он смотрел прямо на меня.

— Тем более следует возблагодарить Господа, что он избавил нас от этого чудовища.

— А что он совершил?

— Его преступления чудовищны, и рассказывать о них не стоит.

— Ни у кого не встречал таких странных глаз. Словно у козы.

— Допивай-ка лучше молоко, а потом я куплю тебе палочку с лентами и длинный серебряный свисток.

— А блестящую коробочку с картинкой?

— Ладно уж, куплю. Пей молоко и больше ничего не клянчи.

Вот какие воспоминания откопал Сэмюэл в покрытом толстым слоем многолетней пыли прошлом.

Акафист, спотыкаясь о камни, преодолевал последний холм, с вершины которого была видна

лощина и ранчо Гамильтонов.

«Да, разумеется, все дело в глазах, — подумал Сэмюэл. — Только дважды в жизни я видел такие странные глаза, в которых нет ничего человеческого. А может быть, во всем виноваты ночь и яркая луна на небе? Ну скажите на милость, какая связь между золотоволосым злодеем, повешенным много лет назад, и прелестной хрупкой женщиной, ожидающей ребенка? Нет, Лайза определенно права: безудержная фантазия увлечет меня прямиком в геенну огненную. Надо выбросить эту чушь из головы, а то так и буду искать в этом невинном дитя источник всех зол. Вот так и попадаешь в ловушку, расставленную собственным воображением. А теперь обдумай еще раз все хорошенько и забудь. Может быть, необычен разрез глаз или цвет? Нет, все дело во взгляде, а форма и цвет тут ни при чем. Так что же в ее взгляде зловещего? Разве не может быть такой же взгляд на лике святого? Все, хватит фантазировать, и больше никогда не забивай себе голову подобными глупостями. — Сэмюэл зябко поежился. — Нельзя давать воли черным мыслям», — напоследок решил он.

Дабы искупить вину за непотребные мысли, Сэмюэл дал себе слово всеми силами способство-

вать созданию райского сада в Салинас-Вэлли.

2

Утром Сэмюэл зашел на кухню и застал там Лайзу, которая с грозным видом расхаживала перед печью, словно загнанный в клетку леопард. Круглые, похожие на спелые яблоки щеки жены горели гневным румянцем. Вьюшка была открыта, и в растопленной печи гудел огонь, разогревая духовку для выпечки хлеба. Белые караваи подходили на противнях в ожидании своего часа. Лайза, как обычно, встала еще до рассвета. Валяться в постели после восхода солнца считалось таким же грехом, как и прогулки после заката, так как в обоих случаях наносился удар по добродетели. Лишь одному человеку на свете разрешалось безнаказанно нежиться на хрустящих отутюженных простынях, когда солнышко уже вовсю светило на небе, а утро приближалось к полудню. Этим счастливцем был младшенький Джо. Из всех детей на ранчо с родителями жили только Том и Джо. Рослый рыжеволосый Том, уже успевший отрастить красивые пышные усы, сидел за столом, предварительно опустив и застегнув рукава рубашки, как того требовали

хорошие манеры. Лайза лила из ковшика тесто на раскаленную сковородку, и оладьи разбухали на глазах, словно взбитые подушки, образуя по всей поверхности извергающиеся вулканы, постепенно застывающие в кратеры. Вот тогда Лайза переворачивала их на другую сторону. Готовые оладьи манили аппетитной золотистой корочкой с коричневатыми разводами, наполняя кухню соблазнительным сладким ароматом.

Сэмюэл зашел в дом со двора. Он уже успел умыться, и на лице и бороде поблескивали капельки воды. Прежде чем появиться на кухне, он опустил рукава синей рубашки. В доме миссис Гамильтон не позволялось садиться за стол с закатанными рукавами. Подобное безобразие разоблачало либо полного невежу, либо человека, умышленно пренебрегающего хорошими манерами.

— Матушка, я малость задержался, — начал Сэмюэл, но жена даже не удостоила его взглядом. Лопаточка сновала в ее руках со скоростью бросающейся на несчастную жертву змеи, и горячие оладьи с шипением шлепались белыми боками на сковородку.

— И когда же ты вернулся домой? — поинтересовалась наконец Лайза.

— Ох, очень поздно, часов в одиннадцать. Я не посмотрел, боялся тебя разбудить.

— Меня ты не разбудил, — с мрачным видом заявила Лайза. — Ты, наверное, решил, что рыскать всю ночь невесть где — вполне достойное занятие для приличного человека, а вот Господь Бог думает иначе и поступит с грешником, как он того заслуживает. — Все знали, что Лайза и Господь Бог придерживаются одинаковых убеждений по большинству вопросов. Повернувшись к сыну, она поставила перед ним тарелку, полную горячих хрустящих оладий. — Ну и что делается в поместье Санчеса? — обратилась Лайза к мужу.

Сэмюэл подошел к жене и, наклонившись с высоты своего немалого роста, поцеловал в румяную круглую щечку.

— Доброе утро, матушка. Благослови меня.

— Благослови Господь, — машинально откликнулась Лайза.

Сэмюэл сел за стол и, благословив сына, сообщил:

— Мистер Траск задумал большие перемены. Перестраивает старый дом. Хочет приспособить его для жилья.

Лайза тут же оторвалась от плиты:

— Тот, где годами жили коровы и свиньи?

— Ну, он перестелил полы, заменил оконные рамы. Все новенькое, свежевыкрашенное.

— Свинячий дух ничем не истребить, — не допускающим возражений тоном заявила Лайза. — Эту вонь не вывести ни водой, ни краской.

— Матушка, но я же заходил внутрь, осмотрел весь дом и ничего не почувствовал, кроме запаха свежей краски.

— А когда краска высохнет, снова будет пахнуть свиньями, — настаивала Лайза.

— Он разбил сад, провел по нему ручей и подготовил место для цветника. Собирается выращивать розы и прочие цветы. Некоторые кустарники выписал из Бостона.

— И как только Господь допускает подобные безумства, — с суровым видом заявила Лайза. — Я тоже люблю розы, но чтобы вот так швырять деньги на ветер…

— Он обещал и мне дать пару черенков, — похвастался Сэмюэл.

Том уже доел оладьи и помешивал ложечкой кофе.

— Отец, а что собой представляет мистер Траск?

— По-моему, замечательный человек. Светлая голова, говорит складно. Вот только слишком уж

любит помечтать…

— Чья бы корова мычала, — оборвала мужа Лайза.

— Ты права, матушка, права. А не приходило тебе в голову, что мои мечты восполняют все, чего не хватает в жизни, а мистер Траск мечтает о реальных вещах и к тому ж располагает солидными средствами для их осуществления. Он хочет превратить свою землю в цветущий сад, и, пожалуй, ему это удастся.

— А какая у него жена?

— Ну, как тебе сказать… совсем молоденькая и очень красивая. Все больше молчит. Так, обронила несколько слов. Впрочем, оно и понятно, ведь ей скоро рожать… Первый ребенок.

— Мне это известно. А какую она прежде носила фамилию?

— Не знаю.

— А откуда родом?

— Понятия не имею.

Лайза поставила перед мужем тарелку с оладьями и налила в чашку кофе ему и Тому.

— А что ты вообще знаешь? Как она одета?

— Очень красиво. Синее платье, коротенькая розовая жакетка, правда, немного тесновата в талии.

— Да уж, тут у тебя глаз наметанный. Как думаешь, ее наряды из магазина или шила сама?

— Пожалуй, их купили в магазине.

— А вот в этом ты совсем не разбираешься, — твердо заявила Лайза. — Ты ведь решил, что дорожный костюм, в котором Десси поехала в Сан-Хосе, куплен в магазине.

— Десси умница и такая рукодельница. В ее руках иголка творит чудеса.

— Десси собирается открыть швейную мастерскую в Салинасе, — вмешался в разговор Том.

— В Салинасе? — переспросила Лайза, воинственно подбоченившись. — А вот мне Десси ничего не сказала.

— Похоже, Том, мы оказали твоей сестричке медвежью услугу, — смущенно заметил Сэмюэл. — Она-то собиралась сделать матери сюрприз, а мы по глупости все выболтали. Посыпалось, как из прогрызенного мышами мешка с зерном.

— Могла бы и поделиться с матерью, — возмутилась Лайза. — Терпеть не могу сюрпризы. Ну ладно, рассказывай дальше. Чем она занималась?

— Кто?

— Разумеется, миссис Траск, кто же еще?

— Чем занималась? Сидела в кресле под дубом.

Ведь ей скоро рожать.

— А руки, Сэмюэл, чем у нее были заняты руки?

Сэмюэл порылся в памяти:

— По-моему, ничем. Помнится, ручки у нее такие изящные… Она сложила их на коленях.

— И что, ничего не шила, не вязала и не штопала? — неодобрительно фыркнула Лайза.

— Нет, матушка.

— Я так думаю, не след тебе туда ездить. Богатство и праздность — орудия сатаны, а ты не отличаешься стойкостью и падок на разные соблазны.

Сэмюэл весело расхохотался. Порой жена приводила его в восхищение, но Сэмюэл не сумел бы объяснить ей причину своего восторга.

— Я поеду туда исключительно за богатством, Лайза. Я хотел поговорить с тобой после завтрака, чтобы у тебя было время меня выслушать. Мистер Траск хочет, чтобы я пробурил на его земле четыре или пять колодцев, а возможно и построил ветряные мельницы и соорудил баки для хранения воды.

— А это не пустая болтовня? Ты говоришь о мельницах, которые крутит вода? Он заплатит за работу, или, как всегда, будешь оправдывать-

ся? «Ах, он расплатится, когда соберет урожай. Когда умрет богатый дядюшка», — передразнила она мужа. — Я-то знаю, да и тебе пора понять, что если человек не расплачивается сразу, то не заплатит вовсе. Тебе столько всего обещали, что давно можно было купить ферму в долине.

— Адам Траск заплатит. Он богатый человек, — заверил Сэмюэл. — Отец оставил ему целое состояние. Матушка, работы там хватит на всю зиму. Скопим денег и закатим пир на Рождество. Мы договорились, за колодцы он заплатит по пятьдесят центов за фут, а за мельницы — отдельно. Матушка, ведь я могу все изготовить прямо здесь, кроме опалубки. Но мальчикам придется мне помогать. Хочу взять с собой Тома и Джо.

— Джо не поедет, — заявила Лайза. — Ты же знаешь, он слаб здоровьем.

— Я вот и подумал, что надо бы ему здоровье укрепить, а то с такими нежностями помрет с голоду.

— Джо не отпущу, — отрезала Лайза. — Кто будет работать на ранчо, когда вы с Томом уедете?

— Я хотел попросить Джорджа вернуться на ферму. Работа клерка ему не по душе, даже и в Кинг-Сити.

— Ну и что? За восемь долларов в неделю мож-

но и потерпеть.

— Матушка, — взмолился Сэмюэл, — наконец-то у нас появился шанс нацарапать свою фамилию на чеке Национального банка! Не воздвигай же своими словами преграду на пути у милостивой судьбы. Сжалься, матушка!

Лайза все утро, занимаясь домашними делами, что-то тихо ворчала себе под нос, а Сэмюэл с Томом проверяли бурильную установку, затачивали резцы, чертили наброски ветряных мельниц новой конструкции, вымеряли бревна и доски из красного дерева для баков с водой. Ближе к полудню к ним присоединился Джо и так увлекся этим занятием, что стал упрашивать отца взять его с собой.

— Сразу скажу, Джо, я — против, — заявил Сэмюэл. — Ты нужен матери на ранчо.

— Но, отец, мне так хочется поехать. Ведь на следующий год я все равно буду учиться в колледже в Пало-Альто и уеду из дома, верно? Пожалуйста, возьми меня с собой. Обещаю хорошо работать. Ты не пожалеешь.

— Не сомневаюсь. И все равно я против. А когда ты заговоришь об этом с матерью, буду очень признателен, если ты между делом ей об этом намекнешь. Даже можешь прямо сказать, что я

отказываюсь взять тебя к мистеру Траску.

Джо хитро усмехнулся, а Том весело расхохотался.

— А потом ты позволишь матушке себя уговорить? — спросил сквозь смех Том.

Сэмюэл метнул на сыновей сердитый взгляд:

— Я своих слов на ветер не бросаю, и если что решил, уже не передумаю. Этот вопрос я обмозговал со всех сторон, и вот вам мое слово: Джо с нами не поедет. Вы ведь не хотите выставить отца лжецом, верно?

— Пойду и прямо сейчас с ней поговорю, — заявил Джо.

— Только не переусердствуй, сынок! — крикнул вдогонку Сэмюэл. — Действуй по-умному. Пусть матушка сама решит, а я буду упрямиться изо всех сил.

Два дня спустя от ранчо Гамильтонов отъехал большой фургон, нагруженный досками, бревнами и различным инструментом. Том правил четверкой лошадей, а рядом с ним, болтая ногами, сидели Сэмюэл и Джо.

Глава 17
1

Называя Кэти чудовищем, я и сам в это верил. Но теперь, когда, склонившись с лупой над напечатанной мелким шрифтом книгой ее жизни, я перечитал все сноски, такая уверенность исчезла. Дело в том, что, не понимая, чего добивалась Кэти, мы никогда не узнаем, удалось ли ей получить желаемое. А если она никуда не стремилась, а, наоборот, хотела убежать от неведомой угрозы, все равно не понять, сумела ли она спастись. Кто знает, возможно, она пыталась объяснить людям, что представляет собой в действительности, но не могла из-за отсутствия общего языка. Наверное, ее сущность выражалась грамотным и богатым, но не доступным для понимания окружающих языком поступков. Легче всего говорить, что Кэти была порочной. Такое утверждение не имеет смысла, пока не прояснится причина.

В своем воображении я создал образ Кэти. Она на время смирилась и дожидается разрешения от бремени на постылой ферме в компании нелюбимого мужа.

Кэти целыми днями сидела в кресле под дубом, и ее сжатые в замок руки словно защищали друг друга. Она сильно поправилась, и ее грузность казалась чрезмерной даже по тем временам, когда женщины гордились крупными младенцами и радовались каждому фунту, набранному во время беременности. Огромный, выпирающий вперед тяжелый живот изуродовал фигуру, и Кэти могла стоять, только опершись на что-нибудь руками. Но в остальном она не изменилась: плечи, шея, лицо и руки оставались по-девичьи изящными и тонкими. Грудь совсем не увеличилась, соски не потемнели, будто ее тело не готовилось к вскармливанию младенца. Когда Кэти сидела за столом, беременности и вовсе не было заметно.

В то время беременным женщинам не измеряли ширину таза, не делали анализ крови и не прописывали кальций. За каждого ребенка женщина расплачивалась потерей одного зуба, и это считалось вполне естественным. А еще у беременных появлялись разные причуды в еде, и порой их тянуло на разную дрянь. Считалось, что это наказание за первородный грех Евы.

По сравнению с другими беременными женщинами капризы Кэти не отличались экстравагантностью. Плотники, ремонтировавшие старый

дом, постоянно жаловались на пропажу мела, которым они пользовались для разметки. Крупные шероховатые бруски то и дело бесследно исчезали. Кэти воровала мел и дробила на мелкие кусочки, которые носила в кармане передника, а когда поблизости никого не было, разгрызала их и ела. Говорила Кэти мало, взгляд стал отстраненным, будто она жила в другом мире, оставив вместо себя куклу, чтобы ее отсутствие не бросалось в глаза.

А вокруг кипела бурная жизнь. Адам с упоением строил свой Эдем и предавался мечтам. Сэмюэл с сыновьями пробурили скважину на глубину сорока футов и установили в колодце новомодную металлическую обсадную трубу, которая стоила бешеных денег, так как Адам хотел получить все самое лучшее.

Гамильтоны перенесли бурильную установку и приступили к новой скважине. Спали они здесь же, в палатке, а еду готовили на костре. Каждый день один из них ездил домой, то за инструментом, то с весточкой для Лайзы.

Адам метался, как пчела, сбитая с толку изобилием цветов. Сидя рядом с Кэти, он рассказывал о только что присланных корешках ревеня, чертил эскиз крыла ветряной мельницы, которое изоб-

рел Сэмюэл. Такая конструкция позволяла менять угол наклона и по тем временам представляла собой неслыханное чудо. Потом он скакал верхом к скважине и своими вопросами отвлекал Гамильтонов от работы. С Кэти Адам обсуждал строительство колодцев, и вполне естественно, что, склонившись над этим самым колодцем, он говорил исключительно о родах и беременности. Для Адама наступило лучшее время в жизни, которая открылась во всей красе, и он чувствовал себя хозяином этих бескрайних просторов. А тем временем лето переходило в жаркую, наполненную сладкими ароматами осень.

2

На буровой площадке Гамильтоны только что скромно отобедали испеченным Лайзой хлебом с дешевым сыром, запив трапезу горьким как отрава кофе, сваренным в жестянке на костре. У Джо слипались глаза, и он прикидывал, как бы половчее удрать в кусты и немного вздремнуть.

Сэмюэл, опустившись на колени в песок, рассматривал сломанные лопасти бура. Перед самым обедом на глубине тридцати футов бур наткнулся на что-то твердое и раскрошился, будто был

не стальным, а свинцовым. Сэмюэл поскоблил перочинным ножом резец и высыпал крошки на ладонь. С горящими детским восторгом глазами он передал крошки Тому:

— Посмотри-ка, сынок. Как думаешь, что это такое?

Расположившийся перед палаткой Джо лениво поднялся с места. Том рассматривал лежавшие на ладони кусочки.

— Что-то очень твердое, — задумчиво сказал он, — но не алмаз. Алмазы такими крупными не бывают. Похоже на металл. Уж не паровоз ли здесь закопали?

Сэмюэл рассмеялся.

— Подумать только, на глубине тридцати футов! — радостно воскликнул он.

— Похоже на инструментальную сталь, — заметил Том. — А нам и проверить нечем. — При виде мечтательно-восторженного выражения на лице отца Том почувствовал, как от радостного предвкушения по телу пробежала дрожь. Дети Гамильтонов любили, когда отец отпускал фантазию в свободный полет, наполняя мир невероятными чудесами.

— Говоришь, металл. По-твоему, это сталь. Знаешь, Том, я попробую угадать, а потом возьмем

пробу. А теперь послушай, что я скажу, и запомни. Думаю, в составе этого вещества есть никель и, возможно, серебро, углерод и марганец. Как же хочется откопать эту штуку и вытащить наверх! Она лежит в морском песке. Мы как раз до него добрались.

— Никель и серебро, — задумчиво повторил Том. — Ну и что же это такое?

— Должно быть, это случилось много тысяч лет назад, — начал Сэмюэл, и сыновья знали, что отец отчетливо видит описываемую картину. — Возможно, здесь было море, и над ним с криком кружили разные морские птицы. Если все произошло ночью, зрелище было потрясающе красивым. Сначала мелькнула белая вспышка света, вытягиваясь в длинный луч, который превратился в ослепительный фейерверк, прочертивший на небесах огненную дугу. Огромный фонтан воды взметнулся вверх, и выросло похожее на гигантский гриб облако пара. В тот миг, когда море взорвалось, раздался оглушительный рев и грохот, а потом мир снова погрузился в темноту, и после ослепительного блеска ночь казалась еще чернее. Потом на поверхность всплыла мертвая рыба, отливая серебром в свете звезд, и птицы стали с криками слетаться на

нежданное угощение. Прекрасное и печальное зрелище, верно?

Как всегда, Сэмюэл нарисовал яркую картину, и сыновья будто все увидели своими глазами.

— Значит, ты думаешь, это метеорит? — тихо спросил Том.

— Да, и пробы подтвердят мою догадку.

— Давай его откопаем, — сгорая от нетерпения, предложил Джо.

— Вот ты и копай, Джо, а мы займемся колодцем.

— Если анализ подтвердит достаточное содержание никеля и серебра, может, стоит начать разработку? — с серьезным видом предложил Том.

— Ты, сынок, весь в меня, — с довольным видом заметил Сэмюэл. — Только ведь мы не знаем размера метеорита. Может, он величиной с большой дом, а может, уместится в шапке.

— Но можно сделать предварительные замеры.

— Можно, если будем действовать тайно и не проговоримся.

— А в чем, собственно, дело?

— Пожалей мать, Том. Ей, сынок, и так с нами полно хлопот. Она ясно дала понять, что, если

я истрачу на патенты хоть доллар, будет грандиозный скандал. Так помилосердствуй, Том! Представь, как ей будет стыдно, когда люди спросят, чем мы занимаемся. Ведь твоя мать лгать не умеет, вот и придется сказать правду: они, мол, откапывают звезду. — Сэмюэл весело рассмеялся. — Такого позора ей не пережить, да и нам не поздоровится. Три месяца пирогов не увидим.

— Мы не сможем пробурить метеорит, — сказал Том. — Придется переносить колодец в другое место.

— Положу туда взрывчатку, — объяснил отец, — а если не поможет, начнем бурить новую скважину. — Он поднялся на ноги. — Придется съездить домой за взрывчаткой и заточить бур. Почему бы и вам, мальчики, не присоединиться ко мне? Сделаем матери сюрприз. Весь вечер будет стоять у плиты, готовить еду и ворчать. Так она скрывает свою радость.

— К нам кто-то едет, и очень торопится, — сообщил Джо.

И действительно, они увидели скачущего во весь опор всадника, но выглядел он весьма странно, болтаясь в седле, как связанная за ноги курица. Когда он подъехал ближе, Гамильтоны узнали Ли. Китаец, расставив в стороны локти,

размахивал ими, как крыльями, черная коса извивалась в воздухе подобно змее. Удивительно, как ему вообще удалось удержаться в седле, да еще скакать карьером. Тяжело дыша, он натянул поводья, заставляя лошадь остановиться.

— Мисси Адам плосил плиеззай! Мисси Кэти плохо, плиеззай быстло. Мисси клитит, платет.

— Погоди, Ли, — прервал речь китайца Сэмюэл, — когда это началось?

— Думай за завтлаком.

— Хорошо. А теперь успокойся и скажи, как там Адам?

— Мисси Адам совсем сумаседсий. Плакай, хохотай, блюй.

— Ну, обычное дело. Ох уж эти молодые папаши! Когда-то и я был таким. Том, будь другом, оседлай-ка мне лошадь.

— Что там случилось? — спросил Джо.

— У миссис Траск начались роды, а я обещал Адаму помочь ей.

— Ты? — удивился Джо.

Сэмюэл с серьезным видом посмотрел на младшего сына.

— Вы оба появились на свет с моей помощью, и пока нет повода думать, что я оказал миру плохую услугу. Том, собери инструменты, езжай

домой и наточи бур. Привезешь сюда ящик с взрывчаткой, он стоит на полке в кладовой. Да смотри поосторожнее, если не хочешь лишиться рук или ног. А ты, Джо, останешься здесь, присмотришь за вещами.

— И что я тут буду один делать? — жалобно заныл Джо.

Мгновение помолчав, Сэмюэл обратился к сыну с вопросом:

— Скажи, Джо, ты меня любишь?

— Конечно, отец. А что?

— Если бы ты узнал, что я совершил тяжкое преступление, сдал бы ты меня полиции?

— О чем ты говоришь, отец?!

— Ответь, сдал бы?

— Нет.

— Вот и славно. В моей корзинке под бельем найдешь две книги. Да смотри поаккуратнее, они совсем новые. Этот труд в двух томах написал человек, к которому мир должен прислушаться. Если хочешь, можешь почитать, это тебя хоть немного просветит. Называется труд «Принципы психологии», а написал его Уильям Джеймс, он с северо-востока страны и не имеет ничего общего с грабителем поездов Джесси Джеймсом. И вот еще что, Джо, если ты хоть словом обмолвишься

кому-нибудь о книгах, я выгоню тебя из дома. А если твоя мать узнает, сколько я за них отдал денег, из дома придется убираться мне.

— А можно потом и мне почитать? — спросил Том, подводя к отцу оседланную лошадь.

— Можно, — разрешил Сэмюэл, легко вскакивая в седло. — Поехали, Ли.

Китаец хотел пустить лошадь в галоп, но Сэмюэл его остановил:

— Не волнуйся, Ли. Роды — совсем не такое быстрое дело, как тебе кажется.

Некоторое время они не разговаривали, но потом Ли нарушил молчание:

— Жаль, что вы потратились на книги. У меня есть сокращенный вариант этого труда в одном томе. Наподобие учебника. Я бы дал его вам почитать.

— Правда? И много у тебя книг?

— Здесь не слишком много. Тридцать или сорок. Можете взять любую, которую захотите почитать.

— Спасибо, Ли. Не сомневайся, загляну к тебе при первой же возможности. Да, кстати, с моими сыновьями можешь разговаривать нормально. Джо немного ветреный, а вот Том — парень толковый, и ему будет полезно с тобой побеседовать.

— Знаете, мистер Гамильтон, трудно преодолеть барьер при разговоре с малознакомыми людьми. Я робею. Но раз вы советуете, попробую.

Подстегнув лошадей, они направились к лощине, где находился дом Трасков.

— Скажи, Ли, а как себя ведет будущая мать?

— Пожалуй, будет лучше, если вы посмотрите сами и сделаете свои выводы, — уклончиво ответил Ли. — Видите ли, когда человек проводит так много времени в одиночестве, вот как я, его порой посещают странные и даже нелепые мысли. А все из-за отсутствия нормального общения.

— Понимаю. Но я-то не одинок, а в мыслях царит полный сумбур. Хотя, возможно, и по другому поводу.

— Стало быть, вы тоже считаете, что дело не в моих фантазиях?

— Не знаю, что ты имеешь в виду, но чтобы ты успокоился, скажу: меня действительно одолевают странные чувства.

— Вот и со мной так, — улыбнулся Ли. — Хотите, расскажу, куда меня завело воображение? С того момента, как я здесь поселился, все время вспоминаю китайские сказки, что рассказывал отец. У нас, китайцев, в легендах присутствует множество злых духов и демонов.

— Так ты думаешь, миссис Траск демон?

— Разумеется, нет. Я не настолько глуп, чтобы верить в подобную ерунду. Не знаю, как объяснить. Понимаете, мистер Гамильтон, у слуги развивается особая способность, с помощью которой он чувствует обстановку и настроение в доме. А тут явно творится что-то странное. Вот почему мне и вспомнились отцовские сказки о демонах.

— А твой отец верил в злых духов?

— Нет, но он считал, что мне следует знать предания своего народа. Ведь и в вашей западной культуре существует множество мифов.

— Скажи, что тебя так насторожило? Я говорю о сегодняшнем утре.

— Откажись вы поехать, я бы попробовал объяснить, а так лучше помолчу. Сами увидите. Может быть, я сошел с ума. Разумеется, у мистера Адама нервы на пределе, того гляди лопнут, как струна на банджо.

— Ну тогда хотя бы намекни. Это поможет сэкономить время. Что же она такого сделала?

— В том-то и дело, что ничего, мистер Гамильтон. Мне и раньше доводилось присутствовать при родах, и не раз, но здесь я столкнулся с чем-то совершенно новым и непонятным.

— Как тебя понимать?

— Ну, как вам сказать… На ум приходит только одно сравнение: это больше напоминает не роды, а жестокую битву не на жизнь, а на смерть.

Они въехали под тень дубов, росших в лощине.

— Как-то муторно на душе, — признался Сэмюэл. — Надеюсь, наш разговор здесь ни при чем. Странный какой-то сегодня день, Ли. А почему — не знаю.

— Нет ветра, — откликнулся китаец. — За целый месяц первый день после полудня не поднялся ветер.

— Верно. Я сегодня так увлекся самыми разными делами, что не обратил внимания на погоду. Сначала мы нашли погребенную в недрах земли звезду, а сейчас собираемся принять из материнского лона новое человеческое существо. — Он посмотрел сквозь ветви дубов на залитые солнечным светом холмы. — Замечательно появиться на свет в такой чудесный день! Если верить приметам, на свет появится человек со счастливой судьбой. Послушай, Ли, если Адам не прикидывается и правда так нервничает, он будет только помехой. Ты не уходи, ладно? На случай если мне что-нибудь понадобится. Посмотри-ка, плотники отдыхают под деревом.

— Мистер Адам приказал остановить работу, так как считает, что стук молотков будет беспокоить его жену.

— Понятно. Останься со мной, Ли, — повторил свою просьбу Сэмюэл. — Похоже, Адам не прикидывается. Бедняге невдомек, что его жена ничего не услышит, даже если Господь Бог надумает отбивать чечетку на небесах.

Расположившиеся под деревом плотники помахали Гамильтону рукой:

— Как жизнь, мистер Гамильтон? Здорово ли семейство?

— Слава богу, все в порядке. Кого я вижу? Уж не Кролика ли Холмана? Где же тебя носило, Кролик?

— Отправился добывать золото, мистер Гамильтон.

— Ну и как, Кролик? Нашел что-нибудь?

— Ох, мистер Гамильтон, какое там. Своего мула и того потерял.

Сэмюэл и Ли поехали к дому.

— Как выдастся свободная минутка, хочу вам кое-что показать, — обратился китаец к Гамильтону.

— Интересно, что это, Ли?

— Ну, я тут пытался переводить на английский

язык отрывки из древней китайской поэзии. Только не знаю, возможно ли это. Хотите взглянуть?

— Конечно, Ли. Ты мне доставишь огромное удовольствие.

3

Белый каркасный дом Бордони стоял с опущенными шторами, погруженный в тишину, словно глубоко задумавшись. Спешившись у крыльца, Сэмюэл отвязал раздувшуюся переметную суму и передал поводья Ли. Он постучал в дверь, но, не получив ответа, зашел в дом. После яркого дневного света гостиная казалась окутанной мраком. Сэмюэл заглянул на кухню, выдраенную до блеска стараниями Ли. Сзади на плите пыхтел серый керамический кофейник. Сэмюэл тихонько постучал в дверь спальни и зашел внутрь.

В комнате стояла кромешная тьма, так как поверх опущенных штор окна занавесили одеялами, тщательно подогнутыми по краям. Кэти лежала на широкой кровати с пологом, а Адам сидел рядом, закрыв лицо руками. Услышав шаги, он поднял голову и посмотрел на дверь невидящим взглядом.

— Почему вы сидите в темноте? — ласково спросил Сэмюэл.

— Кэти попросила. От света у нее болят глаза, — хриплым голосом ответил Адам.

Сэмюэл прошел в комнату, с каждым шагом действуя все более уверенно.

— Без света нельзя, — заявил он. — Миссис Траск может закрыть глаза. Если хочет, можно воспользоваться черной повязкой.

Подойдя к окну, он ухватился за край одеяла, намереваясь снять его с окна, но Адам ухватил его сзади за плечи и злобно прохрипел:

— Не трогайте! Свет причиняет ей боль.

— Послушайте, Адам, я понимаю ваши чувства, — твердым голосом сказал Сэмюэл. — Я обещал помочь, и все будет хорошо, только избавьте меня от необходимости возиться еще и с вами. — Он снял с окна одеяло, поднял шторы, и комнату залил золотистый послеполуденный свет.

С кровати донесся похожий на мяуканье звук, и Адам бросился к жене:

— Милая, закрой глаза. Хочешь, я принесу повязку?

Сэмюэл бросил сумку в кресло и встал у кровати.

— Адам, будьте добры, выйдите из спальни и подождите в другой комнате, — потребовал Сэмюэл.

— Зачем? Я так не могу.

— А я не хочу, чтобы вы путались под ногами и мешали. И вообще всегда считалось, что в подобных случаях человеку полагается напиться. Милое дело.

— Не могу.

— Послушайте, Адам, меня трудно разозлить, а заслужить мое презрение еще труднее, но подозреваю, вы преуспели и в том и в другом. Либо вы немедленно выйдете из комнаты и прекратите мне мешать, либо уйду я, и вот тогда у вас действительно будет куча неприятностей.

Адам наконец внял уговорам и вышел из спальни, а Сэмюэл, высунувшись в коридор, крикнул вдогонку:

— Что бы ни услышали, не вздумайте ворваться в спальню! Ждите, пока я сам выйду. — Он закрыл дверь и, заметив в замочной скважине ключ, повернул его. — Совсем нервы сдали. Не может с собой совладать, — обратился Сэмюэл к Кэти. — Муж вас любит.

Только сейчас он рассмотрел роженицу и прочел в ее взгляде дикую звериную ненависть.

— Скоро все закончится, милочка. А теперь скажите, воды уже отошли?

На Сэмюэла смотрели горящие злобой глаза, верхняя губа Кэти поднялась, обнажая в оскале мелкие зубы. Она явно не желала отвечать на вопросы Сэмюэла.

Он пристально посмотрел на роженицу:

— Я ведь приехал не ради собственной прихоти, а оказать помощь, как и полагается хорошим друзьям. И мне, голубушка, не доставляет радости возиться с вами. Не знаю, в чем ваше горе, да и знать не желаю. Возможно, мне по силам облегчить ваши муки. Хочу задать еще один вопрос, и если вы не ответите и будете смотреть на меня зверем да скалиться, я уйду, и валяйтесь в одиночестве сколько душе угодно.

Слова Сэмюэла пробились в сознание Кэти, как упавшие в воду свинцовые дробинки. Она сделала над собой усилие, и, наблюдая, как меняется ее лицо, у Сэмюэла мороз пробежал по коже. Глаза утратили стальной блеск, а сжатые в тонкую линию губы сложились бантиком с трогательно приподнятыми вверх уголками. Кулаки разжались, открывая взору розовые ладошки и тонкие пальчики, а лицо выглядело по-детски невинным. Ни дать ни взять, юная женщина,

мужественно претерпевающая родовые муки. Удивительное преображение напоминало мгновенную смену картинок в волшебном фонаре.

— Воды отошли на рассвете, — кротко прошептала Кэти.

— Так-то лучше. Сильные схватки были?

— Да.

— Когда в последний раз?

— Не знаю.

— Так, я уже сижу с вами четверть часа.

— Дважды начинались слабые схватки, а сильных после вашего прихода не было.

— Прекрасно. Где у вас чистое белье?

— Вон там, в корзине.

— Не бойтесь, милая, все будет хорошо, — ласково ободрил Сэмюэл.

Открыв сумку, он извлек толстую веревку, обшитую синим бархатом, с петлями по обоим концам. Бархат пестрел множеством вышитых розовых цветочков.

— Лайза прислала вам эту веревку, чтобы облегчить потуги, — обратился он к роженице. — Сшила ее, когда мы ждали первенца. Она помогла появиться на свет множеству младенцев и в нашей семье, и у друзей. — Он накинул петли на два столбика в изножье кровати.

Неожиданно взгляд Кэти остекленел, спина выгнулась дугой, а к щекам прилила кровь. Сэмюэл ждал, что она закричит, и бросил тревожный взгляд на запертую дверь. Однако криков не последовало, вместо них с кровати доносилось лишь сдавленное повизгивание. Спустя пару секунд тело роженицы расслабилось, а лицо снова исказила злоба.

Почти сразу же схватка повторилась.

— Вот и умница, — успокоил Сэмюэл. — Схватка была одна или две? Я не разобрался. Чем чаще принимаешь роды, тем становится очевиднее, что в каждом случае они протекают по-разному. Пожалуй, мне пора вымыть руки.

Голова Кэти металась по подушке.

— Ну-ну, милая, уже недолго ждать. Скоро и ребеночек появится. — Сэмюэл положил руку на ее лоб, изуродованный темным шрамом. — Где же вы умудрились так поранить голову? — поинтересовался он.

Кэти резко вздернула голову, и острые зубы прокусили руку у самого мизинца. Сэмюэл закричал от боли и попытался высвободить руку, но она сомкнула зубы в мертвой хватке и все сильнее вгрызалась в руку, мотая головой, как фокстерьер, треплющий мешок. Сквозь стисну-

тые зубы слышалось визгливое рычание. Сэмюэл ударил Кэти по лицу, но это не возымело должного действия. Тогда, руководимый инстинктом, он поступил с ней, как с сорвавшейся с цепи собакой: сжал свободной рукой горло, перекрыв воздух. Кэти отчаянно сопротивлялась, дергаясь всем телом, но в конце концов разжала челюсти. На руке зияла рваная рана, из которой лилась кровь. Отступив от кровати, Сэмюэл осмотрел искусанную руку и перевел испуганный взгляд на роженицу. Ее лицо снова было безмятежным и по-юношески невинным.

— Простите, — пробормотала она. — Ради бога, простите.

Сэмюэла передернуло.

— Это я от боли, — оправдывалась Кэти.

— Пожалуй, придется надеть на вас намордник, — морщась от боли, усмехнулся Сэмюэл. — Со мной уже случалось подобное, когда я принимал роды у суки колли. — Глаза роженицы снова загорелись ненавистью, но тут же погасли. — Есть у вас чем смазать рану? — обратился к ней Сэмюэл. — Ведь по сравнению со змеями люди гораздо более ядовитые твари.

— Не знаю.

— Так, а виски у вас найдется? Можно обрабо-

тать рану виски.

— Во втором ящике, в комоде.

Он плеснул виски на окровавленную руку и прижал, чтобы не так щипало. Желудок свело спазмом, а глаза застилало туманом. Чтобы прийти в себя, Сэмюэл выпил глоток виски. Смотреть на кровать было страшно.

— Ну вот, теперь от этой руки мало толку, — посетовал он.

Впоследствии Сэмюэл рассказывал Адаму: «У нее вместо костей точно китовый ус. Я и глазом моргнуть не успел, как она уже родила. Младенец вылетел, как косточка из вишни. Даже вода еще не нагрелась, чтобы его обмыть. Вашей жене и веревка не понадобилась. И правда вместо костей китовый ус».

Выглянув в коридор, Сэмюэл позвал Ли и приказал принести теплой воды. В этот момент в спальню ворвался Адам.

— Мальчик! — радостно воскликнул Сэмюэл. — У вас родился сын. Роды прошли легко, — успокоил он Адама, который при виде окровавленного белья позеленел.

— Позовите Ли, — попросил Сэмюэл. — А сами, если, конечно, способны управлять своим телом, ступайте на кухню и сварите мне кофе.

И проверьте, чтобы лампы были вычищены и заправлены маслом.

Адам повернулся и, пошатываясь, словно оживший мертвец, вышел из комнаты. Вскоре на помощь Сэмюэлу пришел Ли.

— Оботри младенца теплой водой. — Сэмюэл показал на сверток в корзине для белья. — Да смотри, чтобы сквозняком не продуло. Господи, как жаль, что нет Лайзы. Я не в силах за всем усмотреть.

Он повернулся к кровати:

— Сейчас и вас, голубушка, обмою. Наведу порядок.

Кэти снова изогнулась дугой, рыча от боли.

— Потерпите немножко. Сейчас выйдет послед. Быстро вы справились, даже Лайзина веревка не понадобилась. — Вдруг он заметил нечто странное и тут же принялся за работу. — Господь Всемогущий! Еще один ребенок!

Сэмюэл действовал ловко, и роды, как и в первый раз, закончились невероятно быстро. Он перевязал второму младенцу пуповину, а Ли обмыл ребенка, запеленал и положил в корзину.

Сэмюэл обмыл молодую мать и бережно передвинул ее, чтобы сменить постельное белье, поймав себя на мысли, что не хочет видеть ее

лицо. Он старался поскорее закончить работу, так как укушенная рука совсем онемела. Накинув на Кэти белую простыню, он приподнял ей голову, чтобы поменять подушку, и тут пришлось взглянуть на ее лицо.

Золотистые волосы слиплись от пота, а лицо словно окаменело и ничего не выражало. Только на шее пульсировала жилка.

— Вы родили двух сыновей, — сообщил Сэмюэл. — Младенцы замечательные и совсем не похожи друг на друга. Каждый родился в своей рубашке.

Глаза Кэти оставались холодными и не выражали интереса.

— Сейчас покажу вам мальчиков.

— Не надо, — равнодушным голосом откликнулась Кэти.

— Голубушка, разве вам не хочется взглянуть на сыночков?

— Нет. Они мне не нужны.

— Ну что вы. Это от усталости. Скоро все изменится. Должен сказать, в жизни не доводилось принимать такие легкие роды.

Кэти больше не смотрела на Сэмюэла.

— Они мне не нужны. Пусть снова занавесят окна. Свет мне мешает.

— Это все от усталости. Через пару дней забудете, что сейчас наговорили.

— Не забуду. Уходите и заберите детей. Пришлите ко мне Адама.

Сэмюэла поразил ее тон. В голосе не чувствовалось ни следа усталости или слабости. Не было в нем ни мягкости, ни доброты.

— Вы мне неприятны, сударыня, — непроизвольно вырвалось у Сэмюэла, и он тут же пожалел, что не может взять свои слова обратно, загнать их в тайный уголок сознания.

Однако Кэти словно их и не слышала.

— Пришлите Адама, — повторила она.

В маленькой гостиной Адам едва взглянул на сыновей, быстро прошел в спальню и захлопнул за собой дверь. В следующее мгновение послышался стук молотка — он снова приколачивал одеяла к окну.

Ли принес Сэмюэлу кофе.

— Скверный вид у вашей руки, — заметил китаец.

— Знаю. Боюсь, достанется мне с ней хлопот.

— Почему она вас укусила?

— Понятия не имею. Какая-то она странная.

— Мистер Гамильтон, позвольте полечить вашу руку, а то можно ее и потерять.

Сэмюэл совсем измучился от переживаний.

— Поступай как знаешь, Ли. Тоска сжала мне тисками сердце. Жаль, что я не ребенок, тогда можно было бы поплакать. Я слишком стар, чтобы поддаваться страху, но такого отчаяния не испытывал с тех пор, когда много лет назад стоял у ручья, а у меня в руках умерла птичка.

Ли вышел из комнаты и вскоре вернулся, держа в руках маленькую шкатулку из эбенового дерева, на которой были вырезаны извивающиеся драконы. Он сел рядом с Сэмюэлом и вынул из шкатулки треугольную китайскую бритву.

— Будет больно, — тихо предупредил Ли.

— Ничего, Ли. Я потерплю.

Врезаясь бритвой в руку, китаец кусал губы, понимая, какую страшную боль причиняет Сэмюэлу. Он распорол кожу вокруг оставшихся от зубов следов, срезал пораженную плоть и вычистил раны, пока из них не полилась здоровая красная кровь. Потом Ли взял бутылочку с этикеткой «бальзам Холла» и полил желтой эмульсией изрезанную ладонь. Смочив бальзамом носовой платок, он перевязал руку. Сэмюэл, морщась от боли, вцепился здоровой рукой в подлокотник кресла.

— Обычная карболовая кислота, — пояснил

Ли. — Чувствуете по запаху?

— Спасибо, Ли. Веду себя, как малое дитя. Сижу тут и корчусь.

— Окажись я на вашем месте, ни за что бы не вытерпел, — признался Ли. — Пойду принесу вам еще чашечку кофе.

Вскоре он вернулся с двумя чашками в руках и сел рядом с Сэмюэлом.

— Уйду я, пожалуй, отсюда, — сказал вдруг китаец. — Я не из тех, кто добровольно идет на скотобойню.

— Что ты имеешь в виду? — напрягшись всем телом, спросил Сэмюэл.

— Сам не знаю. Так, сорвалось с языка.

Сэмюэл зябко поежился:

— Ли, люди глупы. Раньше я как-то не задумывался, но, похоже, китайцы ничуть не умнее нас.

— Что же заставило вас в этом усомниться?

— Наверное, дело в том, что нам кажется, будто чужеземцы сильнее и лучше нас.

— Что вы хотите сказать, мистер Гамильтон?

— Возможно, глупость нужна человечеству. Взять все эти битвы с драконами, хвастовство, жалкая храбрость, с которой стремятся свергнуть с пьедестала Господа, и детский страх, превращающий сухое дерево на темной дороге в страшного

призрака. Может быть, все это и правда хорошо и необходимо, но…

— Что вы хотите сказать? — терпеливо повторил Ли.

— Я-то думал, только мне невесть каким ветром занесло в голову все эти глупости, но теперь по голосу понял, что и с тобой творится то же самое. Я вижу, как зло распростирает свои крылья над этим домом и надвигается ужас и тьма.

— И я чувствую то же самое.

— Знаю, и потому понимание собственной глупости не дарит привычного успокоения. Роды прошли слишком уж легко и быстро. Родила, будто кошка, и я боюсь за судьбу этих котят. В голову лезут страшные мысли и не дают покоя.

— Что вы хотите сказать? — в третий раз спросил Ли.

— Хочу, чтобы рядом была моя жена! — крикнул Сэмюэл. — Чтобы развеялись все фантазии, призраки и дурацкие мысли. Говорят, горняки берут с собой в шахту канареек, чтобы проверить, какой там воздух. Лайза чужда глупым фантазиям, и знаешь, Ли, уж если и она увидит привидение, значит, оно существует на самом деле, а не является плодом воображения. Если Лайза почует беду, надо закрывать двери на все

засовы.

Ли встал, подошел к корзинке и посмотрел на младенцев. За окном быстро смеркалось, и китайцу пришлось наклониться совсем близко.

— Спят, — прошептал он.

— Скоро начнут пищать. Ли, будь другом, запряги бричку и съезди ко мне на ранчо за Лайзой. Скажи, мне без нее не справиться. Если Том еще дома, пусть останется за хозяина, если нет — отправлю его завтра поутру. На случай если Лайза заупрямится, объясни, что нам позарез нужны женские руки и трезвый женский ум. Она поймет.

— Все исполню, как просите, — заверил Ли. — Может быть, мы нагоняем друг на друга страх, как запертые в темной комнате детишки.

— И мне такая мысль приходила в голову, — согласился Сэмюэл. — И вот еще что, Ли. Скажешь, что я поранил руку во время работы над колодцем. Ради всех святых, не проговорись.

— Зажгу лампы и тронусь в путь. Приезд вашей жены станет огромным облегчением для всех нас.

— Не сомневайся, Ли. Это уж точно. Лайза сумеет пролить свет на эту мрачную историю.

Ли уехал уже затемно, а Сэмюэл, взяв в левую

руку лампу, направился к спальне. Чтобы повернуть дверную ручку, пришлось поставить лампу на пол. В спальне стояла кромешная тьма, и направленный вверх желтый свет лампы не освещал кровать.

— Закройте дверь, — резким громким голосом потребовала Кэти. — Мне не нужен свет. Уходи, Адам, я хочу побыть одна, в темноте.

— Но я хочу остаться рядом с тобой, — хрипло прошептал Адам.

— Ты мне не нужен.

— Нет, я не уйду.

— Хорошо, оставайся. Только помолчи. Закройте дверь и уберите лампу.

Сэмюэл вернулся в гостиную и, поставив лампу на стол рядом с корзинкой, стал всматриваться в личики спящих младенцев. Глаза малышей были плотно зажмурены, и когда на них упал свет, новорожденные недовольно засопели. Сэмюэл погладил указательным пальцем горячие лобики близнецов. Один из мальчиков открыл ротик и зевнул, но тут же снова погрузился в сон. Сэмюэл убрал лампу, подошел к входной двери и, открыв ее, вышел на крыльцо. Сияющая Венера плыла ярко вспыхивающим огоньком к западным горным хребтам. Ни одно дуновение ветерка не

тревожило застывший воздух, в котором Сэмюэл ощутил запах прогретой солнцем полыни. Ночь стояла темная, и когда из окружающей дом черноты раздался чей-то голос, Сэмюэл невольно вздрогнул.

— Как она?

— Кто здесь? — спросил Сэмюэл.

— Это я, Кролик. — Мужчина вышел из темноты, и в струящемся с крыльца свете стала отчетливо видна его фигура.

— Ты имеешь в виду роженицу, Кролик? Она прекрасно себя чувствует.

— Ли сказал, родились близнецы.

— Да, два мальчика. Лучшего нельзя и желать. Думаю, мистер Траск выкорчует из реки сахарный тростник и пустит весь урожай на сладости для сыновей.

— Знаешь, Кролик, во что у нас сегодня уткнулся бур? — Сэмюэл неожиданно для себя сменил тему разговора. — В метеорит.

— А что это такое, мистер Гамильтон?

— Звезда, упавшая на землю миллион лет назад.

— И вы ее нашли? Подумать только! А где вы поранили руку?

— Чуть не сказал, что обжегся о падающую

звезду, — рассмеялся Сэмюэл. — Нет, все гораздо проще: прищемил ее тросом.

— Сильно болит?

— Да нет, не очень.

— Два мальчика, — снова восхитился Кролик, — моя старуха умрет от зависти.

— Может, зайдешь в дом, Кролик? Посидим, поговорим.

— Нет, спасибо, пойду спать. Похоже, с каждым годом утро наступает все раньше.

— Твоя правда, Кролик. Спокойной ночи.

Лайза приехала около четырех утра. Сэмюэл уснул в кресле и видел во сне, что сжимает в правой руке раскаленный железный брусок, который никак не может отбросить в сторону. Лайза разбудила мужа и только после осмотра больной руки подошла к новорожденным. Она легко и ловко справлялась с делами, которые у Сэмюэла получались по-мужски неуклюже, раздавая попутно указания и собирая его в дорогу. Нужно немедленно седлать Акафиста и ехать прямиком в Кинг-Сити, и не важно, который сейчас час. Пусть Сэмюэл разбудит лодыря-докторишку, а уж тот должен осмотреть и вылечить больную руку. Если все обойдется, Сэмюэл поедет домой, где будет дожидаться ее возвращения.

Просто преступление бросить младшенького сторожить какую-то дыру в земле, где о нем и позаботиться-то некому.

Ведь он совсем еще дитя. Уж такой проступок не ускользнет от внимания Всевышнего, и придется отвечать за свои деяния.

Одним словом, Сэмюэл получил столь желанную трезвую оценку всех событий вкупе с бурной деятельностью, которую организовала супруга. Еще до рассвета Лайза отправила мужа в путь, в одиннадцать утра врач перевязал больную руку, а в пять вечера Сэмюэл, трясясь в ознобе, уже сидел в кресле на своем ранчо. Том был занят на кухне: варил для отца куриный бульон.

Три дня Сэмюэл пролежал в бреду, сражаясь с призраками и выкрикивая их имена. Наконец его могучий организм одержал победу над заразой, и та с истошными воплями, как побитая кошка, убралась прочь.

— Пора вставать, — заявил Сэмюэл, глядя на Тома прояснившимися глазами, и попытался подкрепить слова делом, но тут же с веселым фырканьем опустился на кровать.

Этот звук издавался всякий раз, когда Сэмюэл терпел неудачу. Он разработал теорию, по которой, даже проиграв сражение, можно урвать

скромную победу, если найти в себе достаточно мужества и посмеяться над неудачей. Том исправно кормил отца куриным бульоном, и Сэмюэл был готов убить его за чрезмерное усердие. Легенда о целебной силе куриного бульона живет и по сей день, и многие верят, что он является панацеей от всех бед и способен исцелить даже покойника.

4

Лайза отсутствовала неделю, и за это время успела отдраить дочиста весь дом Трасков. Она вымыла и выстирала все, что уместилось в лохань, а остальное тщательно протерла влажной тряпкой. Младенцам был установлен строгий режим, и Лайза с чувством удовлетворения отметила, что кричат они громко и начали набирать вес. Ли использовался на черных работах, так как не сумел завоевать ее доверия, а на Адама и вовсе не обращали внимания, считая непригодным для любого дела. Однажды Лайза заставила его вымыть окна, но потом была вынуждена их перемывать.

С Кэти Лайза провела достаточно времени и пришла к выводу, что она женщина разумная

и не станет спорить со старшими и учить их уму-разуму. Осмотрев молодую мать, она нашла ее абсолютно здоровой. Роды не причинили Кэти вреда, но молоко так и не появилось.

— Ну и ладно, — заявила Лайза. — Вы такая маленькая, и два здоровяка высосали бы из вас все соки. — Лайза забыла, что сама она выкормила всех своих детей, хотя была миниатюрнее Кэти.

В субботу после обеда Лайза осмотрела результаты своих трудов и, составив список с наставлениями на все случаи жизни, начиная с колик в животе и кончая нашествием муравьев, упаковала дорожную корзинку и приказала Ли отвезти ее на родное ранчо.

По возвращении Лайза обнаружила, что дом зарос грязью, и тут же принялась за работу с брезгливой рьяностью Геракла, выносящего навоз из Авгиевых конюшен, попутно отвечая на вопросы мужа.

— Как там младенцы?

— Прекрасно. Растут.

— А что Адам?

— Бродит как привидение. Воистину велика мудрость Господа, раз он дает богатство таким чудакам, а то померли бы с голоду.

— А как тебе миссис Траск? — не отставал

Сэмюэл.

— Молчаливая такая, и вроде все ей безразлично. С ленцой, как и все богачки из восточных штатов. (Следует заметить, Лайза в жизни не встречала ни одной богачки из восточных штатов.) С другой стороны, женщина она сообразительная и ведет себя уважительно. — Лайза на секунду задумалась. — И вот что странно, не вижу в миссис Траск никаких недостатков, кроме разве что лени, и все равно она мне не по душе. Может быть, из-за шрама. Откуда он взялся?

— Не знаю, — пожал плечами Сэмюэл.

— Хочу кое-что тебе сказать. — Лайза направила указательный палец Сэмюэлу между глаз, будто целясь из пистолета. — Она сама не понимает, что околдовала мужа. А он топчется вокруг нее как полоумный. Думаю, и близнецов-то как следует не рассмотрел.

Сэмюэл дождался, когда жена снова подойдет к нему, и осторожно спросил:

— Ну, если мать лентяйка, а отец ходит, как лунатик, кто позаботится о малютках? Ведь с близнецами хлопот не оберешься.

Резко затормозив на бегу, Лайза пододвинула стул и уселась рядом с мужем, сложив руки на коленях.

— Можешь мне не верить, но только помни: лгать не в моих правилах.

— Что ты, родная, я же знаю, ты не способна на ложь, — заверил Сэмюэл, и Лайза улыбнулась в ответ, считая слова мужа комплиментом.

— Так вот, то, что я собираюсь рассказать, хоть у кого поколеблет веру в правдивость моих слов.

— Говори же, милая.

— Сэмюэл, ты знаешь их косоглазого китайца с дурацкой косой? Ну, он еще лопочет не пойми что.

— Ли? Разумеется, знаю.

— Вот спроси тебя, и ты, не задумываясь, скажешь, что он язычник, верно?

— Ну, не знаю.

— Перестань, Сэмюэл. И любой сказал бы то же самое. Только китаец-то вовсе не язычник. — Она выпрямилась на стуле.

— А кто же?

Твердый, как железо, палец жены уперся Сэмюэлу в плечо.

— Пресвитерианец, и к тому же совсем не глупый, если разобраться в его чудаковатой болтовне. Ну, что скажешь?

— Ох, нет, не может быть! — дрожащим голосом откликнулся Сэмюэл, с трудом сдерживая смех.

— А я говорю, это сущая правда. Как ты думаешь, кто ухаживает за близнецами? Язычника я бы к малышам и на пушечный выстрел не подпустила. Другое дело пресвитерианец. Он выучил все мои наставления.

— Тогда неудивительно, что малютки прибавляют в весе, — улыбнулся Сэмюэл.

— За такую милость нужно возблагодарить Господа и восславить его имя в молитвах.

— Что ж, возблагодарим и помолимся, — согласился Сэмюэл.

5

Всю неделю Кэти отдыхала, набираясь сил. В субботу, во вторую неделю октября, она все утро провела в спальне. Адам подергал за ручку двери и убедился, что она заперта.

— Я занята! — крикнула Кэти мужу, и Адам ушел, решив, что она наводит порядок в комоде.

Через закрытую дверь слышался стук выдвигаемых ящиков.

Далеко за полдень Ли подошел к сидевшему на крыльце Адаму.

— Мисси говоли я еззай в Кинг-Сити, купи бутылка и соска, — смущенно сообщил китаец.

— Сделай, как приказывают. Она — твоя хозяйка.

— Мисси говоли не возвласяйся до понедельник, она говоли…

— У него давно не было выходного, — послышался из-за дверей спокойный голос Кэти.

— Конечно, — согласился Адам. — Я как-то не подумал. Повеселись хорошенько, а если мне что понадобится, попрошу плотников.

— Плотник домой уходи, завтла восклесенье.

— Тогда попрошу индейца Лопеса, он поможет.

Ли чувствовал на себе пристальный взгляд Кэти.

— Лопес пьяный, пьет бутылка виски.

— Хватит спорить, Ли, — потерял терпение Адам. — Я же не дитя беспомощное.

Ли взглянул на застывшую в дверях Кэти и опустил глаза.

— Мозет, велнуся сегодня, но поздно, — настаивал китаец. Ему показалось, что между бровей Кэти пролегли две морщинки, но тут же исчезли. — До свидания, — попрощался он.

Кэти вернулась в спальню. В половине восьмого Адам постучал в дверь.

— Дорогая, я приготовил тебе легкий ужин.

Дверь тут же открылась, словно Кэти давно

ждала его прихода. Она была одета в элегантный дорожный костюм. Жакет с отворотами из черного бархата оторочен черной тесьмой и украшен крупными блестящими черными пуговицами. На голове широкополая соломенная шляпка с крошечной тульей, приколотая к прическе длинной шляпной булавкой с черной агатовой бусинкой на конце. От изумления Адам совсем растерялся.

— Я ухожу, — заявила Кэти, не давая мужу произнести ни слова.

— Кэти, ты о чем?

— Я же тебе говорила.

— Ничего ты не говорила.

— Да ты просто не слушал. Но это уже и не важно.

— Я тебе не верю.

— А мне плевать, чему ты веришь, а чему — нет. — В ее голосе звенел металл.

— А как же дети…

— Можешь их выбросить в один из своих колодцев.

— Кэти, ты нездорова! — заметался в панике Адам. — Ты не можешь меня бросить! Нет!

— Я могу сделать с тобой все, что пожелаю. Впрочем, как и любая другая женщина. Потому что ты дурак.

Последнее слово жены пронзило затуманенное сознание Адама. Не долго думая, он схватил Кэти за плечи и оттолкнул назад. Она потеряла равновесие и, спотыкаясь, отлетела в глубь спальни, а Адам тем временем выхватил из замочной скважины ключ и, захлопнув дверь, запер ее снаружи.

Тяжело дыша, он прижал ухо к двери и почувствовал, как все его существо отравляет сопутствующая истерике тошнота. Адам слышал, как жена тихо ходит по комнате. Вот она выдвигает ящик комода. «Решила остаться», — мелькнуло в сознании. А потом раздался слабый щелчок, но Адам не понял, что он означает, так как стоял, прижавшись ухом к двери.

Голос Кэти прозвучал так близко, что Адам непроизвольно дернул головой. Теперь он был насыщенным и выразительным.

— Милый, — мягко сказала она, — я и не думала, что ты все так близко примешь к сердцу. Прости, Адам.

Дыхание с хрипом вырвалось из груди Адама. Дрожащей рукой он пытался повернуть ключ, а когда это удалось сделать, ключ упал на пол. Он толкнул дверь. Кэти стояла всего в нескольких футах с его «кольтом» 44-го калибра в правой

руке, наставив на мужа черное дуло. Адам сделал шаг навстречу Кэти и увидел, что курок взведен.

В следующее мгновение она выстрелила. Тяжелая пуля ударила в плечо, сплющившись, прошла насквозь и вырвала кусок лопатки. От удара Адам пошатнулся и, отступив на заплетающихся ногах несколько шагов, рухнул на пол. Кэти не спеша подошла к нему, держась настороженно, как будто перед ней лежал раненый зверь. Он увидел глаза жены, изучающие его с холодным безразличием. Потом она бросила пистолет на пол рядом с Адамом и вышла из дома.

Он слышал, как Кэти идет по веранде, как шуршат под ее ногами сухие дубовые листья на дорожке, а потом шаги стихли, и погрузившийся в молчание дом оглашал только монотонный писк близнецов, которые, негодуя, требовали ужина. Адам забыл их покормить.

Глава 18
1

Хораса Куина недавно назначили заместителем шерифа, чтобы смотреть за порядком в окрестностях Кинг-Сити. Он жаловался, что новая должность не оставляет времени для работы на ранчо, а его жена жаловалась еще больше, однако как бы там ни было, но с момента назначения Хораса на подведомственной ему территории не произошло ни одного серьезного преступления. Хорас надеялся снискать известность и баллотироваться на должность шерифа. Шериф — фигура важная, а его должность более надежная и менее хлопотная, чем у окружного прокурора, при этом по стабильности положения и уважению ее можно сравнить с судьей первой инстанции. Хорас не собирался провести всю жизнь на ранчо, а его жена так и рвалась в Салинас, где жили ее родственники.

Вскоре слухи о ране Адама Траска, распускаемые Индейцем и плотниками, дошли до Хораса, и он, не долго думая, оседлал коня и двинулся в путь, оставив жену в одиночестве разделывать

тушу поросенка, заколотого утром.

В том месте, где дорога на Хестер сворачивает влево, чуть севернее высокого платана, Хорас повстречал Джулиуса Юскади, который решал важную проблему: то ли поохотиться на куропаток, то ли отправиться в Кинг-Сити и, сев на поезд, добраться до Салинаса и как следует повеселиться. Все представители богатого баскского семейства Юскади отличались красивой внешностью.

— Если составишь мне компанию, махнем в Салинас, — предложил Джулиус. — Говорят, рядом с заведением Дженни, через два дома от «Зелененьких», открылось славное местечко «У Фей». По слухам, там все как в Сан-Франциско. Даже тапер на рояле играет.

Хорас слушал Джулиуса, облокотившись на рожок седла. Заметив муху, усевшуюся на спину лошади, заместитель шерифа отогнал ее плеткой.

— Как-нибудь в другой раз, — пообещал он. — Мне тут нужно разобраться в одном деле.

— Ведь ты едешь к Траску, верно?

— Угадал. Ты что-нибудь слышал об этой истории?

— Ничего вразумительного. Говорят, мистер

Траск выстрелил себе в плечо из «кольта» 44-го калибра, а потом уволил с ранчо всех работников. Интересно, как его угораздило прострелить себе плечо, да еще из 44-го калибра, а?

— Понятия не имею. Эти переселенцы с Восточного побережья все такие умники. Вот я и решил съездить и разобраться, что там произошло. Ведь у него жена недавно родила, верно?

— Да, близнецов. Может, это они и подстрелили Траска?

— Ну да, один наводил «кольт», а второй нажимал на спусковой крючок. Еще что-нибудь слышал?

— Да люди разное болтают, Хорас. Хочешь, поеду с тобой?

— И не надейся, Джулиус, своим заместителем я тебя не возьму. Шериф говорит, окружное начальство и так шум подняло из-за жалованья. Мол, много нас развелось. Вот Хорнби из Элисэла взял себе заместителем двоюродную бабку, и та пребывала в должности три недели, до самой Пасхи.

— Да будет врать-то!

— Я серьезно. И шерифской звезды тебе не видать.

— Черт побери, да я и не лезу в твои помощ-

ники! Просто хотел съездить за компанию. Любопытная история.

— Вот именно. Всегда рад такому попутчику. И имей в виду, если дело нечистое, придется привести тебя к присяге. Так как, говоришь, зовут хозяйку нового заведения?

— Фей. Она приехала из Сакраменто.

— Да, в Сакраменто знают толк в таких делах. — По дороге Хорас во всех подробностях поведал, в каких именно делах знают толк в Сакраменто.

Погожий день прекрасно подходил для прогулки верхом. Свернув в лощину, где находился дом Санчеса, всадники принялись сетовать на плохую охоту, доставляющую в последние годы одни разочарования. Урожай, рыбалка и охота являются вечными поводами для недовольства, разумеется, в сравнении с прошлыми годами.

— Представь только, всех медведей гризли перебили. В восьмидесятом году мой дед застрелил одного недалеко от Плейто, так он весил тысячу восемьсот фунтов.

Заехав под тень дубов, они почувствовали, как со всех сторон надвигается давящая тишина. Не слышно ни шороха, ни звука.

— Интересно, закончил он работы в старом доме? — нарушил молчание Хорас.

— Да нет, куда там. Кролик Холман тоже у него работал и рассказал, что Траск вызвал всех и уволил. Говорит, мол, больше приходить не надо.

— Ходят слухи, у Траска денег куры не клюют.

— Да, похоже, человек он состоятельный, — подтвердил Джулиус. — Сэм Гамильтон бурит у него на ранчо четыре колодца, если только Траск и его не уволил.

— А как поживает мистер Гамильтон? Давненько его не видал.

— Прекрасно. Как всегда, нет ему удержу.

— Надо как-нибудь его навестить, — заметил Хорас.

Ли вышел на крыльцо, чтобы встретить гостей.

— Здорово, Чинг-Чонг, — поприветствовал его Хорас. — Хозяин дома?

— Хозяина больна, — залопотал Ли.

— Хочу с ним поговорить.

— Ни с кем не говоли, они болная.

— Довольно препираться, — вышел из себя Хорас. — Пойди и доложи, что его хочет видеть заместитель шерифа Куин.

Ли исчез, но скоро появился снова.

— Твоя плоходи. Лосади моя уводи.

Адам, обложенный подушками, лежал на той

самой широкой кровати под пологом, где родились близнецы. Левую половину груди и плечо закрывала повязка. Вся комната пропиталась запахом бальзама Холла.

Впоследствии Хорас рассказывал жене: «Ну, скажу тебе, краше в гроб кладут!»

Щеки Адама провалились, кожа обтягивала заострившиеся скулы и нос. На лице остались только лихорадочно блестящие, вылезающие из орбит глаза. Сжимая исхудавшей рукой край одеяла, он напряженно всматривался в незваных гостей.

— Приветствую вас, мистер Траск, — обратился к нему Хорас. — Слышал, с вами приключилось несчастье. — Он замолчал, но, не дождавшись ответа, продолжил: — Вот и решил к вам заглянуть. Как же это случилось?

На лице Адама появилось напряженное выражение, он беспокойно заворочался в кровати.

— Если больно говорить, можно шепотом, — услужливо предложил Хорас.

— Больно только глубоко дышать, — тихо ответил Адам. — Я чистил револьвер, а он выстрелил.

Хорас многозначительно посмотрел на Джулиуса, а потом снова перевел глаза на больного.

Адам перехватил взгляд помощника шерифа, и его щеки залила краска смущения.

— Что ж, всякое бывает. И где сейчас оружие?

— Наверное, Ли куда-то унес.

Подойдя к двери, Хорас крикнул:

— Эй, китаец, неси сюда револьвер!

В следующее мгновение Ли просунул в дверь «кольт» рукояткой вперед. Хорас принялся изучать оружие, вынул барабан, выковырял патроны и обнюхал пустую медную гильзу.

— Выходит, оружие стреляет более метко, когда его чистишь, а не прицеливаешься специально. Мистер Траск, я должен составить рапорт и отправить в округ. Не буду отнимать у вас время. Итак, вы чистили ствол и, вероятно, пользовались шомполом. А револьвер возьми да и выстрели вам в плечо, так?

— Все верно, сэр, — торопливо подтвердил Адам.

— А чистили вы его со вставленным барабаном?

— Да.

— Вы вставили шомпол в дуло и водили туда-сюда, а курок в это время был взведен и ствол направлен на вас, так что ли?

Из груди Адама вырвался хрип.

— В таком случае, — продолжил Хорас, — шомпол прошил бы вас насквозь, да еще и левую руку оторвал бы. — Помощник шерифа не сводил с Адама выцветших от солнца глаз. — Что же все-таки произошло, мистер Траск? Расскажите правду, — попросил он ласковым голосом.

— Говорю же, это был несчастный случай, сэр.

— Ладно, вы ведь не думаете, что я напишу в рапорте подобную ахинею? Шериф решит, что я окончательно спятил. Так что же произошло?

— Ну, я не слишком хорошо разбираюсь в револьверах. Может, все случилось и не так. Просто я чистил оружие, а оно вдруг выстрелило.

В носу у Хораса что-то засвистело, и ему пришлось дышать ртом. Он медленно поднялся с места и подошел к изголовью кровати, не сводя с больного пристального взгляда:

— Ведь вы недавно приехали с Восточного побережья, верно, мистер Траск?

— Да, из Коннектикута.

— Похоже, револьверами там сейчас пользуются нечасто.

— Да, редко.

— А на охоту ходят?

— Некоторые ходят.

— Значит, вы больше привыкли к дробовику?

— Верно. Но я не большой любитель охоты.

— Похоже, вы вообще не пользовались револьвером, если не умеете с ним обращаться.

— Ну, я думал, что неплохо бы научиться.

Джулиус Юскади напряженно вслушивался в разговор, но не вмешивался.

Хорас тяжело вздохнул и отвернулся от Адама. Скользнув взглядом мимо Джулиуса, он принялся рассматривать свои руки, а потом положил револьвер на комод и аккуратно разложил патроны.

— Знаете, — обратился он к Адаму, — я ведь стал помощником шерифа недавно. Думал, работа придется мне по душе и через несколько лет можно баллотироваться в шерифы. Да, видать, кишка тонка. И работа больше не приносит радости.

Адам с беспокойством следил за помощником шерифа.

— Не припомню, чтобы кто-то меня боялся, — продолжал Хорас. — Многие злились, но чтобы бояться… Нет, никогда такого не было. Мерзкое чувство, когда тебя боятся.

— Ну хватит, — сердито перебил Джулиус. — Ты же не можешь подать в отставку сию минуту.

— Еще как могу. Стоит только захотеть. Хорошо, мистер Траск, вы служили в кавалерии

Соединенных Штатов, где на вооружении карабины и револьверы. Вы... — Хорас на мгновение замолчал и, судорожно сглотнув, повторил вопрос: — Что здесь произошло, мистер Траск?

Казалось, глаза Адама стали еще больше и покраснели от навернувшихся слез.

— Это был несчастный случай, — прошептал он.

— А кто-нибудь при этом присутствовал? Жена была рядом с вами?

Адам ничего не ответил и только закрыл глаза.

— Мистер Траск, — не отставал помощник шерифа, — я знаю, что вы больны, и стараюсь облегчить ваше положение. Пожалуй, вам лучше отдохнуть, а я пока побеседую с вашей женой. — После недолгой паузы он повернулся к двери, где стоял Ли: — Эй, китаец, скажи своей мисси, что я сочту за честь поговорить с ней пару минут.

Ли ничего не отвечал.

— Жена уехала в гости, — не открывая глаз, сообщил Адам.

— Значит, ее здесь не было, когда произошел несчастный случай? — Хорас взглянул на Джулиуса и увидел странное выражение на его лице. Губы Юскади искривились в язвительной ухмылке. «Да он соображает лучше моего, — про-

мелькнуло в голове у Хораса. — Отличный бы вышел из него шериф». — Погодите, — произнес он вслух, — дело принимает интересный оборот. Две недели назад ваша жена родила двойню, а сейчас надумала отправиться в гости. Детей она взяла с собой? Недавно я слышал детский плач, или мне показалось? — Хорас склонился над кроватью и прикоснулся к сжатой в кулак руке Адама. — Послушайте, Траск, хоть мне и неприятно, но я должен разобраться в этой истории! — выкрикнул он в лицо больному. — Я хочу знать правду, и отнюдь не из пустого любопытства, а следуя закону. Черт побери, да открывайте же глаза и говорите, а не то, клянусь господом, отвезу вас к шерифу и на рану не посмотрю!

Адам открыл глаза и посмотрел в пространство отсутствующим, как у лунатика, взглядом.

— Жена от меня ушла, — произнес он ровным голосом, не выражавшим никаких чувств, будто повторял заученные на чужом языке слова, смысла которых не понимает.

— И куда же она отправилась?

— Не знаю.

— То есть как это — «не знаю»?

— Не знаю, куда она уехала.

— А почему она так поступила? — поинте-

ресовался Джулиус. За все время он впервые вмешался в разговор.

— Не знаю.

— Берегитесь, Траск, вы играете с огнем, и дело принимает скверный оборот. Знаете, какие напрашиваются выводы? Вы должны знать причину ее ухода! — вышел из себя Хорас.

— А я не знаю.

— Может, она плохо себя чувствовала или вы заметили какие-нибудь странности в ее поведении?

— Нет.

— Эй, Чинг-Чонг, — обратился Хорас к Ли, — а тебе что-нибудь известно?

— Моя поехала Кинг-Сити в суббота. Велнулась поздно, в полноць. А хозяина Тласк на полу лезал.

— Значит, тебя здесь не было?

— Нет, мистел.

— Что ж, придется разбираться с вами, Траск. Отдерни-ка шторы, китаец, а то ничего не видно. Вот, так-то лучше. Ладно, будь по-вашему, раз другого выхода нет. Итак, жена от вас ушла. Это она в вас стреляла?

— Произошел несчастный случай.

— Пусть будет несчастный случай. Но она дер-

жала в руках револьвер?

— Говорю же, несчастный случай.

— Да, толку от вас не добьешься. Хорошо, допустим, она ушла, а нам надо ее найти, понимаете? Как в детской игре, раз иначе не получается. Сколько времени вы женаты?

— Около года.

— А какую она носила фамилию до замужества?

После долгой паузы Адам прошептал:

— Не скажу. Я дал слово.

— Ох и доиграетесь! Откуда она родом?

— Не знаю.

— Мистер Траск, вижу, вам не терпится попасть в окружную тюрьму. Опишите жену. Какого она роста?

Глаза Адама заблестели.

— Невысокого роста, очень хрупкая, изящная.

— Замечательно. А какого цвета волосы? Глаза?

— Она была красавица.

— Была?

— Она очень красивая.

— Какие-нибудь шрамы, другие приметы?

— Да нет же. Хотя да — шрам на лбу.

— Так, вы не знаете девичьей фамилии соб-

ственной жены, откуда она родом, куда исчезла и как выглядит. Вероятно, принимаете меня за дурака.

— Она скрывала какую-то тайну, и я пообещал не расспрашивать. Она кого-то боялась.

Неожиданно Адам расплакался. Его тело сотрясалось от рыданий, а из груди вырывались тонкие хриплые звуки. И столько было в его фигуре безысходного отчаяния, что Хорас вдруг почувствовал, как его захлестывает волна жалости.

— Пойдем в другую комнату, Джулиус, — предложил он Юскади и направился в гостиную. — Ну а теперь скажи, Джулиус, что ты об этом думаешь? По-твоему, он выжил из ума?

— Не пойму.

— Думаешь, он убил жену?

— Эта мысль пришла в голову первой.

— Мне тоже, — согласился Хорас. — О господи! — Он поспешил в спальню и вернулся с револьвером и патронами. — Надо же, забыл, — сказал он извиняющимся тоном. — Ох, не продержусь я долго на этой должности.

— Как ты намерен поступить? — поинтересовался Джулиус.

— Думаю, одному мне не справиться. Я же пре-

дупредил, что на жалованье тебя не возьму, но присягу дать заставлю.

— Да ну тебя, Хорас. Не стану принимать присягу. И вообще я в Салинас собрался.

— У тебя нет выбора, Джулиус. Если сейчас же не поднимешь правую руку, придется тебя арестовать ко всем чертям.

Джулиус с неохотой поднял руку и, не скрывая омерзения, повторил за Хорасом слова присяги.

— Вот так благодарность за то, что я составил тебе компанию, — недовольно проворчал он. — Отец с меня живьем шкуру сдерет. Ну и что мы теперь будем делать?

— Нужен совет опытного человека, — признался Хорас. — Поеду к шерифу. Я бы и Траска с собой прихватил, да не хочу его тревожить. А тебе, Джулиус, придется остаться. Уж прости. Есть у тебя оружие?

— Черт возьми, разумеется, нет.

— Тогда возьми этот револьвер и мою звезду. — Он открепил звезду от рубашки и передал Юскади.

— И долго тебя здесь ждать?

— Приеду сразу же, как управлюсь с делами. А ты, Джулиус, видел когда-нибудь миссис Траск?

— Не доводилось.

— Вот и я не видел, а стало быть, придется доложить шерифу, что Траск сам о ней ничего не знает, даже девичьей фамилии. Известно только, что она миниатюрная и очень красивая. Тьфу! Ну и описание, черт бы его побрал! Пожалуй, подам в отставку еще до доклада шерифу, потому что он, как пить дать, сам меня вышвырнет вон. Так ты думаешь, Траск ее убил, а?

— Откуда мне знать?!

— Да не злись ты.

Джулиус взял револьвер, вставил патроны в барабан и взвесил оружие в руке.

— Слушай, Хорас, хочешь, подскажу хорошую мысль?

— А сам не видишь, что хороший совет мне придется кстати?

— Так вот, мистер Гамильтон знает жену Траска. Кролик сказал, он принимал роды, а потом миссис Гамильтон за ней ухаживала. Вот и навести по дороге Гамильтонов, а уж они расскажут, как выглядит миссис Траск.

— Пожалуй, пусть звезда остается у тебя насовсем, — заявил Хорас. — Действительно ценная мысль. Сейчас же поеду на ранчо Гамильтонов.

— Мне осмотреть дом?

— Ты следи, чтобы Траск не удрал или чего

с собой не сотворил. Понятно? И вообще будь осторожен.

2

Около полуночи Хорас выехал на товарном поезде из Кинг-Сити. Он устроился в кабине машиниста и ранним утром прибыл в Салинас. Главный город округа Салинас стремительными темпами рос и развивался, а его население должно было вот-вот перевалить за две тысячи. Это был самый крупный город на всем расстоянии от Сан-Хосе до Сан-Луис-Обиспо, и его блистательное будущее ни у кого не вызывало сомнений.

Прямо с вокзала Хорас направился позавтракать в закусочную мясных блюд. Ему не хотелось поднимать шерифа с постели в такую рань, рискуя навлечь на свою голову гнев начальства. В закусочной он встретил молодого Уилла Гамильтона, который имел весьма импозантный вид в деловом костюме цвета «соль с перцем», и подсел к нему за столик.

— Как поживаешь, Уилл?

— Замечательно.

— Ты здесь по делу?

— В общем, да. Есть тут небольшое дельце.

— Мог бы и меня как-нибудь в долю взять.

Хорас испытывал странное чувство, ведя подобную беседу с таким молодым человеком, но Уилл Гамильтон так и светился благополучием. Никто не сомневался, что он приобретет большое влияние в округе. По некоторым людям можно с первого взгляда угадать, какое им уготовано будущее.

— Непременно, Хорас. Я ведь думал, ранчо отнимает у тебя все время.

— Пожалуй, я бы рискнул сдать его в аренду, подвернись мне что-нибудь стоящее.

Уилл наклонился к нему через столик.

— Знаешь, Хорас, нашей части округа явно не уделяют должного внимания. Тебя не посещала мысль баллотироваться на должность?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, сейчас ты заместитель шерифа, а в шерифы баллотироваться не думал?

— Нет, как-то в голову не приходило.

— А ты подумай, только держи язык за зубами. Через пару недель загляну к тебе, тогда и потолкуем. Только помалкивай.

— Не беспокойся, Уилл. Но ведь у нас замечательный шериф.

— Знаю, но к нашему делу это не имеет ни-

какого отношения. В Кинг-Сити нет ни одного представителя окружных властей. Соображаешь, куда я клоню?

— Понимаю. Надо подумать. Кстати, я вчера заезжал к твоим родителям.

— Правда? — Уилл просветлел лицом. — Как они там?

— Хорошо. А твой отец такой шутник!

— В детстве мы покатывались со смеху от его рассказов, — хмыкнул Уилл.

— А уж какая светлая голова! Показал мне новую модель ветряной мельницы собственного изобретения. В жизни не видывал подобной штуки!

— Господи, — простонал Уилл, — снова придется платить патентным адвокатам!

— Но ведь идея замечательная, — настаивал Хорас.

— У отца все идеи замечательные, а наживаются на них только патентные адвокаты. Это выводит из себя матушку.

— Да, тут ты, пожалуй, прав.

— Единственный способ заработать деньги — продавать то, что производят другие, — заявил Уилл.

— И здесь я с тобой, Уилл, согласен, но как бы

там ни было, а ветряная мельница, что изобрел твой отец, просто потрясающая.

— Вижу, Хорас, отец и тебе голову заморочил.

— Пожалуй. Но ведь ты и сам не хочешь, чтобы он стал другим, верно?

— Конечно же, нет! — согласился Уилл. — А ты на досуге подумай над моими словами.

— Хорошо.

— А главное, помалкивай.

Работа шерифа была не из легких, и если на всеобщих выборах округу доставался хороший шериф, это считалось большой удачей. Должность действительно была сопряжена со многими сложностями. Официальные, находящиеся у всех на виду обязанности шерифа, связанные с соблюдением законов и поддержанием порядка, были далеко не самыми важными. Разумеется, шериф представлял в округе власть, подкрепленную силой оружия, но в обществе с таким количеством ярких индивидуальностей не в меру грубый или не слишком умный шериф надолго в должности не задерживался. Споры о праве на пользование водой, конфликты, связанные с границами частных владений, всевозможные притязания, не имеющие под собой оснований, вопросы по установлению отцовства — все это следовало

решать, не прибегая к силе оружия. Хороший шериф использовал арест как крайнюю меру, когда все прочие доводы не давали должного результата. Идеалом шерифа являлся не лучший воин, а самый тонкий дипломат. Округу Монтерей с шерифом повезло, он обладал замечательным качеством не встревать в чужие дела.

В начале десятого Хорас вошел в кабинет шерифа в старой окружной тюрьме. Пожав друг другу руки, мужчины долго обсуждали погоду и прогнозы на урожай, пока Хорас набрался наконец смелости и приступил к делу.

— Видите ли, сэр, — начал он, — я пришел к вам за советом.

И он во всех подробностях поведал шерифу историю Адама Траска. Выложил все как на духу.

Через несколько минут после начала рассказа шериф закрыл глаза и сцепил пальцы. Иногда он их открывал, давая понять, что слушает, но не проронил ни слова.

— Вот так я и влип, — закончил Хорас. — Не сумел ни выяснить, что там приключилось, ни как выглядела эта женщина. Это Джулиус посоветовал обратиться к Сэму Гамильтону.

Шериф зашевелился в кресле и, перекинув ногу за ногу, посмотрел перед собой.

— Полагаете, муж ее убил.

— Поначалу я так и решил, но мистер Гамильтон меня разубедил. Он говорит, Траск вообще не способен на убийство.

— На убийство способен любой человек, — возразил шериф. — Нужно только знать, как нажать спусковой крючок. Одним словом, то же самое, что и с оружием.

— А о его жене мистер Траск рассказал много любопытного. Представляете, когда он принимал роды, эта женщина укусила его за руку. Видели бы вы ту рану! Как от волчьих зубов.

— Сэм ее описал?

— Да, и он, и миссис Гамильтон.

Хорас вынул из кармана листок бумаги и зачитал подробное описание Кэти. Супруги Гамильтон располагали достаточными сведениями о внешности беглянки.

Хорас закончил чтение, и шериф, вздохнув, спросил:

— Они оба подтверждают, что у миссис Траск шрам на лбу?

— Да, и говорят, что временами он темнеет.

Шериф снова закрыл глаза, откинувшись на спинку кресла. Неожиданно он выпрямился и, открыв крышку бюро, извлек бутылку виски.

— Выпей, — предложил он Хорасу.

— Не возражаю. Ваше здоровье, сэр. — Вытерев губы, Хорас вернул бутылку шерифу. — Есть какие-нибудь версии? — поинтересовался он.

Прежде чем ответить, шериф сделал три больших глотка, закрутил пробку и поставил бутыль обратно в стол.

— У нас в округе все идет честь по чести, — начал он. — Я научился ладить с полицейскими и, когда нужно, оказываю содействие, а они, в свою очередь, помогают мне. Взять хотя бы Салинас. Город растет не по дням, а по часам, и здесь полно разного люда, одни приезжают, другие — уезжают, и если мы ослабим бдительность, неприятностей не оберешься. С местными жителями мои люди нашли общий язык. — Шериф посмотрел Хорасу в глаза. — Не беспокойся, я не собираюсь долго разглагольствовать. Просто объясняю, как оно есть. Мы людей не притесняем, ведь нам вместе жить.

— Я допустил какую-то ошибку?

— Нет, Хорас. Ты поступил правильно. Вот если бы ты ко мне не приехал или арестовал мистера Траска и притащил сюда, вот тогда бы мы оказались по уши в дерьме. Подожди, не перебивай, сейчас объясню…

— Внимательно вас слушаю.

— По другую сторону железной дороги, возле китайского квартала, находятся публичные дома.

— Это мне известно.

— О них все знают. Если закрыть бордели, они переедут в другое место, а людям эти заведения нужны. Мы за ними присматриваем, и пока никаких неприятностей от них нет. Да и хозяева публичных домов поддерживают с нами связь. По их подсказке я задержал нескольких опасных преступников.

— Джулиус сказал… — встрял Хорас.

— Да погоди ты, дай договорить, чтобы больше к этому не возвращаться. Месяца три назад ко мне пришла миловидная женщина. Хотела открыть публичный дом и чтобы все было сделано по закону. Она приехала из Сакраменто, там тоже содержала бордель. Показала рекомендации от солидных людей. Репутация у дамы безупречная, нигде ни разу не попалась. Одним словом, добропорядочная гражданка, не к чему придраться.

— Джулиус сказал, ее зовут Фей.

— Верно. Так вот, она открыла пристойное заведение, все чинно-благородно. И то сказать, давно пора составить конкуренцию старухе Дженни

и Негритянке. Они, правда, разозлились и долго скандалили, но я сказал им то же, что и тебе: наступило время здоровой конкуренции.

— Там и пианист имеется.

— Да, и играет замечательно. Слепой. Послушай, дашь ты мне договорить наконец?

— Простите, — смутился Хорас.

— Ладно. Знаю, что рассказываю долго, но всегда дохожу до сути. Итак, Фей действительно оказалась женщиной добропорядочной, как я и предполагал. Знаешь, что страшнее всего для хозяйки приличного борделя? Вот сбежит взбалмошная баба из родного дома да и устроится на работу в заведение, а благоверный отыщет ее и поднимет шум. Тут же подключится церковь, и возмутятся матери семейств, а заведение станет притчей во языцех, и нам придется его прикрыть. Понимаешь?

— Да, — тихо откликнулся Хорас.

— Погоди, не забегай вперед. Терпеть не могу рассказывать, когда слушатель уже сам додумал конец. Так вот, в воскресенье вечером Фей прислала записку. У нее появилась новая девица, и Фей никак не поймет, что она собой представляет. Фей смущает, что девица похожа на беглянку, но работает как первоклассная шлюха. Абсолют-

но все знает и умеет. Одним словом, на любой вкус. Я заглянул к Фей, посмотрел, что за штучка. Она наговорила кучу всякой чепухи, но ничего подозрительного я не обнаружил. Девица совершеннолетняя, и жалоб и заявлений на нее не поступало. — Шериф развел руки в стороны. — Вот так-то. И что прикажешь делать?

— А вы уверены, что это миссис Траск?

— Широко поставленные глаза, золотистые волосы и шрам на лбу. А еще она появилась в заведении в воскресенье после обеда.

Перед глазами у Хораса всплыло заплаканное лицо Адама.

— Господь всемогущий! Шериф, пусть ему об этом расскажет кто-нибудь другой, а я лучше сразу подам в отставку.

Шериф устремил задумчивый взгляд в пространство:

— Говоришь, Траск даже настоящего имени ее не знает, и откуда она появилась — тоже. Ловко же она его окрутила, а?

— Ох, бедняга, — посочувствовал Хорас. — Ведь он ее без ума любит. Нет уж, увольте, пусть с ним разговаривает кто-нибудь другой.

Шериф поднялся с кресла.

— Пойдем в закусочную и выпьем по чашечке

кофе, — предложил он.

Некоторое время мужчины шли по улице молча.

— Послушай, Хорас, — заговорил первым шериф. — Если бы я начал рассказывать все, что знаю, весь округ поднялся бы на дыбы.

— Ваша правда.

— Говоришь, у нее родилась двойня?

— Да, мальчики.

— Так послушай меня, Хорас. Во всем мире ее историю знают только три человека: мы с тобой и она сама. А уж я ее предупрежу, что, если станет распускать язык, вышибу ее из округа, так что дым из задницы повалит. А ты, Хорас, если вдруг захочется поболтать, даже с собственной женой, сначала подумай о судьбе этих малышей, когда откроется, что их мамочка — шлюха.

3

Адам сидел в кресле под раскидистым дубом. Умело наложенная повязка зафиксировала раненое плечо, чтобы меньше его тревожить. Ли вышел из дома с бельевой корзиной в руках и, подойдя к Адаму, поставил ее на землю.

Близнецы бодрствовали, с серьезным видом

устремив неосмысленный взгляд на дубовые листья, которые шевелил ветер. Сухой лист, кружась в воздухе, опустился в корзину. Адам наклонился и вынул его.

Он не слышал стука копыт и увидел Сэмюэла, когда тот подъехал совсем близко. А вот Ли заметил гостя давно, вынес из дома кресло и отвел Акафиста на конюшню.

Сэмюэл тихо сел рядом, не тревожа Адама навязчивым вниманием, но и не пряча глаз. Ветер, гулявший по вершинам деревьев, посвежел, и его порыв взъерошил Сэмюэлу волосы.

— Я решил, что пора возобновить работу над колодцами, — мягко напомнил он хозяину ранчо.

— Не надо, — откликнулся Адам. За это время он отвык разговаривать, и голос напоминал скрежет ржавого железа. — Колодцы больше мне не нужны, а за работу я вам заплачу.

Сэмюэл склонился над корзиной и вложил палец в крошечную ладошку одного из близнецов, и малыш тут же в него вцепился.

— Похоже, из всех дурных привычек, присущих людям, от вечного стремления давать советы они откажутся в последнюю очередь.

— Мне не нужны советы.

— И никому не нужны. Это добровольный дар

того, кто их дает. Сделайте вид, что продолжаете жить, Адам.

— Какой еще вид?

— Притворитесь, что вы живы, будто играете роль в пьесе, а через некоторое время, а его потребуется немало, так оно и окажется на самом деле, и вы действительно оживете.

— Зачем это нужно?

Сэмюэл задумчиво смотрел на близнецов.

— Любой человек что-нибудь оставляет после себя, что бы он ни делал, и даже если вообще ничего не делает. Даже если вы уподобитесь заброшенной земле, на ней все равно вырастут сорняки, репей… Одним словом, что-нибудь да вырастет.

Адам ничего не ответил, и Сэмюэл встал.

— Я скоро вернусь, — пообещал он. — Буду часто вас навещать. Притворитесь, что живете полной жизнью, Адам. Пора входить в роль.

За сараем уже поджидал Ли. Он придержал Акафиста, пока Сэм не устроился в седле.

— Ну что, Ли, можешь распрощаться с мечтой о книжной лавке, — обратился он к китайцу.

— Ладно, как-нибудь переживу. Не больно-то и хотелось, — отозвался Ли.

Глава 19
1

Новые земли осваиваются по определенной схеме. Сначала приходят первооткрыватели, сильные, отважные и по-детски наивные. Они мужественно преодолевают тяготы жизни в дикой, необжитой местности, но проявляют удивительную беспомощность в борьбе с другими представителями рода человеческого. Возможно, именно по этой причине они первыми покидают насиженные места. Когда земля в достаточной степени обжита, сюда приезжают дельцы и адвокаты, чтобы способствовать ее дальнейшему развитию и решать вопросы, касающиеся собственности. Обычно это осуществляется путем устранения всех соблазнов в свою пользу. Наконец в некогда дикие края приходит культура, обеспечивающая развлечения и отвлекающая от повседневных тягот жизни. А, как известно, уровень культуры бывает разным.

Церковь и публичные дома появились на Дальнем Западе в одно время, однако и тех и других привела бы в ужас крамольная мысль, что они

представляют собой две грани одного и того же явления. Тем не менее оба заведения преследовали одну цель. Песнопениями, благоговейной набожностью и возвышенной обстановкой церкви на время отвлекали человека от унылых будней, но ту же функцию выполняли и публичные дома. Религиозные секты и вероучения с самоуверенной наглостью заявляли о себе во весь голос. Пренебрегая законами об уплате долгов, они возводили храмы, за которые не рассчитаться и за сто лет. Спору нет, секты сражались со злом, но в то же время самозабвенно грызлись между собой. Каждая старалась утвердить свою доктрину, пребывая в счастливой уверенности, что все остальные прокладывают прямую дорогу в ад. Однако, несмотря на заявления, полные дерзких амбиций, и поднятый шум, в основе всех учений лежало Священное Писание, на котором зиждятся наша мораль, искусство, поэзия и строятся отношения между людьми. Только человек недюжинного ума мог разобраться во всех тонкостях и выявить различия между сектами, но зато любой отчетливо видел несомненное общее сходство. Секты несли людям музыку, хоть и не лучшие образцы, но тем не менее знакомили людей с основами и учили ее воспринимать.

Они также взывали к совести, а вернее, делали робкие попытки ее пробудить. Их чистота носила потенциальный характер, как заношенная белая рубашка, которую каждый при желании может отстирать и вернуть первозданную белизну. Или очистить душу от скверны. И пусть преподобный отец Биллинг оказался на поверку вором, распутником и скотоложцем, нельзя отрицать факт, что он научил хорошему и доброму множество восприимчивых, впечатлительных людей. Биллинга отправили в тюрьму, но посеянное им добро за решетку не посадишь. И не имеет значения, что руководствовался он нечистыми побуждениями. Главное, он брал хорошие семена, и часть из них дала всходы. Привожу Биллинга в качестве вопиющего примера. Честные пастыри обладали поистине неуемным рвением и сражались с сатаной всеми доступными средствами, не брезгуя рукоприкладством и выкалыванием глаз. Одним словом, они провозглашали истину и красоту режущим ухо ревом, наподобие того, как дрессированный тюлень в цирке исполняет государственный гимн на выстроенных в ряд рожках. Тем не менее истина и красота находили отклик в душах людей, а мелодию гимна все узнавали. Однако секты совершили нечто гораздо более

важное, ведь именно они создали структуру общественной жизни в Салинас-Вэлли. Церковный ужин является прообразом загородных клубов, так же как чтения стихов по четвергам в подвальном помещении под ризницей положили начало любительскому театру.

Церковь, наполняющая душу сладостным ароматом благочестия, выступала горделиво, словно лошадь, которая везет по весне бочки со сваренным осенью крепким темным пивом, оглашая окрестности громкими руладами, выдохнутыми из заднего прохода. А в это время ее сестрица, несущая плотские наслаждения и дарующая облегчение телу, прокрадывалась втихомолку, стыдливо опустив голову и прикрывая лицо.

Вероятно, вам доводилось смотреть фильмы, представляющие жизнь на Западе в ложном свете, в которых показывают сверкающие мишурой дворцы, где поселился разврат. Допускаю, что таковые действительно где-нибудь имелись, но только не в Салинас-Вэлли. Здесь бордели были благопристойными и даже в определенном смысле респектабельными. И правда, послушав исступленные визгливые вопли новообращенных прихожан под оглушительные удары мелодеона, следовало постоять некоторое время

под окнами публичного дома, откуда доносились благопристойные тихие голоса. Сказать по чести, трудно было не перепутать назначение этих двух заведений. Итак, бордели были разрешены, но официально не признаны.

Расскажу об импозантных храмах любви в Салинасе. В других городах были такие же, но к нашему повествованию имеет прямое отношение именно район Салинас-Роу.

Прогуляемся по Мэйн-стрит до поворота, где главная улица пересекается с Кастровилль-стрит, которая теперь по непонятным причинам переименована в Маркет-стрит. Раньше улицу называли по тому месту, куда она ведет. Пройдя девять миль по Кастровилль-стрит, попадаешь в Кастровилль, а Элисэл-стрит ведет в Элисэл, и так далее.

Как бы там ни было, с Кастровилль-стрит нужно свернуть направо. Двумя кварталами ниже ее наискосок с севера на юг пересекает Южно-Тихоокеанская железная дорога, а с востока на запад — улица, названия которой, хоть убей, не помню. Если повернуть по этой улице налево и перейти за железнодорожную линию, попадем в китайский квартал Чайнатаун, а свернув направо — окажемся в Салинас-Роу.

Зимой черная глинистая почва на улице превращалась в непролазную липкую грязь, а летом она становилась твердой, как железная плита, изрытая колеями. Весной обочины зарастали высокой травой, в основном овсюгом и просвирником с вкраплениями желтой горчицы. По утрам над кучами лошадиного навоза весело чирикали воробьи.

Скажите, старики, помните ли вы их задорное щебетанье? А ветерок со стороны Чайнатауна, доносящий аромат жарящейся свинины вперемешку с запахом крепкого черного табака и опиума, с примесью сладковатой гнильцы? А удары большого гонга в китайской кумирне, отголоски которых еще долгое время гулким эхом отдавались в воздухе?

Помните маленькие домики с облупившейся краской, давно не знавшие ремонта? Они казались такими крошечными, будто за внешней убогостью хотели скрыть то, что происходит внутри. Со стороны улицы их загораживали от любопытных взоров заросшие палисадники. А вечно опущенные шторы, по краям которых пробивались узкие полоски желтого света? За ними можно было различить лишь приглушенные голоса. Потом парадная дверь открывалась,

впуская в дом какого-нибудь деревенщину, и тогда слышались тихий смех и обрывки грустной мелодии, исполняемой на пианино со снятой рамой, где поперек струн лежит цепочка от туалетного бачка. В следующее мгновение дверь снова наглухо закрывалась.

Вскоре раздавался плюхающий стук копыт по покрытой жидкой грязью улице, и к домику подъезжал экипаж местного извозчика Пэта Булена. Он высаживал четверых или пятерых представительных господ. То были важные богатые люди, занимающие высокие должности в банках, судах и администрации округа. Завернув за угол, Пэт дожидался возвращения своих пассажиров, глядя на сытых котов, которые, пролетев стрелой через улицу, исчезали в высокой траве.

А помните свисток паровоза и яркий луч света, прорезающий темноту? Это товарный поезд из Кинг-Сити с грохотом пересекает Кастровилль-стрит, направляясь в Салинас. И слышно, как он пыхтит на станции. Помните?

В каждом городе есть свои знаменитые хозяйки публичных домов, увековеченные в сентиментальных историях, которые в течение долгих лет передаются из уст в уста. Непреодолимая сила влечет мужчин к содержательницам борде-

лей, которые сочетают в себе деловую смекалку и непреклонную волю чемпиона по борьбе с чуткостью хорошего друга и горьким юмором актера-трагика. Ее фигура обрастает легендами, в которых, как ни странно, нет и намека на сладострастие. В рассказах о хозяйке борделя затрагиваются любые темы, кроме постели. В своих воспоминаниях старые клиенты отмечают ее человеколюбие и описывают как непререкаемый авторитет в вопросах медицины, первоклассного вышибалу и поэтессу, воспевающую плотские наслаждения, не принимая в них личного участия.

В течение многих лет в Салинасе обитало два таких бесценных сокровища: Дженни, которую иногда величали «Пердунья-Дженни», и Негритянка, владеющая заведением под вывеской «Зелененькие». Дженни была настоящим другом, хранила все секреты клиентов и, при необходимости, ссужала их тайком деньгами. В Салинасе имеется целое собрание сочинений о ее жизни.

Негритянка была красивой суровой женщиной с белоснежными волосами и мрачным, внушающим священный страх чувством собственного достоинства. Ее глубоко посаженные карие глаза взирали на уродливый мир с философской скорбью. Своим заведением она управляла как

храмом в честь печального бога плодородия Приапа, которому грусть не мешает держать свой фаллос в состоянии полной боевой готовности. Если возникало желание хорошенько повеселиться, клиенты шли к Дженни, где уплаченные за удовольствие деньги сполна окупались. Но если в своем одиночестве вас мучила вселенская тоска, от которой на глаза навертываются слезы, следовало немедленно отправиться в «Зелененькие». При выходе из этого заведения возникало чувство, что произошло событие, исполненное суровой важности. Это вам не в сене покувыркаться. И еще несколько дней за вами неотступно следили прекрасные темные глаза Негритянки.

Когда из Сакраменто приехала Фей и открыла свое заведение, действующие хозяйки борделей встретили ее с враждебным ажиотажем и, объединив усилия, решили выжить из Салинаса. Однако очень скоро выяснилось, что приезжая не составит им конкуренции.

От пышногрудой, широкобедрой Фей веяло материнским теплом. На ее необъятном бюсте можно было выплакать свое горе и получить желанное утешение. Обстоятельный, суровый секс, который предлагали у Негритянки, и кабацкие вакханалии у Дженни имели своих привержен-

цев, и Фей их не переманивала. Ее заведение стало пристанищем для хныкающих юнцов, оплакивающих потерю невинности и жаждущих очередного приобщения к греху. Фей стала утешительницей несчастных мужей, которые в ее заведении получали вознаграждение за холодность, проявляемую женами. Одним словом, здесь было уютно, как на пропитанной ароматом корицы бабушкиной кухне, и очередное грехопадение у Фей рассматривалось как случайная и вполне простительная шалость. В ее доме юношей Салинаса мягко и бережно вели по тернистой тропе плотских утех. Фей была славная женщина, не слишком умная, в высшей степени нравственная и отчаянно боявшаяся любых скандалов. Люди ей доверяли, и она платила им тем же. Познакомившись с Фей, ни у кого не возникало желания обидеть почтенную женщину. Ее заведение не соперничало с местными борделями, а стало вполне уместным дополнением к ним.

В любом магазине или на ранчо все работники являются отражением своих хозяев. Та же картина наблюдается и в публичном доме, отчасти потому, что хозяйка берет на работу девушек, соответствующих ее вкусу, а кроме того, личность хорошей хозяйки наносит определенный отпеча-

ток на весь ее бизнес. У Фей не сквернословили и не говорили непристойности, и отлучки в спальни и оплата услуг осуществлялись так деликатно и ненавязчиво, что выглядели чистой случайностью. В общем, заведение у нее было высшего класса, о чем хорошо знали шериф и констебль. Фей принимала активное участие в благотворительной деятельности города. Питая отвращение к скверным болезням, она, не скупясь, оплачивала визиты врача, который осматривал девиц. Опасность подцепить дурную болезнь в заведении Фей была так же мала, как при общении с учительницей из воскресной школы. Одним словом, очень скоро Фей стала почтенной, не вызывающей нареканий жительницей стремительно развивающегося города Салинас.

2

Новенькая девушка Кейт озадачила Фей. Совсем молоденькая, красивая, хорошо образованная и с прекрасными манерами. Фей привела ее в святая святых, свою спальню, и задала гораздо больше вопросов, чем любой другой девице. К дверям публичного дома приходили многие женщины, и большинство из них Фей могла рас-

кусить с первого взгляда и дать соответствующую оценку: лентяйка, мстительная, похотливая, не удовлетворенная жизнью, жадная до денег или с большими амбициями. Кейт не подпадала ни под одну из перечисленных категорий.

— Надеюсь, вы не обидитесь на мои вопросы, — обратилась Фей к новенькой. — Однако странно, что вы пришли сюда, хотя могли бы выйти замуж и обзавестись собственным экипажем и приличным домом в городе, не прилагая особых усилий. — Фей покрутила обручальное кольцо на пухлом пальчике.

— Мне трудно объяснить, — робко улыбнулась Кейт. — Надеюсь, вы не станете настаивать, ведь от этого зависит покой и счастье очень близкого и дорогого сердцу человека. Прошу вас, не спрашивайте ни о чем.

Фей с важным видом кивнула:

— Мне доводилось сталкиваться с подобной ситуацией. У нас работала девушка, у которой был на иждивении ребенок, и долгое время об этом не знала ни одна душа. Сейчас у нее прекрасный дом и хороший муж в… Чуть не проболталась. Я скорее откушу себе язык, чем выдам чужую тайну. Значит, у вас, милая, есть ребенок?

Кейт потупилась, пряча навернувшиеся на

глаза слезы. Справившись с волнением, она прошептала:

— Простите, не могу об этом говорить.

— Ну что ж, успокойтесь, милая. Всему свое время.

Фей не блистала умом, но и назвать ее глупой никто бы не рискнул. Для очистки совести почтенная дама направилась к шерифу, справедливо полагая, что лишний раз испытывать судьбу не стоит. Она сразу поняла, что в истории Кейт не все ладно, но если ее прошлое не нанесет ущерба заведению, то Фей оно не касается.

Кейт могла оказаться обычной мошенницей, однако сразу же выяснилось, что это не так. Она немедленно приступила к работе, а когда клиенты снова и снова приходят в заведение и спрашивают девушку по имени, значит, она кое-чего стоит. И смазливого личика в этом деле недостаточно. Для Фей было очевидно, что Кейт в профессии не новичок.

Когда в борделе появляется новенькая, полезно сразу же выяснить, какова она в работе и умеет ли ладить с остальными девушками. Нет ничего хуже для приличного заведения, чем девица со скверным неуживчивым характером.

Сомнения Фей очень быстро рассеялись. Кейт

изо всех сил старалась быть приятной для окружающих. Помогала другим девушкам с уборкой комнат, ухаживала за больными, выслушивала их исповеди о житейских неудачах, давала советы в любовных делах, а когда появлялись деньги, охотно давала в долг. Не девушка, а мечта. Для всех в заведении Кейт стала лучшей подругой.

Кейт не чуралась самой тяжелой и неблагодарной работы, а кроме того, с ее появлением дела в заведении пошли в гору, и вскоре она обзавелась постоянной клиентурой. Она была чуткой и внимательной, помнила все дни рождения и непременно дарила имениннице торт со свечами. Фей понимала, что в лице новенькой обрела настоящее сокровище.

Люди несведущие полагают, что быть хозяйкой публичного дома очень легко. Сиди себе в удобном кресле, попивай пиво и забирай половину денег, заработанных девушками. Однако в действительности дело обстоит иначе. Девушек нужно кормить, а значит, покупать еду и держать повара. Что до стирки белья, то проблем здесь гораздо больше, чем в любой гостинице. Необходимо следить за здоровьем девушек, заботиться об их благополучии и хорошем настроении. Ведь некоторые становятся не в меру обидчивыми и

злобными. Следует также свести к минимуму возможность самоубийства, ведь стареющих проституток часто тянет перерезать вены, а подобное происшествие создает дурную славу заведению.

Да, дело не из легких, а кроме того, необходимо вести хозяйство экономно, чтобы не оказаться в убытке. И Фей обрадовалась, когда Кейт предложила помочь с закупкой продуктов и составлением меню, хотя и не представляла, когда девушка найдет на это время. Однако в первый же месяц не только улучшилось качество еды, но и на треть уменьшились счета из бакалейной лавки. Что касается прачечной, Фей понятия не имела, как именно Кейт договорилась с хозяином, но сумма очередного счета была на двадцать пять процентов меньше предыдущей. Фей уже не представляла, как обходилась без Кейт раньше.

Ближе к вечеру, перед началом работы, они сидели в комнате у Фей и пили чай. Спальня Фей стала выглядеть гораздо привлекательней, после того как Кейт покрасила деревянные панели и повесила кружевные занавески. Девушки вскоре смекнули, что теперь у них две хозяйки, и искренне радовались этому открытию, так как с Кейт было легко поладить. Правда, она приказала пользоваться в работе с клиентами разнообраз-

ными штучками, о которых раньше девушки не знали, но делала это ненавязчиво и незлобно. Девиц забавляли ее предложения, над которыми веселились все вместе.

По прошествии года отношения между Фей и Кейт стали родственными, как между матерью и дочерью.

— Вот посмотрите, — говорили девушки, — когда-нибудь она станет хозяйкой заведения.

Кейт никогда не сидела сложа руки, занимаясь вышиванием тончайших носовых платочков из батиста, которые украшала затейливыми вензелями. Почти у всех девушек имелись такие платочки, и они очень дорожили подарками Кейт.

В конце концов произошло то, чего и следовало ожидать. Сама природа создала Фей для материнства, и она стала относиться к Кейт как к родной дочери. В ее сердце пробудились неведомые до сих пор чувства, и природная порядочность взяла верх. Фей не хотела, чтобы ее дочь занималась проституцией. Желание вполне оправданное.

Она долго ломала голову, как лучше начать разговор на щекотливую тему, а сделать это было непросто. Фей имела обыкновение подходить к любому вопросу издалека и не могла заявить в

лоб: «Хочу, чтобы ты оставила ремесло проститутки».

— Если это тайна, не отвечай, — помявшись, начала она. — Я давно хотела спросить, что тебе сказал шериф… Господи, когда же это было? Неужели уже прошел год? Как летит время! И с возрастом все быстрей. Он провел у тебя около часа. Разве он… Но нет, разумеется, это исключено. Шериф — человек семейный и ходит к Дженни. Впрочем, не хочу совать нос в твои дела.

— Никакой тайны нет, — успокоила ее Кейт. — Я и сама бы рассказала, спроси ты меня сразу. — Он велел мне отправляться домой, но вел себя вежливо. Я объяснила, что не могу выполнить его распоряжение, и шериф отнесся ко мне с пониманием и участием.

— А ты объяснила причину? — ревниво спросила Фей.

— Разумеется, нет. Неужели думаешь, я стану рассказывать шерифу то, что скрываю даже от тебя? Не будь глупышкой. Какая же ты смешная, миленькая моя.

Фей улыбнулась и с довольным видом устроилась поудобнее в кресле.

Лицо Кейт хранило безмятежное выражение, однако она сохранила в памяти каждое слово

из разговора с шерифом. Пожалуй, он ей даже понравился своей прямотой.

3

Плотно закрыв за собой дверь, шериф окинул комнаты быстрым, подмечающим каждую мелочь взглядом хорошего полицейского, но не обнаружил ни фотографий, ни других предметов, которые могут рассказать о личности живущего здесь человека. Только одежда и обувь.

Он уселся в плетеное кресло-качалку, слишком маленькое для его обширного зада, который свисал по краям, и сцепил пальцы, будто они общались между собой, как муравьи. Говорил шериф ровным, безразличным тоном, словно его мало интересовали собственные слова. Возможно, на Кейт произвела впечатление именно его манера разговаривать.

Поначалу Кейт напустила на себя вид глуповатой простушки, но уже после первых слов шерифа отказалась от этой затеи и принялась внимательно его рассматривать, стараясь проникнуть в мысли. Шериф не пытался встретиться с ней взглядом, но и глаз тоже не отводил, и Кейт понимала, что они изучают друг друга. Она по-

чувствовала, как взгляд собеседника скользнул по шраму, будто он дотронулся до лба рукой.

— Я не хочу заводить дело, — спокойным голосом сообщил он. — Я уже давно в должности шерифа. Еще один срок, и, пожалуй, с меня хватит. Знаете, голубушка, встреться я с вами лет пятнадцать назад, непременно начал бы расследование и, полагаю, откопал бы нечто мерзопакостное в вашем прошлом. — Шериф замолчал, ожидая реакции девушки, однако та не произнесла ни слова. С понимающим видом кивнув, он продолжил речь: — Но я ничего не желаю знать и только хочу, чтобы в моем округе были мир и покой, а это значит, что люди должны по ночам укладываться спать. С вашим мужем я не встречался, — продолжил шериф, и Кейт поняла, что от его внимания не ускользнуло, как она напряглась при этих словах. — Слышал, человек он очень хороший, а еще, говорят, ему здорово досталось. — На мгновение их глаза встретились. — Не хотите узнать, тяжело ли вы его ранили?

— Хочу, — откликнулась Кейт.

— Он поправится. Плечо раздроблено, но он выздоровеет. Китаец ухаживает за ним отменно. Разумеется, он еще долго не сможет владеть левой рукой. Сорок четвертый калибр способен

разорвать человека на части. Не вернись китаец вечером, он умер бы от потери крови, а я посадил бы вас в тюрьму.

Кейт, затаив дыхание, вслушивалась в слова шерифа, пытаясь понять, куда он клонит, но ход его мыслей оставался неясным.

— Я сожалею, что так поступила, — прошептала она.

Взгляд шерифа стал настороженным.

— Вот вы и допустили первую оплошность, — заметил он. — Никаких угрызений совести или раскаяния вы не чувствуете. Я знавал людей вашего типа. Двенадцать лет назад повесил одного мерзавца перед окружной тюрьмой. В то время это было обычным делом.

В маленькой комнате с кроватью из красного дерева, умывальником с мраморным столиком, на котором стояли таз и кувшин, а внизу виднелась дверца для ночного горшка, и стенами, оклеенными обоями в мелкую розочку, повисла мертвая тишина.

Шериф рассматривал картинку с тремя ясноглазыми кудрявыми херувимами с голубиными крылышками, растущими в том месте, где должна находиться шея.

— Забавно видеть такую картинку в борделе, —

нахмурился он.

— Она висела здесь до меня, — пояснила Кейт. Не вызывало сомнений, что прелюдия закончилась и шериф намеревается перейти к делу.

Выпрямившись в кресле, он расцепил пальцы и положил на поручни. Даже его тучный зад немного подтянулся.

— Вы бросили двух детей, — начал шериф. — Не волнуйтесь, я не собираюсь возвращать вас в лоно семьи. Наоборот, сделаю все возможное, чтобы вы не вернулись. Я знаю вашу породу и мог бы выгнать из округа, а другой шериф погнал бы вас дальше через всю страну, пока не плюхнетесь в Атлантический океан. Но я не хочу этого делать, и мне плевать, чем вы занимаетесь, пока не доставляете хлопот. Шлюха есть шлюха, и ничего тут не поделаешь.

— Чего же вы от меня хотите? — ровным голосом поинтересовалась Кейт.

— Так-то лучше, — с удовлетворением заметил шериф. — Вот мои требования. Вижу, вы поменяли имя, что ж, живите под ним и дальше. А еще придумали местность, откуда приехали. Пусть все так и думают. А если вдруг невзначай выпьете лишнего и захотите пооткровенничать насчет причин, что привели вас сюда, не дай вам бог

связать их с Кинг-Сити.

На губах Кейт заиграла легкая и отнюдь не вымученная улыбка. Ей начинал нравиться этот человек. Он вызывал доверие.

— Да, и вот еще что я подумал, — продолжил шериф. — У вас много знакомых в Кинг-Сити?

— Нет.

— До меня тут дошли слухи об истории с вязальной спицей, — небрежно заметил он. — Возможно, в заведение Фей наведается человек, знающий вас в лицо. Это ваш естественный цвет волос?

— Да.

— Покрасьте их в черный цвет и станьте на время брюнеткой. На свете полно похожих друг на друга людей.

— А что делать с этим? — Тонкий пальчик Кейт скользнул по шраму.

— Назовем его… Черт возьми, проклятое слово вылетело из головы! Еще утром помнил.

— Совпадением?

— Вот именно, случайным совпадением. — Шериф всем своим видом дал понять, что разговор приближается к концу. Достав табак и курительную бумагу, он свернул неряшливую, неровную папиросу, отломил спичку, чиркнул ей и до-

ждался, когда едкий синий огонек пожелтеет. Папироса раскурилась неудачно, с одного бока.

— Вы мне угрожаете? — осведомилась Кейт. — Что вы предпримете, если я…

— Нет, не угрожаю, хотя в случае чего могу прижать так, что мало не покажется. Но я не хочу, чтобы вы сами, ваши действия или слова причинили вред мистеру Траску и его малышам. Давайте договоримся, миссис Траск умерла, и вы не имеете к ней никакого отношения, и тогда мы прекрасно поладим.

Шериф поднялся с места и направился к двери, но вдруг остановился и резко повернулся к Кейт:

— У меня есть сын, в этом году ему исполнится двадцать лет. Высокий симпатичный парень с переломанным носом. Я не хочу, чтобы он сюда приходил. Фей тоже предупрежу. Пусть развлекается у Дженни. Если он вдруг здесь появится, отправьте к Дженни.

Шериф закрыл за собой дверь, а Кейт тихо улыбалась, глядя на свои изящные пальчики.

4

Фей повернулась в кресле и взяла ломтик паночи, лакомства, приготовленного из желтого

сахара, молока и масла с начинкой из грецких орехов. Набив рот, она обратилась к Кейт, и та невольно поежилась. Фей будто читала ее мысли:

— Я уже говорила, и еще скажу: блондинкой ты мне нравилась больше. Не знаю, что на тебя нашло и зачем понадобилось менять цвет волос. Ведь у тебя такая светлая кожа.

Кейт подцепила волосок ногтями большого и указательного пальцев и слегка потянула. Она была очень умна и решила, что в данном случае правда окажется лучше любой самой изощренной лжи.

— Не хотела тебе говорить, но боюсь, что если меня кто-нибудь узнает, моим родным грозят большие неприятности.

Поднявшись с кресла, Фей подошла к девушке и поцеловала ее в щеку.

— Какая же ты заботливая, детка.

— Давай выпьем чая, — предложила Кейт. — Подожди минутку, я все принесу. — Выйдя из комнаты, она направилась на кухню, вытирая на ходу оставшийся на щеке след от поцелуя.

Фей снова уселась в кресло и взяла еще ломтик лакомства с цельным грецким орехом. На беду там оказался острый кусочек скорлупы, который

попал в дупло больного зуба и вонзился в нерв. От боли потемнело в глазах, а лоб покрылся испариной. Вернувшись в комнату с подносом, на котором стоял чайник с чашками, Кейт застала хозяйку с перекошенным лицом и засунутой в рот рукой. Фей тщетно пыталась подцепить скрюченным пальцем скорлупку.

— Что случилось?! — воскликнула девушка.

— Зуб, — простонала Фей. — Туда попала скорлупка.

— Постой, дай посмотрю. Открой рот и покажи где. — Кейт заглянула ей в рот, а потом подошла к столу, накрытому скатертью с бахромой, где стояла вазочка с орехами. Взяв острую стальную палочку, предназначенную для извлечения ядрышек, она в мгновение ока вытащила скорлупку из больного зуба и, положив на ладонь, показала Фей: — Вот она.

Нерв потихоньку успокаивался, и острая боль стала ноющей.

— Такая маленькая? А казалось, будто в рот воткнули кол. Послушай, дорогая, открой второй ящик, там у меня хранятся лекарства. Будь добра, возьми камфарную настойку опия и кусочек ваты и помоги положить в зуб.

Кейт вынула склянку с лекарством и, смочив

ватный шарик, вставила его в дупло с помощью той же металлической палочки.

— Этот зуб нужно вырвать.

— Да, я так и сделаю.

— У меня с этой стороны трех зубов не хватает, — призналась Кейт.

— Неужели? А совсем незаметно. Господи, меня всю трясет. Голубушка, принеси эликсир Пинкхэм. — Отпив глоток травяного эликсира, Фей с облегчением вздохнула. — Что за чудесное лекарство! Женщину, которая его придумала, нужно причислить к лику святых.

Глава 20
1

Погожий день клонился к вечеру. Фей смотрела из окна на розовеющую в лучах заходящего солнца вершину Фремонт-Пик. Со стороны Кастровилль-стрит доносился мелодичный звон колокольчиков — это спускалась в долину запряженная восьмеркой лошадей телега с зерном. В кухне гремел кастрюлями повар. Что-то тихо шаркнуло по стене, а затем послышался робкий стук в дверь.

— Заходи, Незрячий, — пригласила Фей.

Дверь отворилась, и на пороге показалась скрюченная фигура слепого пианиста. Он ждал, когда Фей снова заговорит, чтобы определить, где она находится.

— Чего тебе надо? — поинтересовалась хозяйка заведения.

— Мне нездоровится. — Слепой повернулся на звук голоса. — Хочу залечь в постель и не играть сегодня вечером, мисс Фей.

— Послушай, Незрячий, ты и на прошлой неделе пропустил два вечера. Тебе что, работа не

нравится?

— Просто малость расхворался.

— Хорошо, только впредь позаботься о своем здоровье.

— Откажись на пару недель от опиума, Незрячий, — мягким голосом посоветовала Кейт.

— Ох, мисс Кейт, а я и не знал, что вы тут. Я и не думал курить.

— Нет, ты снова накурился, — настаивала Кейт.

— Вы правы, мисс Кейт. Непременно брошу эту дрянь, а сейчас мне нездоровится. — Пианист закрыл за собой дверь, и женщины снова услышали, как он шаркает по стене рукой.

— А меня уверял, что перестал курить опиум, — протянула Фей.

— И не думал.

— Бедняжка, — пожалела слепого Фей. — Ну какие у него радости в жизни?

— Какая ты добрая, — умилилась Кейт, стоя перед хозяйкой. — Всем веришь. Если так и дальше пойдет, в один прекрасный день у тебя украдут и крышу над головой, разве только я помешаю.

— Кому надо меня обкрадывать? — удивилась Фей.

— Не все такие добрые и славные, как ты. —

Кейт погладила хозяйку по полному плечу.

В глазах Фей заблестели слезы, и она промокнула их платочком, который взяла с соседнего кресла, а потом аккуратно вытерла нос.

— Знаешь, Кейт, ты мне как родная дочь.

— Я и сама начинаю в это верить. Матери я не помню, она умерла, когда я была совсем маленькой.

Фей глубоко вздохнула и наконец решила затронуть тему, которая так ее волновала:

— Послушай, Кейт, мне не нравится, что ты здесь работаешь.

— Почему?

Фей встряхнула головой, стараясь подобрать нужные слова:

— Не подумай, что я стыжусь. У меня прекрасное заведение. А ведь на моем месте могла оказаться хозяйка, у которой оно не было бы таким добропорядочным. Я никому не причиняю зла, и стыдиться мне нечего.

— Действительно, что это тебе пришло в голову? — удивилась Кейт.

— Но я не хочу, чтобы ты работала с клиентами. Мне это не по душе. Ты мне вместо дочери, и я не хочу, чтобы моя дочь работала.

— Не будь глупенькой, хорошая ты моя, — при-

нялась уговаривать Кейт. — Работать мне все равно придется, не здесь, так в другом месте. Ведь нужно зарабатывать деньги.

— У тебя нет такой нужды.

— Разумеется, есть. Как еще добыть деньги?

— Ты и правда могла бы стать мне дочерью и управлять заведением. Вести все дела вместо меня и не ходить в спальню с клиентами. Ты же знаешь, мне порой нездоровится.

— Знаю, бедняжка моя. Но мне нужно зарабатывать деньги.

— Да денег хватит на нас обеих, Кейт. Я могла бы компенсировать твое жалованье и дать гораздо больше, ведь ты этого достойна.

Кейт печально покачала головой:

— Я очень тебя люблю и хотела бы выполнить твою просьбу. Но тебе самой нужен хоть небольшой запас денег. Представь, вдруг с тобой что-нибудь случится. Нет, мне нужно работать и дальше. Знаешь, сегодня вечером ко мне придут пятеро постоянных клиентов.

Фей вздрогнула, как от удара.

— Не хочу, чтобы ты работала.

— Но я должна, матушка.

Последнее слово Кейт достигло цели, и Фей разрыдалась. Кейт села на поручень кресла и

стала гладить хозяйку по щеке, утирая ей слезы. Всхлипывания постепенно утихли.

На долину опускались сумерки, и лицо Кейт выделялось светлым пятном на фоне темных волос.

— Ну вот, ты успокоилась, а я посмотрю, что делается на кухне, а потом пойду одеваться.

— Кейт, разве нельзя сказать постоянным клиентам, что ты нездорова?

— Разумеется, нет, матушка.

— Послушай, Кейт, сегодня среда, и после часа посетителей не ожидается.

— Сегодня празднуют «Дровосеки всего мира».

— Ах да, но в среду «Дровосеки» не задержатся позднее двух.

— К чему ты клонишь?

— Кейт, когда закончишь, постучи мне в дверь. Для тебя есть маленький сюрприз.

— Какой сюрприз?

— Это секрет! Будешь проходить мимо кухни, попроси повара заглянуть ко мне.

— Похоже, у нас будет торт.

— Не задавай вопросов, милая. Это сюрприз.

— Какая же ты все-таки славная, матушка.

Закрыв за собой дверь, Кейт некоторое время стояла в коридоре, нежно теребя пальцами остренький подбородок. В глазах застыло безмя-

тежное выражение. Заложив руки за голову, она сладко потянулась всем телом и неторопливо погладила грудь, а потом ладони скользнули вниз, до самых бедер, и уголки губ приподнялись в едва уловимой улыбке. В следующее мгновение она направилась в сторону кухни.

2

Постоянные клиенты нанесли визит и разошлись по домам, потом заглянули два заезжих коммивояжера, а «Дровосеки» так и не появились. Девицы просидели в гостиной до двух ночи в праздном ожидании, время от времени лениво позевывая.

Между тем «Дровосекам» помешало посетить заведение Фей печальное событие. Во время заключительной церемонии, пред самым ужином, с Кларенсом Монтитом случился сердечный приступ. До прибытия врача его положили на ковер и стали прикладывать ко лбу смоченные холодной водой салфетки. Охота ужинать у всех пропала. Вскоре приехал доктор Уайлд и осмотрел Кларенса, после чего «Дровосеки» соорудили носилки из двух пальто, в рукава которых вставили древки флагов. По дороге домой Кларенс скончался, и

пришлось снова посылать за доктором Уайлдом. «Дровосеки» обсудили грядущие похороны и написали некролог в «Салинас джорнал», после чего ни у кого не возникло желания посетить бордель.

На следующий день, узнав о печальном событии, девушки вспомнили, как Этель без десяти два сказала: «Господи! Никогда у нас не было так тоскливо. Ни музыки, ни разговоров. Кейт словно язык проглотила. Будто в доме покойник».

Впоследствии Этель удивлялась своим пророческим словам.

— Что это случилось с нашей Кейт? — поддержала Грейс. — Молчит, как воды в рот набрала. Может, тебе нездоровится? Эй, слышишь, Кейт?

Кейт вздрогнула, отвлекаясь от своих мыслей.

— Ох, я просто задумалась.

— А вот мне думать не о чем, — зевнула Грейс. — Спать-то как хочется. Что толку здесь сидеть? Давайте сходим к Фей. Может, уже можно закрывать? Похоже, сегодня сюда не заглянет даже паршивый китаец. Все, я пошла к Фей.

— Оставь Фей в покое, — остановила девушку Кейт. — Ей нездоровится. Закроемся в два часа.

— Эти часы врут, — заметила Этель. — А что случилось с Фей?

— Вот об этом я и думала, — призналась Кейт. — Фей в последнее время плохо себя чувствует, и я страшно беспокоюсь о ее здоровье. Правда, она держится, как может, делает вид, что все хорошо.

— Да вроде со здоровьем у нее все в порядке, — усомнилась Грейс.

И тут с очередным пророчеством вмешалась вещунья Этель:

— А по-моему, она неважно выглядит. И румянец какой-то нездоровый. Я давно заметила.

— Только не вздумайте, девочки, передать Фей мои слова, — тихим голосом предупредила Кейт. — Она не хочет вас тревожить. Какая же она заботливая и славная!

— Да, здесь лучший бордель из всех, где мне доводилось трахаться, — поддержала Грейс.

— Не дай боже, Фей услышит твои слова, — возмутилась Элис.

— Ха, она и не такое слыхала! Думаешь ей это в диковинку?

— Фей не выносит сквернословия. Во всяком случае, от нас подобных слов не потерпит.

— Хочу рассказать о том, что случилось сегодня ближе к вечеру, — словно не замечая словесной перепалки подруг, продолжила Кейт. — Мы пили

чай, и вдруг Фей упала в обморок. Ей непременно нужно показаться врачу.

— Вот-вот, и я говорю, нездоровый у нее румянец, — снова провещала Этель. — Эти часы точно врут, только забыла, в какую сторону.

— Ложитесь спать, девочки, а я запру дверь, — сказала Кейт.

Девушки разошлись, а Кейт заглянула к себе в комнату и переоделась в прелестное новое ситцевое платье, в котором сразу стала похожа на школьницу. Она расчесала волосы, заплела в косу, забросила ее за спину и завязала маленький белый бантик, а потом смочила щеки туалетной водой «Флорида». Мгновение поколебавшись, Кейт достала из верхнего ящика комода изящные золотые часики на булавке в виде лилии, завернула их в батистовый носовой платок собственной работы и вышла из комнаты.

В коридоре было темно, но из-под двери Фей виднелась полоска света. Кейт тихо постучала.

— Кто там? — послышался голос хозяйки.

— Это я, Кейт.

— Подожди немного в коридоре. Я скажу, когда можно зайти. — Из комнаты доносились шорохи, а потом Фей позвала: — Заходи, все готово.

Фей украсила свою спальню. По углам на бам-

буковых жердочках висели японские фонарики со свечами, а красная гофрированная бумага, натянутая от центра потолка, придавала комнате сходство с шатром. На столе в окружении подсвечников красовался большой белый торт. Рядом стояла коробка с шоколадными конфетами, а чуть в стороне ведерко с колотым льдом, из которого выглядывала бутыль шампанского на полтора литра. Фей надела парадное кружевное платье, а ее глаза светились от избытка чувств.

— Что здесь происходит?! — изумилась Кейт. — Похоже на настоящий праздник!

— Угадала. Праздник в честь моей любимой дочери.

— Но у меня не день рождения, — возразила Кейт.

— А я думаю, в некотором смысле именно сегодня твой день рождения.

— Не пойму, куда ты клонишь, но я принесла тебе маленький подарок. — Кейт положила свернутый в узелок платочек на колени Фей. — Разверни, только аккуратно, — попросила она.

Фей взяла в руки часики:

— Милая моя девочка, да ты с ума сошла! Нет, я не могу принять такой подарок! — Фей посмотрела на циферблат, а потом поддела ногтем заднюю

крышечку и прочла выгравированную надпись: «От всего сердца К. от А».

— Часы принадлежали маме, — призналась Кейт. — А теперь мне хочется подарить их моей вновь обретенной матери.

— Милая моя девочка! Дорогое дитя!

— Мама была бы довольна.

— Однако праздник устраиваю я, и у меня имеется подарок для любимой дочери. Я даже придумала, как его преподнести. Открой шампанское, Кейт, и налей два бокала, а я пока нарежу торт. Хочу, чтобы все выглядело красиво и торжественно.

Фей села за стол и подняла свой бокал:

— Выпьем за мою дочь. И да будет твоя жизнь долгой и счастливой.

Женщины осушили бокалы, и Кейт предложила очередной тост:

— За мою маму.

— Я сейчас расплачусь. Ты растрогала меня до слез, девочка, — пробормотала Фей. — Там, на комоде шкатулка из розового дерева. Принеси ее. Так, хорошо. А теперь поставь на стол и открой.

В полированной шкатулке лежал свернутый трубочкой листок бумаги, перевязанный красной ленточкой.

— Господи, что это? — изумилась Кейт.

— Мой подарок. Разверни листок.

Кейт осторожно развязала красную ленточку и прочла написанный аккуратным изящным почерком документ: «Все свое имущество, без исключения, завещаю Кейт Олби, которую считаю своей дочерью». Внизу стояла подпись самой Фей и повара, которого она пригласила в свидетели.

Коротко и ясно, а главное, с юридической точки зрения не к чему придраться. Кейт трижды прочла завещание, посмотрела на дату, изучила подпись повара. Фей наблюдала за ней, приоткрыв от волнения рот, и шевелила губами вместе с Кейт.

Кейт снова свернула бумагу трубочкой и, перевязав лентой, положила в шкатулку и закрыла крышку.

— Ты рада? — нарушила молчание Фей.

Кейт пристально смотрела на хозяйку, словно пытаясь проникнуть в ее мысли.

— Я с трудом сдерживаюсь, матушка. Не знала, что на свете существуют такая доброта и благородство, — прошептала девушка. — Не могу говорить, боюсь разрыдаться и закатить истерику.

Событие оказалось еще более волнующим и

трогательным, чем предполагала Фей. Несмотря на видимое спокойствие, чувства били через край.

— Забавный подарок, верно? — улыбнулась Фей.

— Забавный? Вовсе нет.

— Я просто хочу сказать, что завещание — действительно довольно странный подарок. Но для меня это гораздо больше, чем обычное завещание. Теперь, когда ты стала мне дочерью, признаюсь, что у меня… нет, у нас есть наличные деньги и ценные бумаги на сумму более шестидесяти тысяч долларов. У меня в столе записаны номера банковских счетов и коды сейфов. Я очень выгодно продала заведение в Сакраменто. Почему ты молчишь, детка? Что тебя тревожит?

— От завещания веет смертью. Будто на гроб накинули покров.

— Но каждый человек должен оформить завещание.

— Знаю, матушка, — грустно улыбнулась Кейт. — Я вот подумала, что сюда нагрянет вся твоя родня и оспорит его. Не следует тебе писать завещание.

— Так вот что тебя удручает, бедная моя девочка? У меня нет родственников, о которых я знаю.

А если они где-нибудь и есть, то как им узнать о завещании? Неужели думаешь, я живу под именем, которое получила при рождении?

Кейт не сводила с хозяйки долгого пристального взгляда.

— Послушай, Кейт! Ведь у нас праздник. Не грусти!

Кейт поднялась с места и, отодвинув стол, опустилась на пол и уткнулась лицом в колени Фей. Ее тонкие пальчики гладили замысловатый листик, вышитый на юбке золотой нитью. Фей гладила Кейт по щеке и волосам. Рука скользнула по изящным ушкам необычной формы и робко прикоснулась к шраму на лбу.

— Никогда в жизни не была так счастлива, — призналась Кейт.

— Милая, и мне ты дала неслыханное счастье. Я больше не одинока и чувствую себя в полной безопасности.

Кейт осторожно потеребила ноготком золотую нить.

Они долго сидели, прильнув друг к другу, пока Фей не нарушила молчание:

— Кейт, мы совсем забыли о празднике. У нас же есть шампанское. Наполни бокалы, и давай веселиться.

— А стоит ли, матушка? — забеспокоилась Кейт.

— Почему бы и нет? Я иногда люблю немного выпить. Помогает очистить душу от пакости. Разве ты не любишь шампанское?

— Никогда не увлекалась вином. Оно на меня плохо действует.

— Чепуха. Наполни бокалы, милая.

Поднявшись с пола, Кейт разлила шампанское по бокалам.

— Пей до дна, а я прослежу. Ты же не хочешь, чтобы старушка напилась в одиночку?

— Ты вовсе не старушка, матушка.

— Хватит разговоров. Лучше выпей. Пока не осушишь бокал, я к вину не притронусь. — Дождавшись, когда Кейт выпьет шампанское, Фей залпом опрокинула свой бокал. — Вот так, хорошо. А теперь налей-ка еще. Не отставай, доченька. После двух-трех бокалов все горести улетают прочь.

Все существо Кейт восставало против алкоголя, она хорошо помнила печальные последствия и очень боялась.

— Давай до дна, девочка моя. Видишь, как стало хорошо? Наливай! — не унималась Фей.

После очередного бокала Кейт мгновенно

преобразилась. Страх пропал, и на все стало наплевать. Именно этого Кейт и боялась больше всего, но было уже поздно. Вино пробило брешь в тщательно выстроенной защитной стене, выставляя напоказ обман и хитроумные уловки, но Кейт это уже не волновало. Она окончательно утратила контроль над собой, голос стал резким и визгливым, губы сжались в тонкую линию, а широко посаженные глаза издевательски прищурились.

— А теперь, матушка, выпей ты, а я посмотрю. Будь умницей. Бьюсь об заклад, два кряду тебе не выпить.

— Лучше не спорь, Кейт. Проиграешь. Я могу выпить шесть подряд.

— Ну-ка поглядим.

— А ты будешь?

— А как же.

Началось состязание, по столу растекалась лужица вина, а содержимое бутыли быстро убывало.

— Я могла бы порассказать много интересного о молодых годах, — весело хихикнула Фей. — Ты даже не поверишь!

— А уж если я начну рассказывать, так вообще никто не поверит, — заявила Кейт.

— Кто, ты? Не говори ерунду. Ты совсем еще дитя.

— Только ты таких детишек сроду не видала, — визгливо расхохоталась Кейт. — Ничего себе дитя!

Резкий пронзительный звук пробился сквозь затуманенное вином сознание Фей, и она сосредоточенно посмотрела на собеседницу.

— Ты как-то странно выглядишь, — призналась Фей. — Наверное, все дело в лампочках. Совсем на себя не похожа.

— А я и есть другая.

— Зови меня «матушкой», милая.

— Пожалуйста, *дорогая матушка*, — передразнила Кейт.

— Кейт, у нас впереди замечательная жизнь.

— Верно. Ты и не представляешь, как славно мы заживем.

— Мне всегда хотелось побывать в Европе. Можем взять билеты на корабль, красиво одеться. Будем покупать платья в Париже.

— Может, так и поступим, только позже.

— Почему, Кейт? У меня много денег.

— А будет у нас еще больше.

— Но почему не поехать прямо сейчас? — умоляющим голосом захныкала Фей. — Можно

продать заведение и получить не меньше десяти тысяч долларов.

— Нет.

— Что значит «нет»? Мой дом, захочу и продам.

— Уже забыла, что я — твоя дочь?

— Мне не нравится твой тон, Кейт. Да что с тобой происходит? Осталось там еще вино?

— Немножко есть. Пей прямо из горлышка. Вот так, мамочка. Лей его себе на шею, под корсет, на жирное пузо.

— Не будь такой злюкой, Кейт! — заныла Фей. — Мы так хорошо праздновали, зачем ты хочешь все испортить?

Кейт вырвала у нее из рук бутылку и, запрокинув голову, осушила до дна и бросила на пол. Ее лицо приобрело хищное выражение, глаза сверкали, маленький рот приоткрылся, обнажая острые мелкие зубы и выступающие клыки.

— Эх, матушка, — тихо рассмеялась Кейт. — Я тебе покажу, как надо вести дела в борделе. Мы так прижмем мужичье, что приходит сюда опорожнить свое жалкое хозяйство за доллар! Уж мы им доставим удовольствие на всю катушку.

— Ты пьяна, Кейт, — хрипло выдавила Фей. — Не понимаю, что ты несешь.

— Ах, не понимаешь, милая матушка? Хочешь, чтобы я объяснила?

— Хочу, чтобы ты снова стала прежней милой Кейт.

— Поздно. Я не хотела пить, а ты меня заставила, жирная гусеница! Еще не забыла, что я — твоя любимая доченька? Век не забуду, как ты удивилась, что у меня постоянные клиенты. Неужели думаешь, я их брошу? Или полагаешь, они платят мне доллар мелкой монетой? Нет, мне дают десять долларов, и цена все время растет. Они уже не пойдут к другой шлюхе. Их никто не удовлетворит.

Фей рыдала, как ребенок.

— Прекрати, Кейт, — упрашивала она сквозь слезы. — Ты ведь не такая. Нет, не может быть.

— Милая жирненькая мамочка, спусти штаны кому-нибудь из моих постоянных клиентов и полюбуйся на следы каблучков в паху. Прелестное зрелище! А порезы, которые так долго кровоточат! Ах, матушка, у меня целый набор отменно наточенных бритв, лежат себе в футлярчике. А какие они острые!

Фей попыталась встать с кресла, но Кейт толкнула ее обратно.

— А знаешь, любимая мамочка, каким скоро

станет наш бордель? Назначим цену в двадцать долларов и заставим этих кретинов принимать ванну. А кровь будем утирать шелковыми платочками. Кровь, что останется после ударов узловатой плеточкой.

Фей хрипло вскрикнула, но Кейт быстро зажала ей рот рукой:

— Не шуми, будь умницей. Вытирай сопли о доченькину руку, только не вопи.

Убедившись, что Фей умолкла, Кейт вытерла руку о подол ее платья.

— Убирайся вон из моего дома, — прошептала Фей. — У меня приличное заведение, без всяких безобразий. Убирайся.

— Нет уж, матушка. Как же я брошу тебя, бедняжку, одну? — Голос Кейт стал ледяным. — Как же ты мне надоела. Смотреть тошно. — Она взяла со стола бокал и, подойдя к комоду, заполнила его наполовину настойкой с опием. — Вот, матушка, выпей. Тебе пойдет на пользу.

— Не хочу.

— Ну же, не упрямься. Будь умницей, пей. — И она стала вливать настойку в рот Фей. — Ну, еще глоточек, последний.

Некоторое время Фей что-то невнятно бормотала, но вскоре обмякла в кресле и громко

захрапела.

3

В дальних уголках сознания зашевелился страх, переросший в панический ужас. Кейт помнила, чем закончилась выпивка в прошлый раз, и к горлу подкатила тошнота. Сцепив руки, она металась по комнате, потом подошла к одному из фонариков, зажгла от него свечу, нетвердой походкой вышла в темный коридор и спустилась вниз на кухню. Взяв с полочки банку с сухой горчицей, Кейт насыпала ее в стакан, налила воды и, размешав, выпила. Держась за края раковины, она чувствовала, как огонь пробегает по горлу вниз, вызывая приступы неукротимой рвоты. После рвотных спазмов сердце бешено колотилось в груди, а на тело накатила слабость, но пагубное действие вина прошло, и рассудок прояснился.

Эпизод за эпизодом Кейт восстанавливала в памяти события прошлого вечера, принюхиваясь к каждой мелочи, словно испуганный зверек. Она умылась, вымыла раковину и, поставив банку с горчицей на полку, вернулась в комнату Фей.

Приближался рассвет, и Фремонт-Пик выделялась черной глыбой на фоне предутреннего неба.

Фей по-прежнему храпела в кресле. Некоторое время Кейт внимательно наблюдала за спящей женщиной, а потом начала разбирать ее кровать. Поднатужившись, она стащила обмякшее тело с кресла, доволокла до кровати и с трудом забросила наверх. Потом она раздела Фей, обмыла лицо и убрала одежду.

В комнате становилось все светлее. Кейт сидела у кровати, не спуская глаз с лица Фей. Хозяйка борделя спала с открытым ртом, из которого вырывалось тяжелое дыхание.

Фей беспокойно зашевелилась, с пересохших губ сорвалось несколько невнятных слов, и, вздохнув, она снова захрапела.

Взгляд Кейт стал настороженным. Открыв верхний ящик комода, она принялась изучать находившиеся там лекарства, которые составляли домашнюю аптечку. Настойка опия, обезболивающие пилюли, эликсир Лидии Пинкхэм, укрепляющая микстура, мазь Холла, английская соль, касторовое масло и нашатырный спирт. Кейт взяла склянку с нашатырным спиртом и, смочив содержимым носовой платок, положила его на лицо Фей, а сама предусмотрительно отошла в сторону.

От резкого удушающего запаха перехватило

дыхание, и Фей, судорожно дергаясь и фыркая, постепенно вырывалась из опутавшей сознание черной паутины. Ее глаза расширились от ужаса.

— Все хорошо, матушка, успокойся, — склонилась над ней Кейт. — Просто приснился дурной сон. Тебя испугал ночной кошмар.

— Да, приснилось, — пробормотала Фей, снова погружаясь в сон.

Однако после потрясения, которое организм получил от нашатыря, он уже не был таким спокойным и глубоким. Кейт поставила склянку на место, убрала на столе, вытерла пролитое вино и отнесла бокалы на кухню.

В доме стоял полумрак, но по краям задернутых занавесок уже начал пробиваться утренний свет. В пристройке за кухней проснулся повар, и было слышно, как он одевается и натягивает тяжелые башмаки.

Кейт бесшумно скользила по дому. Она выпила два стакана воды, а третий отнесла в комнату Фей и плотно закрыла за собой дверь. Подойдя к кровати, приподняла правое веко Фей, и на нее бесстыдно уставился глаз хозяйки. Он был на месте, а не закатился под лоб. Кейт действовала расчетливо, не спеша. Взяв в руки платок,

она понюхала ткань: запах был еще достаточно сильным. Она осторожно положила платок на лицо Фей, и когда та беспокойно заворочалась, просыпаясь, убрала его, и женщина снова погрузилась в забытье. Кейт проделала эту процедуру трижды, а потом отложила платок в сторону и взяла с мраморной крышки комода вязальный крючок из слоновой кости. Откинув одеяло, она прижала тупой конец крючка к рыхлой груди Фей, постепенно усиливая давление, пока та не стала корчиться и застонала во сне. Затем Кейт принялась с помощью крючка изучать чувствительные точки на теле хозяйки, прижимая его поочередно к подмышечной впадине, промежности, уху и клитору. Всякий раз она успевала вовремя убрать крючок, прежде чем Фей полностью придет в себя.

А та уже почти проснулась и, тяжело сопя, металась по постели. Кейт погладила ее по лбу, пробежала пальцами по руке и принялась тихо уговаривать:

— Милая моя, тебе приснился дурной сон. Избавься от него поскорее, матушка.

Фей стала дышать ровнее, повернулась на бок и с довольным бормотанием снова уснула.

Кейт поднялась с кровати и сразу же почув-

ствовала сильное головокружение. Поборов накатившую слабость, она подошла к двери и прислушалась. Не услышав ничего подозрительного, она выскользнула в коридор и, крадучись, прошла к себе в комнату, сняла платье и облачилась в ночную сорочку, халат и тапочки. Расчесав волосы, она надела чепец и обтерла лицо туалетной водой, а потом тихонько вернулась в спальню Фей.

Хозяйка заведения безмятежно спала, лежа на боку. Кейт открыла дверь в коридор и, взяв стакан с водой, вылила ее в ухо спящей.

Дом содрогнулся от истошного крика.

Этель вовремя высунула испуганное личико из своей спальни и обнаружила Кейт, которая застыла у двери, ведущей в комнату хозяйки. За спиной Кейт стоял повар и пытался помешать ей войти к Фей.

— Не ходите туда, мисс Кейт. Неизвестно, что там стряслось.

— Не говорите ерунды. Фей нужна помощь. — Отстранив руку повара, она бросилась к кровати.

Содрогаясь от плача, Фей обвела присутствующих безумным взглядом.

— Что с тобой, милая моя?

Повар стоял посреди комнаты, а в дверях топтались три заспанные девушки.

— Скажи мне, что случилось? — допытывалась Кейт.

— Ох, голубушка, сны! Жуткие сны! Они меня убивают!

Кейт повернулась к двери:

— Ей привиделся кошмарный сон. Все хорошо. Идите спать, а я с ней посижу. Алекс, принесите чайник.

Кейт хлопотала около больной без устали, и остальные девицы обсуждали событие между собой. Она прикладывала ко лбу Фей смоченные холодной водой полотенца и поила чаем, бережно поддерживая за плечи. Одним словом, нянчилась с ней, как с малым ребенком, но во взгляде Фей застыл немой ужас. В десять утра Алекс принес банку пива и молча поставил на комод. Кейт поднесла стакан к губам Фей:

— Выпей милая, сразу станет лучше.

— Никогда в жизни не возьму в рот спиртное.

— Чепуха! Выпей как лекарство. Вот и умница. А сейчас ложись и поспи.

— Мне страшно спать.

— Неужели привиделся такой страшный сон?

— Жуткий, омерзительный!

— Расскажи мне, матушка. Может, полегчает.

Фей отпрянула:

— Никому не расскажу! И как только могла присниться подобная мерзость! Никогда со мной такого не бывало.

— Бедная моя матушка! Как же я тебя люблю. Поспи, милая, а я отгоню все дурные сны.

Фей постепенно успокоилась и уснула, а Кейт сидела у изголовья, не сводя пристального взгляда со спящей женщины.

Глава 21
1

Успешному завершению рискованных и щекотливых дел препятствует поспешность. Как часто в спешке человек совершает необдуманный шаг. Берясь за опасное, требующее тонкого подхода предприятие, нужно сначала изучить со всех сторон конечный результат и, убедившись, что стремишься именно к этой цели, забыть о ней и сосредоточить все внимание на средствах ее достижения. Такой подход ограждает от роковой ошибки, несмотря на волнение, страх и нетерпение. Немногие понимают эту истину.

Кейт либо относилась к вышеупомянутым счастливцам, либо уже родилась с этим знанием, вот почему ей сопутствовала удача. Кейт никогда не торопилась. Если на пути возникало препятствие, девушка ждала, когда оно исчезнет и можно будет идти дальше к намеченной цели. В периоды бездействия она умела дать себе передышку. Кроме того, она в совершенстве овладела техникой, лежащей в основе искусства рукопашного боя, и вынуждала противника изматывать

силы, что в конечном итоге приводит к поражению, а также умела обратить его достоинства в слабость.

Кейт не спешила. Она быстро поняла, какую цель преследует, и выбросила ее из головы, занявшись вплотную средствами к ее осуществлению. Построив схему, Кейт проверяла ее на прочность, и если хоть одна мелочь вызывала сомнения, безжалостно ее рушила и начинала все заново. Занималась она этим исключительно ночью или когда находилась в полном одиночестве, чтобы никто не заметил перемены в ее настроении и озабоченности. Кейт воздвигала свое здание, используя людей, любые подручные материалы и сведения, а также время. Люди и время в ее распоряжении имелись, а материалы и сведения она умела добывать, попутно приводя в действие не видимые глазу пружины и маятники, которые потом сами набирали нужную скорость и размах.

Первым о завещании проболтался повар. Наверняка повар, больше некому. Во всяком случае, он и сам в это поверил. Кейт узнала сплетню от Этель и, явившись на кухню, накинулась на беднягу. Тот месил тесто для хлеба волосатыми руками по локоть в муке. Пальцы повара обес-

цветились от закваски.

— Ну разве хорошо ты поступил? Разболтал, что был свидетелем, — мягко упрекнула она. — Мисс Фей это вряд ли понравится.

Повар смущенно переминался с ноги на ногу.

— Но я не…

— Не рассказывал или не думал, что это огорчит мисс Фей?

— Я и не думал…

— Что? Не думал болтать? Но о завещании знали только три человека. Значит, это я проговорилась? Или, может, мисс Фей? — Кейт заметила, как лицо повара приняло озадаченное выражение, и поняла: тот уже и сам сомневается, что держал язык за зубами. Еще немного — и он поверит, что действительно ненароком выболтал тайну.

Вскоре к Кейт явились с расспросами три любопытные девицы, они объединились для храбрости.

— Думаю, Фей не понравится, если я стану обсуждать с вами этот вопрос, — заявила Кейт. — А Алексу следовало бы держать рот на замке. — Решимость девиц заметно поколебалась. — А почему вы сами не спросите у Фей?

— Нет, как можно! Мы не посмеем.

— А сплетничать за спиной смеете! Сейчас же пойдем к ней, и там сами спросите все, что захотите.

— Нет, Кейт, не надо.

— Ну, мне все равно придется рассказать о вашем визите. Думаю, вам лучше при этом присутствовать. Фей будет приятно, если вы спросите прямо, а не будете шушукаться по углам.

— Но мы…

— Мне было бы приятно. Люблю людей искренних и честных. — Не давая девицам опомниться, Кейт незаметно подтолкнула их к двери, и вскоре все трое оказались в комнате Фей.

— Их интересует сама знаешь что, — сообщила Кейт. — Алекс признался, что разболтал о завещании.

— Голубушка, разве это такой большой секрет? — с озадаченным видом спросила Фей.

— Раз ты так считаешь, все в порядке, — успокоилась Кейт. — Сама понимаешь, я не могу говорить об этом без твоего разрешения.

— Думаешь, о завещании следует молчать?

— Вовсе нет. Я очень рада, но, полагаю, было бы непорядочно упоминать о нем, опережая тебя.

— Какая же ты славная, Кейт. Однако не вижу тут ничего плохого. Понимаете, девушки, я

осталась совсем одна на белом свете и решила признать Кейт своей дочерью. Она окружает меня такой заботой. Подай шкатулку, милая.

Девушки по очереди изучили завещание. Текст был таким простым, что они без труда пересказали его подругам.

После этого события девицы с тревогой следили за поведением Кейт, ожидая, что характер наследницы изменится и она начнет их притеснять и тиранить. Но ничего подобного не произошло. Кейт стала еще ласковее и предупредительнее.

Через неделю Кейт занемогла, но о болезни не догадалась бы ни одна душа, не увидь ее кто-то случайно в коридоре. Она застыла на месте от резкой боли, исказившей лицо. Кейт умоляла девушек не говорить Фей, но те, разумеется, не послушались, и Фей уложила свою любимицу в постель и вызвала доктора Уайлда.

Доктор Уайлд был славным человеком и весьма недурным врачом. Он осмотрел язык больной, пощупал пульс и, задав несколько вопросов интимного характера, многозначительно выпятил нижнюю губу.

— Здесь? — спросил он, надавливая на поясницу. — Нет? А тут? Болит? Понятно. Полагаю, вам просто нужно промыть почки. — С этими

словами он вручил больной пилюли желтого, зеленого и красного цвета и велел принимать по очереди. Лекарство быстро дало положительный результат.

Правда, вскоре у Кейт повторился легкий приступ боли.

— Схожу к доктору Уайлду, — сообщила она Фей.

— Я приглашу его сюда, — возразила хозяйка.

— Зачем? Чтобы он принес очередную порцию пилюль? Утром схожу к нему сама.

2

Доктор Уайлд был человеком добрым и честным и, говоря о своей профессии, признавался, что знает наверняка лишь одно: чесотку лечат серной мазью. К работе он относился добросовестно. Подобно большинству провинциальных докторов, он сочетал обязанности врача, исповедника и психиатра и знал все секреты, слабые стороны, достоинства и подвиги жителей Салинаса. Он так и не научился легкому отношению к смерти, воспринимая уход в иной мир каждого пациента как личную неудачу и результат безнадежного невежества. Доктор Уайлд не отличался

храбростью и прибегал к хирургическому вмешательству как к последнему устрашающему средству. В помощь врачам уже стали появляться аптеки, но он, один из немногих докторов, держал запас лекарств и изготавливал их по собственным рецептам. Многолетний изнурительный труд и постоянное недосыпание сделали его немного рассеянным и погруженным в свои мысли.

В среду, в половине девятого утра, Кейт прошла по Мэйн-стрит и поднялась на крыльцо банка округа Монтерей. В коридоре она отыскала дверь с табличкой «Доктор Уайлд. Часы приема с 11 до 14».

В половине десятого доктор Уайльд оставил коляску в платной конюшне и с усталым видом взял с сиденья черный чемоданчик. Он вернулся из Элисэла, где присутствовал при отходе в мир иной престарелой госпожи Джерман, которая была не способна расстаться с жизнью тихо и мирно. Старушка делала дополнительные распоряжения к завещанию, и даже теперь доктор Уайлд до конца не верил, что все признаки жизни окончательно покинули ее сухонькое жилистое тело. Госпоже Джерман было девяносто семь лет, почтения к смерти она не питала и умирать не собиралась, постоянно перебивая и поправляя

священника во время причастия. Смерть оставалась для доктора Уайлда неразрешимой загадкой. Вчера тридцатисемилетний Ален Дейл, шести футов ростом, здоровый как бык, хозяин четырехсот акров земли и отец большого семейства, сдался без боя коварной пневмонии. А начиналось все с пустячной простуды, и в жару-то он пролежал всего три дня. Загадка, да и только. Глаза у доктора слипались, и он решил обтереть лицо губкой и сделать несколько глотков виски, пока не явились первые страждущие пациенты.

Поднявшись на крыльцо, он вставил потертый ключ в замок на двери кабинета, но тот не поворачивался. Поставив чемоданчик на пол, он надавил сильнее. Безрезультатно. Тогда доктор Уайлд ухватился за дверную ручку и потянул на себя, гремя ключом. Дверь открылась изнутри. На пороге стояла Кейт.

— Доброе утро, — поприветствовал ее Уайлд. — Замок заело. А как вы попали внутрь?

— Дверь была не заперта. Я пришла рано и решила вас подождать.

— Не заперта? — удивился врач, поворачивая ключ в другую сторону — язычок замка легко выскользнул наружу.

— Старею, — посетовал он со вздохом. — Все за-

бываю на ходу. Сам не знаю, зачем запираю дверь. Ее можно легко открыть обычной проволокой. И кому нужно заходить в мой кабинет? — Казалось, он видит Кейт впервые и не узнает. — Я начинаю прием больных с одиннадцати.

— Мне нужны пилюли, что вы прописали в прошлый раз, а прийти позже не могу.

— Какие пилюли? Ах да, вы же работаете у Фей.

— Верно.

— Чувствуете себя лучше?

— Да, пилюли помогли.

— Во всяком случае, они не причинят вреда, — заверил доктор Уайлд. — Я что, и в аптеку дверь не запер?

— А что такое «аптека»?

— Вон за той дверью.

— Должно быть, и правда вы оставили ее незапертой.

— Старею, — снова пожаловался доктор. — А как там Фей?

— Я очень переживаю за ее здоровье. Недавно ей сделалось совсем плохо. Рези в животе. И даже начался бред. Говорила всякую ерунду.

— У нее и прежде случались неприятности с желудком, — подтвердил доктор Уайлд. — Не-

возможно сохранить здоровье при таком образе жизни и беспорядочном приеме пищи. Мне, во всяком случае, это не удается. Медики называют это нарушением пищеварения, а оно является результатом переедания и бессонных ночей. Да, вы же пришли за пилюлями. Помните, какого они цвета?

— Их было три вида: желтые, красные и зеленые.

— Да-да, помню.

Доктор Уайлд принялся пересыпать пилюли в круглую картонную коробочку, а Кейт следила за ним, стоя в дверях.

— Как здесь много лекарств!

— Да, и чем старше я становлюсь, тем меньше их прописываю. Некоторые находятся здесь с тех пор, когда я только начинал практиковать. Так ни разу ими и не воспользовался. Обычный набор начинающего врача. Хотел заняться экспериментами, алхимией…

— Чем-чем?

— Да ничем. Вот ваши пилюли. Скажите Фей, чтобы вовремя ложилась спать и ела овощи. Я и сам всю ночь не спал. Выход сами найдете? Я уж вас провожать не стану. — Он направился нетвердой походкой в кабинет.

Кейт проводила его взглядом, а потом переключила внимание на ряды пузырьков и баночек. Закрыв дверь аптеки, она осмотрелась в приемной. Одна из книг на полке выступала из общего ряда, и Кейт затолкала ее назад, чтобы стояла корешок к корешку с остальными, а потом, взяв с обитого кожей дивана объемную сумку, вышла из дома.

Добравшись до своей комнаты, Кейт извлекла из сумки пять маленьких бутылочек и исписанный листок бумаги, завернула их в чулок и спрятала в резиновый ботик, который убрала в дальний угол стенного шкафа, где его дожидалась пара.

3

В последующие месяцы заведение Фей стало постепенно меняться. Раньше девицы отличались неряшливостью и вздорным нравом. Стоило предложить им привести себя в порядок и прибраться в комнате, как тут же поднималась буря негодования, и в доме еще долгое время царила атмосфера всеобщего недовольства и раздражения. Однако Кейт действовала иначе.

Как-то раз во время общего ужина Кейт сооб-

щила, что, случайно заглянув в комнату Этель, удивилась, как там уютно и чистенько, и просто не могла не купить девушке подарок. Прямо за столом Этель развернула пакет, в котором оказался большой флакон на редкость стойкого и ароматного одеколона «Хойтс джерман». Этель сияла от удовольствия, втайне радуясь, что Кейт не обнаружила груды грязного белья под кроватью. После ужина девушка немедленно его убрала, подмела в комнате пол и сняла висевшую по углам паутину.

Потом Кейт заметила, что Грейс сегодня прелестно выглядит, и подарила ей свою булавку в виде бабочки со стразами. Девице пришлось срочно бежать наверх и надеть чистую блузку, достойную такого подарка.

Если бы повар Алекс прислушивался к ругани, поступающей в его адрес за скверную стряпню, то давно причислил бы себя к самым безжалостным убийцам. И вдруг открылось, что он непревзойденный кондитер, а его печенье обладает сказочным вкусом. И Алекс понял, что кулинарному искусству нельзя научиться, его нужно чувствовать душой.

Слепой пианист неожиданно обнаружил, что никто не питает к нему ненависти, и его брен-

чание как-то незаметно превратилось во вполне сносную игру.

— Странно, — признался он как-то Кейт, — вот начнешь играть давно забытую мелодию, и вдруг такое вспомнится. Даже сам не ожидал.

— Какую мелодию? — заинтересовалась Кейт.

— Ну, хотя бы вот эту. — И слепой начал играть.

— Прелестная музыка. А что это?

— Сам не знаю. Похоже, Шопен. Ах, если бы я видел ноты!

И пианист поведал Кейт, как лишился зрения. Печальная история, которую он прежде никому не рассказывал. В тот субботний вечер слепой снял со струн цепочку и сыграл пьесу, которую репетировал с утра. Вроде называется «Лунный свет», а сочинил ее Бетховен.

Этель заявила, что мелодия действительно нежная и ускользающая, как лунный свет, и попросила дать слова.

— У нее нет слов, — сказал Слепец.

— А жаль. Надо бы написать слова. Красивый мотив, — заявил Оскар Трип, субботний гость из Гонсалеса.

Однажды вечером все девушки получили подарки, потому что заведение Фей самое лучшее

и опрятное во всем округе. А чья это заслуга? Конечно же, девушек, что здесь работают! Как иначе? А где еще можно попробовать такую приправу к рагу?

Алекс удалился на кухню, смущенно вытирая рукой навернувшиеся на глаза слезы. Сегодня он приготовит сногсшибательный сливовый пудинг — все пальчики оближут!

Джорджия каждый день вставала в десять утра и брала уроки у слепого пианиста. Ногти ее были безупречно чистыми.

— А я-то хотела бросить ремесло и выйти замуж. Представляешь? — призналась Грейс в разговоре с Трикси после возвращения с воскресной мессы.

— Славно у нас стало, — согласилась Трикси. — Девушки Дженни приходили к Фей на именинный торт, так они глазам не поверили. Только и говорят, что о нашем заведении, а Дженни злится.

— А ты видела сегодня утром цифру на доске?

— Еще бы. Восемьдесят семь клиентов за неделю. Разве могут Дженни с Негритянкой с нами тягаться. А ведь сейчас не праздники.

— Какие там праздники! Идет Великий пост, или забыла? Наверняка у Дженни нет ни души.

После болезни и ночных кошмаров Фей бы-

ла тихой и подавленной. Кейт чувствовала, что хозяйка за ней следит, но тут уж ничего не поделаешь. Правда, она удостоверилась, что свернутый в трубочку листок по-прежнему лежит в шкатулке, и все девушки слышали о завещании или видели его воочию.

Однажды Кейт, постучавшись, вошла в комнату Фей и застала ее за пасьянсом.

— Как себя чувствуешь, матушка?

— Замечательно. — Фей подняла глаза от карт, и Кейт заметила в ее взгляде подозрительность. Фей не отличалась большим умом и скрывать свои чувства не умела. — Знаешь, Кейт, мне хотелось бы съездить в Европу.

— Вот и чудесно! Ты это заслужила и вполне можешь себе позволить.

— Только нет желания отправляться в путешествие одной. Хочу, чтобы ты меня сопровождала.

— Я? — Кейт устремила на хозяйку изумленный взгляд: — Ты правда собираешься взять и меня?

— Разумеется. Почему бы и нет?

— Голубушка моя! И когда мы поедем?

— А тебе хочется?

— Всю жизнь об этом мечтаю! Когда же мы поедем? Давай не будем откладывать в долгий ящик.

Взгляд Фей утратил подозрительное выражение, лицо разгладилось.

— Возможно, будущим летом, — предложила она. — Да, Кейт, запланируем поездку на будущее лето!

— Хорошо, матушка.

— Ты больше не принимаешь клиентов, верно?

— А зачем? Ты ведь так обо мне заботишься.

Фей не спеша собрала карты в ровную колоду и убрала в ящик стола.

— Хочу с тобой посоветоваться, — сказала Кейт, пододвигая стул.

— О чем?

— Ты знаешь, я стараюсь помочь по хозяйству.

— Да на тебе весь дом, милая.

— Больше всего денег расходуется на еду, а зимой затраты увеличиваются.

— Конечно.

— Так вот, сейчас можно купить фрукты и овощи за гроши, а зимой, сама знаешь, сколько приходится платить за консервированные персики и зеленую стручковую фасоль.

— Неужели хочешь заняться консервированием?

— А что нам мешает?

— А что скажет Алекс?

— Матушка, если не веришь, спроси сама. Ведь это его идея.

— Не может быть!

— Ей-богу! Сам предложил.

— Ну и чудеса, черт побери! Ох, прости, душенька. Нечаянно с языка сорвалось.

Вскоре кухня превратилась в консервный завод, все девушки принимали деятельное участие в работе, а Алекс искренне верил, что замечательная мысль принадлежит ему. Свидетельством тому стали серебряные часы, на обратной стороне которых было выгравировано его имя.

Обычно Фей и Кейт ужинали вместе со всеми в столовой, но по воскресеньям, когда у Алекса был выходной, а девушки перебивались сандвичами, Кейт накрывала ужин на двоих в спальне хозяйки. Время проводили с приятностью, как и положено дамам. Стол непременно украшал какой-нибудь деликатес: гусиная печень, салат с необычными ингредиентами или пирожные, купленные в кондитерской Ланга на Мэйн-стрит. Вместо клеенки и бумажных салфеток появлялись белая камчатая скатерть и салфетки из тонкого льна. Особую торжественность придавали свечи и ваза с цветами, что было для Салинаса

большой редкостью. Кейт составляла изящные композиции из собранных в поле цветов и трав.

— Какая умница! — не уставала восхищаться Фей. — Все-то умеет и знает. Мы собираемся в Европу. А еще Кейт знает французский. Да-да. Когда застанете ее одну, попросите сказать что-нибудь по-французски. Она и меня учит. Знаете, как по-французски «хлеб»?

Для Фей наступило счастливое время. Она жила в предвкушении путешествия, строила планы, и эту радость подарила Кейт.

4

Четырнадцатого октября, в субботу, над Салинасом пролетели первые дикие утки. Фей из окна наблюдала за направляющимся в сторону юга клином. Кейт, как всегда, заглянула к ней перед ужином.

— Приближается зима, — сказала Фей. — Нужно, чтобы Алекс проверил печи.

— Примешь укрепляющую микстуру, матушка?

— Да. Ты меня совсем разбаловала своей заботой.

— Мне нравится за тобой ухаживать, — при-

зналась Кейт, вынимая из выдвижного ящика склянку с микстурой Лидии Пинкхэм и разглядывая ее на свету. — Осталось совсем мало. Надо купить еще.

— Кажется, в стенном шкафу осталось еще три бутылочки от той дюжины, что я когда-то купила.

Кейт взяла стакан:

— Смотри, сюда попала муха. Пойду ополосну.

Придя в кухню, она ополоснула стакан и достала из кармана глазную пипетку, заполненную бесцветной настойкой рвотной чилибухи. Конец пипетки был воткнут в ломтик картофелины, так закрывают носик канистры с керосином. Она аккуратно выдавила несколько капель в стакан.

Вернувшись в спальню Фей, Кейт налила в стакан три столовых ложки микстуры Пинкхэм и перемешала.

Фей выпила лекарство и облизала губы.

— Горько, — призналась она.

— Правда? — удивилась Кейт. — Дай попробую. Налив из склянки столовую ложку снадобья, она выпила и поморщилась: — И правда горькое. Наверное, лекарство стояло слишком долго. Надо его выбросить. Я принесу воды запить.

За ужином лицо Фей горело румянцем. Прервав

трапезу, застыла, словно прислушиваясь.

— Что с тобой, матушка? — встревожилась Кейт. — Матушка, скажи что-нибудь!

Фей очнулась от задумчивости:

— Не пойму. Наверное, сердце пошаливает. Вдруг ни с того ни с сего стало страшно. И сердце как заколотится.

— Может, проводить тебя в спальню?

— Не надо, милая. Мне уже лучше.

— Да у тебя все лицо горит, Фей, — испуганно сказала Грейс, откладывая вилку.

— Не нравится мне это, — согласилась Кейт. — Нужно вызвать доктора Уайлда.

— Нет, я уже хорошо себя чувствую.

— Как ты меня напугала. А раньше такое случалось?

— Порой бывает одышка. Думаю, я слишком растолстела.

В тот субботний вечер Фей нездоровилось, и около десяти часов Кейт уговорила ее лечь в постель, а потом несколько раз заглядывала в комнату, пока не убедилась, что она заснула.

На следующее утро Фей совсем оправилась от недомогания.

— Я же говорила, обычная одышка, — успокоила она девушек.

— Так, придется посидеть на диете, — возразила Кейт. — Я сварила куриный бульон, а еще сделаем салат из стручковой фасоли, как ты любишь, с маслом и уксусом. А потом выпьем по чашечке чаю.

— Ей-богу, Кейт, я превосходно себя чувствую.

— Легкая пища не повредит нам обеим. Вчера вечером ты до смерти меня перепугала. У меня тетушка умерла от сердечного приступа. Сама понимаешь, такое трудно забыть.

— Но сердце меня никогда не беспокоило. Просто небольшая одышка, когда поднимаюсь по лестнице.

В кухне Кейт расставила еду на двух подносах и залила салат из стручковой фасоли французской приправой из прованского масла с уксусом и специями. На поднос, предназначенный для Фей, она поставила любимую чашку хозяйки и принялась подогревать на плите бульон. Закончив приготовления, Кейт извлекла из кармана пипетку, выжала две капли кротонового масла[5] на салат и тщательно перемешала. Потом она поднялась к себе в спальню и, проглотив все содержимое маленькой бутылочки слабительного из кру-

[5] Примечания: 5

Кротоновое масло добывается из семян ядовитого растения croto tiglium, обладает сильным слабительным и кожераздражающим действием.

шины, поспешила вернуться на кухню. Кейт разлила бульон по пиалам, наполнила чайник кипятком и, взяв в руки подносы, отправилась в комнату Фей.

— Я как будто и есть не хочу, — призналась Фей, — но бульон так аппетитно пахнет.

— Я приготовила особую приправу для салата, с розмарином и тимьяном. Старинный рецепт. Попробуй и скажи, как она тебе.

— Ох, как вкусно! — восхитилась Фей. — Голубушка, да ты мастерица на все руки. Нет на свете такого дела, с которым бы ты не справилась.

Сначала стало плохо Кейт. Лоб покрылся капельками пота, и она согнулась вдвое, крича от нестерпимой боли. Глаза выпучились, а изо рта потекла слюна. Фей выбежала в коридор и стала звать на помощь. Вскоре в комнате столпились все девушки и несколько воскресных посетителей. Кейт лежала на полу, корчась от боли. Два постоянных клиента положили ее на кровать Фей и попытались выпрямить ноги, но она, громко вскрикнув, снова скрючилась. Вся одежда на девушке промокла от пота.

Фей принялась вытирать ей лоб полотенцем, но тут у нее самой начался приступ.

Доктора Уайлда искали целый час. Две исте-

рично вопящие девицы вытащили его из дома приятеля, где доктор играл в юкер. К его приходу Кейт и Фей совсем ослабели от поноса и рвоты, а страшные спазмы все не прекращались.

— Что вы ели? — поинтересовался доктор Уайлд и тут заметил подносы с едой. — Фасоль консервировали дома? — спросил он суровым голосом.

— Конечно. Готовили прямо здесь, — сообщила Грейс.

— А кто-нибудь из вас ее ел?

— Нет. Видите ли…

— Немедленно разбейте все банки, — потребовал доктор Уайлд. — Черт бы ее побрал, эту фасоль! — С этими словами он извлек из чемоданчика желудочный зонд.

Во вторник он сидел у постели измученных болезнью женщин. Кровать Кейт перенесли в комнату Фей.

— Теперь можно сказать правду, — начал доктор Уайлд. — Думал, вы не выживете. Считайте, что вам крупно повезло. И никогда не ешьте фасоль домашнего консервирования. Покупайте ее в лавке.

— А что с нами случилось? — поинтересовалась Кейт.

— Ботулизм. Медицина мало знает об этой бо-

лезни, но в живых остаются единицы. Думаю, вас спасла молодость, а у Фей крепкий организм. А у вас по-прежнему бывает кишечное кровотечение? — обратился он к Фей.

— Да, но совсем немножко.

— Так, вот вам пилюли с морфием. Они оказывают закрепляющее действие. Вероятно, от напряжения внутри лопнул какой-нибудь сосуд. Однако недаром говорят: шлюху и колом не убьешь. Теперь причин для волнения нет, и вам обеим следует полежать пару дней, чтобы прийти в себя.

Разговор состоялся семнадцатого октября.

Фей так и не оправилась от болезни. Иногда наступало улучшение, но потом ей становилось еще хуже. Третьего декабря снова случился приступ, и на восстановление сил ушло гораздо больше времени, чем обычно. Двенадцатого февраля открылось сильное кишечное кровотечение, и у Фей стало сдавать сердце. Доктор Уайлд долго слушал ее стетоскопом.

Кейт падала с ног от усталости. Ее изящная фигурка превратилась в обтянутый кожей скелет. Девушки пытались подменить ее у постели больной, но Кейт никого не подпускала.

— Одному Богу известно, когда она в последний

раз спала, — заметила Грейс. — Мне кажется, смерти Фей ей не пережить.

— Еще вздумает застрелиться, — предположила Этель.

Доктор Уайлд пригласил Кейт в зашторенную гостиную и, положив черный чемоданчик на одно из кресел, приступил к неприятному разговору:

— Должен сообщить, что ее сердце не выдержит такой нагрузки. Поражены все внутренние органы. Проклятый ботулизм! Хуже укуса гремучей змеи! — Он отвел взгляд от изможденного лица Кейт. — Я решил предупредить вас заранее, чтобы было время подготовиться, — смущенно пробормотал доктор и погладил девушку по худенькому плечу. — Нечасто встретишь такую преданность. Дайте ей немного теплого молока, если Фей сможет его проглотить.

Кейт поставила таз с теплой водой рядом с кроватью больной, и когда в комнату заглянула Трикси, то увидела, как она обтирает хозяйку тонкими льняными салфетками. Потом Кейт расчесала белокурые волосы Фей, которые давно не завивались, и заплела их в косу.

Кожа у Фей словно ссохлась и плотно обтягивала выступающие скулы и челюсти, а глаза,

кажущиеся огромными на истощенном лице, смотрели на мир отсутствующим взглядом.

Фей хотела что-то сказать, но Кейт ее остановила:

— Тише, побереги силы. Не надо разговаривать.

Она сходила на кухню за стаканом теплого молока и поставила его на прикроватный столик, а затем извлекла из кармана два маленьких флакона и набрала из каждого в пипетку по нескольку капель.

— Открой ротик, матушка. Это новое лекарство. Потерпи немного, оно невкусное. — Она выдавила содержимое пипетки больной на язык и придержала голову, чтобы та смогла запить молоком горький вкус. — Теперь отдохни, а я скоро вернусь.

Кейт тихо выскользнула из спальни и пошла на темную кухню. Открыла входную дверь и, крадучись, вышла на улицу, прячась за зарослями бурьяна. В глубине двора, с помощью острой палки, она вырыла в напитанной весенними дождями земле небольшую ямку и положила туда несколько маленьких пузырьков и пипетку. Той же палкой растолкла тонкое стекло и засыпала влажной землей. Начался дождь, и Кейт поспе-

шила вернуться в дом.

В первые дни после смерти Фей девушкам пришлось связывать Кейт, чтобы она не наложила на себя руки. Потом на нее напало угрюмое оцепенение, и прошло немало времени, прежде чем она пришла в себя и окончательно выздоровела. О завещании Кейт совсем забыла, и в конце концов о нем напомнила Трикси.

Глава 22
1

Адам окунулся с головой в свое горе и полностью отгородился от окружающего мира. Недостроенный дом Санчеса поливали дожди и обдували все ветра, и вскоре новые полы покоробились от сырости. Предназначенный для огорода участок зарос сорняками.

Казалось, Адама окунули в вязкую массу, которая мешает двигаться и тормозит мышление. Весь мир виделся ему сквозь липкую серую мглу. Временами сознание прорывалось наружу, но проблески света вызывали тошнотворную боль, и он снова погружался в серое забвение. Адам осознавал присутствие близнецов, слышал их плач и смех, но испытывал к ним лишь слабую неприязнь, так как дети стали символом его утраты. Соседи заезжали в лощину, и любой из них мог бы прийти на помощь, понимая его гнев и тоску, но сражаться с липким серым облаком им было не по силам. Адам не возражал против их посещений, он просто никого не замечал, и вскоре все соседи забыли укрытую под сенью

дубов дорогу, ведущую к дому Траска.

Некоторое время Ли пытался пробудить у хозяина интерес к жизни, однако был слишком занят. Китаец готовил еду, стирал, купал и кормил близнецов. Пребывая в постоянных заботах, он полюбил малышей и разговаривал с ними на кантонском диалекте, так что первые слова, которые произнесли мальчики, были китайскими.

Сэмюэл Гамильтон дважды наведывался к Адаму, стараясь вывести его из оцепенения, но тут вмешалась Лайза.

— Не хочу, чтобы ты туда ездил, — заявила она. — Возвращаешься сам не свой. Ох, Сэмюэл, не ты, а он превращает тебя в совсем другого человека. И ты становишься похожим на Траска. Такое же пустое лицо, как у него.

— А ты подумала о двух его малышах, Лайза?

— Я подумала о нашей семье, — отрезала жена. — После этих посещений у нас словно покойник в доме.

— Будь по-твоему, матушка, — согласился Сэмюэл, хотя требование Лайзы его опечалило.

Сэмюэл не мог равнодушно смотреть на горе других людей и спокойно заниматься своими делами. Ему стоило больших усилий бросить Адама на произвол судьбы.

Адам заплатил ему за работу и даже за приспособления к ветряным мельницам, хотя устанавливать их отказался. Сэмюэл продал оборудование и отослал Адаму деньги, но ответа так и не получил.

И тогда он почувствовал злость на Адама Траска. Сэмюэлу казалось, что тот упивается своим горем, получая от него извращенное наслаждение, но задумываться над этим было некогда. Джо уехал учиться в колледж, тот самый, что Лиланд Стэнфорд построил на своей ферме около Пало-Альто. А вот Том вызывал беспокойство отца. Он с головой погрузился в книги, хорошо выполнял любую порученную работу, но Сэмюэл чувствовал, что в жизни сына недостает радости.

У Уилла и Джорджа дела шли на славу, а Джо присылал домой письма в стихах, где совершал остроумные нападки на все общепринятые ценности, не забывая, однако, о чувстве меры.

В ответном письме сыну Сэмюэл говорил: «Я был бы сильно разочарован, не сделайся ты атеистом. Читая твои письма, с радостью отмечаю, что, войдя в соответствующий возраст и набравшись мудрости, ты приобщился к агностицизму. Так вкушают лакомство на сытый желудок. Однако, при всем понимании твоих чаяний, на-

стоятельно прошу оставить попытки обратить в атеистку мать. После твоего последнего письма она просто решила, что ты заболел. Твоя мать свято верит, что любой недуг можно исцелить куриным бульоном, и приписывает твои нападки на устои нашего общества обычному несварению желудка, что сильно ее огорчает. Ее вера сродни высокой горе, а у тебя, сынок даже нет лопаты в руках».

Лайза старела на глазах. Сэмюэл видел это по лицу жены. Сам он не чувствовал себя стариком, несмотря на седую бороду. А для Лайзы жизнь начала обратный отсчет, что является самым верным признаком старости.

В былые времена она относилась к мужу с его вечным созиданием воздушных замков со снисходительностью, как к расшалившемуся ребенку. Теперь же считала, что подобное поведение не подобает взрослому человеку. На ранчо жили только Сэмюэл, Лайза и Том. Уна вышла замуж и уехала вместе с мужем, а Десси открыла швейную мастерскую в Салинасе. Олив вышла замуж за своего жениха, и Молли уже была замужем и поселилась (кто бы мог подумать!) в Сан-Франциско. У нее в квартире пахло духами, а в спальне, на полу перед камином, лежала шкура белого

медведя. После ужина сама Молли, с чашечкой кофе в руках, покуривала тонкую сигарету марки «Вайолет Мило» с золотым ободком.

Однажды, поднимая тюк сена, Сэмюэл надорвал спину, и сам факт причинил ему больше страданий, чем боль. Он не представлял жизни, в которой Сэм Гамильтон будет лишен возможности взвалить на плечи тюк спрессованного сена. Больная спина стала таким же смертельным оскорблением, как если бы кого-то из его детей заподозрили в бесчестном поступке.

В Кинг-Сити доктор Тилсон ощупал спину Сэмюэла. Многолетний тяжелый труд сделал его раздражительным и брюзгливым.

— Вы растянули спину, — заявил он.

— Именно так, — согласился Сэмюэл.

— И вы проделали такой путь ради того, чтобы услышать это от меня и заплатить два доллара?

— Вот два доллара. Возьмите.

— И вы хотите знать, что нужно делать?

— Разумеется.

— Не растягивайте ее больше и заберите свои деньги. Вы же не дурак, Сэмюэл, и, надеюсь, не впали в детство.

— Но спина-то болит.

— Еще бы не болеть! Как бы вы тогда узнали,

что растянули ее?

— Вы мне помогли, — рассмеялся Сэмюэл. — И гораздо больше, чем на два доллара. Возьмите деньги.

Врач смерил его пристальным взглядом:

— Похоже, Сэмюэл, вы говорите искренне, и я оставлю деньги.

После визита к врачу Сэмюэл зашел проведать Уилла в красивом новом магазине и едва узнал сына. Уилл располнел и имел вид процветающего коммерсанта: под пиджаком надет жилет, а на мизинце красуется золотой перстень.

— Я приготовил для матушки посылку, — сообщил он отцу. — Консервы из Франции, грибы, печеночный паштет и сардины, такие крошечные, что и не разглядишь.

— Она непременно отошлет их Джо, — заметил Сэмюэл.

— Неужели не можешь ее уговорить? Пусть полакомится сама.

— Нет, не сумею, — признался отец. — Но ей за счастье передать посылку Джо.

В магазин зашел Ли, и при виде Сэмюэла его глаза радостно заблестели.

— Здласте, мисси, — поприветствовал он Гамильтона.

— Привет, Ли. Как поживают малыши?

— Мальсики холосо.

— Я хочу выпить бокал пива тут по соседству. Буду рад, если составишь мне компанию.

Мужчины уселись за маленький круглый столик в баре, и Сэмюэл принялся рисовать пальцем влажные узоры на выскобленной столешнице.

— Я вот хотел навестить вас с Адамом, да только вряд ли из этого выйдет толк.

— Вреда тоже не будет. Я думал, мистер Траск оправится от потрясения, а он по-прежнему бродит, как привидение.

— Ведь уже прошло больше года, а?

— Год и три месяца, — уточнил Ли.

— И чем, по-твоему, я могу помочь?

— Не знаю, — признался Ли. — Может, хорошая встряска приведет его в чувство, раз другие средства не помогут.

— Я не мастер устраивать людям встряску, только сам переживать буду. Кстати, как назвали мальчиков?

— У них нет имен.

— Да ты шутишь, Ли!

— Какие уж тут шутки.

— Как же Адам их зовет?

— «Они».

— То есть как он разговаривает с детьми?

— Если обращается к одному, говорит «ты», а к обоим — «вы».

— Ерунда какая-то, — рассердился Сэмюэл. — Он что, совсем сдурел?

— Я собирался к вам приехать и все рассказать. Можно считать его покойником, если только вам не удастся привести его в чувство.

— Я к вам загляну, — пообещал Сэмюэл. — И захвачу с собой хороший кнут. Это же надо, оставить детей без имен! Да, Ли, ты, черт возьми, прав. Надо заехать.

— Когда?

— Завтра.

— Я зарежу курицу, — обрадовался китаец. — Вы полюбите близнецов, мистер Гамильтон. Такие славные малыши. А мистеру Траску ничего не скажу о вашем приезде.

2

Сэмюэл робко намекнул, что хочет съездить к Траску, ожидая, что Лайза примется возражать и строить препоны, но впервые в жизни решил ослушаться жену, какие бы аргументы она ни выдвигала. При мысли о том, что придется

противоречить супруге, противно заныло под ложечкой. Он объяснил Лайзе цель своей поездки, будто исповедовался священнику. Жена слушала подбоченившись, и у Сэмюэла екнуло сердце. Наконец речь подошла к концу, а Лайза все не сводила с Сэмюэла пристального взгляда, в котором, как ему показалось, сквозил ледяной холод.

— Сэмюэл, — сказала она после долгого молчания, — неужели ты и правда надеешься сдвинуть с места эту каменную глыбу, в которую превратился Траск?

— Не знаю, матушка, — признался он. Реакция жены стала для него полной неожиданностью. — Ей-богу, не знаю.

— Ты и правда считаешь, что так важно дать этим детям имена прямо сейчас?

— Мне кажется, так будет правильно, — смущенно промямлил Сэмюэл.

— Сэмюэл, а ты задумался над тем, почему хочешь поехать к Траску? Может, все дело в природном любопытстве и привычке совать нос в чужие дела, от которой ты никак не можешь избавиться?

— Ох, Лайза, я знаю все свои недостатки. Но причина кроется гораздо глубже.

— Она и должна быть глубже, — заявила Лай-

за. — Этот человек не признает собственных сыновей. Оставил их болтаться между небом и землей.

— И мне так думается, Лайза.

— А если он попросит тебя не соваться не в свое дело, как поступишь тогда?

— Ну, не знаю.

Она воинственно выставила челюсть вперед, слегка прищелкнув зубами.

— Если не заставишь Траска дать этим детям имена, можешь домой не возвращаться. Нет тебе здесь места. И не смей скулить, что он, дескать, тебя не послушался. Только посмей, а не то придется мне туда ехать самой.

— Ну, я ему покажу! Заставлю силой! — пообещал Сэмюэл.

— Нет, на жестокость ты не способен. Я же тебя знаю, Сэмюэл. Начнешь его уговаривать ласковыми словами, а потом приплетешься домой, как побитый пес, и постараешься, чтобы я забыла о твоем позоре.

— Башку ему к черту сверну! — рявкнул Сэмюэл и ушел в спальню, громко хлопнув в сердцах дверью. А Лайза с улыбкой смотрела мужу вслед.

Вскоре Сэмюэл вышел в черном костюме и накрахмаленной рубашке с жестким воротничком

и наклонился к Лайзе, чтобы та завязала черный галстук-ленточку. Седая борода была тщательно расчесана и блестела.

— Почистил бы туфли черной ваксой, — заметила Лайза.

Натирая поношенные туфли, Сэмюэл искоса глянул на жену.

— Можно мне взять с собой Библию? — осторожно спросил он. — Лучших имен, чем в Библии, не сыскать.

— Не люблю, когда ее выносят из дома, — забеспокоилась Лайза. — А если ты вернешься поздно, что я буду читать вечером? И потом, там записаны все имена наших детей. — Увидев огорченное лицо мужа, Лайза ушла в спальню и вернулась с маленькой потрепанной Библией в руках. Корешок книги был заклеен полоской оберточной бумаги. — Возьми эту. — Она протянула книгу Сэмюэлу.

— Но ведь это Библия твоей матери.

— Она бы не стала возражать. И рядом со всеми именами, кроме одного, уже стоят две даты.

— Пойду заверну ее, чтобы не испачкать.

— Матушке не понравилось бы то же самое, что не по душе и мне. И я скажу, что меня так раздражает. Ты вечно копаешься в Священном Писании,

никак не оставишь его в покое. Цепляешься ко всему, задаешь глупые вопросы и сомневаешься. Возишься, как енот с мокрым камушком, и это меня злит.

— Я всего лишь пытаюсь его понять, матушка.

— А что там понимать? Читай — и все. Все черным по белому написано. И к чему тебе понимать? Если бы Господь этого хотел, то даровал бы тебе понимание или изложил свои заветы по-иному.

— Но, матушка…

— Сэмюэл, — нахмурилась Лайза, — мир не видел второго такого спорщика.

— Твоя правда, матушка.

— Не надо со мной все время соглашаться и поддакивать! Это отдает лицемерием. Говори что думаешь.

Она проводила взглядом отъезжающую повозку, в которой виднелась темная фигура Сэмюэла, и сказала вслух:

— Славный у меня муж, только уж очень любит поспорить.

А Сэмюэл удивлялся про себя: «Я-то думал, что знаю Лайзу, и вдруг жена просто сразила меня своими речами. Кто бы мог от нее такого ожидать?»

3

Свернув на неровную подъездную дорогу под сенью раскидистых дубов, Сэмюэл начал разжигать в своей душе гнев, чтобы спрятать смущение, и мысленно проговаривал возвышенные речи.

С момента их последней встречи Адам выглядел еще более изможденным. Он смотрел на мир невидящим взглядом и не сразу понял, что перед ним Сэмюэл, а узнав гостя, недовольно поморщился.

— Неловко являться в дом без приглашения, — начал Сэмюэл.

— Что вам нужно? Разве я с вами не рассчитался?

— Рассчитались? — переспросил Сэмюэл. — Разумеется, вы мне заплатили, и даже больше, чем стоят мои труды.

— Что? Куда вы клоните?

Сэмюэл чувствовал, как в душе закипает гнев.

— Человек в течение всей жизни определяет свою цену. И если трудом своей жизни я доказываю, чего на самом деле стою, то можете ли вы, убогий человек, решить это пометкой в бухгалтерской книге?

— Я заплачу, сколько скажете! — выкрикнул Адам. — Назовите свою цену. Сколько?

— Вы и правда задолжали, только не мне.

— Зачем вы приехали? Убирайтесь!

— Помнится, вы звали меня в гости.

— А теперь не зову.

Сэмюэл, подбоченившись, подался вперед.

— Попробую объяснить спокойно и доходчиво. Вчера хмурым вечером, наполненным горечью, посетила меня добрая мысль, которая рассеяла мрак опустившейся на землю ночи. И не давала та мысль мне покоя от вечерней звезды до звезды утренней, что зачерпывается ковшом, о котором слагали предания наши предки. И вот я сам себя призвал.

— Вас никто не приглашал.

— Мне известно, что по воле Господа чресла ваши дали жизнь близнецам.

— А вам что за дело?

От грубых слов Адама глаза Сэмюэла радостно блеснули. Он заметил Ли, который украдкой выглядывал из дома, наблюдая за их беседой.

— Ради Господа нашего всемилостивейшего, не вынуждайте меня прибегнуть к насилию. Хочу, чтобы обо мне осталась добрая память как о человеке мирном, о чем и напишут на моей

могильной плите.

— Не понимаю, чего вы добиваетесь.

— Где уж вам понять! Адам Траск, волк, оставшийся с парой волчат! Жалкий петух, не знакомый с отцовскими чувствами! Ах ты, грязная дубина!

Щеки Адама потемнели от гнева, а глаза впервые за все время приобрели осмысленное выражение. А Сэмюэл, охваченный упоительным восторгом, распалялся все сильнее.

— Послушай, дружище, отойди от меня от греха подальше! — В уголках его рта выступила пена. — Ради бога! Ради всего, что для тебя еще свято, умоляю, уйди с дороги! А иначе я не сдержусь. Руки так и чешутся тебя прибить!

— Убирайтесь из моего дома! — возмутился Адам. — Вы с ума сошли. Это моя земля, я ее купил.

— А еще ты купил себе глаза и нос, — издевательски усмехнулся Сэмюэл. — И способность ходить на двух ногах тоже тобой куплена. А также пальцы на обеих руках. Нет, слушай, пока я тебя не убил! Посмотрите на него! Он, видите ли, купил! Из какого наследства ты все это купил? А теперь подумай, раб божий, заслужил ли ты счастье иметь сыновей?

— При чем тут «заслужил» или «не заслужил»? Они же здесь, рядом. Вы говорите загадками.

— Укрепи мои силы, Лайза! — вскричал в гневе Сэмюэл. — Да разве можно держать в голове подобные мысли, Адам! Послушай меня, пока я не нашел уязвимое место у тебя на глотке и не удавил. Чудесные близнецы растут неприкаянными сиротами, без отцовского присмотра и, да поможет господь сдержать мне гнев, безымянными!

— Вон отсюда, — прохрипел Адам. — Ли, неси ружье! Этот человек рехнулся!

И тут Сэмюэл сдавил соседу горло. В висках у Адама застучало, а глаза налились кровью.

— Только посмей, слизняк! — рявкнул ему в лицо Сэмюэл. — Ты мальчиков не покупал, не крал и не выменивал на базаре, а получил как дар, по странной и чудесной случайности ниспосланный Провидением. — Он вдруг убрал руки с горла Адама.

Тяжело дыша, Адам ощупывал шею в том месте, где сомкнулись железной хваткой пальцы старого кузнеца.

— Чего вы от меня добиваетесь?

— Чтобы в тебе пробудилась любовь.

— Я так любил, что это едва не стоило мне жизни.

— Никто не может растратить всю любовь без остатка. В окаменелом сердце мало прока.

— Отстаньте от меня. Я ведь могу и сдачи дать. Зря думаете, что я не могу за себя постоять.

— В твоих руках два орудия, и оба не имеют имени.

— Да я просто отколочу тебя, старик. Ведь ты и правда стар.

— Трудно представить себе тупицу, который подобрал камень и до вечера никак его не нарек. Скажем, Петром. А ты прожил год, иссушая свою душу, и даже не удосужился сделать какое-нибудь различие между сыновьями.

— Это мое дело. Как хочу, так и поступаю, — огрызнулся Адам.

Тяжелый кулак Сэмюэла сбил Адама с ног, и тот распластался в пыли. Сэмюэл приказал ему встать, а когда Адам послушался, ударил его снова. На сей раз он не поднялся и только с окаменелым лицом смотрел на грозную фигуру старика.

Взгляд Сэмюэла утратил гневное выражение, и он заговорил тихим, проникновенным голосом:

— Твои сыновья растут безымянными.

— Мать бросила их, оставив сиротами, — буркнул Адам.

— А ты, значит, хочешь лишить их и отца? Неужели не понимаешь, как холодно по ночам одинокому ребенку? Ни родительского тепла, ни колыбельной песни, и новый день не несет радости. Неужели, Адам, ты совсем не помнишь детства?

— Моей вины здесь нет.

— А разве ты пытался исправить горе? У твоих сыновей нет имен. — Он наклонился и, обняв Адама за плечи, помог встать. — Мы дадим им имена. Все хорошо обдумаем и наречем детей славными именами, дабы не были они беззащитными в этом мире. — Он аккуратно стряхнул пыль с рубашки Адама.

Мысли Адама витали где-то далеко, но взгляд уже не был отсутствующим и безжизненным, как несколько минут назад. Он словно прислушивался к мелодии, которую принес ветер.

— Никогда бы не подумал, что стану благодарить человека за оскорбительные слова и за то, что он едва не вытряхнул из меня душу. Но я действительно благодарен, хотя в моей благодарности много горечи.

— Значит, все выглядело натурально? — улыбнулся Сэмюэл, и вокруг его глаз разбежались в стороны лучики-морщинки. — Хорошо я тебя

припугнул?

— О чем вы?

— Ну, как бы это сказать… Я пообещал жене, что доведу дело до конца, а она не верила. Понимаешь, ведь я не любитель махать кулаками и в последний раз отлупил дитя человеческое много лет назад, а графстве Лондондерри, в Ирландии. А все из-за какой-то красноносой девчонки и школьного учебника.

Адам, не отрываясь, смотрел на Сэмюэла, а перед глазами стоял Чарльз, охваченный черной злобой и жаждущий крови. Потом в памяти возник образ Кэти с револьвером в руках и ее пустой взгляд.

— У вас не было желания меня припугнуть. Скорее чувствовалась усталость от сознания, что остальные меры не дадут нужного результата.

— Видно, не слишком сильно я разозлился.

— Сэмюэл, хочу задать один вопрос и больше никогда к нему не вернусь. Вы о ней что-нибудь слышали? Ну, хоть какие-нибудь сведения?

— Нет, мне ничего не известно.

— Что ж, так, пожалуй, и лучше.

— Ты испытываешь к ней ненависть?

— Нет. Только на сердце муторно. Возможно, впоследствии это чувство перерастет в нена-

висть. Слишком уж неожиданно небесная красота обернулась жутким кошмаром, и это выбило меня из колеи. Живу как потерянный.

— Придет время, мы сядем вместе и разложим на столе полную колоду. А пока рано — нашлись далеко не все карты.

Из-за сарая послышалось отчаянное кудахтанье возмущенной курицы, за которым последовал глухой удар.

— Что-то случилось в курятнике, — заметил Адам, и тут снова раздались визгливые вопли обреченной на заклание курицы.

— Это Ли орудует, — откликнулся Сэмюэл. — Имей куры свое правительство, церковь и летописцев, они бы сурово осудили человеческие радости. Стоит в человеческом обществе свершиться радостному событию, и очередная курица отправляется на плаху.

Некоторое время мужчины сидели молча, время от времени обмениваясь ничего не значащими любезностями, вопросами о здоровье и погоде, ответы на которые оба не слушали. Еще немного, и они снова дали бы волю раздражению, но тут весьма своевременно вмешался Ли.

Китаец принес стол и два стула, которые разместил друг против друга. Во второй заход он явился

с бутылью виски и двумя стаканами и поставил их напротив каждого стула. Затем настала очередь близнецов. Ли вынес детей, ухватив одного мальчика под правую руку, а второго — под левую, и усадил их на землю рядом со столом. Он дал каждому по палочке, чтобы было чем заняться.

Мальчики сидели с серьезным видом, оглядываясь по сторонам, таращились на бороду Сэмюэла и искали глазами Ли. Одежда на детях была странная: широкие штанишки в китайском стиле и такие же курточки, отороченные черной тесьмой, одна бирюзовая, а вторая — цвета увядающей розы. На головах надеты круглые плоские шапочки из черного шелка с ярко-красными помпонами посредине.

— И где ты только раздобыл такое одеяние, Ли? — изумился Сэмюэл.

— Ничего я не раздобывал, — брюзгливым голосом откликнулся китаец. — Эта одежда у меня была. А то, что дети носят каждый день, я сшил сам из парусины. Только в день, когда мальчика нарекают достойным именем, на нем должна быть нарядная одежда.

— Ты, я вижу, больше не коверкаешь язык, Ли.

— Надеюсь, больше не придется этого делать. Разумеется, в Кинг-Сити я разговариваю, как и

прежде. — Он повернулся к детям и произнес несколько певучих слов. Близнецы заулыбались в ответ, весело размахивая палочками. — Давайте я вам налью, — предложил Ли. — Вот нашел случайно бутылку.

— А не ее ли ты купил вчера в Кинг-Сити? — улыбнулся Сэмюэл.

Теперь, когда все преграды пали и оба мужчины мирно сидели за столом, Сэмюэл вдруг ощутил неловкость. Достигнутый с помощью кулаков результат закрепить было непросто, и Сэмюэл подумал, что храбрость и выдержка становятся вялыми и дряблыми, если не находят себе должного применения. Сделав такой вывод, он усмехнулся своим мыслям.

Мужчины смотрели на облаченных в яркие одежды близнецов, и Сэмюэл окончательно решил, что иногда от противника больше толку, чем от друга.

— Тяжело начать разговор, — признался он, глядя на Адама. — Как отложенное в сторону письмо, которое с каждой минутой все труднее дописать. Поможешь мне?

Адам поднял глаза на собеседника, а потом перевел взгляд на играющих детей.

— У меня в голове сумятица, — признался он. —

Будто сижу под водой, и все звуки доносятся сквозь ее толщу. Мне еще предстоит выбраться из трясины прошедшего года.

— Может, расскажешь, как все случилось, и тогда мы сдвинемся с мертвой точки.

Адам залпом выпил виски, налил еще и, наклонив стакан, стал водить им по столу. Янтарное виски перелилось на одну сторону, распространяя в воздухе резкий фруктовый запах.

— Тяжело вспоминать, — признался он. — Не мучительная агония, а тупая бессмысленная пустота. Нет, пустоту пронзали острые иглы. Вы сказали, что в моей колоде не хватает карт. Я и сам об этом думал. Возможно, мне так и не удастся их все собрать.

— Память о той женщине не дает покоя? Ведь если человек утверждает, что не хочет разговаривать на какую-то тему, это означает лишь одно: ни о чем другом он просто не способен думать.

— Может, вы и правы. Она растворилась в этой липкой пустоте, и я помню только последнюю картину. Ее будто выжгли огнем.

— Признайся, Адам, ведь это она в тебя стреляла?

Глаза Адама потемнели, а губы плотно сжались.

— Можешь не отвечать, — сказал Сэмюэл.

— Нет причин молчать, — возразил Адам. — Да, она.

— Хотела тебя убить?

— Я и сам много об этом думал. Нет, не хотела. Вернее, не удостоила меня этой чести. Она не испытывала ни ненависти, ни гнева. Если хочешь убить человека, стреляешь в голову, сердце или живот. Уж я-то по армии знаю. Нет, она попала куда хотела. Так и вижу, как она прицеливается. Пожалуй, лучше бы желала моей смерти, это хоть отдаленно напоминало бы любовь. Но нет, я был даже не врагом, а досадной помехой.

— Вижу, ты много об этом думал, — заметил Сэмюэл.

— У меня было более чем достаточно времени. Хочу еще кое-что спросить. Уродливый образ, запечатленный в сердце с того самого дня, заслонил собой все, и я уже не помню… Скажите, Сэмюэл, она была очень красивой?

— Для тебя — да, потому что ты сам ее сотворил такой. Думаю, ты никогда не видел ее настоящую, только плод своего воображения.

— Я часто задаю себе вопрос, — размышлял вслух Адам, — кто она, что собой представляет. Раньше неведение меня вполне устраивало.

— А теперь хочется знать?

— Это не праздное любопытство, — потупился Адам. — Но мне хотелось бы знать, чья кровь течет в жилах моих сыновей. И не стану ли я присматриваться, когда они вырастут, пытаясь отыскать дурные черты.

— Станешь. И хочу тебя сразу предупредить: не кровь, а твоя подозрительность может породить в их душах зло. Они вырастут такими, какими ты хочешь их видеть.

— Но дурная кровь…

— Не верю я в россказни про кровь, — заявил Сэмюэл. — Мне кажется, если человек замечает у своих детей хорошие или плохие черты, он видит только то, что сам посеял, после того как они вышли из материнской утробы.

— Нельзя сделать из поросенка скаковую лошадь.

— Нельзя, — согласился Сэмюэл. — Но можно вырастить на удивление быстроногого поросенка.

— Ни один человек в этих краях с вами не согласится, даже миссис Гамильтон.

— Это уж точно. Она будет возражать яростнее всех, а потому я ей ничего не скажу, дабы не навлечь на свою голову громы и молнии, вызван-

ные этим разногласием. Она одерживает верх во всех спорах благодаря неистовой вере в свою правоту, и любое возражение воспринимает как личную обиду. Замечательная женщина, но требует особого обхождения, которому еще надо научиться. Давай лучше поговорим о мальчиках.

— Выпьете еще?

— Благодарю, с удовольствием. Имена представляют собой великое таинство. Никак не пойму, то ли имя приспосабливается к ребенку, то ли он со временем меняется, чтобы соответствовать данному имени. Одно знаю наверняка: если к человеку прилипает кличка, имя ему дали неправильное. Как тебе нравятся обычные, часто встречающиеся имена, вроде Джеймса, Джона или Чарльза?

Адам смотрел на близнецов, и вдруг при упоминании имени «Чарльз» увидел, как один из детей смотрит на него глазами брата. Он инстинктивно подался вперед.

— Что случилось? — встревожился Сэмюэл.

— Смотрите! — воскликнул Адам. — Мальчики совсем не похожи друг на друга.

— Разумеется, не похожи. Они же не близнецы.

— Вот этот, — он показал на одного из детей, — похож на моего брата. Я только что заметил.

Интересно, а второй-то на меня похож?

— Они оба похожи на тебя. По лицу все видно с младенчества.

— Сейчас не так бросается в глаза, — успокоился Адам, — но на мгновение показалось, что я увидел призрака.

— Может, именно так и являются человеку призраки, — философски заметил Сэмюэл.

Ли принес тарелки и расставил на столе.

— А у китайцев есть призраки? — поинтересовался Сэмюэл.

— Их миллионы, — заверил Ли. — Чего другого, а призраков у нас более чем достаточно. Думаю, в Китае никто и ничто не умирает, потому там такая теснота. Во всяком случае, так мне казалось, когда я там побывал.

— Присядь, Ли. Мы вот тут обсуждаем имена.

— У меня куры жарятся. Скоро будут готовы.

Адам поднял глаза, и его взгляд наполнился теплом и нежностью.

— Выпьешь с нами, Ли?

— Я на кухне уцзяпи попиваю, — сообщил Ли и вернулся в дом.

Сэмюэл наклонился и, подняв с земли одного из малышей, посадил себе на колени.

— А ты возьми второго, — обратился он к Ада-

му. — Нужно внимательно посмотреть, нет ли в самих детях подсказки насчет подходящего имени.

Адам неумело взял ребенка на колени.

— На первый взгляд они совсем одинаковые, но стоит присмотреться внимательнее, и замечаешь разницу. У этого, например, глаза круглее.

— Ты прав. И голова у него тоже круглее, а уши больше, — согласился Сэмюэл. — Но его брат, похоже, более упорный. Полетит к намеченной цели, как выпущенная из ружья пуля. И вполне возможно, улетит дальше, а вот подняться выше не сумеет. И волосы у него темнее, и кожа. Этот вырастет более ушлым и практичным. Я считаю, трезвый расчет ограничивает умственные способности. Практичность подсказывает, чего не следует делать, так как это неразумно. Только взгляни, как он крепко держится! Да, он гораздо сильнее братца и развит лучше. Разве не удивительно, какие они все-таки разные?

Лицо Адама менялось и светлело на глазах, будто ему наконец удалось выплыть на поверхность и избавиться от дурмана липкой трясины. Он поднял палец, и малыш, потянувшись за ним, едва не упал с отцовских коленей.

— Стоп! — воскликнул Адам. — Осторожней. Не

хватало, чтобы ты шлепнулся.

— Мы совершим ошибку, если дадим детям имена по качествам характера, которые, как нам кажется, рассмотрели. Возможно, мы заблуждаемся и очень далеки от истины. Думаю, пусть имена детей символизируют высокую цель, к которой нужно стремиться, чтобы стать их достойными. Меня назвали в честь человека, которого призвал по имени сам Господь. Вот я и прислушиваюсь всю жизнь и пару раз даже услышал, как выкликают мое имя, только зов был неясным, каким-то расплывчатым.

Адам, придерживая ребенка за плечико, наклонился и снова наполнил стаканы.

— Спасибо, что приехали, Сэмюэл. А еще благодарю, что вразумили хорошей трепкой. Хотя мои слова и могут показаться странными. Ведь за такое не принято говорить «спасибо».

— А мне непривычно наставлять людей на ум подобным образом. Лайза ни в жизнь не поверит, да я ей и рассказывать не стану. Правда, которой не верят, уязвляет больше любой лжи. Требуется недюжинное мужество, чтобы отстаивать правду, которую отвергает наше время. В наказание за это обычно распинают на кресте. Я таким мужеством не обладаю.

— Никак не пойму, почему человек вашего ума гнет спину на бесплодной, каменистой пустоши.

— А все потому, что нет во мне дерзкой отваги, — отозвался Сэмюэл. — И никогда я не был способен взвалить на свои плечи великую ответственность. И пусть Господь не призвал меня по имени, я сам мог к нему воззвать, но не посмел. Вот тут-то и кроется различие между великим и посредственным. И мой недуг свойственен множеству людей. Однако человеку заурядному приятно осознавать, что величие, как ничто иное в мире, обречено на вечное одиночество.

— А по-моему, существуют разные степени величия, — возразил Адам.

— Не согласен. Ведь никому не придет в голову утверждать, что существует такое понятие, как маленькая громада. Нет, когда оказываешься перед лицом огромной ответственности, которую предлагает взять на себя жизнь, выбор зависит только от самого человека. С одной стороны ждет тепло семейного очага и дружеское понимание, а с другой — сверкающее в холодном одиночестве величие. Вот тут-то и приходится выбирать. И я рад, что мой выбор пал на заурядное существование, но кто знает, что получил бы я в награду, пойдя по иному пути? Никому из моих детей

величие не грозит, разве что Тому. Как раз сейчас он мечется и никак не может сделать правильный выбор. Больно на парня смотреть. И где-то в глубине души мне хочется, чтобы он сделал выбор в пользу величия. Ну не чудно ли? Отец, желающий обречь сына на величие и одиночество! Какой эгоизм с моей стороны.

— Вижу, дать ребенку подходящее имя — дело не из легких, — хмыкнул Адам.

— А ты как думал?

— Но я и представить не мог, как это приятно, — признался он.

Из дома вышел Ли с подносом в руках, на котором стояло блюдо с жареной курятиной, миска с дымящейся картошкой и глубокая тарелка с маринованной свеклой.

— Не знаю, вкусно ли получилось, — усомнился китаец. — Куры староваты, а молодых у нас нет. В этом году всех цыплят ласки поели.

— Присаживайся, — пригласил его Адам.

— Подождите немного, схожу за уцзяпи.

Китаец ушел, а Адам не мог скрыть удивления:

— Странно, но теперь он говорит нормально и не ломает язык.

— Просто он стал тебе доверять, — пояснил Сэмюэл. — Он наделен даром безропотной пре-

данности, не требующей награды, и как человек лучше нас обоих во стократ.

Ли вернулся и занял место с края стола.

— Вы бы отпустили пока детей, — посоветовал он.

Оказавшись на земле, близнецы начали возмущаться, но Ли что-то строго сказал по-китайски, и мальчики успокоились.

Ели молча, как принято у сельчан. Вдруг Ли поднялся и торопливой походкой направился к дому. Вернулся он с кувшином красного вина.

— Совсем о нем забыл. Наткнулся случайно в доме.

— Помню, как пил здесь вино перед покупкой дома, — рассмеялся Адам. — Может, и усадьбу купил благодаря вину. А курятина очень вкусная, Ли. Долгое время я совсем не понимал вкуса пищи.

— Потихоньку выздоравливаешь, — заметил Сэмюэл. — Некоторые люди лелеют свою болезнь, украшают ее сияющим нимбом мученичества и считают выздоровление оскорбительным. Однако время лучший лекарь, который не испытывает священного трепета перед каким бы то ни было сиянием. Все равно рано или поздно выздоровеешь, надо только набраться терпения и ждать.

4

Ли убрал со стола и дал каждому близнецу по косточке от куриной ножки. Малыши с серьезным видом изучали перепачканные жиром подарки и время от времени совали их в рот. Вино и стаканы оставили на столе.

— Давайте займемся выбором имен, — предложил Сэмюэл. — Я уже чувствую, как Лайза натягивает вожжи и торопит меня домой.

— Ума не приложу, как их назвать, — вздохнул Адам.

— У тебя нет на примете какого-нибудь семейного имени? Например, богатого родственника, которому будет приятно, что ребенка назвали в его честь? Или возродить имя человека, которым гордится семья?

— Нет, хочу, чтобы мои дети начали с чистого листа и получили новые, неизбитые имена.

Сэмюэл ударил себя по лбу костяшками пальцев:

— Какая жалость, что нельзя дать малышам имена, которые подходят больше всего.

— Что значат ваши слова? — удивился Адам.

— Ты говоришь о новизне и неизбитости. А

мне вот вчера вечером пришло в голову… — Он немного помолчал. — А о своем имени ты задумывался?

— О своем?

— Вот именно. Тебя ведь зовут Адам, а первенцы его — Каин и Авель.

— Ну нет, — возразил Адам. — Так нельзя.

— Знаю, что нельзя. Это стало бы вызовом судьбе. Но разве не удивительно, что имя «Каин» самое известное в мире, хотя, насколько мне известно, носил его только один человек?

— Может быть, именно по этой причине имя сохранило свой изначальный смысл, — предположил Ли.

— Когда ты его произнес, у меня мороз по коже пробежал, — признался Адам, разглядывая рубиновое вино в стакане.

— Испокон веку оба предания неотступно следуют за нами, — начал Сэмюэл. — И мы несем их за собой как невидимый шлейф. История первородного греха и легенда о двух братьях — Каине и Авеле. И я не понимаю ни одной из них. Умом не понимаю, а сердцем чувствую. Лайза на меня сердится, говорит, что я не должен и пытаться их понять. Зачем стремиться к пониманию непреложной истины? Возможно, она и права.

Да. Послушай, Ли, Лайза утверждает, что ты — пресвитерианин. Понимаешь ли ты, о чем идет речь, когда мы упоминаем Райский сад и Каина с Авелем?

— Миссис Гамильтон считает, что я должен придерживаться какого-нибудь вероисповедания, а я когда-то посещал воскресную школу в Сан-Франциско. Людям нравится расставлять других по местам и уподоблять себе.

— Сэмюэл спрашивает, понимаешь ли ты, о чем мы говорим, — повторил Адам.

— Думаю, с грехопадением мне все понятно, я ощущаю его в себе самом, а вот братоубийство — нет. Хотя, возможно, я не помню всех подробностей.

— Люди обычно не вчитываются в подробности, — заметил Сэмюэл. — А именно они меня и поражают. Ведь у Авеля не было детей. — Он взглянул на небо: — Господи, как быстро проходит день! Как и вся наша жизнь — пролетает, когда мы не замечаем, и медленно тянется, если начинаем следить за ее течением. Нет, я получаю от жизни радость и дал себе обет, что не буду считать наслаждение грехом. Мне доставляет удовольствие вникать в суть вещей. Ни разу в жизни не прошел мимо камня, не заглянув под

него. А какая страшная досада, что мне не суждено увидеть обратную сторону луны!

— У меня нет Библии, — признался Адам. — Наша семейная осталась в Коннектикуте.

— У меня есть, — сообщил Ли. — Сейчас принесу.

— Не надо, — остановил его Сэмюэл. — Лайза дала мне Библию своей матери. Вот она, в кармане. — Он вынул сверток и извлек книгу. — Какая потрепанная, ветхая книга, — задумчиво сказал Сэмюэл. — Сколько она хранит людских горестей и страданий. Дайте мне старую Библию, и я расскажу о ее владельце, глядя на места, истертые и замусоленные пытливыми пальцами. А вот Лайза читает все подряд, и вся книга истерта равномерно. Ну вот и древнее предание о Каине, и если оно тревожит нас до сих пор, значит, источник тревоги в нас самих.

— Последний раз я его слышал, когда был ребенком, — признался Адам.

— История кажется нам длинной, а на самом деле она совсем короткая, — сказал Сэмюэл. — Сейчас я прочту ее всю, а потом вернемся к самому началу. Налейте мне вина, а то в горле пересохло. Ага, вот она, такая короткая история, оставившая в наших сердцах глубокую рану. — Он опустил

глаза. — Только посмотрите, малыши заснули прямо в пыли.

— Надо их укрыть, — сказал Ли, поднимаясь с места.

— Ничего, пыль теплая, — возразил Сэмюэл. — Так вот: «Адам познал Еву, жену свою, и она зачала и родила Каина и сказала: «Приобрела я человека от Господа»».

Адам хотел что-то сказать, но Сэмюэл взглянул на него, и тот замолчал, прикрыв глаза рукой.

— «И еще родила брата его Авеля, — продолжил Сэмюэл. — И был Авель пастырь, а Каин был земледелец. Спустя некоторое время Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его. А на Каина и на дар его не призрел».

— Подождите, — остановил чтеца Ли. — Или нет, продолжайте. Мы еще к этому вернемся.

— «Каин сильно огорчился, и поникло лицо его, — продолжил чтение Сэмюэл. — И сказал Господь Каину: «Почему ты огорчился? И отчего поникло лицо твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит, он влечет тебя к себе, но ты будешь господствовать над ним».

«И сказал Каин Авелю, брату своему. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь Каину: «Где Авель, брат твой?» Он сказал: «Не знаю; разве я сторож брату моему?» И сказал Господь: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя: ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». И сказал Каин Господу: «Наказание мое больше, нежели снести можно. Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня». И сказал ему Господь: «Зато всякому, кто убьет Каина, отметится всемеро». И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин от лица Господня: и поселился в земле Нод, на восток от Эдема».

— Вот и все, — устало сказал Сэмюэл, закрывая наполовину оторванную обложку. — Всего шестнадцать строф. Господи, я и забыл, как ужасна эта история! Ни единого слова надежды! Наверное, Лайза права, ничего в этом сказании не понять.

— Да, безотрадная история, — тяжело вздохнул Адам.

Ли налил полный стакан темной жидкости из круглой керамической бутыли, сделал глоток и приоткрыл рот, чтобы в полной мере почувствовать вкус напитка корнем языка.

— Любое предание имеет силу и обречено на долгую жизнь, только если мы сами чувствуем его правдивость, и правда эта о нас самих. Какое тяжкое бремя вины несет на себе человечество!

— А ты хотел целиком взвалить его на себя, — обратился Сэмюэл к Адаму.

— Как и я, и любой другой человек. Мы собираем вину пригоршнями, гребем ее к себе, будто какую драгоценность. Наверное, нам так нравится, и мы не хотим ничего иного.

— Однако мне от этой истории стало легче, а не хуже, — вмешался Адам.

— В каком смысле? — не понял Сэмюэл.

— Понимаете, каждому мальчику кажется, что именно он изобрел грех. Добродетели мы учимся, так как о ней рассказывают, а грех — это наше собственное изобретение.

— Понимаю, только каким образом предание о Каине улучшило тебе настроение?

— А потому, — взволнованно откликнулся

Адам, — что мы все его потомки. Он наш праотец. И часть нашей вины идет от наших предков. Разве был у нас выбор? Мы — дети своего отца, а значит, не первые грешим. Это оправдание, но в мире оправданий на всех не хватит.

— Во всяком случае, убедительных, — согласился Ли. — Иначе мы давно бы избавились от своей вины, и на свете не было бы такого количества удрученных людей, терзающихся этим чувством.

— А если взглянуть на картину с другой стороны? — возразил Сэмюэл. — Оправдание оправданием, но мы неразрывно связаны с предками. Стало быть, вина на нас лежит.

— Помню, как в детстве я возмущался поступком Господа, — сказал Адам. — И Каин, и Авель принесли то, что имели, но Господь принял дар Авеля и отринул Каина. Мне всегда казалось, что это несправедливо. Я и сейчас не понимаю мотивов Всевышнего. А вы?

— Вероятно, причина в том, что мы живем в иных условиях, — вмешался Ли. — Помнится, эту историю написали пастухи, и предназначалась она тоже для пастухов, а не для земледельцев. И разве для Бога, покровительствующего пастухам, жирный ягненок не более ценное подношение, чем сноп овса? Ведь в жертву полагается

приносить самое лучшее и ценное из всего, что имеешь.

— Я твою мысль понимаю, — согласился Сэмюэл, — только не вздумай развивать свою восточную философию перед Лайзой.

— И все же почему Господь осудил Каина? — взволнованно спросил Адам. — Это несправедливо.

— А ты вслушайся внимательней в слова, — возразил Сэмюэл. — Господь вовсе не осуждал Каина. Но ведь даже Всевышний может иметь свои предпочтения. Допустим, баранина пришлась ему больше по вкусу, чем овощи. И тут я с ним согласен. Может быть, Каин принес пучок морковки, а Господь сказал: «Я ее не люблю. Иди и попытайся снова. Принеси то, что придется Мне по душе, и Я поставлю тебя вровень с братом». А Каин рассердился, так как его чувства были уязвлены. Обиженный человек всегда стремится сорвать на ком-нибудь зло, и он выплеснул гнев на Авеля.

— В послании к иудеям святой Павел говорит, что Авель был угоден Господу своей несокрушимой верой, — заметил Ли.

— А в Книге Бытия об этом не говорится ни слова, — возразил Сэмюэл. — Ни о вере, ни об ее

отсутствии. Только делается намек на необузданный нрав Каина.

— А что думает о парадоксах Библии миссис Гамильтон? — поинтересовался Ли.

— А ничего не думает, так как просто не признает сам факт их существования.

— Но как же…

— Молчи, друг. Спроси ее сам. Постареешь на несколько лет, а дело так и не прояснится.

— Вы оба долго над этим размышляли, — сказал Адам. — Я же никогда не задумывался над смыслом этого повествования и знаю его только в общих чертах. Значит, Каина изгнали за убийство?

— Верно, за убийство.

— И Господь отметил его клеймом?

— Да ты вслушайся в слова Господа. Каинова печать не погубила, а спасла его. И уделом всякого, кто посмеет убить Каина, было проклятие. Значит, это не клеймо, а охранный знак.

— И все-таки мне кажется, что с Каином обошлись довольно мерзко.

— Возможно, — согласился Сэмюэл. — Но Каин прожил долгую жизнь и имел детей, а Авель живет только в предании. Мы все дети Каина. И разве не удивительно, что трое взрослых мужчин

спустя тысячелетия со времени тех событий обсуждают это преступление, будто оно произошло вчера в Кинг-Сити и суд над преступником еще не состоялся?

Один из близнецов проснулся, сладко зевнул и, посмотрев на Ли, снова уснул.

— Помните, мистер Гамильтон, я как-то вам говорил, что пытаюсь перевести на английский язык древнюю китайскую поэзию? — спросил Ли. — Нет-нет, не пугайтесь, я не собираюсь зачитывать результаты своих трудов. Просто в ходе работы я обнаружил старые истины, которые актуальны и свежи, как утро сегодняшнего дня. И я удивился, почему так происходит. И пришел к выводу, что людям интересно только то, что случается с ними самими. Если человек чувствует, что рассказ не имеет к нему отношения, он не станет и слушать. Тут я вывел закономерность: в великом повествовании на все времена рассказывается о каждом из нас, а иначе долгой жизни ему не видать. Все чуждое и далекое интереса не представляет, а волнует нас только глубоко личное и знакомое.

— Попробуем применить твои выводы к истории Каина и Авеля, — предложил Сэмюэл.

— Я брата не убивал, — откликнулся Адам и

вдруг запнулся на полуслове, возвращаясь мыслями в прошлое.

— Думаю, мои соображения как нельзя лучше подходят к истории Каина и Авеля, — откликнулся Ли. — Ведь она самая известная в мире, так как повествует о каждом из нас. По-моему, эта история, как ни одна другая, полностью раскрывает человеческую душу. Погодите, я сейчас двигаюсь наугад, так что не обессудьте, если мысли моей не хватает четкости. Больше всего на свете ребенок боится оказаться нелюбимым. Страх быть отринутым повергает его в бездну ада. Думаю, каждый человек, в той или иной мере, ощутил, каково быть изгоем. В душе отверженного зарождается злость, которая толкает на преступление в отместку за неприятие, а преступление влечет за собой вину — вот вам и вся история человечества. Исчезни на белом свете отверженные души, и человек стал бы другим. И не было бы столько беснующихся людей. Не сомневаюсь, что тогда пришлось бы закрыть многие тюрьмы. В повествовании о Каине и Авеле кроется корень всех зол. Ребенок, лишенный любви, которой жаждет его душа, пинает ногой кошку и мучается чувством тайной вины. Кто-то крадет, чтобы купить себе любовь за деньги, а кто-то завоевывает мир — и

всегда в основе лежит вина, подталкивающая к мщению, которое влечет за собой новую вину. Из всех живущих на земле существ только человек отягощен чувством вины. Постойте-постойте! Вот почему это ужасное древнее сказание не утратило насущности в наши дни. Да оно же раскрывает загадку отвергнутой души, терзаемой чувством вины. Вот вы, мистер Траск, говорите, что не убивали брата, а потом вдруг что-то вспомнили. Не хочу расспрашивать, что именно, но так ли это далеко от истории Каина и Авеля? А вы, мистер Гамильтон, что думаете по поводу моего так называемого «восточного» говора? А ведь я имею отношение к Востоку не больше вашего.

Сэмюэл облокотился на стол и закрыл лицо руками.

— Мне нужно подумать, — сообщил он. — Черт бы тебя побрал, просто необходимо все обмозговать. Хочу разобраться во всем в одиночестве. Может, ты только что разрушил весь мой мир, и что прикажешь строить взамен?

— А разве нельзя воздвигнуть мир, основываясь на принятой истине? — мягко спросил Ли. — Разве, зная причины, нельзя хотя бы частично искоренить беды и безумие?

— Не знаю, черт бы тебя побрал! Ты внес разлад

в мою так складно выстроенную вселенную. Взялся за запутанную игру-загадку, да и нашел ответ. Оставь меня в покое. Дай поразмыслить! Твоя фантазия, подобно плодовитой суке, оставила щенят в моем мозгу. Интересно, а что скажет на это Том?! Наверняка станет нянчиться с этим открытием, мысленно поворачивать так и сяк, как кусок свинины над огнем. Адам, очнись. Хватит блуждать мыслями в прошлом.

Адам вздрогнул и, тяжело вздохнув, спросил:

— А не слишком ли просто получается? Всю жизнь опасаюсь того, что на первый взгляд кажется очень уж простым.

— А это отнюдь не просто, — возразил Ли. — Наоборот, очень сложно и запутанно. Однако в конце брезжит свет.

— Кстати, скоро стемнеет, — заметил Сэмюэл. — Досидели до вечера. Я-то приехал, чтобы помочь с выбором имен, а у близнецов их до сих пор нет. Все бродим вокруг да около. А ты, Ли, держись со своими сложностями подальше от нашей сложившейся церковной системы, а не то станешь первым распятым китайцем. Церковники любят разные сложности, но только те, что сами изобрели. Ну, а мне надо собираться домой.

— Назови какие-нибудь имена, — с несчастным

видом попросил Адам.

— Из Библии?

— Откуда хочешь.

— Ладно, давай рассуждать. Из всех людей, бежавших из Египта, до Земли обетованной добрались только двое. Хочешь взять их имена для детей как символ?

— Что за имена?

— Калеб и Джошуа.

— Джошуа был военачальником, генералом. Не люблю все, что связано с солдатней.

— А Калеб был капитаном.

— Но не генералом же. Пожалуй, имя Калеб мне нравится. Калеб Траск.

Один из близнецов проснулся и тут же заревел.

— Вот ты и назвал его по имени, — изрек Сэмюэл. — Джошуа тебе не по нраву, так наречем его Калебом. Он у нас самый ушлый, темноволосый. Смотри, и второй проснулся. Что ж, мне всегда нравилось имя Аарон, однако он не добрался до Земли обетованной.

Второй малыш завопил, но в его плаче слышалась радость.

— Хорошее имя, — согласился Адам.

Сэмюэл рассмеялся:

— Ну вот, столько времени переливали из пустого в порожнее, а справились за две минуты. Так, Калеб и Аарон[6], отныне вы принадлежите к людскому братству и наделяетесь правом нести на себе проклятие.

Ли поднял детей с земли.

— А вы их теперь различаете? — осведомился он.

— Конечно, — заявил Адам. — Вот этот Калеб, а тот — Аарон.

Ли взял вопящих детей под мышки и понес к дому. Уже начало смеркаться.

— Только вчера я не видел между ними разницы, — сознался Адам. — Аарон и Калеб.

— Возблагодарим Господа, что наше терпение принесло плоды, — сказал Сэмюэл. — Правда, Лайза предпочла бы Джошуа. Она обожает рушащиеся стены Иерихона. Но Аарон тоже придется ей по нраву, а стало быть, все в порядке. Пойду запрягать лошадку.

Адам проводил его до конюшни.

— Я рад, что вы приехали, — обратился он к Сэмюэлу. — У меня камень с души свалился.

---

[6] Примечания: 6

В английском варианте имена братьев Адама и Чарльза пишутся «Adam» и «Charles», то есть начинаются с тех же букв, что «Авель» (Abel) и «Каин» (Cain), то же самое с именами Аарон (Aaron) и Калеб (Caleb).

Сэмюэл взнуздал возмущенного Акафиста, поправил оголовье и застегнул подшейник.

— Может, теперь самое время подумать о райском саде в низине, — предположил он. — У меня эта картина стоит перед глазами, так ярко вы ее описали.

Адам долго молчал, прежде чем ответить:

— Пожалуй, желание угасло. Затея больше меня не привлекает. Денег на жизнь хватает. Ведь я хотел посадить сад не для себя, и теперь мне его некому показать.

Сэмюэл повернулся к собеседнику, и его глаза наполнились слезами.

— Нет, не умрет твоя тоска по райскому саду, даже не надейся. Чем ты лучше других людей? Говорю тебе, желание создать райский сад умрет только вместе с тобой. — Некоторое время он стоял, тяжело дыша, а потом, ссутулив спину, взобрался в повозку и подхлестнул Акафиста. Повозка тронулась с места, а Сэмюэл так и не попрощался с хозяином.

Часть третья

Глава 23
1

Гамильтоны были людьми своеобразными, в высшей степени чувствительными, и у некоторых представителей семейства по причине чрезмерной впечатлительности порой случались нервные срывы. Впрочем, подобное явление наблюдается в жизни довольно часто.

Из всех дочерей настоящей отрадой для Сэмюэла стала Уна. С раннего детства она тянулась к учению, как другие дети тянутся к сладостям за ужином. Девочка состояла в тайном сговоре с Сэмюэлом: в дом потихоньку от всех приносились книги, дочь с отцом их читали и обсуждали вдвоем, никого не посвящая в свои беседы.

Из всех детей Уна была самой серьезной и вышла замуж за сосредоточенного на своей цели темноволосого молодого человека, чьи пальцы потемнели под воздействием различных химикатов, главным образом нитрата серебра. Он принадлежал к типу людей, которые живут в бедности, посвящая свою жизнь выяснению интересующих их вопросов. Мужа Уны интересовала

фотография. Он считал, что красоту окружающего мира можно передать на бумаге в ярком разнообразии красок, доступном человеческому глазу, не ограничиваясь серыми полутонами и сочетанием черного и белого цветов.

Он носил фамилию Андерсон и был человеком малообщительным. Подобно большинству людей с техническим складом ума, он испытывал страх перед домыслами и фантазиями, презирая их всей душой. Такие люди, как Андерсон, не созданы для индуктивных скачков. Муж Уны действовал как альпинист, преодолевающий последний выступ перед горной вершиной, вырубая ступеньку за ступенькой, чтобы постепенно продвигаться наверх. К Гамильтонам он испытывал непреодолимое презрение, основанное на страхе, так как эти люди, можно сказать, уверовали, что им дарованы крылья, а потому порой срывались вниз с самыми неприятными последствиями.

Андерсон ни разу в жизни не упал, не соскользнул, оступившись, вниз и не совершал взлетов. Неспешными шагами он двигался к намеченной цели и в конце концов, как говорят, добился чего хотел — изобрел цветную пленку. На Уне Андерсон, вероятно, женился благодаря ее серьезности и полному отсутствию склонности к чудачествам,

что действовало успокаивающе. Семейство жены вызывало у него страх и смятение, а потому он увез ее на север, в глухие и дикие места на окраине Орегона. Должно быть, Андерсон влачил там первобытное существование в окружении колб и фотобумаги.

От Уны приходили бесцветные, лишенные радости письма, в которых она, впрочем, никогда не пыталась вызвать к себе жалость. Она здорова и надеется, что вся семья также пребывает в добром здравии. А ее муж стоит на пороге долгожданного открытия.

А потом Уна умерла, и ее тело привезли домой.

Я не знал Уны, так как она умерла, когда я был младенцем, но по прошествии многих лет мне со слезами на глазах, хриплым срывающимся голосом рассказал о ней Джордж Гамильтон.

— Уна не была красавицей, как Молли, — начал он свой рассказ. — Но таких красивых рук и ног я ни у кого не встречал. Лодыжки стройные и изящные, как молодые побеги травы. И ходила-то она легко и плавно, словно скользящий по травам ветер. Пальцы на руках длинные, с узкими миндалевидными ноготками. А еще у Уны была чудесная кожа, будто прозрачная и сияющая изнутри.

Она не играла и не смеялась вместе с нами, и была в ней какая-то отстраненность. Казалось, Уна все время к чему-то прислушивается. За чтением книги ее лицо становилось как у человека, наслаждающегося музыкой. Бывало, спросишь ее о чем-нибудь, и она, если знает, непременно ответит, без цветистого краснобайства и неопределенности, в отличие от остальных детей. А уж мы-то любили потрепаться. Чувствовались в ней чистота и искренность.

А потом Уну привезли домой. Ногти обломаны, пальцы стерты до крови и все в трещинах и ссадинах. А что стало с ее бедными прелестными ножками… — Джордж на некоторое время умолк, не в силах продолжать рассказ, а когда заговорил, было видно, что он с трудом сдерживает гнев: — Ноги разбиты, все в ранах от острых камней и колючек. Она уже давно ходила без обуви, кожа загрубела и растрескалась.

— Мы решили, что произошел несчастный случай, — продолжил Джордж. — Столько химикатов вокруг. Да, именно так мы и подумали.

Но Сэмюэл, оплакивая дочь, считал, что ее смерть не случайность, а результат безмерного отчаяния и боли. Смерть Уны обрушилась на Сэмюэла подобно бесшумному землетрясе-

нию. Он больше не находил бодрых, вселяющих оптимизм слов и только сидел в одиночестве, раскачиваясь из стороны в сторону, считая, что горе случилось по его вине и недосмотру.

Его могучий организм, храбро сражавшийся с беспощадным временем, начал потихоньку сдавать. Моложавая кожа сморщилась, ясные глаза утратили блеск и потускнели, а широкие плечи ссутулились. Лайза безропотно приняла трагедию и смирилась, так как не возлагала особых надежд на наш бренный мир. Сэмюэл же отгораживался от законов природы веселыми шутками и смехом, а смерть Уны пробила брешь в его обороне, и он превратился в старика.

Дети Гамильтонов преуспевали. Джордж занимался страховым делом, Уилл все богател, а Джо уехал на восток страны, где способствовал созданию нового вида деятельности под названием «рекламный бизнес». И все недостатки Джо превратились в достоинства. Он обнаружил у себя способность придавать мечтам и фантазиям убедительную форму, что и лежит в основе любой рекламы. На новом поприще Джо стал значительной фигурой.

Все дочери, кроме Десси, вышли замуж, а она стала владелицей преуспевающей швейной ма-

стерской в Салинасе. И только Том никак не мог найти себя.

Сэмюэл как-то сказал Адаму Траску, что Том находится на перепутье между величием и заурядностью. Отец наблюдал за ним и видел, что сын, то, поддавшись зову, двигается навстречу судьбе, то в страхе отступает назад. Все эти чувства переживал и сам Сэмюэл.

Том не обладал сентиментальной мягкостью отца, его радующей глаз привлекательностью. Однако при более близком знакомстве открывалась его сила духа, сердечность и безупречная честность. А под внешней оболочкой скрывались безмерная застенчивость и робость. Том мог радоваться, как отец, но вдруг в разгар веселья что-то обрывалось внутри, как струна на скрипке, и он на глазах мрачнел, погружаясь в угрюмую задумчивость.

Том был смугл лицом, но кожа, то ли от солнца, то ли от примеси крови скандинавов, а может быть, даже германских варваров, приобрела красноватый оттенок. Волосы, борода и усы были тоже темно-рыжего цвета, и на их фоне глаза поражали сияющей синевой. Том отличался мощным телосложением, с широкими плечами, мускулистыми руками и узкими бедрами. В

подъеме тяжестей, беге, изнурительных пеших походах и верховой езде Том мог потягаться с любым, но у него начисто отсутствовало чувство соперничества. Уилл и Джордж, игроки по своей природе, не раз пытались вовлечь брата в рискованные предприятия с их печалями и радостями.

— Я пробовал, — признавался Том, — но не чувствовал ничего, кроме скуки. Не знаю, почему так происходит. Выигрывая, я не испытываю торжества и не воспринимаю проигрыш как трагедию. А без этого игра теряет всякий смысл. Как известно, это ненадежный способ добывать деньги, а если он не возрождает тебя к жизни и не бросает в лапы смерти, то есть не доставляет ни радости, ни печали, мне думается… Да я вообще ничего не чувствую. Испытывай я хоть какие-то чувства, хорошие или плохие, может быть, и пристрастился бы к их играм.

Уилл подобного образа мыслей не понимал. Его собственная жизнь представляла собой состязание, в котором он переключался с одного рискованного дела на очередное азартное предприятие. Уилл любил брата и не раз пытался заинтересовать его занятиями, в которых сам находил радость. Он вовлекал Тома в деловую

жизнь, всеми силами стараясь, чтобы тот почувствовал всю прелесть торгового ремесла и обучился искусству блефовать и обыгрывать соперника хитроумным маневром.

И всякий раз Том возвращался на ранчо озадаченный и сбитый с толку. Брата он не осуждал, чувствуя, что и сам должен бы входить в присущий остальным мужчинам азарт, который вызывает соперничество, но обманывать себя не мог.

Сэмюэл говаривал, что Том кладет на тарелку слишком большой кусок и ни в чем не знает меры, будь то тушеные бобы или женщины. И все же мне думается, что при всей мудрости Сэмюэл знал сына только с одной стороны. Возможно, перед нами, детьми, Том более охотно раскрывал свою сущность. Хочу рассказать о нем, опираясь на воспоминания и сведения, которые считаю достоверными, а также на догадки и предположения, которые из них вытекают.

Мы жили в Салинасе и узнавали о приезде Тома по упаковке жевательной резинки, которую мы с Мэри находили утром у себя под подушкой. По-моему, Том всегда приезжал ночью. В то время жевательная резинка считалась такой же ценностью, что и пятицентовая монетка. По-

рой он не появлялся месяцами, но каждое утро, просыпаясь, мы по привычке засовывали руку под подушку. Я до сих пор верен этой привычке, хотя жевательная резинка не появляется там уже много лет.

Моей сестре Мэри не нравилось быть девочкой, и она никак не желала мириться с этим неприятным фактом. Она была очень спортивной, великолепно играла в шарики, лучше всех делала подачи при игре в лапту, и все атрибуты девчоночьей одежды ей мешали. Разумеется, все это происходило задолго до того часа, когда Мэри осознала преимущества, которыми пользуются девушки.

А тогда мы точно знали, что где-то на нашем теле, скорее всего под мышкой, имеется кнопочка, и если ее правильно нажать, можно летать по воздуху. Вот Мэри и придумала собственное волшебство, которое поможет превратиться в крепкого проворного мальчугана. А ведь именно к этому и стремилась сестра. Если лечь спать, свернувшись по-особому в калачик, поджать колени к груди и по-волшебному переплести пальцы, то утром проснешься мальчиком. Каждый вечер она искала и никак не находила нужное положение, а я, бывало, помогал ей пере-

плетать по-особому пальцы.

Она уже отчаялась добиться успеха, но однажды утром у нас под подушкой оказалась жевательная резинка. Сняв обертку, мы с серьезным видом принялись жевать мятные пластинки фирмы «Бимэн». Сейчас такой вкуснятины нет и в помине.

Мэри принялась натягивать длинные черные чулки в резинку и вдруг с чувством огромного облегчения, словно у нее гора свалилась с плеч, сообщила:

— Ну конечно же.

— Ты о чем? — не понял я.

— Дядя Том, — откликнулась Мэри, смачно чавкая резинкой.

— Что дядя Том?

— Он знает, как стать мальчиком.

Как все, оказывается, просто. Почему я сам не додумался?

Мама была на кухне, давала наставления молоденькой датчанке, нашей новой прислуге. Недавно осевшие в наших краях датские фермеры охотно отдавали своих дочерей служанками в американские семьи, где девушки не только осваивали премудрости английской и американской кухни, но также знакомились с искусством

сервировки стола, хорошими манерами и всеми тонкостями светской жизни Салинаса. Проработав пару лет за двенадцать долларов в месяц, юные датчанки становились желанными женами для американских парней, так как не только принимали американский образ жизни, но и сохраняли способность трудиться в поле, как лошади. Некоторые самые аристократические семьи в Салинасе являются потомками этих девушек.

Итак, мы явились в кухню, где мама, подобно наседке, кудахтала над светлокудрой Матильдой.

— Он уже встал? — прервали мы матушкины излияния.

— Тише! — шикнула мама. — Он поздно приехал, дайте дяде Тому выспаться.

Однако по шуму стекающей в таз воды в дальней спальне мы догадались, что он проснулся. Крадучись по-кошачьи, мы подобрались к двери и стали ждать, когда дядя Том выйдет.

Поначалу и мы, и он испытывали некоторое смущение. Думаю, дядя Том робел не меньше нашего. Наверное, ему хотелось выбежать из комнаты, обнять нас и подбросить вверх, но встречи проходили церемонно и чинно.

— Спасибо за жевательную резинку, дядя Том.

— Рад, что она вам понравилась.

— А может быть, купим к вечеру устричный рулет, пока вы здесь?

— Разумеется, если ваша мама не возражает.

Мы шли в гостиную и усаживались рядом с Томом.

— Дети, дайте ему отдохнуть! — слышался из кухни мамин голос.

— Они не мешают, Олли, — откликался Том.

В гостиной мы рассаживались треугольником. На темном лице дяди Тома выделялись изумительной синевы глаза. Он носил хорошую одежду, но никогда не выглядел элегантным, чем и отличался от своего отца. Рыжие усы вечно топорщились, волосы не хотели укладываться в опрятную прическу, а руки загрубели от работы.

— Дядя Том, а как стать мальчиком? — обратилась к нему Мэри.

— Как? Послушай, Мэри, мальчиками не становятся, а рождаются.

— Да нет, я совсем о другом. Как *мне* превратиться в мальчика?

Том с серьезным видом посмотрел на сестру.

— Тебе? — переспросил он.

А Мэри словно прорвало, и слова полились из

нее нескончаемым потоком:

— Дядя Том, не хочу быть девочкой. Хочу стать мальчиком. Ну их, этих девчонок, с куклами да поцелуями. Не хочу быть девчонкой. Не хочу, и все тут! — На глаза Мэри навернулись слезы обиды и гнева.

Том перевел взгляд на свои руки и кончиком обломанного ногтя поддел отшелушившийся край мозоли. Думаю, ему хотелось сказать что-нибудь красивое, найти приятные, возвышенные слова утешения, как всегда удавалось его отцу.

— Мне не хотелось бы, чтобы ты стала мальчиком, — признался он.

— А почему?

— Ты мне нравишься девочкой.

В воздвигнутом Мэри храме обожаемый кумир упал с пьедестала, на глазах разбиваясь вдребезги.

— Хотите сказать, вам нравятся девчонки?

— Да, Мэри. Очень нравятся.

На лице сестры отразилось отвращение. Если дядя Том говорит правду, значит, он безнадежно глуп.

— Ладно, — буркнула Мэри, всем своим видом давая понять, что не желает слушать подобную чушь. — Но как *мне* стать мальчишкой?

Том обладал чутким слухом и понимал, что его авторитет падает в глазах племянницы, тогда как ему хотелось вызывать любовь и восхищение. Однако в его душе был тонкий стальной стержень правды, который безжалостно отсекал голову любой скорой на ногу лжи. Он посмотрел на заплетенные в тугую косу волосы Мэри, такие светлые, что они казались белыми. Кончик косы был грязным, сестра имела обыкновение вытирать о него руки перед особо трудным броском шарика. Том заглянул в холодные, враждебные глаза племянницы.

— По-моему, тебе совсем не хочется меняться.

— Хочется.

Том ошибался — Мэри была настроена на серьезный лад.

— Однако, — сказал он, — ничего не поделаешь. Наступит день, и ты сама этому порадуешься.

— И не подумаю радоваться, — заявила Мэри и, обращаясь уже ко мне, с ледяным презрением добавила: — Он не понимает!

Том поморщился, как от боли, а меня пробрала дрожь от жестокого приговора сестры. Мэри была смелее и безжалостнее большинства других детей и потому неизменно выигрывала все стеклянные шарики в Салинасе.

— Если ваша мать разрешит, — смущенно сказал Том, — закажу сегодня утром устричный рулет, а вечером заберу.

— Не люблю устричных рулетов, — заявила Мэри и гордо удалилась в спальню, громко хлопнув дверью.

Том с грустью посмотрел ей вслед и изрек:

— Самая настоящая девочка во всех проявлениях, — вздохнул он.

Мы остались вдвоем, и я чувствовал, что нужно залечить нанесенную Мэри рану.

— А я обожаю устричные рулеты.

— Еще бы. И Мэри тоже их любит.

— Дядя Том, а разве нет способа превратить ее в мальчика?

— Нет, — печально ответил Том. — Если бы я знал такой способ, то непременно бы ей сказал.

— Она лучший питчер у нас в Уэст-Энде.

Том вздохнул и снова принялся рассматривать руки, будто признавая свое бессилие, и тут мне стало его до боли жалко. Я принес пробку с выдолбленным отверстием, которое закрыл решеткой из английских булавок, и предложил:

— Дядя Том, хотите мою клетку для мух?

— Ты действительно желаешь ее мне подарить? — поинтересовался Том. Он всегда вел себя

как истинный джентльмен!

— Конечно. Смотрите, надо поднять булавку, запустить туда муху, и она будет сидеть в клетке и жужжать.

— Спасибо, Джон. Мне очень нравится подарок.

Том весь день что-то вырезал острым перочинным ножиком из маленькой деревянной чурки, а когда мы вернулись из школы, он уже вырезал миниатюрное человеческое лицо. Глаза, уши и губы двигались: они соединялись внутри полой головы крошечными поперечинами. А шея закрывалась внизу пробкой. Это было настоящее чудо. Ловишь муху, запускаешь в отверстие и затыкаешь пробкой. И вдруг голова оживает. Ошалевшая от страха муха ползает по поперечинам, и глаза начинают двигаться из стороны в сторону, губы разговаривают, а уши шевелятся. Даже Мэри смягчилась и сменила гнев на милость, но уже больше не испытывала к дяде прежнего доверия до той поры, когда сама обрадовалась, что родилась девочкой. Только было уже поздно. Дядя Том подарил голову не мне одному, а нам обоим. Она и по сей день где-то хранится у нас и по-прежнему работает.

Иногда Том брал меня с собой на рыбалку. Мы

отправлялись до восхода солнца и ехали в повозке прямо к Фремонт-Пик. По мере приближения к горам звезды на небе гасли, а горы становились черными на фоне утренней зари. Помню, как во время езды прижимался щекой и ухом к куртке Тома, а он, обняв меня за плечи, время от времени поглаживал по руке. Мы останавливались под дубом, выпрягали коня из оглобель и, напоив из ручья, привязывали к задку повозки.

Не помню, чтобы Том разговаривал. Теперь, задумываясь над прошлым, не могу вспомнить ни звука голоса, ни слов, что он произносил. А вот разговоры деда помню отлично. Воспоминания о Томе похожи на ласковую тишину. Возможно, на рыбалке он и вовсе не разговаривал. Снасти у Тома были отменные, а искусственных мушек он изготавливал сам. Однако Тома мало беспокоило, наловим мы форели или нет. Он никогда не стремился одержать победу над живыми существами.

Помню пятипалые папоротники под маленькими водопадами и их вздрагивающие от капель листья. И помню запахи холмов, аромат дикой азалии, доносящийся откуда-то издалека душок скунса, сладковатый, навязчивый запах люпина и лошадиного пота на сбруе. Помню чудесный

стремительный танец сарычей на небе. Том подолгу на них смотрел, подняв голову, но я не припоминаю, чтобы он сказал о птицах хоть слово. Помню, как держал свободный конец лески, а Том вбивал колышки и сплетал ее. Помню запах смятых папоротников, устилавших дно плетеной корзины для рыбы, и нежный аромат только что пойманной влажной радужной форели, которая так красиво смотрится на зеленом ложе. И наконец, помню, как мы возвращались к повозке, и он насыпал плющеный ячмень в кожаную торбу и вешал ее на лошадиную голову, пристегивая за ушами. Но в памяти не сохранились ни звук голоса, ни слова. Так Том и остался в воспоминаниях безмолвным великаном, излучающим тепло, с душой, блуждающей во мраке.

Том и сам знал мрачную, темную сторону своей натуры. Его отец был красив и умен, а мать — крошечная женщина — с непоколебимой верой в собственную правоту каждый поступок совершала с математической точностью. Все братья и сестры либо отличались красивой внешностью, либо имели талант, либо пользовались благосклонностью судьбы. Том всех их безмерно любил, но на себе ощущал давление тяжкого гнета, пригибающего к земле. Он то в восторге

возносился к заоблачным горным вершинам, то блуждал в каменистых, погруженных во мрак ущельях. Всплески отчаянной храбрости сменялись приступами малодушия и трусости.

Сэмюэл говорил, что Том балансирует между величием и заурядностью, пытаясь определить, способен ли он возложить на свои плечи холодное и тяжкое бремя ответственности. Сэмюэл знал характер сына и чувствовал затаившуюся в его душе жестокость и необузданность, которые пугали, так как сам Сэмюэл не имел склонности к буйству. Даже когда пришлось отколотить Адама Траска, он не испытывал злобы. И книги, которые появлялись в доме, часто тайком, они читали по-разному. Сэмюэл легко плыл по поверхности, беззаботно балансируя среди идей и концепций, как лодочник, скользящий в каноэ по бурлящим речным порогам. Том же вгрызался в книгу и полз по узким туннелям мысли подобно кроту, целиком погружаясь в чтение.

Буйный нрав и робость… тело Тома жаждало женской ласки, и в то же время он считал себя недостойным женщины. После долгого мучительного воздержания он садился на поезд до Сан-Франциско, где пускался в безудержный разгул, а потом тихонько возвращался на ранчо,

чувствуя себя неудовлетворенным, слабым и никчемным ничтожеством. Он наказывал себя, истязая работой. Пахал и засеивал бесплодные земли, до ломоты в спине рубил дубовые дрова, пока руки не повисали бессильными плетьми.

Похоже, Сэмюэл заслонил Тому солнце, и сын жил в тени отца. Том тайком писал стихи, а в то время подобное увлечение лучше было скрыть от людей. Поэтов считали хилыми скопцами, и уважающие себя мужчины на Западе относились к ним с презрением. Поэзия расценивалась как признак слабости, вырождения и порочности. Тех, кто осмеливался читать стихи вслух, освистывали, а тех, кто их писал, подозревали в неблаговидном поведении и предавали остракизму. К поэзии относились как к тайному пороку, скрывать который имелись все основания. Неизвестно, хорошие или плохие стихи сочинял Том. Он показал их одному-единственному человеку, а перед смертью все сжег. Судя по количеству золы в печи, их было довольно много.

Из всех членов семьи Том больше всего любил Десси. Она отличалась веселым нравом, и в ее доме царили смех и веселье.

Швейная мастерская Десси являлась достопримечательностью Салинаса. Это был особый

женский мир, где низвергались все правила поведения и железные устои, а также исчезали породившие их страхи. Мужчинам входить в эту святыню запрещалось, а женщины становились такими, какими их создала природа: бесшабашными и капризными, подверженными суевериям и тщеславными, искренними и любопытными, порой дурно пахнущими. У Десси сбрасывались корсеты из китового уса, ужасные сооружения, с помощью которых из женщин пытались вылепить богинь. А в мастерской у Десси посетительницы становились земными женщинами, которые ходят в туалет, предаются чревоугодию, без стеснения почесываются и пукают. Свобода порождала смех и веселье.

Прислушиваясь к доносящимся из-за двери взрывам смеха, мужчины со страхом представляли, что творится внутри, догадываясь, что причиной бурного веселья являются они сами, что вообще-то соответствовало истине.

Вижу Десси, как живую. Золотое пенсне сползает с курносого носика, а из глаз текут слезы, вызванные безудержным хохотом. Все тело сотрясается от приступа смеха. Волосы выбиваются из прически и падают на лоб и глаза, а потом со вспотевшего носа слетает и пенсне, болтаясь на

черной ленточке.

Платья у Десси заказывали за несколько месяцев вперед, и посетительницы приходили не менее двадцати раз, прежде чем выбирались подходящая ткань и фасон. До появления Десси в Салинасе не было заведения, столь благотворно влияющего на женское здоровье. В распоряжении мужчин имелись клубы, охотничьи домики и бордели, а у женщин только алтарная гильдия да жеманный кокетливый священник.

А потом Десси влюбилась. Не знаю ни подробностей ее любовной истории, ни кто был ее избранником и при каких обстоятельствах они расстались. То ли по религиозным соображениям, то ли из-за здравствующей супруги. Возможно, виной была болезнь или обычное себялюбие. Полагаю, моя мать была в курсе дела, но эта тема хранилась в семейных тайниках и обсуждению не подлежала. Если жители Салинаса что и знали, то бережно хранили эту городскую тайну и никого в нее не посвящали. А мне только известно, что от этой любви веяло безнадежностью. Она не принесла радости, только страдание и горе. Роман Десси длился год, за это время ее веселье иссякло, и никто больше не слышал ее смеха.

Том метался по холмам как обезумевший от бо-

ли раненый лев. Однажды среди ночи он оседлал коня и умчался в Салинас, не дожидаясь утреннего поезда. Сэмюэл поехал за ним и из Кинг-Сити отправил телеграмму в Салинас.

А утром, когда Том с почерневшим лицом, пришпоривая коня, выехал в Салинасе на Джон-стрит, его уже поджидал шериф. Он разоружил Тома и посадил в камеру, где отпаивал черным кофе и бренди, пока не подоспел Сэмюэл.

Сэмюэл не стал читать нотаций, а просто забрал сына домой и больше ни разу не упоминал об инциденте. Ранчо Гамильтонов словно замерло, погрузившись в молчание.

2

На День благодарения в 1911 году семья собралась на ранчо. Приехали все дети, не считая Джо, который обосновался в Нью-Йорке, Лиззи, вышедшей замуж и прижившейся в другой семье, да покойной Уны. Они привезли уйму подарков и столько съестного, что одолеть его оказалось не по силам даже такому большому клану. Все дети обзавелись семьями, кроме Десси и Тома. Дом Гамильтонов наполнился ребячьими голосами, шумом и гамом, каких здесь давно не слышали.

Детвора резвилась, визжала, плакала и устраивала потасовки. Мужчины то и дело совершали походы в кузницу, а по возвращении смущенно утирали усы.

Круглое личико Лайзы все сильнее разрумянивалось. Она всем командовала и отдавала распоряжения. Огонь в плите не угасал. Все кровати были заняты, и детей уложили спать на подушках, покрытых стеганными одеялами.

В Сэмюэле пробудилась былая веселость, его насмешливый ум сиял во всей красе, а речь приобрела прежнюю напевность. Он говорил без умолку, пел, предавался воспоминаниям и вдруг еще до полуночи утомился. Усталость обрушилась на Сэмюэла неожиданно, и он лег в постель, куда Лайза отправилась двумя часами раньше. Сэмюэла привело в замешательство не то, что пришлось ложиться спать, а странный факт, что сделал он это с охотой.

После ухода родителей Уилл принес из кузницы виски, и все семейство собралось на кухне. Виски передавали по кругу в баночках из-под джема. Заботливые матери сходили в спальни, проверяя, хорошо ли укрыты дети, а потом присоединились к остальным. Говорили тихо, чтобы не потревожить детей и стариков. Здесь присутствовали

Том и Десси, Джордж со своей прелестной Мэйми, урожденной Демпси, Молли с мужем Уильямом Дж. Мартином, Олив и Эрнст Стейнбек, а также Уилл и Делия.

И у всех десятерых на языке вертелось одно: Сэмюэл превратился в старика. Открытие потрясло их, словно внезапное появление привидения. Им никогда не приходило в голову, что подобное вообще может случиться. Дети Гамильтонов пили виски и вполголоса обсуждали происшедшую в отце перемену.

— Видели, как он сгорбился? И в походке нет былой упругости.

— Стал шаркать ногами. Но дело даже не в этом. Главное — глаза. У него глаза старика.

— И спать он уходил всегда последним.

— А заметили, что он забыл, о чем говорил, прямо в середине рассказа?

— А я по коже понял. Она стала морщинистой, а тыльная сторона рук совсем прозрачная.

— И на правую ногу ступает с опаской.

— Эту ногу ему сломала копытом лошадь.

— Знаю, но раньше отец ее не берег.

Говорили взволнованно, с возмущением. Нет, невозможно, отец не может состариться. Сэмюэл останется юным, как утренняя заря, а его жизнь

— это вечный рассвет.

Ну, на худой конец полдень. Но Боже Всевышний, о наступлении вечера и закате не может быть и речи! Нет, Господи, ты не допустишь такой несправедливости!

Вполне естественно, молодые Гамильтоны, столкнувшись с маячившей впереди смертью, в ужасе отпрянули. Они не обмолвились ни словом о своих тревогах, но мозг настойчиво сверлила навязчивая мысль: без Сэмюэла мир перестанет существовать.

Как можно о чем-то думать, не зная мнения отца?

И какая без него весна, Рождество или обычный дождь? Нет, Рождество тогда просто вообще не наступит.

Думать об этом не хотелось, голова шла кругом, и Гамильтоны стали искать козла отпущения, на котором можно выместить боль и обиду. А им было действительно больно. И тут все обрушились на Тома:

— Ты жил все время здесь, с ним!

— Как это случилось и когда?

— Кто его довел до такого состояния?

— А случайно, не ты ли со своими безумными выходками?

Том стойко выдерживал их нападки, так как давно видел, что творится с отцом.

— Это из-за Уны, — выдавил он хриплым голосом. — Отец не смог смириться с ее смертью. Он не раз говорил, что мужчина, настоящий мужчина, не имеет права поддаваться разрушительной силе выпавшего на его долю горя. И нужно жить с верой, что время залечит все раны. Отец повторял это так часто, и я понял: он начинает сдавать.

— А почему нам не сообщил? Возможно, мы сумели бы помочь.

Том вскочил с места и начал с возмущением оправдываться:

— Да пропади все пропадом! Что я мог сообщить? Что отец умирает от горя? Что его покидают жизненные силы? О чем здесь говорить? Вы были далеко, а мне приходилось смотреть, как угасают его глаза. Да будь оно все проклято!

Том выбежал из кухни, стуча тяжелыми башмаками по кремнистой земле.

Всем стало стыдно, и Уилл Мартин предложил:

— Пойду верну его.

— Не надо, — торопливо возразил Джордж, и вся родня его поддержала, согласно закивав. — Не ходи. Пусть побудет один. Уж мы-то знаем Тома, как-никак он одной с нами крови.

Через некоторое время Том вернулся.

— Хочу попросить у всех прощения, — начал он. — Простите. Наверное, я немного перебрал. Когда со мной такое случается, отец говорит «ты навеселе». Однажды я вернулся домой среди ночи, доехал верхом, — продолжил исповедь Том. — Протащился на заплетающихся ногах через двор, рухнул в розовый куст и на четвереньках заполз по крыльцу до двери. В спальне я наблевал прямо у кровати, а утром начал извиняться перед отцом. И знаете, что он ответил? «Да будет тебе, Том, просто ты был немного навеселе». Представляете? Уж если сумел добраться до постели, значит, «навеселе». Пьяный до дома не доползет. А так — просто «навеселе».

Джордж прервал излияния брата:

— Это мы просим у тебя прощения, Том. Получается, будто мы тебя обвиняем, а мы и не думали. А может, и думали, но все равно — прости.

— Жизнь на ранчо слишком суровая, — рассудительно заметил Уилл Мартин. — Давайте попробуем его уговорить. Пусть продаст землю и переедет в город. И там он будет жить долго и счастливо. Мы с Молли с радостью примем отца с матерью.

— Вряд ли он согласится, — возразил Уилл. —

Отец упрям, как мул, а по гордости не уступит породистому скакуну. Чего-чего, а гордости у него через край.

— Ну, предложить-то можно, вреда не будет, — вмешался в разговор муж Олив Эрнест. — Пусть живет у нас. То есть пусть живут вдвоем вместе с нами.

Все снова замолчали, так как мысль о возможности лишиться ранчо, этой иссохшей каменистой пустыни с унылыми косогорами и бесплодными ложбинами, приводила в ужас.

Уилл Гамильтон, руководствуясь чутьем и деловым опытом, научился угадывать побуждения людей, если они не имели слишком глубоких корней.

— Если мы предложим отцу закрыть кузницу, это будет равносильно смертному приговору, и он ни за что не согласится, — принялся рассуждать Уилл.

— Ты прав, — поддержал брата Джордж. — Он расценит такой поступок как полную сдачу позиций и трусость. Нет, отец не продаст землю, а если и продаст, то не протянет и недели.

— Есть другой выход, — продолжил свою мысль Уилл Гамильтон. — Он может приехать в гости, а хозяйством на ранчо займется Том. Отцу с

матерью пора повидать мир. Вокруг столько интересных событий. Поездка взбодрит его, а потом можно вернуться домой и снова приступить к работе. Возможно, со временем отцу и самому этого не захочется. Он не раз говорил, что действие времени разрушительнее динамита.

— Неужели вы и правда считаете его таким глупеньким? — удивилась Десси, откидывая упавшие на глаза волосы.

И Уилл, опираясь на накопленный опыт, парировал:

— Иногда человек намеренно проявляет глупость, которая дает возможность совершить то, чему противится ум. Попробовать-то можно. Что скажете?

Все присутствующие закивали, соглашаясь, и только Том сидел незыблемый как скала, погрузившись в свои думы.

— Том, разве ты не хочешь остаться за хозяина на ранчо? — удивился Джордж.

— Да разве в этом дело? — отмахнулся Том. — Вести хозяйство на ранчо нетрудно, потому что его тут в общем-то не было и нет.

— Тогда в чем дело?

— Не хочу обижать отца, — пояснил Том. — Он вмиг нас раскусит.

— Но какая обида пригласить родителей в гости?

Том принялся тереть уши, пока они не побелели.

— Вам запретить не могу, — отозвался он наконец. — А сам участвовать не стану.

— А мы пригласим его в гости в письме, в шутливой форме, — предложил Джордж. — А когда ему надоест гостить в одном доме, может отправиться в следующий. Пока всех навестит, пройдут годы.

На том и сошлись.

3

Том привез из Кинг-Сити письмо от Олив и, так как прекрасно знал его содержание, улучил момент, когда Сэмюэл останется один, и только тогда вручил послание дочери. Сэмюэл работал в кузнице, и его руки почернели от копоти. Он взял конверт за краешек и, положив на наковальню, принялся отмывать руки в бочонке с черной водой, куда окунал раскаленное железо. Вскрыв конверт острым кончиком подковного гвоздя, Сэмюэл вышел на солнечный свет и приступил к чтению. Том тем временем снял с телеги колеса

и стал смазывать оси колесной мазью, наблюдая краешком глаза за отцом.

Дочитав письмо, Сэмюэл аккуратно сложил его и поместил обратно в конверт, а потом, усевшись на скамью перед кузницей, устремил задумчивый взгляд в пространство. Затем вынул письмо и прочел еще раз, снова сложил и спрятал в карман синей рубахи. Том наблюдал, как отец встает с места и неторопливо поднимается по восточному холму, отбрасывая ногой попадающиеся на дороге камешки.

После недавнего дождика местами проклюнулась чахлая травка. Добравшись до середины склона, Сэмюэл присел на корточки, набрал пригоршню каменистого грунта и разровнял на ладони указательным пальцем: кусочки кремня, песчаник, сверкающие капельки слюды, а между ними попался жалкий корешок травы и камешек с прожилками. Ссыпав землю, он отряхнул руки, сорвал травинку и, закусив ее зубами, поднял глаза к небу. Серая косматая тучка торопилась на восток в поисках подходящей рощи, на которую можно пролиться дождем.

Сэмюэл распрямился во весь рост и не спеша спустился вниз, заглянул в кладовую, где хранился инструмент, погладил рукой квадратные

стояки. Задержался возле Тома, покрутил колеса телеги, которые легко вращались после смазки, и, устремив на сына изучающий взгляд, будто видел впервые, заметил:

— Да ты совсем взрослый мужчина.

— Только сейчас обнаружил?

— Да нет, пожалуй, и раньше видел, — откликнулся Сэмюэл и небрежной ленивой походкой двинулся дальше.

На его лице играла язвительная усмешка, хорошо знакомая всей семье. Он подшучивал и мысленно смеялся над собой. Сэмюэл миновал убогий огородик, обошел вокруг далеко не нового дома. Обветшали даже пристроенные спальни, и высохшая замазка отставала от оконных стекол. Прежде чем зайти в дом, он остановился на веранде и окинул взглядом свои владения.

Лайза раскатывала на доске тесто для пирога. Она так ловко действовала скалкой, что тесто в ее руках оживало, то становясь плоским, то упруго сжимаясь. Лайза подняла бледный пласт теста и, уложив на противень, подровняла края ножом. В миске уже поджидала готовая начинка из ягод, утопающих в алом соку.

Сэмюэл расположился в кресле и, заложив ногу за ногу, наблюдал за женой. Его глаза светились

улыбкой.

— Неужели нельзя найти себе полезное занятие в разгар дня? — с осуждающим видом поинтересовалась Лайза.

— Можно, матушка, можно. Если на то имеется желание.

— Так нечего здесь сидеть и действовать мне на нервы. Газета в другой комнате, коли надумал гонять лодыря среди бела дня.

— Да прочел я газету.

— Всю?

— Все, что меня интересовало.

— Сэмюэл, что с тобой происходит? По лицу вижу, ты что-то затеваешь. Сейчас же выкладывай и дай мне заняться пирогами.

Сэмюэл, покачивая ногой, улыбался жене.

— Какая крохотная у меня женушка. Троих, как она, легко разместить на ладони.

— Прекрати, Сэмюэл. Я иногда и сама не прочь пошутить вечером, после работы, но сейчас одиннадцать утра и до вечера далеко, так что ступай и не мешай.

— Скажи, Лайза, понятен ли тебе смысл английского слова «отпуск»?

— Ох, что-то ты расшутился с утра.

— Нет, Лайза, ответь.

— Разумеется, понятен. Не делай из меня дурочку.

— И что же оно означает?

— Отдых на морском берегу. А теперь, Сэмюэл, убирайся со своими глупостями.

— И откуда же тебе известно это слово?

— Скажешь ты наконец, куда клонишь? И почему бы мне его не знать?

— А у тебя, Лайза, он когда-нибудь был?

— Ну как же, я… — Лайза запнулась.

— Позволила ли ты себе за полсотни лет хоть один отпуск, моя маленькая глупышка, милая крошечная женушка?

— Послушай, Сэмюэл, добром прошу, убирайся с моей кухни, — с тревогой в голосе потребовала Лайза.

Сэмюэл вынул из кармана письмо и развернул.

— От Олли, — сообщил он жене. — Приглашает погостить в Салинасе. Уже и комнаты нам наверху приготовили. Хочет, чтобы мы лучше узнали внуков. А еще купила нам билеты на чатокский цикл образовательных лекций и концертов. Билли Сандей намеревается вступить в схватку с дьяволом, а Брайан разразится предвыборной речью о Золотом кресте. Я бы не прочь послушать. Сама по себе речь не бог весть что, но, говорят, он

так ее преподносит, что у людей сердце на части разрывается.

Лайза потерла нос, испачкав его в муке.

— А дорого это? — озабоченно поинтересовалась она.

— Дорого? Да ведь Олли купила нам билеты в подарок.

— Нельзя нам уезжать, — заявила Лайза. — Кто займется хозяйством на ранчо?

— Том. Да зимой тут особо и работы нет.

— Ему будет одиноко и скучно.

— Может быть, его навестит Джордж. Поохотятся на перепелок. Посмотри, Лайза, что в конверте.

— Что это?

— Два билета на поезд до Салинаса. Олли пишет, что не позволит нам увильнуть.

— Можно сдать билеты и отослать ей деньги.

— Нельзя, Лайза. Ну что ты, матушка, не надо, вот носовой платок.

— Это посудное полотенце.

— Посиди, матушка, приди в себя. Вот так! Похоже, предложение отдохнуть совсем выбило тебя из колеи. Ну-ну! Да знаю я, что это посудное полотенце, Господь с ним. Говорят, дьяволу достается по первое число от Билли Сандея. Гоняет

его по всей сцене.

— Это богохульство, — возмутилась Лайза.

— Но мне хотелось бы на него посмотреть, а тебе? Что скажешь? Подними же голову, я не слышу. Повтори, что ты сказала?

— Я сказала «да», — откликнулась Лайза.

Когда Сэмюэл пришел к Тому, тот что-то чертил. Том как ни в чем не бывало глянул на отца, стараясь угадать, какое действие произвело письмо Олив.

— Что это? — поинтересовался Сэмюэл, разглядывая чертеж.

— Да вот изобретаю приспособление, чтобы открывать ворота, не сходя с повозки. Здесь тяга для засова.

— А как он будет открываться?

— Возьму мощную пружину.

— А закрываться? — допытывался Сэмюэл, изучая чертеж.

— Для этого есть стержень. Он будет скользить под давлением и нажимать на пружину.

— Понятно, — согласился Сэмюэл. — Возможно, эта штука будет работать, если ворота подвешены как надо, без перекоса. Только на ее изготовление и уход уйдет гораздо больше времени, чем сходить с телеги и открывать ворота привычным

способом.

— Но порой попадется норовистая лошадь, — запротестовал Том.

— Конечно, — согласился отец. — Однако главная причина, что для тебя это забава.

— Попал в самую точку, — усмехнулся Том.

— Скажи, Том, справишься ты с хозяйством, если мы с матерью немного попутешествуем?

— Конечно, — заверил Том. — А куда собираетесь?

— Олли приглашает нас пожить в Салинасе.

— Что ж, замечательно, — обрадовался Том. — А мать не возражает?

— Нет, если не упоминать о расходах.

— Прекрасно, — повторил Том. — А долго собираетесь гостить?

Сэмюэл задержал насмешливый взгляд лучистых глаз на лице сына.

— Что случилось, отец? — смутился Том.

— Да уловил я в твоем тоне одну нотку, такую слабенькую, что едва расслышал. Но она прозвучала. Том, сынок, если у тебя тайный сговор с братьями и сестрами, я не возражаю, и даже считаю, что это хорошо.

— Не пойму, отец, о чем ты, — замялся Том.

— Сынок, благодари Бога, что он не внушил

тебе желания стать актером, ибо актер из тебя получился бы прескверный. Полагаю, вы сговорились на День благодарения, когда собрались все вместе на ранчо. И все идет гладко, как по маслу. Чувствую, Уилл приложил руку. Можешь не говорить, если не хочешь.

— Я был против их затеи, — признался Том.

— Да, это не в твоем духе, — согласился отец. — Ты бы выложил все начистоту, вытащил правду на яркий свет, чтобы я увидел. Не говори остальным, что я догадался. — Сэмюэл повернулся, чтобы уйти, но остановился и положил руку Тому на плечо: — Спасибо, сынок, что хотел удостоить меня чести знать правду. Пусть такой поступок не умен, зато говорит о надежности.

— Я рад, что вы едете.

Сэмюэл стоял в дверях кузницы и смотрел на свою землю.

— Недаром говорится, что неудачное дитя матери дороже всех остальных. — Он резко встряхнул головой. — Послушай, Том, я тоже удостою тебя чести и скажу правду, а ты храни ее в тайниках души и не говори ни братьям, ни сестрам. Я понимаю, почему уезжаю. Знаю, куда еду, делаю это сознательно и соглашаюсь с тем, что мне предлагается.

Глава 24
1

Не могу понять, почему реальность жизни и смерти ранит одних людей больнее, а другие переживают ее легче. Смерть Уны выбила почву из-под ног Сэмюэла и открыла ворота неприступной крепости, впуская старость. Лайзу, которая, вне всякого сомнения, любила семью не меньше мужа, смерть дочери не сломила. Ее жизнь по-прежнему протекала ровно и спокойно. Она горевала, однако сумела преодолеть боль утраты.

По-моему, Лайза принимала окружающий мир, как и Библию, со всеми ее противоречиями и несоответствиями. Смерть и ей была не по нраву, но Лайза знала, что она существует, и ее приход не стал неожиданностью.

Сэмюэл мог размышлять и философствовать о смерти, порой заигрывая, но в ее существование не верил. В его мире смерти не было места. Он сам и все, что его окружает, считалось бессмертным, и встреча со смертью стала кощунственным оскорблением, разрушившим незыблемую ве-

ру в бессмертие. Одна трещина в воздвигнутой Сэмюэлом стене, привела к крушению всего сооружения. По-моему, он всегда надеялся переспорить смерть, воспринимая ее как личного врага, которого можно одолеть.

Для Лайзы смерть была событием предсказуемым и ожидаемым. Даже в горе она продолжала заниматься повседневными делами и ставила в печь горшок с фасолью, пекла шесть пирогов и скрупулезно подсчитывала, сколько еды потребуется для приличной трапезы после похорон. Невзирая на горе, она следила, чтобы у Сэмюэла была выстиранная белая рубашка, его костюм из черного сукна вычищен и без пятен, а башмаки сияли. Наверное, удачная семейная жизнь складывается именно у таких противоположных по характеру супругов, благодаря чему их брак скрепляется с удвоенной прочностью.

Уж если Сэмюэл что-то признавал, то мог зайти гораздо дальше Лайзы, но сам процесс признания разрывал ему душу на части. После решения ехать в Салинас Лайза не спускала глаз с мужа. Она не знала, что именно задумал Сэмюэл, но чутье, свойственное хорошей, бдительной матери, безошибочно подсказывало: дитя точно что-то затевает. Она была стопроцентной реалисткой

и, несмотря на тревогу, радовалась случаю навестить детей. Ей были интересны и дети, и внуки. Лайза не испытывала любви и привязанности к определенному месту, и дом являлся для нее короткой остановкой на пути к небесам. Работа Лайзе не нравилась, но она ее выполняла, потому что так надо. И она безмерно устала. Все труднее становилось преодолевать боль и онемелость в руках и ногах, которые по утрам мешали встать с кровати. Правда, до сих пор Лайза неизменно выходила победителем в этой борьбе.

Она с радостью ждала встречи с небесами, местом, где одежда не пачкается, не нужно готовить еду и мыть посуду. В тайниках сознания жила крамольная мысль, что некоторые вещи на небесах все же не заслуживают одобрения. Слишком уж много песнопений, а еще непонятно, как избранные умудряются так долго пребывать в праздности, которую им дарует жизнь в раю. Уж Лайза и там найдет себе достойное занятие. Наверняка и на небесах случаются непорядки. Например, нужно заштопать прореху на облачке или растереть бальзамом уставшее крыло. Наверное, время от времени следует перешивать воротники на небесных одеяниях, и, положа руку на сердце, не слишком верится, что в дальнем

углу не обнаружится паутина, которую надо немедленно убрать с помощью намотанной на швабру тряпки.

Грядущая поездка в Салинас и радовала, и пугала Лайзу. Ей так понравилась сама мысль об отпуске, что порой становилось страшно: а не является ли эта радость греховной? А тут еще чатокские чтения. Конечно, идти на них не обязательно, Лайза туда скорее всего и не пойдет. А вот Сэмюэл пустится во все тяжкие. За ним нужен глаз да глаз. Лайзу не покидало чувство, что муж так и остался беспомощным юнцом. К счастью, она пребывала в неведении относительно того, что творится в голове у Сэмюэла, оказывая разрушительное действие на тело.

В отличие от жены для Сэмюэла место имело очень большое значение. Ранчо стало для него родным существом, и, уезжая, он словно вонзал нож в сердце любимого родственника. Однако, приняв решение, Сэмюэл начал обстоятельно готовиться, чтобы обставить все как положено. Он нанес визиты всем соседям, старожилам, помнившим былые времена, от которых, считай, ничего не осталось. Когда он прощался со старыми друзьями, те понимали, что расстаются они навсегда, хотя Сэмюэл не обмолвился об этом ни

словом. Теперь Сэмюэл смотрел на горы, деревья и даже лица, будто хотел навсегда запечатлеть их в памяти.

Визит к Траску он оставил напоследок. Сэмюэл уже много месяцев не заезжал к нему на ранчо. Адам постарел, а близнецам исполнилось по одиннадцать лет, и только Ли изменился мало. Он и проводил Сэмюэла до конюшни.

— Давно хотелось с вами поговорить, — признался китаец. — Но кругом столько дел. А еще я каждый месяц стараюсь съездить в Сан-Франциско.

— Да, так уж повелось, — вздохнул Сэмюэл. — Когда знаешь, что друг рядом, не спешишь его навестить, и вот его больше нет, и тогда начинаются угрызения совести, что не пользовался каждым удобным случаем пообщаться.

— Я слышал о смерти вашей дочери. Примите соболезнования.

— Я получил твое письмо, Ли. Ты подобрал хорошие слова.

— Так говорят в подобных случаях в Китае, — ответил Ли. — Похоже, с возрастом во мне все сильнее проявляется китаец.

— Что-то в тебе изменилось, Ли. Только не пойму, что именно.

— Коса, мистер Гамильтон. Я ее отрезал.

— Точно.

— Так поступили все китайцы. Вы не знали? Вдовствующая императрица умерла, и Китай обрел свободу. Маньчжуры нами больше не правят, и китайцы не носят кос. Так провозгласило новое правительство. В Китае больше никто не носит кос.

— Это что-нибудь меняет, Ли?

— Не слишком. Голове стало легче, но вроде как чего-то не хватает, и чувствуешь себя неловко. К удобству привыкнуть нелегко.

— А как Адам?

— Вроде ничего. Только, считай, совсем не изменился. Просто не верится, что раньше он был другим человеком.

— Да, и я часто об этом думал. Быстро он отцвел. А мальчишки, должно быть, выросли.

— Выросли. Я рад, что остался здесь. Многому научился, глядя, как растут дети, и помогая по мере сил.

— Учишь их китайскому языку?

— Нет, мистер Траск не позволил. Пожалуй, он прав. Ни к чему лишний раз осложнять жизнь. Но мальчишки считают меня своим другом. Да, я их друг. Отцом они восхищаются, а меня, думаю,

любят. А еще они совсем разные, вы и не представляете насколько.

— В чем же они разные?

— Сами увидите, когда вернутся из школы. Мальчики похожи на две стороны медали. Кэл — смугл лицом, он хитрый и осторожный. А его брат… он вызывает симпатию с первого взгляда, и чем дальше, тем больше.

— Кэла ты недолюбливаешь, верно?

— Я часто ловлю себя на том, что пытаюсь его оправдать, защитить от своих же придирок. Он борется за свое место в жизни, а брату и бороться нет нужды.

— В моем семействе та же история, — вздохнул Сэмюэл. — Не пойму причины. Воспитание одинаковое, и кровь в их жилах одна, и по всему должны быть похожи, ан нет. Ни капельки.

Через некоторое время Сэмюэл с Адамом прогуливались по дубовой аллее, ведущей к подъездной дорожке, с которой открывался вид на Салинас-Вэлли.

— Останьтесь на ужин, — пригласил Адам.

— Не желаю брать на душу грех за убийство очередной курицы, — усмехнулся Сэмюэл.

— Ли приготовил тушеную говядину.

— Ну, раз так…

Старая рана сделала Адама кособоким на всю жизнь. Одно плечо было гораздо выше другого. Лицо суровое, отстраненное, глаза смотрят рассеянно и видят только общую картину, не замечая мелочей. Мужчины остановились, разглядывая долину, покрывшуюся зеленью после ранних дождей.

— А не мучит совесть, что такая земля заброшена и много лет не возделывается?

— Незачем мне ее возделывать, — буркнул Адам. — Мы уже это обсуждали. Думали, я изменился? Нет, все по-прежнему.

— Все упиваешься своим горем? Вообразил себя героем трагедии?

— Не знаю.

— А ты пораскинь мозгами. Может, и поймешь, что вышел на большую сцену, а играть приходится перед пустым залом. Из зрителей — только ты сам.

— Вы явились сюда меня поучать? — В голосе Адама слышалось раздражение, грозящее перерасти в гнев. — Мне приятно вас видеть, но к чему лезть в душу?

— Чтобы посмотреть, сумею ли я тебя хорошенько разозлить. Я привык во все совать нос. А тут пропадает невозделанная земля, а вместе с

ней и человек, что стоит рядом со мной. Непростительная расточительность. А расточительность мне противна, так как я никогда в жизни не мог ее себе позволить. Неужели приятно смотреть, как жизнь пропадает зря?

— А что мне делать?

— Попробуй начать все заново.

— Боюсь я, Сэмюэл. — Адам повернулся лицом к собеседнику. — Пусть уж все останется по-старому. Видно, нет у меня ни сил, ни мужества.

— А сыновья? Любишь их?

— Конечно, люблю.

— Но одного любишь больше, так?

— Почему вы спрашиваете?

— Сам не знаю. Уловил какие-то нотки в твоем голосе.

— Вернемся в дом, — предложил Адам. Они повернули назад и двинулись к усадьбе под сенью деревьев. Неожиданно Адам прервал молчание: — А вы слышали, что Кэти будто бы в Салинасе? Доходили до вас такие слухи?

— А до тебя?

— Да, но я не верю. Не могу поверить.

Сэмюэл молча шагал по песчаной колее, с неохотой вникая в мысли Адама, и постепенно приходил к выводу, что его надежды не оправ-

дались и Адам так и не сумел распрощаться с прошлым. Это открытие вызвало приступ усталости.

— Никак не можешь ее забыть? — спросил он наконец.

— Похоже, нет. А вот про то, что она в меня стреляла, забыл и никогда не вспоминаю.

— Я не могу научить тебя, как надо жить. Хотя сейчас именно этим и занимаюсь. И понимаю, что тебе пора расстаться с несбывшимися мечтами и вдохнуть вольного воздуха окружающего нас мира. Но вот я тебя убеждаю, а сам просеиваю через сито прошлое, как промывают мусор, что выгребли из-под питейного заведения в надежде отыскать крупицы золота, провалившиеся в щели между досками пола. Жалкая попытка добыть золото. Да, жалкая. Ты, Адам, слишком молод, чтобы копаться в воспоминаниях. Нужно жить, и тогда появятся новые воспоминания, и к старости добытого золота окажется куда больше.

Адам слушал, потупившись, а на его скулах играли желваки.

— Вот и хорошо, — заметил Сэмюэл. — Стисни покрепче зубы. Как же мы оберегаем собственную неправоту, как цепляемся за нее! Хочешь, расскажу о твоих грезах? И не думай, что ты пер-

вый и единственный в мире, кому они не дают покоя. Ты ложишься спать и гасишь лампу — и вот тогда в дверях появляется она. За спиной слабое свечение, и видно, как колышутся складки ночной сорочки. Она тихо подходит к кровати, а ты, затаив дыхание, откидываешь одеяло, чтобы пустить ее в постель, и отодвигаешь голову, освобождая место на подушке. Ощущаешь сладкий аромат ее кожи, единственный, неповторимый…

— Хватит! — с болью в голосе крикнул Адам. — Будь ты проклят! Замолчи! Прекрати встревать в мою жизнь! Словно койот, обнюхивающий дохлую корову!

— И мне это хорошо знакомо, — словно не замечая его гнева, тихо продолжил Сэмюэл. — Потому что и ко мне приходила ночная гостья. Месяц за месяцем, долгие годы. Да и сейчас приходит. И знаю, что должен запереть на двойной засов разум и замуровать сердце, чтобы закрыть ей дорогу, но не делаю этого. Все эти годы я обманывал Лайзу, предлагая ей ложь, фальшивку, а самое лучшее берег для той, из сладких ночных грез. И мне было бы легче, будь у Лайзы такой же тайный посетитель. Но об этом мне никогда не узнать, потому что она накрепко заперла бы свое сердце и выбросила ключ ко всем чертям.

Адам с силой сжал руки, так что побелели костяшки пальцев.

— Ты сеешь сомнение в мою душу, — в ярости выдохнул он. — И так происходит всякий раз. Я тебя боюсь. Что мне делать, Сэмюэл? Скажи! В толк не возьму, как тебе удается так четко все определить. Так что же я должен сделать?

— Я знаю средства от всех недугов, Адам, хотя сам ими не пользуюсь. Да, я всегда знаю, как следует поступить. Попытайся найти другую Кэти и позволь ей уничтожить память о той, прежней, которая является плодом твоей фантазии. Пусть сойдутся в схватке, а ты наблюдай и отдай душу и сердце победительнице. Но это не самое удачное средство. А лучше всего открыть для себя совсем новую, неведомую красоту, которая вытеснит прежний идеал.

— Страшно начинать заново, — признался Адам.

— Знакомая песня. А теперь позволю проявить эгоизм и напомнить о себе. Я уезжаю, Адам, и пришел проститься.

— Как это?

— Дочь Олив пригласила нас с Лайзой погостить у нее в Салинасе. Послезавтра двинемся в путь.

— Но вы же вернетесь?

— Погостим у Олив месяц-другой, — продолжил Сэмюэл, — а там придет письмо от Джорджа. Он страшно обидится, если мы не навестим его в Пасо-Роблесе. А потом Молли захочется повидаться с нами в Сан-Франциско. Затем придет очередь Уилла, может быть, даже Джо пригласит нас побывать на Востоке. Если, конечно, доживем до той поры.

— Разве вам эта затея не по душе? Вы заслужили отдых. Достаточно гнули спину, копаясь в куче камней и пыли.

— А я люблю эту кучу пыли, — признался Сэмюэл. — Как собака любит самого хилого щенка. Люблю каждый камешек на бесплодной земле, о которую ломается лемех плуга. Люблю и ее обделенные водой недра. Чувствую, где-то в этой иссушенной земле скрывается богатство.

— Вы заслужили отдых.

— Ну, заладил, — усмехнулся Сэмюэл. — Пришлось смириться, и я смирился, принял все, как есть. Вот ты говоришь «заслужил отдых», а мне слышится: «Жизнь подошла к концу».

— И вы этому верите?

— Я это принимаю как данность.

— Нет, так нельзя, — заволновался Адам. — Ес-

ли смиритесь, то не сможете жить дальше!

— Знаю, — согласился Сэмюэл.

— Вы на это не пойдете.

— Почему же?

— Не хочу, чтобы вы смирились.

— Знаешь, Адам, я любопытный старик, и самое печальное, что мое любопытство начинает иссякать. Вот так я, наверное, и понял, что пора навестить детей. И теперь часто приходится изображать интерес, которого нет и в помине.

— По мне, так уж лучше бы вы и дальше надрывались на своем бесплодном клочке земли.

— Как отрадно это слышать, — улыбнулся Сэмюэл. — Спасибо, Адам. Как приятно чувствовать, что тебя любят, пусть и с опозданием.

Адам вдруг резко повернулся, вынуждая и Сэмюэла остановиться.

— Я понимаю, чем вам обязан, — начал он. — Но расплатиться нечем. И все же хочу попросить еще об одном одолжении. А если попрошу, окажете ли вы любезность, возможно, спасая своим согласием мне жизнь?

— Разумеется, если это в моих силах.

Адам махнул рукой на запад, описывая дугу:

— Земля, что там раскинулась… Поможете разбить сад, о котором мы столько говорили, по-

строить ветряные мельницы, вырыть колодцы и посадить поля люцерны? Выращивали бы цветы на семена. Прибыльное дело. Представьте только, акры душистого горошка и огромные золотистые квадраты, засаженные календулой. А еще акров десять роз для садов на Западе. А какой от них пойдет аромат, когда подует западный ветер!

— Еще немного, и я расплачусь, — сказал Сэмюэл. — А старику плакать не годится. — На его глаза и правда навернулись слезы. — Спасибо тебе, Адам. Твоя просьба так же сладка, как аромат роз, доносимый западным ветром.

— Значит, вы ее исполните?

— Нет, не исполню. Но мысленно представлю твой сад, когда в Салинасе буду слушать Уильяма Дженнингса Брайана, и, возможно, поверю в возможность осуществления твоей мечты.

— Но я действительно хочу это сделать.

— Съезди к моему Тому. Он поможет. Дай ему волю, он посадил бы розы по всей земле, бедный мой мальчик.

— Вы ведь понимаете, Сэмюэл, на что идете?

— Еще как понимаю, а потому дело, считай, наполовину сделано.

— Какой же вы упрямец!

— И спорщик, — подтвердил Сэмюэл. — Лайза

так и зовет меня — «спорщик». Но вот я запутался в паутине, что сплели мои дети, и, знаешь, мне это нравится.

2

Стол для ужина накрыли в доме.

— Я бы предпочел отужинать под деревом, как в прежние времена, но воздух уже холодный, и на улице зябко, — сказал Ли.

— Ты прав, — согласился Сэмюэл.

Близнецы тихо проскользнули в комнату и робко пристроились в углу, разглядывая гостя.

— Давненько я вас, ребята, не видел. Но имена вам дали славные. Ведь ты Калеб, верно?

— Меня зовут Кэл.

— Ладно, Кэл так Кэл. А ты тоже придумал способ обкорнать свое имя?

— Что, сэр?

— Тебя зовут Аарон?

— Да, сэр.

— Он пишет его с одним «а», Арон, — усмехнулся Ли. — С двойной буквой «а» его имя кажется приятелям чудаковатым.

— А у меня, сэр, есть тридцать пять бельгийских кроликов, — сообщил Арон. — Хотите взглянуть,

сэр? Клетка стоит у родника. А вчера родились восемь малышей.

— С удовольствием посмотрю. — По губам Сэмюэла пробежала легкая усмешка. — А ты, Кэл, должно быть, увлекаешься земледелием, верно?

Ли резко повернулся к Сэмюэлу, устремив на него многозначительный взгляд.

— Не надо, — попросил он, заметно нервничая.

— На будущий год отец даст мне целый акр земли в низине, — заявил Кэл.

— А у меня есть кролик пятнадцати фунтов весу. Хочу подарить его отцу на день рождения, — похвастался Арон.

В спальне Адама открылась дверь.

— Тихо, молчи, — быстро прошептал Арон. — Это же секрет.

— И всегда-то вы, мистер Гамильтон, смущаете мой ум, — заметил Ли, разрезая тушеное мясо. — Садитесь, мальчики.

Вошел Адам и, опустив рукава рубашки, занял место во главе стола.

— Добрый вечер, мальчики, — поприветствовал он сыновей.

— Добрый вечер, отец, — дружно откликнулись дети.

— Только ничего не говорите, — повторил ше-

потом свою просьбу Арон.

— Будь спокоен, ничего не скажу, — заверил Сэмюэл.

— О чем это вы? Чего не говорить? — заинтересовался Адам.

— У нас с твоим сыном есть общая тайна, а тайны разглашать нельзя.

— Я тоже расскажу вам один секрет сразу после ужина, — вмешался Кэл.

— С радостью послушаю, — кивнул Сэмюэл. — И пожалуй, догадываюсь, о чем пойдет речь.

Ли бросил на Сэмюэла укоризненный взгляд и стал раскладывать мясо по тарелкам.

Мальчики поглощали пищу быстро и в полном молчании, за несколько минут опустошив тарелки.

— Можно нам выйти из-за стола, отец? — вежливо спросил Арон.

Адам кивнул в ответ, и близнецы тут же поднялись и вышли из комнаты.

— Они выглядят старше одиннадцати лет, — заметил Сэмюэл, провожая мальчиков взглядом. — Помнится, мои ребята в их возрасте с воплями носились по дому как угорелые. А эти ведут себя как взрослые мужчины.

— Правда? — удивился Адам.

— Кажется, я знаю причину, — вмешался Ли. — В доме нет женщины, обожающей младенцев. Мужчины, по-моему, не проявляют особого интереса к малышам, вот мальчики и не понимают всей прелести детства, не видя в нем никакой выгоды. Не знаю, хорошо это или плохо.

Сэмюэл старательно вымазал кусочком хлеба остатки подливы с тарелки и обратился к хозяину:

— Понимаешь ли ты, Адам, кого приобрел в лице Ли? Философа, умеющего отменно готовить, или повара, способного размышлять? Он многому меня научил, и ты, должно быть, постиг немало благодаря Ли.

— К сожалению, я мало к нему прислушивался, — вздохнул Адам. — Или, может быть, он сам не спешил делиться своими мыслями.

— Почему ты не захотел, чтобы мальчики учили китайский язык? — поинтересовался Сэмюэл.

Адам отозвался не сразу, обдумывая ответ.

— Похоже, пришло время искренних признаний, — промолвил он наконец. — Думаю, это была обычная ревность, которой я придумал другое название. А еще, наверное, не хотел дать им возможность уйти от меня, куда я не сумею за ними последовать.

— Что ж, решение вполне разумное и очень характерное для сына человеческого, — согласился Сэмюэл. — Однако какой же огромный скачок вперед ты совершил, осознав это. Не знаю, сумел бы я зайти так далеко.

Ли поставил на стол серый эмалированный кофейник, разлил кофе по чашкам и сел за стол, грея ладонь о выпуклый бок чашки. Вдруг он тихо рассмеялся.

— Да, мистер Гамильтон, взбудоражили вы мне душу. А кроме того, возмутили спокойствие всего Китая.

— Не понимаю, Ли. Объясни.

— Сдается, я уже рассказывал эту историю, — начал Ли. — А может быть, только составил в уме и намеревался вам поведать. Как бы там ни было, история забавная.

— Я не прочь послушать, — заинтересовался Сэмюэл, поглядывая на Адама. — А тебе, Адам, не хочется услышать рассказ Ли? Или опять окунулся в сумрак грез?

— Да, задумался, — признался Адам. — Странно, как мне растревожило душу.

— Вот и прекрасно, — обрадовался Сэмюэл. — Наверное, это лучшее, что случается с человеком. Давай, начинай, Ли.

Китаец тронул рукой шею и улыбнулся:

— Интересно, привыкну ли я когда-нибудь к отсутствию косы? Наверное, рука то и дело к ней тянулась, да я не замечал. Да, так вот какая вышла история. Я уже говорил вам, мистер Гамильтон, что с годами все больше ощущаю себя китайцем. А у вас ирландские корни не начинают заявлять о себе все громче?

— Временами находит, — признался Сэмюэл.

— Помните, как читали нам шестнадцать строф из четвертой главы «Бытия»? И мы еще спорили об их смысле?

— Помню. Дело давнишнее.

— Почти десять лет прошло, — подтвердил Ли. — То повествование запало мне в душу, и я стал вчитываться в каждое слово, и чем больше вдумывался, тем более глубоким казался смысл. Потом я сравнил все известные переводы, и они оказались довольно близкими. Только одно место не давало покоя. Где Иегова спрашивает Каина, почему тот разгневался. В Библии, изданной при короле Иакове, Иегова говорит: «Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит, он влечет тебя к себе, но ты будешь господствовать над ним». Меня поразили слова «ты будешь господ-

ствовать над ним». Ведь Каину обещано, что он победит грех.

— Но и его детям не удалось это сделать в полной мере, — кивнул Сэмюэл.

— Потом я взял американскую Стандартную Библию, которая только что появилась, — продолжил Ли, отпивая кофе. — Тот отрывок трактуется по-иному: «И ты господствуй над ним». Здесь совсем другое, уже не обещание, а приказ. И начались мои мучения. Я ломал голову, гадая, какое же слово использовал в оригинале автор, что получились два совсем разных перевода.

Сэмюэл подался вперед, положив руки на стол. Его глаза горели прежним молодым огнем.

— Ли, неужели ты хочешь сказать, что занялся изучением иврита?!

— Погодите, сейчас расскажу по порядку. Это довольно долгая история. Не желаете отведать уцзяпи?

— Напиток с приятным привкусом прелых яблок?

— Да, мне так сподручнее рассказывать.

— А мне, пожалуй, будет лучше слушаться, — согласился Сэмюэл.

Ли ушел на кухню, а Сэмюэл обратился с вопросом к Адаму:

— Ты знал?

— Нет, — признался Адам. — Ли не рассказывал, а может, я не слушал.

Ли вернулся с глиняным кувшином и тремя фарфоровыми чашечками, такими тонкими, что стенки просвечивали насквозь.

— Плосу, позалуйста, пить по-китайски, — сказал Ли на ломаном английском, разливая темный, почти черный напиток. — Он изрядно сдобрен полынью, и если выпить достаточно много, не уступит по действию абсенту.

— Хотелось бы знать, почему тебя заинтересовали именно эти строки? — спросил Сэмюэл, отпивая из чашечки.

— Видите ли, мне думается, что человек, сотворивший это великое повествование, точно знал, что хочет сказать, и неразбериха с разночтениями не допускается.

— Ты говоришь — «человек». А разве эта божественная книга написана не перстами Господа?

— Я полагаю, ум, создавший это сказание, имеет удивительное, божественное происхождение. У нас в Китае тоже есть несколько таких умов.

— Любопытно, — сказал задумчиво Сэмюэл. — Получается, ты все-таки не пресвитерианин.

— Я же говорил, что все в большей степени

ощущаю себя китайцем. Так вот, поехал я в Сан-Франциско, в штаб-квартиру нашего семейного товарищества. Слышали о таких? У многочисленных китайских родов есть центры, где любой член может получить помощь или оказать ее сам. Род Ли очень многочисленный и заботится о своих детях.

— Да, я кое-что слыхал, — подтвердил Сэмюэл.

— Вы имеете в виду китайские тонги, где наемные убийцы дерутся из-за прекрасной рабыни?

— Вроде того.

— Нет, на самом деле все обстоит несколько по-иному, — усмехнулся Ли. — Я отправился туда, потому что у нас в роду есть несколько почтенных, убеленных сединами ученых мужей, мыслителей, стремящихся докопаться до самой сути. Такой человек может долгие годы размышлять над одной из фраз ученого, которого в Америке называют Конфуцием. Вот я и решил, что эти мастера истолковывать слова могут дать ценный совет. Славные старики. Выкурят пару трубочек опиума после обеда, а он умиротворит и обострит ум, и можно просидеть всю ночь напролет с ясной головой. Пожалуй, кроме китайцев, ни один народ не обладает даром пользоваться опиумом себе во благо.

Ли попробовал языком черный напиток.

— Я с должным почтением изложил свой вопрос одному из мудрецов, прочел ему сказание и пояснил, как я его понимаю. На следующую ночь собралось уже четверо мудрецов и пригласили меня. Всю ночь мы обсуждали эту древнюю историю.

Ли тихо рассмеялся:

— Да, забавно. Не многим бы я рискнул рассказать о наших дискуссиях. Представьте себе четырех старцев, младшему из которых перевалило за девяносто, надумавших изучать иврит. Они пригласили ученого раввина и приступили к работе с поистине детским рвением. Упражнения по грамматике, изучение слов, самые простые предложения. Видели бы вы древнееврейскую письменность, выполненную китайской кисточкой, обмакнутой в тушь! Вот вам, к примеру, было бы трудно писать справа налево, а им — ничуть, ведь мы, китайцы, пишем сверху вниз. О, они во всем стремились к совершенству и докопались до сути.

— А ты?

— Я шел рядом, восхищаясь красотой их гордого и ясного разума. Я начал испытывать любовь к своему народу, и впервые в жизни мне хотелось

быть китайцем. Каждые две недели я встречался с мудрецами, а вернувшись, исписывал у себя в комнате страницу за страницей. Купил все известные древнееврейские словари, но старики неизменно меня опережали. Вскоре они превзошли и раввина, и тому пришлось призвать на помощь коллегу. Эх, мистер Гамильтон, вот бы вам провести с нами одну из тех ночей, полных жарких споров и обсуждений. Бесконечные вопросы, критическая оценка и поиск ответа. О, пленительная красота полета мысли!

По прошествии двух лет мы поняли, что можем взяться за те шестнадцать строф из четвертой главы «Бытия». Мудрецы тоже пришли к согласию, что взволновавшие меня слова представляют большую важность. «Будешь господствовать» или «господствуй»? И вот какую крупицу золота удалось добыть в результате долгих трудов: «Дозволено господствовать». «Дозволено господствовать над грехом». То есть ты можешь господствовать над грехом. Мудрецы кивали и улыбались, понимая, что несколько лет было потрачено с пользой. Кроме того, наши изыскания помогли им выбраться из скорлупы китайской обособленности, и сейчас они изучают греческий язык.

— Потрясающий рассказ, — признал Сэмюэл. — Я старательно следил за его нитью, но, вероятно, что-то упустил. В чем особая важность этого слова?

Ли дрожащей рукой наполнил изящные чашечки и осушил свою залпом.

— Неужели не ясно? — изумился он. — Американская Стандартная Библия *приказывает* восторжествовать над грехом, и тогда грех уподобляется невежеству. А Библия короля Иакова говорит «будешь господствовать», обещая человеку победу над грехом. А вот древнееврейское слово «тимшел», «дозволяется», предоставляет человеку возможность выбора. Возможно, это и есть самое важное слово в мире. Оно говорит, что путь свободен и человек волен выбирать. Ибо если «тебе дозволяется господствовать», то совершенно очевидно: «можешь господствовать над грехом, а можешь и не господствовать». Разве не понятно?

— Понятно, понятно. Но ты ведь не веришь, что это закон, установленный Господом, так почему же он кажется тебе таким важным?

— Ах, давно собирался вам рассказать и даже предвидел, какие вопросы вы зададите, так что я хорошо подготовился. Любое писание, повли-

явшее на мышление и жизни множества людей, представляет собой важность. Смотрите, миллионы верующих в церквях и сектах слышат в этих словах приказ: «Господствуй!» — и изо всех сил стараются ему повиноваться. А миллионам других людей слышится: «Будешь господствовать», и звучат эти слова как предопределение. И что бы они ни делали, не воспрепятствует тому, чему суждено быть. Иное дело: «Тебе дозволено господствовать». Это же придает человеку величие, ставит вровень с божествами, ибо и в своей слабости, и в мерзости братоубийства он все-таки сохраняет величайшую в мире возможность выбора. Он может выбирать путь, по которому идти, преодолеть его и выйти победителем. — Голос Ли звучал подобно торжествующему гимну.

— А сам ты в это веришь, Ли?

— Верю. Да, верю. Ведь легче всего из лени или слабости отдаться на милость божества, приговаривая: «Ничего не поделаешь, все заранее предопределено». Но только подумайте о величии выбора! Именно он делает человека человеком. У кошки выбора нет, и пчела должна добывать мед, и не уподобятся они богам! А знаете, что старые мудрецы, плавно скользящие в объятия смерти, вдруг почувствовали слишком

большой интерес к жизни и не желают умирать?

— Хочешь сказать, китайские мудрецы верят в Ветхий Завет? — усомнился Адам.

— Эти старики верят правдивому повествованию и, слушая, распознают истину. Они — ценители правды и понимают, что в этих шестнадцати строфах заключается история человечества, любой культуры или расы, на все времена. И мудрецы не верят, что человек, написавший без малого шестнадцать строф правды, напоследок слукавил с одним глаголом. Конфуций учит людей, как надо жить достойно и успешно. А здесь мы имеем дело с лестницей, по которой можно добраться до звезд. — Глаза Ли восторженно блестели. — И это останется с человеком навеки, отрубая ноги у нерешительности, трусости и лени.

— Не возьму в толк, — изумился Адам, — как ты сумел постигнуть величайшие истины и при этом умудрялся готовить еду, воспитывать мальчиков и заботиться обо мне?

— Сам не пойму, — признался Ли. — Но я выкуриваю две трубки опиума после обеда, не больше и не меньше, следуя примеру мудрецов, и ощущаю себя человеком. А еще чувствую, что человек — это нечто очень значительное, возможно, даже

превышающее по значимости звезду. И это не теология. Я не испытываю благоговения перед богами, меня к ним не влечет. Но я обрел новую любовь в лице сияющего чуда — человеческой души. Она прекрасна в своей уникальности, и нет ничего лучше во вселенной. Ее постоянно истязают, но уничтожить ее нельзя, ибо «тебе дозволено господствовать», и ты можешь воспользоваться этим правом.

3

Ли с Адамом вышли проводить гостя до конюшни. Ли освещал дорогу жестяным фонарем, так как на дворе стояла ясная ночь, какие случаются в начале зимы, в небе сияли мириады звезд, и от них на земле становилось еще темнее. Окрестные холмы погрузились в тишину, все живое вокруг затаилось, ни хищники, ни травоядные не давали о себе знать ни единым звуком. Воздух словно застыл, и темные ветви и листья виргинских дубов замерли в далеком сиянии Млечного Пути. Мужчины шли молча, и тишину нарушало лишь поскрипывание фонаря, раскачивающегося в руке Ли.

— Когда собираетесь вернуться из путеше-

ствия? — поинтересовался Адам, но Сэмюэл ничего не ответил.

Акафист, понурив голову, устремил помутневший от старости взгляд на разбросанную под копытами солому и терпеливо дожидался хозяина.

— У вас эта кляча с незапамятных времен, — заметил Адам.

— Ему тридцать три годочка. Зубы совсем съедены, и приходится кормить его с руки теплой кашей. А еще ему по ночам снятся кошмары, во сне он вздрагивает и будто плачет.

— В жизни не встречал такого уродца, — признался Адам.

— Сам вижу. Потому-то, наверное, и купил, когда он был жеребенком. Да будет тебе известно, тридцать три года назад я заплатил за него два доллара. И все-то у него было наперекосяк: копыта лепешками, бабки короткие, толстые и прямые, будто вовсе без суставов. Голова как кувалда, спина провислая, грудь чахлая, а круп — шире некуда. А какой тугоуздый, к тому же до сих пор брыкается, когда надевают подхвостник. А верхом чувствуешь себя, как в санях, трясущихся по булыжникам. Скакать рысью не может, да и шагом спотыкается. Одним словом, за тридцать

три года я не обнаружил у этого коня ни единого достоинства. Даже характер поганый. Вздорное, подлое и своевольное создание. По сей день остерегаюсь идти сзади, ведь непременно лягнет. А когда кормлю его кашей, так и норовит укусить за руку. И все равно люблю паршивца.

— И потому нарекли Акафистом, — уточнил Ли.

— Именно так, — согласился Сэмюэл. — Я решил, что созданию, столь безжалостно обделенному природой, надо дать хоть что-нибудь благородное и возвышенное. Недолго ему осталось носить это звучное имя.

— Может, стоит избавить его от мучений? — предположил Адам.

— Каких еще мучений? — удивился Сэмюэл. — Он — одно из немногих по-настоящему счастливых и живущих в ладу с собой существ, что мне довелось видеть.

— Но он наверняка страдает от боли.

— А вот ему так не кажется. Акафист по-прежнему считает себя первоклассным конем. А ты бы, Адам, его пристрелил?

— Пожалуй, пристрелил бы.

— И взял бы на себя такую ответственность?

— Думаю, да. Ведь Акафисту уже тридцать три

года, он давно прожил свой век.

Ли поставил фонарь на землю, а Сэмюэл, присев на корточки, машинально протянул руки, чтобы погреться у светящегося желтой бабочкой огонька.

— Кое-что тревожит мою душу, Адам, — признался Сэмюэл.

— И что же?

— Ты и правда пристрелил бы моего коня, так как считаешь смерть более удобным выходом?

— Ну, я хотел сказать…

— А тебе самому-то жизнь в радость, Адам?

— Конечно, нет.

— А если бы имелось лекарство, которое способно как исцелить, так и убить, как думаешь, следует его тебе дать? Загляни к себе в душу и реши.

— Какое еще лекарство?

— Нет уж. Раз говорю, что оно может убить, то не сомневайся, что так оно и есть.

— Осторожно, мистер Гамильтон, прошу вас, — предостерег Ли.

— Да о чем вы? — настаивал Адам. — Говорите, что у вас на уме.

— Пожалуй, раз в жизни не стану осторожничать, Ли. И если я не прав, слышишь, если я

ошибаюсь, то всю вину беру на себя.

— А вы уверены в своей правоте? — В голосе Ли слышалось беспокойство.

— Само собой, такой уверенности у меня нет. Так хочешь получить лекарство, Адам?

— Да. Не знаю, что оно собой представляет, но в любом случае дайте его мне.

— Адам, Кэти живет в Салинасе. Она — хозяйка борделя, самого развратного и грязного в наших краях, где на продажу выставлены все мерзости и извращения, все самое постыдное и низменное, до чего способен додуматься человек. Туда приходят для удовлетворения похоти извращенцы и уроды всех мастей. Но самое страшное, что Кэти, которая теперь зовется Кейт, заманивает неопытных юнцов, прекрасных душой и телом, безвозвратно калеча им жизнь. Вот такое лекарство. Посмотрим, как оно на тебя подействует.

— Вы лжете! — выкрикнул Адам.

— Нет, Адам, у меня много недостатков, но лжецом я никогда не был.

— Это правда?! — обрушился Адам на Ли.

— Что ж, у меня нет противоядия от отравы, — сказал китаец. — Да, мистер Гамильтон говорит правду.

В свете фонаря Адам стоял, пошатываясь, а

потом резко повернулся к собеседникам спиной и побежал. Некоторое время только слышался его тяжелый топот. Вот он споткнулся, упал в кустарник, ломая ветви, и тут же пополз по склону наверх. Шум затих, только когда Адам перевалил за гребень.

— Ваше лекарство действует как яд, — заметил Ли.

— Всю ответственность беру на себя, — повторил Сэмюэл. — Эту истину я усвоил давно. Если собака наелась стрихнина и подыхает, нужно взять топор и отнести ее к колоде, на которой рубят дрова, а потом дождаться очередного приступа. И вот в этот самый момент надо отрубить псине хвост, и тогда, если яд не успел разойтись по всему организму, собака может выздороветь. Вызванный болью шок действует как противоядие, а без этого собака непременно издохнет.

— А как вы узнали, что это тот самый случай? — удивился Ли.

— Да никак не узнал. Только без подобной меры Адам точно бы умер.

— Отважный вы человек, — восхитился Ли.

— Нет, я человек старый, и если придется мучиться угрызениями совести, так это ненадолго.

— Как думаете, что он предпримет? — спро-

сил Ли.

— Понятия не имею, — откликнулся Сэмюэл. — Во всяком случае, сидеть ко всему безучастным и хандрить не станет. Будь добр, Ли, посвети мне.

В желтых отблесках фонаря Сэмюэл вложил в рот Акафисту удила, стертые лошадиными зубами в тоненькую полоску. От мартингала, ремня, удерживающего голову лошади в нужном положении, Сэмюэл давно отказался, и Акафист мог при желании брести, уронив похожую на кувалду голову, или, притормозив, щипать травку у дороги. Сэмюэла это не раздражало. Он принялся с любовью прилаживать подхвостник, и лошадь, изловчившись, едва не лягнула хозяина.

Сэмюэл уже запряг лошадь, когда Ли неожиданно предложил:

— Не возражаете, если я немного с вами проедусь? Домой вернусь пешком.

— Давай, садись, — согласился Сэмюэл, делая вид, что не замечает, как Ли подсаживает его в повозку.

Ночь выдалась очень темная, и Акафист демонстрировал отвращение к ночным путешествиям, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу.

— Давай, Ли, не тяни, выкладывай, что хотел сказать, — не выдержал Сэмюэл.

Ли нисколько не удивился.

— Возможно, я, как и вы, любопытен и везде сую свой нос. Я-то думал, что умею просчитывать вероятность и знаю, чего можно ждать от человека, но сегодня вечером вы меня попросту одурачили. Ведь я был готов поспорить на что угодно: уж кто-кто, а вы никогда не расскажете Адаму правду.

— А ты знал о его жене?

— Разумеется, — признался Ли.

— А мальчики знают?

— Думаю, нет, но это всего лишь вопрос времени. Вы же знаете, какими жестокими бывают дети. Однажды кто-нибудь в школьном дворе выкрикнет им правду о матери в лицо.

— Может быть, ему лучше увезти отсюда детей, — предположил Сэмюэл. — Подумай над моими словами, Ли.

— Мой вопрос остался без ответа, мистер Гамильтон. Как вы отважились на такой поступок?

— Думаешь, я поступил неправильно?

— Нет, я не то хотел сказать. Но я всегда считал, что вы не из тех людей, что всеми силами отстаивают свою точку зрения, не желая ее менять. Так мне казалось. Скажите, вам интересна моя болтовня?

— Покажи мне человека, которому неинтересно слушать, как обсуждают его персону. Давай продолжай.

— Вы добрый человек, мистер Гамильтон. И я всегда полагал, что именно из-за своей доброты вы не любите треволнений и всячески стараетесь их избегать. А ваш гибкий и легкий ум подобен ягненку, что резвится на усыпанном ромашками лугу. Насколько мне известно, вы никогда не прибегали к бульдожьей хватке, о чем бы ни шла речь. И вот сегодня вечером вы совершаете поступок, который разбивает вдребезги созданный мною образ.

Сэмюэл намотал вожжи на кнутовище, вставленное в специально приспособленное для кнута углубление. Акафист неторопливо ковылял по изрытой колеями дороге. Старик погладил бороду, серебрящуюся в свете звезд, снял черную шляпу и положил на колени.

— Этот поступок удивил меня не меньше твоего, — признался Сэмюэл. — Однако если желаешь знать причину, загляни себе в душу.

— Не понимаю.

— Если бы ты только рассказал о своих изысканиях чуть раньше, многое могло бы пойти по-другому.

— Я все-таки не понимаю смысла ваших слов.

— Берегись, Ли. Ты будишь во мне желание поговорить. Я уже упоминал, что ирландец во мне пробуждается временами, и вот сейчас как раз наступает такой час.

— Мистер Гамильтон, вы уезжаете и не собираетесь возвращаться. На долгую жизнь вы не рассчитываете.

— Верно, Ли. Как ты догадался?

— Вокруг вас веет смертью. Она исходит от вас сиянием.

— Не думал, что кто-нибудь заметит, — усмехнулся Сэмюэл. — Знаешь, Ли, мне моя жизнь представляется музыкой, не всегда хорошей и красивой, но все же она имеет мелодию и ритм. И уже давно эту мелодию исполняет неполный оркестр, а звучит неизменно всего одна нота — нота вечной, неизбывной печали и скорби. И тут я не одинок, Ли. По-моему, слишком многие из нас считают, что жизнь неизменно заканчивается поражением.

— Возможно, люди стали слишком богатыми, — предположил Ли. — Я заметил, что сильнее всего от неудовлетворенности страдают богачи. Стоит человека накормить, одеть и поселить в хороший дом, и он умирает от отчаяния.

— Все дело, Ли, в двух заново переведенных словах: «дозволено господствовать». Они схватили меня за горло и встряхнули. А когда прошло головокружение, мне открылся путь, новый и светлый. И моя жизнь, которой приходит конец, движется к прекрасному финалу, зазвучав новой прощальной мелодией, похожей на песнь соловья в ночи.

— Такое же действие эти слова оказали и на моих престарелых родственников, — ответил Ли, стараясь рассмотреть в темноте лицо Сэмюэла.

— «Тебе дозволено господствовать над грехом», Ли. В этом-то и заключается вся суть. Не верю, что под конец жизни все люди чувствуют себя сломленными. Могу назвать с десяток вышедших победителями, и именно на них держится мир. В противоборстве силы духа, как и в любом сражении, помнят только имена победителей. Несомненно, большинство людей терпят поражение, но есть и другие, кто, подобно столпу огненному, ведет за собой испуганный народ, освещая во мраке путь. «Тебе дозволено. Ты можешь господствовать!» Какое величие! Какое торжество силы духа! Да, мы слабы, немощны, бранчливы и вздорны, но если этим и ограничивались наши возможности, человечество давно бы исчезло с

лица земли. Единственным напоминанием о его существовании стала бы окаменелая челюсть с выбитыми зубами, погребенная в пласте известняка. Но возможность выбора, Ли, в корне меняет все дело! Возможность одержать победу! Раньше я этого не осознавал и не принимал. Понимаешь теперь, почему я сказал Адаму о жене? Просто взял и воспользовался возможностью выбора. Возможно, я поступил неправильно, но, рассказав правду, я либо заставлю его жить как положено, либо пусть убирается на тот свет и не мешает жить другим. Ли, а как звучит это древнееврейское слово?

— «Тимшел», — ответил китаец. — Будьте добры, остановите повозку. Мне пора.

— Далеко же тебе придется идти до дома.

— Сэмюэл! — окликнул Ли Гамильтона, спрыгнув с повозки.

— Вот я, — с усмешкой откликнулся старик. — Лайза страшно сердится, когда я отвечаю, как библейский пророк Самуил.

— Сэмюэл, ты превзошел меня во всем и возвысился.

— Настал мой час, Ли.

— Прощай, Сэмюэл.

Ли поспешно двинулся в обратный путь по

темной дороге, прислушиваясь к скрежету железных колес по камням. Через некоторое время он оглянулся, посмотрел вслед взбирающейся по склону повозке и увидел выделяющуюся на фоне неба фигуру старого Сэмюэла. Его седые волосы сияли в мерцании звезд подобно нимбу.

Глава 25
1

В тот год зима в Салинас-Вэлли выдалась замечательная, с частыми ливнями, ласково напитывающими землю живительной влагой, не вызывая разрушительных паводков. Уже в январе травяной покров обещал быть обильным, а в феврале холмы буйно зазеленели, и шерсть на домашней скотине стала густой и лоснилась от сытости. В марте по-прежнему шли тихие теплые дожди, и каждый очередной ливень предупредительно дожидался, пока земля поглотит влагу, оставленную его предшественником. А потом в долину хлынуло тепло, и она запестрела желтыми, голубыми и золотисто-красными цветами.

Том жил на ранчо один. Благодаря обильным дождям даже тощая земля Гамильтонов расцвела и похорошела. Густая трава спрятала выступающие камни, коровы заметно потучнели, а у овец отросла густая шерсть.

В полдень пятнадцатого марта Том сидел на скамейке возле кузницы. Солнечное утро подошло к концу, и из-за гор, со стороны океана

поползли серые дождевые тучи, бросая тень на играющую всеми красками землю.

Том услышал стук копыт и увидел мальчишку, гнавшего во весь опор выдохшуюся лошадь. Всадник скакал по направлению к дому. Поднявшись с места, Том пошел ему навстречу. Мальчишка подъехал к дому, сдернул с головы шапку и, швырнув на землю желтый конверт, развернул лошадь и пустился галопом в обратный путь.

Том что-то крикнул ему вслед, а потом нехотя наклонился и подобрал телеграмму. Он вернулся на скамью, да так и сидел на солнышке с телеграммой в руках, устремив взгляд на холмы и старый дом. Том будто хотел что-то спасти, прежде чем разорвать конверт и прочесть четыре роковых слова с указанием имени, печального события и времени, когда оно произошло.

Он медленно сложил телеграмму вдвое, а потом вчетверо, и так до тех пор, пока она не превратилась в совсем маленький квадратик. В дом он вернулся через кухонную дверь, прошел через маленькую гостиную в спальню. Вынул из шкафа свой темный костюм, повесил на спинку стула и положил рядом белую рубашку и галстук. А потом улегся на кровать, повернувшись лицом к стене.

2

Коляски и экипажи уже разъехались с кладбища в Салинасе. Родственники и друзья вернулись в дом Олив на Сентрал-авеню, чтобы перекусить, выпить кофе, посмотреть, как и кто скорбит, и высказать приличествующие случаю слова соболезнования.

Джордж предложил подвести Адама Траска в коляске, взятой напрокат, но тот отказался. Побродив по кладбищу, он уселся на цементный бордюр вокруг участка, где хоронили членов семьи Уильямс. По краям кладбища росли традиционные темные кипарисы, настраивающие на траурный лад, а на дорожках разрослись кем-то занесенные белые фиалки, превратившиеся в сорняки. Над могильными камнями дул холодный ветер, и его рыдания разносились среди кипарисов. На многих надгробиях были установлены чугунные звезды. Это могилы воинов Великой армии Республики. Возле каждой звезды развевался потрепанный флажок, оставшийся с прошлого Дня поминовения.

Адам сидел, глядя на горы, раскинувшиеся к востоку от Салинаса, над которыми возвышался

Фремонт-Пик. Воздух казался прозрачным, как порой бывает перед надвигающимся дождем. И действительно, вскоре засеял мелкий дождик, хотя тучи еще не успели затянуть все небо.

Адам приехал утренним поездом. Поначалу он вообще не собирался на похороны, но неведомая сила влекла в Салинас, и сопротивляться не имело смысла. Адам никак не мог поверить в смерть Сэмюэла. В ушах еще звучал сочный проникновенный голос, не по-здешнему напевный. Он лился удивительной мелодией слов, подобранных самым невероятным образом, так что ни за что не догадаешься, какое слово будет следующим. В речи большинства других людей такие неожиданные повороты случаются редко.

Увидев Сэмюэла в гробу, Адам понял, что не желает мириться с его смертью. Лицо покойника было совсем не похоже на Сэмюэла, и Адам пошел прочь, чтобы побыть в одиночестве и сохранить в душе образ живого человека.

Пойти на кладбище все же пришлось, иначе его отсутствие восприняли бы как оскорбление общепринятых обычаев. Во время церемонии похорон Адам пристроился сзади, куда не доносились слова прощальных речей, и когда сыновья Сэмюэла засыпали могилу, отправился бродить

по дорожкам, заросшим белыми фиалками.

На кладбище не осталось ни души, и только жалобно стонал ветер, пригибая тяжелые кроны кипарисовых деревьев. Капли дождя становились все крупнее и больно били по лицу.

Поежившись от холода, Адам встал и медленно побрел к свежей могиле, топча белые фиалки. Сырой холм был устлан цветами, но ветер уже успел смести несколько букетов поменьше. Адам их подобрал и снова уложил на могилу.

Он вышел с кладбища. Ветер безжалостно хлестал дождем в спину, но Адам не замечал, что черный пиджак насквозь промок. Дорогу совсем развезло, в свежих колеях стояли лужи. По обочинам возвышались заросли овсюга и горчицы. Настырно тянулась вверх сурепка, а колючие багряные головки чертополоха возвышались над зеленым буйством трав, напоенным весенней влагой.

На ботинки и края брюк налипли комья черной глины. От кладбища до дороги на Монтерей почти миля, и когда Адам туда добрался, промок до нитки. Потом он свернул на восток, в город Салинас. В загнутых полях котелка скопилась вода, а воротничок промок и превратился в грязную тряпку.

На Джон-стрит дорога сворачивала, переходя в Мэйн-стрит. Поднявшись на тротуар, Адам принялся сбивать с ботинок налипшую грязь. Дома защищали от порывов ветра, и тут же Адама затрясло от холода. Он ускорил шаг и, не доходя до конца Главной улицы, зашел в бар при гостинице «Эббот», где заказал бренди. Осушив залпом стакан, он почувствовал, что озноб усиливается.

Мистер Лапьер, находившийся за стойкой бара, заметил его состояние.

— Пожалуй, вам стоит выпить еще стаканчик, — предложил он. — А иначе заболеете. Хотите горячего рома? Он вышибет простуду.

— Хочу, — согласился Адам.

— Сейчас будет готово. А пока я хожу за кипятком, выпейте еще рюмочку коньяку.

Адам поставил рюмку на столик. Мокрая одежда противно прилипала к телу. Мистер Лапьер принес из кухни чайник с кипятком, поставил на поднос низкий стакан и понес к столику, где сидел Адам.

— Пейте горячим, как только можете терпеть, — посоветовал он. — От этого рома перестанет трястись и осина. — Пододвинув стул, он сел рядом с Адамом, но тут же встал. — Глядя на вас, и самому стало холодно. Пожалуй, со-

ставлю вам компанию. — Он принес еще один стакан, поставил на стол и уселся напротив Адама. — Действует, — с удовлетворением заметил он. — Вы меня напугали, когда вошли. Бледный как смерть. Вы ведь нездешний?

— Живу недалеко от Кинг-Сити, — ответил Адам.

— Приехали на похороны?

— Да. Это мой давнишний друг.

— Много пришло народа?

— Очень.

— Ничего удивительного. У покойника было много друзей. Жаль, с погодой не повезло. Выпейте-ка еще стаканчик и отправляйтесь в постель.

— Последую вашему совету. Так стало уютно, и на душе умиротворение.

— Тем-то и хорош напиток. Кроме того, возможно, он спас вас от воспаления легких.

Подав очередную порцию горячего пунша, он достал из-за стойки мокрую тряпку и предложил Адаму:

— Оботрите грязь. Похороны — событие не из веселых, а уж если еще и дождь зарядит, тоска так за душу и берет.

— Дождь начался уже после похорон, — отозвался Адам. — Я промок, когда шел с кладбища.

— Почему вам не снять здесь уютную комнатку? Ляжете в постель, а я пришлю наверх еще пунша, и поутру будете как новенький.

— Пожалуй, так и поступлю, — согласился Адам, чувствуя, как разгоряченная кровь покалывает щеки и бежит по рукам, будто тело заполняет чужеродная разогретая жидкость. Затем тепло протопило дорожку к покрытому льдом тайнику, где хранятся запретные мысли, и они стали робко поднимать головы, словно дети, которые не знают, позволят ли взрослые им войти в комнату. Адам взял тряпку и, нагнувшись, принялся вытирать грязь со штанин. Кровь прилила к голове и застучала в висках. — Я не прочь выпить еще стаканчик пунша, — обратился он к бармену.

— Для лекарства от простуды вы приняли уже достаточно, — заметил мистер Лапьер. — Но если просто возникло желание выпить, я принесу старого ямайского рома. Советую выпить не разбавляя. Ему лет пятьдесят, и вода убьет весь аромат.

— Да, мне хочется выпить, — признался Адам.

— И я к вам присоединюсь. Несколько месяцев не открывал этой бутыли. Ром у нас не пользуется большим спросом. В Салинасе предпочитают виски.

Адам вытер ботинки и бросил тряпку на пол. Сделав глоток темного рома, он закашлялся. Крепкий напиток ударил в нос, окутывая пряным ароматом голову. Комната вдруг накренилась, но потом снова встала на место.

— Хорош, верно? — осведомился мистер Лапьер. — Однако может и с ног свалить. Не советую повторять. Разве что вам и правда хочется отключиться. Некоторым этого и надо.

Адам оперся локтями о стол, со страхом чувствуя, как просыпается неуемное желание поговорить. Собственный голос казался чужим, а сорвавшиеся с языка слова несказанно удивили.

— Я редко сюда заезжаю, — начал он. — Знаете ли вы заведение Кейт?

— О господи! Похоже, ром оказался крепче, чем я думал, — всполошился мистер Лапьер и продолжил суровым тоном: — Вы живете на ранчо?

— Да, у меня дом недалеко от Кинг-Сити, а зовут меня Траск.

— Рад знакомству. Вы женаты?

— Нет. Уже нет.

— Вдовец?

— Да.

— Забудьте про Кейт и ступайте к Дженни. У Кейт вам нечего делать. Заведение Дженни нахо-

дится по соседству. Идите туда — и получите все, что требуется.

— Говорите, по соседству?

— Да, пройдете полтора квартала на восток и свернете направо. А там уж всякий покажет, где находится Салинас-Роу.

— А что плохого у Кейт? — поинтересовался Адам, с трудом ворочая языком.

— Вам надо к Дженни, — повторил мистер Лапьер.

3

Вечер выдался слякотный и ветреный. Кастровилль-стрит утопала в липкой грязи, такой глубокой, что жителям Чайнатауна пришлось положить поперек узкой улочки доски, чтобы пройти от лачуги к лачуге. По вечернему небу плыли тучи серого, крысиного цвета, а воздух был даже не влажным, а сырым. Разница в том, что влага приходит сверху и уходит в землю, а сырость идет снизу, являясь результатом гнилостного брожения. Дувший днем ветер утих, оставив в воздухе пронизывающую до костей промозглость. Холод отрезвил Адама, но от прежней робости не осталось и следа. Он шел быстрым

шагом по немощеному тротуару, глядя под ноги, чтобы не наступить на лужу. В том месте, где улицу пересекала железнодорожная линия, тускло горел сигнальный фонарь, да еще светилась маленькая лампочка с угольной нитью на крыльце у Дженни.

По дороге Адам уточнил адрес, отсчитал два дома и едва не проскочил мимо третьего, скрывавшегося за высокими неухоженными зарослями кустов. Посмотрел на темное крыльцо, не торопясь открыл калитку и пошел по заросшей дорожке. В полутьме вырисовывалось покосившееся крыльцо с шаткими ступеньками.

Краска с дощатых стен давно облупилась, заброшенный сад совсем зарос, и, если бы не узкая полоска света, выбивавшаяся из-за штор, он бы так и прошел мимо, посчитав дом нежилым. Под тяжестью Адама доски визгливо заскрипели, и казалось, крыльцо вот-вот обрушится.

Парадная дверь открылась и в проеме показалась расплывчатая фигура, держащаяся за ручку.

— Желаете войти? — спросил тихий женский голос.

Гостиная освещена тусклыми лампочками под розовыми абажурами. Под ногами Адам обнаружил толстый ковер. В глаза бросился

приглушенный блеск лакированной мебели и позолоченных рам с картинами. С первого взгляда вся обстановка говорила о богатстве и порядке.

— Вам следовало бы надеть дождевик, — произнес тот же тихий голос. — Мы вас знаем?

— Нет, — откликнулся Адам.

— Кто вас прислал?

— Один человек в гостинице дал ваш адрес.

Адам всматривался в стоящую перед ним девушку. Одета во все черное, и ни единого украшения. Лицо смазливое, но черты резкие, острые. Адам пытался вспомнить, какого ночного хищника она напоминает. Да, хищный зверек, скрывающийся от дневного света.

— Если желаете, я подойду ближе к лампе, — предложила девушка.

— Не надо.

— Присядьте вон там, — рассмеялась она. — Ведь вы пришли сюда с определенной целью, верно? Скажите, что вас интересует, и я приглашу подходящую девушку.

Низкий хрипловатый голос звучит деловито и властно. Слова продуманные, неторопливые, словно девушка выбирает, какой цветок сорвать с пестрой клумбы.

Адам вдруг показался себе полным недотепой.

— Я хочу видеть Кейт, — выпалил он.

— Мисс Кейт сейчас занята. Она вас ждет?

— Нет, не ждет.

— Тогда я могу вами заняться.

— Мне нужна Кейт.

— Может, скажете, зачем она вам понадобилась?

— Нет.

— С ней сейчас нельзя увидеться. Она занята. — Голос девушки напоминал скрежет ножа по точильному камню. — Если не хотите девушку или чего-нибудь иного, вам лучше покинуть наше заведение.

— Будьте добры, передайте ей, что я здесь.

— Вы знакомы?

— Не знаю. — Адам чувствовал, как его покидает мужество и по спине пробегает знакомый холодок. — Передайте, что с ней хотел бы повидаться Адам Траск, а уж она сама решит, знакомы мы или нет.

— Понятно. Я передам.

Она бесшумно скользнула к двери справа и открыла ее. До Адама донесся приглушенный разговор, а затем выглянул какой-то мужчина. Девушка оставила дверь открытой, давая Адаму понять, что за ним наблюдают. Сбоку висели

тяжелые портьеры, за которыми скрывалась еще одна дверь. Раздвинув тяжелые складки, девица зашла внутрь. Адам расположился в кресле и краешком глаза заметил, как в гостиную снова заглянул мужчина и тут же исчез.

Комнату, где прежде обитала Фей, стало не узнать. Теперь все здесь дышало комфортом и деловитостью. Стены обиты шелком шафранового цвета, шторы зеленые. В шелках вся комната: кресла с обтянутыми шелком подушками, шелковые абажуры на лампах, широкая кровать в дальнем углу с атласным покрывалом, на котором возвышается гора огромных подушек. На стенах ни картин, ни фотографий, и нигде не видно ни единой безделушки, свидетельствующей о вкусах хозяйки. На туалетном столике черного дерева, что стоит возле кровати, ни флакона, ни баночки, и только блестящая лаком столешница отражается в трельяже. Ковер старинный, китайский — желто-зеленый дракон на темно-оранжевом фоне. В дальнем конце комнаты расположилась спальня, посередине — гостиная, а в ближней части — кабинет со шкафами для хранения документов, изготовленными из золотистого дуба, и большим черным сейфом с золотыми буквами. Рядом бюро с выдвижной крышкой, на котором

стоит лампа с зеленым абажуром. Около бюро два стула, один вращающийся, а второй — обычный, с высокой прямой спинкой.

Кейт сидела за столом на вращающемся стуле. Она сохранила прежнюю красоту и снова стала блондинкой. Все тот же маленький ротик с решительно поджатыми губами, слегка вздернутыми по краям. Однако черты лица и фигура несколько расплылись, плечи располнели, а руки, наоборот, стали худыми и морщинистыми. Щеки приобрели пухлость, а кожа под подбородком сделалась дряблой. Грудь по-прежнему плоская, однако появился упитанный животик, и бедра остались узкими и стройными, а вот ноги заметно потолстели в икрах и лодыжках и распухли в ступнях, так что выпирали из изящных туфелек-лодочек. Сквозь чулки едва заметно просвечивал эластичный бинт, защищающий больные вены от растяжения.

И все-таки Кейт выглядела очаровательно, как всегда, и вид у нее был ухоженный. Заметно постарели только руки, ладони и подушечки пальцев обтянуты просвечивающейся кожей, а тыльная сторона покрыта морщинами и коричневыми пятнами. Одета она в строгое темное платье с длинными рукавами, которое освежают

только вздымающийся волнами пышный белый кружевной воротник и такие же манжеты.

Прошедшие годы не оставили на ней заметного следа, и тем, кто видит Кейт ежедневно, кажется, что она совсем не изменилась. На лице нет морщин, глаза пронзительные и пустые, носик изящный, а губы сжаты в тонкую линию. Шрам на лбу почти незаметен — его загримировали пудрой в тон коже.

Кейт рассматривала кипу фотографий, разложенных на крышке бюро. Все они одного размера, сняты одним фотоаппаратом и подсвечены для яркости специальной смесью. Люди на фотографиях разные, однако в глаза бросается тоскливое однообразие поз. Лиц женщин не видно, так как все они старательно отворачивались от объектива.

Кейт рассортировала снимки на четыре стопки и разложила по конвертам. Услышав стук в дверь, она убрала фотографии в ящичек для бумаг, что стоял на столе.

— Войдите. Ах, это ты, Ева. Он уже пришел?

Девушка подошла к столу и только тогда осмелилась заговорить. При ярком свете ее лицо выглядело напряженным, а глаза блестели.

— Это новенький. Нездешний. Хочет видеть

вас.

— Сейчас никак нельзя. Ты же знаешь, Ева, кто должен прийти.

— Я сказала, что вы заняты, а он ответил, что вы знакомы.

— В таком случае кто он?

— Долговязый худой мужчина, немного пьян. Назвался Адамом Траском.

Кейт не выдала себя ни жестом, ни словом, но от Евы не ускользнуло впечатление, произведенное на хозяйку этим именем. Пальцы правой руки медленно сжались в кулак, а левая скользнула юркой кошкой к краю стола. Кейт замерла, затаив дыхание. Ева заметно нервничала, переносясь мыслями к ящику комода у себя в спальне, где хранился шприц.

— Присядь вон в то кресло, — наконец обратилась к ней Кейт. — Просто посиди минутку спокойно. — Видя, что девушка не двигается с места, она прикрикнула: — Сядь! — Точно хлестнула кнутом.

Ева съежилась и с подобострастным видом направилась к большому креслу.

— Оставь в покое ногти! — грозно приказала Кейт.

Ева разжала руки и вцепилась пальцами в

подлокотники.

Кейт, застыв на месте, смотрела перед собой на зеленое стекло настольной лампы. Вдруг она резко повернулась, и Ева от неожиданности подпрыгнула в кресле. Губы девушки дрожали. Открыв ящик бюро, Кейт вынула сложенную пакетиком бумажку.

— Вот, ступай к себе в комнату и взбодрись. Да не все сразу… нет, тебе нельзя доверять. — Кейт постучала по бумажке и разорвала ее на две части, просыпав немного белого порошка, а потом свернула два пакетика и отдала один Еве. — А теперь поторопись. Спустишься вниз и передашь Ральфу: пусть ждет в коридоре недалеко от моей комнаты. Так чтобы услышал звонок, но не наш разговор. Да проследи, чтобы он не вздумал подслушать. Если услышит звонок… Нет, скажи ему… Нет, не надо. Он сам поймет, что делать. Потом пригласи ко мне мистера Траска.

— А вам не грозит опасность, мисс Кейт?

Кейт не сводила с девушки пристального взгляда, пока та не отвернулась.

— Как только он уйдет, получишь вторую половину, — сказала она вслед Еве. — А теперь пошевеливайся.

Как только дверь за Евой закрылась, Кейт

открыла правый ящик стола и вынула короткоствольный револьвер, повернула барабан и, убедившись, что он заряжен, закрыла его и положила на стол, прикрыв листком бумаги. Затем выключила одну из ламп и устроилась в кресле, положив перед собой сцепленные в замок руки.

Вскоре послышался стук в дверь.

— Войдите, — пригласила Кейт, едва шевеля губами.

Глаза Евы увлажнились, нервозность исчезла.

— Вот он, — промолвила девушка и закрыла за Адамом дверь.

Адам быстро окинул взглядом комнату и не сразу заметил притаившуюся за столом Кейт. Не сводя с нее глаз, он медленно направился к столу.

Руки Кейт разжались, и правая потянулась к листку бумаги. Адам встретился взглядом с холодными, ничего не выражающими глазами.

Некоторое время он рассматривал волосы Кейт, шрам на лбу, губы, дряблый подбородок, располневшие руки и плечи, а потом глубоко вздохнул.

— Чего тебе надо? — спросила Кейт. Правая рука у нее слегка дрожала.

Адам сел на стоявший у бюро стул с прямой спинкой. С трудом сдерживая крик облегчения,

он тихо произнес:

— Уже ничего. Просто хотел с тобой повидаться. Сэм Гамильтон рассказал, что ты в Салинасе.

Как только Адам уселся в кресло, рука Кейт перестала дрожать.

— А раньше ты не знал?

— Нет, — признался он. — Когда впервые услышал, едва не свихнулся, но теперь все в порядке.

Кейт заметно успокоилась, ее губы раздвинулись в улыбку, обнажая мелкие зубы и хищные белые клычки.

— Ты меня напугал, — призналась она.

— Чем же?

— Не знала, чего от тебя ждать.

— Как и я, — согласился Адам, продолжая разглядывать бывшую жену, точно посторонний предмет.

— А я ведь долго тебя ждала, а когда ты не явился, просто забыла о твоем существовании.

— А вот я тебя не забыл. Хотя теперь, думаю, смогу.

— Что ты хочешь сказать?

Адам с удовлетворением рассмеялся:

— Хочу сказать, что теперь я тебя вижу насквозь. Знаешь, еще Сэмюэл говорил, что я никогда не видел тебя настоящую. И это правда.

Помню твое лицо, но по-настоящему не видел его. А вот теперь смогу забыть.

Губы Кейт сжались в тонкую линию, широко поставленные глаза недобро прищурились.

— Думаешь, и правда сможешь?

— Теперь-то точно знаю.

— А может быть, и не потребуется, — усмехнулась Кейт, резко меняя манеру поведения. — Если ты не держишь зла, мы могли бы неплохо поладить.

— Вряд ли, — откликнулся Адам.

— Ты был таким глупеньким, — продолжила Кейт. — Ну прямо малое дитя. Не знал, куда себя девать. Теперь могу тебя научить. Вроде ты стал взрослым мужчиной.

— Ты и так многому научила. Урок дорого мне дался.

— Хочешь выпить?

— Не откажусь, — согласился Адам.

— По запаху чувствую, ты пил ром.

Кейт встала и достала из шкафчика бутыль и две рюмки, а когда оглянулась, заметила, что Адам смотрит на ее потолстевшие лодыжки. Сдерживая приступ ярости, она продолжала мило улыбаться.

Поставив бутыль на круглый столик в середине

комнаты, Кейт налила ром в маленькие рюмки.

— Давай пересаживайся сюда. Так удобнее, — предложила она Адаму, показывая на большое кресло, в которое тот пересел, не сводя глаз с ее выступающего живота. Его взгляд не ускользнул от внимания Кейт. Подав гостю рюмку, она тоже села, сложив руки под грудью.

Адам пить не спешил, разглядывая рюмку, которую держал в руках.

— Пей. Ром очень хороший.

Адам лишь улыбнулся в ответ, и такой улыбки Кейт на его лице раньше не видела.

— Когда Ева доложила о твоем приходе, я поначалу хотела вышвырнуть тебя вон.

— А я бы все равно вернулся, — ответил Адам. — Мне надо было с тобой повидаться. Не то чтобы я не поверил Сэмюэлу, просто хотел убедиться сам.

— Выпей рома, — повторила Кейт.

Адам бросил взгляд на ее рюмку.

— Или думаешь, я хочу тебя отравить? — Она запнулась, злясь на себя за сорвавшуюся с языка фразу.

Адам, улыбаясь, все смотрел на ее рюмку. Злоба прорвалась наружу, и лицо Кейт приняло сердитое выражение. Она пригубила ром.

— Мне от спиртного плохо, — призналась она. — Никогда его не пью. Действует на меня как отрава. — Кейт умолкла, закусив мелкими зубками нижнюю губу.

А Адам все смотрел и улыбался.

Кейт уже не справлялась с накатывающей яростью и, схватив рюмку, залпом ее опрокинула. На глаза набежали слезы, и Кейт принялась утирать их тыльной стороной руки.

— Вижу, ты не слишком-то мне доверяешь, — заметила она.

— Верно, — согласился Адам, осушая свою рюмку. Потом поднялся и снова наполнил обе рюмки.

— Я больше пить не стану, — испуганно заявила Кейт.

— И не надо, — согласился Адам. — Я вот тоже допью и пойду своей дорогой.

Ром обжигал горло, и Кейт чувствовала, как внутри закипает знакомое ощущение, которого она так страшилась.

— Я тебя не боюсь. И вообще никого не боюсь, — заявила Кейт, выпивая залпом вторую рюмку.

— У тебя и правда нет причин меня бояться, — подтвердил Адам. — Теперь можешь вообще обо мне забыть, хотя ты сказала, что и так давно

забыла. — Восхитительное тепло и спокойствие, которых он не испытывал долгие годы, разливались по телу. — Я приехал на похороны Сэма Гамильтона. Замечательный был человек. Мне его будет не хватать. Помнишь, Кэти, он принимал у тебя близнецов?

В организме Кейт неистовствовал алкоголь. Она изо всех сил старалась противостоять его разрушительной силе, и следы борьбы отразились на лице.

— Что с тобой? — поинтересовался Адам.

— Я же сказала, алкоголь для меня — яд, я делаюсь больна.

— Рисковать я не мог, — спокойно сообщил Адам. — Один раз ты уже в меня стреляла. О других твоих делишках мне неизвестно.

— О каких еще делишках?

— До меня доходили скандальные слухи. Грязные, мерзкие.

На мгновение она забыла о борьбе с растекающимся по крови алкоголем и тут же проиграла битву. Мозг окутало раскаленной красной пеленой, страх исчез, а на смену ему пришла бесшабашная жестокость. Схватив бутыль, она снова наполнила рюмку.

Адаму пришлось встать и тоже налить себе еще

рома. В душе поднималось совершенно новое, незнакомое чувство. Он наслаждался представшим перед его взором зрелищем, любовался бесполезной борьбой, которую ведет Кейт. Она получила по заслугам. Однако надо быть начеку и держать язык за зубами, сказал он себе, а вслух произнес:

— Сэм Гамильтон все эти годы был мне хорошим другом. Я буду без него скучать.

Кейт пролила немного рома, и он стекал струйками по уголкам губ.

— А вот я его ненавидела, а могла бы — так убила бы.

— За что? Он сделал нам столько добра.

— Он заглянул мне в душу. Он все видел.

— Ну и что? Он и мне в душу заглянул и очень помог.

— Ненавижу, — прошипела Кейт. — И рада, что он умер.

— Хорошо бы и я заглянул тебе в свое время в душу, — заметил Адам.

— Ты дурак, — скривила губы Кейт. — Тебя и ненавидеть-то нельзя. Жалкий дурак и слабак.

Кейт все больше возбуждалась, а Адам становился все спокойнее и дружелюбнее.

— Сидишь тут и ухмыляешься! — выкрикнула

она. — Думаешь, освободился, да? Выпил пару рюмок и возомнил себя мужчиной?! Да стоит мне поманить пальцем, и ты приползешь на коленях и распустишь слюни. — Присущая хищникам осторожность улетучилась, и на свободу вырвалось желание властвовать. — Знаю я тебя. Насквозь вижу твою трусливую душонку.

Адам по-прежнему только улыбался. Он сделал глоток, и Кейт вспомнила, что ее рюмка пуста. Послышался звон бутылки о стекло.

— Когда я была покалечена, то нуждалась в тебе, — призналась Кейт. — А ты оказался размазней. Пытался меня удержать, когда стал не нужен. Да перестань же ухмыляться!

— Интересно, что же ты так ненавидишь?

— Ах, тебе интересно! — Остатки осмотрительности окончательно испарились. — Да это не ненависть, а презрение. Еще маленькой девочкой я раскусила этих тупых лживых придурков, моих собственных родителей. Они притворялись добропорядочными, но добродетели там не было и в помине. А я их раскусила и заставила все делать по-своему. А когда была подростком, один мужчина покончил из-за меня с собой. Он тоже прикидывался праведником, а сам только и думал, как лечь в постель со мной — совсем еще

ребенком.

— Но ты говоришь, он покончил с собой. Значит, очень сильно о чем-то переживал.

— Он был дурак, — заявила Кейт. — Я слышала, как он к нам пришел, умолял впустить и поговорить с отцом. Господи, всю ночь смеялась.

— А мне больно было бы думать, что человек расстался из-за меня с жизнью, — промолвил Адам.

— Так ты тоже дурак. Помню, как мной восторгались: какая хорошенькая малышка, такая прелестная и нежная. И никто не знал, какая я на самом деле. А я заставила их плясать под свою дудку, а они и не поняли.

Адам осушил свою рюмку, отстраненно наблюдая за Кейт. Он словно видел, как расползаются муравьями движущие ею чувства, и мог легко их читать. На него снизошло просветление, которое иногда возникает под действием алкоголя.

— Не важно, нравился тебе Сэм Гамильтон или нет, — обратился он к Кейт. — Он был по-настоящему мудр. Помню, он как-то сказал, что женщина, считающая себя знатоком мужчин, обычно видит лишь одну сторону и не в состоянии понять всего остального, но это вовсе не означает, что остальное не существует.

— Он тоже был лжецом и лицемером! — Кейт выплевывала каждое слово. — Кого я ненавижу, так лжецов, а они все лгут! Вот так. Обожаю выводить их на чистую воду и тыкать носом в собственное дерьмо.

Адам удивленно поднял брови:

— Неужели и правда считаешь, что в мире только зло да глупость?

— Именно так.

— Не верю, — спокойно возразил Адам.

— Ах, не веришь! Гляньте-ка, он не верит! — передразнила она Адама. — Хочешь, докажу?

— Ничего не выйдет.

Кейт вскочила с места, бросилась к бюро и вынула из ящика коричневые конверты.

— Вот, полюбуйся, — предложила она.

— Не хочу.

— Все равно покажу. — Она вытащила одну из фотографий. — Смотри, это сенатор Законодательного собрания штата. Собирается баллотироваться в Конгресс. Только глянь на его пузо! А сиськи как у бабы! Обожает плетку. Вот эта полоска — след от плети. А какое выражение на физиономии! Кстати, у него имеются жена и четверо ребятишек. Да еще выставляет свою кандидатуру в Конгресс. А он, видите ли, не ве-

рит! А этот кусок сала — член муниципального совета, вон тот рыжий верзила-швед — хозяин ранчо недалеко от Бланко. А посмотри сюда! Это профессор из Беркли. Приезжает к нам, чтобы ему плеснули в рожу из ночного горшка — профессору-то философии! А вот проповедник Евангелия, маленький братец-иезуит. Ему доводилось поджигать дома, чтобы удовлетворить свою похоть. А мы ублажаем его по-иному. Взгляни на зажженную спичку под его тощей задницей, видишь?

— Не хочу я смотреть эту дрянь, — откликнулся Адам.

— Ты уже увидел. Что, и теперь не веришь?! Еще будешь к нам проситься. Я заставлю тебя выть на луну. — Она старалась навязать Адаму свою волю и видела, что он не поддается, оставаясь свободным. Кипящая злоба постепенно застывала, превращаясь в яд. — Еще никому не удалось ускользнуть, — прошипела Кейт.

Ее глаза оставались пустыми и холодными, но пальцы яростно терзали шелковую обивку на кресле.

— Если бы у меня имелись такие снимки и эти люди о них знали, — вздохнул Адам, — я бы опасался за свою жизнь. Полагаю, одна такая фотография может разрушить человеку всю жизнь.

Не боишься за себя?

— Считаешь меня ребенком? — возмутилась Кейт.

— Больше не считаю, — возразил Адам. — Но начинаю думать, что ты по природе существо извращенное. Или вовсе не человек.

— Может, ты и правда попал в точку, — улыбнулась Кейт. — Неужели думаешь, что мне хочется приобщиться к роду человеческому? Только посмотри на эти картинки! Я бы скорее согласилась стать собакой. Но я не собака и гораздо умнее людей. Не беспокойся, никакой опасности нет, и никто не сможет причинить мне зло. — Она махнула рукой в сторону картотечных шкафов: — Там у меня хранится с сотню дивных фотографий, и эти люди знают: случись со мной что-нибудь — и каждый конверт со снимком опустят в почтовый ящик и отправят по адресу, где он произведет самый громкий скандал. Нет, никто не посмеет меня тронуть.

— А что, если произойдет несчастный случай, или ты вдруг заболеешь? — предположил Адам.

— Ну и что? Это дела не меняет. — Кейт наклонилась к нему совсем близко: — Поделюсь с тобой тайной, о которой никто больше не знает. Через несколько лет я отсюда уеду, и вот тогда все пись-

ма, так или иначе, дойдут до адресатов. — Она рассмеялась, откинувшись на спинку кресла.

Адама передернуло. Он всматривался в Кейт: лицо и смех оставались по-детски невинными. Встал и налил себе в рюмку немного рома. Бутылка уже почти опустела.

— Я знаю, что вызывает твою ненависть. Ты ненавидишь в этих людях недоступное для твоего понимания, не зло, которое они творят, а то доброе, что живет в них и чего тебе не дано понять. Интересно, чего же ты в конце концов добиваешься?

— Получу нужную сумму денег и уеду в Нью-Йорк. К тому времени я не успею состариться. Нет, я вовсе не старая. Куплю дом в престижном районе, найму хороших слуг. Но прежде всего отыщу одного человечка, если он еще жив, и очень медленно буду пить из него кровь, чтобы дольше помучился. При должном прилежании с моей стороны он сойдет с ума, прежде чем отправится на тот свет.

— Чепуха. — Адам нетерпеливо топнул ногой. — Неправда. Какое-то безумие. Не верю ни единому слову.

— Помнишь, какая я была, когда впервые меня увидел? — спросила Кейт.

— Господи! Еще бы!

— Помнишь сломанную челюсть, разбитые губы и выбитые зубы?

— Помню. Нет, не хочу вспоминать.

— Так вот, самым большим удовольствием будет найти человека, который все это сотворил, а уж потом появятся и иные радости.

— Мне пора, — сказал Адам.

— Нет, милый, не уходи. Останься со мной, любимый. Хочу, чтобы ты ощутил кожей нежный шелк моих простыней.

— Шутишь?

— Любимый, какие шутки? Ты не слишком искусен в любви, но ничего, я научу. С радостью научу.

Она встала с кресла и, пошатываясь, взяла Адама за руку. Лицо Кейт казалось свежим и юным, но его взгляд упал на морщинистую руку, похожую на обезьянью лапку, и Адам, не в силах сдержать отвращения, отстранился.

Кейт заметила этот жест и, поняв, что он означает, стиснула зубы.

— Не понимаю, — сознался Адам. — Знаю, что правда, а поверить не могу. И утром не поверю. Какой-то кошмарный сон. Ан нет, не сон. Ведь я помню: ты — мать моих сыновей, а о них даже не

спросила. А ты — мать моих мальчиков.

Кейт поставила локти на колени, подперев ладонями подбородок, так что пальцы закрыли заостренные ушки. Глаза горели торжеством, а голос сделался насмешливо-ласковым:

— Дурак всегда в чем-нибудь даст маху. Я это еще в детстве поняла. Значит, я — мать твоих сыновей? Я-то, конечно, мать, а вот с чего ты вообразил себя отцом?

Адам от удивления открыл рот:

— Кэти, ты о чем?

— Меня зовут Кейт, — оборвала она. — Слушай, милый, и вспоминай. Сколько раз я подпустила тебя и между нами случилось то, от чего родятся дети?

— Но ты была больна, — возразил Адам. — Страшно изувечена.

— Один-единственный раз, — не обращая внимания на его слова, продолжила Кейт.

— Ты плохо переносила беременность. Тебе было тяжело.

— Ну, для твоего брата я была вполне здорова, — сладко улыбнулась Кейт.

— Моего брата?

— Забыл, что у тебя есть брат Чарльз?

Адам недоверчиво рассмеялся:

— Да ты настоящий дьявол. Неужели думаешь, я поверю в историю с братом?

— Мне плевать, чему ты поверишь.

— Нет, ни за что не поверю.

— Поверишь. Начнешь думать, потом возникнут сомнения, вспомнишь Чарльза, все до мельчайших подробностей. Вот Чарльза я бы могла полюбить. Мы с ним — одного поля ягоды.

— Неправда.

— Постепенно все вспомнишь. Может быть, даже в один прекрасный день вспомнишь чай с горьковатым привкусом. Выпил по ошибке мое лекарство. Помнишь? А потом заснул как убитый и встал поздно с головной болью. Ну?

— Нет, ты была слишком тяжело больна, чтобы замыслить такой план.

— Я все могу, — заверила Кейт. — А теперь, любимый, раздевайся, и я покажу, на что еще способна.

Адам закрыл глаза, голова кружилась от выпитого рома. Собравшись с силами, он снова открыл глаза и тряхнул головой.

— Не имеет значения, даже если это правда, — сказал он. — Абсолютно никакого значения.

И вдруг рассмеялся, поняв, что это действительно не важно. Он слишком резко поднялся с места

и ухватился за спинку кресла, чтобы удержать равновесие.

Кейт тоже вскочила и схватила его под руку:

— Я помогу тебе снять пиджак.

Адам высвободился из ее рук, как будто отцепил колючую проволоку, и нетвердой походкой направился к двери.

Глаза Кейт зажглись дикой ненавистью, и в следующее мгновение она издала хриплый, протяжный звериный вопль. Адам, остановившись, оглянулся. Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился Ральф. Сделав три шага, он принял бойцовскую стойку, развернулся и нанес мощный удар в челюсть, от которого Адам рухнул на пол.

— Ногами! Бей ногами! — заходилась в злобном визге Кейт.

Ральф подошел к лежащему на полу человеку и примерился, но тут заметил, что Адам открыл глаза и смотрит на него. Вышибала с беспокойством глянул на хозяйку.

— Я же сказала: бей ногами. Разбей ему физиономию. — В голосе слышался холод.

— Но он не сопротивляется. Весь выдохся, — заметил Ральф.

Кейт села в кресло, тяжело дыша ртом. Руки на

коленях судорожно сжимались и разжимались.

— Ненавижу тебя, Адам. Впервые в жизни ненавижу! Слышишь! Ненавижу!

Адам попытался сесть, упал, снова поднялся. Сидя на полу, он смотрел на Кейт.

— Не важно. Не имеет абсолютно никакого значения, — повторил он. — Никакого.

Он встал на четвереньки, опираясь костяшками пальцев о пол.

— Знаешь, — обратился он к Кейт, — я любил тебя больше всего на свете. Да. Крепко же пришлось постараться, чтобы убить мою любовь.

— Ты еще приползешь назад, — пообещала Кейт. — На брюхе. И будешь валяться у меня в ногах и умолять, умолять!

— Ну что, мисс Кейт, бить его ногами? — поинтересовался Ральф.

Она ничего не ответила.

Адам медленно двинулся к двери, осторожно ставя ноги. Рука скользнула по дверному косяку. Он улыбнулся Кейт, как улыбаются полузабытому воспоминанию, и вышел из комнаты, тихо закрыв за собой дверь.

Кейт смотрела ему вслед полным безысходного отчаяния взглядом.

Глава 26
1

Адам Траск возвращался из Салинаса в Кинг-Сити на поезде. Он словно плыл в облаке расплывчатых видений, звуков и красок, без единой мысли в голове.

По-моему, в человеческом сознании действуют механизмы, с помощью которых в его темных глубинах рассматриваются важные проблемы, принимаются решения и отбрасывается все ненужное. Этот процесс порой затрагивает такие грани человеческой натуры, о существовании которых он сам и не подозревает. Как часто отправляешься спать полный тревоги, с разрывающимся от боли сердцем, не зная причины своих страданий, а наутро все становится ясным, и открывается новый путь. И вполне возможно, все это — результат невидимой, глубинной работы мысли. И случается, по утрам кровь бурлит от восторга, все тело как наэлектризованное, грудь распирает от радости, а в мыслях нет ничего, что объясняет или оправдывает подобное состояние.

Похороны Сэмюэла и разговор с Кейт должны

бы наполнить сердце Адама печалью и горечью, но ничего похожего не случилось. Из пульсирующего сумрака души родился восторг. Адам ощущал себя молодым, свободным, полным неуемного веселья. Он вышел в Кинг-Сити и, вместо того чтобы пойти в платные конюшни за своей повозкой, направился в новый гараж Уилла Гамильтона.

Уилл сидел в кабинете со стеклянными стенами, откуда следил за работой механиков, отгородившись от рабочего шума. За это время Уилл успел обзавестись солидным брюшком.

Он изучал рекламу сигар, которые регулярно поставляются прямо с Кубы. Уиллу казалось, что он горюет об умершем отце, но на самом деле его занимали совсем другие дела. Он действительно немного тревожился о Томе, который прямо с похорон отправился в Сан-Франциско. Уилл считал, что гораздо достойнее заглушить горе работой, а не спиртным, чем, по его мнению, сейчас и занимался Том.

Когда вошел Адам, он оторвал взгляд от рекламы и показал гостю на одно из больших кожаных кресел, которые предназначались для успокоения клиентов, после того как те ознакомились с суммой, которую предстояло заплатить.

— Хочу выразить соболезнования, — сказал Адам, усаживаясь.

— Да, горестное событие, — откликнулся Уилл. — Вы были на похоронах?

— Был. Знаете, как я ценил вашего отца. Никогда не забуду, чем ему обязан.

— Да, человек он был уважаемый, — согласился Уилл. — На кладбище пришло более двухсот человек. Представляете — более двухсот.

— Такие люди не умирают, — продолжил Адам и понял, что открыл для себя эту истину. — Не могу представить его мертвым. Сейчас он для меня живой, как никогда раньше.

— Верно, — согласился Уилл, хотя сам подобных чувств не испытывал.

— Все размышляю над его словами, — снова заговорил Адам. — Я не слишком-то прислушивался, когда он их произносил, а вот теперь в памяти всплывают наши беседы, и я вижу лицо Сэмюэла.

— Да-да, — подтвердил Уилл. — И я думаю о том же. А вы сейчас возвращаетесь домой?

— Да. Но решил заехать к вам и поговорить о покупке автомобиля.

В поведении Уилла мгновенно произошла едва уловимая перемена, эдакая бессловесная насто-

роженность.

— Я-то всегда считал, что уж кто-кто, а вы последний человек в долине, который решит купить автомобиль. — Он наблюдал за реакцией Адама из-под полуопущенных век.

— Пожалуй, я заслужил такую репутацию, — рассмеялся Адам. — А перемена во мне произошла благодаря вашему отцу.

— Как так?

— Не знаю, сумею ли объяснить. Давайте лучше поговорим об автомобиле.

— Буду с вами откровенен, — заявил Уилл, — и скажу без обиняков: у меня куча хлопот с поставкой машин по договорам. Я завел список клиентов, желающих приобрести автомобиль.

— Вот как? Ну тогда, может быть, и мое имя туда занесете?

— С радостью, мистер Траск. И… — Он на мгновение замолчал. — Вы были так близки с нашей семьей, а потому… если кто-нибудь откажется, я с удовольствием поставлю вас на его место.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Как желаете оформить сделку?

— То есть?

— Ну, можно выплачивать определенную сумму ежемесячно, в рассрочку.

— Это ведь дороже, верно?

— Ну да, выплачиваются проценты и другие издержки. Некоторые покупатели находят это удобным.

— Пожалуй, я расплачусь наличными, — сказал Адам. — К чему тянуть?

— Не многие разделяют вашу точку зрения, — усмехнулся Уилл. — А ведь наступит время, когда я не смогу продавать за наличные без убытка для себя.

— Я об этом никогда не задумывался, — признался Адам. — Так все же включите меня в список?

Уилл подался вперед и наклонился к Адаму:

— Мистер Траск, я поставлю ваше имя первым в списке, и вы получите первую машину, которая сюда поступит.

— Благодарю.

— Рад оказать вам эту услугу, — сказал Уилл.

— А как поживает ваша матушка? Держится?

Уилл снова откинулся на спинку кресла, и на его лице появилась нежная улыбка.

— Матушка — женщина замечательная, — признался он. — Непоколебима, как скала. Я возвращаюсь мыслями к прошлому, к тяжким временам, что нам довелось пережить. А было

их предостаточно. Отец никогда не отличался практичностью, всегда витал в облаках или уходил с головой в книги. По-моему, мать спасла нас от гибели и уберегла всех Гамильтонов от богадельни.

— Изумительная женщина, — согласился Адам.

— Не просто изумительная. Она сильная. Крепко стоит на ногах. Надежная опора. Вы заходили к Олив после похорон?

— Нет, не заходил.

— Пришло более сотни человек. И моя мать сама нажарила курятины и проследила, чтобы всем хватило.

— Не может быть!

— Тем не менее это правда. А ведь она только что похоронила мужа.

— Замечательная женщина, — повторил Адам.

— Она у нас практичная. Знала, что надо накормить людей, вот и накормила.

— Надеюсь, она выстоит, но смерть мужа — для нее огромная потеря.

— Выстоит, — заверил Уилл. — И еще всех нас переживет, наша маленькая хрупкая матушка.

По дороге на ранчо Адам вдруг обнаружил, что стал замечать вещи, которых не видел многие

годы. Полевые цветы в густой траве и рыжих коров, пасущихся на склонах холмов и не спеша поднимающихся наверх. Доехав до своих владений, Адам вдруг ощутил такую пронзительную радость, что задумался о ее истоках. И неожиданно поймал себя на том, что приговаривает в такт стуку копыт: «Я свободен, я свободен. Все, отмучился. Избавился от нее. Выкинул из сердца, Господь Всемогущий! Я свободен!»

Он протянул руку к серебристо-серому шалфею у дороги и пропустил сквозь пальцы, ставшие липкими от сока, а потом вдохнул в себя резкий пряный аромат, пропитавший руки. Адам радовался возвращению домой, ему не терпелось увидеть, как выросли близнецы за два дня его отсутствия. Ему очень хотелось увидеться с сыновьями.

— Я свободен, выкинул ее из сердца. Ее больше нет! — распевал он во все горло.

2

Ли вышел из дома встретить хозяина и держал лошадь под уздцы, пока тот вылезал из повозки.

— Как мальчики? — спросил Адам.

— Прекрасно. Я смастерил для них луки со

стрелами, и они отправились в низину, к реке, поохотиться на кроликов. А я пока не ставлю сковородку на огонь.

— А по хозяйству все в порядке?

Ли бросил на него быстрый испытывающий взгляд и уже хотел удивиться неожиданному проявлению интереса, но передумал и только спросил:

— Как прошли похороны?

— Собралась уйма народу. У него ведь много друзей. А я все никак не поверю, что Сэмюэла больше нет.

— Мы, китайцы, хороним умерших под барабанный бой и разбрасываем бумажки, чтобы ввести в заблуждение злых духов, а вместо цветов кладем на могилу жареных поросят. Мы — народ практичный и всегда немного голодны. А наши злые духи не слишком-то сообразительны, и мы знаем, как их перехитрить. Так сказать, в некотором роде достижение.

— По-моему, Сэмюэлу пришлись бы по душе такие похороны, — заметил Адам. — Ему было бы интересно. — От его внимания не ускользнул брошенный тайком взгляд Ли. — Отведи лошадь в конюшню, а потом завари чай. Хочу с тобой потолковать.

Зайдя в дом, Адам снял черный костюм и почувствовал разнесшийся по комнате запах пота, смешанный с тошнотворным привкусом рома. Он разделся донага и стал натирать тело губкой с хозяйственным мылом, чтобы избавиться от выделяемого порами зловония. Потом облачился в синюю рубашку и комбинезон, застиранный и полинявший до бледно-голубого цвета, а на коленях белесый. Адам не спеша побрился и причесал волосы, прислушиваясь к доносившимся из кухни звукам — это, гремя кастрюлями, хлопотал у плиты Ли. Приведя себя в порядок, он вышел в гостиную. Ли уже поставил на стол, как раз напротив его кресла, чашку и сахарницу. Адам осмотрелся по сторонам. Взгляд задержался на цветастых шторах: от частых стирок узор на них стал совсем блеклым. Он словно впервые видел потертые ковры на полу и протоптанную на линолеуме коричневую дорожку в коридоре. Раньше Адам этого не замечал.

Вошел Ли с чайником в руках, и Адам предложил:

— Принеси и себе чашку, Ли. А если еще осталось твое питье, я не прочь немного опохмелиться. Вчера я изрядно напился.

— Вы напились? — удивился Ли. — Ушам своим

не верю.

— А я вот взял и напился. И хочу с тобой об этом поговорить. Я ведь заметил, как ты на меня посмотрел.

— Правда? — еще больше изумился китаец и отправился на кухню за глиняной бутылью уцзяпи, стаканчиками и чашкой для чая.

— За все годы я пил из нее только с вами и мистером Гамильтоном, — сообщил Ли, вернувшись с кухни.

— Все та же бутыль, что и в день, когда мы дали близнецам имена?

— Все та же.

Ли принялся разливать горячий зеленый чай и недовольно поморщился, увидев, как Адам кладет в свою чашку две ложки сахара.

Адам помешивал чай, наблюдая, как кристаллики сахара, покружившись, растворяются в воде.

— А я ведь к ней зашел, — сообщил он Ли.

— Я так и подумал. Вообще-то не возьму в толк, как человек мог так долго ждать.

— Возможно, все это время я и не был живым человеком.

— И об этом я размышлял. Ну и как она?

— Не могу понять, — откликнулся Адам, рас-

тягивая слова. — Невозможно поверить, что на свете живет такое существо.

— У вас, людей с Запада, главная беда в отсутствии злых духов, которые объясняют многое. А напились вы уже потом?

— Нет, перед тем как к ней пойти. А еще пил во время нашего разговора, для храбрости.

— А сейчас вид у вас хороший.

— А мне и правда хорошо, — признался Адам. — Об этом-то и хочу потолковать. — Он немного помолчал, а потом с горечью сказал: — Случись это в прошлом году, я побежал бы к Сэму Гамильтону.

— Может быть, его частица живет в нас обоих, — задумчиво произнес Ли. — Наверное, в этом и заключается бессмертие.

— Я словно пробудился от мертвого сна. Непонятным образом с глаз вдруг спала пелена, а с души свалился камень.

— Вы даже и слова подбираете, как мистер Гамильтон, — заметил Ли. — А я разовью по этому поводу теорию, которую представлю своим неувядаемым родственникам.

Адам выпил чашечку черного напитка и облизнул губы.

— Я свободен, и мне нужно кому-нибудь об этом

рассказать. Теперь я могу жить с сыновьями и даже познакомиться с женщиной. Понимаешь, о чем я?

— Понимаю. Вижу по вашим глазам, по осанке. Такое не выдумаешь. Вы полюбите мальчиков.

— Во всяком случае, надо дать себе шанс. Будь добр, налей еще, и чаю тоже.

Ли налил чаю и поднял свою чашку.

— Не пойму, как ты не обожжешь рот таким кипятком.

В ответ Ли только тихо улыбнулся. Адам присмотрелся внимательнее и вдруг понял, что китаец уже не молод. Кожа плотно обтягивает скулы и блестит, словно покрытая глазурью. Воспаленные веки покраснели.

Ли рассматривал тоненькую, словно раковина, чашку и улыбался своим воспоминаниям.

— Если вы освободились, может, и меня освободите?

— Куда ты клонишь, Ли?

— Можете меня отпустить?

— Ну конечно, можешь уехать. А разве тебе здесь плохо? Ты несчастлив?

— Вряд ли мне довелось испытать чувство, которое вы называете счастьем. Мы жаждем удовлетворенности, и, возможно, это плохо.

— Пусть так, — согласился Адам. — А ты здесь чем-то неудовлетворен?

— Ни один человек не испытывает удовлетворения, когда остаются неисполненными заветные желания, — отозвался китаец.

— И что же это за желания?

— Ну, одно уже поздно исполнять. Мне хотелось иметь жену и сыновей. Наверное, хотел передать им ту ерунду, что принято называть родительской мудростью, навязать ее беззащитным детишкам.

— Ты еще не стар.

— Да, я еще способен стать отцом, но не о том мои мысли. Уж слишком я сроднился с настольной лампой, под которой так спокойно читается. Знаете, мистер Траск, ведь когда-то у меня была жена. И я сотворил себе ее образ, как и вы, только у моей не было второй, скрытой жизни. С ней было славно в нашей маленькой комнатке. Я говорил, она слушала, а потом говорила она, рассказывала все женские сплетни, что услышала за день. Она была хорошенькая и так кокетливо шутила. А вот теперь не знаю, стал ли бы я ее слушать. И совсем не хочется, чтобы она из-за меня грустила и чувствовала себя одинокой. Вот так и не сбылось мое первое желание.

— А второе?

— Я рассказывал о нем мистеру Гамильтону. Хочу открыть книжную лавку в Чайнатауне в Сан-Франциско. Сам бы жил там же, в задней комнатке, и проводил дни в беседах и спорах. Хотелось бы иметь в наличии бруски туши времен династии Сунь, на которых вырезано изображение дракона. Ящички источены червем, а сама тушь сделана из сосновой сажи на клею, который можно изготовить только из шкуры кулана. И пусть она на самом деле черная, но когда пишешь такой тушью, она играет всеми красками, какие только существуют на свете. Может, заглянет ко мне художник, и мы затеем спор о приемах письма и поторгуемся о цене.

— Ты все сочиняешь? — не поверил Адам.

— Отнюдь. Если вы выздоровели и избавились от прошлого, мне бы хотелось открыть небольшую книжную лавку, да там и умереть, когда придет мой черед.

Адам некоторое время сидел молча, размешивая сахар в успевшем остыть чае.

— Забавно. Мне вдруг захотелось, чтобы ты был моим рабом, и я бы тебя никуда не отпустил. Да нет, конечно же, езжай, если хочешь. Я и денег дам в долг на книжную лавку.

— Деньги у меня есть. Давно скопил.

— И в голову не приходило, что ты от нас уедешь. Всегда воспринимал твое присутствие как нечто само собой разумеющееся. — Адам слегка расправил плечи. — А можешь еще немного повременить с отъездом?

— Зачем?

— Хочу, чтобы помог мне сблизиться с сыновьями. Привести в порядок дом. Может быть, продам его или сдам в аренду. Надо выяснить, какими средствами я располагаю и как их можно употребить.

— А вы не заманиваете меня в западню? — насторожился Ли. — Ведь мое желание не так сильно, как в былые годы. Боюсь, меня можно легко уговорить или, что еще хуже, удержать простым доводом, что без меня не обойтись. Прошу, не пытайтесь убедить, что я вам нужен. Для одинокого человека нет искушения сильнее.

— Для одинокого человека, — повторил Адам. — Как же я замкнулся в своей скорлупе, что не заметил этого раньше.

— Мистер Гамильтон догадался. — Ли поднял голову, и из-под нависших тяжелых век блеснули искорки глаз. — Мы, китайцы, народ сдержанный и не привыкли выставлять свои чувства напоказ.

А мистера Гамильтона я любил и хотел бы завтра съездить в Салинас, если позволите.

— Поступай как знаешь. Одному Господу ведомо, чем я тебе обязан.

— Хочу разбросать бумажки и отпугнуть злых духов, — признался Ли. — И положить жареного поросенка на могилу моего духовного отца и наставника.

Адам быстро поднялся, опрокинув чашку с недопитым чаем, и вышел на улицу, оставив Ли в одиночестве.

Глава 27
1

В тот год дожди шли на удивление тихие и ласковые, река Салинас не вышла из берегов и текла, извиваясь, тонким ручьем по просторному руслу серого песка. Прозрачная чистая вода, не замутненная илом, радовала глаз. Растущие по берегам ивы покрылись буйной листвой, а по земле расползлись во все стороны колючие отростки ежевики.

Установилась не по-мартовски теплая погода, подул южный ветер, играя листьями и переворачивая их серебристой стороной вверх. Самое время запускать воздушных змеев.

Среди зарослей ежевики и занесенного течением мусора на солнышке грелся маленький серый калифорнийский кролик. Он сушил грудку, намокшую от утренней росы во время ранней трапезы. Кролик сморщил нос, настороженно повел ушами, прислушиваясь к звукам, которые, возможно, таят опасность для кроличьей жизни. Лапки ощутили прокатившуюся по земле легкую дрожь. Он снова шевельнул ушами и наморщил

нос, но все затихло. Потом в отдалении зашевелились ветки ивы, но с подветренной стороны подозрительных запахов не ощущалось.

Минуты две кролик прислушивался к звукам, вызывающим любопытство, но без намека на угрозу: тихий щелчок, приглушенный свист, словно от крыльев голубки. Кролик лениво подставил солнышку заднюю лапку. И снова щелчок и свист, а потом тупой удар по пушистому меху. Кролик замер, глаза медленно расширились. Бамбуковая стрела пронзила грудь и вошла железным наконечником в землю с другой стороны. Кролик завалился на бок, суча ногами в воздухе, а потом затих.

Из-за ивы показались два мальчика. Они шли, припадая к земле. В руках у каждого лук фута четыре длиной, а за левым плечом — колчан с оперенными стрелами. Одеты мальчики в синие выцветшие рубашки и комбинезоны, а на головах повязки, украшенные великолепными перьями, добытыми из индюшачьего хвоста.

Мальчики двигались крадучись, осторожно, ступая носками внутрь, как индейцы. Вот они склонились над жертвой. Предсмертные судороги уже прекратились.

— В самое сердце, — с гордостью сказал Кэл,

словно иначе и быть не могло. Арон, глянув под ноги, промолчал. — Скажу, что это твоя работа, — великодушно предложил Кэл. — Пусть думают, что это ты. А еще расскажу, как было трудно попасть в цель.

— И правда трудно, — согласился Арон.

— Вот я и говорю, распишу отцу и Ли, какой ты меткий стрелок.

— Да нет, не надо. А знаешь что, если подстрелим еще одного кролика, скажем, что каждый добыл по одному. Ну а если нет — можно сказать, что стреляли вместе и не знаем, чья стрела попала в цель.

— Неужели не хочешь, чтобы его зачли тебе? — вкрадчиво поинтересовался Кэл.

— Одному мне? Нет, не хочу. Ведь можно сказать, что это наша общая заслуга.

— И то правда, — согласился Кэл. — Хотя стрела-то моя.

— Нет, не твоя.

— Взгляни на оперение. Видишь зазубринку? Это моя отметка.

— Не помню я никакой зазубринки.

— Не помнишь, и не надо. Я все равно скажу, что выстрел твой.

— Нет, Кэл, не надо, — с благодарностью от-

казался Арон. — Скажем, что стреляли одновременно.

— Ну, как хочешь. А если Ли заметит, что стрела-то моя?

— Скажем, что она случайно попала ко мне в колчан.

— Думаешь, он поверит? Ли решит, что ты врешь.

— Что ж, если подумает, что это ты попал в цель, так тому и быть, — беспомощно озираясь, сказал Арон.

— Просто хотел тебя предупредить, на случай если Ли заметит. — Арон вытащил из убитого кролика стрелу, испачкав оперение темной кровью, и положил к себе в колчан. — Неси добычу, — великодушно предложил он брату. — Пора отправляться в обратный путь, — сказал Арон. — Может быть, отец уже вернулся.

— Мы могли бы зажарить кролика на ужин и переночевать здесь, — заметил Кэл.

— Ночью слишком холодно, Кэл. Забыл, как продрог сегодня утром?

— Мне холод не страшен, — заявил Кэл. — Я его вообще не чувствую.

— Ну, утром ты дрожал как осиновый лист.

— Неправда. Это я тебя передразнивал, нарочно

дрожал и стучал зубами как малое дитя. Хочешь сказать, я вру?

— Нет, я ссориться не хочу.

— Боишься драться?

— Нет, просто не хочу.

— А если скажу, что ты трус, назовешь меня вруном?

— Нет.

— Значит, ты и правда трус, так?

— Пускай буду трус.

Арон медленно побрел прочь, оставив кролика лежать на земле. У него был красиво очерченный нежный рот и широко поставленные глаза, придававшие лицу ангельски невинное выражение. Мягкие золотистые волосы сияли ореолом над головой.

Арон пришел в замешательство. Брат часто его озадачивал. Он понимал, что Кэл чего-то добивается, но не мог догадаться, какую тот преследует цель. Кэл оставался для него загадкой, и Арон не умел уловить ход его мыслей, всякий раз приходя в изумление от их неожиданных поворотов.

Внешне Кэл больше походил на Адама, с темно-каштановыми волосами, более крепкого телосложения, чем брат, шире в плечах, с такой же, как у отца, квадратной челюстью, с упрямым

подбородком. Глаза у Кэла карие, настороженные, порой вспыхивают и тогда кажутся совсем черными. А вот маленькие руки не вяжутся с крупным телом. Пальцы короткие, тонкие, ногти изящной формы. Кэл относился к своим рукам исключительно бережно. Мало что могло довести его до слез, но порезанного пальца оказывалось вполне достаточно, чтобы он разрыдался. Не желая рисковать, он ни разу не дотронулся до насекомого или до змеи, а когда дело доходило до драки, подбирал с земли камень или палку.

Кэл смотрел в спину уходящему брату, и на его губах играла самоуверенная ухмылка.

— Арон, подожди!

Поравнявшись с братом, он протянул кролика.

— Возьми, — добродушно предложил он, обнимая Арона за плечи. — И не злись на меня.

— Тебе бы только подраться, — буркнул в ответ Арон.

— Да нет же. Я просто пошутил.

— Правда?

— Конечно. А теперь возьми кролика, и, если хочешь, пойдем домой.

На лице Арона наконец появилась улыбка. Он всегда испытывал облегчение, когда брат разряжал напряженную обстановку. Мальчики

выбрались по крутому берегу в долину. У Арона правая штанина испачкалась кроличьей кровью.

— Вот уж все удивятся, когда увидят нашу добычу, — сказал Кэл. — Если отец вернулся, подарим ему кролика. Он любит крольчатину на ужин.

— Хорошо, — с радостью поддержал Арон. — И скажем, что добыли его вместе, и не важно, чья стрела попала в цель.

— Ладно, если тебе так хочется, — милостиво согласился Кэл.

Некоторое время они шли молча. Кэл заговорил первым:

— И вся эта земля — наша. Аж вон там, за рекой.

— Не наша, а отцовская.

— Конечно. Но после его смерти станет нашей.

Слова брата озадачили Арона. Ему такая мысль в голову не приходила.

— То есть как это после смерти?

— Все когда-нибудь умирают. Взять хоть мистера Гамильтона. Он же умер.

— Да, правда умер, — прошептал Арон. Однако он никак не мог понять, какое отношение имеет смерть мистера Гамильтона к живому и не жалующемуся на здоровье отцу.

— Его положили в гроб, вырыли могилу и закопали, — сообщил Кэл.

— Да знаю я. — Арону хотелось переменить тему разговора и подумать о чем-нибудь более приятном.

— А я знаю секрет, — вдруг объявил Кэл.

— Какой?

— Да ты проболтаешься.

— Ни за что, если ты не разрешишь.

— Даже не знаю, стоит ли говорить.

— Ну, пожалуйста, скажи, — умолял Арон.

— А точно не проболтаешься?

— Клянусь.

— Как думаешь, где наша мама? — спросил Кэл.

— Умерла.

— А вот и нет.

— Конечно же, умерла.

— Она сбежала, — заявил Кэл. — Я слышал, как об этом болтают люди.

— Врут, наверное.

— Точно сбежала, — заверил Кэл. — Никому не скажешь?

— Не верю, — сказал Арон. — Отец говорит, она сейчас на небесах.

— Очень скоро я тоже сбегу, — прошептал

Кэл. — И верну ее домой.

— И что говорят люди? Где она?

— Не знаю, но обязательно отыщу.

— Она на небесах, — настаивал Арон. — К чему отцу лгать? — Он бросил на брата умоляющий взгляд, призывая согласиться, но Кэл ничего не ответил. — А ты разве не веришь, что мама на небесах? — Кэл по-прежнему молчал. — А кто те люди?

— Да так, я их встретил на почте в Кинг-Сити. Они не знали, что я слышу их разговор. Но у меня чуткие уши. Ли говорит, я слышу, как растет трава.

— А почему она сбежала? — не унимался Арон.

— Почем мне знать? Наверное, не любила нас.

Арон некоторое время обдумывал крамольные слова брата, потом сказал:

— Нет, те люди лгали. Отец же сказал — мама на небесах. Ты ведь знаешь, как он не любит говорить о маме.

— Может, потому и не любит, что она сбежала.

— Неправда. Я спрашивал Ли. Знаешь, что он ответил? Так вот, Ли сказал: «Мать вас любила и сейчас любит». А еще Ли показал мне звезду на небе. «Смотри, может быть, это ваша мама, и ее любовь не угаснет, пока горит эта звезда».

По-твоему, и Ли врет?

Сквозь слезы Арон видел суровые, полные трезвого благоразумия глаза брата. Слез на них не было.

Кэл чувствовал приятное возбуждение. Он обнаружил еще одно тайное оружие, которое при необходимости можно пустить в ход. Он внимательно следил за Ароном, видел, как задрожали губы, и вовремя заметил гневно раздувающиеся ноздри. Арон, конечно, плакса, но случалось, что, разрыдавшись, он бросался в драку. Размахивающий кулаками, заходящийся рыданиями брат становится опасным. Он перестает чувствовать боль, и остановить его в таком состоянии невозможно. Однажды Ли пришлось взять его на колени, да так и держать, прижимая руки к бокам, пока не успокоится. Тогда у брата тоже раздувались ноздри.

И Кэл благоразумно припрятал новое оружие до лучших времен. В конце концов, его можно извлечь в любой момент, и Кэл точно знал, что оно способно нанести самую жестокую рану. Он тщательно изучит возможности нового оружия на досуге и решит, когда и как его лучше применить на деле.

Однако разумное решение пришло с опозда-

нием. Арон бросился на брата и ударил по лицу безжизненной тушкой кролика. Кэл поспешно отскочил назад с криком:

— Я же пошутил! Ей-богу, Арон, это просто шутка!

Арон остановился, на его лице отразились боль и растерянность.

— Мне такие шутки не по душе, — шмыгнул носом Арон, утираясь рукавом.

Кэл подошел к брату, обнял и поцеловал в щеку.

— Больше так не буду, — пообещал он.

Мальчики в молчании устало двигались к дому. День уже начал угасать. Кэл глянул через плечо на проплывающую над горами черную тучу, подгоняемую порывистым мартовским ветром.

— Надвигается гроза, — сказал он. — Ух, какая страшная!

— Ты правда слышал, что говорили те люди на почте?

— Может, мне просто показалось, — торопливо откликнулся Кэл. — Господи, ты только посмотри, ну и тучища!

Арон тоже оглянулся на черное чудовище. Грозно разбухая на глазах, оно клубилось сверху, а ниже тянулся длинный шлейф дождя. Раздался

раскат грома, сверкнула молния, и ливень забарабанил по покрытым обильной зеленью холмам и двинулся на равнинные земли. Мальчики бросились бежать к дому, а туча с грохотом неслась им вдогонку, и яркие молнии разрывали воздух на мелкие трепещущие кусочки. В конце концов туча их догнала, и из расколотого неба на землю посыпались первые крупные капли дождя. В воздухе запахло озоном, и дети на бегу вдыхали сладкий аромат грозы.

Мальчики уже сворачивали на подъездную дорогу, ведущую к дому, когда ливень обрушился на них сплошным потоком, в котором не видно ни единого просвета. Они мгновенно промокли до нитки, волосы прилипли ко лбу и лезли в глаза, а индюшачьи перья на головных повязках согнулись под тяжестью воды.

Теперь торопиться в укрытие не было смысла, мальчики остановились и, переглянувшись, радостно рассмеялись. Арон скрутил тушку кролика, выжимая воду, подбросил вверх, поймал в воздухе и швырнул брату. А Кэл, дурачась, накинул кролика на шею и плечи, наподобие горжетки. Братья зашлись в приступе неудержимого хохота. Потоки дождя с ревом обрушивались на величественные дубы, и ветер безжалостно

трепал их кроны.

2

Подходя к дому, близнецы увидели Ли. Продев голову в желтую клеенчатую накидку-пончо, китаец вел под навес чужую лошадь, запряженную в легкую коляску на резиновых шинах.

— К нам кто-то приехал, — сказал Кэл. — Видишь коляску?

Мальчики побежали к дому, ведь приезд гостей сулил интересные события. У крыльца они замедлили шаг и, крадучись, обошли вокруг дома, потому что гости, помимо приятного волнения, вызывали страх. Дети зашли через заднюю дверь и задержались на кухне, заливая пол ручьями воды. Из гостиной доносились голоса: один отцовский, а второй принадлежал незнакомому мужчине. А при звуках третьего голоса екнуло сердце и по спине пробежал холодок. Говорила женщина, а с женщинами братьям доводилось общаться крайне редко. Они на цыпочках проскользнули к себе в комнату и переглянулись.

— Как думаешь, кто это? — спросил брата Кэл.

Охватившее Арона чувство было подобно яркой вспышке молнии. Из груди рвался крик:

— Наверное, это мама! Она вернулась! — Но он тут же вспомнил, что мама на небесах, а люди оттуда не возвращаются, и вслух произнес: — Не знаю. Пожалуй, надо переодеться.

Мальчики надели чистую сухую одежду, точную копию той, что валялась мокрой кучей в углу, вынули намокшие индюшачьи перья и пригладили волосы пятерней. И все это время до них доносились голоса, низкие мужские и высокий женский. И вдруг при звуках еще одного голоса, детского, братья застыли как вкопанные. Он принадлежал девочке. От волнения оба мальчика потеряли дар речи.

Выйдя в коридор, они прокрались к двери гостиной. Кэл очень медленно повернул дверную ручку и поднял вверх, чтобы не выдать скрипом своего присутствия. Братья приникли к узенькой щелке, и за этим занятием их застал Ли. Шаркающей походкой он прошел по коридору, стаскивая на ходу пончо.

— Маленькие мальсики посматливают? — сказал китаец, коверкая язык. Кэл торопливо прикрыл дверь, язычок щеколды щелкнул, и Ли поспешил успокоить: — Отец вернулся. Зайдите в гостиную.

— А кто там еще? — хрипло прошептал Арон.

— Да так, проезжие. Укрылись у нас от дождя. — Положив руку поверх ладони Кэла, Ли повернул дверную ручку и открыл дверь. — Мальсики плисли домой, — пролопотал китаец и удалился, выставив братьев на всеобщее обозрение.

— Входите, ребята! — пригласил Адам. — Входите же!

Шаркающей походкой, с понуренными головами, мальчики зашли в гостиную, украдкой разглядывая гостей. Мужчина одет по-городскому, а женщина… таких шикарных нарядов им еще видеть не доводилось. Легкий плащ и шляпка с вуалью лежали рядом на кресле, а сама дама одета сплошь в черный шелк и кружева. Даже шея утопает в черных кружевах, подпирающих подбородок. Казалось бы, для одного дня впечатлений достаточно, но чудеса на этом не закончились. Рядом с дамой сидела девочка, по возрасту чуть младше близнецов, в клетчатой голубой шляпке, отороченной спереди кружевами. Платьице в цветочек, а поверх маленький фартучек с кармашками. Подол загнулся вверх, открывая взору красную вязаную нижнюю юбку с отделкой из плетеных кружев по краю. Поля шляпки закрывали лицо, и мальчики не могли его рассмотреть, но их внимание привлекли

сложенные на коленях руки. На среднем пальце правой руки сверкал золотой перстень с печаткой.

От невиданного зрелища у братьев перехватило дыхание, и от нехватки воздуха перед глазами поплыли красные круги.

— Вот мои сыновья, — представил их гостям отец. — Они близнецы. Арон и Калеб. Мальчики, поздоровайтесь с гостями.

Понурив головы, братья шагнули вперед с поднятыми в жесте отчаяния руками, словно сдающиеся в плен солдаты. Сначала их безжизненно-вялые ладони пожал джентльмен, а потом дама в кружевах. Арон подошел первым и тут же отвернулся, не поприветствовав девочку.

— А с моей дочерью не хочешь поздороваться? — обратилась к нему дама.

Арон вздрогнул и с обреченным видом протянул руку в сторону девочки с закрытым лицом. Однако ничего не произошло — никто не сжал его пальцы, не встряхнул, и они вареными сосисками повисли в воздухе. Арон из-под опущенных ресниц наблюдал за происходящим.

Девочка тоже опустила голову, но ее лицо защищали от посторонних глаз поля шляпки. Маленькая рука с перстнем-печаткой на среднем

пальце протянута в сторону Адама, но приближаться не думает.

Он бросил украдкой взгляд на даму. Та улыбалась, слегка приоткрыв рот. В гостиной повисла гнетущая тишина, которую неожиданно нарушил сдавленный смешок Кэла.

Арон подался вперед и, схватив руку девочки, три раза ее тряхнул. Ощущение было удивительное — словно набрал пригоршню нежных лепестков. Внезапная радость обожгла все его существо. Мальчик выронил протянутую руку, а свою спрятал в карман комбинезона. Торопливо пятясь, он заметил, как Кэл подходит к гостье и пожимает руку со словами: «Рад знакомству». Арон совсем забыл об этой фразе и пролепетал ее сейчас, однако после брата она казалась неуместной и нелепой и вызвала смех у Адама и его гостей.

— Мистер и миссис Бейкон едва не попали под ливень, — сообщил Адам.

— К счастью, мы заблудились неподалеку от ваших владений, — сказал мистер Бейкон. — Я искал дорогу на ранчо Лонгов.

— Это дальше. Следующий поворот налево, — пояснил Адам и обратился к сыновьям: — Мистер Бейкон школьный инспектор округа.

— Не пойму причины, но отношусь я к работе исключительно серьезно, — сообщил мистер Бейкон, а потом тоже обратился к мальчикам: — Ребята, мою дочь зовут Абра. Чудное имя, верно? — Он говорил тоном, какой взрослые обычно выбирают для общения с детьми. Повернувшись к Адаму, мистер Бейкон продекламировал нараспев: — «Чуть кликну Абру — прилетит стрелой. Зову других — все Абра предо мной». Это английский поэт Мэтью Прайор. Не скрою, я хотел сына, но Абра для нас стала настоящей отрадой. Подними же головку, милая.

Абра осталась сидеть в прежней позе, сложив на коленях руки, а ее отец проникновенно повторил:

— Зову других — все Абра предо мной.

Арон заметил, что брат рассматривает шляпку без тени страха, и, собравшись с силами, хрипло выдавил:

— А мне имя Абра совсем не кажется чудным.

— Мистер Бейкон имел в виду совсем другое, — пустилась в объяснения мать Абры. — Он хотел сказать «необычное». Мой муж находит в книгах множество странных и необычных вещей. Дорогой, а нам не пора? — обратилась она к супругу.

— Не торопитесь с отъездом, мэм, — оживился

Адам. — Ли сейчас принесет чаю, и вы согреетесь.

— Ах, как любезно с вашей стороны! — обрадовалась миссис Бейкон. — Дети, дождь закончился. Идите на улицу поиграйте. — Произнесенные властным голосом слова прозвучали как приказ, и дети послушно направились гуськом к выходу. Арон шел первым, за ним следовал Кэл, и замыкала процессию Абра.

3

— Красивый отсюда открывается вид, — заметил мистер Бейкон, закинув ногу на ногу. — А большие у вас владения?

— Земли у меня хватает. На другом берегу — тоже моя.

— Стало быть, и по ту сторону дороги ваши угодья?

— Да. Стыдно признаться, но я их порядком запустил. Совсем не занимался хозяйством. Наверное, слишком много работал на земле в детстве.

Бейконы смотрели на Адама, и тот понимал, что надо как-то объяснить свою нерадивость, которая привела к запустению прекрасной земли.

— Пожалуй, я просто ленив. А тут еще отец оставил достаточно денег, чтобы жить не работая.

Адам не смотрел на гостей, но чувствовал, что они удовлетворены ответом. Богатый человек не может быть ленивым. Лень, как и невежество, удел бедноты. Отсутствие элементарных знаний у богача воспринимается как чудачество или оригинальность.

— А кто занимается воспитанием мальчиков? — поинтересовалась миссис Бейкон.

— Да все воспитание, какое есть, заслуга Ли, — рассмеялся Адам.

— Ли?

Адама начинали раздражать расспросы гостей.

— У меня только один слуга, — резко ответил он.

— Вы имеете в виду вашего китайца? — Мисс Бейкон была шокирована.

Адам лишь улыбнулся гостье. Поначалу дама его напугала, но теперь он чувствовал себя вполне комфортно.

— Ли вырастил ребят и заботился обо мне, — сказал он.

— Неужели дети не знали женской ласки?

— Нет.

— Бедные малыши, — посочувствовала миссис

Бейкон.

— Мальчики, конечно, диковаты, но здоровье у них крепкое. Похоже, мы здесь все одичали вместе с нашей землей. А вот теперь и Ли уезжает, и я не знаю, как мы будем жить дальше.

Мистер Бейкон тщательно прокашлялся, дабы ничто не помешало его речи, и поинтересовался:

— А вы задумывались, какое дать сыновьям образование?

— Нет, пока я над этим не думал.

— Муж свято верит в необходимость образования, — вмешалась миссис Бейкон.

— Именно хорошее образование откроет человеку дорогу в будущее, — с уверенностью заявил мистер Бейкон.

— Какое образование вы имеете в виду? — осведомился Адам.

— Для образованного человека доступно все, — продолжил свою мысль мистер Бейкон. — Да, я верую в светоч знаний. — Он наклонился к Адаму совсем близко, переходя на доверительный тон: — Поскольку вы не намерены заниматься фермерским трудом, почему не сдать землю в аренду, а самому перебраться в окружной центр, где много хороших муниципальных школ?

У Адама едва не сорвалось с языка: «Какого

черта вы суете нос в чужие дела?»

Однако он сдержался и вслух произнес:

— Вы считаете, стоит попробовать?

— Полагаю, я мог бы подыскать для вас порядочного арендатора, — предложил гость. — Почему не получать от земли доход таким путем, уж если вам не хочется заниматься хозяйством?

Появился Ли с подносом в руках и принялся с шумом расставлять чашки. Он слышал обрывки разговора и по тону понял, что гости успели Адаму порядком надоесть. Китаец не сомневался, что Бейконам чай придется не по вкусу, во всяком случае, тот, что он заварил. Однако гости принялись громко расхваливать угощение, и Ли понял, что они преследуют свою цель. Он хотел встретиться взглядом с Адамом, но не сумел, так как тот с задумчивым видом изучал ковер под ногами.

— Муж уже много лет состоит в школьном совете, — не унималась миссис Бейкон, но Адам уже не слушал гостей.

Он думал о большом глобусе, подвешенном на одном из дубов. Вдруг неизвестно почему мысли переключились на покойного отца. Вот он тяжело ступает на деревянную ногу и постукивает по ней тростью, привлекая внимание сыновей. Перед

глазами стояло неумолимо-суровое отцовское лицо, когда он муштровал мальчиков, заставляя таскать тяжелые ранцы, чтобы укрепить спину и плечи. Откуда-то издалека доносился голос миссис Бейкон, а Адам ощущал за плечами тяжесть нагруженного камнями ранца и видел злорадную усмешку на лице Чарльза, его злобный взгляд. Вспомнился свирепый, неукротимый нрав брата. И вдруг Адаму отчаянно захотелось повидаться с Чарльзом. Да, надо непременно к нему съездить вместе с сыновьями. При этой мысли он пришел в возбуждение и громко хлопнул себя по ноге.

— Прошу прощения? — не понял мистер Бейкон, обрывая речь на полуслове.

— Ох, извините, — откликнулся Адам. — Просто вспомнилось одно важное дело, которое я все откладывал.

Бейконы с вежливым видом терпеливо ждали объяснений.

«Чего это я стесняюсь? — подумал Адам. — Я не собираюсь работать инспектором и не состою в школьном совете, так что можно не церемониться».

— Я как раз вспомнил, что уже лет десять не писал брату, — заявил он вслух.

От такой вопиющей бестактности гостей пере-

дернуло, и они обменялись многозначительными взглядами.

Ли снова принялся разливать чай. От внимания Адама не ускользнуло, как раздуваются его щеки, а когда китаец вышел из гостиной, из коридора донеслось радостное фырканье. Супруги не пожелали прокомментировать инцидент. Это можно сделать и позже, когда они останутся с глазу на глаз.

Ли угадал их мысли и поспешил запрячь лошадей и подать коляску к парадному входу.

4

Выйдя из дома, Абра, Кэл и Арон выстроились рядком на небольшой крытой веранде и наблюдали за потоками воды, льющимися с раскидистых дубов. Ливень ушел вместе с грозовой тучей, напоминая о себе отдаленными раскатами, но мелкий дождь и не думал заканчиваться.

— А твоя мама сказала, что дождя нет, — удивился Арон.

— Она не посмотрела в окно, — с умудренным видом пояснила Абра. — У нее привычка говорить, не глядя.

— Сколько тебе лет? — поинтересовался Кэл.

— Десять, скоро будет одиннадцать, — ответила девочка.

— Хо! А нам уже одиннадцать и скоро исполнится двенадцать.

Абра сдвинула шляпку на затылок, и она обрамляла лицо наподобие ореола. Девочка была прехорошенькая, с темными волосами, заплетенными в две косы. Лоб невысокий, слегка округлый, брови ровные, красиво очерченные. Носик пока еще по-детски пуговичный, но со временем он изменит форму и станет очаровательно вздернутым. А вот решительный подбородок и прелестный, похожий на цветок пухлый розовый рот такими и останутся. Умный, пытливый взгляд карих глаз, которые без тени страха и смущения смотрят прямо на братьев. От стеснительности, которую Абра разыгрывала в доме, не осталось и следа.

— Не верится, что вы близнецы, — заявила девочка. — Ни капельки не похожи.

— Но мы — близнецы, — сказал Кэл.

— Да, близнецы, — отозвался эхом Арон.

— Не все близнецы похожи друг на друга, — настаивал Кэл.

— Многие совсем не похожи, — поддержал Арон. — Ли рассказал, в чем дело. Если близнецы

вышли из одного яйца, они похожи, а если из двух — нет.

— Мы с Ароном из двух яиц, — сообщил Кэл.

Абра снисходительно улыбнулась, слушая басни деревенских мальчишек.

— Из двух яиц! — хмыкнула девочка. — Надо же, из яиц, — повторила она негромко и совсем не грубо, но теория Ли зашаталась из стороны в сторону и от следующего удара с грохотом обрушилась: — Ну и кого из вас зажарили в глазунью, а кого сварили «в мешочке»?

Братья смущенно переглянулись. Они впервые в жизни столкнулись с неумолимой женской логикой, которая сокрушает все доводы, даже если сама не выдерживает никакой критики, и особенно если женщина заведомо не права. Для мальчиков это явление было совершенно новым, оно будоражило и пугало.

— Ли — китаец, — пояснил Кэл.

— Тогда понятно, — великодушно улыбнулась Абра. — Наверное, вы вылупились из китайских яиц, которые они складывают в гнездо.

Девочка выдержала паузу, чтобы ее слова достигли цели. Абра видела, что противник дрогнул и победа досталась ей. Теперь она безраздельно владела ситуацией.

— Пойдемте играть в старый дом, — предложил Арон. — Правда там крыша немного протекает, а так очень здорово.

Дети побежали в старый дом Санчеса под струйками воды, стекающими с дубов, и все вместе зашли в открытую дверь, которая жалобно заскрипела на проржавевших петлях.

Дом из необожженного кирпича снова пришел в упадок. Большая зала, занимающая всю переднюю часть, оштукатурена лишь наполовину, да так и брошена, с тех пор как уволили рабочих более десяти лет назад. Оконные рамы заменили, но застеклить не успели, и окна зияют пустыми глазницами. Заново настланный пол от сырости покрылся пятнами, а в углу навалена грудой бумага и разбросаны потемневшие от времени мешочки с проржавевшими гвоздями.

Едва дети ступили на порог, как из глубины дома вылетела летучая мышь, метнулась серой тенью и исчезла в дверном проеме.

Мальчики повели Абру по всему дому, открывая стенные шкафы и чуланы, где хранились так и не распакованные раковины, унитазы и люстры, словно ожидая, что когда-нибудь наступит и их час. Воздух пропитался запахом плесени и отсыревшей бумаги. Дети шли на цыпочках и не

разговаривали, боясь потревожить эхо, мгновенно разносившееся по пустому дому.

Завершив обход, они вернулись в залу.

— Ну как, нравится? — спросил у гостьи Арон.

— Да-а-а, — неуверенно протянула девочка.

— Мы здесь иногда играем, — с напускной смелостью сообщил Кэл. — Если хочешь, можешь прийти к нам в гости. Поиграем вместе.

— Я живу в Салинасе, — заявила Абра, и по тону, каким были произнесены эти слова, братья поняли, что имеют дело с существом высшего порядка, у которого нет времени для примитивных сельских радостей.

Абра тут же сообразила, что низвергла с пьедестала главное сокровище мальчиков, и хотя считала мужскую половину человечества созданиями слабыми с массой недостатков, все же относилась к ним с симпатией. А кроме того, она ведь воспитана как настоящая леди.

— Как-нибудь, когда буду проезжать мимо, приду к вам поиграть. Ненадолго, — великодушно пообещала девочка, и братья прониклись к ней чувством благодарности.

— Я подарю тебе своего кролика, — неожиданно заявил Кэл. — Хотел подарить отцу, но лучше тебе.

— Какого кролика?

— Мы его застрелили сегодня. Стрела вошла в самое сердце, он и лапкой дернуть не успел.

Арон с возмущением уставился на брата:

— Но это мой…

— Отвезешь его домой, — не дал договорить Кэл. — Он очень большой.

— И что я стану делать с грязным, перепачканным кровью кроликом? — удивилась Абра.

— Я его вымою, запакую в коробку и перевяжу веревкой, — предложил Арон. — Если не захочешь его съесть, можешь устроить похороны, когда улучишь свободную минутку. У себя, в Салинасе…

— Я уже хожу на настоящие похороны, — сообщила Абра. — Только вчера была. А цветов на могиле — целая гора!

— Значит, не хочешь взять нашего кролика? — обиделся Арон.

Абра глянула на золотистые завитки волос, полные слез глаза, и в ее груди шевельнулось обжигающее, щемящее чувство зарождающейся любви. Девочке вдруг захотелось прикоснуться к Арону. Так она и поступила. Взяв мальчика за руку, Абра ощутила пальцами дрожь.

— Ну, если запакуешь его в коробку, — мило-

стиво согласилась она.

Одержав победу, Абра стала присматриваться к поверженным противникам. Теперь, когда мужское сопротивление подавлено, задаваться нет смысла, и девочка прониклась великодушием и жалостью к поникшим братьям. Она заметила поношенную, застиранную одежду, всю в заплатках, поставленных Ли, и вспомнила сказки о бедных сиротах.

— Ах вы, бедняжки, — начала Абра проникновенным голосом. — Отец, наверное, вас бьет?

Братья дружно покачали головами. Слова девочки вызывали интерес и одновременно приводили в замешательство.

— Вы живете в нищете? — не унималась Абра.

— Какой нищете? — не понял Кэл.

— Ну, таскаете воду и хворост, сидите перепачканные в золе?

— Что еще за хворост? — изумился Арон.

— Бедные детки, — продолжала Абра, словно не замечая удивления братьев. В этот момент она казалась себе сказочной феей, которая держит в руке волшебную палочку, увенчанную сверкающей звездой. — А злая мачеха вас ненавидит и хочет извести, верно?

— Да нет у нас никакой мачехи, — возразил

Кэл.

— Ни мачехи, ни матери, — поддержал брата Арон. — Наша мама умерла.

Его слова разрушили красивую сказку, которую успела придумать Абра, но девочка тут же сочинила другую сердцещипательную историю. Волшебная палочка исчезла, а вместо нее появилась широкополая шляпа со страусовым пером и огромная корзинка, из которой выглядывает индюшачья нога.

— Горькие вы сиротинушки, — ласково пропела девочка. — Я стану вам мамой, буду качать вас на руках и рассказывать сказки.

— Мы для тебя великоваты, — заметил Кэл. — Еще рухнешь со стула вместе с нами.

Возмущенная грубостью Кэла, Абра отвернулась. А вот Арона ее история увлекла. Глаза мальчика светились улыбкой, будто Абра уже и правда качает его на руках. И снова в душе девочки шевельнулось щемящее чувство жалости и любви.

— Скажите, а вашу маму пышно хоронили? — ласково спросила она.

— Не помним, — откликнулся Арон. — Мы тогда были совсем маленькие.

— А где же она похоронена? Можно приносить

цветы ей на могилу. Мы всегда носим цветы на могилу бабушки и дяди Альберта.

— Мы не знаем, — снова ответил Арон.

В глазах Кэла появилась живая заинтересованность, которая была сродни торжеству.

— Я спрошу у отца, где ее могилка, чтобы мы могли приносить туда цветочки, — с наивным видом сказал он.

— И я с вами схожу, — обрадовалась Абра. — Я умею делать венки. Хотите, и вас научу.

Тут девочка обратила внимание на молчание Арона.

— Разве ты не хочешь, чтобы я сделала венок?

— Хочу, — откликнулся он.

Девочке снова захотелось прикоснуться к Арону. Она ласково потрепала его по плечу, погладила по щеке:

— Твоей маме это понравится. Умершие люди смотрят на нас с небес и все видят. Так говорит папа. Он и стихотворение об этом знает.

— Пойду запакую кролика, — сказал Арон. — У меня есть подходящая коробка из-под брюк. — Он выбежал из старого дома, а Кэл, улыбаясь, смотрел ему вслед.

— Над чем ты смеешься? — удивилась Абра.

— Да так, ни над чем, — отозвался мальчик,

глядя на нее в упор.

Ей очень хотелось заставить Кэла опустить глаза. В таких делах Абра имела богатый опыт, но он и не думал отводить взгляд. Первоначальная робость, которую Кэл испытывал в обществе Абры, прошла, и теперь он, торжествуя, наблюдал, как рушится ее власть. Именно это и вызвало смех. Кэл сразу понял, что девочка отдает предпочтение брату, но ничего нового тут не было. Почти всем больше нравился Арон с его золотистыми кудрями, открытым нравом и щенячьей непосредственностью. Кэл же глубоко прятал свои чувства, лишь временами позволяя им выглянуть наружу, чтобы тут же убрать или нанести удар. Он уже начал наказывать Абру за симпатию к брату, и это тоже было не впервой. Кэл практиковал излюбленный метод, с тех пор как обнаружил в себе способность наказывать. Вынашивание тайной мести превратилось у него в творческий процесс.

Пожалуй, разницу между двумя братьями лучше всего описать следующим образом. Обнаружив на полянке муравейник, Арон ложился на живот и наблюдал за многотрудной муравьиной жизнью: одни тащат еду по протоптанным тропам, другие — переносят белые яйца. При

встрече два муравья касаются друг друга усиками и о чем-то беседуют. Арон мог часами лежать на земле и следить за сложным укладом жизни муравейника.

Если же муравейник попадался на пути у Кэла, он тут же безжалостно разрушал муравьиное жилище, с интересом наблюдая, как обезумевшие от горя обитатели сражаются с постигшим их несчастьем. Арон стремился стать частью окружающего мира, слиться с ним воедино, Кэлу же непременно требовалось его преобразовать.

Кэл давно примирился с фактом, что Арон нравится людям больше, но мальчик изобрел средство, приносящее удовлетворение. Он строил план и терпеливо выжидал, когда любующийся братом человек выкажет свою слабость, и тогда наносил удар по уязвимому месту, а жертва и не догадывалась, что и по какой причине происходит. Месть давала возможность ощутить свою власть, и это приносило радость. Более сильного и всепоглощающего чувства Кэл не испытывал. Он не питал неприязни к брату, наоборот, любил его, так как именно Арон и являлся причиной его торжества. Он уже и сам не помнил, если вообще когда-либо осознавал, что наказывает людей, желая им нравиться так же, как Арон. Со време-

нем он уже не хотел оказаться на месте брата, предпочитая любви окружающих собственные тайные радости.

Своим прикосновением к Арону, ласковым голосом Абра разожгла в душе Кэла желание наказывать. Реакция была мгновенной, мозг заработал, отыскивая слабые стороны девочки, и так навострился в этом деле, что сразу же их обнаружил из слов самой Абры. Обычно дети недовольны своим возрастом: одни хотят оставаться малышами, а другие рвутся во взрослые. Абре хотелось стать взрослой. Она заимствовала из речи взрослых слова, подражала их манерам и чувствам. Расставшись с младенчеством, девочка еще не успела приобщиться к миру взрослых, которым так восторгалась. Кэл уловил слабость Абры и получил орудие, с помощью которого можно разрушить воздвигнутый ею муравейник.

Кэл понимал, что на поиски коробки и упаковку кролика уйдет довольно много времени. Он мысленно представил, как Арон смывает с кролика кровь. Это тоже требует времени. Потом еще надо отыскать тесьму, аккуратно перевязать коробку да еще завязать бантик. А тем временем чутье подсказывало Кэлу, что он начинает одер-

живать победу. Уверенность девочки заметно пошатнулась, и он знал, как закрепить успех.

Наконец Абра не выдержала и отвела взгляд.

— Что за манера пялиться на людей? — возмутилась она.

Кэл измерил девочку равнодушным взглядом с ног до головы, будто пред ним стул. По собственному опыту он знал, что таким образом можно смутить даже взрослого.

И Абра не выдержала:

— У меня что, волосы зеленые?

— Ты ходишь в школу? — не отвечая на вопрос, поинтересовался Кэл.

— Разумеется.

— В какой класс?

— В пятый.

— А сколько тебе лет?

— Скоро одиннадцать.

Кэл снова рассмеялся.

— Да что тут смешного? — рассердилась девочка, но Кэл не удостоил ее ответом. — Ну же, признавайся, над чем смеешься? — Ответа снова не последовало. — Воображаешь себя большим умником, да? — съязвила Абра, но, глядя на смеющегося Кэла, смущенно заметила: — Что-то твой брат долго возится. Посмотри, дождь уже

закончился.

— Думаю, он сейчас кое-что ищет, — сказал Кэл.

— Ты имеешь в виду кролика?

— Нет, кролик никуда не делся, он же мертвый. Но похоже, он никак не поймает кое-кого еще. А она все не дается.

— Кого не поймает? Кто не дается?

— Арон не велел говорить. Хочет сделать сюрприз. Поймал еще в прошлую пятницу. Она его тяпнула за палец.

— О ком ты говоришь?

— Сама увидишь, когда откроешь коробку, — с заговорщическим видом сообщил Кэл. — Бьюсь об заклад, он попросит не открывать коробку сразу. — Это была не просто догадка. Кэл хорошо изучил характер брата.

Абра понимала, что проигрывает не только сражение, но и военную кампанию в целом. В душе зарождалась ненависть к этому мальчишке. Она мысленно перебирала все убийственные по остроумию реплики и тут же отбрасывала их в сторону за ненадобностью, чувствуя, что они не возымеют должного действия. Злясь на свою беспомощность, девочка вышла на крыльцо и бросила взгляд в сторону дома, где родители

пили чай.

— Пожалуй, вернусь, — тихо обронила она.

— Подожди, — попросил Кэл, идя за ней следом.

— Чего тебе? — холодно поинтересовалась Абра, когда мальчик поравнялся с ней.

— Не злись на меня, — сказал он примирительным тоном. — Тебе невдомек, что здесь творится. Видела бы, какая у брата спина.

Внезапная перемена в поведении Кэла обескуражила девочку, а тот, чувствуя ее пристрастие к романтическим историям, не дал времени опомниться. Кэл говорил тихо, напустив на себя таинственный вид, и Абра тоже непроизвольно понизила голос, подстраиваясь под него:

— А что случилось с его спиной?

— Вся в шрамах. Живого места нет, — сообщил Кэл. — А все китаец.

По телу Абры пробежали мурашки. Ее так и распирало от любопытства.

— Он что, бьет Арона?

— Ладно бы только бил, — уклончиво ответил Кэл.

— Почему же вы не скажете отцу?

— Боимся. Знаешь, что произойдет, если мы проговоримся?

— Нет, а что?

— Нет, — покачал головой Кэл, словно раздумывая. — Даже язык не поворачивается тебе рассказать.

В этот момент из конюшни вышел Ли. Китаец вел лошадь Бейконов, запряженную в высокую изящную коляску на резиновых шинах. Супруги Бейконы вышли на крыльцо и непроизвольно перевели взгляд на небо.

— Сейчас ничего не могу сказать, — прошептал Кэл. — А то китаец догадается.

— Абра! — позвала миссис Бейкон. — Поторапливайся, мы уезжаем!

Пока даму подсаживали в коляску, Ли держал под уздцы норовистую лошадь.

Из дома выбежал Арон. Он держал в руках картонную коробку, затейливо перевязанную тесьмой и украшенную бантиками. Мальчик протянул коробку Абре:

— Вот, — сказал он, задыхаясь. — Только не развязывай сейчас. Откроешь дома.

От Кэла не ускользнула гримаса отвращения на лице Абры. Девочка отдернула руку.

— Ну же, бери, милая, — обратился к дочери мистер Бейкон. — Надо торопиться. Мы и так припозднились. — С этими словами он сунул

коробку девочке.

Кэл подошел к Абре.

— Дай-ка шепну пару слов. — Он наклонился к уху девочки: — Ты от страха наделала в штаны.

Абра вспыхнула и надвинула на лоб шляпку. Миссис Бейкон схватила дочь под мышки и усадила в коляску.

Ли, Адам и близнецы смотрели, как лошадь тронулась с места и перешла на мелкую рысь. Коляска не успела доехать до первого поворота, когда рука Абры взметнулась вверх, и коробка упала на дорогу. Кэл следил за лицом брата, видел полные горя глаза Арона. Адам вернулся в дом, а Ли с миской зерна в руках отправился кормить кур. Кэл выждал момент и обнял брата за плечи, желая приободрить.

— Я хотел на ней жениться, — признался Арон. — Вложил в коробку письмо, в котором прошу ее руки.

— Не грусти, — принялся утешать Кэл. — Я дам тебе пострелять из своей винтовки.

Арон живо повернулся к брату:

— Нет у тебя никакой винтовки.

— Ты так думаешь? А вдруг да есть?

Глава 28
1

Только за ужином мальчики обнаружили произошедшую с отцом перемену. Всю жизнь он воспринимался как нечто далекое, отстраненное. Он слышал сыновей, но не вслушивался в их слова, смотрел, не замечая их присутствия. Не отец, а призрачное облако. Мальчики не привыкли делиться с Адамом своими интересами и открытиями, рассказывать о нуждах. Единственным связующим звеном с миром взрослых стал Ли, который не только их растил, кормил, одевал и приучал к порядку, но также внушил уважение к отцу. А тот оставался для детей тайной. Его желания и распоряжения мальчикам передавал Ли и, разумеется, придумывал их сам, но приписывал Адаму.

В тот вечер, когда Адам вернулся из Салинаса, братьев сначала удивило, а потом смутило внимание отца. Он слушал сыновей, задавал вопросы и не смотрел на них как на пустое место. От такой перемены дети оробели.

— Слышал, вы сегодня охотились, — обратился

Адам к сыновьям.

Мальчики насторожились. Все новое всегда настораживает людей. Немного помолчав, Арон ответил:

— Да, отец.

— И какова добыча?

— Кролик.

— Из лука застрелили? Кто же попал в цель?

— Мы оба стреляли, — сказал Арон. — Не знаем, чья стрела попала в цель.

— Разве вы не знаете свои стрелы? — удивился Адам. — Мы в детстве всегда свои помечали.

На сей раз Арон промолчал из страха навлечь на себя неприятности, а Кэл, выдержав паузу, сообщил:

— Вообще-то стрела моя, но мы решили, что она случайно попала в колчан к Арону.

— Что навело вас на такую мысль?

— Не знаю, — замялся Кэл. — Однако думаю, кролика застрелил Арон.

— А ты что скажешь? — Адам перевел взгляд на второго сына.

— Наверное, я его убил. Но точно не знаю.

— Что ж, вы оба оказались на высоте.

С лиц мальчиков исчезло тревожное выражение. Похоже, никакой ловушки нет.

— И где же кролик? — поинтересовался Адам.

— Арон подарил его Абре, — доложил Кэл.

— А она его выбросила, — признался Арон.

— Почему?

— Не знаю. А я хотел на ней жениться.

— Жениться?

— Да, отец.

— А ты что скажешь, Кэл?

— Да пусть себе женится, — великодушно согласился Кэл.

Адам рассмеялся. Дети никогда не видели отца смеющимся.

— Хорошая девочка? — спросил он.

— Да, очень, — живо откликнулся Арон. — И такая добрая. И вообще… славная.

— Ну, тогда с удовольствием возьму ее себе в невестки.

Ли убрал со стола и, погремев на кухне посудой, вернулся в гостиную.

— Пора спать, ребята, — обратился он к братьям.

Мальчики с протестующим видом насупились.

— Пусть посидят еще немного, — предложил Адам. — И ты присаживайся.

— Я привел в порядок счета. Можем их потом просмотреть, — сообщил Ли.

— Какие счета, Ли? — удивился Адам.

— По дому и по ранчо. Вы же сказали, что хотите знать, какими располагаете средствами.

— Все расчеты за десять с лишним лет? Не может быть, Ли!

— Вы же раньше не хотели себя обременять.

— Ты прав. А сейчас посиди немножко с нами. Знаешь, Арон надумал жениться на девочке, что гостила у нас сегодня.

— Уже и помолвка состоялась? — осведомился Ли.

— По-моему, она еще не приняла предложения, так что у нас есть время для размышлений.

Кэл быстро освоился с переменами в доме, благоговейный трепет исчез, и он наметанным глазом изучал новый муравейник, соображая, как бы его половчее разрушить. Решение пришло само собой.

— Абра и правда славная девочка, — сказал он. — Мне очень понравилась. А знаете, почему? Она сказала, спросите, мол, у отца, где могила вашей мамы. Тогда мы сможем отнести туда цветы.

— Правда, отнесем, отец? — умоляющим голосом спросил Арон. — Абра сказала, что научит нас делать венки.

Мысли Адама разбегались в разные стороны. Врать он не умел и никогда не пытался. Пришедший на ум ответ сам собой сорвался с языка, пугая простотой:

— Должен вас огорчить, ребята. Вашу мать похоронили на другом конце страны, в ее родных местах.

— Почему? — удивился Арон.

— Ну, некоторые люди просят похоронить их на родине.

— Как же ее туда отвезли? — спросил Кэл.

— Погрузили гроб в поезд и отправили в ее родные края.

— У китайцев поступают так же, — кивнул Ли. — После смерти почти всех покойников отправляют в Китай.

— Да, ты нам рассказывал, — согласился Арон.

— Неужели?

— Точно рассказывал, — подтвердил Кэл, испытывая смутное разочарование.

Адам быстро переменил тему разговора:

— Сегодня утром мистер Бейкон дал мне один совет, и я хочу, чтобы вы, мальчики, хорошенько над ним подумали. Он считает, что нам лучше переехать в Салинас. Там хорошие школы и много детей, с которыми можно играть.

Новость потрясла близнецов.

— А что будет здесь? — спросил Кэл.

— Ну, ранчо мы оставим за собой, на случай, если захотим вернуться.

— В Салинасе живет Абра, — прошептал Арон.

Для него этот факт решал все дело. Мальчик уже забыл о выброшенной на дорогу коробке с кроликом. В памяти остался только изящный фартучек, шляпка и нежное прикосновение тонких пальчиков.

— Подумайте над моими словами, — предложил Адам. — А теперь, пожалуй, вам и впрямь пора спать. Почему вы сегодня не пошли в школу?

— Учительница заболела, — ответил Арон.

— Да, мисс Галп уже три дня болеет, — подтвердил Ли. — До понедельника в школу ходить не надо. Отправляйтесь-ка спать, ребята.

Братья послушно последовали за китайцем.

2

Адам сидел, глядя на лампу и постукивая себя по колену указательным пальцем. На его губах застыла странная улыбка. Вскоре вернулся Ли.

— Мальчикам что-то известно? — обратился он

с вопросом к китайцу.

— Не знаю, — честно признался Ли.

— Может быть, их навели на мысль о матери слова той девчушки?

Ли сходил на кухню и вернулся с большой картонной коробкой в руках.

— Вот счета. Пачки за каждый год в отдельности перетянуты резинкой. Я проверил. Тут все счета.

— За десять с лишним лет?

— На каждый год заведена отдельная тетрадь. Оплаченные счета и квитанции за все. Вы хотели знать свое материальное положение. Тут вы найдете ответы на любой вопрос. Вы действительно собираетесь переезжать?

— Да, подумываю.

— В таком случае найдите способ рассказать сыновьям правду.

— Но тогда, Ли, я отниму у них светлый образ матери.

— А о другой опасности вы не задумывались?

— О какой, Ли?

— А вдруг они нечаянно узнают правду, которая известна многим людям?

— Ну, может быть, когда они станут старше, легче переживут это открытие.

— Не верю, — заявил китаец. — Но и эта угроза

не самая страшная.

— Не пойму, о чем ты, Ли.

— Я говорю о *лжи*, которая может отравить своим ядом все вокруг. Если сыновья обнаружат, что вы им лгали о матери, то ничему другому уже не поверят, будь это трижды правдой. Их вера умрет.

— Понимаю. Но что я им скажу? Открыть всю правду нельзя.

— Тогда расскажите хотя бы часть, чтобы они меньше страдали, когда узнают все.

— Я должен подумать, Ли.

— С переездом в Салинас опасность возрастает.

— Я же сказал, надо подумать.

— Отец открыл мне правду о матери, когда я был совсем маленьким, не щадя моих чувств, — не унимался Ли. — И по мере взросления неоднократно повторял свой рассказ. Конечно, у нас другая история, но она тоже не менее ужасна. Я рад, что отец мне все рассказал. Оставаться в неведении гораздо хуже.

— А мне не хочешь рассказать?

— Нет, не хочу. Но мой рассказ, возможно, убедит вас изменить свое отношение. Ну, например, скажите, что она уехала и вам неизвестно, где она сейчас находится.

— Но я ведь знаю.

— В том-то и беда. Либо чистая правда, либо частичная ложь. Ну, заставить вас я не могу.

— Я подумаю, — повторил Адам. — А что за история с твоей матерью?

— Вам действительно интересно?

— Только если сам захочешь мне рассказать.

— Буду краток. Мое первое детское воспоминание связано с убогой темной лачугой посреди картофельного поля, где мы жили с отцом. И тут же на память приходит другое воспоминание о том, как отец рассказывает историю матери. Мы разговаривали на кантонском диалекте, но о матери он всегда рассказывал на благородном мандаринском наречии. Что ж, послушайте и вы…

И Ли погрузился в воспоминания:

— Вам следует знать, что во время строительства железных дорог на Западе самую тяжелую работу по сооружению железнодорожного полотна, укладке шпал и рельсов выполняли тысячи китайцев. Их труд стоил дешево, работали они до седьмого пота, а если и умирали, то никто за это не отвечал. Рабочих привозили главным образом из Кантона, так как жители этой провинции невысокого роста и отличаются силой и

выносливостью. Кроме того, у них уживчивый нрав. Людей нанимали работать по контракту, и судьба отца сложилась, как у многих его соплеменников.

Надо также упомянуть, что каждый китаец должен расплатиться со всеми долгами ко дню празднования нашего Нового года и вступить в следующий год с чистой совестью. В противном случае он навлечет позор не только на себя, но и на всю семью. Никакие отговорки во внимание не принимаются.

— Хороший обычай, — одобрил Адам.

— Хороший или плохой, но дело обстоит именно так. Удача изменила отцу, и он не сумел расплатиться с долгами. Все семейство собралось на совет, чтобы обсудить создавшееся положение. А семья наша всеми уважаемая. В невезении никто не виноват, но неоплаченный долг ложится пятном на всю семью. Родственники выплатили долг отца с тем, чтобы он впоследствии вернул деньги. Но возвращать ему было нечего.

Вербовщики железнодорожных компаний при подписании контракта сразу же выплачивали рабочему солидную сумму, завлекая в свои сети множество людей, погрязших в долгах. Такой выход считался разумным и достойным. И все бы

ничего, да тут приключилась еще одна беда.

Отец был человек молодой и недавно женился. Он горячо и нежно любил жену, а та, как я теперь понимаю, просто души в нем не чаяла. Тем не менее, когда пришло время, они простились по старому китайскому обычаю в присутствии глав нашего рода. Мне часто приходит на ум, что добрые традиции смягчают боль и не дают сердцу разорваться от горя.

Толпы людей загнали, как скот, в грузовой трюм корабля, где им предстояло проделать путь до Сан-Франциско, длившийся шесть недель. Можете себе представить, как им жилось в этой норе. Однако груз требовалось доставить в пригодном для работы состоянии, поэтому обращались с рабочими неплохо. Мой народ привык веками жить в тесноте и умудряется в самых невыносимых условиях оставаться опрятным и не умереть с голоду.

Прошла неделя морского путешествия, когда отец обнаружил, что жена находится здесь же, на корабле. Она оделась в мужское платье и заплела косу по-мужски. Затаилась и сидела тихо, как мышка. В то время не было ни медосмотров, ни прививок. Она придвинула циновку поближе к отцу, и теперь супруги могли перешептываться

в темноте. Отец разгневался на жену за непослушание, а в душе радовался.

Вот как все получилось. Отец с матерью были обречены на пятилетний каторжный труд. Им и в голову не приходило сбежать по прибытии в Америку. Ведь они люди порядочные и подписали контракт.

Ли ненадолго замолчал.

— Думал, расскажу в двух словах, — продолжил он. — Но ведь вы не знаете предыстории. Схожу, пожалуй, за водой. Вам тоже принести?

— Будь добр, принеси и мне. Знаешь, Ли, одного я никак не пойму: как могла женщина выполнять такую тяжелую работу?

— Сейчас вернусь, — сказал Ли и ушел на кухню. Вскоре он вернулся с двумя чашками воды и поставил на стол. — Так что вы хотели спросить? — осведомился он.

— Как твоя мать справлялась с мужской работой?

Ли улыбнулся:

— Отец говорил, она была сильной женщиной. Мне думается, женщина превзойдет силой любого мужчину, особенно если в ее сердце живет любовь. Ничто в мире не способно сломить любящую женщину.

Адам только поморщился в ответ.

— Когда-нибудь вы сами в этом убедитесь, — заверил китаец.

— Да нет, я ничего плохого не подумал. Разве можно судить обо всех женщинах по одной? Продолжай свой рассказ.

— За время долгого и тяжкого путешествия мать умолчала только об одном. Многие люди на корабле страдали от морской болезни, и на ее недомогание никто не обратил внимания.

— Неужели она была беременна?! — воскликнул Адам.

— Да, беременна. Но она не хотела взваливать на плечи отца еще одну заботу.

— А она знала о беременности, когда проникла на корабль?

— Нет, не знала. Я выбрал самое неподходящее время для прихода в этот мир. Да и рассказ мой получился слишком длинным.

— Нет уж, теперь продолжай. Не останавливаться же на середине.

— Пожалуй. В Сан-Франциско живым грузом набили вагоны для скота, и паровозы, пыхтя, повезли их в горы. Рабочим предстояло выравнивать холмы и рыть туннели под горными вершинами. Отца и мать погрузили в разные

вагоны, и встретились они только в лагере для рабочих, который расположился на горном лугу. Красиво там было. Повсюду зеленая трава, цветы и горы со снежными вершинами. Только тогда мать рассказала обо мне.

Они начали работать. У женщин мышцы становятся крепкими, как и у мужчин, а мать к тому же обладала сильным духом. Она выполняла всю работу, что требовалось: долбила землю киркой, копала лопатой. Должно быть, жизнь превратилась для нее в кошмар. Но страшнее всего была мысль о предстоящих родах.

— Неужели твои родители были такими невежественными? — удивился Адам. — Почему они не обратились к начальству и не признались, что она женщина, да к тому же беременная? Твоей матери непременно оказали бы необходимую помощь.

— Вот видите, снова приходится объяснять. Потому-то и длинен мой рассказ. Не были родители невежественными. Людей, как рабочий скот, везли с одной целью — трудиться. А по окончании работ тех, кто выжил, отправляли обратно на родину. Потому-то и вербовали только мужчин, а женщин не брали. Америке ни к чему, чтобы они здесь плодились. А семья, состоящая из мужа,

жены и ребенка, всегда норовит осесть, пустить корни и обзавестись домом. Попробуй потом их выкорчевать. Иное дело толпа мужчин, охваченных похотливыми желаниями, обезумевших от одиночества и отсутствия женской ласки. Они готовы отправиться куда угодно, особенно домой. И вот мать оказалась единственной женщиной среди толпы одичавших мужчин. Чем дольше они работали и жили в лагере, тем больше доставляли хлопот хозяевам. Начальство смотрело на рабочих как на диких зверей, которые, выйдя из повиновения, становятся опасными. Теперь понимаете, почему мать не обратилась за помощью? Ее просто выбросили бы из лагеря, и кто знает, может быть, пристрелили, как больную корову. Ведь застрелили же пятнадцать человек за строптивое поведение.

Нет, родители затаились и помалкивали, как свойственно моему бедному народу. Наверное, можно жить и по-другому, да только нам это никак не удается. Всегда одно и то же: кнут, веревка и ружье. Ох, не стоило мне рассказывать…

— Почему же не стоило? — удивился Адам.

— Да все стоит перед глазами лицо отца, когда он рассказывал эту историю мне. Он заново переживал давнее горе, и раны снова начинали

кровоточить. Отец прерывал рассказ, а потом, взяв себя в руки, продолжал, и слова его были суровыми и беспощадными, словно он стегал себя хлыстом.

Родители держались вместе, так как отец выдал жену за своего племянника. Шли месяцы. К счастью, живот у матери был небольшой, и она продолжала работать, несмотря на боль. Отец старался помочь, объясняя окружающим, что племянник слишком молод и кости у него еще хрупкие. Никаких планов на будущее у родителей не было. Они просто не знали, что делать.

В конце концов отец кое-что придумал. Они убегут на один из высокогорных лугов и там, у озера, построят шалаш, где можно принять роды. А когда мать благополучно разрешится от бремени, отец вернется и понесет полагающуюся кару, подпишет контракт еще на пять лет, чтобы расплатиться за преступление племянника. Как ни убог был план побега, другого выхода не виделось, и перед родителями забрезжила надежда. Теперь надо было выбрать подходящий момент и запастись едой.

— Мои родители… — продолжил Ли и умолк, улыбаясь дорогому его сердцу слову, — мои дорогие родители стали готовиться к побегу. Они

откладывали часть дневной порции риса под тюфяк, а отец нашел кусок бечевки и соорудил из проволоки крючок, так как в горных озерах водится форель. Он перестал курить и собирал спички, которые выдавались рабочим. А мать подбирала каждый клочок ткани, любую тряпицу, вытаскивала по краям нитки и лучинкой вместо иглы сшивала лоскутки, чтобы сделать для меня пеленки. Как жаль, что я не знал своей матери.

— И мне тоже, — откликнулся Адам. — А ты рассказывал историю своих родителей Сэму Гамильтону?

— Нет, о чем сейчас сожалею. Он любил, когда прославляют человеческую душу. Будто сам одерживал победу, и это был для него настоящий праздник.

— Хоть бы они добрались до озера, — сказал Адам.

— Понимаю ваши чувства. Во время рассказа я говорил отцу: «Отведи туда мать. Пусть на этот раз несчастье не случится. Хоть один разок расскажи, как ты привел ее к озеру и построил из пихтовых веток шалаш». И тогда в отце пробуждался истинный китаец, и на мою просьбу он отвечал: «В правде больше красоты, даже если

она наводит ужас. Сказители у городских ворот искажают картину жизни, чтобы она стала приятной для лентяев, глупцов и слабых духом. И такие рассказы только делают их еще немощнее, ничему не учат, ничего не исцеляют и не позволяют душе возвыситься».

— Досказывай уж, — сердито буркнул Адам.

Ли встал и, подойдя к окну, закончил рассказ, глядя на звезды, мерцающие на мартовском ветру:

— Скатившимся с пригорка булыжником отцу сломало ногу. Ему наложили лубок и дали легкую работу: выравнивать молотком согнутые гвозди. То ли из-за тревоги об отце, то ли от тяжкого труда, теперь уже все равно, у матери начались преждевременные роды. И когда об этом узнала наполовину обезумевшая толпа мужчин, они окончательно лишились рассудка. Один голод влечет за собой другую низменную нужду, и каждое последующее злодеяние затмевает собой предыдущее. Все издевательства и лишения, обрушившиеся на изголодавшихся мужчин, разгорелись в непреодолимую, безумную жажду преступления.

Отец услышал крик «Женщина!» и все сразу понял. Попытался бежать, кость на сломанной ноге

хрустнула, и он пополз по каменистому склону к тому месту, где должно находиться дорожное полотно, где свершалось злодеяние.

Когда отец туда добрался, небо потемнело от скорби, и люди расползались в разные стороны, в надежде спрятаться и забыть, что они способны на такое. Отец нашел ее на груде сланца. Глаза уже ничего не видели, но губы еще шевелились, и мать объяснила, что надо делать. Отец вытащил меня из растерзанного тела, впиваясь в него ногтями. А днем она умерла на этой же куче.

Адам тяжело дышал, а Ли напевным голосом продолжил:

— Прежде чем возненавидеть этих людей, узнай вот что. Отец всегда так завершал свой рассказ: ни один ребенок не знал такой трепетной и нежной заботы, какая досталась мне. Весь лагерь стал мне матерью. Вот в этом и заключается красота, страшная, приводящая в ужас. А теперь спокойной ночи. Больше говорить нет сил.

3

Адам суетливо открывал ящики, обследовал полки и поднимал крышки на коробках и ящиках по всему дому. В конце концов пришлось снова

звать Ли.

— Где тут чернила и перо?

— У вас их и нет, — заметил Ли. — За долгие годы вы не написали ни слова. Если желаете, можете взять мои.

Китаец пошел к себе в комнату и принес широкую бутылочку с чернилами, ручку с толстым пером, стопку бумаги и конверт, которые положил на стол.

— Как ты догадался, что я собираюсь писать письмо? — удивился Адам.

— Хотите написать брату, верно?

— Да.

— Тяжело придется после столь долгого перерыва, — предположил Ли.

И оказался прав. Адам со страдальческим видом грыз ручку, чесал ею затылок, потом набрасывал на листке несколько предложений, комкал бумагу, и все повторялось сначала.

— Послушай, Ли, если я надумаю съездить на Восток, присмотришь за детьми до моего возвращения?

— Да, съездить легче, чем написать письмо. Разумеется, присмотрю.

— Нет, пожалуй, все-таки напишу.

— Почему не пригласить брата в гости?

— Хорошая мысль, Ли. А мне и в голову не приходило.

— Вот вам и повод, чтобы написать письмо, а это само по себе хорошо.

Дело с письмом пошло легче. После нескольких исправлений Адам переписал его начисто, прочитал еще раз и вложил в конверт.

Дорогой брат! – говорилось в письме. – *Ты* удивишься, *получив от меня весточку после стольких лет молчания. Много раз собирался тебе написать, да все откладывал. Сам понимаешь. Как ты там? Надеюсь, в добром здравии. Может, у тебя уже пяток, а то и десяток детишек? Ха-ха! А у меня двое сыновей-близнецов. Их мать с нами не живет. Деревенская жизнь ей не по душе, вот она и переехала в соседний город. Иногда мы с ней видимся.*

У меня замечательное ранчо, но, к своему стыду, я его запустил. Может, сейчас начну исправляться. Намерения-то у меня всегда были хорошими. Правда, я несколько лет проболел, *но теперь совсем выздоровел.*

А как ты поживаешь? Хотелось бы по-

видаться. Может, приедешь погостить? Места здесь прекрасные, и, может быть, тебе захочется здесь осесть. Зимой не холодно, а для таких стариков, как мы, это важно. Ха-ха!

Ладно, Чарльз, надеюсь, ты подумаешь над моим предложением и дашь знать. Путешествие пойдет тебе на пользу. А я очень хочу встретиться. Так много надо рассказать, о чем в письме не напишешь.

Послушай, Чарльз, напиши мне обо всех новостях, что произошли дома за эти годы. Наверное, много чего случилось. Мы стареем, и то и дело слышишь, что умер кто-то из знакомых. Ничего не поделаешь: так уж устроен мир. Ответь поскорее и сообщи, приедешь ли в гости. Твой брат Адам.

Адам сидел с письмом в руках, а перед глазами стояло мрачное лицо брата со шрамом на лбу. Карие глаза загорелись недобрым блеском, верхняя губа вздернулась, обнажая зубы, и вот уже скалится дикий зверь, охваченный слепой жаждой разрушения. Адам встряхнул головой, отгоняя видение, и попытался представить лицо

брата улыбающимся, без шрама на лбу, но память отказывалась повиноваться. Схватив перо, он сделал приписку: «PS. Чарльз, как бы там ни было, я никогда не испытывал к тебе ненависти и всегда любил, потому что ты — мой брат».

Адам сложил листок, пригладил сгибы ногтем и заклеил конверт, стукнув по нему кулаком.

— Ли! — позвал он. — Где ты, Ли?

Китаец заглянул в дверь.

— Ли, сколько времени письмо идет на Восток, в самую дальнюю часть, в Коннектикут?

— Не знаю, — ответил китаец. — Должно быть, недели две.

Глава 29
1

Отправив первое за десять с лишним лет письмо брату, Адам с нетерпением ждал ответа. Он потерял счет времени. Письмо еще не успело дойти до Сан-Франциско, а он уже донимал Ли вопросами:

— Почему он не отвечает? Может, злится на меня, что не писал? Но ведь и он не писал. Правда, Чарльз и не знал адреса. А может, он переехал?

— Потерпите, прошло всего несколько дней, — увещевал Ли.

— Интересно, соберется ли он в гости? — спрашивал себя Адам и задумывался, хочет ли он, чтобы Чарльз приехал на ранчо.

Отправив письмо, он испугался, что брат примет приглашение. Адам уподобился непоседливому ребенку, который тянется шаловливыми пальчиками ко всему, что плохо лежит. Он не давал покоя близнецам, донимая их вопросами о школе:

— Ну, и чему вас сегодня научили?

— Ничему особенному.

— Не может быть! Чему-то да научили. А вы сегодня читали?

— Да, отец.

— А что читали?

— Басню про кузнечика и муравья.

— Очень интересно.

— Есть еще рассказ, как орел похитил ребенка.

— Помню. Только забыл, чем дело кончилось.

— Мы еще не дочитали, только картинки смотрели.

Мальчиков поведение отца раздражало. Во время очередной неумелой попытки проявить отцовскую заботу Кэл позаимствовал у Адама перочинный нож в надежде, что тот о нем не вспомнит. Но к этому времени ветви ив налились соком, и с них стала легко сниматься кора. Адам потребовал нож обратно, загоревшись желанием научить сыновей делать свистки, хотя Ли показал, как это делается, еще три года назад. Хуже всего, что он сам забыл, как наносится надрез, и не сумел извлечь из них ни единого звука, хотя бы отдаленно напоминающего свист.

Как-то в полдень на новеньком «форде», с ревом подскакивающем на ухабах, приехал Уилл Гамильтон. Он включил первую передачу, и высокий верх машины раскачивался, как корабль

во время шторма. Медный радиатор и бак «Престолайт» на подножке слепили своим сиянием глаза.

Уилл потянул рычаг тормоза, заглушил двигатель и откинулся на спинку кожаного сиденья. Перегретый двигатель несколько раз сдетонировал.

— Вот и ваш красавец! — с деланным энтузиазмом воскликнул Уилл. Он люто ненавидел все «форды», но именно они с каждым днем увеличивали его состояние.

Адам и Ли наклонились над открытым капотом, а Уилл Гамильтон, тяжело пыхтя от избыточного веса, принялся объяснять работу механизма, в котором сам не разбирался.

Сегодня невозможно представить, каких трудов стоило завести машину, научиться водить и содержать ее в надлежащем порядке. Сложным был не только сам процесс, но и тот факт, что все приходилось начинать с нуля. Современные дети с колыбели впитывают принципы работы двигателя внутреннего сгорания, а в прежние времена человек заводил машину в полной уверенности, что она не сдвинется с места, и порой оказывался прав. Чтобы завести современный автомобиль, достаточно повернуть ключ зажига-

ния и включить стартер. Все остальное выполнит автоматика. В те далекие дни дело обстояло куда сложнее. Автомобилисту требовались не только хорошая память, сильные руки, ангельское терпение и безрассудная надежда, но также и некоторые навыки в практической магии, и в результате многие, прежде чем повернуть пусковую рукоятку «форда» модели «Т», плевали на землю, шепча заклинание.

Уилл Гамильтон объяснил, как следует обращаться с машиной, потом принялся растолковывать во второй раз. Его слушали с широко раскрытыми глазами, с большим интересом, чутко реагируя на каждое слово, будто терьеры. Оратора никто не прерывал, но, начав объяснять то же самое в третий раз, Уилл понял, что так дело не пойдет.

— Вот что я скажу! — бодро начал он. — Обучение разным тонкостям — не по моей части. Я просто хотел, чтобы вы на нее сначала посмотрели. Теперь я возвращаюсь в город и завтра пришлю машину вместе со специалистом, а уж он за пару минут расскажет вам больше, чем я за неделю.

Однако Уилл забыл собственные наставления и, как ни старался, не сумел завести двигатель. В

конце концов он взял у Адама повозку и лошадь и отправился в город, пообещав завтра же прислать механика.

2

О том, чтобы отправить близнецов в школу, на следующее утро не было и речи. Они все равно бы не пошли. «Форд» возвышался под дубом, где его оставил Уилл, угрюмый и надменный. Новые владельцы ходили вокруг него, время от времени поглаживая, словно хотели успокоить строптивого жеребца.

— Интересно, привыкну ли я когда-нибудь к этой штуке? — задумчиво изрек Ли.

— Непременно привыкнешь, — заверил Адам, однако в его голосе сквозило сомнение. — Сам не заметишь, как станешь разъезжать по всему округу.

— Попробую понять устройство, — согласился Ли. — Но водить — нет уж, увольте.

Дети сновали возле машины, хватались за что-нибудь и тут же отскакивали в сторону.

— А что это за штуковина, отец?

— Сейчас же уберите руки.

— Но зачем она?

— Не знаю, но все равно не трогайте. Кто знает, что может случиться.

— А тот человек разве не сказал?

— Не помню я, что он говорил. А теперь, ребята, отойдите от машины, или отправлю вас в школу. Слышишь, Кэл? Не смей открывать!

Сегодня встали рано, готовясь к приезду механика. К одиннадцати часам всех начала бить нервная дрожь. Механик приехал в пролетке как раз к полуденной трапезе. На нем были полуботинки с квадратными носами, брюки из блестящей ткани и широкий пиджак, доходивший почти до колен. Рядом в пролетке лежала сумка с рабочей одеждой и инструментом. Механику было девятнадцать лет, он жевал табак и после трехмесячного обучения в автошколе проникся томным презрением к роду человеческому. Сплюнув, он бросил вожжи Ли:

— Уведи эту клячу. И как вы только определяете, где у нее зад, а где перед? — Молодой человек сошел с пролетки с важностью посла, выходящего из дипломатического поезда. Презрительно хмыкнув в сторону близнецов, он сухо осведомился у Адама: — Надеюсь, я не опоздал к обеду?

Ли и Адам растерянно переглянулись. В суете они совсем забыли про обед.

В доме «небожитель», скрепя сердце, откушал бутерброды с сыром, холодное мясо с пирогом и выпил кофе с куском шоколадного торта.

— Я привык к горячим обедам, — сообщил он. — Если хотите сберечь машину, советую не подпускать к ней ребятишек.

После трапезы и короткого отдыха на веранде механик отправился в спальню Адама. Вскоре он появился снова, уже в полосатом комбинезоне и белой кепочке с надписью «Форд».

— Ну что, с «Руководством» ознакомились? — небрежно поинтересовался механик.

— С каким еще «Руководством»? — не понял Адам.

— Неужели не удосужились прочесть книжку, что лежит под сиденьем?

— Я и не знал, что она там, — признался Адам.

— Боже праведный! — вздохнул молодой человек, не скрывая недовольства. Всем видом давая понять, что предстоящая процедура требует недюжинного мужества, механик решительно направился к машине. — Что ж, приступим, — объявил он. — Одному Господу ведомо, сколько времени придется провозиться, раз вы не читали инструкций.

— Вчера мистер Гамильтон не смог ее заве-

сти, — сообщил Адам.

— Он всегда заводит ручкой, а аккумулятором не пользуется, — изрек юный умник. — Ладно, идите сюда. Знакомы с принципами работы двигателя внутреннего сгорания?

— Нет, — честно признался Адам.

— Господи Иисусе! — Он открыл жестяные створки капота. — Вот, смотрите. Это двигатель внутреннего сгорания.

— Совсем молодой, а такой эрудированный, — тихо восхитился Ли.

Парень быстро повернулся к китайцу и хмуро спросил:

— Что ты болтаешь? — А затем обратился к Адаму: — Что за чушь несет этот чинк?

Ли с вежливой улыбкой развел руки.

— Говолю, осень-осень умный, — спокойно пояснил он. — Велно колледз усился. Осень умный.

— Зовите меня просто Джо, — неожиданно попросил механик. — Колледж! Что они в колледжах знают? Может, умеют отрегулировать зажигание? Или зачистить надфилем контакт? Вот тебе и колледж!

Он с презрением сплюнул табачную жижу. Близнецы с восхищением взирали на молодого механика, а Кэл тут же стал накапливать слюну,

намереваясь потренироваться в плевках.

— Ли восхищается вашими познаниями, — пояснил Адам.

У парня пропало всякое желание дерзить, и он окончательно смягчился:

— Зовите меня Джо, — повторил механик. — Еще бы мне не знать! Я ведь ходил в автошколу в Чикаго. Настоящую школу, а не какой-то там колледж. — Немного помолчав, он добавил: — А знаете, мой папаша говорит, что хороший китаец, только если он действительно хороший, такой же человек, как и мы, ничем не хуже. Китайцы, они ведь честные.

— Но только не те, что из плохих, — возразил Ли.

— Черт возьми, конечно же! Я же говорю не о бандитах каких-нибудь, а о порядочных китайцах.

— Надеюсь, меня можно к ним причислить?

— Да, по-моему, ты — хороший китаец. Зови меня просто Джо.

Адама этот разговор озадачил, но близнецы восприняли его как должное.

— Зови меня просто Джо, — сказал Кэл Арону, словно опробуя фразу.

— Зови меня просто Джо, — беззвучно отклик-

нулся тот, отрабатывая губами каждое слово.

Механик снова принял деловой вид, но тон смягчил и разговаривал не с презрительной насмешкой, а вполне дружелюбно.

— Вот это — двигатель внутреннего сгорания.

Слушатели с благоговейным трепетом рассматривали уродливый кусок железа.

А юноша говорил все быстрее, и слова сливались в великую песнь, прославляющую новую эру:

— Работает от вспышки газа в замкнутой камере. Возникшая в результате вспышки сила давит на поршень, и через шатун, коленчатый вал и трансмиссию движение передается на задние колеса. Понятно? — Слушатели с отсутствующим видом кивали, боясь прервать этот поток красноречия. — А двигатели бывают двух типов: двухтактные и четырехтактные. Вот этот — четырехтактный. Уловили?

И все снова закивали, включая близнецов, которые с обожанием заглядывали в глаза новому кумиру.

— Как интересно, — заметил Адам.

— Главным отличием «фордов» от всех остальных марок автомобилей является планетарная передача, — тараторил Джо. Внезапно парень

замолчал, его лицо напряглось, и когда четверо слушателей снова согласно кивнули, предостерег: — Не воображайте, что теперь все знаете. И помните, что планетарная система — она ведь ревал… ревалцонная. Впрочем, сами прочтете в «Руководстве». А теперь, когда у вас есть общее понятие об автомобиле, перейдем к искусству вождения.

Последние слова парень произнес с особой торжественностью. Он явно радовался, что покончил с первой частью лекции, а уж удовольствие, которое испытали его слушатели, и словами не передать. Напряжение, вызванное желанием вникнуть в слова механика, дало о себе знать, к тому же дело усугублялось прискорбным фактом, что ученики не понимали ни единого слова из речи наставника.

— Подойдите ближе, — распорядился механик. — Видите? Это ключ зажигания. Повернешь его вот так, и машина заведется. А теперь подвинь эту штуковину влево. Так включается батарея. Видишь надпись «Бат.»? Сокращенно «батарея». — Все вытянули шеи, заглядывая в машину, а близнецы уже влезли на подножку.

— Нет, погодите. Я немного заскочил вперед. Сначала надо установить позднее зажигание и

подать газ, а не то так ударит, что и руку оторвет к чертям собачьим. Видите? Вот искра. Жмите вверх. Поняли? Вверх до упора. А это двигается вниз. А теперь буду объяснять и сразу показывать, так что следите внимательно. А вы, ребята, прочь с подножки! Вы заслоняете мне свет. Сказал же, слезайте!

Мальчики с явной неохотой спустились вниз, и теперь над дверцей виднелись только их глаза.

Механик сделал глубокий вдох.

— Ну что, готовы? Значит так, позднее зажигание, а потом подать газ. Искра вверх, газ — вниз. Теперь переключить на батарею — влево. Запомнили? Влево. — Автомобиль зажужжал, как гигантская пчела. — Слышите? Это контакт стартера. Если его нет, надо отрегулировать или зачистить надфилем. — Заметив на лице Адама испуг, он добродушно добавил: — Все, что надо, прочтете в книжке.

Затем механик подошел к машине спереди:

— Вот здесь пусковая рукоятка. А видите проволочку, что торчит из радиатора? Это дроссель. Следите внимательно, пока я показываю. Берете рукоятку и толкаете, пока не попадет в паз. Видите, большой палец смотрит вниз? А если ее обхватить всей рукой, при отдаче она сломает

этот самый палец. Ясно?

Механик не смотрел на слушателей, но точно знал, что они согласно кивают.

— А теперь, — продолжил он, — снова внимание! Вот я убираю подсос и поднимаю рукоятку вверх, пока не образуется сжатие, а затем тяну за проволочку и осторожно поворачиваю рукоятку, чтобы газ всасывался внутрь. Слышите шум? Будто всасывается воздух. Это открылся дроссель. Но сильно не вытаскивайте, а не то получится перелив. Теперь я отпускаю проволочку, и пусть себе крутится, а пока она не остановилась, я бегу и включаю зажигание и убираю газ и быстро перевожу переключатель на магнето. Видите надпись «Маг.»? Вот и все, готово.

Слушатели совсем сникли. Столько трудов, чтобы запустить двигатель.

А парень все не унимался:

— А сейчас повторяйте за мной, чтобы лучше запоминалось: зажигание включить, газ убавить.

— Зажигание включить, газ убавить, — послушно повторили все хором.

— Переключить на батарею.

— Переключить на батарею.

— Повернуть рукоятку до сжатия, большой палец вниз.

— Повернуть рукоятку до сжатия, большой палец вниз.

— Потянуть за проволочку, открыть дроссель.

— Потянуть за проволочку, открыть дроссель.

— Крутим рукоятку.

— Крутим рукоятку.

— Зажигание выключить, подать газ.

— Зажигание выключить, подать газ.

— Переключить на магнето.

— Переключить на магнето.

— Повторим еще раз. Зовите меня просто Джо.

— Зовем вас просто Джо.

— Да нет, не то. Зажигание включить, газ убавить.

После четвертого раза Адам не на шутку затосковал. Весь процесс казался глупым и бессмысленным, и он с облегчением вздохнул, когда через некоторое время появился Уилл Гамильтон на низком красном «родстере» щегольского вида. Молодой механик с восхищением смотрел на приближающийся автомобиль.

— У этой штучки шестнадцать клапанов, — заметил он с почтением. — Спецзаказ.

— Ну, как дела? — поинтересовался Уилл, выглядывая из машины.

— Отлично, — отозвался механик. — Схваты-

вают на лету.

— Послушай, Рой, я ведь за тобой приехал. У нового катафалка полетел подшипник. Придется тебе работать допоздна, чтобы подготовить машину для миссис Хокс завтра к одиннадцати утра.

Рой весь обратился в слух.

— Сейчас, только сбегаю за одежкой.

С этими словами он побежал к дому и вскоре вернулся со своей сумкой. Кэл преградил механику дорогу.

— Эй, — обратился он к парню, — я думал, тебя зовут Джо.

— С чего ты взял?

— Сам же попросил называть тебя Джо. А теперь мистер Гамильтон говорит, что ты Рой.

Рой со смехом запрыгнул в красный «родстер».

— А знаешь, почему я так сказал?

— Нет. А почему?

— Потому что меня зовут Рой. — Внезапно оборвав смех, он со строгим видом обратился к Адаму: — Возьмите книжку, что под сиденьем, и изучите как следует. Поняли?

— Непременно изучу, — откликнулся Адам.

Глава 30
1

В дни, о которых идет рассказ, как и в библейские времена, на земле время от времени случались чудеса. Через неделю после преподанного молодым механиком урока по главной улице Кинг-Сити прогромыхал «форд» и, содрогаясь всем корпусом, остановился у почтового отделения. За рулем автомобиля сидел Адам, а рядом с ним — Ли. Близнецы, чинно выпрямив спины, пристроились на заднем сиденье.

Адам посмотрел под ноги, и все четверо дружно пропели: «Нажать на тормоз, подать газ, выключить зажигание». Двигатель рыкнул и заглох. Прежде чем выйти из машины, Адам откинулся на спинку сиденья, измученный, но гордый.

Начальник почты выглянул из-за прутьев позолоченной решетки.

— Вижу, вы приобрели это дьявольское изобретение, — мрачно заметил он.

— Приходится идти в ногу со временем, — отозвался Адам.

— Помяните мое слово, мистер Траск, скоро на

улице не встретишь ни одной лошади.

— Вполне возможно.

— Эти чертовы автомобили изменят весь облик нашего края. Отовсюду слышится их тарахтенье, — продолжал сетовать начальник почты. — Вот и у нас на почте перемены. Раньше люди приходили сюда раз в неделю, а теперь являются каждый день, а то и по два раза на дню. Ждут не дождутся, когда придет их проклятый каталог. И все куда-то спешат. — По яростному тону начальника почты Адам понял, что «фордом» тот еще не обзавелся и его терзает зависть. — Ни за что не куплю эту дрянь, — заявил он, и из этих слов следовало, что жена не дает покоя и требует автомобиль. Именно женщины оказывали давление на мужей, заставляя приобретать машины, которые свидетельствовали об определенном положении в обществе.

Начальник почты принялся сердито перебирать письма в ящике под буквой «Т», извлек длинный конверт и бросил Адаму.

— Смотрите, не угодили бы в больницу, — злобно предупредил он.

Адам, улыбнувшись, вышел на улицу.

Человек, который редко получает письма, не торопится их открывать. Он взвешивает конверт

на руке, читает имя отправителя и адрес, изучает почерк, почтовую марку и дату отправки. Прежде чем проделать все вышесказанное, Адам вышел из почтового отделения и направился по тротуару к своему «форду». На конверте в левом углу стоял штамп «Беллоуз и Харви, адвокаты», а в адресе указан городок в Коннектикуте, откуда был родом Адам.

— Прекрасно знаю и Беллоуза, и Харви, — весело сказал Адам. — Интересно, зачем я им понадобился? — Он принялся внимательно изучать конверт. — И где они раздобыли мой адрес? — Он повернул конверт обратной стороной. Ли с улыбкой наблюдал за его действиями.

— Возможно, ответы содержатся в письме.

— Полагаю, что так, — откликнулся Адам. Он наконец решил открыть конверт, достал перочинный нож и, раскрыв длинное лезвие, стал искать щелочку, куда его вставить. Однако ничего не нашел и стал рассматривать конверт на свет, чтобы не повредить письмо. Встряхнул его, чтобы передвинуть листок, и разрезал с противоположного края. Дунул в прорезь, извлек двумя пальцами письмо и стал очень медленно читать.

Мистеру Адаму Траску, Кинг-Сити, Калифорния.

Милостивый государь!

Вот уже в течение полугода мы безуспешно пытаемся вас разыскать. Мы поместили объявления в газеты по всей стране, но безрезультатно. И только когда начальник местной почты передал нам письмо, адресованное вашему брату, мы смогли установить ваше местонахождение. – От Адама не ускользнул раздраженный тон письма, однако в следующем абзаце он резко менялся: – *Нам выпала печальная обязанность сообщить о смерти вашего брата Чарльза Траска. Он скончался от воспаления легких 12 октября, проболев две недели. Его прах похоронен на кладбище «Оддфеллоуз»*[7]*. Надгробие еще не установлено. Полагаем, вы сами пожелаете исполнить этот скорбный долг.*

Адам сделал глубокий вдох и задержал дыхание, пока перечитывал последний абзац, а потом

---

[7] Примечания: 7

Оддфеллоуз — общество взаимопомощи масонского типа. Основано в Англии в 1797 году, в США — в 1818 году.

медленно и беззвучно выдохнул воздух.

— Брат Чарльз умер, — сообщил он.

— Примите мои соболезнования, — откликнулся Ли.

— Он наш дядя? — поинтересовался Кэл.

— Да, он был вашим дядей.

— И моим тоже? — спросил Арон.

— Да, твоим тоже.

— А я и не знал, что у нас есть дядя, — сказал Арон. — Может, отвезем на его могилу цветы? Абра поможет. Она любит делать венки.

— Слишком долгий путь. Через всю страну.

— А я знаю, что делать! — взволнованно воскликнул Арон. — Когда повезем цветы на могилу мамы, заедем и к дяде Чарльзу. — И с печалью в голосе добавил: — Жаль, что мы не познакомились, пока он был жив. — Мальчик про себя решил, что на его долю выпало слишком много мертвых родственников. — А дядя Чарльз был хороший? — спросил он вслух.

— Очень хороший, — откликнулся Адам. — Он был моим единственным братом, вот как Кэл у тебя.

— Вы тоже близнецы?

— Нет, мы не близнецы.

— А дядя был богатым? — осведомился Кэл.

— Разумеется, нет. Что тебе в голову пришло?

— Ну, если он богат, нам досталось бы все его добро, верно?

— Когда человек умирает, говорить о деньгах неприлично, — строго отчитал сына Адам. — Мы грустим, потому что Чарльза больше нет с нами.

— Как я могу грустить? — удивился Кэл. — Я ведь ни разу в жизни его не видел.

Ли прикрыл рукой рот, пряча улыбку. Адам перевел взгляд на письмо и обнаружил, что в следующем абзаце тон снова изменился.

Как поверенные в делах покойного считаем своим приятным долгом сообщить, что ваш брат благодаря трудолюбию и благоразумию скопил значительное состояние, которое, с учетом земель, ценных бумаг и наличных денег, превышает сто тысяч долларов. Его завещание, оформленное и подписанное в нашей конторе, находится у нас и будет выслано вам по вашему запросу. По условиям завещания все деньги, недвижимость и ценные бумаги должны быть разделены поровну между вами и вашей супругой. В случае ее смерти все переходит вам. В завещании также указано, что в случае вашей смерти все наследство переходит к вашей супруге. Однако, судя по вашему письму, вы живы и пребываете в добром здравии, так что примите поздравления с получением наследства. Ваши покорные слуги, Беллоуз и Харви.

Джордж Б. Харви.

В самом низу страницы нацарапана приписка:

Дорогой Адам, не забудьте слуг своих в дни процветания. Чарльз был жаден и трясся над каждым долларом. Надеюсь, вам с супругой деньги пойдут на радость. Нет ли в ваших краях вакансии для толкового адвоката? Я имею в виду себя.

Ваш старинный друг,
Дж. Харви.

Адам посмотрел из-за листка на сыновей и Ли. Все трое ждали, что он скажет, но он лишь плотнее сжал губы и, вложив письмо в конверт, спрятал во внутреннем кармане пиджака.

— Какие-то осложнения? — поинтересовался Ли.

— Нет, никаких.

— Мне показалось, вы чем-то озабочены.

— Просто скорблю о брате.

Адам пытался переварить новости, которые узнал из письма, но беспокойные мысли копошились в голове, словно неугомонная наседка на гнезде. Ему хотелось остаться одному и все обдумать. Сев в машину, Адам тупо уставился на рычаги.

— Требуется помощь? — участливо осведомился Ли.

— Чудно! Не помню, как заводить, — признался Адам.

— Зажигание включить, газ убавить, переключить на «Бат.», — тихо затянул Ли, и мальчики его поддержали.

— Ах да, ну конечно же! — И пока гудел пчелой аккумулятор, Адам вручную завел двигатель, сбегал включить зажигание и передвинул переключатель на «Маг.».

Автомобиль медленно двигался к дому по ухабистой дороге под раскидистыми дубами, и вдруг Ли изрек:

— Мы забыли купить мясо.

— Да, действительно. А нельзя перебиться чем-нибудь еще?

— Согласны на яичницу с беконом?

— Согласны. Замечательно вкусно.

— Завтра надумаете поехать на почту, чтобы отправить ответ, а заодно и мяса купите, — рассудил Ли.

— Пожалуй, так и сделаю, — согласился Адам.

Пока готовился ужин, Адам сидел молча, уставившись в пространство. Он понимал, что без помощи Ли не обойтись, пусть даже в качестве слушателя. Даже его безмолвное участие поможет навести порядок в мыслях.

Тем временем Кэл повел брата в каретный сарай, где возвышался «форд». Открыв дверцу, Кэл уселся за руль.

— Давай залезай ко мне! — предложил он Арону.

— Отец велел держаться подальше от машины, — запротестовал Арон.

— Да он и не узнает. Давай залезай!

Арон, робея, забрался в автомобиль и откинулся на спинку сиденья, а Кэл принялся крутить руль.

— Ду-ду-ду! — крикнул он, а потом обратился к брату: — Знаешь, что я думаю? По-моему, дядя Чарльз был богатым.

— Да нет же.

— Спорим на что хочешь.

— По-твоему, отец солгал.

— Я этого не говорил. Просто считаю, что дядя был богачом. — Некоторое время мальчики сидели молча. Кэл остервенело крутил руль, гоня автомобиль по воображаемой извилистой дороге. — Спорим, я это узнаю, — нарушил он молчание.

— И как тебе это удастся?

— А на что споришь?

— Да ни на что, — сказал Арон.

— А давай на твой свисток из оленьей кости.

Ставлю большой стеклянный шарик против твоего свистка, что сразу после ужина нас отправят спать. Ну что, идет?

— Ладно, давай, — неуверенно согласился Арон. — Только с чего нас так рано отправлять спать?

— Отцу захочется поговорить с Ли, а я пойду и подслушаю.

— Не посмеешь.

— Так уж и не посмею?

— А что, если я расскажу?

Лицо Кэла помрачнело, а глаза сделались холодными. Он наклонился к брату и зашептал в самое ухо:

— Не расскажешь. Только попробуй, и тогда я скажу отцу, кто украл его ножик.

— Никто не крал. Нож у отца. Он сегодня открывал им конверт.

— А я говорю про завтрашний день, — коварно усмехнулся Кэл. И Арон понял, что имеет в виду брат, и теперь он ничего не сможет рассказать отцу или что-то предпринять. Кэл полностью себя обезопасил.

Заметив на лице Арона смятение и беспомощность, Кэл в очередной раз ощутил свою силу, и это доставило радость. Он всегда перехитрит

брата, собьет с толку. Кэлу уже начало казаться, что это же можно проделать и с отцом. А вот с Ли его фокусы не срабатывают. Уравновешенный ум китайца без труда обгоняет Кэла и ждет впереди, спокойный и понимающий, чтобы в последний момент тихо предостеречь: «Так делать не надо». Кэл испытывал к Ли уважение и немного побаивался китайца. А Арон с его беспомощностью был мягкой, податливой глиной в руках брата. И вдруг сердце Кэла наполнилось любовью к брату, и захотелось защитить это слабое существо. Он обнял одной рукой Арона за плечи.

Арон не отстранился, но и не приник к брату. Слегка отодвинувшись, он посмотрел Кэлу в лицо.

— Что ты уставился? — не понял Кэл. — Может, у меня на голове трава выросла вместо волос?

— Не понимаю, чего ты добиваешься.

— Ты о чем? Что я такого сделал?

— Я про твои вечные увертки да пакости. Все-то тебе хочется схитрить.

— Какие еще пакости?

— Ну, взять хотя бы историю с кроликом или вот сейчас: забрался без спроса в машину. И Абре чего-то наплел. Не знаю, что ты сказал, но коробку она выбросила по твоей милости.

— Ха! — смутился Кэл. — А тебе не хочется узнать?

— Нет, но мне хотелось бы понять, зачем ты так поступаешь, — задумчиво сказал Арон. — Все время что-нибудь затеваешь, а с какой целью? Что за удовольствие?

Сердце Кэла пронзила острая боль, все козни и хитросплетения показались вдруг подлыми и жалкими. Оказывается, Арон его разгадал, и Кэл, растерявшись, затосковал по любви брата, чувствуя себя никчемным и неудовлетворенным. Как справиться с новыми ощущениями, он не знал.

Арон открыл дверцу «форда» и, спрыгнув на землю, пошел прочь из каретного сарая. Какое-то время Кэл старательно крутил руль, воображая, что гонит автомобиль по трассе, но это занятие стало неинтересным, и вскоре он последовал за братом в дом.

2

После ужина, когда Ли перемыл всю посуду, Адам обратился к сыновьям:

— Пожалуй, ребята, вам пора спать. День сегодня выдался тяжелый.

Арон бросил быстрый взгляд в сторону брата и медленно извлек из кармана костяной свисток.

— Мне он не нужен, — заявил Кэл.

— Он твой. Бери, — настаивал Арон.

— Не возьму.

Арон положил свисток на стол:

— Я оставлю свисток здесь. Возьмешь, когда захочешь.

— О чем спор, ребята? — вмешался Адам. — Я же сказал: отправляйтесь спать.

— Но почему? Еще ведь очень рано. — Кэл состроил трогательную рожицу.

— Что ж, я немного слукавил, — признался Адам. — Просто хочу переговорить с Ли с глазу на глаз. Уже темнеет, и на улицу отправить вас нельзя, а потому ступайте спать. Или хотя бы просто посидите в своей комнате. Понятно?

— Да, отец, — дружно откликнулись мальчики и последовали за Ли в дальнюю часть дома, где находилась их спальня.

Переодевшись в ночные рубашки, они пришли пожелать отцу спокойной ночи.

Вернувшись в гостиную, Ли плотно закрыл дверь в коридор, взял со стола свисток, повертел в руках и вернул на прежнее место.

— Интересно, что стало предметом спора, — за-

думчиво сказал китаец.

— Ты о чем, Ли?

— Перед ужином ребята о чем-то поспорили, Арон проиграл и пожелал рассчитаться. О чем мы говорили за столом?

— Я только помню, что отправил их спать.

— Что ж, возможно, чуть позже все прояснится, — заметил Ли.

— Мне думается, ты придаешь слишком большое значение ребячьим делам. Скорее всего ничего серьезного не произошло.

— Да нет, произошло, — возразил китаец. — Мистер Траск, неужели вы думаете, что мысли приобретают важный смысл только с определенного возраста? Разве ваши чувства стали острее, а мысли яснее, чем в десять лет? Разве ваше зрение такое же острое, слух чуткий, а восприятие мира яркое, как во времена детства?

— Пожалуй, ты прав, — согласился Адам.

— Время лишь старит, принося скорбь и уныние, — рассудил Ли. — Думая иначе, человек впадает в одно из величайших заблуждений.

— А еще оно оставляет воспоминания.

— Верно, воспоминания. Без них время оказалось бы безоружным против нас. Так о чем вы хотели поговорить?

Адам вынул из кармана письмо и положил на стол:

— Хочу, чтобы ты внимательно прочел, а потом поговорим.

Ли достал очки для чтения и, водрузив на нос, открыл при свете лампы конверт и приступил к чтению.

— Ну? — спросил Адам, когда китаец прочел письмо.

— Есть ли в местных краях вакансия для адвоката? — ответил вопросом на вопрос Ли.

— Что? — не понял Адам. — А, понимаю, ты, наверное, решил пошутить.

— Нет, какие шутки? Просто по-восточному вежливо и витиевато намекаю, что предпочел бы сначала выслушать ваше мнение, а уж потом высказать свое.

— Да ты, никак, сердишься и обвиняешь меня?

— Вот именно. Отбросив в сторону учтивые восточные манеры, скажу прямо: я старею, становлюсь сварливым и раздражительным. Разве вы не слышали, что с возрастом китайские слуги сохраняют верность хозяину, но превращаются в брюзгливых язвительных стариков?

— Не хочу оскорблять твои чувства.

— Мои чувства никоим образом не задеты. Вы

хотите поговорить о письме, так говорите, а уж там я определю, что лучше: честно высказать свое мнение или укрепить вас в собственном выборе.

— Ничего не понимаю, — растерянно развел руками Адам.

— Вы же знали брата, и уж если вы не понимаете его завещания, как могу понять я, ни разу в жизни с ним не встречавшись?

Адам встал и открыл дверь в коридор, не заметив скользнувшую в сторону тень. Он сходил в спальню и принес потемневший от времени дагерротип, который положил на стол перед китайцем.

— Вот мой брат Чарльз, — сообщил он и вернулся, чтобы закрыть дверь в коридор.

Ли внимательно рассматривал блестящий металл, поворачивая изображение в разные стороны, чтобы не отсвечивало.

— Снимок давнишний. Еще до моего ухода в армию.

Ли еще ниже склонился над фотографией.

— Трудно что-либо разобрать, — признался Ли. — И все же, судя по выражению лица, ваш брат не обладал тонким чувством юмора.

— У Чарльза оно вообще отсутствовало. Он никогда не смеялся.

— Я имел в виду несколько иное. Во время чтения условий завещания мне вдруг пришло в голову, что ваш брат был человеком, любящим жестокие, злобные шутки. Он вас любил?

— Не знаю. Иногда казалось, что любил. Как-то раз Чарльз хотел меня убить.

— Да, на его лице отражаются и любовь, и жажда убийства, и оба эти чувства превратили его в скрягу. А скряга — это испуганный человек, который прячется в крепости, воздвигнутой из денег. Он знал вашу жену?

— Да.

— И она ему нравилась?

— Чарльз ее ненавидел.

— Это уже не имеет значения, — вздохнул китаец. — Ведь дело не в этом, верно?

— Верно.

— И вы хотите четко и ясно изложить проблему, а потом обсудить?

— Именно так.

— Так давайте начинайте.

— Что-то у меня голова плохо соображает.

— Хотите, чтобы я разложил карты вместо вас? Иногда стороннему наблюдателю это сделать легче.

— Да, давай раскладывай.

— Ладно. — Ли вдруг фыркнул, и на его лице отразилось изумление. Он подпер подбородок худенькой рукой: — Черт побери! Как же я раньше не догадался!

Адам нетерпеливо заерзал:

— Хватит иносказаний. Вытаскивай свое шило из мешка, — с раздражением потребовал он. — А то словно смотрю на доску, где ты производишь непонятные расчеты.

Ли извлек из кармана длинную тонкую трубку из эбенового дерева с маленькой медной чашкой, набил ее тонко нарезанным, похожим на волоски табаком, зажег и, пыхнув четыре раза, отложил в сторону. Трубка погасла.

— Это опиум? — требовательно спросил Адам.

— Нет. Дешевый сорт китайского табака с неприятным вкусом.

— Тогда зачем ты его куришь?

— Не знаю, — откликнулся Ли. — Наверное, он о чем-то мне напоминает, и это проясняет ум. Все просто. — Ли смотрел на Адама из-под полуопущенных век. — Ладно, попробую расправить ваши мысли, как лапшу после нарезки, и высушить на солнышке. Эта женщина по-прежнему является вашей женой, и она жива. По завещанию ей достается более пятидесяти тысяч долларов.

Это огромная сумма, с помощью которой можно сотворить много добра или наделать больших бед. Знай ваш брат, чем она занимается, захотел бы он оставить ей эти деньги? Суд всегда склонен выполнить волю завещателя.

— Нет, брат не оставил бы ей денег, — сказал Адам и вдруг вспомнил регулярные визиты Чарльза к девицам на втором этаже трактира.

— Вот вам и придется подумать за брата. Ремесло вашей жены не назовешь ни хорошим, ни плохим. Добро может дать ростки на любой почве, и праведники появляются в самых разных местах. Возможно, благодаря этим деньгам она совершит достойное восхищения дело. Нет лучшего толчка к благотворительности, чем больная совесть.

— Она призналась, как поступит, если раздобудет денег, — передернул плечами Адам. — Какая там благотворительность. Больше похоже на убийство.

— Значит, вы считаете, что деньги не должны попасть к ней в руки?

— Она сказала, что погубит многих уважаемых людей в Салинасе. Это в ее власти.

— Ясно. Я рад, что являюсь в этом деле сторонним наблюдателем. Должно быть, репутация

этих людей порядком подмочена. То есть с точки зрения морали вы против передачи денег этой женщине?

— Да.

— Хорошо. Рассмотрим ситуацию. Она живет под чужим именем, без роду и племени. Шлюха появляется невесть откуда, вырастает на ровном месте, расцветая пышным цветом. Даже узнав о деньгах, получить их без вашего содействия она не сможет.

— Пожалуй, ты прав. Да, без моей помощи денег ей не видать.

Ли снова взял трубку, медной булавкой вычистил пепел и снова набил табаком. После четырех длинных затяжек он приоткрыл тяжелые веки и взглянул на Адама.

— Здесь очень тонкий вопрос морали, — заявил он. — С вашего позволения, предложу над ним поразмыслить моим почтенным родичам, разумеется, не упоминая имен. Они изучат проблему со всех сторон, как дотошный мальчишка, выискивающий клещей у собаки. Не сомневаюсь, они сделают интересные выводы. А вот у вас выбора нет, верно?

— Да о каком выборе идет речь?

— А разве он у вас имеется? Или вы знаете себя

хуже, чем я?

— Не знаю, как поступить, — признался Адам. — Придется поломать голову.

— Похоже, я зря потратил время, — рассердился Ли. — Кого вы хотите обмануть: себя или только меня?

— Не смей со мной разговаривать в подобном тоне! — возмутился Адам.

— А в чем дело? Я ненавижу ложь. Совершенно ясно, как вы поступите. Это написано у вас на лбу. И говорить я буду как пожелаю. Я стал капризным и вздорным. Не сидится мне на месте. Жду не дождусь, когда смогу окунуться в затхлый запах древних книг и вдохнуть сладостный аромат философских размышлений. А вы, столкнувшись с двумя сторонами нравственной проблемы, поступите так, как приучены с малолетства. Думайте сколько угодно, это не меняет дела. И то, что ваша жена работает шлюхой в Салинасе, тоже ни на что не повлияет.

Адам в гневе вскочил с места.

— Ты дерзишь, потому что решил от нас уехать! — выкрикнул он. — Говорю же, что еще не решил, как поступить с деньгами.

Ли со вздохом оттолкнулся руками от коленей, выпрямляя сухонькое тело. С усталым видом

подошел он к двери и, открыв ее, оглянулся и улыбнулся Адаму.

— Бред собачий! — добродушно изрек китаец и вышел из гостиной, закрыв за собой дверь.

3

Кэл прокрался темным коридором до спальни и тихо проскользнул внутрь. На подушке виднелась голова брата, но Кэл не видел, спит Арон или нет. Он тихонько улегся на свой край широкой кровати, повернулся на спину и, сцепив за головой руки, стал всматриваться в мириады разноцветных точек, из которых состоит темнота. Старенькая занавеска на окне медленно надулась пузырем, но ночной ветер затих, и она опала.

Кэлом овладела серая, тяжелая, как ватное одеяло, тоска. Почему Арон бросил его одного в каретном сарае? И зачем понадобилось подслушивать под дверью? Кэл был готов отдать что угодно, только бы все исправить. Он шевелил губами, мысленно произнося слова, которые сам отчетливо слышал: «Господи, пусть я стану таким, как Арон. Не хочу быть подлым и гадким. Сделай так, чтобы меня все полюбили, и я отдам тебе все, что захочешь. А если у меня этого

нет, непременно добуду. Не хочу быть гадким и одиноким. Господи Иисусе, помоги мне! Аминь». Теплые слезы ручьем текли по щекам, тело напряглось, и Кэл с трудом сдерживал рвущиеся наружу рыдания.

— Ты замерз, — прошептал Арон. — Смотри, весь продрог. — Он взял брата за руку, ощущая пальцами пупырышки на коже. — Ну что, были у дяди Чарльза деньги? — тихо спросил он.

— Нет, — отозвался Кэл.

— Ты так долго прятался под дверью. О чем отец говорил с Ли?

Кэл лежал не шевелясь, борясь со спазмами в горле.

— Не хочешь рассказывать? Ну и не надо.

— Расскажу, — прошептал Кэл, поворачиваясь к брату спиной. — Отец пошлет венок на мамину могилу. Огромный венок гвоздик.

Арон взволнованно приподнялся на кровати:

— Правда? А как же его довезут так далеко?

— На поезде. Говори тише.

— А разве он не завянет? — Арон тоже перешел на шепот.

— Его обложат льдом.

— Сколько же понадобится льда?

— Груда льда. А теперь спи.

После недолгого молчания Арон шепнул:

— Хоть бы венок доехал в сохранности и цветы не завяли.

— Доедет, — заверил Кэл, а внутренний голос кричал: «Господи, пусть я не буду гадким и подлым!»

Глава 31
1

Адам все утро бродил по дому, а в полдень отправился на огород, где Ли вскапывал черную удобренную землю. Китаец приступил к посадке весенних овощей: моркови, свеклы, репы и гороха, фасоли, брюквы и листовой капусты. Ровные ряды сделаны по веревке, натянутой на колышках. На каждый колышек надет пакетик из-под семян, чтобы знать, где что посажено. На дальнем конце огорода, в парнике, готова рассада помидоров, сладкого перца и капусты. Нужно только немного подождать, когда исчезнет опасность заморозков.

— Вчера я вел себя глупо, — признался Адам.

Опершись на вилы, Ли устремил на него невозмутимый взгляд.

— Когда едете? — осведомился он.

— Хочу успеть на два сорок, чтобы вернуться восьмичасовым.

— Можно было все изложить в письме, — предположил китаец.

— Я об этом тоже думал. А ты бы доверил подоб-

ные сведения письму?

— Нет, вы правы. На сей раз глупость сморозил я. О письме не может быть и речи.

— Надо ехать. Я рассуждал и так и эдак, и всякий раз меня словно дергали за поводок.

— В ряде случаев вы можете поступить нечестно, но только не тут, — заметил китаец. — Что ж, желаю удачи. Интересно, что она скажет и как поступит.

— Поеду в повозке, — сказал Адам. — Оставлю ее в конюшне в Кинг-Сити. Одному ехать в «форде» не с руки. Сильно нервничаю.

В четверть пятого Адам поднялся по шатким ступенькам и постучал в ободранную дверь заведения Кейт. Дверь открыл новый вышибала, финн с квадратным лицом, одетый в брюки и рубашку, рукава которой схвачены повязками из красного шелка. Оставив Адама дожидаться на крыльце, он вскоре вернулся и проводил гостя в гостиную.

Адам вошел в просторную, ничем не украшенную комнату. Стены и деревянные панели выкрашены в белый цвет. В центре стоит длинный прямоугольный стол, накрытый белой клеенкой. На столе расставлены приборы: тарелки и чашки с блюдцами. Чашки повернуты

донышками вверх.

Кейт сидела во главе стола с открытой бухгалтерской книгой. На ней строгое платье и зеленый козырек на голове для защиты глаз от резкого света. Пальцы нервно вертят желтый карандаш. Холодно взглянув на застывшего в дверном проеме Адама, она поинтересовалась:

— Что тебе на сей раз надо?

Финн возвышался за спиной у Адама.

Ничего не ответив, Адам подошел к столу и положил письмо на бухгалтерскую книгу.

— Что это? — удивилась Кейт и, не дожидаясь ответа, быстро прочла письмо. — Выйди и закрой дверь, — приказала она финну.

Адам сел за стол рядом с Кейт, отодвинув в сторону посуду, чтобы освободить место для шляпы.

— Это что, шутка? — спросила Кейт, когда вышибала вышел из комнаты. — Нет, ты не любитель пошутить. Наверное, пошутить решил твой братец. Ты уверен, что он умер?

— У меня ничего нет, кроме письма, — признался Адам.

— И чего ты от меня ждешь?

В ответ он только пожал плечами.

— Если надеешься, что я подпишу какие-нибудь бумаги, понапрасну теряешь время. Говори,

зачем явился?

Адам медленно пробежал пальцами по черной траурной ленточке на шляпе.

— Запиши адрес адвокатской конторы и сама с ними свяжись, — посоветовал он.

— Чего ты им обо мне наговорил?

— Ничего. Я написал Чарльзу, что ты живешь в другом городе, вот и все. Он умер, не успев прочесть мое письмо, и оно попало к адвокатам. Да там все сказано.

— Человек, написавший постскриптум, похоже, твой приятель. А ты что ему написал?

— Я еще не ответил на его письмо.

— А что собираешься написать?

— То же, что и раньше. Что ты живешь в другом городе.

— Сказать, что мы разведены, ты не можешь. Ведь мы до сих пор женаты.

— Я и не собирался этого делать.

— Хочешь знать, каких отступных я потребую? Сорок пять тысяч наличными.

— Ничего я не хочу.

— То есть как? Торговаться нет смысла.

— Я и не торгуюсь. Ты прочла письмо и знаешь столько же, что и я. Поступай как хочешь.

— С чего ты такой самоуверенный?

— Чувствую, что твердо стою на земле.

Кейт смотрела на него из-под прозрачного зеленого козырька. Завитки волос стелились по краю, как плющ по зеленой крыше.

— Адам, ты глупец. Если бы держал рот на замке, никто бы и не узнал, что я жива.

— Да знаю я.

— Знаешь? Думаешь, побоюсь потребовать деньги? Если так, ты — полный идиот.

— Мне все равно, как ты поступишь, — терпеливо повторил Адам.

Кейт нагло ухмыльнулась:

— Все равно, да? А если я скажу, что в кабинете шерифа лежит бессрочный ордер, оставленный его предшественником, в котором говорится, что если я упомяну твое имя или признаюсь, что являюсь твоей женой, меня тут же вышлют из округа и из штата? Ну как, соблазняет тебя эта новость?

— Соблазняет на что?

— Избавиться от меня и забрать все деньги.

— Я принес тебе письмо, — снова повторил Адам.

— А я хочу знать, с какой целью ты это сделал.

— Мне все равно, что ты обо мне думаешь. Чарльз оставил тебе по завещанию деньги, без

каких-либо оговорок. Завещания я не видел, но он оставил деньги тебе.

— Ты ведешь непонятную игру с пятьюдесятью тысячами долларов, — задумчиво сказала Кейт. — И не хочешь из нее выходить. Не пойму, что ты затеваешь, но непременно выясню. Да что это я? — опомнилась она вдруг. — Ты ведь не блещешь умом. Кто тебе дает советы?

— Никто.

— А тот китаец? Вот ему в уме не откажешь.

— Он мне советов не давал.

Адам удивлялся собственному безразличию. Будто его и нет здесь. Глянув на Кейт, он изумился, обнаружив на ее лице доселе невиданные чувства. Кейт боится. Боится его, Адама. Но почему?

Усилием воли она придала лицу равнодушное выражение:

— Ты так поступаешь, потому что считаешь себя честным человеком? Весь такой безгрешный, прямо ангел небесный.

— Моя безгрешность ни при чем, — возразил Адам. — Деньги принадлежат тебе, а я не вор. И мне все равно, что ты думаешь.

Кейт сдвинула козырек на затылок.

— Думаешь, я поверю, что ты вот так просто принес мне на блюдечке деньги? Ладно, я узнаю,

что ты затеваешь, и позабочусь о своей безопасности. Неужели и правда решил, что я клюну на такую дурацкую наживку?

— На какой адрес ты получаешь корреспонденцию? — терпеливо спросил Адам.

— Твое какое дело?

— Сообщу его адвокатам. Пусть с тобой сами свяжутся.

— Не смей! — взвизгнула Кейт и, положив письмо в бухгалтерскую книгу, захлопнула ее. — Пусть лежит у меня. Проконсультируюсь у адвоката, будь уверен. И хватит прикидываться невинным младенцем.

— Так и сделай, — согласился Адам. — Хочу, чтобы ты получила свою долю. Чарльз завещал тебе деньги, и мне они не принадлежат.

— Все равно разгадаю твои козни, не сомневайся.

— Похоже, ты просто не понимаешь: мне все равно. И я многого в тебе не понимаю. Не возьму в толк, как ты могла в меня стрелять, бросить сыновей и как вообще можно вести такую жизнь. — Он обвел рукой вокруг себя.

— Кто тебя просит понимать?

Адам поднялся и взял со стола шляпу.

— Вот, пожалуй, и все. Прощай. — Он напра-

вился к двери.

— А вы сильно переменились, мистер Тихоня. Неужели наконец завели себе женщину?

Адам остановился и, медленно оглянувшись, задумчиво посмотрел на Кейт.

— Раньше мне не приходило в голову… — Он двинулся к Кейт и стал рядом, возвышаясь над креслом. Ей пришлось закинуть голову, чтобы видеть лицо Адама. — Я сказал, что не могу в тебе разобраться, — медленно повторил он. — А теперь вижу, чего ты так и не поняла.

— И чего же я не поняла, мистер Тихоня?

— Ты видишь в людях только уродливую сторону. Вот показала мне фотографии. Играешь на постыдных слабостях мужчины, и, видит бог, их в нем предостаточно.

— У каждого они есть…

— Но всего остального ты просто не замечаешь, — продолжил Адам, удивляясь собственному прозрению. — Не веришь, что я принес письмо, потому что не хочу твоих денег. Не веришь, что я тебя любил. И те мужчины, что приходят к тебе удовлетворить мерзкие потребности, те люди на фотографиях… Ты не веришь, что в них есть много хорошего и доброго. Всегда видишь только одну сторону и считаешь, нет, искренне веришь,

что другой просто не существует.

— Что за сладостный мечтатель! — хохотнула Кейт. — Может, прочтете мне проповедь, мистер Тихоня?

— Нет, не стану. Потому что вижу: природа чем-то тебя сильно обделила. Некоторые люди не различают зеленый цвет и не подозревают об этом. По-моему, ты человек лишь наполовину, и тут уж ничем не поможешь. Интересно другое: понимаешь ли ты, что вокруг существует нечто, чего тебе не дано увидеть? Наверное, страшно знать, что оно есть, а ты не можешь ни увидеть, ни почувствовать. Да, должно быть, это ужасно.

Кейт поднялась, оттолкнув кресло и пряча сжатые кулаки в складках платья. Стараясь сдержаться и не перейти на визг, она прошипела:

— Да наш Тихоня настоящий философ! Только и здесь от него нет проку, как и во всем остальном. А слышал ли ты о галлюцинациях? И если есть что-то не доступное моему зрению, не кажется ли тебе, что это лишь плоды больного воображения?

— Нет, не кажется, — заверил Адам. — Совсем не кажется. Как, впрочем, и тебе. — Он повернулся и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Кейт молча смотрела ему вслед, не осознавая,

что постукивает кулаками по белой клеенке. Однако она ясно понимала, что белый квадрат двери расплывается из-за застилающих глаза слез, а тело сотрясается не то от гнева, не то от безысходной скорби.

2

Когда Адам покинул заведение Кейт, до восьмичасового поезда на Кинг-Сити оставалось более двух часов. Движимый внезапным порывом, он свернул с Мэйн-стрит и направился по Сентрал-авеню к белому особняку под номером 130, принадлежащему Эрнесту Стейнбеку. Ухоженный, импозантный, но без излишней помпезности, дом выглядел приветливо. За белой оградой виднелся подстриженный газон, а вдоль белых стен росли кусты роз и жимолости.

Поднявшись на просторную веранду, Адам позвонил. К двери подошла Олив, слегка приоткрыла, а из-за ее спины выглядывали Мэри и Джон.

Сняв шляпу, Адам объяснил:

— Вы меня не знаете. Я — Адам Траск. Ваш отец был моим другом, и мне хотелось бы засвидетельствовать почтение миссис Гамильтон. Она

мне очень помогла, когда на свет появились близнецы.

— Ах да, конечно же. — Олив распахнула дверь. — Мы о вас слыхали. Подождите минутку. Мы устроили для мамы тихий уголок.

Она постучала в дверь в дальнем конце коридора:

— Мама, к тебе пришел старый приятель!

Открыв дверь, она проводила Адама в уютную комнату, где жила Лайза.

— Вы уж простите, мне надо идти, — обратилась Олив к Адаму. — Катрина жарит кур, и надо за ней присмотреть. Джон, Мэри, идемте со мной! Поторопитесь!

Лайза стала еще миниатюрнее. Она сидела в плетеном кресле-качалке, одетая в платье с широкой юбкой из черной шерстяной ткани «альпака», и выглядела древней старушкой. Ворот платья сколот брошью, на которой золотыми буквами выведено слово «мама».

Прелестная маленькая комнатка, служащая одновременно спальней и гостиной, завалена фотографиями, флаконами с туалетной водой, кружевными подушечками для булавок, щетками, гребнями и великим множеством фарфоровых и серебряных безделушек, подаренных

в дни рождения и на Рождество.

На стене висела большая подкрашенная фотография Сэмюэла, с которой он, чужой и далекий, с холодным достоинством, совершенно не свойственным ему в жизни, взирал на мир. Ни озорного блеска в глазах, ни веселой пытливости. Портрет поместили в массивную золоченую раму, и, казалось, глаза дедушки следят за каждым шагом внуков, наводя на детишек страх.

На плетеном столике рядом с креслом Лайзы стояла клетка с попугаем Полли, которого Том купил у какого-то матроса. Попугай достиг преклонного возраста. Если верить прежнему владельцу, он уже перевалил за пятидесятилетний рубеж, привык к разгульной жизни и темпераментным речам, которые обычно звучат в матросских кубриках. Несмотря на все старания, Лайзе так и не удалось обучить птицу псалмам. Попугай упорно хранил верность цветистому лексикону своей беспутной юности.

Полли, склонив голову набок, изучал Адама, почесал коготком перья у клюва и безучастным голосом изрек:

— Вали отсюда, ублюдок.

— Полли, — нахмурилась Лайза, — не груби. Это невежливо.

— Чертов сукин сын! — задумчиво откликнулся попугай.

Лайза сделала вид, что не слышит непристойностей питомца, и протянула сухонькую ручку гостю:

— Рада вас видеть, мистер Траск. Присаживайтесь.

— Вот проходил мимо и решил выразить свои соболезнования.

— Мы получили ваши цветы.

Прошло столько времени, а Лайза до сих пор помнила каждый букет. Адам тогда отослал пышный венок из бессмертника.

— Трудно, должно быть, приспособиться к новому образу жизни.

Глаза Лайзы наполнились слезами, но она решительно сжала маленький рот, преодолевая минутную слабость.

— Наверное, не стоит бередить вашу рану, — сказал Адам, — но мне так не хватает вашего мужа.

— А как дела на ранчо? — спросила Лайза, отворачиваясь.

— Год выдался хороший. Идут обильные дожди, травы уже выросли.

— Да, Том писал, — откликнулась Лайза.

— Заткнись, — вмешался попугай, и Лайза бросила в его сторону грозный взгляд, как в былые времена успокаивала расшалившихся детей.

— Что привело вас в Салинас, мистер Траск? — поинтересовалась она.

— Да так, одно дело. — Адам уселся глубже в плетеное кресло, и оно заскрипело под его тяжестью. — Думаю сюда перебраться. Пожалуй, в Салинасе детям будет лучше. А на ранчо им скучно.

— Мы никогда не скучали на ранчо, — сурово заметила Лайза.

— Наверное, школы здесь лучше, и у близнецов будет более интересная жизнь.

— Моя дочь Олив работала учительницей в Пичтри, Плейто и Биг-Сюр.

Тон Лайзы не вызывал сомнений, что лучших школ и быть не может, и Адам вдруг проникся восхищением к непреклонному мужеству этой хрупкой женщины, и на сердце стало тепло.

— Да я так, просто подумал, — пробормотал он.

— Дети, выросшие в деревне, крепче здоровьем и успешнее в жизни, — заявила Лайза. Эту очевидную истину она могла подтвердить на примере собственных отпрысков. Потом ее внимание полностью переключилось на Адама. — Вы

подыскиваете подходящий дом в Салинасе?

— Да, вроде того, — признался Адам.

— Зайдите к моей дочери Десси, — посоветовала Лайза. — Она хочет перебраться на ранчо к Тому. У нее чудесный домик на этой же улице, рядом с булочной Рейно.

— Непременно зайду, — пообещал Адам. — А теперь мне пора. Рад был застать вас в добром здравии.

— Благодарю. Мне здесь хорошо и уютно. — Адам уже дошел до двери, когда Лайза его окликнула: — Мистер Траск, вы встречаетесь с моим сыном Томом?

— Нет. Видите ли, я не выезжал с ранчо.

— Прошу вас, навестите его, — торопливо проговорила она. — Мне кажется, ему очень одиноко. — Лайза замолчала, словно ужаснувшись собственной несдержанности.

— Непременно навещу. До свидания, мэм.

Адам закрыл дверь и услышал вслед слова попугая:

— Закрой пасть, проклятый ублюдок!

— Перестань сквернословить, Полли, — возмутилась Лайза. — А не то задам тебе трепку.

Вечерело. Выйдя из дома, Адам направился в сторону Мэйн-стрит, где рядом с булочной Рейно

нашел расположенный в глубине сада домик Десси. Двор так зарос кустами бирючины, что дома почти не было видно. На воротах привинчена аккуратная табличка «Десси Гамильтон. Пошив дамского платья».

«Мясные деликатесы Сан-Франциско» находились на углу Мэйн-стрит и Сентрал-авеню, и их окна выходили на обе улицы. Адам зашел поужинать и обнаружил там за стоящим в углу столиком Уилла Гамильтона, который с аппетитом поедал отбивную.

— Присаживайтесь ко мне, — пригласил Уилл. — Приехали по делам?

— Да. И заодно навестил вашу матушку.

Уилл отложил вилку в сторону.

— Я приехал сюда на часок и не заходил к ней, чтобы зря не волновать. Олив перевернет весь дом вверх дном, затеет праздничный ужин. Не хочу их беспокоить. Да и надо скоро возвращаться. Закажите отбивную на ребрышке. Они здесь замечательные. Как поживает матушка?

— Удивительного мужества женщина, — сказал Адам. — С каждым разом все больше ею восхищаюсь.

— Да, этого у нее не отнять. Ума не приложу, как она умудрялась сохранять здравый смысл со

всеми нами, да еще с отцом в придачу.

— Отбивную на ребрышке. Не слишком пережаривайте, — обратился Адам к официанту.

— С картофелем?

— Нет… Хотя, пожалуй, с картофелем фри. Ваша матушка переживает за Тома. Как у него дела?

Уилл отрезал от отбивной кусочек жира и отодвинул на край тарелки.

— У нее веские причины для беспокойства. С Томом творится что-то неладное. Бродит как неприкаянный. Вечно угрюмый.

— По-моему, он был сильно привязан к отцу.

— Слишком сильно, — согласился Уилл. — Никак не может избавиться от этой зависимости. В некотором отношении Том так и остался великовозрастным младенцем.

— Обязательно к нему заеду. Ваша матушка говорит, Десси собирается вернуться на ранчо.

Уилл положил нож с вилкой на скатерть и устремил на Адама удивленный взгляд.

— Невозможно. Не позволю ей совершить подобную глупость.

— Почему же?

Однако Уилл быстро взял себя в руки и сдержанно объяснил:

— Ну, у нее в Салинасе успешный бизнес, ко-

торый приносит хороший доход. Жаль, если она все бросит.

Он снова взял нож и вилку и, отрезав кусочек мяса, положил в рот.

— Я уезжаю домой восьмичасовым поездом, — сообщил Адам.

— Я тоже, — сказал Уилл. Настроение продолжать беседу у него пропало.

Глава 32
1

Десси была любимицей всей семьи. Гамильтоны любили и очаровательную, похожую на игривого котенка Молли, и упрямую умницу Олив, и витающую в облаках странную Уну, но именно Десси стала всеобщей отрадой. Ее озорной, заразительный, как ветряная оспа, смех и неуемная веселость передавались людям, и они уносили их с собой и хранили как бесценный дар.

Опишу это явление в нескольких словах. Живет, скажем, в Салинасе на Черч-стрит в доме под номером 122 некая миссис Моррисон, супруга владельца галантерейной лавки, мать троих детей. И вот утром за завтраком Агнесс Моррисон вдруг заявляет: «После обеда я иду на примерку к Десси Гамильтон».

Дети в восторге бьют носками ботинок с медными подковками по ножкам стола, пока их не утихомирят. Мистер Моррисон, потирая руки, отправляется к себе в лавку, в надежде, что сегодня приедет коммивояжер. И любой коммивояжер,

появившийся в тот день, получает выгодный заказ.

А мистер Моррисон и дети, возможно, уже и сами забыли, что стало предвестником счастливого дня.

В два часа миссис Моррисон отправляется в дом рядом с булочной Рейно, остается там до четырех и выйдет на улицу со слезящимися от смеха глазами и покрасневшим носом. По дороге домой она утирает глаза и нос, время от времени заливаясь смехом. Возможно, Десси всего лишь воткнула в подушечку несколько черных булавок, и та стала похожа на проповедника баптистской церкви, который вдруг разразился краткой проповедью. А может быть, она рассказала о встрече со стариком Тейлором, который скупил ветхие дома и загромоздил ими свободный участок земли, так что он теперь напоминает сухопутное Саргассово море. Или же Десси с выражением прочла стишок со странички сплетен. Не важно, что именно она сделала, но это всегда забавляло людей и дарило радость.

Вернувшись из школы, дети Моррисонов видят веселую мать, которая и не думает жаловаться на головную боль. Ее не раздражают шумные игры и чумазые физиономии чад, и она с удовольствием

присоединяется к беззаботному детскому смеху.

Мистер Моррисон приходит домой и рассказывает о том, как прошел день, и его внимательно слушают не перебивая. А он старается вспомнить и пересказать забавные истории, услышанные от коммивояжера. По крайней мере те, что можно рассказывать в присутствии дам и детей. Ужин удается на славу. Омлет не опал, оладьи воздушные и пышные, печенье тает во рту, и никто не сравнится с Агнесс Моррисон в приготовлении приправы к рагу. После ужина, когда дети, вволю насмеявшись, отправятся спать, мистер Моррисон тронет жену за плечо — понятный им обоим тайный и очень старый знак. И супруги пойдут в спальню, займутся любовью и будут безмерно счастливы.

Атмосфера праздника после визита к Десси будет царить в доме еще пару дней, а потом возобновятся жалобы на головную боль и сетования на плохую торговлю, которая в прошлом году шла гораздо успешнее. Вот какой была Десси, и такие она умела творить чудеса. Как и Сэмюэл, она наполняла души людей радостным волнением и поэтому была любимицей в семье.

Десси не блистала красотой и, возможно, даже не была хорошенькой, но от нее исходило сия-

ние, которое привлекало мужчин, и они шли за Десси, надеясь, что и на них упадет его лучик. Возможно, со временем она оправилась бы от неудачной первой любви и встретила новую. Но этого не случилось. Если вдуматься, то, при всем разнообразии характеров, Гамильтоны отличались постоянством в любви. Никто из них не был склонен к легкомысленным увлечениям и изменам.

Десси не просто опустила руки, предаваясь унынию. Все вышло гораздо хуже. Она продолжала вести прежний образ жизни, но лучезарный свет погас. Люди, которые любили Десси, переживали, видя ее напускную веселость, и старались приободрить.

У Десси было много хороших и верных подруг, но им, как и всем людям, хотелось радости, а чужое горе удручает, и смотреть на него неприятно. Со временем миссис Моррисон стала находить веские причины, чтобы не посещать маленький домик возле булочной. Женщины не предали Десси, просто им хотелось веселиться, а не грустить. Если чего-то не хочешь делать, можно без труда отыскать пристойное оправдание.

Дела у Десси пошли хуже. Женщины, которые заказывали у нее платья, сами не осознавали, что

шли не за одеждой, а за радостью. Времена менялись, и готовая одежда приобретала все большую популярность. Носить ее уже не считалось позорным. И если мистер Моррисон занимается продажей готового платья, вполне естественно, что его супруга щеголяет в этих нарядах.

Судьба Десси тревожила всю семью, но как помочь, если сама она говорит, что все отлично, и только иногда жалуется на боли в боку. Приступы сильные, но быстро проходят и случаются нечасто.

Потом умер Сэмюэл, и весь привычный мир разлетелся вдребезги, а сыновья, дочери и друзья принялись копошиться в осколках, пытаясь снова сложить их в единое целое.

Десси решила продать мастерскую и вернуться на ранчо к Тому. Собственно, и продавать-то особо было нечего. Лайза и Олив знали, как обстоят дела, Тому Десси написала сама, а вот Уиллу, которого новость настигла за столом в «Мясных деликатесах», ничего не сообщили, и внутри у него все кипело от гнева. Скомкав салфетку, он поднялся с места.

— Я кое-что забыл, — сказал он Адаму. — Встретимся в поезде.

Добравшись до дома Десси, он прошел по зарос-

шему двору и позвонил в дверь.

Десси ужинала в одиночестве и открыла дверь, держа в руке салфетку.

— Здравствуй, Уилл, — поприветствовала она брата, подставляя для поцелуя розовую щечку. — Когда ты приехал в город?

— Я по делам, — объяснил Уилл. — Уезжаю следующим поездом, но сначала хочу с тобой поговорить.

Она проводила брата в оклеенную цветочными обоями кухню, которая одновременно служила столовой, машинально налила чашку кофе и поставила перед братом вместе со сливочником и сахарницей.

— С мамой виделся? — спросила она.

— Да я с поезда на поезд, — хрипло буркнул Уилл. — Десси, правда, что ты хочешь вернуться на ранчо?

— Да, я об этом думаю.

— Не хочу, чтобы ты уезжала.

— Почему? — робко улыбнулась Десси. — Что здесь плохого? Тому одному тоскливо.

— Но у тебя выгодное дело в Салинасе, — возразил он.

— Да нет уже никакого дела, — призналась Десси. — Я думала, ты знаешь.

— Все равно нельзя тебе уезжать, — мрачно повторил Уилл.

— Старший братец приказывает? — Улыбка получилась грустной, но Десси старалась, чтобы голос звучал насмешливо. — Объясни, почему Десси нельзя уезжать.

— Там слишком тоскливо.

— Вдвоем нам будет веселее.

Уилл, сердито потеребив губу, выпалил:

— Том не в себе. Не следует тебе оставаться с ним вдвоем.

— Он нездоров? Наверное, ему нужна помощь?

— Не хотел тебе говорить, — начал Уилл. — Том так и не оправился после смерти отца. Таким стал странным.

— Тебе Том всегда казался странным, — ласково улыбнулась Десси. — Ты находил странным, что ему не по душе занятие бизнесом.

— Речь о другом. Он теперь все время о чем-то думает. Совсем не разговаривает, всю ночь бродит один среди холмов. Я к нему заехал, а он стихи пишет. Исписанные страницы разбросаны по всему столу.

— Неужели ты, Уилл, никогда не писал стихов?

— Никогда.

— А вот я писала. И весь стол был завален испи-

санными страницами.

— Не надо тебе ехать.

— Позволь мне самой решить, — мягко возразила Десси. — Я кое-что потеряла и хочу попытаться обрести это снова.

— Не говори глупости.

Обойдя вокруг стола, Десси обняла Уилла за шею:

— Милый братец, позволь мне решить самой. Прошу тебя.

Уилл, вконец рассерженный, вышел из дома сестры и едва успел на поезд.

2

Том встретил Десси на вокзале в Кинг-Сити. Она увидела брата еще из окна поезда. Он всматривался в каждый вагон. Том привел себя в порядок: лицо выбрито так тщательно, что сияет, как темное полированное дерево. Рыжие усы аккуратно подстрижены. На Томе широкополая шляпа с высокой плоской тульей и коричневая норфолкская куртка с двумя нагрудными карманами, подпоясанная ремнем с перламутровой пряжкой. Башмаки сияют в лучах полуденного солнца: не иначе Том прошелся по ним носовым

платком прямо перед прибытием поезда. Жесткий крахмальный воротник плотно охватывает мощную красную шею, голубой вязаный галстук украшает булавка в виде подковы. Том сжимает перед собой огрубевшие от работы руки, пытаясь скрыть волнение.

Десси с криком: «Том, я здесь!» принялась махать рукой из окна, хотя прекрасно понимала, что из-за стука вагонных колес брат ее не слышит. Сойдя на перрон, она увидела, что Том стоит к ней спиной и лихорадочно озирается по сторонам. Десси улыбнулась и встала сзади.

— Прошу прощения, незнакомец, — тихо заговорила она. — Не видали ли вы, случайно, некого мистера Тома Гамильтона?

Он резко повернулся и с радостным криком заключил Десси в медвежьи объятия, приплясывая от счастья. Одной рукой он приподнял сестру, а второй ласково похлопал пониже спины, уткнувшись жесткими усами в щеку. Потом взял за плечи и слегка отстранил от себя, всматриваясь в лицо. Брат и сестра, закинув назад головы, залились веселым смехом.

Начальник станции, высунувшись из окошка, оперся локтями в черных нарукавниках о подоконник.

— Ох уж эти Гамильтоны! Ты только посмотри на них! — обратился он к телеграфисту.

Том и Десси, соприкасаясь кончиками пальцев, церемонно переступали с пятки на носок, при этом брат пел «дудл-дудл-ду», а сестра — «дидл-дидл-ди». Потом они снова обнялись.

Том с высоты своего роста взглянул на Десси:

— Вы, вероятно, Десси Гамильтон? Как же, припоминаю. Но вы сильно изменились. Куда подевались косички?

Том довольно долго возился с багажными квитанциями. Положил их в карман, потом никак не мог найти, а когда отыскал, схватил чужие вещи. Наконец все корзинки были благополучно погружены в повозку. И вот уже две гнедые лошади бьют копытами твердую землю, вскидывая головы, так что подпрыгивает сверкающее дышло да поскрипывает крестовина. Сбруя начищена до блеска, и медные оковки сияют, будто сделаны из золота. На кнутовище красуется красный бант, и красные ленты вплетены в хвосты и гривы лошадей.

Том подсадил сестру в повозку, делая вид, что загляделся на ее лодыжку, и изображая напускное смущение. Потом он подтянул мартингалы, освободил удила и размотал с кнутовища вожжи.

Лошади повернули так резко, что колесо со скрежетом прошлось по упору.

— Не желаешь заехать в Кинг-Сити? — спросил Том. — Славный городок.

— Нет. Я его помню.

Том повернул налево, на юг, пуская лошадей легкой размеренной рысью.

— А где Уилл? — поинтересовалась Десси.

— Не знаю, — угрюмо откликнулся Том.

— Он с тобой говорил?

— Да, сказал, что тебе не следует сюда приезжать.

— И мне он сказал то же самое, — призналась Десси. — Да еще уговорил Джорджа мне написать.

— А собственно, почему, если таково твое желание? — вконец разозлился Том. — И какое до этого дело Уиллу?

Десси ласково погладила брата по руке:

— Он считает, что ты не в себе. Говорит, ты пишешь стихи.

Лицо Тома потемнело от гнева.

— Наверное, заходил в дом в мое отсутствие. И чего ему надо? Должно быть, рылся в моих бумагах.

— Успокойся, не горячись, — принялась угова-

ривать Десси. — Не забывай, Уилл — твой брат.

— Интересно, что бы он сказал, надумай я порыться у него в бумагах? — возмутился Том.

— Он бы этого не допустил, — сухо ответила Десси. — Уилл все документы запирает в сейф. А теперь давай не будем портить себе день дурным настроением.

— Ладно, — согласился Том. — Видит бог, я не держу зла! Но Уилл доводит меня до белого каления. Получается, если я не хочу жить по его образу и подобию, стало быть, спятил? Вот так — взял да и спятил.

Десси поспешила переменить тему разговора:

— Знаешь, в последнее время мне изрядно досталось. Мама тоже хотела ехать. Том, ты когда-нибудь видел, чтобы мама плакала?

— Что-то не припомню. Она не из плаксивых.

— Так вот, она плакала. Так, всхлипнула пару раз да шмыгнула носом. Для нее и этого много. А потом вытерла нос, протерла очки и ушла в себя, словно захлопнула крышку часов.

— Господи, Десси, как хорошо, что ты вернулась! Я будто выздоровел после тяжелой болезни.

Лошади бодро бежали по проселочной дороге.

— Адам Траск купил «форд», — сообщил Том. — Вернее, это Уилл продал ему автомобиль.

— Про «форд» я не слышала. Кстати, он покупает мой дом и дает очень хорошую цену, — рассмеялась Десси. — Поначалу я заломила страшно высокую цену, думала сбавить ее, когда начнем торговаться. Но мистер Траск сразу согласился и поставил меня в неловкое положение.

— И как же ты из него вышла, Десси?

— Ну, пришлось признаться, что я так сделала нарочно. Думала, он станет торговаться. Но мистеру Траску, похоже, все равно.

— Умоляю, только не проговорись Уиллу, а не то он посадит тебя под замок, — предупредил Том.

— Дом не стоит таких денег!

— Повторяю: ничего не говори Уиллу. А что собирается делать с твоим домом Адам?

— Он хочет перебраться в Салинас, чтобы дети ходили там в школу.

— А как же ранчо?

— Не знаю. Он ничего не говорил.

— Интересно, как бы сложилась наша жизнь, приобрети отец такое ранчо, как у Траска, а не эту груду тощей пыльной земли, — задумчиво произнес Том.

— Не такое уж здесь и плохое место, — возразила Десси.

— Да, замечательное во всех отношениях, вот

только на жизнь не заработаешь.

— А разве есть на свете другая семья, в которой столько веселья? — серьезно спросила Десси.

— Такой семьи я не встречал. Но тут уж дело в людях, а не в земле, на которой они живут.

— Том, а помнишь, как ты на диване возил на танцы в Пичтри Дженни и Белл Уильямс?

— Мама до сих пор об этом напоминает. А что, если пригласить к нам Дженни и Белл?

— Давай пригласим. Они обязательно приедут, — поддержала брата Десси.

Они свернули с дороги на ранчо, и Десси вдруг сказала:

— Мне наша земля запомнилась другой.

— Более сухой, да?

— Пожалуй. А теперь здесь так много травы.

— Я покупаю двадцать голов скота, чтобы ее ели.

— Да ты богач.

— Нет, куда там. В хороший год цены на говядину упадут. Интересно, как на моем месте поступил бы Уилл? Все выискивает, где чего не хватает. И меня учил: всегда делай бизнес на том, чего мало. Уилл у нас умник.

Ухабистая проселочная дорога осталась прежней, только колеи сделались глубже, да круглые

булыжники выступали больше.

— Что это за записка на мескитовом кусте? — удивилась Десси, снимая листок бумаги, когда они проезжали мимо. — «Добро пожаловать домой», — прочла она.

— Том, это ты постарался?

— Нет. Кто-то здесь побывал в мое отсутствие.

Через каждые пятьдесят ярдов на глаза попадалась очередная записка, которая свисала с ветки земляничного дерева или была прикреплена к стволу конского каштана, и во всех говорилось: «Добро пожаловать домой». И при виде каждой Десси восторженно ахала.

Они поднялись на пригорок, откуда был виден старый дом Гамильтонов, и Том остановил лошадей, чтобы сестра полюбовалась открывшимся видом. На другом конце долины возвышался холм, на склоне которого выбеленными камнями выложены слова: «Добро пожаловать домой, Десси».

Десси уткнулась лицом в куртку брата и засмеялась, а из глаз катились счастливые слезы.

Том, напустив на себя строгий вид, смотрел на холм.

— И чьих это рук дело? — бросил он в пространство. — Ни на минуту нельзя оставить ранчо без

присмотра.

На рассвете Десси проснулась от накатывающейся приступами боли. Боль осторожно поднимала голову, маяча смутной угрозой, пробегала по боку, соскальзывая в живот, слабо пощипывала, потом все сильнее и сильнее, и вот уже огромная ручища сдавила тисками тело. Через некоторое время железные пальцы разжимаются, и возникает чувство, что там внутри остался синяк, как после сильного ушиба. Приступ быстро проходит, но когда он набирает силу, весь мир вокруг меркнет, и Десси лишь прислушивается к борьбе, которая идет в организме. Когда боль отступила, Десси увидела, что за окнами уже засеребрился рассвет. Она вдыхала свежий утренний ветер, который шевелил занавески, наполняя комнату ароматом травы, корней и влажной земли. Вскоре, знаменуя наступление утра, послышалась бойкая перебранка воробьев, монотонно замычала корова, ругая тычущегося носом в вымя голодного теленка. Раздался пронзительный крик голубой сойки, предупреждающее посвистывание перепела, охраняющего гнездо, и тихий отклик спрятавшейся в высокой траве перепелки. Вот весь птичник закудахтал над только что снесенным яйцом. И род-айлендская курица

весом четыре фунта лицемерно запротестовала против похотливых попыток жалкого тощего петушка, которого она могла сбить с ног одним взмахом крыла.

Воркование голубей навеяло воспоминание о прежних днях. Десси вспомнился рассказ отца, сидящего во главе стола:

— Я вот сказал Кролику, что собираюсь развести голубей. И знаете, что он ответил? «Только не вздумай завести белых голубей». «Почему же не белых?» — удивился я. «Они непременно накличут беду. Стоит появиться стайке, и тут же в дом приходят печаль и смерть. Нет, только серые». «Но мне нравятся белые», — возразил я. «Послушай доброго совета: заводи серых», — уперся Кролик. Теперь я точно разведу белых голубей. И решение мое твердое.

— И зачем ты все время испытываешь судьбу, Сэмюэл? — терпеливо уговаривала Лайза. — Серые голуби на вкус не хуже и размером больше.

— Не позволю глупой сказке сбить меня с толку, — заявил Сэмюэл.

И тогда Лайза со свойственной ей ужасающей прямотой ответила:

— Тебя сбивает с толку собственный строптивый нрав. Вечно споришь и упрямишься. Упрям

как мул!

— Кому-то же надо спорить с судьбой, — сердито возразил Сэмюэл. — Ведь если бы никто не утирал ей нос, человечество до сих пор обитало бы на деревьях.

Разумеется, отец купил белых голубей и с вызовом ждал, когда нагрянут печаль и смерть, пока в конце концов не доказал, что был прав. А теперь потомки тех голубей воркуют ясным утром и летают над каретным сараем, напоминая колышущийся на ветру белый шарф.

Десси вспоминала былые дни, и дом наполнялся людьми и знакомыми голосами. Печаль и смерть, мысленно повторяла она. Смерть и печаль. И снова внутри пробудилась боль. Просто ждать иногда приходится достаточно долго, и они непременно придут.

Ей слышалось, как с шумом дышат мехи в кузнице и стучит по наковальне молот. Как Лайза открывает дверцу духовки и шлепает по доске вымешанное тесто для хлеба. И бродит по дому Джо, ищет башмаки в самых невероятных местах и в конце концов находит их там, где оставил, под кроватью.

Из кухни доносится нежный голосок Молли. Сестра читает главу из Библии, как заведено по

утрам, а Уна с невозмутимым видом ее поправляет звучным грудным голосом.

Вспомнилось, как Том сделал перочинным ножиком надрез под языком у Молли и чуть не умер от страха, ужасаясь собственной храбрости.

— Ах, милый Том, — прошептала Десси одними губами.

Трусость Тома не уступала его мужеству, как и водится у людей выдающихся. Неистовое буйство уживалось в нем с безграничной нежностью, а сам он представлял собой поле боя, на котором вступили в противоборство бушующие внутри силы. Он и сейчас пребывает в смятении, но Десси сумеет удержать его в узде и направить по правильному пути, как опытный жокей ведет на барьер чистокровного скакуна, демонстрируя его породу и красоту.

Десси лежала в полудреме, ощущая приглушенные толчки боли, а тем временем за окнами уже совсем рассвело и наступило утро. Она вдруг вспомнила, что Молли возглавит торжественное шествие на пикнике в честь Четвертого июля, в паре с самим Гарри Форбсом, членом сената штата. А Десси еще не закончила обшивать кантом платье сестры. Она отчаянно пыталась встать. Еще столько работы, а она нежится в постели.

— Я успею, Молли! — кричит Десси. — Платье будет готово к сроку!

Она встала с постели и, накинув халат, отправилась бродить по дому, населенному Гамильтонами. В коридоре никого. Должно быть, разошлись по спальням. В спальнях стоят аккуратно застланные кровати, и тоже ни души. Наверное, перешли в кухню. Но и там пусто. Ушли, рассеялись как сон. А вокруг тоска и смерть. Волна воспоминаний схлынула, и осталась жестокая действительность.

В доме все убрано и вычищено, нигде ни соринки. Занавески выстираны, окна вымыты, но во всем чувствуется мужская рука. Отутюженные шторы повешены кривовато, на стеклах остались разводы от тряпки, а на столе, в том месте, где лежала книга, виднеется прямоугольный след.

Разгорается огонь в плите, в щель между дверцами виднеются оранжевые отблески. Огонь с тихим гудением тянется к открытой заслонке. На кухонных часах за стеклом поблескивает маятник, часы тикают, будто кто-то стучит молоточком по пустому деревянному ящику.

С улицы донесся резкий свист, похожий на причудливую варварскую мелодию, которую наигрывают на тростниковой дудочке. Потом на

крыльце послышались шаги, и появился Том с огромной охапкой дубовых дров, из-за которых его трудно рассмотреть. Том ссыпал дрова в ящик у плиты.

— Ты уже встала, — обрадовался он. — А я собирался разбудить тебя этим шумом. — Его лицо светилось счастьем. — Утро сегодня нежное и ласковое как шелк, и не время лениться.

— Ты заговорил, как отец, — отметила Десси, смеясь вместе с братом.

— Да, — согласился Том. Радость в нем набирала неистовую силу. — И мы вернем те времена. Я влачил жалкое существование, как змея с перебитым хребтом. Неудивительно, что Уилл посчитал меня ненормальным. Но теперь ты вернулась, и я покажу, на что способен. Вдохну в эти стены новую жизнь и воскресну сам. Слышишь? Наш дом снова оживет.

— Я рада, что вернулась, — сказала Десси, с грустью думая, какой уязвимый и хрупкий ее брат, как легко его сломить. И сколько потребуется усилий, чтобы его уберечь.

— Должно быть, ты трудился день и ночь, наводя порядок в доме, — предположила она.

— Да нет, ерунда, — возразил Том. — Слегка растрясся да поработал руками.

— Знаю я твое «слегка». Наверняка не обошлось без ведра и швабры, да еще пришлось на коленках поползать, если ты только не изобрел новый способ уборки и не впряг в работу кур или вольный ветер.

— Да, я занимаюсь изобретательством, потому и времени не остается. Вот придумал узкую прорезь, благодаря которой галстук свободно скользит по жесткому воротничку.

— Ты же не носишь жестких воротничков.

— А вчера надел. И изобрел тогда же. А что до кур… Разведу их миллионы. Настрою по всему ранчо маленьких курятников, а на крышах приделаю специальные кольца, чтобы окунать их в бак с белилами. А яйца будут подаваться на конвейере. Сейчас сделаю чертеж!

— Изобрети для начала завтрак, — попросила Десси. — Интересно, какой формы получится жареное яйцо? И в какие цвета ты раскрасишь полоски жира и мяса в беконе?

— Будет тебе завтрак! — воскликнул Том, открывая дверцу плиты и яростно ворочая дрова кочергой, пока от жара не обгорели волоски на руках. Подбросив свежих дров, он снова принялся насвистывать странную мелодию.

— Ты похож на козлоногого фавна с флейтой,

устроившегося на пригорке где-нибудь в Греции.

— А кто я, по-твоему? — шутливо воскликнул Том.

«Он так искренне радуется, — горестно подумала Десси. — Что же у меня на сердце не делается легче? Почему я никак не выберусь из серого мешка? Нет, непременно выкарабкаюсь! — мысленно крикнула она. — Если может Том, смогу и я».

— Том! — окликнула она брата.

— Да?

— Хочу яйцо пурпурного цвета.

Глава 33
1

В тот год холмы долго стояли зелеными, и только к концу июня трава пожелтела. Отяжелевшие от семян колоски овса поникли на стеблях. Ручейки не пересохли даже летом. Шкуры тучной скотины сияли на солнце здоровьем и сытостью. В такие годы жители Салинас-Вэлли забывали о засухах. Фермеры покупали земли без учета своих возможностей и подсчитывали прибыль на обложках чековых книжек.

Том Гамильтон трудился, как сказочный великан, и не только сильными руками, но всей душой и сердцем. В кузнице снова зазвенела наковальня. Он выкрасил старый дом в белый цвет и побелил сараи. Съездил в Кинг-Сити и, изучив конструкцию сливного туалета, соорудил себе точно такой же из искусно согнутой жести и резного дерева. Вода из источника набиралась медленно, и он поставил рядом с домом бак из красного дерева, откуда вода качалась в дом с помощью насоса, приводимого в действие самодельной ветряной мельницей, задуманной так

умно, что она вертелась даже при слабом ветре. Том сделал в металле и дереве еще две модели своих изобретений, чтобы послать их по осени в патентное бюро.

Трудился он весело, в хорошем настроении. Десси приходилось вставать рано, чтобы заняться домашней работой, пока ее всю не переделал Том. Она наблюдала за выплескивающейся через край рыжей радостью брата и видела, что нет в ней присущей Сэмюэлу светлой легкости. Она не поднималась изнутри и не вырывалась сама собой на поверхность. Том создавал эту радость, умно и искусно, как он умел, придавая ей желаемый облик.

Десси, у которой друзей было больше, чем у любого человека в долине, близких подруг не имела, и, когда случилась беда, она никому не обмолвилась ни словом и хранила приступы боли в тайне.

Как-то раз Том застал ее с застывшим от боли, напряженным лицом и с тревогой воскликнул:

— Десси, что с тобой?!

— Да так, потянула немного спину. Ничего страшного. Уже прошло.

Усилием воли она придала лицу беззаботное выражение, и уже в следующее мгновение оба

весело смеялись.

Смеялись они часто и много, словно хотели себя приободрить. И только когда Десси ложилась спать, на нее обрушивалась тяжесть потери, гнетущая и невыносимая. А Том лежал в темной комнате, растерянный, как ребенок, прислушиваясь к неровному биению сердца, гнал от себя дурные мысли и искал убежища в новых планах, изобретениях, машинах.

Иногда летними вечерами они поднимались на холм полюбоваться вечерней зарей, окрашивающей вершины западных гор, подышать ветерком, прилетевшим в долину на смену поднявшемуся вверх жаркому дневному воздуху. Обычно некоторое время они стояли молча, вдыхая окутавшее землю умиротворение. Оба были застенчивы и никогда не говорили о себе, а потому ничего не знали друг о друге.

И оба несказанно удивились, когда однажды вечером Десси вдруг спросила:

— Том, а почему ты не женишься?

Он бросил на сестру быстрый взгляд и ответил вопросом на вопрос:

— А кто за меня пойдет?

— Ты шутишь или говоришь всерьез?

— Кто за меня пойдет? — повторил Том. — Кому

нужен такой чудак, как я?

— Вижу, ты говоришь серьезно. — И вдруг Десси, нарушая установленный между ними молчаливый закон, спросила: — Ты был когда-нибудь влюблен?

— Нет, — коротко ответил Том.

— Хотела бы я знать... — промолвила Десси, будто не слышала ответа брата.

С холма спускались молча, но уже на крыльце Том вдруг сказал:

— Тебе здесь тоскливо и одиноко. Хочешь уехать. — После короткой паузы он попросил: — Ответь же. Ведь это правда, да?

— Мне здесь нравится больше, чем где бы то ни было, и я хочу остаться, — призналась Десси. — Скажи, Том, ты иногда ездишь к женщинам?

— Да.

— И тебя это развлекает? Делается легче?

— Не сказал бы.

— Как ты собираешься жить дальше?

— Не знаю.

Они молча зашли в дом, и Том зажег лампу в старой гостиной. Набитый конским волосом диван, починенный Томом, прислонился изогнутой спинкой к стене, а на полу лежал все тот же зеленый ковер с протоптанной дорожкой, ведущей

от двери к двери.

Том сел за круглый стол, стоявший посреди комнаты, а Десси устроилась на диване. Она видела, что брат все еще испытывает смущение от своего признания. «Как он чист душой, — думала Десси. — И совсем не приспособлен для жизни в этом мире, о котором даже я знаю больше. Благородный рыцарь по натуре, спасающий красавиц из лап дракона. Мелкие грешки вырастают в его глазах до огромных размеров, и он чувствует себя недостойным и ничтожным.

Ах, был бы жив отец! Именно он почувствовал величие незаурядной натуры Тома, раскрыл его огромные возможности. Наверное, он бы сообразил, как выпустить их из мрачной темницы и отправить в свободный полет».

И Десси предприняла еще одну попытку зажечь в душе брата искру надежды.

— Уж раз мы заговорили о себе, скажи, ты никогда не задумывался, что вся наша жизнь сосредоточилась в долине и ее разнообразят лишь редкие поездки в Сан-Франциско? Ты когда-нибудь бывал южнее Сан-Луис-Обиспо? Я — ни разу.

— И я тоже, — откликнулся Том.

— Признайся, ведь это глупо.

— И многие люди там не бывали, — возразил Том.

— Но кто нам мешает? Кто установил такие законы? Мы могли бы съездить в Париж, в Рим или Иерусалим. А как мне хотелось бы посмотреть на Колизей!

Том с подозрением наблюдал за сестрой, ожидая, что разговор закончится очередной шуткой.

— И как же мы поедем? Для этого нужна куча денег.

— Ну, не так уж много и потребуется, — не согласилась Десси. — Не будем останавливаться в шикарных гостиницах. Можно сесть на самый дешевый пароход и ехать третьим классом. Именно так отец добирался сюда из Ирландии. И мы могли бы посетить Ирландию.

Том с прежним недоверием смотрел на сестру, но его глаза уже светились интересом.

— Весь год будем трудиться, — продолжила Десси. — И экономить каждый цент. Я могу взять в Кинг-Сити заказы. И Уилл нам поможет. А будущим летом ты продашь весь скот, и мы отправимся в путь. Кто нам помешает?

Том встал из-за стола и вышел во двор. Поднял голову и устремил взор в летнее небо, где светились голубая Венера и красный Марс. Руки

согнулись в локтях, пальцы сжались в кулаки и тут же разжались. Постояв на крыльце, Том вернулся в дом и застал сестру на прежнем месте.

— Десси, тебе правда хочется поехать?

— Больше всего на свете.

— Значит, поедем!

— А тебе?

— Больше всего на свете, — улыбнулся Том. — А ведь еще есть Египет. Ты забыла о Египте?

— И Афины, — обрадовалась Десси.

— Константинополь!

— Вифлеем!

— Да, Вифлеем, — повторил Том. — Пойдем спать. Впереди год тяжелой работы. Надо отдохнуть. Займу денег у Уилла и куплю сотню поросят.

— И чем ты собираешься их кормить?

— Желудями, — заявил Том. — Сооружу машину для сбора желудей.

Том ушел к себе в спальню, и Десси слышала, как он ходит по комнате и разговаривает сам с собой. Она выглянула в окно, любуясь звездной ночью, и на душе было радостно. И тут же возникли сомнения: а действительно ли ей хочется отправиться в путешествие? И хочется ли того же Тому? И словно в ответ на них в боку шевель-

нулась боль.

Проснувшись утром, Десси застала Тома у чертежной доски. Он бил себя кулаком по лбу и что-то бормотал. Десси подошла и заглянула ему через плечо:

— Это и есть машина для сбора желудей?

— Да собрать-то нетрудно, а вот как отделить черенки и ядрышки?

— Ты, разумеется, изобретатель, но самую замечательную машину для сбора желудей все-таки придумала я, и она готова к работе.

— То есть как?

— Дети. С их неугомонными проворными ручонками.

— Они не станут этим заниматься даже за деньги.

— А за призы — станут. Маленький приз каждому участнику и большой — победителю. Может быть, сотню долларов. Они вычистят всю долину. Позволь мне попробовать.

— Ну что ж, — почесал затылок Том. — Но как ты намерена собирать желуди?

— Дети принесут их сюда, — объяснила Десси. — Я обо всем позабочусь сама. Ты только подготовь место для хранения.

— Но ведь это эксплуатация детского труда,

верно?

— Разумеется, — согласилась Десси. — И я в мастерской эксплуатировала труд девочек, которые хотели научиться шить. А они, в свою очередь, эксплуатировали меня. Назову это мероприятие «Великим монтерейским состязанием по сбору желудей». И возьму не каждого. А призами станут, к примеру, велосипеды. Разве ты не стал бы собирать желуди в надежде получить велосипед?

— Конечно, стал бы. Но почему им просто не заплатить?

— Нет, деньги — не то, — возразила Десси. — Тогда это занятие превратится в обычный труд. А работать дети не любят. Как и я.

— Да и я тоже, — рассмеялся Том, отрываясь от чертежной доски. — Хорошо, ты отвечаешь за желуди, а я — за поросят.

— Послушай, Том, вот будет смеху, если мы вдруг разживемся деньгами!

— Но ты неплохо зарабатывала в Салинасе, — возразил Том.

— Не так уж и много. А вот щедрых обещаний было больше чем достаточно. Если бы мне заплатили по всем счетам, поросята бы не потребовались. Езжай в Париж хоть завтра.

— Съезжу в город поговорю с Уиллом, — сказал

Том, отодвигая стул от чертежной доски. — Хочешь поехать со мной?

— Нет, останусь на ранчо и все как следует обдумаю. А завтра начну Великое состязание по сбору желудей.

2

Том вернулся на ранчо под вечер, печальный и подавленный. Уилл, как всегда, умудрился погасить его энтузиазм. Он подергал верхнюю губу, потер брови, почесал нос и протер очки, а потом с серьезным видом обрезал сигару и зажег. В затее с поросятами обнаружилась масса недостатков, и Уилл указал пальцем на каждый.

И состязание по сбору желудей провалится, хотя он и не указал причину. Весь план построен на песке, особенно если учесть нынешние времена. Уилл, правда, согласился подумать на досуге над затеей Тома. Тем дело и ограничилось.

Во время разговора Том хотел рассказать о намерении посетить Европу, но вовремя сдержался, подчиняясь внутреннему чутью. Слоняться по Европе может себе позволить только человек, удалившийся от дел и предварительно вложивший капитал в надежные ценные бумаги. В

противном случае Уилл сочтет подобную идею полным безрассудством, в сравнении с которым план по выкармливанию поросят покажется верхом деловой смекалки. Итак, Том промолчал, глубоко убежденный, что брат вынесет их затее смертный приговор.

Бедный Том и не подозревал, что одна из творческих радостей дельца состоит в умении искусно лицемерить. Выражать энтузиазм по поводу чужих замыслов — полный идиотизм. И Уилл действительно собирался обдумать план брата. Отдельные моменты вызвали у него живой интерес и увлекли. Том случайно наткнулся на ценную мысль. Купить поросят в кредит, выкормить почти даром, продать и, расплатившись с долгом, получить хорошую прибыль. Нет, грабить брата Уилл не собирался. Просто отодвинет его в сторонку. Ведь Том мечтатель, и разве можно доверить ему претворение в жизнь такой разумной и прибыльной идеи? Он даже не знает цен на свинину, вырастут они или упадут. Если затея удастся, Уилл преподнесет Тому хороший подарок, может быть, даже «форд». А что, если сделать «форд» главным и единственным призом за сбор желудей? Вся долина бросится их собирать.

По дороге на ранчо Том размышлял, как бы де-

ликатнее сообщить Десси, что их план никуда не годится. Лучше всего предложить взамен новую идею. Но как заработать за год достаточную для поездки в Европу сумму? И вдруг Тома осенило, что он не знает, сколько потребуется денег. Он даже не знает цен на билеты на пароход. Вечером нужно сделать необходимые расчеты.

Он в душе надеялся, что сестра выбежит из дома его встречать, и, придав лицу веселое выражение, заготовил шутку. Но Десси не вышла. Может, вздремнула? Том напоил лошадей, отвел в конюшню и положил в кормушки сена.

Он застал сестру на диване с изогнутой спинкой.

— Прилегла отдохнуть? — ласково спросил Том и вдруг увидел ее смертельно бледное лицо. — Десси, что с тобой?!

— Так, живот разболелся. Сильный приступ, — превозмогая боль, прошептала она.

— Господи, как ты меня напугала! Ну, с болью в животе мы справимся.

Он пошел на кухню, вернулся со стаканом полупрозрачной жидкости и протянул его сестре.

— Что это, Том?

— Старая испытанная слабительная соль. Немного побегаешь, но непременно полегчает.

Десси послушно выпила содержимое стакана.

— Знакомый вкус. Любимое мамино лекарство в сезон незрелых яблок.

— А теперь полежи, а я приготовлю ужин.

Десси слышала, как брат хлопочет на кухне. Во всем теле неистовствовала боль, к которой примешивался страх. Она чувствовала, как лекарство спускается по пищеводу, обжигая его и желудок. Через некоторое время она с трудом добрела до домашнего туалета и попыталась с помощью рвоты очистить организм от соли. По лбу струился холодный пот, застилая глаза. Десси хотела выпрямиться, но мышцы живота затвердели в спазме и не давали разогнуться.

Вскоре Том принес омлет, но она только тихо покачала головой.

— Нет, не могу, — улыбнулась она брату. — Лучше пойду в постель.

— Соль скоро подействует, — заверил Том. — И тогда станет легче. — Он помог Десси добраться до кровати. — И что ты могла съесть?

Десси лежала в спальне, усилием воли превозмогая боль, но к десяти вечера воля ей изменила.

— Том! Том! — позвала она брата. Он прибежал на зов со «Всемирным альманахом» в руках. — Том, — прошептала Десси, — прости, но мне

очень плохо. Совсем худо.

В темноте он присел на край кровати:

— Что, сильные рези?

— Ужасные.

— Может, сходишь в туалет?

— Нет, потом.

— Я принесу лампу и посижу с тобой, — предложил Том. — Может, поспишь, а утром все пройдет. Соль непременно поможет.

Десси снова взяла себя в руки и лежала тихо, пока брат зачитывал выдержки из «Альманаха», желая ее развлечь и успокоить. Решив, что Десси уснула, он замолчал и задремал в кресле рядом с лампой.

Его разбудил жалобный крик. Том подбежал к кровати, где среди сбившихся простыней металась Десси. Ее глаза помутнели, как у обезумевшей лошади, в уголках рта появились пузырьки пены, лицо горело. Том засунул руку под одеяло и нащупал твердый, словно окаменевший живот. Десси вдруг затихла, откинув назад голову, в полузакрытых глазах отразился свет лампы.

Том быстро взнуздал коня и поскакал, не оседлав. Торопливо вытащив из брюк ремень, он стал хлестать перепуганное животное, заставляя скакать галопом по ухабистой, изрытой колеями

проселочной дороге.

Двухэтажный дом Дунканов стоял у самой дороги. Вся семья спала наверху, и никто не слышал, как колотят в дверь. Дунканов разбудил грохот сорванной с петель вместе с замком двери. Сбежав вниз с дробовиком в руках, Ред Дункан застал там Тома, который кричал в трубку прикрепленного к стене телефона:

— Доктора Тилсона! Позовите его! Мне плевать! Да зовите же, черт возьми!

Не до конца проснувшийся Ред Дункан все еще держал Тома под прицелом.

— Слушаю, — откликнулся голос доктора Тилсона. — Да-да, понял. Вы — Том Гамильтон. Что с ней случилось? А живот твердый? Что вы предприняли? Дали соль?! Проклятый идиот!

— Послушай, Том, — доктор уже справился с гневом, — возьми себя в руки, мой мальчик. Возвращайся домой, смочи в холодной воде полотенца и прикладывай к животу. Льда, разумеется, в доме нет. Как можно чаще меняй полотенца. Я немедленно выезжаю. Слышишь меня? Том?

Врач повесил трубку, оделся. С сердитым усталым видом открыл стенной шкаф и стал складывать в саквояж скальпели, зажимы, тампоны, иглы и нити для наложения швов. Проверил,

заправлен ли фонарь, и поставил на стол банку с эфиром, а рядом положил эфирную маску. В комнату заглянула его жена, в чепце и ночной сорочке.

— Я иду в гараж, — сообщил он жене. — Позвони Уиллу Гамильтону и скажи, чтобы отвез меня на отцовское ранчо. Если заартачится, скажи, что его сестра при смерти.

3

Том вернулся на ранчо через неделю после похорон Десси. Он ехал верхом, далекий от суеты и строгий. Плечи расправлены, подбородок держит прямо — ни дать ни взять, гвардеец на параде. Все, что полагается, Том выполнил не торопясь, соблюдая все условности. Лошадь вычищена скребницей, широкополая шляпа сидит на голове, точно влитая. Том возвращался в родной дом, и даже сам Сэмюэл не смог бы держаться с большим достоинством в такую минуту. Ястреб бросился камнем вниз, вцепился когтями в цыпленка, но Том даже головы не повернул.

У конюшни он спешился, напоил коня, немного постоял с ним у порога, потом надел недоуздок и насыпал плющеного овса в ящик у яслей. Сняв

седло, повернул потник нижней стороной вверх, чтобы хорошо просушить. Вскоре гнедой справился с овсом, и Том вывел его во двор и отпустил пастись на воле, на не огороженных забором просторах.

А в доме вся мебель, кресла и даже плита будто шарахались от него с отвращением. Он вошел в гостиную, и стоявший на дороге табурет ловко увернулся из-под ног. Спички в кармане совсем размокли, и Том, испытывая чувство вины, отправился в кухню за новой коробкой. Вскоре он вернулся. На столе в гостиной одиноко стояла лампа, словно неподкупный судья. Том поднес зажженную спичку, и пламя, вспыхнув вокруг фитиля, стало желтым и поднялось на дюйм в высоту.

Он сел, обвел взглядом комнату, окутанную вечерними сумерками, стараясь не смотреть на набитый конским волосом диван. Услышав доносившуюся с кухни мышиную возню, повернулся и увидел на стене тень в шляпе. Шляпу Том снял и положил рядом на стол.

Сидя при свете лампы, он думал о пустяках, отгораживаясь от главного. Однако Том знал, что очень скоро огласят его имя, и тогда придется предстать перед судом, на котором в роли судьи

выступит он сам, а присяжными заседателями станут его грехи и преступления.

И вот в ушах прозвучал пронзительный голос, выкрикнувший его имя, и Том мысленно предстал перед обвинителями. Первое — тщеславие. Оно обвиняет Тома в неумении хорошо одеваться, неряшливости и вульгарности. Следующее обвинение выдвигает похоть. Сколько раз он швырял деньги на ветер, оплачивая услуги проституток. Непорядочность заставляла притворяться, будто он обладает талантами и силой мысли, которых нет и в помине. А вот рука об руку с ленью выступает чревоугодие. Эти обличители успокоили Тома, так как заслонили собой огромную серую тень, пристроившуюся на заднем сиденье, дожидаясь своего часа. Серое, вселяющее ужас преступление. И Том цеплялся за мелкие грешки, видя в них чуть ли не добродетели и путь к спасению. Да, он завидовал богатству Уилла и предал Господа, которому молится мать. Праздное времяпрепровождение, утрата надежды, болезненное неприятие любви.

Послышался тихий голос Сэмюэла, заполнивший собой комнату:

— Будь добрым, чистым и великим, будь Томом Гамильтоном.

Но Том пропустил слова отца мимо ушей.

— Я занят. Приветствую старых друзей.

И он кивнул хамству, уродству, недостойному сыновнему поведению и неухоженным, грязным ногтям. Потом снова обратился к тщеславию. И тут, оттесняя плечами остальных, вперед выступила серая тень. Поздно прятаться за детские грешки. Серая тень — это убийство.

Том ощутил рукой холод стакана, видел жидкость, в которой растворялись кристаллики и всплывали вверх похожие на крошечные жемчужины пузырьки. И он сам повторяет в пустоту комнаты: «Соль непременно поможет. Подожди до утра, и все пройдет». Да, в точности так он и говорил. Его слова слышали стены, кресла и лампа и могут их подтвердить. Во всем мире не осталось места для Тома Гамильтона, как он ни искал. Тасовал все варианты, как колоду карт. Лондон? Нет! Может, Египет с пирамидами и сфинксом? Нет! Париж? Опять не то! Погоди, там грешат так, что тебе и не снилось. Нет, не подходит! Ладно, оставим пока в покое Париж. Может, еще сюда вернемся. Вифлеем? Господь милосердный, нет! Чужестранцу там будет одиноко.

И кстати, следует заметить, трудно припомнить, как и когда ты умираешь. То ли достаточно

приподнятой брови или тихого шепота — и тебя уже нет. Или это ночь со вспышками света, в которую подгоняемый порохом свинец настигает твою заветную тайну и выпускает жизненную силу.

И это правда. Том Гамильтон мертв, остается только соблюсти ряд условностей, которых требуют приличия, и поставить точку.

Диван осуждающе скрипнул, словно желая привлечь внимание. Том взглянул на него и на дымящуюся лампу.

— Благодарю, — обратился Том к дивану. — А я и не заметил. — И он закрутил фитиль, пока лампа не перестала дымить.

Разум Тома погрузился в дрему, но Убийство разбудило его пощечиной. А рыжий Том, приносивший племянникам жевательную резинку, слишком устал, чтобы свести счеты с жизнью. Это требует усилий, возможно, будет больно, и впереди ждет адская мука.

Он вспомнил, что мать испытывает стойкое отвращение к самоубийству, которое, в ее понимании, сочетает три вещи, неизменно вызывающие неодобрение: дурные манеры, трусость и грех. Самоубийство достойно порицания, не меньше чем супружеская неверность или во-

ровство. Но должен же найтись выход, который спасет от осуждения Лайзы. Иначе страданиям не будет конца.

Сэмюэл строго судить не станет, но, с другой стороны, от него никуда не скрыться, потому что он вездесущ. Том должен поговорить с ним.

— Отец мой, прости, — обратился он к Сэмюэлу. — Это выше моих сил. Ты во мне ошибся, переоценил. Хотел бы я оправдать любовь, которую ты напрасно на меня потратил. Зря ты мной гордился. Возможно, ты бы нашел достойный выход, а вот я не могу. Не могу жить. Я убил Десси и хочу уснуть.

И мысленно ответил за ушедшего отца:

— Да, мне понятны твои переживания. Существует так много вариантов, из которых выбирается путь от рождения к рождению новому. Но давай подумаем, как все устроить, чтобы не причинить боль матери. К чему так спешить, сынок?

— Не могу ждать, — откликнулся Том. — Нет сил выносить эту муку.

— Да нет же, сынок, потерпишь. Ты вырос человеком с возвышенной душой и оправдал мои ожидания. Открой же ящик стола и пораскинь мозгами, докажи, что у тебя на плечах умная

голова, а не репа.

Том выдвинул ящик, в котором обнаружил стопку тисненой почтовой бумаги, пачку конвертов, два обгрызенных карандаша и несколько марок в дальнем углу, заросшем пылью. Он достал из ящика бумагу, заточил ножиком карандаши и взялся за письмо:

Дорогая мама!

Надеюсь, ты в добром здравии. В дальнейшем я намерен проводить больше времени с тобой. Олив пригласила меня на День благодарения, и я непременно приеду. Малышка Олив готовит индейку не хуже тебя, хоть ты никогда этому не поверишь. А мне вот повезло. Купил за пятнадцать долларов мерина, и похоже, он чистых кровей. Продали дешево, так как мерин питает ненависть ко всему роду человеческому. Прежний владелец нечасто гарцевал на его спине, а больше валялся на собственной, сброшенный на землю этой тварью. Должен признать, хитрющая скотина и с норовом. Вот и меня уже пару раз сбрасывал, но я его обломаю, и тогда у меня будет одна из

лучших лошадей в округе. Не сомневайся, уж я с ним справлюсь, даже если на это уйдет вся зима. Что это я все про мерина. Прежний хозяин, у которого я его купил, сказал забавную вещь. Якобы в этой скотине столько злобы, что она готова выгрызть всадника из седла. Помнишь, что говорил отец, когда мы отправлялись охотиться на кроликов? «Возвращайтесь со щитом или на щите». Ну, до встречи в День благодарения.

Твой сын Том.

Он сомневался, не вызовет ли письмо подозрений, но писать заново не осталось сил. В конце письма Том добавил приписку:

P.S. По-моему, Полли уже не исправить. Этот попугай вгоняет меня в краску.

На другом листке Том написал:

Дорогой Уилл! Думай что хочешь, только помоги мне ради мамы. Меня убила лошадь. Сбросила и ударила копытом по голове. Пожалуйста, прошу тебя! Твой брат Том.

Наклеив марки, он положил письма в карман и снова обратился к Сэмюэлу:

— Я все сделал правильно?

В спальне он распечатал коробку с патронами и, взяв один, вложил в барабан отлично смазанного револьвера «смит-вессон» 38-го калибра. Установил камору с патроном слева от бойка, чтобы при нажатии на спусковой крючок патрон попал под боек.

Сонная лошадь, стоявшая у забора, подошла на свист хозяина и терпеливо дождалась, когда ее оседлают.

В три часа утра Том бросил письма в почтовый ящик в Кинг-Сити, а потом вскочил в седло и повернул коня на юг, к бесплодным холмам во владениях Гамильтонов.

Том во всех поступках оставался истинным джентльменом.

Часть четвертая

Глава 34

Ребенок спрашивает: «Какая самая главная тайна на свете?» Взрослый иногда задается вопросом: «Куда идет мир, как он кончится? Да, мы живем, но в чем смысл жизни?»

Я думаю, что в истории есть одна-единственная тайна, она вселила в человека страх и одновременно вдохновила его на благородные дела. Поэтому вся его жизнь проходит в постоянном ожидании чего-то, в сомнениях и переживаниях, как будто он смотрит фильм с Перл Уайт в главной роли[8]. Со всеми своими мыслями и поступками, желаниями и стремлениями, со всей своей жадностью и жестокостью, состраданием и великодушием люди с самого начала попадают в сети добра и зла. Я считаю, что это единственная тайна, которая существует у человечества, и она захватывает все наши чувства и наш рассудок. Добродетель и порок стерегут первые проблески нашего сознания и пребудут с нами до его послед-

---

[8] Примечания: 8

Уайт, Перл (1889-1938) — американская киноактриса, завоевавшая популярность многосерийной картиной «Опасные приключения Полины». Героини Уайт сочетают женскую привлекательность и отвагу.

него мерцания, как бы мы ни изменяли землю, море и горы, экономику и нравы. Никакой другой тайны нет. Когда человек отрясает с ног своих прах и тлен земной жизни, перед ним встает прямой и трудный вопрос: «Какая она была — хорошая или плохая? Как я жил — правильно или неправильно?»

В своей истории греко-персидских войн Геродот рассказывает о том, как Крез, самый богатый и почитаемый современниками царь, спросил у Солона Афинского: «Кто самый счастливый человек на свете?» Он жаждал ответа, потому и задал этот вопрос. Его грызли сомнения, и ему надо было во что бы то ни стало рассеять их. Солон поведал ему о трех достойных мужах, живших в старые времена. Крез, наверное, плохо слушал его — так ему хотелось услышать о себе. И когда Солон не упомянул его, Крез не вытерпел и спросил: «Разве ты не считаешь счастливым меня?»

Солон не колеблясь сказал: «Откуда мне знать? Ты же пока не умер».

Потом, когда удача покинула Креза и он начал терять царство и сокровища, его, должно быть, неотвязно мучили эти слова. Взойдя на костер, он тоже, вероятно, думал об этом и жалел, что спросил Солона.

В наше время тоже так. Когда умирает человек, который имел деньги, вес, власть и другие вещи, вызывающие зависть, а живые подсчитывают его богатство, его труды, заслуги и памятники, то сам собой возникает вопрос: «Какую он прожил жизнь — хорошую или плохую?», то есть люди спрашивают то же самое, о чем другими словами спросил Крез. Зависть прошла, и теперь человека меряют вечной меркой: «Любили его или ненавидели? Причинила его смерть горе или, наоборот, вызвала радость?» Я хорошо помню смерть трех людей. Один из них был самый богатый человек нашего столетия, который продрался к богатству, уродуя судьбы и души, а потом много лет старался вернуть уважение и тем самым сослужил большую службу обществу, пожалуй, даже перевесившую зло, которое он причинил людям при возвышении. Я плыл на пароходе, когда он умер. Вывесили объявление о его смерти, и известие почти всем доставило удовольствие. Некоторые даже говорили: «Слава богу, помер-таки, сукин сын». Другой был дьявольски хитер, он не понимал, что у каждого есть чувство собственного достоинства, зато хорошо изучил человеческие слабости и пороки и пользовался этим, чтобы подкупать и покупать людей, развращать, совра-

щать и шантажировать их, и добился в конце концов большой власти. Он прикрывал свои поступки словами о добродетели, а я удивлялся — неужели он не понимает, что никакой дар не завоюет тебе уважение, если ты отнял у другого самоуважение. Когда покупаешь человека, ничего, кроме ненависти, от него не жди. Когда он умер, вся страна возносила ему хвалу, но в глубине души каждый радовался его смерти.

Третий, наверное, совершил много ошибок, но вся его деятельная жизнь была посвящена тому, чтобы помочь людям стать хорошими, честными и мужественными в те времена, когда злые силы в мире захотели сыграть на их страхе. Многие наверху очень не любили этого человека, но народ плакал на улицах, когда он умер, и вопрошал в отчаянии: «Что нам теперь делать? Как нам жить без него?»

Я полон сомнений, но для меня несомненно, что под наружным покровом слабости каждый хочет быть хорошим и чтобы его любили. Мало того, большинство наших пороков — это неудавшиеся попытки найти легкий, кратчайший путь к добродетели. Когда человеку приходит время умереть и он умирает, не вызывая жалости у других, то каковы бы ни были его способности,

положение и заслуги, вся его жизнь — сплошная неудача, а смерть рождает в нем ужас. Если вы или я оказываемся перед выбором подумать или поступить так или иначе, мы всегда должны помнить о смерти и стараться жить так, чтобы наша смерть никому не доставила радости.

Да, у человечества есть одна-единственная тайна. Все наши романы, вся поэзия вертятся на непрекращающейся борьбе добра и зла в нас самих. Мне иногда кажется, что зло вынуждено постоянно приспосабливаться и менять обличье, но добро бессмертно. У порока каждый раз новое, молодое лицо, зато больше всего на свете чтут добродетель, и так будет всегда.

Глава 35
1

Ли помог Адаму и мальчикам переехать в Салинас, проще сказать — перевез их: уложил вещи, отправил их на вокзал, загрузил заднее сиденье «форда», а по прибытии в Салинас распаковал имущество, аккуратно разложил по местам и вообще обустроил Трасков в небольшом доме Десси. Он сделал все мыслимое для их удобства, массу сверх того и тем не менее продолжал хлопотать, дабы оттянуть время. Но вот однажды вечером, когда близнецы уже улеглись, он церемонно подал Адаму ужин. Вероятно, по этой церемонности Адам и догадался, к чему тот клонит.

— Я же вижу, ты давно хочешь что-то сказать мне. Выкладывай.

Ли заранее придумал речь, которую хотел начать так: «В течение многих лет я служил вам в полную меру моих сил и возможностей, однако теперь…», но прямое обращение Адама сбило его с толку.

— Я много раз откладывал объяснение, — сказал Ли. — Настоящую речь заготовил. Хотите

выслушать?..

— А тебе непременно хочется произнести речь?

— Нет, — признался Ли, — не хочется. Хотя речь хорошая.

— Когда желаешь взять расчет?

— Как можно скорее. Боюсь передумать, если буду откладывать. Вы хотите, чтобы я подождал, пока найдете кого-нибудь на мое место?

— Не стоит. Ты же знаешь, какой я медлительный. Мне понадобится время. Может быть, я вообще никого не возьму.

— В таком случае я еду завтра.

— Мальчишки ужасно расстроятся, — сказал Адам. — Прямо не знаю, как они будут без тебя. Может, тебе лучше потихоньку уехать, а я им после все объясню.

— Мои наблюдения говорят о другом. Дети любят преподносить нам сюрпризы.

Так оно и случилось. На другой день за завтраком Адам объявил:

— Арон, Кэл, слушайте: Ли уезжает от нас.

— Правда?.. — переспросил Кэл. — Знаешь, сегодня вечером баскетбольная встреча. Вход десять центов. Ты не против, если мы пойдем?

— Идите. Но вы слышали, что я сказал?

— Факт, слышали, — отозвался Арон. — Ты сказал, что Ли уезжает.

— Совсем уезжает!

— И куда он едет? — поинтересовался Кэл.

— В Сан-Франциско. Он будет там жить.

— А-а… — протянул Арон. — На Главной улице появился один, видел? Поставил свою печку прямо на тротуаре, жарит сосиски и кладет в булки. Всего десять центов за штуку, а горчицы сколько хочешь бери.

Ли стоял в дверях кухни и, глядя на Адама, улыбался. Когда близнецы собрались в школу, Ли сказал:

— До свидания, мальчики.

— До свидания! — выкрикнули оба и выскочили из дома.

Адам уставился в чашку с кофе и пробормотал виновато:

— Бесенята бесчувственные! Вот тебе награда за десятилетнюю службу.

— По мне, лучше так, — отозвался Ли. — Притворись они, что опечалены, они покривили бы душой. Для них мой отъезд пустяк. Может, они иногда вспомнят обо мне — втихомолку. Я не хочу, чтобы они огорчались. Надеюсь, у меня не настолько мелкая натура, чтобы радоваться, ко-

гда по мне скучают. — Он положил на стол перед Адамом пятьдесят центов: — Пойдут вечером на баскетбол — передайте им это от меня, и пусть купят булочки с сосисками. Только бы там не оказалось птомаина, в моем скромном прощальном подарке. Были такие случаи.

Адам удивленно смотрел на раздвижную корзину, которую Ли принес в столовую.

— Это все твои вещи?

— Кроме книг. Книги я сложил в коробки и оставил в подвале. Если вы не возражаете, я пришлю за ними или приеду сам, когда устроюсь.

— Конечно. Знаешь, Ли, мне будет здорово не хватать тебя. Не знаю, приятно тебе это слышать или нет. Ты в самом деле собираешься купить книжную лавку?

— Таковы мои намерения.

— Писать-то хоть нам будешь?

— Пока не знаю. Нужно подумать. Говорят, чистая рана быстрее заживает. Для меня самое печальное — общаться по почте. Когда близость держится одним клеем на марке. Если не видишь человека, не можешь его услышать или потрогать — его все равно что и нет.

Адам встал из-за стола.

— Я провожу тебя на вокзал.

— Ни в коем случае! — резко возразил Ли. — Ни к чему это. До свидания, мистер Траск. До свидания, Адам, — добавил он и быстро вышел.

Пока Адам успел выговорить «До свидания», тот уже спустился по ступенькам крыльца, а его выкрик вдогонку «Пиши!» совпал со стуком калитки.

2

В тот вечер после баскетбольной встречи Кэл и Арон умяли по пять булочек с сосисками, и это было кстати, потому что Адам забыл приготовить ужин. По дороге домой братья первый раз заговорили об отъезде Ли.

— Интересно, почему он уехал? — спросил Кэл.

— Он давно об этом поговаривал.

— Как же он будет без нас?

— Не знаю. Спорим, что он вернется, — сказал Арон.

— Как так вернется? Отец ведь сказал, что он хочет книжную лавку открыть. Смех, да и только — китайская книжная лавка.

— Приедет он, соскучится по нам и приедет. Вот увидишь.

— Спорим на десять центов, что не приедет.

— До какого времени?

— До никакого! Вообще не приедет.

— Идет, — согласился Арон.

Целый месяц Арон ждал своего выигрыша, а еще через неделю дождался.

Ли приехал десятичасовым и вошел в дом, отперев дверь своим ключом. В столовой горел свет, но Адам был на кухне — он яростно скреб консервным ножом чугунную сковородку, стараясь счистить с нее черную корку. Ли поставил свою корзину на пол.

— Надо залить водой и оставить на ночь. Тогда она легко отстанет.

— Правда? Я жарю, а у меня все подгорает. Свеклу варил, тоже подгорела. Вонь — хоть святых выноси! Кастрюлю вот на двор выставил… У тебя что-нибудь случилось, Ли? — спросил Адам.

Ли взял у него сковороду, поставил в раковину и залил водой.

— Будь у нас газовая плита, вмиг бы кофе сварили, — сказал Ли. — Впрочем, я и печь могу растопить.

— Печь не горит.

Ли открыл дверцу:

— Вы золу-то хоть раз выгребали?

— Какую золу?

— Вот что, отдохните-ка пока в комнатах, — сказал Ли. — А я кофе заварю.

Адаму не сиделось в столовой, но перечить Ли ему не хотелось. Наконец тот принес две чашки кофе и поставил их на стол.

— В кастрюльке сварил, — сказал Ли, — чтобы побыстрее. — Он нагнулся к корзине, развязал веревку и вытащил глиняную бутылку: — Это китайская настойка на полыни — уцзяпи. Иначе еще лет десять пролежит. Да, я забыл спросить: вы нашли кого-нибудь на мое место?

— Вокруг да около ходишь, — съязвил Адам.

— Я знаю. Но знаю и другое: лучше всего прямо сказать, и кончено дело.

— Ты проигрался в маджонг?

— Если бы. Нет, мои деньги целы… Черт, пробка раскрошилась, придется внутрь пропихнуть. — Ли влил черной жидкости себе в кофе: — Никогда так не пробовал. Вкусно, однако.

— Отдает подгнившими яблоками, — заметил Адам.

— Верно, только помните, как Сэм Гамильтон сказал? Хоть и подгнили, но хороши.

— Может, ты все-таки наберешься духу и расскажешь, что же с тобой произошло?

— Ничего со мной не произошло, — ответил

Ли. — Мне одиноко стало, вот и все. Или этого мало?

— А как же книжная лавка?

— Не нужно мне никакой книжной лавки. Наверное, я понимал это еще до того, как сел в поезд. Просто время потребовалось, чтобы окончательно в этом убедиться.

— Выходит, пропала твоя последняя мечта?

— Скатертью дорога! — Ли был возбужден до крайности. — Мистел Тласк, китаеза сисас наклюкается.

— Что это вдруг на тебя нашло? — встревожился Адам.

Ли поднес бутылку ко рту, сделал долгий жадный глоток и выдохнул спиртные пары из обожженного рта.

— Адам, — сказал он, — я бесконечно, безмерно, безгранично счастлив, что снова дома. Никогда в жизни я не был так чертовски одинок.

Глава 36
1

В Салинасе были две начальные школы — огромные, крашенные желтой краской, с высокими мрачными окнами, да и двери тоже не веселили. Одна находилась на Восточной стороне, другая на Западной, и назывались они соответственно. Школа на Восточной стороне была у черта на куличках, на другом краю города, и в ней учились ребята, жившие восточнее Главной улицы, поэтому ее я описывать не буду.

Школа на Западной стороне представляла собой большое двухэтажное здание, обсаженное по фасаду сучковатыми тополями. Оно делило школьный двор на две части — для мальчиков и для девочек. За зданием мальчишечья площадка была отгорожена от девчоночьей высоким дощатым забором, а позади школьный двор упирался в болото со стоячей водой, где росли тимофеевка и даже камыш. В школе занимались ученики с третьего класса по восьмой. Первые два класса ходили в Детскую школу, она была в другом месте.

В школе на Западной стороне каждый класс

имел свою комнату; третий, четвертый и пятый размещались на первом этаже, шестой, седьмой, восьмой — на втором. В каждой классной комнате стояли обшарпанные дубовые парты, кафедра, квадратный учительский стол, висели часы «Сет Томас» и непременно — картина. Картины в каждом классе были разные, но написаны все под сильным влиянием прерафаэлитов. Галахад[9]в сияющих доспехах указывал путь третьеклассникам; состязание Аталанты[10]будило воображение четвертого класса; горшок с базиликом[11]ставил в тупик пятый, и так далее до восьмого, где осуждение Катилины Цицероном внушало выпускникам чувство высшей гражданской добродетели, необходимое для перехода к среднему образованию.

---

[9] Примечания: 9

Галахад — один из центральных персонажей основанной на древнейших преданиях эпопеи «Смерть Артура» (1469) англичанина Томаса Мэлори. Благодаря своему целомудрию Галахад находит Святой Грааль, чашу, наполненную кровью Христа.

[10] Примечания: 10

Аталанта — в греческой мифологии охотница, славившаяся быстротой ног; всем сватавшимся к ней она устраивала испытание, предлагая состязаться в беге.

[11] Примечания: 11

Имеется в виду поэма Джона Китса (1795-1821) «Изабелла, или Горшок с базиликом» (1820), сюжет которой заимствован из одной новеллы «Декамерона» Боккаччо: флорентинка Изабелла выкапывает голову возлюбленного, убитого ее злыми братьями, кладет в горшок с базили-

ком и хранит как святыню.

Кэла и Арона по возрасту зачислили в седьмой класс, и они быстро изучили каждую черточку в своей картине, изображавшей Лаокоона и его сыновей, опутанных змеями.

После тесной школьной комнаты в деревне братьев поразили размеры и великолепие школы на Западной стороне. На них произвело глубокое впечатление и то, что здесь могли позволить себе роскошь держать учителя для каждого класса. Это казалось им расточительством. Но люди быстро привыкают к хорошему. Первый день близнецы изумлялись, второй восторгались, а на третий почти позабыли, что раньше ходили в какую-то другую школу.

Учительницей у них была хорошенькая темноволосая женщина, и у братьев с ней не было никаких неприятностей, так как они быстро сообразили, когда надо поднимать руку, чтобы тебя спросили, а когда нет. Кэл первый придумал, как надо действовать, и объяснил Арону.

— Обычно ребята как делают? Если выучат урок, то тянут руки, а не выучат — прячутся под парту. А мы по-другому поступим. Знаешь как?

— Нет, не знаю. Как?

— Ты заметил, что она не всегда вызывает тех, кто высовывается? Других спрашивает, а они,

само собой, ни бум-бум.

— Верно, — заметил Арон.

— Ну так вот, первую неделю мы зубрим, как каторжники, но руки поднимать не будем. Она, конечно, вызывает нас, а мы чин-чином отвечаем. Это собьет ее с толку. Другую неделю ничего не учим, зато изо всех сил тянем руки. Но она нас не спрашивает. Потом третью неделю мы просто сидим тихо-мирно, то ли готовы отвечать, то ли нет — она не знает. И очень скоро она вообще от нас отвяжется. Зачем ей тратить время на тех, кто успевает?

Кэлова метода вполне оправдала себя. Прошло совсем немного времени, и учительница действительно оставила братьев в покое, а сами они завоевали репутацию ребят сообразительных и ловких. Собственно говоря, Кэл даром тратил время, придумывая свой план. Оба были способные ученики и схватывали все на лету.

Кроме того, Кэл ловко играл в шарики, втянул в игру полшколы и накопил целое богатство из цветных мелков и камешков и всяких стекляшек. Когда увлечение игрой в шарики прошло, он стал менять свое богатство на волчки. Один раз он собрал и стал использовать в качестве платежного средства сорок пять волчков все-

возможных размеров, форм и расцветок — от топорных низеньких кубарей для малышни до изящных высоких башенок на тонюсенькой ножке с острым концом.

Все, кто знал Арона и Кэла, видели разницу между ними и удивлялись несходству близнецов. Кэл вырос смуглым, темноволосым, был быстр в движениях, уверен в себе и скрытен. Даже если бы он очень постарался, ему не удалось бы спрятать свою сообразительность. Взрослых поражала в нем ранняя, на их взгляд, не по годам зрелость, и это их настораживало. Кэл не пользовался особой симпатией, его даже побаивались, но именно поэтому уважали. Близких друзей у него не было, но одноклассники покорно приняли его в свою компанию, и скоро он естественно и с сознанием своего превосходства заделался школьным верховодом.

Кэл умел скрывать свои намерения, но умел скрывать и обиды. Поэтому его считали бесчувственным, толстокожим, даже жестоким.

Арона же любили все. На вид он был робкий и хрупкий. Сама его внешность — нежная кожа, золотистые волосы, широко расставленные голубые глаза — привлекала всеобщее внимание. Эта его привлекательность вызвала в школе

кое-какие осложнения, пока его обидчики не убедились, что Арон упорный, умелый и совершенно бесстрашный боец, особенно если его довести до слез. О драках стало известно, и охотники учить новичков уму-разуму поняли, что с ним лучше не связываться. Арон не пытался скрывать ни свой характер, ни свое настроение, но окружающих, которые хотели разгадать его, обманывала его внешность. Решившись на что-то, он не отклонялся с пути. В его натуре было мало граней, еще меньше гибкости. Тело его было нечувствительно к боли, а ум не способен на изворотливость.

Кэл хорошо изучил Арона и, выводя его из равновесия, мог вертеть им как хотел, однако пользовался своим умением до определенного предела. Он знал, когда надо уступить и отступить, а когда вообще держаться от брата подальше.

Единственное, что сбивало Арона с толку, это перемена пути. Он сам выбирал себе дорогу и шел по ней, не видя, что творится вокруг, и нисколько не интересуясь этим. Желания его были немногочисленны и глубоки. И глубина его натуры таилась за ангельской внешностью, которой он не замечал, как олененок не замечает пятен на своей молоденькой шерстке.

2

В первый же день занятий Арон едва дождался перемены и пошел на запретную половину, чтобы встретиться с Аброй. Стайка визжащих девчонок не отпугнула его. Потребовалось вмешательство учительницы, чтобы изгнать его на мальчишечью площадку.

В полдень, на большой перемене, ему опять не удалось повидать Абру: за ней приехал отец в своей коляске на высоких колесах и увез домой на второй завтрак. После уроков он решил подождать ее за воротами школы.

Абра вышла, окруженная подругами. Она и виду не подала, что заметила его. Из всех учениц она была самая хорошенькая, но Арон вряд ли обратил на это внимание. Девочки плыли по улице веселым облачком, и оно никак не рассеивалось. Арон шел следом, отстав от них шагов на пять, шел упрямо и невозмутимо, даже когда те оборачивались и отпускали колючие шуточки по его адресу. Постепенно то одна девочка, то другая отделялась от группы, сворачивала к себе, и их осталось всего трое, когда Абра подошла к своей калитке и скрылась за ней. Подружки посмотре-

ли на Арона, захихикали и пошли дальше.

Арон сел на бровку тротуара. Через минуту щелкнула задвижка, белая калитка распахнулась, и появилась Абра. Она подошла к нему и остановилась.

— Что тебе нужно?

Арон поднял на нее глаза:

— Ты ни с кем не помолвлена?

— Вот глупый, — сказала она.

Он поднялся с земли:

— Мы, наверное, не скоро сможем пожениться.

— А кто сказал, что я хочу замуж?

Арон молчал. Может быть, он даже не слышал Абру. Он пошел рядом с ней.

Абра ступала твердыми неторопливыми шажками и глядела прямо перед собой. Лицо ее выражало здравый смысл и расположение. Она, казалось, глубоко о чем-то задумалась. Арон шагал рядом, не сводя с нее глаз. Его взгляд словно был прикован к ее лицу.

Они молча прошли мимо Детской школы. Здесь тротуар кончался, и Абра взяла влево, на сенную стерню. Черные суглинистые комки рассыпались у них под ногами.

На другом краю поля стояла небольшая водокачка, а возле нее росла раскидистая, густая из-за

обилия проливаемой воды ива. Ее длинные ветви свисали почти до самой земли. Абра раздвинула ветви, как занавес, и взошла в лиственный шатер, образуемый ими вокруг ствола. Сквозь листья хорошо виделось все окрест, но внутри было уютно, уединенно и тепло. Лучи послеполуденного солнца пробивались сквозь увядающую листву и становились желтыми.

Абра села, нет — плавно соскользнула на землю, и ее пышные юбки легли вокруг нее. Она сложила руки на коленях, словно собралась молиться. Арон сел подле нее.

— Мы, наверное, не скоро сможем пожениться, — повторил он.

— Не так уж не скоро, — возразила она.

— Хорошо бы сейчас.

— Не так уж долго ждать, — сказала она.

— А твой отец позволит тебе, как ты думаешь?

Эта мысль не приходила ей в голову. Она повернулась и посмотрела на него.

— Я, может, и спрашивать не буду.

— А как мама?

— Мы им пока ничего не скажем, чтобы не волновались. А то еще засмеют или подумают плохое. Ты умеешь хранить секреты?

— Еще бы, могила. У меня самого их целая

куча.

— Тогда прибавь к своим секретам еще один, — сказала Абра.

Арон взял прут и провел по черной земле линию.

— Абра, ты знаешь, как рождаются дети?

— Конечно, знаю, — ответила она. — А ты-то сам откуда узнал?

— Мне Ли рассказал. Все как есть объяснил. Наверное, у нас не скоро будут дети.

Абра снисходительно улыбнулась кончиками рта:

— Не так уж не скоро.

— Когда-нибудь у нас будет свой дом, — мечтательно произнес Арон. — Мы войдем в него, запрем дверь, и нам будет хорошо. Но это не скоро будет.

Абра протянула руку и коснулась его руки.

— Чего ты все твердишь «не скоро, не скоро», — сказала она. — Посмотри, чем не дом? Мы можем вообразить, будто живем здесь — пока нам придется ждать. И ты понарошку будешь моим мужем и можешь называть меня женой.

— Жена…

Он сначала произнес это слово шепотом, потом повторил громче.

— Ну вот! Это вроде упражнения, — сказала Абра.

Аронова рука задрожала под ее рукой, и она положила ее к себе на колени ладонью вверх.

— Слушай, — внезапно сказал Арон, — пока мы упражняемся, может, еще что-нибудь придумаем?

— Что именно?

— А вдруг тебе не понравится?

— Да говори же!

— Может, ты понарошку будешь моей мамой?

— Ну, это совсем просто.

— Правда?

— Конечно, это даже интересно. Хочешь прямо сейчас?

— Конечно! А как это делается?

— Сейчас научу, — сказала Абра и начала нежным убаюкивающим голосом: — Иди ко мне, моя крошка, положи головку маме на колени. Сыночек мой любимый, мамочка обнимет тебя. — Она притянула его голову к себе, и тут Арон вдруг заплакал. Он плакал долго и беззвучно, а Абра гладила его по голове и утирала подолом слезы, бегущие у него по лицу.

Солнце клонилось к закату за реку Салинас, и откуда-то с золотого скошенного поля донеслось

сладкое птичье пение. Сейчас в целом мире не было такого замечательного места, как здесь, под раскидистой ивой.

Постепенно Арон перестал плакать, на душе у него было покойно и хорошо.

— Сыночек мой маленький, — говорила Абра, — сейчас мама причешет тебе волосики.

Арон поднялся с ее колен и, сердясь на себя, сказал:

— Я почти никогда не плачу, только если разозлюсь. Не знаю, чего это на меня нашло.

— Ты свою маму помнишь? — спросила Абра.

— Нет, не помню. Она умерла, когда я был еще совсем маленьким.

— А какая она была?

— Не знаю.

— Даже ее карточки не видел?

— Да нет же, говорю тебе! Нет у нас ее карточки. Я раз спросил Ли, он сказал, что ее карточки не сохранились… Нет, кажется, это Кэл спросил, а не я.

— Когда она умерла?

— Как только мы с Кэлом родились.

— Как ее звали?

— Ли говорит: Кэти. Слушай, зачем тебе это нужно?

Абра спокойно продолжала:

— Она блондинка была или брюнетка?

— Что-что?

— Ну, волосы у нее светлые были или темные?

— Откуда я знаю.

— Отец не рассказывал?

— А мы и не спрашивали.

Абра замолкла, и немного погодя Арон спросил:

— Ты что, язык проглотила?

Абра сделала вид, будто любуется закатом.

— Ты не рассердилась… — спросил обеспокоенный Арон и добавил неуверенно: — жена?

— Нет, не рассердилась. Я думаю.

— О чем?

— Об одной вещи. — Застывшее личико Абры ничем не выдавало, что ее обуревают глубокие сомнения. — А как это, когда у тебя нет мамы?

— Не знаю. Никак. Ничего особенного.

— Тебе что, все равно?

— Нет, не все равно. Слушай, говори прямо. Мне головоломок в «Бюллетене» хватает.

Но Абра сосредоточенно и невозмутимо гнула свое:

— А тебе хочется, чтобы у тебя была мама?

— Спрашиваешь! Конечно, хочется. А кому не

хочется? Погоди, ты меня не разыгрываешь? Кэл часто меня разыгрывает, назло, а потом смеется.

В глазах у Абры плыли багровые круги оттого, что она смотрела на солнце, и сейчас она не могла сразу разглядеть выражение лица Арона.

— Ты сказал, что умеешь хранить секреты.

— Конечно, умею.

— А у тебя есть самый важный секрет, ну, такой, когда говорят: «Пусть глаза мои лопнут»?

— Еще бы!

— Скажи мне свой секрет, Арон, — тихо попросила Абра, с особой нежностью произнеся его имя. — Скажи мне самый-самый большущий секрет.

Арон озадаченно отодвинулся от нее:

— Зачем? И вообще по какому праву ты меня расспрашиваешь? Я его никому не скажу.

— Ну, крошка, скажи своей маме, — промурлыкала Абра.

В глазах у Арона опять появились слезы, на этот раз слезы обиды.

— Наверное, я расхотел на тебе жениться. Мне пора домой.

Абра взяла его за запястье и не отпускала. Игривые нотки в ее голосе пропали.

— Я хотела проверить тебя. Теперь я вижу, ты

умеешь хранить секреты.

— Зачем ты это сделала? Зачем ты меня злишь? Мне неприятно.

— Знаешь, я сама открою тебе один секрет.

— Да? Так кто же не умеет хранить секреты? — съязвил он.

— Я долго не решалась, — сказала она. — А теперь подумала, что этот секрет пойдет тебе на пользу. Может, он обрадует тебя.

— И кто же тебе велел молчать?

— Никто. Я сама себе велела.

— Тогда другое дело. Ну, и что же это за секрет?

Золотисто-багряный солнечный диск коснулся крыши дома Толлотов на Белой дороге, и на нем большим черным пальцем отпечаталась печная труба.

— Помнишь, как мы заезжали к вам? — тихо спросила Абра.

— Еще бы!

— Ну вот, когда мы поехали дальше, я в коляске уснула, а потом проснулась. Мама с папой разговаривали и не знали, что я не сплю. Они говорили, что твоя мама не умерла, а уехала. Будто с ней случилось что-то нехорошее, и она уехала.

— Мама умерла, — хрипло проговорил Арон.

— Разве плохо, если бы она оказалась живой?

— Отец сказал, что она умерла. Он никогда не врет.

— Он, может, просто не знает.

— Он бы знал, — сказал Арон, но в голосе у него не было уверенности.

— А вот было бы здорово, если б мы ее нашли! — воскликнула Абра. — Вдруг она память потеряла или что-нибудь в этом роде? Я читала, что так бывает. И вот мы бы нашли ее, и она сразу бы все вспомнила. — Как приливная волна, Абру подхватила и понесла романтика приключений.

— Я спрошу у отца.

— Арон, — сказала Абра твердо, — это же секрет.

— Кто сказал, что это секрет?

— Я сказала! Ну-ка, повторяй за мной… «Пусть глаза мои лопнут, руки-ноги отсохнут, если проговорюсь».

Арон заколебался, но потом повторил:

— «Пусть глаза мои лопнут, руки-ноги отсохнут, если проговорюсь».

— Теперь плюнь в ладонь — вот так, как я… Правильно! Теперь я беру твою руку и перемешиваю твою слюну с моей, понял?.. Ну вот, а сейчас вытри ладонь об волосы. — Оба проделали магический обряд, и Абра произнесла торже-

ственно: — Теперь посмотрим, как ты скажешь. Я знаю одну девочку, которая дала эту клятву, а потом проговорилась. Знаешь, что с ней случилось? В амбаре сгорела!

Солнце скрылось за домом Толлота, золотисто-багряный свет погас. Над Бычьей горой тускло замерцала вечерняя звезда.

— Ой, да они шкуру с меня спустят! — всполошилась Абра. — Побежали скорей. Отец наверняка уже собаку пустил, чтобы искала меня. Ну, зададут мне теперь порку!

Арон в недоумении уставился на нее:

— Какую порку? Разве тебя порют?

— А ты думал, нет?

Арон возбужденно сказал:

— Пусть только попробуют! Если они вздумают тебя выпороть, ты им скажи, что я убью их! — Его голубые глаза сузились и засверкали. — Я никому не позволю пороть мою жену.

Под ивой сделалось совсем темно. Абра обвила руками его шею и крепко поцеловала в губы.

— Я люблю тебя, муж, — сказала она и выскочила из ивнякового шатра. Подхватив обеими руками юбки, она понеслась домой, так что только замелькали в сумерках ее белые, отороченные кружевами панталоны.

3

Арон отпустил ветки, сел на прежнее место и откинулся на ствол. В голове у него было пусто и пасмурно, к животу то и дело подкатывала боль. Он старался разобраться в своих чувствах, облечь их в мысли и зримые образы, чтобы избавиться от нее. Давалось это ему трудно. Его неторопливый обстоятельный ум не мог сразу переварить такое множество разнообразных впечатлений. Внутри его словно захлопнулась какая-то дверь и не впускала ничего, кроме физической боли. Потом дверь приоткрылась, и вошла одна мысль, которую надо было обдумать, за ней другая, третья, пока не прошли все по очереди. Снаружи его запертого сознания оставалась лишь одна самая большая забота, и она настойчиво стучалась в дверь. Арон оставил ее напоследок.

Первой он впустил Абру, внимательно окинул внутренним взором ее лицо и платье, почувствовал ее руку на своей щеке, услышал ее запах, слегка похожий на запах молока и скошенного сена. Он снова видел и слышал ее, снова осязал и обонял.

Он подумал, какие чистые у нее руки и ногти,

какая вся она чистая и честная и как отличается от других девчонок-пустосмешек.

Потом он представил себе, как она положила его голову себе на колени, а он плакал, словно ребенок, плакал, томимый каким-то неясным желанием, и почему-то чувствовал, что это желание исполняется. Может, он и плакал-то от радости, оттого, что желание его исполнилось.

Потом он принялся думать об испытании, которое она устроила ему. Интересно, что бы она сделала, если бы он раскрыл ей свой большой секрет. Какой именно секрет он бы ей раскрыл? Он не припоминал сейчас никакого секрета, кроме того, что стучался в его сознание.

Как-то незаметно, бочком, в дверь проскользнул самый болезненный вопрос из тех, что она задала: «Как это, когда у тебя нет мамы?» Правда, как? Он сказал, что никак, что ничего особенного. Да, но вот на Рождество и на вечер по случаю окончания учебного года в школу приходили чужие мамы, и тогда у него комок подкатывал к горлу и мучило бессловесное томление. Вот что это такое — когда у тебя нет мамы.

Со всех сторон Салинас окружали, подступая кое-где к самым домам, бесконечные болота с окнами воды, заросшими камышом. На болотах

водилось множество лягушек, которые по вечерам устраивали такой концерт, что казалось, будто воздух насыщается каким-то стонущим безмолвием. Кваканье не утихало ни на минуту, делалось постоянным фоном, бесконечной звуковой пеленой, и если бы она упала, то это было бы такой же неожиданностью, как мертвая тишина после удара грома над головой. Если бы лягушки вдруг перестали квакать, жители Салинаса повскакали бы с кроватей как от страшного шума. В их огромном разноголосом хоре были свой ритм и темп, или, может быть, наши уши различали эти ритм и темп — так же, как звезды мерцают только тогда, когда на них смотрят.

Под ивой стало совсем темно. Арон не знал, готов ли он задуматься над самым главным, и пока он колебался, оно прокралось в сознание.

Его мама жива! Не раз и не два он представлял себе, как она лежит в земле — спокойно, удобно, нетронутая тленом. Но оказывается, она жива, где-то ходит и говорит, руки ее движутся, и глаза у нее открыты. Его подхватила волна радости, и тут же накатилась печаль, и он испытал чувство невозвратимой ужасной утраты. Арон изо всех сил старался распутать паутину сомнений. Если мама жива, значит, папа врет. Если она жива,

значит, умер он. Арон вслух громко сказал самому себе: «Мама давно умерла. А похоронена она где-то на Востоке».

Из тьмы выплыло лицо Ли, и Арон услышал его негромкий мягкий говорок. Ли потрудился на славу. Он любил правду, любил любовью, доходящей до благоговения, и презирал ее противоположность — ложь. Он внушил мальчикам, что по незнанию человек может поверить неправде и сказать неправду — тогда это ошибка, заблуждение. Но если он знает правду, а говорит неправду, то его поступок достоин презрения и сам он тоже.

Арон слышал голос Ли: «Бывает, ложь хотят использовать во благо. Я не верю, что ложь способна сотворить добро. Чистая правда иногда причиняет острую боль, однако боль проходит, тогда как рана, нанесенная ложью, гноится и не заживает». Упорно и долго трудился Ли, чтобы сделать Арона средоточием и воплощением правды.

Арон стоял в темноте и тряс головой, стараясь избавиться от сомнений. «Если отец говорит неправду, значит, Ли тоже говорит неправду?» — думал он. Кто поможет, кто подскажет? Кэл, конечно, любит приврать, но по сравнению с Ли и его непререкаемостью Кэл всего-навсего

выдумщик, обыкновенный выдумщик, а не обманщик. Арон чувствовал, что что-то должно умереть — либо его мать, либо весь его мир.

И тут вдруг перед ним блеснул ответ. Абра не соврала, она сказала только то, что слышала. И ее родители тоже только слышали от других, будто мать жива. Арон встал и вытеснил ее из сознания обратно в небытие и запер дверь.

К ужину Арон опоздал. «Я был с Аброй», — коротко объяснил он. После ужина, когда Адам сидел в новом удобном кресле и читал «Салинасский вестник», он почувствовал, что кто-то прикоснулся к его плечу, и поднял голову.

— Ты что, Арон?

— Спокойной ночи, папа, — ответил тот.

Глава 37
1

Февраль в Салинасе обычно бывает сырой, промозглый, печальный. Об эту пору идут самые сильные и самые затяжные дожди, и река если поднимается, то поднимается как раз об эту пору. В феврале 1915-го в Салинасе было полно воды.

Траски хорошо устроились в городке. Отбросив свои заумные бредни о книжной лавке, Ли тоже обосновался здесь, в доме рядом с пекарней Рейно. На ферме он держал свои пожитки в бауле и сумках, потому что жил как на перекладных, постоянно собираясь куда-то уехать. Здесь же в первый раз за всю свою жизнь он свил себе собственное удобное и прочное гнездо.

Ли выбрал большую спальную комнату, расположенную у самой входной двери. Раньше он не тратил ни одного лишнего цента, потому что откладывал деньги на книжную лавку. Теперь он залез в сбережения, купил узкую жесткую кровать и письменный стол, заказал полки и расставил на них книги, приобрел пушистый ковер, а по стенам развесил гравюры. Неизвестно

где раздобыл какую-то необыкновенную лампу и к ней удобное кресло с откидывающейся спинкой и съемными подушками. Под конец он даже потратился на пишущую машинку и начал учиться печатать.

Покончив со спартанским образом жизни, Ли принялся обновлять хозяйство Трасков, причем без всякого сопротивления со стороны Адама. В доме появились электричество, газовая плита, телефон. Он без зазрения совести сорил чужими деньгами — новая мебель, ковры, газовый кипятильник, большой ледник. За короткое время дом Трасков стал едва ли не самым комфортабельным в Салинасе. Ли оправдывался перед Адамом:

— У вас куча денег. Зачем же отказывать себе в удовольствии?

— А я и не возражаю, — отвечал тот. — Только мне и самому хочется что-нибудь купить. Только не знаю что.

— Почему бы не сходить в музыкальный магазин к Логану и не приценится к граммофону?

— А что, схожу, — согласился Адам и приобрел виктролу фирмы «Виктор», высоченное, похожее на готический собор устройство, а потом частенько захаживал к Логану приобрести новые пластинки.

Век быстро подрастал и выталкивал Адама из его скорлупы. Он подписался на «Атлантический ежемесячник» и «Национальный географический журнал», вступил в местную масонскую ложу и всерьез подумывал о клубе «Сохатых». Новый ледник целиком завладел его воображением. Он купил книжку по холодильному делу и принялся штудировать ее.

Попросту говоря, Адам испытывал потребность занять себя. Он словно пробудился от долгого сна и жаждал деятельности.

— Займусь-ка я, пожалуй, бизнесом, — сказал он однажды Ли.

— С какой стати? У вас есть на что жить.

— Но мне хочется что-нибудь делать.

— Ну, тогда другое дело. А что именно делать — знаете? Не думаю, что из вас получится хороший бизнесмен.

— Почему?

— Так.

— Послушай, Ли, мне попалась одна статья — прочти ее. В ней рассказывается, как в Сибири откопали мамонта. Несколько тысячелетий пролежал во льду, а мясо, представь, не испортилось.

Ли улыбнулся:

— Вот что вам втемяшилось! Кстати, что у вас там в банках, которые в леднике?

— Так, пробую кое-что.

— Для будущего бизнеса? От некоторых банок плохо пахнет.

— Пришла мне в голову одна мыслишка. Никак не отвяжется. Понимаешь, я подумал, что если продукт хорошо охладить, он дольше сохранится.

— Только, пожалуйста, никаких мамонтов в нашем леднике.

Если бы у Адама зарождалось много идей, как у Сэма Гамильтона, то они постепенно могли бы рассеяться, но ему в голову засела одна-единственная. Мамонт, замерзший в сибирских льдах, не шел из ума. В леднике появлялись все новые и новые банки с фруктами, всевозможными запеканками, с кусками сырого и вареного мяса. Он покупал все книги про микробов, которые ему попадались, и начал заказывать журналы, печатавшие научно-популярные статьи. Как всякий увлеченный одной идеей, Адам стал одержим ею.

В Салинасе работала фабрика по производству льда, фабрика небольшая, но ее продукции хватало на то, чтобы обеспечить льдом несколько

кафе, где подавали мороженое, и десяток-другой жителей, обзаведшихся заводскими ледниками. Запряженные лошадьми фургоны со льдом каждый день объезжали город.

Адам стал наведываться на фабрику, сделался там своим человеком и скоро начал носить в холодильные камеры свои банки. Он горевал, что нет в живых Сэма Гамильтона и ему не с кем обсудить, как лучше замораживать продукты. Сэм быстро вник бы в дело.

Адам думал именно о Сэме, когда, идучи раз дождливым деньком с фабрики, увидел Уилла Гамильтона. Тот направлялся в закусочную при Торговом доме Эббота. Адам тоже зашел туда и стал рядом с ним у стойки.

— Заглянули бы к нам, поужинаем все вместе.

— Я бы с удовольствием, — сказал Уилл. — Понимаете, мне сейчас одно дельце провернуть надо. Если быстро освобожусь, забегу. Что-нибудь важное?

— Как сказать… Я тут над одной штукой думаю, хотел посоветоваться.

Почти все деловые начинания в округе рано или поздно попадали в поле зрения Уилла Гамильтона. Уилл мог уклониться от приглашения под любым благовидным предлогом, однако он

знал, что Адам Траск богатый человек. Хорошая идея — это замечательно, но вот когда идея подкрепляется наличными — еще лучше.

— Уж не подумываете ли отдать ферму за приличную цену?

— Да нет, мальчишки привязаны к ней, особенно Кэл. Так что пока подержу.

— А то я бы мог подыскать хорошего покупателя.

— Я ее в аренду сдал, налоги как раз покрывает. Не буду сейчас продавать.

— Если к ужину не успею, загляну попозже, — пообещал Уилл.

Уилл Гамильтон был весьма основательный деловой человек. Никто в точности не знал, где он только приложил руку, а где греб полными пригоршнями, однако слыл он малым ловким и с деньгами. У него не было постоянной области приложения сил, зато вид он напускал чрезвычайно занятой, так как считал это лучшей тактикой в бизнесе.

Уилл поужинал у Эббота один и, выждав положенное время, вышел на Центральный проспект, завернул в переулок и позвонил у дома Адама Траска.

Мальчики уже улеглись. Ли сидел с корзинкой

для шитья и штопал длинные черные чулки, которые братья надевали в школу. Адам читал «Науку и Америку». Он радушно встретил Уилла, пододвинул ему кресло. Ли принес кофейник и снова взялся за штопку.

Уилл удобно устроился в кресле и раскурил толстенную черную сигару, дожидаясь, пока Адам первым начнет разговор.

— Немного дождя — хорошо, правда? — сказал Адам. — Как матушка?

— Прекрасно! Молодеет с каждым днем. Парни растут?

— Не по дням, а по часам. Кэл вот будет в школьном спектакле участвовать. Такие представления устраивает — умора! А Арон хорошо успевает. Вообще-то Кэл по фермерской части хочет.

— Ничего плохого в этом нет. Стране нужны фермеры с размахом. — Уилл почувствовал себя не в своей тарелке. Вдруг слухи об Адамовом состоянии преувеличены и Траск хочет попросить денег взаймы? Уилл быстро подсчитал в уме, сколько он может ссудить под залог его фермы и сколько взять в кредит под нее. Суммы и проценты расходились. Но Адам словно и не думал переходить к делу. Уилл сидел как на иголках.

— Я, к сожалению, сегодня не могу засиживать-

ся, — сказал он. — У меня еще встреча с одним человеком.

— Еще чашечку кофе?

— Нет, благодарствую. Плохо от него сплю. Вы хотели о чем-то меня спросить?

— Да, я вот твоего отца вспоминал и подумал, что надо бы поговорить с кем-нибудь из Гамильтонов.

Уилл немного успокоился.

— Да, папаша большой говорун был.

— При нем человек становился лучше, чем он есть на самом деле, — произнес Адам.

Ли поднял голову от деревянного штопального яйца:

— Может, говорун — это тот, кто умеет других разговорить.

— Ты, выходит, нормальными словами говоришь? Чудно, ей-богу, — сказал Уилл. — Раньше, помню, на китайской тарабарщине объяснялся.

— Было дело, — согласился Ли. — От гордыни, наверное. — Он лукаво улыбнулся Адаму и повернулся к Уиллу: — Слышали, будто в Сибири мамонта нашли?..

— Кого-кого нашли?

— Мамонта. Это слон такой доисторический. Теперь они все вымерли.

— И мясо, говоришь, не испортилось?

— Он миллион лет во льду пролежал, а мясо свежее, как парная поросятина. — Ли просунул деревянное яйцо в порвавшийся на колене чулок.

— Интересно… — протянул Уилл.

Адам рассмеялся.

— Как тебе нравится? Ли и тут быка за рога. А я все мямлю. Устал я сидеть сложа руки, — продолжал он серьезно, — вот в чем штука. Хочу за что-нибудь взяться. Хватит попусту убивать время.

— Вот за ферму и возьмитесь.

— Не тянет меня к земле. Я ведь не просто работу ищу, а интересное занятие. Работа ради денег мне не нужна.

Ощущение настороженности наконец покинуло Уилла.

— Хорошо, но я-то тут с какой стороны?

— Хочу поделиться кое-какими соображениями и узнать твое мнение. Ты же у нас бизнесмен.

— Само собой, — сказал Уилл. — К вашим услугам, сэр.

— Понимаешь, я тут о холодильном деле почитал, — сказал Адам. — И засела мне в голову одна идея. Днем еще ничего, а как лягу, так думать

начинаю. Все думаю, думаю — извелся весь. По-моему, очень стоящая идея, хотя кто ее знает…

Уилл выпрямил скрещенные ноги и подобрал брючины, чтобы не тянуло на коленях.

— Ну, давайте, я слушаю, — сказал он. — Сигару?

Адам то ли не слышал, то ли не понял.

— Страна быстро меняется, — сказал он. — Люди по-другому хотят жить, не так, как раньше. Ты вот, например, знаешь, где зимой самый большой спрос на апельсины?

— Нет. Где?

— В Нью-Йорке! Сам читал. Разве люди, ну, те, которые в холодных краях живут, думаешь, они не купят зимой свежие овощи — зеленый горошек, салат или там цветную капусту? Во многих штатах такие скоропортящиеся продукты месяцами не видят. А у нас здесь, в долине Салинас, их круглый год выращивают.

— Здесь — не там, — возразил Уилл. — И вообще я не очень улавливаю.

— Видишь ли, я ледник фабричный купил. Ли настоял, ну и заинтересовал он меня. Начал класть туда овощи, по-разному пробовал. Вот если раскрошить лед, положить туда кочешок салата и все это обернуть вощеной бумагой, то

листья целых три недели не вянут и не портятся.

— Ну и что из того? — недоверчиво отозвался Уилл.

— Новые железнодорожные вагоны для перевозки фруктов видел? Я на днях сходил на станцию, посмотрел хорошенько. Неплохо придумано. В таких вагонах салат даже зимой можно до Восточного побережья довезти.

— Вы-то сами чего хотите? — осведомился Уилл.

— Я подумал, не купить ли мне здешнюю фабрику, которая лед изготовляет, а потом перевозки наладить.

— На это куча денег понадобится.

— Куча не куча, но деньги найдутся.

Уилл Гамильтон досадливо дернул себя за ус.

— Угораздило же меня на крючок попасться, — сказал он. — Не маленький, мог бы сразу сообразить.

— Не понимаю.

— Не понимаете? Ладно, я объясню, — разгорячился Уилл. — Когда кто-то спрашивает у меня совета, я знаю, что никакой совет ему не нужен. Он хочет, чтобы я согласился с ним. И вот, чтобы не отпугнуть клиента, я вынужден говорить, какая замечательная у него идея и ее

надо немедленно проворачивать. Но вы хороший человек и друг нашей семьи. Поэтому в эту затею я не полезу.

Ли отложил штопку, поставил на пол корзинку и переменил очки.

— Чего ты раскипятился? — недоумевал Адам.

— Я рос в семье, где одни фантазеры были, — продолжал Уилл. — Нам идеи с утра к завтраку подавали. А то и вместо завтрака. У нас было так много идей, что мы не успевали зарабатывать деньги, чтобы расплатиться с бакалейщиком. А если деньжата появлялись, отец или Том их тут же тратили. Патенты, видите ли, надо было на изобретения покупать. Я единственный в семье был, кто не носился со всякими завиральными идеями. Я, да еще мама. И я единственный деньгу в дом приносил. Том даже мечтал людям помогать, и от его мечтаний за милю несло социализмом. Поэтому не надо мне говорить, что вас профит не интересует; а то я в вас вот этим кофейником запущу.

— Не очень интересует, правда.

— Как хотите, а я от этого дела подальше. И вам советую. Если, конечно, не хотите выкинуть на ветер тысчонок сорок или пятьдесят. Забудьте про свою идею. Похороните ее как положено и

песочком присыпьте.

— Чем же она все-таки плоха?

— Всем! Народ на Восточном побережье — не привык он свежий овощ зимой потреблять. Его просто покупать не будут. Вдобавок ваши вагоны загонят на боковые ветки и сгноят товар. Рынок-то ведь тоже поделен и управляется. Господи Иисусе! С ума можно сойти от наивных простаков, которые на голой идее хотят миллион сколотить.

Адам вздохнул.

— Тебя послушать, так Сэм Гамильтон прямо-таки преступник какой.

— Он мой отец, и я его уважаю, но сыт я его фантазиями во как! — Уилл увидел недоумение в глазах Адама и смутился, замотал головой. — Нет, я к своим родичам с полным почтением, таких поискать надо. Но если хотите моего совета, бросьте эту холодильную затею.

Адам повернулся к Ли.

— У нас там лимонного пирога от ужина не осталось?

— Вряд ли. На кухне вроде как мыши скреблись. А утром наверняка найду у мальчиков на подушках яичный белок. Но у вас есть полбутылки виски.

— Правда? Неси-ка ее сюда.

— Извините, я, кажется, наговорил лишнего. — Уилл натянуто рассмеялся. — Выпить сейчас не повредит. — Лицо у него побагровело, голос сел. — Что-то я толстеть начал.

Но после двух порций спиртного он поудобнее устроился в кресле и принялся просвещать Адама:

— Есть товар, который ни при какой погоде не обесценится. И вообще, если хотите хорошо вложить капитал, надо сперва поглядеть что почем. Войне в Европе конца не видно. А во время войны так: одни воюют, другие голодают. Утверждать — кто возьмется, но я лично не исключаю, что нас втянут в войну. Не верю я Вильсону. Одна трескотня да теории. Если же мы начнем воевать — вот тогда самое время прилично заработать. Целое состояние сколотить можно. Знаете, на чем? На зерновых! Рис, кукуруза или там пшеница, бобы. Им никакого замораживания не нужно. Они и так пролежат сколько угодно и людей накормят. Послушайте меня: засевайте всю свою заливную пойму фасолью, а урожай снимите — и в амбар. Тогда вот сыновьям вашим нечего за будущее беспокоиться. Фасоль сейчас по три цента за фунт идет. Начнись война, цены ох как

подскочат. Центов до десяти. И главное, никаких тебе хлопот, просто следи, чтобы зерно не подсырело, и дожидайся выгодного момента. Значит, так: хотите барыша — беритесь за фасоль.

Уилл Гамильтон ушел чрезвычайно довольный собой и с сознанием того, что подал дельный совет. Нахлынувший было на него стыд прошел.

После ухода гостя Ли принес остатки лимонного пирога и разрезал его пополам.

— Он сам жаловался, что начал толстеть.

Адам сидел в задумчивости.

— Что я такого сказал? — проговорил он. — Я ведь на самом деле хочу чем-нибудь заняться.

— Ну, и как насчет фабрики льда?

— Наверное, все-таки куплю.

— Посадить фасоль тоже не помешает, — заметил Ли.

2

Осенью Адам начал подготовку к своему дерзкому предприятию, и это вызвало настоящую сенсацию, хотя сенсаций как внутри страны, так и в мире в том году хватало с избытком. Бизнесмены заговорили о его широте, дальновидности и прогрессивности. Отправление шести вагонов с

салатом и льдом стало общественным событием. На церемонии присутствовали члены Торговой палаты. Вагоны были украшены большими полотнищами, на которых красовалось: «Салат из долины Салинас». При всем при том охотников вложить деньги в начинание не нашлось.

Адам проявил удивительную энергию, какой за собой не знал. Собрать салат и отсортировать его, уложить в ящики, проложить льдом и погрузить в вагоны — все это потребовало огромного труда. Подходящего оборудования и приспособлений не было. Все придумывалось и решалось на месте. Одновременно шло обучение целой артели нанятых рабочих. Советы сыпались со всех сторон, а реальной помощи никакой. Досужие умы подсчитали, что Адам потратил целое состояние, хотя ни одна душа не знала, каковы действительные расходы. Даже сам Адам не знал. Знал один Ли.

Идея выглядела вполне привлекательно. Салат был отправлен одной нью-йоркской фирме, которая получила приличные комиссионные. Когда поезд ушел, народ разбрелся по домам. Если предприятие увенчается успехом, всякий раскошелится и вложит в него деньги. Даже Уилл Гамильтон засомневался, не поторопился ли он со своим советом.

Самый коварный и беспощадный враг и тот не придумал бы таких жестоких передряг, какие случились с партией отправленного салата. Когда состав прибыл в Сакраменто, оказалось, что переезд через Сьерру-Неваду закрыт из-за снежных лавин, и шесть вагонов двое суток простояли на запасных путях, истекая тающим льдом. На третьи сутки поезд пересек горы, однако на всем Среднем Западе выдалась необычно теплая для этого сезона погода. В Чикаго перепутали накладные — ничьей конкретно вины в том не было, с такой путаницей сталкиваешься сплошь и рядом, и холодильники застряли на сортировочной еще на пять дней. Нет необходимости вдаваться в подробности. Достаточно сказать, что в Нью-Йорк прибыли шесть вагонов отвратительного месива, которое еще надо было отправить на свалку, уплатив при этом изрядную сумму.

Когда Адам получил от контрагента телеграмму, он опустился в кресло, откинулся на спинку, и на лице его заиграла и застыла странная стоическая улыбка.

Ли в те дни не навязывался к Адаму с утешениями — пусть лучше он сам придет в себя после случившегося. Мальчики же слышали, что говорят в городе. Недотепа он, Адам Траск. Да что

ожидать от всезнайки и фантазера? Сугубо деловые люди радовались своей осмотрительности. Настоящий бизнес — он солидности требует и опыта. Которым капитал даром достается, по наследству — те первыми в переделки попадают. Какие тут еще доказательства? Посмотрите, как он хозяйство на ферме развалил. У дурака деньги не держатся. Поделом Траску, глядишь, за ум возьмется. Слышали, он по глупости у себя на фабрике производство льда вдвое увеличил?

Уилл Гамильтон хорошо помнил, что не только предостерегал Адама, но и предрекал, что произойдет, — так оно в точности и произошло. Особого удовольствия он при этом не испытывал, но что поделаешь, если не хотят слушать здравомыслящих людей? Уж кто-кто, а он, Уилл Гамильтон, знает цену пустым мечтаниям. Откуда-то подкралась исподтишка мыслишка: Сэм Гамильтон тоже порядочный недотепа был. А уж с Тома Гамильтона вообще взятки гладки — чокнутый, и все тут.

Когда Ли счел, что срок пришел, он не стал ходить вокруг да около. Он решительно сел перед Адамом, давая понять, что хочет объясниться.

— Ну как настроение?

— Нормальное.

— Обратно в скорлупу залезть не собираетесь?

— С чего ты взял?

— У вас такой же отрешенный вид, как и раньше. И глаза как у лунатика. Сильно расстроились?

— Нет, не сильно. Гадаю только, окончательно я в трубу вылетел или нет.

— Не окончательно, — сказал Ли. — У вас еще целых девять тысяч долларов и ферма.

— Да, но там счет на две тысячи за вывоз отбросов.

— Этот счет учтен.

— За новые холодильные установки надо платить.

— Уже уплачено.

— Выходит, девять тысяч осталось?

— И ферма, — уточнил Ли. — К тому же можно продать фабрику.

Лицо у Адама посуровело, недоуменная улыбка пропала.

— Нет, я и сейчас считаю, что идея стоящая. То, что произошло, просто стечение обстоятельств. Фабрику я не продам. Холод все-таки сохраняет продукты, верно? Да и прибыль она как-никак приносит. Может, придумаю что-нибудь.

— Не что-нибудь, а то, что не требует расхо-

дов, — поправил Ли. — Жалко расставаться с газовой плитой.

3

Близнецы тяжело переживали неудачу отца. Им уже было пятнадцать, они свыклись с мыслью, что они сыновья состоятельного человека, и расстаться с ней было трудно. Если бы первоначальная затея отца не стала своего рода праздником — еще куда ни шло. Но они с ужасом вспоминали огромные полотнища на вагонах. Городские дельцы открыто подсмеивались над Адамом, а уж от школьников братьям вообще прохода не было. Их в одночасье прозвали Арон-салатник и Кэл-салатник, а то и еще хлестче — Салатная башка.

Арон первым заговорил о своих тревогах с Аброй.

— Теперь все по-другому будет.

Абра выросла в очаровательную девушку. С годами грудь ее округлилась, лицо светилось теплотой и приятностью. Она была не просто красива, но и умна, энергична и вместе женственна.

Она смотрела на его огорченное лицо.

— Почему по-другому?

— Потому. Бедные мы теперь.

— Разве ты не собирался наняться на работу?

— Я в колледж поступить хочу, ты же знаешь.

— И в колледж можно. Я буду помогать тебе. Твой папа — он что, все деньги потерял?

— Точно не знаю. Говорят, все.

— Кто говорит?

— Ну, вообще. Твои родители скорее всего тоже не захотят, чтобы ты за меня вышла.

— А я им не скажу.

— Очень ты смелая.

— Да, смелая, — сказала она. — Поцелуй меня.

— Прямо сейчас, на улице?

— Ну и что?

— Увидят же.

— Пусть видят на здоровье.

— Не надо! Не нравится мне, когда напоказ.

Абра стала перед ним, загородив дорогу:

— Вот что, мистер, извольте-ка сейчас же поцеловать меня.

— Но зачем?

— Затем, — медленно ответила она, — чтобы все знали, что я хочу быть миссис Салатная башка.

Он смущенно чмокнул ее в щеку, и они снова пошли рядом.

— Нет, пора давать задний ход.

— Что значит — «давать задний ход»?

— Не пара я тебе. Кто я теперь? Обыкновенный парень из бедных. Думаешь, я не вижу, как переменился твой отец?

— Вот выдумал, — сказала Абра, нахмурившись: она и сама видела, что отец действительно переменился по отношению к Арону.

Они вошли в кондитерскую Белла и сели за столик. В том году помешались на пряной сельдерейной шипучке — так же, как в прошлом на мускатной содовой с мороженым. Абра помешивала соломинкой пузырьки в стакане и думала над переменой в отце.

— Не думаешь, что тебе стоит разнообразить компанию? — сказал однажды он.

— Я помолвлена с Ароном.

— Помолвлена! — презрительно фыркнул он. — С каких это пор дети стали женихаться? Раскрой глаза, дочка. Тебе что, кавалеров не хватает?

Потом она вспомнила разговор родителей о том, что приличные семьи должны знаться с приличными, а один раз даже услышала намек, что семейный позор рано или поздно раскрывается.

Абра нагнулась к Арону:

— Знаешь, что мы можем сделать? Это так про-

сто — со смеху помрешь!

— Что?

— Жить на ферме твоего отца, вести хозяйство. Папа говорит, там земля хорошая.

— Ни за что, — отрезал Арон.

— Почему?

— Я не желаю быть фермером. И моя жена не будет фермершей.

— А я хочу быть женой Арона Траска, и мне все равно, кто он.

— Я хочу учиться в колледже.

— А я буду помогать тебе, — повторила Абра.

— Интересно, где же ты достанешь деньги?

— Возьму и украду.

— Мне надо уехать отсюда. Терпеть не могу, когда надо мной смеются.

— Очень скоро все позабудут.

— Как бы не так — позабудут. Мне еще два года до окончания школы. Не выдержу я здесь.

— Арон, неужели ты меня бросишь?

— Не выдумывай… Дернуло же его взяться за то, в чем он ни черта не смыслит!

— Зачем ты так об отце? — упрекнула его Абра. — Если бы дело выгорело, перед ним бы все преклонялись.

— Но ведь не выгорело же! А мне теперь от-

дувайся. Стыдно ребятам в глаза смотреть. Ненавижу его, ненавижу.

— Сейчас же перестань! — строго сказала Абра. — Как ты смеешь так говорить?

— Откуда мне знать, может, он и про маму соврал?

Абра покраснела от возмущения.

— Всыпать бы тебе хорошенько, Арон Траск! Сама бы отшлепала, если бы не люди. — Она посмотрела на его красивое лицо, искаженное обидой и злостью, и переменила тактику: — Почему ты не спросишь его про маму? Просто подойди и спроси.

— Не имею права. Я тебе честное слово дал.

— Ты честное слово дал, что не проболтаешься о нашем разговоре.

— Да, но если я спрошу, он тоже спросит, почему я спрашиваю.

— Никакого сладу с тобой! — воскликнула Абра. — Упрямый, как избалованный ребенок. Хорошо, я освобождаю тебя от клятвы. Спроси.

— Не знаю, захочется ли спрашивать.

— Знаешь, а мне иногда до смерти хочется исколотить тебя. Прямо руки чешутся! — воскликнула Абра. — И все равно… Я тебя люблю, Арон. Очень люблю!

Школьники, сидевшие за стойкой у сифона с шипучкой, услышали их возбужденные голоса и захихикали. Арон вспыхнул, в глазах появились слезы обиды. Он выскочил из кондитерской и побежал по улице.

Абра невозмутимо взяла свою сумочку, встала из-за стола, поправила юбку. Потом так же невозмутимо подошла к мистеру Беллу, расплатилась с ним. Идя к выходу, она приостановилась около стайки насмешников и холодно сказала:

— Только попробуйте еще раз подразнить его.

Она вышла, а вслед ей кто-то пискливо протянул: «Ахах, Арон, я тебя люблю!»

Выйдя на улицу, Абра кинулась бежать вдогонку за Ароном, но его нигде не было. Она позвонила ему домой. Ли сказал, что он еще не приходил. Ли сказал неправду. Арон был в спальне, молча переживая обиду. Ли видел, как он проскользнул к себе и закрыл за собой дверь.

Абра долго ходила по улицам, ища Арона. Она сердилась на него и в то же время чувствовала себя бесконечно одинокой. Раньше он ни разу не удирал от нее, не бросал ее одну, а она уже разучилась быть одна.

Что до Кэла, то ему пришлось привыкать к одиночеству. Сперва он старался бывать с Аброй и

братом, но скоро понял, что он лишний. Он страдал от ревности, по-всякому пытался привлечь ее внимание, и все напрасно.

Учился Кэл легко, но без особого интереса. Арону приходилось заниматься больше, зато он получал удовольствие, когда узнавал что-нибудь, и вообще уважал учение, независимо от того, как и чему их учат. Кэл просто переходил из класса в класс, его не увлекали ни школьная жизнь, ни спорт, ни развлечения. Растущее беспокойство гнало его по вечерам из дома. Он вытянулся, похудел, и было в нем что-то непонятное и темное.

Глава 38
1

С тех пор как Кэл себя помнил, он, как и любой другой, жаждал ласки и любви. Если бы он был единственным ребенком или если бы Арон был совсем другим, то его отношения с окружающими развивались бы легко и естественно. С самого начала взрослых подкупали привлекательность и простодушие Арона. Понятно, что Кэл изо всех сил старался завоевать внимание и любовь старших и делал это единственным доступным ему способом, то есть во всем подражая брату. Однако именно то, что покоряло в белокуром чистосердечном Ароне, отталкивало и вызывало неприязнь в смуглом, вечно прищуренном Кэле. Поскольку он большей частью притворялся, то и поведение его отнюдь не располагало в его пользу. Кэлу доставались попреки, даже если он говорил и делал то, за что Арон удостаивался похвал.

Щелкни щенка разок-другой по носу, он забьется в угол или начнет кататься по полу, прося у хозяина прощения. У ребенка же от попреков

рождается опасливость, и он прячет ее за безразличием, бравадой или замыкается в себе. Оттолкни однажды ребенка, он потом будет чувствовать неприязнь, даже когда ее и в помине нет, и, хуже того, вызовет неприязнь одной своей опасливостью.

Перемены в Кэле накапливались так медленно и так долго, что он не замечал ничего необычного. Как бы само собой получилось, что он выстроил вокруг себя защитную стену, отгораживающую его от других. Если в ней и были уязвимые места, то как раз там, где она ближе всего соприкасалась с Ароном, с Ли и особенно — с Адамом. Может быть, Кэл и чувствовал себя всего безопаснее, когда отец не обращал на него внимания. Лучше пусть тебя вообще не замечают, чем замечают в тебе только плохое.

Еще совсем маленьким Кэл разгадал одну хитрость. Если потихоньку подойти к сидящему отцу и слегка прислониться к его колену, то он машинально поднимет руку и погладит тебя по плечу. Вероятно, Адам даже не отдавал себе отчета в том, что делает, но его непроизвольная ласка вызывала взрыв чувств у сына, и тот научился дорожить этой редкой радостью и приберегал ее на самый худой случай. Это была Кэлова волшеб-

ная палочка-выручалочка и обряд, выражающий слепое обожание отца.

Мало что меняется при перемене места. В Салинасе Кэл не завел друзей, как не завел их в Кинг-Сити. У него были знакомые и приятели, его уважали и даже восхищались им, но вот настоящих друзей у него не было. Кэл жил один, сам по себе.

Хотя Ли знал, что Кэл по вечерам уходит из дома и возвращается иногда за полночь, он и виду не подавал и не пытался понапрасну расспрашивать или распекать подростка. Городские полицейские не раз и не два видели, как Кэл допоздна бродит один по улицам. Начальник полиции Хайзерман счел полезным поговорить со школьным надзирателем, и тот заверил его, что Кэл отнюдь не прогульщик, а очень даже успевающий ученик. Хайзерман, разумеется, неплохо знал Адама Траска, и, поскольку Кэл не бил окна и не нарушал общественный порядок, он велел своим подчиненным оставить мальчишку в покое, но не спускать с него глаз, чтобы тот не попал в беду.

Однажды старый Том Уотсон подошел к Кэлу:

— Ты чего по ночам шляешься?

— Я же никому не мешаю, правда? — возразил

тот.

— Вижу, что не мешаешь. Но в такую поздноту спать положено.

— А мне не хочется, — сказал Кэл.

Для Старины Тома слова Кэла были сущей бессмыслицей, ибо за всю свою жизнь он не припоминал ни единого дня или часа, когда бы ему самому до смерти не хотелось спать. Парень даже захаживал в игорные дома в Китайском квартале, хотя играть не играл. Словом, загадка, да и только. Впрочем, Тому Уотсону вообще многие вещи казались полнейшей загадкой, и у него не возникало никакого желания разгадывать ее.

Во время своих прогулок Кэл частенько вспоминал подслушанный им еще на ферме разговор между Ли и отцом. Ему хотелось докопаться до истины, но составлялась она медленно, по кусочкам: то из фразы, оброненной кем-то на улице, то из болтовни в бильярдной. Арон и внимания бы не обратил на обрывки разговоров, но Кэл схватывал их на лету и запоминал. Он знал, что его мать жива. Он знал также, что Арон не обрадуется, если она вдруг отыщется.

Однажды вечером Кэл наткнулся на Кролика Холмана, приехавшего из Сан-Ардо на выпивон, который он устраивал для себя раз в полгода.

Кролик радостно облапил Кэла, как это водится у деревенских при встрече со знакомцем в чужом городе. Он затащил парня в переулок за Торговым домом Эббота и там, отхлебывая виски из поллитровой бутылки, выложил ему такую кучу новостей, какую только удержала его память. Он как раз загнал за хорошую цену кусок своей землицы и подался в Салинас отметить событие, а «отметить» на его языке означало пуститься в загул. Сейчас вот он двинет прямо по путям в Ряд и покажет здешним шлюшкам, на что способны настоящие мужчины.

Кэл молча сидел рядом и слушал. Заметив, что в бутылке у Кролика осталось на донышке, он сбегал и упросил Луиса Шнайдера купить ему виски. Когда Кролик потянулся за выпивкой, в руке у него оказалась непочатая бутылка.

— Вот те на! — удивился он. — А я думал, только одну прихватил. Каждый раз бы так ошибаться, а?

Дойдя до половины второй бутылки, Кролик начисто позабыл, кто такой Кэл и сколько ему годков. Однако он твердо знал, что встретил самого что ни на есть дорогого друга.

— Погоди-ка, Джордж, — плел он. — Я вот сейчас еще малость заправлюсь, чтоб не сплоховать,

и потопаем к девочкам. Дорого, говоришь? Да брось ты! Я плачу — гуляй не хочу. Сорок акров я продал? Продал. Да и на кой они мне, все равно бросовые… Гарри, знаешь, что мы сделаем? К дешевкам не пойдем, ну их… Закатимся-ка мы к Кейт. Цену она, натурально, ломит, по десятке берет, но ничего, не обеднеем. Зато вот где представление — сила! Ты такого отродясь не видывал. И девочки у Кейт что надо. Не знаешь, кто такая Кейт? Ты что, Джордж, с луны свалился?! Супружница Адама Траска, она ему еще этих близнят-щелкоперов родила. Господи Иисусе, как сейчас помню… Бабахнула по нему — и давай деру. Пулю, значит, в плечо муженьку всадила и смылась, понял? Супружница она, само собой, никакая, зато баба первостатейная, таких поискать. И смех и грех! Говорят, будто из шлюх хорошие жены получаются. Оно и понятно, им присматриваться да пробовать незачем. Эй, Гарри, помоги-ка мне встать. О чем я говорил-то?

— О том, какое там представление, — еле слышно произнес Кэл.

— Ну да, точно. Придем, сам увидишь. Глаза на лоб вылезут. Знаешь, что они у Кейт выделывают?

Кэл шел, чуть поотстав от Кролика, чтобы тот

не очень его разглядывал. Кролик рассказывал, что они там выделывают, а Кэлу было противно. Противно не от того, что выделывают девочки, это казалось просто глупо, а противны глазевшие на них мужики. Свет от фонарей падал на раскрасневшуюся физиономию Кролика. Кэл представлял себе их ухмыляющиеся рожи.

Они прошли запущенный палисадник и поднялись на некрашеное крыльцо. Хотя Кэл был достаточно росл для своих лет, он приподнялся на цыпочки. Сторож не стал его разглядывать. В полутемной комнате с неяркими, низко опущенными лампами он затерялся среди возбужденных от ожидания мужчин.

2

Кэл давно привык собирать все, что видел и слышал, как бы в секретную копилку, прятал в своего рода кладовку, откуда в любую минуту мог взять понадобившийся инструмент, но после посещения публичного дома он испытывал отчаянную потребность поделиться с кем-нибудь впечатлениями и попросить совета.

Как-то вечером за стрекотом своей пишущей машинки Ли различил негромкий стук в дверь.

Это был Кэл.

Подросток присел на краешек кровати, а худощавый Ли опустился в свое кресло, удивляясь удовольствию, какое он получает от него. Он сидел, сложив руки на животе, — типичная поза китайца, не хватало только халата с широкими рукавами, — и молча ждал. Кэл уставился в пустоту над его головой, потом заговорил негромко, быстро:

— Я знаю, где моя мать и чем она занимается. Я ее видел.

Китаец лихорадочно сотворил в уме молитву, призывая Всевышнего на помощь.

— Что ты еще хочешь узнать? — сказал он осторожно.

— Думаю вот. А ты скажешь правду?

— Обязательно.

Вопросы роились и путались в голове Кэла, сбивали с толку. Он не знал, что спросить.

— Отец знает?

— Знает.

— Почему же он говорил, что она умерла?

— Жалел вас.

Кэл подумал: «Может, он что-нибудь такое сделал, и она ушла?»

— Он любил ее всей душой и телом. Отдавал

ей все.

— Она выстрелила в него?

— Да.

— Зачем?

— Он не хотел ее отпускать.

— Он не обижал ее?

— Никогда — я бы знал. Не мог он ее обидеть.

— Зачем она это сделала, Ли?

— Не знаю.

— Взаправду не знаешь или не хочешь сказать?

— Взаправду не знаю.

Кэл так долго молчал, что пальцы у Ли вздрогнули и сами собой сжали запястья. Он овладел собой, лишь когда подросток заговорил снова. В голосе его теперь слышалась мольба.

— Ли, ты ее хорошо знал. Какая она?

Ли вздохнул с облегчением, руки у него разжались.

— Тебя интересует мое личное мнение? Я могу ошибаться.

— Ну и пусть!

— Видишь ли, мой мальчик, я много думал об этом и все же не понял ее до конца. Она остается для меня загадкой. Что-то отличает ее от других, так мне кажется. Чего-то недостает ей — может

быть, доброты, может, совестливости. Человека понимаешь только тогда, когда чувствуешь его в себе. А я ее совсем не чувствую. Вот начинаю думать о ней и весь будто немею. Так и не разгадал, чего она хотела, к чему стремилась. Она полна какой-то злобы, но откуда она, эта злоба, и против чего — не пойму. И злоба какая-то особенная, нездоровая. Бывает, человек сердится, а у нее одно бессердечие. Не знаю, правильно ли я делаю, что говорю такие вещи.

— Я должен знать.

— Зачем? Тебе стало от этого легче?

— Нет, тяжелее. Но я должен все знать.

— Верно, — вздохнул Ли. — Вкусивший правды должен знать ее до конца. Но я сказал все, что знаю сам. Больше мне добавить нечего.

— Тогда расскажи мне об отце.

— Это гораздо проще… — начал было Ли. — Как ты думаешь, нас никто не слышит? Давай говорить тише.

— Ну, рассказывай же!

— У твоего отца непомерно развиты те самые качества, которых нет у его жены. Он так добр и так совестлив, что его достоинства оборачиваются против него самого, понимаешь? Ему трудно жить.

— Что он делал, когда она уехала?

— Ничего не делал. Он умер. Нет, он ходил, дышал, спал. Но внутри у него все омертвело. И только совсем недавно ожил.

Какое-то новое, незнакомое выражение появилось на лице Кэла. Глаза у него расширились, а резко очерченные и обычно стиснутые губы слегка разжались и как бы подобрели. И тут в первый раз, к своему изумлению, Ли разглядел в его облике черты Арона, хотя тот был светлый, а этот смуглый. Плечи Кэла подрагивали, как под тяжелой ношей.

— Что с тобой, Кэл? — спросил Ли.

— Я люблю его, — выдавил тот.

— Я тоже, — сказал Ли. — Если бы не любил, я не смог бы так долго жить с вами. Твой отец непрактичен, и житейской хватки у него нет, но он замечательный человек. Может, самый замечательный из всех, кого я знал.

Кэл вдруг встал:

— Спокойной ночи, Ли.

— Погоди, погоди! Ты кому-нибудь говорил?..

— Нет.

— И Арону тоже?.. Ой, что я спрашиваю, конечно, не говорил.

— А если он сам узнает?

— Тогда поддержи его, помоги. Подожди, не уходи! Другой раз, может, не придется вот так, по душам. Или сам не захочешь — тебе будет неприятно, что я посвящен в твой секрет… Скажи откровенно — ты на нее озлобился?

— Я ее ненавижу.

— Я потому спросил, — произнес Ли, — что твой отец не озлобился. Он только сильно печалился.

Кэл медленно пошел к двери, глубоко сунув руки в карманы, потом резко обернулся.

— Ты вот сказал: когда понимаешь человека по-настоящему. Я знаю, почему она уехала, и поэтому ненавижу ее. Я все знаю, потому что… потому что это есть во мне самом. — Голос Кэла дрогнул, он опустил голову.

Ли вскочил с кресла.

— Замолчи! — воскликнул он. — Замолчи немедленно, слышишь? Попробуй сказать хоть слово. Может, в тебе это тоже есть — ну и что? Это в каждом человеке сидит. Но в тебе есть и другое, понимаешь, — другое! Ну-ка, посмотри мне в глаза!

Кэл поднял голову и убито сказал:

— Что ты от меня хочешь, Ли?

— Я хочу, чтобы ты понял: в тебе есть и другое, доброе. Иначе ты не стал бы мучиться, задаваться

вопросами. Легче легкого свалить все на наследственность, на родителей. Ну а сам-то ты что — пустое место? Смотри у меня! Нечего прятать глаза! Запомни хорошенько: все, что человек делает, это он сам делает, а не его отец или мать.

— И ты в это веришь, Ли?

— Да, верю! И тебе советую. Иначе я из тебя душу вытрясу.

Когда Кэл ушел, Ли опустился в кресло. «Куда же подевалась моя хваленая восточная невозмутимость?» — уныло подумал он.

3

Открытие, сделанное Кэлом, отнюдь не явилось для него новостью — оно скорее подтвердило его горькие подозрения. Он давно догадывался, что над матерью нависает темное облако тайны, но что скрывается за ним — он не видел. К случившемуся он отнесся двойственно. С одной стороны, ему было даже приятно сознавать свою силу, и, узнав, что же в действительности произошло, он по-новому оценивал слышанное и виденное, мог до конца понять туманные намеки и даже восстановить и упорядочить события прошлого. Однако это сознание не заживляло рану, нане-

сенную правдой о матери.

Весь его организм перестраивался, сотрясаясь под капризными переменчивыми ветрами возмужания. Сегодня он был прилежен, исполнен благих намерений, чист душой и телом, назавтра поддавался порочным порывам, а послезавтра сгорал от стыда и очищался пламенем покаяния.

Открытие обострило чувства Кэла. Он казался себе каким-то особенным: ни у кого нет такой семейной тайны. Ли он не вполне поверил и тем более не представлял себе, что его сверстники тоже переживают похожие сомнения.

Представление в заведении Кейт занозой засело у него в душе. Воспоминание о нем то распаляло его воображение и созревающую плоть, то отталкивало, вызывало отвращение.

Кэл начал ближе присматриваться к отцу и увидел в нем такую неизбывную горечь и печаль, какой, возможно, сам Адам и не испытывал. В нем зарождалась страстная любовь к нему и желание уберечь его и вознаградить за перенесенные страдания. От повышенной чувствительности эти страдания казались ему совершенно непереносимыми. Однажды он ненароком сунулся в ванную комнату, где мылся отец, увидел у него уродливый шрам от пулевого ранения и с удив-

лением услышал собственный голос:

— Папа, откуда у тебя этот шрам?

Адамова рука сама собой поднялась к плечу, словно прикрывая обезображенное место.

— Это старая рана, сынок. Еще с той кампании против индейцев. Я как-нибудь расскажу тебе.

Кэл пристально смотрел на отца и, казалось, видел, как тот отчаянно ворошит памятью прошлое и придумывает неправду. Ему было неприятно — не сама неправда, а то, что отец вынужден говорить ее. Сам Кэл тоже иногда врал — когда хотел получить какую-нибудь выгоду. Но врать, потому что у тебя нет другого выхода, — такого злейшему врагу не пожелаешь. Ему хотелось крикнуть: «Папа, не нужно ничего придумывать! Я ведь все знаю и понимаю!», но он не крикнул, а сказал вместо этого:

— Обязательно расскажи.

Арона тоже подхватил бурливый поток внутренних перемен, но порывы его были гораздо умереннее и зов плоти спокойнее. Его желания устремились в русло религии. Он решил стать духовным лицом. Он не пропускал ни одной службы в Епископальной церкви, по праздникам помогал украшать ее цветами и зелеными ветками и целые часы проводил в обществе курчавого

священника — его преподобия мистера Рольфа. Уроки житейской мудрости, почерпнутые Ароном из общения с молодым, неискушенным в мирских делах человеком, развили у него способность к скоропалительным выводам, какая встречается только у очень наивных людей.

В Епископальной церкви Арона привели к первому причастию, и он начал петь в воскресном хоре. Абра последовала его примеру. Не то чтобы она придавала особенное значение этим церемониям, но женский ее ум подсказывал, что они необходимы.

Вполне естественно, что вскорости новообращенный Арон занялся спасением брата. Поначалу он просто молился за Кэла, но в конце концов приступил с беседами. Он упрекал его в безбожии и настаивал на том, чтобы он исправился.

Будь Арон похитрее, Кэл, может быть, и поддался бы его увещеваниям. Однако тот вознес себя на недосягаемую высоту в смысле непорочности, так что по сравнению с ним все остальные просто грязли в грехах. После нескольких нотаций Кэл решил, что брат слишком много о себе понимает, и назвал его зазнайкой. Оба вздохнули с облегчением, когда Арон пообещал ему адские муки на веки вечные и отстал от него.

Набожность Арона неизбежно распространилась на половое чувство. Он доказывал Абре необходимость воздержания и твердо готовился дать обет безбрачия. Женское чутье подсказывало Абре, что надо соглашаться с ним, так как в глубине души она догадывалась, что скоро он переменится. Сама она знала одно-единственное состояние — девичество и мечтала выйти замуж за Арона и нарожать ему детей, однако пока помалкивала. Ей было незнакомо чувство ревности, но она ощущала в себе инстинктивную и, пожалуй, оправданную неприязнь к преподобному мистеру Рольфу.

Кэл с любопытством наблюдал, как брат замаливает грехи, которые он не совершал. Однажды он язвительно подумал, не рассказать ли ему о матери — интересно посмотреть, как Арон примет новость, но сразу же отказался от этой мысли. Он понимал, что у Арона недостанет сил перенести такой удар.

Глава 39
1

Время от времени Салинас страдал от легких приступов стыдливости. Один приступ был похож на другой, и болезнь каждый раз протекала почти что одинаково. Иногда она начиналась с проповедника на амвоне, иногда с нового честолюбивого президента Женского клуба в защиту порядка. Карточные и иные азартные игры неизменно провозглашались величайшим злом, каковое надлежало немедленно искоренить. Выступать против азартных игр весьма удобно. Об этом пороке общества прилично говорить вслух — не то что о проституции. Кроме того, слишком уж он очевиден, да и большинство игорных домов держали китайцы, так что было мало вероятности нечаянно задеть кого-нибудь из дальних родственников.

Из церкви или клуба пламя возмущения перекидывалось на две городские газеты. Тут же появлялись разгромные редакционные статьи с требованием очистить город от вредных элементов. Полиция соглашалась, но ссылалась на

нехватку рук и просила дополнительных ассигнований, которые иногда и удавалось получить.

Когда пламя достигало газетных этажей, все понимали: скоро. И верно: уже приведена в готовность полиция, подготовились игорные дома, газетчики наперед сочинили хвалебные репортажи. Начинался отлично поставленный, как на балетной сцене, спектакль. Облава проводилась по заранее намеченному плану. Полиция загребала десятка полтора-два китайцев, переселившихся из Пахаро, несколько бродяг и мелких коммивояжеров, которых никто не предупредил, поскольку люди они заезжие, сажала попавшихся под замок, а утром, оштрафовав, отпускала с миром. Городок успокаивался, убаюканный собственной незапятнанностью, а игорные дома терпели убыток в размере дохода за ночь плюс вполне божеский штраф. Удивительное все-таки достижение человечества: способность смотреть на очевидность и не верить своим глазам.

Однажды вечером, это было осенью 1916-го, Кэл забрел к Коротышке Лиму посмотреть на игру и угодил в облаву. В темноте и суматохе никто не обратил на него внимания. Наутро начальник полиции обнаружил его, к своему удивлению, в арестантской и позвонил Адаму — тот как раз сел

завтракать. Адам не спеша прошел два квартала до полицейского участка, забрал Кэла, заглянул на почту, стоящую напротив, и они вместе отправились домой.

Ли накрыл салфеткой сваренные для Адама яйца и приготовил яичницу для Кэла. Арон собрался в школу и, проходя через столовую, спросил брата:

— Тебя подождать?

— Не надо, — бросил тот. Он ел, опустив глаза в тарелку.

Адам не проронил ни слова с тех пор, как, поблагодарив начальника полиции, позвал сына: «Пойдем!» Кэл поглощал завтрак, хотя ему кусок в горло не шел, и поглядывал исподлобья на отца. Он не мог разобрать, что написано на его лице — то ли недоумение и недовольство, то ли задумчивость и печаль.

Адам смотрел в чашку. Молчание тянулось, делалось все более тягостным, и становилось все труднее нарушить его.

В комнату заглянул Ли:

— Еще кофе?

Адам покачал головой, и Ли исчез, притворив за собой дверь на кухню.

В тишине все громче тикали часы. В душу Кэлу

закрадывался страх. Он чувствовал, что от отца исходит какая-то непонятная сила, о существовании которой он не подозревал. В ногах у него закололо, надо было переменить положение, чтобы восстановить кровообращение, но он боялся шелохнуться. Он будто ненароком стукнул вилкой о край тарелки, однако стук растворился в тишине. Часы мерно пробили девять, и звон тоже растворился в тишине.

Страх постепенно проходил, уступая место обиде — так, наверное, досадует лисица на свою попавшую в капкан лапу.

И вдруг Кэл вскочил на ноги. Еще секунду назад он и шевельнуться не смел, и вот вскочил и закричал, тоже совершенно неожиданно для себя:

— Ну, давай, бей, бей! Я не боюсь!

Его крик тоже растворился в тишине.

Адам медленно поднял голову. Не поверите, до чего же много на свете таких, кто ни разу как следует не заглянул в глаза своему отцу, и Кэл был один из них. Радужка у Адама была светло-голубая с темными лучиками, уходящими в пучину зрачка. И где-то там, глубоко-глубоко в отцовских зрачках, Кэл вдруг увидел свое отражение, словно оттуда глядели на него два Кэла.

— Значит, я сам виноват… — медленно произ-

нес Адам. Слова ранили больнее, чем удар.

— Как так? — пробормотал Кэл.

— Тебя зацапали в игорном доме. А я даже не знаю, как ты туда попал. Не знаю, зачем пошел, что там делал, — ничего не знаю. — У Кэла подогнулись ноги, он сел, уставился в тарелку. — Ты начал играть, сын?

— Нет, отец, я просто смотрю.

— Значит, ты и раньше бывал там?

— Да, отец, много раз.

— Зачем?

— Не знаю… Не сидится мне по вечерам дома, и все… Я как кошка бродячая. — Кэл сказал и ужаснулся: неудачно вырвавшаяся шутка привела на память Кейт. — Спать не хочется, вот я и хожу по улицам, чтобы ни о чем не думать.

Слово за словом Адам перебрал услышанное.

— Арон тоже бродит по улицам?

— Арон? Зачем ему! Он… ему и так хорошо.

— Ну вот видишь, — сказал Адам. — Я совсем тебя не знаю.

Кэлу вдруг захотелось броситься к отцу, обнять его, захотелось, чтобы тот тоже его обнял. Ему хотелось во что бы то ни стало показать, что он понимает отца и любит его. Он машинально взял деревянное салфеточное кольцо, просунул в него

палец и негромко сказал:

— Я бы ничего не скрывал, если бы ты спрашивал.

— Вот именно, если бы спрашивал… А я не спрашивал. Нет, никудышный я отец, и мой отец тоже был никудышный.

Кэл ни разу не слышал, чтобы отец говорил так — хрипловатым, прерывающимся от нахлынувших чувств голосом, и он отчаянно, словно в темноте, ловил каждое отцовское слово.

— Понимаешь, он втиснул меня в готовую изложницу, — сказал Адам. — Отливка получилась плохая, но что делать? Человека не переплавишь. Плохая была отливка, плохой и осталась.

— Не мучай себя, папа. Тебе и так досталось!

— Да?.. Может, и досталось, но — то ли, что нужно? Собственных сыновей не знаю. И узнаю ли?

— Если хочешь, я все-все про себя расскажу.

— Я даже не знаю, с чего начать… Давай с самого начала?

— Папа, ты очень рассердился, что меня забрали в арестантскую? Или просто расстроился?

К полному изумлению Кэла, отец только рассмеялся.

— Забрали и забрали — что тут такого? Ты же не сделал ничего плохого.

— Но я же был в недозволенном месте. — Кэлу очень хотелось ответить за свой поступок.

— Я однажды тоже попал в похожую историю, — сказал Адам. — Целый год отсидел за то, что был в недозволенном месте.

Кэл изо всех сил старался переварить невероятную новость.

— Не может быть, — выговорил он наконец.

— Мне иногда самому кажется, что не может быть. Но факт остается фактом. Потом я убежал, забрался в лавку и выкрал одежду.

— Не может быть, — огорошенно повторил Кэл, но внутри у него разливалось такое упоительное тепло от сознания близости к отцу, что он едва дышал, чтобы сберечь это чувство, не дать ему улетучиться.

— Ты ведь Сэмюэла Гамильтона помнишь? — спросил Адам. — Так вот, когда ты был совсем маленьким, он сказал, что я плохой отец. А чтобы вразумить хорошенько — стукнул меня, да так, что я свалился.

— Это тот старик?

— Старик-то старик, но рука у него тяжелая была. Только потом я его понял. Я, понимаешь, весь в отца. Он не признавал во мне человека, и я своих сыновей за людей не держал. За это Сэм

меня и поколотил.

Он смотрел Кэлу в глаза и улыбался, а у того от любви к отцу мучительно замирало сердце.

— Мы с Ароном все равно считаем, что у нас хороший отец.

— Бедные вы мои, — сказал Адам. — Откуда вам знать, плохой или хороший. Другого-то у вас нет.

— А я рад, что меня посадили в тюрьму!

— Знаешь, я тоже! — рассмеялся Адам. — Мы оба были в тюрьме, значит, у нас есть о чем потолковать. — Ему становилось легко и радостно. — Расскажи, какой ты — можешь?

— Конечно, могу.

— А захочешь?

— Конечно, отец.

— Ну вот и расскажи. Понимаешь, быть человеком — значит взять на себя какую-то ответственность, а не просто заполнять собой пространство. Итак — какой ты?

— Ты это взаправду? — застенчиво спросил Кэл.

— Конечно, взаправду… Честное слово! Давай рассказывай — если хочешь.

— Ну, если взаправду, я… — начал было Кэл и замолк. — Трудно так, сразу.

— Еще бы не трудно. Может, вообще невозмож-

но. Расскажи тогда про Арона.

— А что тебя интересует?

— Что ты о нем думаешь. Остальное, наверное, никто не знает.

— Арон — он добрый, — сказал Кэл. — Он не делает ничего плохого. И в голове ничего плохого не держит.

— Ну вот, ты и начал о себе рассказывать.

— Как это?

— Ты делаешь что-то плохое и в голове плохое держишь — верно?

Кэл покраснел:

— Верно.

— Очень плохое?

— Очень. Рассказать?

— Не надо, Кэл. Ты уже все рассказал. По твоим глазам я вижу, что в тебе идет борьба. Ты не стыдись этого, сын. От стыда можно с ума сойти. Арон тоже испытывает стыд?

— Ему нечего стыдиться, он ничего такого не делает.

Адам нагнулся к нему:

— Ты это точно знаешь?

— Точно.

— Скажи, Кэл, ты его защищаешь?

— В каком смысле, сэр?

— В таком… Вдруг ты узнал о чем-нибудь неприятном или жестоком — поделишься с ним или нет?

— М-м… Вряд ли.

— Почему? Думаешь, у него не хватит сил вынести неприятность, не то что у тебя?

— Не в этом дело, Арон не слабак, он просто добрый, не вредный. Мировой парень! Никого не обижает и сам не жалуется. Драться он не любит, но кому хочешь сдачи даст, ничего не боится.

— Ты, я вижу, любишь брата.

— Да, люблю… Но и гадости тоже ему делаю. Мне нравится его дурачить, дразнить и вообще. Иногда сам не знаю зачем.

— А потом сам переживаешь, правда?

— Угу…

— Арон тоже переживает?

— Наверное, не знаю… Вот когда я не захотел стать членом церковной общины, он очень огорчился. И еще он ужасно переживал, когда Абра на него взъелась. Ненавижу, говорит. Он прямо заболел от этого. У него тогда жар начался, и Ли за доктором посылал — помнишь?

— Господи, живу рядом с вами и ничего-то не знаю! — изумился Адам. — За что же она на него взъелась?

— Да так… Тебе обязательно нужно знать?

— Если не хочешь, не говори.

— Ладно уж, ничего тут секретного нет. Арон ведь священником хочет стать, ну а мистер Рольф, священник наш, он за высокую Церковь выступает и брата подговаривает[12]. Арон сказал, что он, может, никогда не женится, будет затворником жить.

— То есть вроде монахом заделается?

— Ну да!

— И Абре это не понравилось?

— Еще бы! Как кошка зафыркала. Она вообще такая злюка бывает. Схватила у Арона самописку и ка-ак бросит ее на землю и давай топтать. Я, говорит, полжизни ему посвятила, а он…

— Сколько же лет Абре? — рассмеялся Адам.

— Скоро пятнадцать, но она… ну, вроде взрослее.

— Понятно. Ну и что Арон?

— Ни слова не сказал, но здорово обиделся.

— Ты, наверное, отбил бы ее у Арона, если б захотел? — сказал Адам.

— Абра с Ароном обручена, — серьезно возразил Кэл.

---

[12] Примечания: 12

Одно из трех направлений в англиканской и епископальной церквах, наиболее близкое к католицизму.

Адам пристально посмотрел сыну в глаза и позвал Ли.

Тот не появился.

— Ли! — крикнул он снова и добавил: — Странно, по-моему, он никуда не уходил. Кофейку бы еще.

Кэл вскочил:

— Я сейчас заварю!

— Тебе в школу пора.

— Мне не хочется.

— Надо. Арон уже там.

— Можно, я с тобой побуду, па? Сегодня как праздник.

Адам глянул себе на руки и сказал тихим неверным голосом:

— Ну хорошо, завари.

Пока Кэл возился в кухне, Адам с удивлением чувствовал, что в нем происходит какая-то перемена. Каждой клеточкой своего существа он ощущал незнакомое волнение. Ноги напружинились, вот-вот сами понесут его, руки тянулись к работе. Жадными глазами он обвел комнату. Стулья, картины на стенах, алые розы на ковре — вещи казались новыми, одушевленными, близкими. В его сознании зародилась неутолимая жажда жизни, такое ожидание и предвкушение

будущего, как будто отныне каждая минута его существования должна приносить одну радость. Он испытывал необыкновенную приподнятость, словно перед ним занимался мирный, безоблачный, золотистый день. Адам закинул руки за голову и вытянул ноги.

Кэл на кухне мысленно торопил кофейник, и вместе с тем ему было приятно ждать, пока вода закипит. Знакомое чудо уже не чудо. Восторг от счастливых минут близости с отцом прошел, но радостное ощущение осталось. В нем растворился и яд одиночества, и грызущая зависть к тем, кто не одинок, дух его очистился и просветлел, и он понимал это. Чтобы проверить себя, Кэл старался припомнить старые обиды, но они куда-то пропали. Ему хотелось услужить отцу, доставить ему радость, сделать какой-нибудь подарок и вообще совершить в его честь что-нибудь великое.

Кофе убежал, и Кэл принялся вытирать плиту. «Вчера ни за что не стал бы этого делать», — мелькнуло у него в голове.

Когда Кэл принес дымящийся кофейник в комнату, Адам улыбнулся, понюхал воздух и сказал:

— Хорошо пахнет! Такой аромат мертвого из могилы подымет.

— Убежал он, — виновато сказал Кэл.

— Самый смак, когда кофе убежит, — возразил Адам. — Интересно, куда это Ли отправился?

— Может, он в своей комнате. Пойти посмотреть?

— Не стоит. Он бы отозвался.

— Папа, ты позволишь мне заняться фермой после школы?

— Ну, об этом рано говорить. А какие планы у Арона?

— Он в колледж хочет поступить. Не выдавай меня, ладно? Пусть он сам тебе сюрприз сделает.

— Хорошо, не выдам. А ты сам — разве не хочешь в колледж?

— Да я лучше на ферме… Я там прибыль сумею получить, вот увидишь! За обучение Арона заплатить хватит.

Адам отхлебнул кофе.

— Это просто замечательно с твоей стороны, — сказал он. — Не знаю, стоит ли заводить этот разговор… Нет, наверное, стоит… Я вот про Арона попросил тебя рассказать. И ты так неуклюже его хвалил, что я подумал — может, ты не любишь его, может, он даже неприятен тебе?

— Да я его просто ненавидел! — выпалил Кэл. — Поэтому и задирал его по-всякому. Но это прошло, папа, правда прошло. Никакой вражды сейчас

у меня к нему нет, честное слово, и не будет. Вообще ни к кому не будет, даже к матери… — Он прикусил язык, сам удивившись своей обмолвке и холодея от ужаса.

Адам молча смотрел прямо перед собой. Потом он провел ладонью по лбу и наконец негромко произнес:

— Выходит, тебе известно о матери. — Адам не спрашивал, а размышлял.

— М-м… Да, отец, известно.

— Все?

— Все.

Адам откинулся на спинку кресла.

— А Арон — он тоже знает?

— Да нет, что ты, папа! Конечно, не знает!

— Чего ты испугался?

— Не нужно ему про такие вещи знать.

— Почему?

— Не выдержит он этого, — упавшим голосом сказал Кэл. — Он слишком неиспорченный. — Он чуть было не добавил: «Как и ты, папа», — но вовремя спохватился.

Адам выглядел усталым и растерянным. Он покачал головой.

— Кэл, слушай меня внимательно… Какая есть гарантия, что Арон не узнает? Подумай хоро-

шенько.

— Да он такие места за милю обходит, — ответил Кэл, — не то что я.

— А если ему кто-нибудь расскажет?

— Он просто не поверит, папа. Подумает, что на нее наговаривают, да еще побьет того, кто заикнется об этом.

— Сам-то ты бывал там?

— Да, папа. Я должен был все разузнать… Вот если бы Арон поступил в колледж, — горячо продолжал Кэл, — и совсем уехал из нашего города…

Адам кивнул:

— Может, это действительно неплохой выход. Но ему еще два года учиться.

— Он запросто за один год все сдаст! Он у нас головастый. Попробую подговорить его.

— А ты не головастее?

— Я в другом смысле головастый.

Адама всего распирало от гордости за сыновей. Казалось, он вот-вот сделается размером с комнату. Лицо у него стало суровым и торжественным, голубые глаза смотрели твердо и проницательно.

— Кэл! — позвал он.

— Да, папа?

— Я верю в тебя, сын, — произнес Адам.

2

Отцовские слова переполняли Кэла счастьем. Он не чувствовал под собою ног. Лицо озаряла улыбка, угрюмая замкнутость все реже посещала его.

Ли быстро заметил перемену в своем воспитаннике и однажды как бы невзначай спросил:

— Ты, случаем, не влюбился?

— Влюбился? А зачем?

— Затем, — только и ответил Ли.

Потом Ли поинтересовался у Адама:

— Что это произошло с Кэлом?

— О матери узнал, — ответил Адам.

— Ах вот оно что... — Ли чувствовал себя не вправе расспрашивать. — Я предупреждал вас, что давно надо им сказать — помните?

— Помню, но это не я ему сказал. Он сам разузнал.

— Подумать только! — продолжал Ли. — Не такая ведь приятная новость, чтобы напевать во время занятий и подкидывать фуражку на улице. Хорошо, а как насчет Арона?

— Вот за него я боюсь. Не хотелось бы, чтобы ему стало известно.

— Смотрите, а то поздно будет.

— Наверное, мне нужно поговорить с ним, прощупать, так сказать.

Ли подумал и заметил:

— С вами тоже что-то произошло.

— Правда? Впрочем, да, пожалуй, ты прав.

Кэл не только мурлыкал, по-быстрому разделываясь дома с уроками, и не только подкидывал и ловил фуражку, шагая по улице. Он радостно принял на себя обязанность хранить покой отца. Он и впрямь не испытывал никакой вражды к матери, однако не забывал, что именно она навлекла на отца горе и позор. Если она так поступила тогда, рассуждал он, то способна на такую же подлость и теперь. И он решил, что должен разузнать о матери все-все. Противник, которого знаешь, менее опасен, так как не застигнет врасплох.

К дому за железнодорожными путями он наведывался чаще всего вечером, но днем тоже устраивал наблюдательный пункт в бурьяне по другую сторону улицы. Он видел, как иногда из дома выходили девицы, обязательно по двое и одетые очень скромно, даже строго. Он провожал их глазами до угла, пока они не сворачивали на Кастровилльскую улицу, направляясь к Главной. Если не знать, откуда они, то никак не догадаешь-

ся, кто они такие. Впрочем, девицы интересовали Кэла меньше всего. Ему хотелось увидеть при свете дня собственную мать. В конце концов он установил, что Кейт выходит из дому каждый понедельник в половине второго.

На «отлично» сделав дополнительные задания, Кэл попросил у классного наставника разрешение не присутствовать по понедельникам на дневных занятиях. На расспросы Арона он ответил, что затеял одну штуку, сюрприз, и не имеет пока права никому ничего говорить. Арон не настаивал и, целиком занятый собой, скоро вообще обо всем позабыл.

Несколько понедельников Кэл незаметно ходил за Кейт по пятам и досконально изучил, где и когда она бывает. Маршрут ее не менялся. Начинала она с Монтерейского окружного банка. Ее пропускали за хромированную перегородку, в хранилище, где размещались сейфы, и она проводила там минут пятнадцать — двадцать. Затем Кейт не спеша, разглядывая витрины, шла по Главной улице и заходила в «Конфекцию и Галантерею» Портера и Эрвина посмотреть новые наряды, а иногда и покупала разную мелочь — подвязки или английские булавки, вуалетку, перчатки. Примерно в четверть третьего она

скрывалась в Салоне у Минни Фрэнкен и через час выходила оттуда в шелковой, завязанной под подбородком косынке, из-под которой виднелась модная завивка.

В три тридцать Кейт уже поднималась по лестнице в доме, где находились «Товары для земледельцев», и входила в приемную доктора Розека. После врачебного кабинета она заглядывала в кондитерскую к Беллу и покупала двухфунтовую коробку шоколадных конфет-ассорти. От Белла она шла до Кастровилльской улицы и по ней домой. Она никогда не меняла путь и пункты следования.

Во внешности и наряде Кейт не было решительно ничего необычного. Она одевалась точно так же, как одевались все остальные зажиточные и благочинные салинасские дамы, отправляющиеся по понедельникам за покупками. Единственное, что отличало ее — это перчатки, — перчаток у нас в городе, как правило, не носили. Ее руки в перчатках выглядели пухлыми, даже распухшими.

Когда Кейт шла по улице, казалось, будто она заключена в стеклянный футляр. Она ни с кем не заговаривала и словно бы никого не замечала. По временам оборачивался какой-нибудь мужчина

и смотрел ей вслед, потом, как бы опомнившись, спешил по своим делам дальше. Большей же частью она скользила мимо прохожих, точно невидимка.

В течение нескольких недель, стараясь ничем не привлечь ее внимания, Кэл преследовал мать. При ходьбе она смотрела прямо перед собой, и поэтому он был убежден, что она ничего не видит. Когда Кейт входила к себе в палисадник, он с безразличным видом шествовал мимо, а потом другой дорогой шел домой. Кэл не спрашивал себя, зачем он следит за ней. Ему просто хотелось узнать про нее все до конца.

Шла восьмая неделя. Кейт, по обыкновению, завершила свой обход и скрылась в заросшем палисаднике. Кэл выждал минуту и зашагал мимо покосившейся калитки. Кейт спокойно окликнула его из-за высокого развесистого куста бирючины:

— Эй, ты зачем ходишь за мной?

Кэл замер, едва дыша. Время словно остановилось. И тут же по старой, выработанной еще в детстве привычке он принялся усиленно подмечать и перебирать всякие пустяки, не имеющие касательства к неудобному положению, в каком он очутился. Краем глаза Кэл видел, как шевель-

нулись молодые листочки на кустарнике под налетевшим с юга ветерком. Потом он заметил грязную слякотную дорожку, истоптанную до черного месива, и ноги, отступившие к самому ее краю, чтобы не запачкать туфли. Он слышал, как поодаль с сухим отрывистым шипением выпускает пар маневровый паровозик, и чувствовал холодок на щеках, покрытых пробивающимся пушком. И все это время он в упор глядел на Кейт, и она тоже не сводила с него взгляд. Разрез глаз, цвет волос и даже характерная манера приподнимать плечи, словно слегка пожимая ими, — теперь Кэл ясно видел, как похож на мать Арон. Сам он плохо знал собственную внешность и потому не узнал в ее лице свой рот, мелкие зубы, широкие скулы. Так они и стояли друг перед другом, подросток и женщина, пока очередной порыв ветра не вывел их из неподвижности.

— Ты уже который раз ходишь за мной, — сказала Кейт. — Чего тебе от меня нужно?

— Ничего не нужно, — ответил Кэл, опуская голову.

— Кто тебя подучил подглядывать за мной?

— Никто… мэм.

— Не хочешь, значит, признаться?

Кэл вдруг с изумлением услышал, что он заго-

ворил. Слова вырвались сами, помимо его воли:

— Вы моя мать, и я хотел посмотреть, какая вы.

Это была чистая правда, и Кейт как обухом по голове стукнуло.

— Что? Ничего не пойму. Ты кто?

— Я — Кэл Траск, — сказал он и тут же почувствовал, что чаша весов качнулась в его сторону. Хотя она и виду не подала, Кэл понял, что берет верх в поединке, а мать вынуждена защищаться.

Она пристально вглядывалась в подростка, изучая каждую его черточку. Полузабытое лицо Чарльза вдруг встало перед ее внутренним взором. «Ну-ка, пойдем!» — кинула она, повернулась и осторожно, чтобы не угодить в грязь, пошла по краю дорожки.

Поколебавшись секунду, Кэл последовал за ней и взошел по ступеням. Он хорошо помнил темное зальце, но дальше не был. Кейт повела его коридором к себе. Проходя мимо кухни, она крикнула в открытую дверь: «Чаю, две чашки!»

В комнате Кейт, казалось, совсем забыла про него. Не снимая перчаток, дергая за рукава непослушными пальцами, она сняла пальто. Потом подошла к двери, прорубленной в дальней стене, вдоль которой стояла ее кровать, и скрылась в

пристройке.

— Иди сюда! — позвала она. — И захвати стул.

Кэл очутился в какой-то каморе без окон, с голыми темно-серыми стенами. Пол устилал пушистый ковер, тоже серый. Из мебели тут стояло только огромное кресло с множеством серых шелковых подушек, небольшой стол с наклонной крышкой и напольная лампа с низким абажуром. По-прежнему не снимая перчаток, Кейт неловко, словно у нее была искусственная рука, зажала шнурок глубоко между большим и указательным пальцами и зажгла лампу.

— Закрой дверь! — приказала Кейт.

Лампа бросала яркий кружок света на стол, но остальная комната едва освещалась. Серые стены словно поглощали свет. Кейт долго устраивалась в кресле среди подушек, потом начала осторожно стягивать перчатки. Пальцы на обеих руках у нее были забинтованы.

— Чего уставился! Артрит это, — зло бросила она. — Хочется взглянуть, да? — Она размотала пропитавшуюся мазью повязку и поднесла скрюченный указательный палец к свету. — Вот, полюбуйся! Это и есть артрит. — Она тихонько застонала, бережно обматывая палец бинтом. — Боже мой, до чего болят в перчатках! — вырвалось

у нее. — Садись, чего стоишь.

Кэл присел на краешек стула.

— Смотри, у тебя, наверное, тоже артрит будет, — сказала Кейт. — У моей двоюродной бабки был и у матери начинался… — Она осеклась. В комнате воцарилась мертвая тишина. Потом в дверь тихонько постучали.

— Это ты, Джо? — отозвалась она. — Оставь поднос. Ты что, оглох?

Из-за двери что-то промычали. Ровным голосом Кейт отдавала распоряжения:

— В гостиной намусорили, подмети. Анна опять не прибрала у себя в комнате. Предупреди ее еще раз, скажи, что это последний. Ева чересчур умничала вчера вечером. Впрочем, я сама с ней поговорю… Да, вот еще что, Джо. Скажи поварихе, если она опять приготовит на этой неделе морковь, пусть собирает вещи. Ты меня слышишь?

Мычание из-за двери повторилось.

— Все, иди! — приказала она. — Хуже свиней! — в сердцах вырвалось у нее. — Дай им волю, как в хлеву будут жить… Принеси-ка поднос из той комнаты.

Когда Кэл открыл дверь, в спальне уже никого не было. Он принес поднос и осторожно поставил его на крышку стола. Поднос был большой, се-

ребряный, на нем стояли оловянный чайник, две чашки тонкого, как бумажный листок, фарфора, сливки и открытая коробка шоколадных конфет.

— Налей чаю, — сказала Кейт. — У меня руки болят. — Она сунула в рот конфету. — Удивляешься, что я в этой комнатенке устроилась? — продолжала она, проглотив конфету. — Мне от света глаза режет. А здесь я отдыхаю. — Заметив, что Кэл украдкой посмотрел на ее глаза, повторила тоном, не терпящим возражения: — Мне от света глаза режет… Ты что не пьешь? — спросила она бесцеремонно. — Не хочешь?

— Не хочу, мэм. Я не люблю чай.

Кейт зацепила забинтованными пальцами тоненькую чашку.

— А чего же ты хочешь?

— Ничего, мэм.

— Вздумал просто посмотреть на меня?

— Да, мэм.

— Ну и как?

— Обыкновенно.

— Ну и как я выгляжу? — Она бесстыдно улыбнулась, обнажив мелкие острые зубы.

— Нормально.

— Я так и знала, что из тебя слова не вытянешь. Где твой братец?

— В школе, наверное, или дома.

— Какой он?

— Он… он больше на вас похож.

— Правда? Интересно. И он такой же, как я?

— Арон в священники хочет.

— Ну что ж, это в самый раз — с моей внешностью в священники. Духовное лицо такое натворить может. Когда мужчина сюда приходит, он весь настороже, а в церкви раскрывается душа нараспашку.

— У Арона это серьезно.

Кейт подалась вперед, лицо ее оживилось.

— Налей мне еще… Скажи, твой брат — зануда?

— Он хороший.

— Я спрашиваю — зануда?

— Нет, мэм, не зануда.

Кейт откинулась, поднесла чашку к губам.

— А как отец?

— Я не хочу об этом говорить.

— Вот как! Значит, ты его любишь?

— Очень, — сказал Кэл.

Кейт пристально всматривалась в сына. Сердце у нее внезапно сжалось от боли, и по телу пробежала непонятная судорога. Потом она встряхнулась и быстро справилась с собой.

— Возьми конфету.

— Спасибо, мэм… Зачем вы это сделали?

— Что я сделала?

— Зачем выстрелили в отца и бросили нас?

— Это он тебе рассказал?

— Нет, он нам ничего не рассказывал.

Кейт дотронулась одной рукой до другой, но обе отдернулись, как обожженные.

— У твоего отца есть… к нему приходят в гости… ну, девицы или молодые женщины?

— Не приходят, — отвечал Кэл. — Почему вы хотели застрелить его и убежать?

Лицо у Кейт напряглось, рот распрямился в одну линию. Она подняла голову — глаза ее глядели холодно и пусто.

— Ишь ты, как взрослый заговорил, — сказала она. — Только вот рассуждаешь, как маленький. Может, тебе лучше пойти поиграть?.. И не забудь сопли утереть.

— Я тоже иногда издеваюсь, над братом. Дразню, даже до слез довожу и вообще. Он даже не понимает, как это у меня получается. Я умнее его, то есть хитрее. Но больше я не буду его обижать, никогда. Противно стало.

Кейт подхватила, словно сама только о том и думала:

— Мои тоже воображали, будто они такие умные. Думали, что насквозь меня видят. А я обманывала их как хотела, всех обманывала. Особенно когда мне что-нибудь велели сделать. Тут уж я спуску не давала! Да, Чарльз, что-что, а козни строить я умела.

— Меня Калеб зовут, а не Чарльз. Был такой человек, Халев, он в землю Ханаанскую пришел. Мне Ли рассказывал, из Библии это.

— А-а, китаец этот, — протянула Кейт и продолжала свое: — Адам думал, что право на меня имеет. Когда меня в кровь избили, сломали руку, он меня в свой дом принес, ухаживал за мной, с ложечки кормил. Думал привязать меня к себе. И большинство, представь, поддается. Благодарные — они всегда в долгу, а это хуже цепей. Но я не такая, меня никто не удержит. Вот и решила: подожду, выздоровлю, наберусь сил, а потом поминай как звали. Для меня западня еще не сделана. — Она помолчала. — Я знала, что он замышляет, и выжидала, когда мой час пробьет.

В сером полумраке комнаты слышалось только ее возбужденное свистящее дыхание.

— Зачем вы в него выстрелили? — снова спросил Кэл.

— Затем, что он не хотел отпускать меня. Я ведь

и убить его могла, правда? Только зачем? Мне просто надо было вырваться.

— И вы никогда не жалели, что не остались с нами?

— Жалела? Господь с тобой! Я еще девчонкой умела настоять на своем. Никто не понимал, как это мне удается. Мои-то думали, что чин-чином меня воспитывают. Нет, ничегошеньки они обо мне не знали. Ни одна живая душа не знала. И сейчас не знает. — У Кейт вдруг мелькнула догадка. — Послушай, мы ведь как-никак одной породы. Может, ты весь в меня. Я бы не удивилась.

Кэл встал, заложил руки за спину.

— Скажите, когда вы были маленькая, вы… — Он умолк, стараясь найти подходящие слова. — У вас не было такого чувства, будто вам чего-то не хватает? Вот у других это есть, а у вас нет… Ну, вроде все остальные знают какой-то секрет и не хотят с вами поделиться? Вы это не замечали за собой?

Едва он заговорил, лицо у Кейт сделалось непроницаемым, а когда умолк, она окончательно замкнулась в себе. Между ними словно стена выросла.

— Разговорилась ни с того ни с сего! — спохва-

тилась она.

Кэл разнял руки и засунул их в карманы.

— И с кем? С мальчишкой-сопляком. Совсем свихнулась.

Лицо Кэла светилось от возбуждения, глаза широко раскрылись, словно он увидел что-то неожиданное.

— Эй, чего это ты? — сказала она.

Кэл стоял не шелохнувшись, на лбу у него заблестел пот, руки сами сжались в кулаки.

Кейт умела, как ножом, уколоть человека бессмысленной жестокостью.

— Я, может, наградила тебя кое-чем, вроде вот этого… — Усмехнувшись, она выставила вперед скрюченные пальцы. — Но вот если припадки будут, то, извини, это не от меня.

Она глядела на сына лучезарными глазами, предвкушая удовольствие от его растерянности и испуга. Но Кэл заговорил легко и свободно:

— Теперь я пойду. Нечего мне тут больше делать. Ли правильно сказал.

— Что Ли правильно сказал?

— Я боялся, что в вас пошел.

— Конечно.

— Нет, я в себя самого пошел. Не обязательно быть таким, как мать.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю — и все. Я только сейчас все сообразил. Если и есть во мне злоба, то это не от вас, а от меня самого.

— Наслушался всякой чепухи у своего китайца. Ты чего так на меня смотришь?

— И совсем вам не режет глаза от света, — сказал Кэл. — Вы просто боитесь и поэтому прячетесь.

— Что?! — вскрикнула Кейт. — Вон отсюда! Убирайся!

— Я и сам уйду, — отвечал Кэл, берясь за ручку двери. — Ненависти у меня к вам нет, но я рад, что вы боитесь.

Кейт хотела крикнуть «Джо!», но вместо этого у нее вырвалось какое-то карканье.

Кэл толкнул дверь, вышел и захлопнул ее за собой.

В гостиной болтали Джо и одна из девиц. Оба слышали частые легкие шаги, но едва они успели поднять головы, как мимо них пронеслась какая-то фигура, выскользнула из комнаты, и тут же громко хлопнула наружная дверь. Потом кто-то спрыгнул с крыльца.

— Что за чертовщина? — удивилась девица.

— Бог его знает, — отвечал Джо. — Мне иной раз незнамо что мерещится.

— Мне тоже, — вздохнула она. — Я тебе говорила, что у Клары истерика была?

— Должно быть, тени от иголки испугалась, — сказал Джо. — Чем меньше знаешь, тем лучше — я так считаю.

— Что верно, то верно, — согласилась девица.

Глава 40
1

Утопая в подушках, Кейт бессильно откинулась на спинку кресла. Ее била нервная дрожь, по телу ползли мурашки, волосы шевелились на голове.

— Успокойся, — негромко твердила она себе. — Возьми себя в руки. Не обращай внимания. Ни о чем не думай. Сопляк паршивый!

Ей вдруг вспомнился один-единственный человек, который вызывал у нее такой же панический страх и жгучую ненависть. Это был Сэмюэл Гамильтон — седобородый, румяный, своими насмешливыми глазами он словно сдирал с нее кожу и заглядывал в самую глубь ее существа. Забинтованным указательным пальцем Кейт подцепила тонкую цепочку и вытянула из-за корсажа прикрепленные к ней два ключа от сейфа, золотые часики с булавкой в виде лилии и маленький стальной патрон с кольцом на крышке. Она не спеша отвинтила крышку, расправив юбку, вытряхнула из трубочки желатиновую капсулу, поднесла ее к свету: внутри шесть белых кристалликов морфия — верное, безотказное

средство. Потом аккуратно опустила капсулу в патрон, завинтила крышку и опустила цепочку за лиф.

«Вы просто боитесь и поэтому прячетесь», — звенели у нее в голове слова Кэла. Чтобы избавиться от навязчивого звучания, она повторила их вслух. Звон перестал, но перед ее внутренним взором возникла отчетливая картина, и она не гнала ее прочь — ей надо было оживить воспоминания.

2

Это случилось перед тем, как Кейт велела сделать пристройку. Она получила чек, оставленный ей Чарльзом. Чек был обменен на крупные казначейские билеты, и билеты стопками лежали в сейфе Монтерейского окружного банка.

Как раз тогда ей начало крючить пальцы от боли. Она могла уехать. Денег у нее было предостаточно — останавливала только возможность выжать из заведения побольше. Кроме того, лучше подождать, пока она совсем поправится.

Но совсем Кейт так и не поправилась. Нью-Йорк казался холодным и очень далеким.

Однажды она получила письмо, подписанное:

«Этель». Какая еще Этель? Женщин с таким именем — как собак нерезаных. И вообще — что за наглость клянчить деньги! Письмо было написано какими-то каракулями на плохой линованной бумаге.

Немного погодя Этель заявилась собственной персоной, и Кейт едва узнала ее.

Сидевшая за столом Кейт встретила гостью спокойно, холодно и настороженно.

— Давненько тебя не было видно, — сказала она.

Этель держала себя, как старый солдат, заглянувший навестить своего сержанта, который когда-то его муштровал.

— Болела я. — Этель расплылась и огрубела. Ее старательно вычищенная одежда выдавала бедность.

— Где ты?.. Где проживаешь-то? — спросила Кейт, нетерпеливо дожидаясь, когда эта старая развалина перейдет к делу.

— В гостинице, в «Южно-Тихоокеанской»... Комнату там сняла.

— Значит, не работаешь больше?

— Так и не сумела устроиться. Зачем ты меня прогнала, Кейт? — Краем матерчатой перчатки Этель промокнула выступившие на глазах круп-

ные слезы. — Плохи у меня дела, ей-ей, плохи. Первый раз попалась, когда новый судья к нам заявился. Три месяца дал, хотя за мной ничего такого не числилось, то есть здесь, в городе, не числилось. Вышла я, значит, и с нашим Джо слюбилась. Знать не знала, что подцепила заразу. А от меня наш бывший клиент… симпатичный такой, десятником на путях работает. Ну он, само собой, трепку мне, нос повредил, четыре зуба вышиб. Судья, значит, новый еще на полгода меня упек. А за полгода, сама знаешь, всех растеряешь, клиентов-то. Будто тебя и нет больше. Вот и не сумела я снова бизнес наладить.

Кейт слушала и равнодушно кивала, даже не особенно стараясь показать, что сочувствует. Она догадывалась, что Этель хочет поймать ее на крючок. Вот-вот кинет наживку, сообразила Кейт и сделала ответный ход. Она выдвинула ящик стола, достала денег и протянула Этель.

— Не такая я, чтоб старую подругу в беде бросить, — сказала она. — Может, тебе куда-нибудь перебраться, в другом месте попробовать? Глядишь, фортуна и повернется к тебе.

Этель едва удержалась, чтобы не схватить сразу деньги, и развернула бумажки веером, как карты в покере, — четыре десятидолларовых билета.

Губы у нее задрожали.

— А я-то рассчитывала, что у тебя побольше найдется. Старой подруге — четыре десятки всего?

— Что значит «всего»?

— Разве ты не получила мое письмо?

— Какое еще письмо?

— Ах-ах! — проговорила Этель. — Значит, затерялось на почте. До чего ж безалаберные! Ну ладно… Я-то считала, что повнимательнее ко мне будешь. Плоха я, болею часто. В животе вот тяжесть какая-то последнее время. — Она вздохнула и затараторила так, что Кейт поняла: заранее все наизусть выучила. — Ты же знаешь, что я вроде как ясновидящая. Могу заранее сказать, что и как исполнится. Видения у меня. Как примерещится, так потом и сбудется. Один сказал мне, что сеансы надо устраивать, бизнес делать. Ты, говорит, медиум прирожденный. Ты же знаешь.

— Понятия не имею, — отвечала Кейт.

— Правда? Значит, просто внимания не обращала. Остальные-то все знают. Я им разные вещи рассказывала, так потом они взаправду происходили.

— Ты куда гнешь? Выкладывай.

— Было, значит, мне видение — я его хорошо

помню, потому как в ту ночь Фей померла. — Этель скользнула взглядом по непроницаемому лицу Кейт и продолжала настойчиво: — Дождик еще тогда пошел, и мне тоже дождик мерещился, и вообще мокро было. Ну вот, вижу я, значит, тебя, из кухни на двор выходишь. Темень на дворе не особенная, как раз луна показалась малость. Ясно видела — ты это. Вроде побежала ты к забору дальнему, нагнулась, что делала — не видать. Потом потихоньку назад — шмыг!.. Очнулась я, значит, а мне говорят: Фей богу душу отдала.

Этель замолкла, дожидаясь, что скажет Кейт, но лицо у той по-прежнему решительно ничего не выражало. Видя, что Кейт молчит, Этель заговорила снова:

— Вот я и говорю, что верю я в свои видения. И чудно, понимаешь, ничегошеньки там у забора не было, только разбитые пузырьки из-под лекарств и резинка от пипетки.

— И ты, конечно, всю эту дрянь к доктору потащила, — безмятежно произнесла Кейт. — Ну и что же там было, в этих пузырьках? Чего он тебе сказал?

— Никуда ничего я не потащила.

— А надо бы! — заметила Кейт.

— Зачем, чтоб кто-то страдал? Сама горя хлеб-

нула, знаю. Я просто склянки в конверт положила и спрятала.

— И теперь пришла спросить, что с ними делать? — вкрадчиво осведомилась Кейт.

— Ага.

— Тогда я тебе вот что скажу, милая. — Кейт не повысила голос. — Ты старая истрепавшаяся шлюха, поняла? И по голове тебя чересчур много били.

— Ты хочешь сказать, что свихнулась я?.. — начала было Этель.

— Может, и не свихнулась, — перебила ее Кейт, — не знаю. Но то, что нездорова и устала вся, — это точно. Я же тебе сразу сказала: не такая я, чтобы старую подругу в беде бросить. Возвращайся, если хочешь. Гостей, конечно, принимать — куда тебе, но по хозяйству пригодишься. Прибрать где или повару помочь. Полный пансион обеспечу, комнату и стол. Деньжат буду давать на карманные расходы. Ну как?

Этель заерзала на стуле:

— Да нет, спасибочки. Не хочется мне что-то… жить здесь не хочется. А конвертик тот я при себе не держу. У знакомого он.

— Чего же ты хочешь?

— По чести говоря, я думала, ты сумеешь мне

сотню в месяц подкидывать. Тогда бы я перебилась, и еще на доктора бы хватило.

— Ты в «Южно-Тихоокеанской», говоришь, проживаешь?

— Там. Комната у меня в конце коридора, направо от конторки. А ночной портье — приятель мой. На дежурстве никогда не дрыхнет. Хороший парень.

— Ладно, Этель, не трухай. Присмотри только за своим «хорошим парнем», чтоб не продал по дешевке. — Кейт отсчитала еще шесть десятидолларовых билетов из ящика стола и протянула Этель: — Вот, держи!

— По почте будут первого числа приходить, или мне сюда заглядывать?

— Сама посылать буду. И вот что, Этель, — ровно сказала Кейт. — На твоем месте я бы все-таки отнесла эти склянки на анализ.

Этель крепко сжимала в руке деньги. Ее переполняли радость и торжество. Не часто у нее так складно получалось.

— И не подумаю, — ответила она. — Если только приспичит…

После ухода Этель Кейт не спеша пошла в дальний угол двора. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, было видно, что земля на знакомом

месте разрыта.

На другое утро городской судья рассматривал обычную вереницу дел о незначительных драках и мелких ночных кражах. Он слушал доклад по четвертому обвиняемому вполуха и после немногословного свидетельства жалобщика спросил:

— Сколько, говорите, у вас пропало?

— Почти сотня, ваша честь, — ответил темноволосый мужчина.

Судья повернулся к дежурному полицейскому:

— А у нее сколько нашли?

— Девяносто шесть долларов, ваша честь. В шесть утра она купила у ночного портье бутылку виски, пачку сигарет и несколько иллюстрированных журналов.

— Да я его в первый раз вижу! — закричала Этель. Судья поднял голову от бумаг.

— Два задержания за проституцию и теперь — ограбление. Слишком дорого нам это обходится. Чтобы к двенадцати дня тебя в городе не было, слышишь? — Он повернулся к полицейскому: — Скажи шерифу, чтобы он выпроводил ее из округа. — Потом сказал Этель: — Еще раз тебя в городе увижу, передам дело в окружной суд и потребую самой строгой меры наказания. Так что, если не хочешь угодить в Сан-Квентин… поняла?

— Ваша честь, мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз! — умоляла Этель.

— Зачем?

— Нужно, — настаивала она. — Обвинение подстроено.

— Все подстроено, — ответил судья. — Давайте следующего.

Помощник шерифа повез Этель на мост через реку Пахаро, по которой проходила граница округа, а в это время по Кастровилльской улице жалобщик направлялся к заведению Кейт, потом передумал и зашел к парикмахеру Кено подстричься.

3

Встреча с Этель не сильно обеспокоила Кейт. Она знала, что проститутку никто и слушать не будет и никакой анализ разбитых пузырьков не покажет ни малейших следов яда. О Фей она почти забыла, и вынужденное напоминание оставило лишь легкий неприятный осадок.

Однако через некоторое время Кейт с досадой стала ловить себя на том, что все чаще и чаще вспоминает о прошлом. Как-то раз вечером, когда она проверяла счета от бакалейщика, в голове

у нее внезапно, как молния с небес, пронеслась и пропала какая-то шальная мысль, и она даже отложила работу, стараясь поймать и продумать ее. Почему эта мимолетная мысль воскресила в памяти смуглое лицо Чарльза? И загадочные, насмешливые глаза Сэма Гамильтона? И почему она оставила по себе трепетный страх?

Она заставила себя не думать и снова принялась за счета, но ей чудилось, будто за спиной стоит Чарльз и заглядывает ей через плечо. Вдруг нестерпимо заныли пальцы. Кейт отложила бумаги и обошла дом. В заведении было тихо и скучно — вторник. Гостей — жалкая горстка, и представление устраивать незачем.

Кейт знала, как относятся к ней ее девочки. Она держала их в страхе, и они до смерти боялись ее. Очень может быть, что они даже ненавидят ее, но это не имеет никакого значения. Имеет значение то, что они целиком полагаются на нее. Если они твердо следуют установленным в доме правилам, то Кейт всегда позаботится о них и заступится в случае чего. При таких отношениях ни к чему ни уважение, ни личные симпатии. Кейт никогда не награждала девочек за службу, но и наказывала редко, только дважды — на третий раз она отказывала провинившейся от места. Девочки знали,

что мадам без причины не наказывает, и потому чувствовали себя в сравнительной безопасности.

Кейт обходила свои владения, а девочки изо всех сил старались держаться как ни в чем не бывало. Она знала эти маленькие хитрости и не обращала на них внимания. И все же в этот вечер она не могла избавиться от ощущения, будто рядом с ней, чуть поотстав, ходит Чарльз.

Миновав столовую, она зашла в кухню, заглянула в ледник. Ногой приподняв крышку мусорного ящика, проверила, чисто ли там. Она проделывала это каждый вечер, но сегодня была особенно придирчива.

Когда Кейт вышла из гостиной, девицы переглянулись, пожимая плечами. Элоиза, болтавшая с темноволосым Джо, поинтересовалась:

— Что-нибудь случилось?

— Да нет вроде. А что?

— Не знаю, нервничает что-то она.

— Из-за чего? Ну чего ты прицепилась? — окрысился Джо. — Я знать ничего не знаю и тебе не советую.

— Ясненько. Не суй нос куда не надо!

— Понятливая, черт тебя побери! Так и договоримся.

— А вообще-то мне нисколечко неинтересно, —

заявляет Элоиза.

— То-то, — заключает Джо.

Кейт заканчивает обход.

— Я спать иду, — обращается она к Джо. — Не беспокоить — разве что в крайнем случае.

— Я вам не нужен?

— Завари чаю. Элоиза, ты гладила платье?

— Конечно, мэм.

— Непохоже.

— Я поглажу еще, мэм.

Кейт было не по себе. Она аккуратно разложила бумаги по ящичкам стола. Вошел Джо с подносом, и она велела поставить его подле кровати.

Откинувшись на подушки и прихлебывая чай, она пыталась вспомнить, о чем думала. Ах да, Чарльз! И тут ее осенило.

Соображал Чарльз — вот оно что! Сэм Гамильтон, хоть и тронутый, тоже соображал. Соображали они — эта мысль внушала страх. Конечно, оба уже умерли, но, может, есть другие, которые соображают. Кейт старалась размышлять здраво.

Допустим, это я откопала пузырьки. Что бы я сама подумала? Что бы сделала? Словно тугим обручем стянуло ей грудь. Зачем их разбили и закопали? Никакого яда в них не было. Тогда зачем их закапывать? Напрасно она это сделала. Надо

было в мусорный ящик выкинуть или на Главной улице в канаву бросить. Доктора Уайлда тоже нет в живых. Но он, наверное, вел какой-нибудь журнал. Как теперь узнаешь? Предположим, она сама находит склянки и узнает, что в них было. Разве она не спросила бы у понимающего человека: «Что будет, если выпить кретонового масла?»

«А если его давать человеку понемножку, но долго?»

Она бы знала, что ответить на этот вопрос. Найдутся и другие, которые тоже ответят.

«Предположим, разнесся слух, будто одна хозяйка публичного дома, притом богатая, отказала все свое имущество новенькой, а сама вскоре умерла». Кейт прекрасно знала, о чем бы она прежде всего подумала. Что за блажь — прогнать эту дуреху Этель! Ищи теперь ветра в поле. Ей надо было хорошо заплатить, умаслить, чтоб сама осколки отдала. Где они теперь? Сказала, в конверте, но где этот конверт? Разыскать бы паршивку.

Этель, очевидно, догадалась, почему и как ее погнали из округа. Сама-то она тупа как пробка, но ведь обязательно сболтнет кому-нибудь, а тот сразу смекнет что к чему. Разнесет, балаболка, как заболела Фей и как плохо выглядела, и про

завещание разнесет.

Кейт начала задыхаться, от страха по телу побежали мурашки. Надо уезжать, в Нью-Йорк или еще куда. Даже дом можно бросить. Зачем ей еще деньги? И так за глаза хватит. Да, но если она исчезнет, а Этель проболтается какому-нибудь умнику — не будет ли ее отъезд уликой?

Она поднялась с постели и приняла двойную дозу брома.

С того времени ее ни на минуту не покидал страх. Она даже чуть ли не обрадовалась, когда ей сказали, что начавшиеся боли в пальцах — это признаки артрита. Злорадный голос внутри нашептывал, что болезнь — это ей в наказание.

Кейт вообще редко выбиралась в центр, а теперь ей и подавно не хотелось появляться там. Она заметила, что мужчины на улице узнают ее и украдкой оглядываются. Вдруг ей встретится лицо, как у Чарльза, и глаза, как у Сэма?

Потом она велела сделать пристройку и покрасить ее в серый цвет. Глаза от яркого режет, объясняла она и сама поверила в свою выдумку. Теперь уже ей щипало глаза после каждой вылазки в город. Она буквально заставляла себя раз в неделю выходить из дома.

Некоторые умудряются иметь одновременно

два противоположных мнения об одном и том же. Кейт относилась к их числу. Она не только внушила себе, что у нее глаза болят от яркого света, но и что ее серая комната — как глубокая земляная нора, пещера, убежище, где ее не достанет посторонний взгляд. Однажды, сидя, по своему обыкновению, в кресле, обложенная подушками, Кейт подумала, не прорубить ли в пристройке потайную дверь, чтобы скрыться в случае чего. И тут же эту мысль вытеснила другая, даже не мысль, — она нутром почувствовала, что тогда она будет совершенно беззащитной. Если она может выбраться отсюда через эту дверь, то через нее можно забраться и сюда: что-то уже окружает дом, подкрадывается по ночам к самым стенам и безмолвно заглядывает через окно внутрь. Кейт приходилось пересиливать себя, чтобы по понедельникам выйти из дома. Она страшно перепугалась, заметив, что Кэл следит за ней, а когда он подошел к калитке, ее охватил ужас. Кейт зарылась головой в мягкие подушки, и невесомая тяжесть капель брома смежила ей веки.

Глава 41

1

Страна незаметно сползала к войне, напуганная и зачарованная ею. Почти шестьдесят лет американцы не испытывали невзгод и ужасов войны. Распря с Испанией была, скорее, просто вооруженной экспедицией. В ноябре 1916 года мистер Вильсон был переизбран президентом благодаря его предвыборным обещаниям не дать втянуть нас в войну и с одновременным наказом проводить твердую линию, что неизбежно толкало нас к войне. Оживилось предпринимательство, начали расти цены. По городам и весям рыскали англичане-агенты, скупая продовольствие и одежду, металл и химикаты. Страна была возбуждена. Народ не верил, что начнется война, и сам же готовил ее. Жизнь в Салинасской долине мало чем изменилась.

2

Кэл и Арон шли в школу.

— Не выспался? — спросил Арон.

— С чего ты взял?

— Я слышал, когда ты пришел. В четыре утра. И что только в такую поздноту делал?

— По улицам гулял, думал все. Слушай, ты не хочешь бросить школу и перебраться на ферму?

— Зачем?

— Хозяйством заняться, денег отцу заработать.

— Нет, я в колледж хочу. Хоть завтра бы уехал. Над нами весь город смеется. Тошно мне здесь.

— Ты просто свихнулся.

— Ничего я не свихнулся. Разве это я даром потратил деньги? Разве я придумал эту затею с салатом? А ребята дразнят меня. И на колледж теперь вряд ли денег хватит.

— Не нарочно же он деньги даром потратил.

— Не нарочно, а потратил.

— До колледжа тебе еще этот год трубить и весь следующий, — сказал Кэл.

— Как будто сам не знаю.

— Слушай, а если засесть как следует, может, успеешь на будущее лето к вступительным экзаменам подготовиться?

Арон круто повернулся к брату:

— Нет, не успею.

— А я думаю, успеешь. Поговори с нашим директором. Наверняка и преподобный Рольф словечко

замолвит.

— Я хочу отсюда уехать насовсем, — сказал Арон. — Не могу я больше слышать — Салатная башка, Салатная башка. Надоели мне их приставания.

— А как Абра?

— Абра умница, всегда сообразит, что правильно.

— А она не против, чтобы ты уехал? — осторожно спросил Кэл.

— Она сделает, как я захочу.

Кэл подумал и сказал:

— Знаешь что, я хочу попробовать зашибить деньгу. Если как следует возьмешься и сдашь экзамены на год раньше, я за колледж заплачу.

— Честно?

— Честно.

— Сейчас же поговорю с директором! — Арон ускорил шаг.

— Подожди! — позвал брата Кэл. — Если он пойдет навстречу, не говори ничего отцу, ладно?

— Почему же не сказать?

— Ну, ему приятнее будет, когда придешь и скажешь: вот, досрочно сдал.

— Не вижу разницы.

— Не видишь?

— Нет, — стоял на своем Арон. — По-моему, глупо скрывать.

Кэлу неудержимо хотелось крикнуть: «А я знаю, чем наша мать занимается! Хочешь, сам увидишь!» Чтобы братца до костей пробрало.

Перед самым звонком Кэл поймал в коридоре Абру:

— Слушай, что это с Ароном творится?

— А что с ним творится?

— Сама знаешь.

— В облаках витает, вот и все. Священника нашего работа, вот и все.

— Он тебя хоть домой-то провожает?

— А как же! Только я его все равно насквозь вижу. Ангелочек с крылышками.

— Он все еще из-за истории с салатом переживает.

— Да знаю, — сказала Абра. — Я уж по-всякому его успокаиваю. Но может, ему нравится — переживать.

— Как это — нравится?

— Так.

После ужина Кэл спросил у Адама:

— Папа, ты не будешь возражать, если я в пятницу поеду на ферму?

Адам повернулся к сыну:

— Зачем?

— Ну просто так, посмотреть.

— Арон тоже едет?

— Нет, я один хочу.

— Ну что ж, почему не съездить. Ли, ты не против?

— Не против. — Ли внимательно посмотрел на Кэла: — Что, на землю потянуло?

— Хочу попробовать хозяйством заняться, па, если, конечно, ты разрешишь.

— Мы же ферму в аренду сдали. Срок только через год с лишним кончится.

— А когда кончится — можно?

— А школа?

— Я ее как раз к тому времени окончу.

— Хорошо, там видно будет, — сказал Адам. — Может, еще в колледж надумаешь.

Когда Кэл направился к двери, Ли вышел за ним на крыльцо.

— Что ты затеваешь, если не секрет? — спросил Ли.

— Просто посмотреть хочется.

— Ладно, не хочешь говорить, не надо. — Ли вошел было в дом, но вдруг повернулся и позвал: — Кэл! — Тот остановился. — Ты чем-то встревожен, Кэл?

— Да нет, все в порядке.

— Я пять тысяч накопил… если тебе вдруг деньги понадобятся.

— Зачем мне могут деньги понадобиться?

— Мало ли зачем, — сказал Ли.

3

Уилл Гамильтон любил свою квадратную застекленную клетуху в гараже. Хотя его деловые интересы отнюдь не ограничивались сбытом автомобилей, другой конторы у него не было. Ему нравилось наблюдать, как работают люди и машины, а чтобы не мешал шум из гаража, он велел вставить в перегородки двойные стекла.

Он восседал в большом вращающемся кресле, обитом красной кожей, и почти всегда был вполне доволен жизнью. Когда кто-нибудь заговаривал о его брате Джо, который жил на Востоке и заколачивал большие деньги на рекламе, Уилл обязательно замечал, что он и сам не последняя спица в колесе и что вообще лучше быть первым парнем на деревне, чем незнамо кем в городе.

— До смерти боюсь большого города, — говорил он. — Мы же деревенщина. — Шутка неизменно встречалась смехом, и ему нравилось оживле-

ние: значит, приятели знают, что имеют дело с человеком состоятельным.

Кэл приехал к нему утром в субботу и, поймав недоуменный взгляд Уилла, напомнил:

— Я Кэл Траск.

— Ну да, конечно! Ты здорово вытянулся. С отцом приехал?

— Нет, один.

— Ну, присаживайся, присаживайся. Наверное, не куришь еще.

— Курю, иногда. Сигареты.

Уилл пододвинул Кэлу коробку «Мюратов». Тот открыл было крышку, но раздумал:

— Сейчас не хочется.

Уилл разглядывал смуглого юношу, сидящего перед ним. Парень ему понравился. Видно, не дурак, соображает что к чему.

— Мозгуешь, чем тебе заняться, так?

— Да, сэр. Вот окончу школу, может, за ферму возьмусь.

— Зряшное это дело, — сказал Уилл. — С земли не разбогатеешь. Сельскохозяйственный продукт прибыли не приносит. Перекупщик — вот кто наживается, а не фермер.

Уилл догадывался, что парень прощупывает его, и это тоже ему нравилось.

Наконец Кэл решился, но сперва спросил:

— Мистер Гамильтон, у вас ведь нет детей?

— Не обзавелся, о чем и сожалею. Больше всего об этом жалею… А почему ты интересуешься?

Кэл будто не слышал вопроса.

— Мне ваш совет нужен… — сказал он. — Подскажете?

Уилл весь загорелся от удовольствия.

— Охотно подскажу, если сумею. Выкладывай, что тебе нужно.

И тут Кэл пустил в ход простодушие и тем самым еще больше расположил к себе Уилла Гамильтона.

— Мне деньги нужны, много денег, и я хочу, чтобы вы научили меня, как их заработать.

Уилл с трудом удержался от смеха. Наивное желание, ребяческое, что и говорить, но сам парень, видать, не простак.

— Всем деньги нужны, — проговорил он. — И сколько же это по-твоему — «много денег»?

— Тысяч двадцать — тридцать.

— Ну ты замахнулся! — Со скрипом подвинув вперед кресло, Уилл расхохотался — от души, не обидно. Кэл сидел и тоже улыбался.

— И зачем же тебе так много — скажешь?

— Да, сэр, скажу, — ответил Кэл. Он открыл

коробку, взял сигарету с мундштуком, закурил. — Конечно, скажу.

Уилл уселся поудобнее.

— Мой отец потерял много денег, вы знаете.

— Еще бы не знать! — сказал Уилл. — Я его предупреждал — глупо гнать партию салата через всю страну.

— Правда? Откуда вы знали?

— В его затее никаких гарантий не было. Деловой человек всегда должен подстраховать себя. Иначе в трубу вылетишь. Так оно и вышло. Давай дальше.

— Ну вот, я хочу заработать и вернуть ему эти деньги.

— Вернуть — почему вернуть? — изумился Уилл.

— Так мне хочется.

— Ты так любишь отца?

— Да.

Пухлое, мясистое лицо Уилла Гамильтона дрогнуло, на него пронизывающим ветерком пахнуло прошлое. Память не стала перебирать одно, другое, третье — все годы и люди словно высветились разом некой вспышкой и остановились перед ним одной цельной картиной, одной радостью и одной печалью, как фотоаппарат останавливает

мгновение. Вот Сэмюэл, ослепительный и прекрасный, словно заря, со своими причудами и правилами, точно ласточка в полете, вот умный, задумчивый и загадочный Том, вот хозяйка и примирительница всего и всех Уна, хорошенькая Молли, смеющаяся Десси, красавец Джордж, чья благожелательность наполняла комнату, как наполняет ее аромат цветов, ну и, конечно же, Джо, самый младший, общий любимец. Каждый легко обогатил семью чем-то своим, неповторимым.

Почти каждый из Гамильтонов был чем-то недоволен, но переживал обиду молча, не делясь ни с кем. Уилл тоже научился скрывать, что у него на душе, громко смеялся, не стеснялся извлекать выгоду из того, что ошибочно считал своими достоинствами, но и зависти не давал воли. Он сознавал, что он тугодум, ограниченный, заурядный середнячок. У него не было высокой цели, большой мечты, и никакая беда не толкнула бы его на самоуничтожение. Его то и дело как бы оттесняли в сторону, а он отчаянно цеплялся за край родственного круга, отдавая семье все свои способности — заботливость, рассудительность, усердие. Он записывал расходы, нанимал адвокатов, звал гробовщика и в конечном итоге сам оплачивал счета. Остальные Гамильтоны

понятия не имели, как нужен им Уилл. Он умел зарабатывать деньги и копить их, но думал, что другие презирают его за это его единственное умение. И все-таки он любил их всех до единого, любил, несмотря ни на что, и всегда оказывался рядом, выручая деньгами и вообще исправляя чьи-то ошибки. Ему казалось, что родные стыдятся его, и потому он изо всех сил старался завоевать у них признательность и уважение. Пронзительный порыв этих чувств пробрал его до глубины души. Уилл смотрел мимо Кэла, его большие, чуть навыкате глаза повлажнели.

— Что с вами, мистер Гамильтон? Вам нехорошо?

Уилл ощущал свою кровную связь с другими Гамильтонами, но, по правде говоря, плохо понимал их. А они со своей стороны относились к Уиллу так, словно в нем и понимать-то нечего. И вот появляется паренек, которого он понимает, ощущает в нем что-то свое, близкое, родное. Именно такого сына он хотел бы иметь, будь у него сын, или такого брата, или отца. Стылый ветерок воспоминаний переменился, и откуда-то изнутри поднялось и подступило Уиллу к груди теплое чувство к Кэлу. Он заставил себя вернуться к разговору с ним. Кэл сидел выпрямившись и

терпеливо ждал.

Уилл не знал, как долго он молчал.

— Задумался вот… — произнес он нерешительно, но тут же спохватился и сказал строгим голосом: — Ты пришел ко мне за советом. Я человек деловой и даром ничего не делаю.

— Я понимаю, сэр. — Кэл не спускал с Уилла глаз, хотя чувствовал, что тот настроен к нему доброжелательно.

— Прежде чем давать советы, я должен кое-что знать. Причем только правду. Ты готов говорить мне правду?

— Не знаю, — ответил Кэл.

— Вот это по мне — толково и честно! Ты же не знаешь, что я спрошу, верно? Отлично. Итак, у тебя есть брат — отец его больше любит, чем тебя?

— Арона все любят, — спокойно ответил Кэл. — Все до единого.

— И ты тоже?

— И я тоже. Во всяком случае… да нет, конечно, люблю.

— Что значит — «во всяком случае»?

— Иногда он глупо себя ведет, так мне кажется, но все равно я его люблю.

— А отца?

— Очень.

— А отец, значит, больше любит брата?

— Не знаю.

— Итак, ты хочешь заработать денег и возместить отцу его потерю. Зачем тебе это нужно?

Обычно Кэл смотрел настороженно, чуть-чуть прищурившись, но сейчас глаза его были широко раскрыты и, казалось, видели Уилла целиком и насквозь. Кэл чувствовал в нем близкую, родную душу — роднее не бывает.

— Мой отец — он хороший, — сказал Кэл. — Я хочу, чтобы он не огорчался, хочу порадовать его. Сам-то я плохой.

— Но если ты порадуешь его — разве ты тоже не станешь хорошим?

— Не стану, — сказал Кэл. — Я о людях плохо думаю.

Уиллу еще не приходилось встречать человека, который так прямо говорит о самом сокровенном. Ему было почти неловко от этой прямоты, и он понимал, что именно открытость делала Кэла неуязвимым.

— И последнее, — сказал он. — Не хочешь, не отвечай, не рассержусь. Я и сам бы, может, не ответил… Допустим, ты заработаешь эти деньги и отдашь отцу — тебе не приходит в голову, что ты пытаешься купить его любовь?

— Да, сэр, приходит. Так оно и есть.

— Все, хватит вопросов!

Уилл уткнулся вспотевшим лбом в ладони, в висках у него стучало. Он был потрясен. У Кэла от радости забилось сердце. Он понял, что добился своего, но вида не подал.

Уилл поднял голову, снял очки, протер запотевшие стекла.

— Пошли прокатимся, — сказал он.

Уилл ездил сейчас на огромном «винтоне» с длинным, как гроб, капотом, из-под которого раздавалось мощное глухое урчание. Они выехали из Кинг-Сити по главной дороге округа и взяли на юг. Кругом набирала силу весна. Скворцы разлетались от автомобиля и с посвистом рассаживались по проволочным оградам. К западу вырисовывалась на фоне неба Белая гора, увенчанная тяжелой шапкой снега, а поперек Долины шли ветроупорные полосы эвкалиптов, серебрящихся молодой листвой.

Не доезжая до проселка, ведущего в лощину, где стояла ферма Трасков, Уилл съехал на обочину и остановил автомобиль. На всем пути от Кинг-Сити он не проронил ни слова. Негромко урчал отключенный мотор.

Глядя прямо перед собой, Уилл сказал:

— Кэл, хочешь стать моим компаньоном?

— Еще бы, сэр!

— Если уж брать компаньона, то с деньгами, а у тебя… Правда, я мог бы одолжить тебе, но начинать с этого…

— Я раздобуду денег.

— Сколько?

— Пять тысяч.

— Пять тысяч? Ни в жизнь не поверю.

Кэл молчал.

— Ну ладно, верю, — вздохнул Уилл. — В долг возьмешь?

— Да.

— Под какой процент?

— Ни под какой.

— Ловко! И где же ты их раздобудешь?

— Этого я вам не скажу, сэр.

Уилл тряхнул головой и рассмеялся. Он был доволен.

— Может, я как последний болван поступаю, но вот верю я тебе, и все. Да и не болван я вовсе. — Он включил было сцепление и тут же отключил. — Слушай меня внимательно. Ты газеты читаешь?

— Читаю.

— Со дня на день мы в войну вступим.

— Похоже на то.

— Люди знают, что говорят. Так вот — тебе известно, почем сейчас фасоль? Ну, сколько в Салинасе за сотню мешков можно выручить?

— Точно не знаю, но думаю, фунт цента по три идет, по три с половиной.

— А говоришь, не знаешь. Откуда тебе цены известны?

— Так, слышал. С отцом готовился поговорить, чтобы он мне на ферме разрешил хозяйничать.

— Понятно. Но незачем тебе в земле ковыряться. У тебя голова на плечах есть. Вашего арендатора Рантани зовут, верно? Итальянец он, из Швейцарии приехал. Толк в земле знает. Почти пятьсот акров у вас на участке распахал. Если ему обещать по пять центов за фунт да еще семян взаймы дать, он фасоль посеет. Соседи то же самое сделают. Одним словом, можно запросто договориться, что купим весь урожай с пяти тысяч акров.

— Фасоль же сейчас по три цента идет, а мы пять заплатим… — сказал Кэл. — А, понял! Но какая у нас гарантия?

— Компаньоны мы или нет?

— Да, сэр, компаньоны.

— Говори: «Да, Уилл!»

— Да, Уилл!

— Когда раздобудешь пять тысяч?

— К среде.

— Тогда по рукам!

Мужчина-здоровяк и смуглый худощавый паренек торжественно пожали друг другу руки. Держа Кэлову руку в своей, Уилл сказал:

— Поскольку мы теперь заодно, я тебе вот что скажу. У меня контракт с Британской заготовительной компанией. Да еще приятель в Интендантстве имеется. Мы этой фасоли сушеной сколько хочешь сбудем, ручаюсь. По десять центов за фунт, а то и больше.

— И когда вы начнете продавать?

— Начну, и безо всяких договоров… А что, если нам на ферму заглянуть? Сразу бы и потолковали с Рантани?

— Идет.

Уилл включил вторую скорость, и тяжелый зеленый автомобиль с ревом въехал на проселок.

Глава 42

Война всегда начинается где-то в другом месте, а не у нас. В Салинасе твердо знали, что Соединенные Штаты — самая большая и самая могущественная страна в мире. Каждый американец — прирожденный стрелок и в бою с десятком иностранцев справится, а то и с двумя десятками.

Экспедиция Першинга в Мексику и его стычки с Панчо Вильей ненадолго развеяли один из наших любимых мифов. Мы были убеждены, что мексиканцы и стрелять-то как следует не умеют и к тому же глупы и ленивы. Когда с границы вернулся изрядно потрепанный наш славный городской Третий эскадрон, ребята рассказывали, что байки насчет тупоголовых мексиканцев — брехня собачья. Стреляют они — дай тебе боже! И лошади у Вильи быстрее наших, да и выносливее. Месячная подготовка — по два вечера в неделю — не сделала из городских пижонов закаленных бойцов. К тому же мексиканцы перехитрили Черного Джека Першинга, заманили его в западню. А уж когда к ним на помощь пришла дизентерия, наши вообще свету божьего невзвидели. Иные

потом долго не могли прийти в себя, целый год поправлялись, а то и дольше.

Когда мы прослышали о немцах, мы почему-то позабыли про мексиканцев и снова оказались во власти самообольщения. Один американец двадцати германцев стоит. А раз так, надо потверже действовать, приструнить кайзера. Пусть только попробует вмешаться в нашу заморскую торговлю — а он взял и вмешался. Пусть только полезет на нас и вздумает топить наши пароходы — а он полез и стал топить их. Глупость и наглость с его стороны, и тем не менее ничего другого нам не оставалось, как дать ему отпор.

Сначала на войну пошли какие-то чужие, не знакомые нам люди. Мы же, то есть я сам, мои родные, наши знакомые, словно расселись на галерке и с любопытством глазели на захватывающее зрелище. Раз воюют другие, значит, и погибают другие. Матерь Божья, до чего же мы были наивны! Мало-помалу в город начали приходить похоронки, то чей-то брат погиб, то сын. Так оно и вышло, что шесть с лишним тысяч миль, которые отделяли нашу землю от Европы, не спасли нас от побоища.

Тут уж было не до зрелищ. Что толку от того, что по улицам Салинаса в белых шапочках и

белых же шелковых костюмчиках маршировали «Красавицы Свободы». Что толку, что наш дядя переписал свою заготовленную к Четвертому июля речь и агитировал покупать облигации военного займа. Что толку, что в школе мы носили куртки и брюки цвета хаки и походные шляпы и занимались строевой подготовкой под руководством учителя физики. Господи Иисусе! Мартина Хопса убили, а у Берджесов, живших через улицу, их парня — видный такой, в него наша младшая сестренка с трех лет влюблена была — прямо на куски разорвало.

Нестройной колонной, шаркая ногами, шли по Главной улице к вокзалу нескладные юноши с чемоданчиками в руках. Впереди шагал городской оркестр, выдувая «Да здравствуют звезды и полосы». По тротуарам поспешали провожающие, родные, плакали матери, новобранцы конфузились, не смея поднять глаз, и музыка была похожа на похоронную. Кто бы мог подумать, что война доберется до нас!

Тем временем по салинасским бильярдным и барам поползли слухи. То один, то другой уверял, что имеет достовернейшие сведения оттуда, а нам эти сведения не сообщают. Наших, мол, посылают на фронт без винтовок. Вражеские

субмарины топят наши транспорты, а правительство как воды в рот набрало. Немецкая армия вообще нашу превосходит, не видать нам победы как своих ушей. Ихний кайзер, видать, голова. Уже подумывает, как бы в Америку вторгнуться. Думаете, Вильсон объявит об этом? Как бы не так! Каркали причем больше всего крикуны, которые раньше хвалились, что один американец двух десятков германцев стоит, если до дела дойдет, крикуны и каркали.

А по стране разъезжали группами британцы в своей чудной форме (вообще-то они фасонисто в ней выглядели) и скупали все, что плохо лежит, зато платили хорошо. Многие из них были инвалиды, но все равно в форме щеголяли. Помимо всего прочего, они покупали фасоль, потому что фасоль удобно перевозить, она не портится и прокормиться ею вполне можно. Теперь фасоль шла по двенадцати с половиной центов за фунт, да и то поискать надо. Фермеры локти себе кусали из-за того, что полгода назад польстились на два паршивых цента сверх рыночной цены.

Другие времена — другие песни. Так было в Салинасской долине, так было по всей стране. Сначала мы распевали о том, как сокрушим

Гельголанд[13], вздернем кайзера и наши бравые ребята расхлебают эту кровавую кашу, которую заварили проклятые европейцы. Теперь мы в одночасье запели по-иному: «Из Красного Креста сестрица стоит в грязи, где кровь струится, она в ничейной полосе растет, как роза алая». Или так: «Эй, барышня, послушайте, алё! Соедините с раем, дорогая, туда дружка я отправляю». Или так: «Когда вечером гаснут огни, в доме тихо под темным покровом, малютка с молитвенным взором шепчет: «Боженька, оборони, моего папу оборони»». Наверное, мы были похожи на сильного, но неумелого подростка, которому в первой же драке расквасили нос. Ему больно и обидно, и хочется, чтобы все поскорее кончилось.

[13] Примечания: 13

Гельголанд — остров в Северном море, в годы Первой мировой войны — опорный пункт военно-морского флота Германии.

Глава 43
1

Однажды поздним летом Ли пришел домой со своей большой корзиной для покупок. После переезда в Салинас он стал одеваться, как старомодный консерватор. Выходя из дому, он непременно облачался в строгий черный костюм в рубчик. Сорочки он носил только белые, с жесткими стоячими воротничками и предпочитал черные узкие, шнурком, галстуки, похожие на те, что в свое время были в моде у южных сенаторов. Шляпы у него были тоже черные, с прямыми полями и высокой круглой тульей, которую он никогда не приминал, как будто носил под ней косичку. Словом, одет Ли был всегда безупречно.

Как-то Адам мягко проехался насчет его нарядов. Ли осклабился.

— Что делать — приходится, — сказал он. — Только очень богатые люди могут позволить себе плохую одежду, как у вас. Бедные должны хорошо одеваться.

— Бедные! — фыркнул Адам. — Да мы скоро в долг у тебя брать будем.

— Не исключаю, — сказал Ли.

В тот день Ли поставил тяжелую корзину на пол и объявил:

— Хочу попробовать приготовить жаркое в тыкве. Это китайское блюдо, для него нужна мускатная тыква. Меня двоюродный брат научил. Он в Китайском квартале живет, хлопушки и шутихи делает, еще карточный стол держит.

— Я не знал, что у тебя есть родственники, — заметил Адам.

— Китайцы — все родственники, — возразил Ли. — А те, которых Ли зовут, — самые близкие. Правда, у моего брата другое имя — Сю Тен. Недавно приболел он, в деревню уехал и там готовить научился… Так вот, ставишь тыкву в котел, аккуратно срезаешь верхнюю часть, кладешь внутрь курицу, грибы, водяные орехи, лук-порей, имбиря совсем немножко. Потом закрываешь все отрезанной верхушкой и ставишь на медленный-медленный огонь, томиться должно двое суток. Вкусно, наверное.

Адам полулежал в кресле, закинув руки за голову, и улыбался, глядя в потолок.

— Вкусно, Ли, вкусно.

— Вы даже не слышали, что я говорил.

Адам сел прямо.

— Интересно получается, — сказал он. — Человек уверен, что знает своих детей, и вдруг обнаруживает, что ничего подобного.

— И что же ускользнуло от вашего родительского внимания? — улыбнулся Ли.

— Многое, Ли! — засмеялся Адам. — И представь себе, я узнал об этом совершенно случайно. Конечно, я заметил, что Арон этим летом мало бывает дома, но думал, играет где-нибудь.

— Играет? Да он уж несколько лет, как игры бросил.

— Правда? Но дело не в этом… Так вот, встречаю я сегодня мистера Килкенни — это их директор школьный, знаешь? И он очень удивился, что Арон ничего не сказал мне. Как ты думаешь, чем он был занят все это время?

— Понятия не имею, — ответил Ли.

— Он по всем предметам за последний класс сдал, чтобы выиграть год, и теперь хочет поступать в колледж. И мистер Килкенни считает, что он поступит. Как тебе это нравится?

— Замечательно, — сказал Ли. — Но зачем?

— Я же сказал — чтобы выиграть год!

— А зачем ему год-то выигрывать?

— Черт возьми, Ли! Честолюбие у него, неужели не понимаешь?

— Не понимаю, — невозмутимо ответил Ли. — И никогда не понимал.

— И подумать только — ни разу не обмолвился, — задумчиво произнес Адам. — Интересно, Кэл знает?

— Видно, Арон хочет всем нам сюрприз преподнести. Надо сделать вид, будто мы ничего не знаем.

— Пожалуй, ты прав… И знаешь, Ли? Я горжусь им, очень горжусь. Совсем другим человеком себя чувствуешь. Вот если бы у Кэла тоже честолюбие было.

— Может, оно у него есть, — сказал Ли. — Может, он тоже какой-нибудь сюрприз по секрету готовит.

— Все может быть. Кстати, он тоже все время где-то пропадает, почти не бывает дома — ты уверен, что это хорошо?

— Кэл ищет себя. По-моему, игра в прятки с самим собой — не такая уж редкая штука. Некоторые всю жизнь в нее играют, и все без толку.

— Нет, только подумай — за целый год вперед сдать, — повторил Адам. — Обязательно надо какой-нибудь подарок ему приготовить.

— Золотые часы, — сказал Ли.

— А что? Немедленно куплю, закажу надпись

выгравировать, и пусть лежат. Какую надпись сделать — как ты думаешь?

— Гравировщик вам подскажет… — сказал Ли. — Через двое суток вынимаешь курицу, выбираешь кости, а мясо снова внутрь кладешь.

— Какую курицу, о чем ты?

— О том, как приготовить жаркое в тыкве.

— Слушай, Ли, а у нас денег на колледж Арону хватит?

— Если не будем бросать их на ветер, хватит. И если он будет умерен в желаниях.

— Конечно, будет!

— Я тоже так о себе думал, однако же ошибся. — Ли с удовольствием оглядел рукав пиджака.

2

Пасторский дом при Епископальной церкви Святого Павла состоял из множества помещений. Строили его для священников, имеющих большое семейство. Мистер Рольф был не женат, вел скромный образ жизни и за ненадобностью позапирал большинство помещений, однако когда Арону понадобилось место для занятий, он выделил ему одну большую комнату и вообще всячески помогал ему.

Мистер Рольф привязался к Арону. Ему нравилось его ангелоподобное лицо с гладкой кожей, его узкий таз и прямые длинные ноги. Он любил сидеть с ним в комнате и наблюдать, с каким упорством и сосредоточенностью тот овладевает знаниями. Мистер Рольф понимал, почему Арон предпочитает заниматься здесь: обстановка у него дома отнюдь не благоприятствовала углубленным, несуетным размышлениям. Пастор считал юношу своим творением, духовным сыном, своим даром Церкви. Он, как умел, поддерживал ученика, превозмогающего муки целомудрия, и горячо надеялся, что приведет его в безмятежные воды безбрачия.

Наставник и ученик часто вели долгие доверительные беседы.

— Я знаю, что многие упрекают меня, — говорил мистер Рольф, — за то, что я верую в каноны более высокой Церкви, чем наша. Никто не убедит меня, что покаяние менее важное таинство, нежели причащение. Помяни мое слово: я попытаюсь ввести исповедь в наши обряды, хотя, разумеется, постепенно и осторожно.

— Я тоже буду принимать исповедь, когда стану священником.

— Только помни: это требует величайшей де-

ликатности, — предостерегал мистер Рольф.

— Хорошо, если бы в нашем приходе… я ведь имею право сказать «наш приход», правда?.. Хорошо, если бы у нас было что-то вроде монастыря. Ну, место для уединения, как у августинцев и францисканцев. Так иногда хочется затвориться и очиститься от мирской грязи.

— Я понимаю тебя, — серьезно говорил мистер Рольф. — Однако не вполне с тобой согласен. Вряд ли Господу нашему Иисусу Христу угодно было, чтобы слуги Его не служили одновременно и пастве своей. Вспомни, как Он учил, чтобы мы несли слово Его, помогали больным и бедным и даже сходили в грязь и мерзость, дабы поднять падшего и очистить грешника от скверны. Мы всегда должны держать перед собой Его пример.

Глаза у мистера Рольфа загорелись, голос сделался глубоким, зычным, как бывало, когда он вещал с амвона.

— Может быть, мне не следовало говорить тебе это. Во всяком случае, надеюсь, что ты не попрекнешь меня гордыней. Единственно о славе Всевышнего тщусь. Итак, слушай… Вот уже месяц, как к вечерне приходит одна женщина. Тебе с хоров ее вряд ли видно. Она всегда в последнем ряду садится, по левую сторону от прохода. Пого-

ди, ты тоже должен ее видеть, она ближе к краю ряда сидит. Да-да, с твоего места тоже видно. Лицо ее всегда закрыто вуалью, и она уходит сразу же, как кончается служба.

— Кто она такая? — спросил Арон.

— Думаю, тебе пора знать такие вещи… Мне пришлось навести справки об этой женщине. Она… Ты ни за что не догадаешься. Она… как бы это сказать… хозяйка публичного дома.

— У нас в Салинасе?

— Представь себе. — Мистер Рольф подался вперед. — Арон, я вижу, у тебя она вызывает отвращение. Попытайся превозмочь себя. Вспомни Господа нашего и Марию Магдалину. Без гордыни тебе говорю: я был бы счастлив наставить ее на путь истинный.

— Зачем она ходит в церковь? — резко спросил Арон.

— Наверное, затем, что мы можем даровать ей, а именно — спасение. Задача необыкновенно трудная: такие люди, как она, — они замкнутые, осторожные, надо щадить их самолюбие. Но я уже представляю, как оно будет. В мою дверь раздается стук, и она умоляет впустить ее. И тогда, Арон, мне придется испросить у Господа мудрости и терпения. Поверь, мой мальчик, когда

такое случается, когда заблудшая душа жаждет света Вышнего, это и есть самое драгоценное и счастливое, что выпадает на долю священнослужителя. — Мистер Рольф едва унимал волнение. — Да ниспошлет Господь мне удачу!

3

Адам Траск смотрел на военные действия за океаном сквозь призму смутных воспоминаний о стычках с индейцами. Никто толком не знал, как она идет, эта большая, захватившая весь мир война. Ли вчитывался в книги по европейской истории, из обрывков прошлого старался составить картину будущего.

Умерла Лайза Гамильтон — умерла тихо, с едва заметной мученической улыбкой, и когда с лица сошла краска, скулы ее неприятно заострились.

Адам с нетерпением ждал, когда Арон объявит, что сдал выпускные экзамены. В верхнем ящике комода, под стопкой платков, лежали тяжелые золотые часы. Он не забывал заводить их и проверял ход по своим часам.

Ли тоже готовился к торжеству. Вечером, после объявления итогов экзаменов, он должен был зажарить индейку и испечь пирог.

— Как насчет шампанского, Ли? — спросил Адам. — Праздновать так праздновать!

— Прекрасная мысль, — ответил Ли. — Адам, вы когда-нибудь читали фон Клаузевица?

— А кто это такой?

— Не очень утешительные вещи пишет, — сказал Ли. — Шампанского — одну бутылку?

— Одной, пожалуй, хватит. Просто поздравить мальчика. Чтобы торжественно было.

И вот однажды Арон пришел домой и спросил Ли:

— Где отец?

— Бреется.

— Я не буду обедать дома, — объявил Арон.

Он открыл дверь в ванную и сказал отражению с намыленным лицом в зеркале:

— Мистер Рольф пригласил меня на обед.

Адам отер бритву о бумажную салфетку.

— Это замечательно.

— Я хотел принять душ.

— Через минуту я закончу, — сказал Адам.

Кэл и Адам проводили Арона глазами, когда тот прошел через гостиную и, попрощавшись, скрылся за дверью.

— Моим одеколоном надушился, — сказал Кэл. — По запаху чую.

— Видно, важный обед, — заметил Адам.

— Отметить хочет, это понятно. Зубрил дай бог.

— Отметить? Что отметить?

— Все экзамены сдал. Разве он тебе не говорил?

— Ах да! Конечно, говорил. Молодец, мы можем гордиться им. Подарю-ка я ему золотые часы.

— Неправда, ничего он тебе не говорил! — выкрикнул Кэл.

— Да нет же, правда, говорил — сегодня утром.

— Утром он еще ничего не знал. — Кэл встал и вышел из дому.

Сгущались сумерки. Он быстро шагал по Центральному проспекту, мимо городского парка, мимо особняка Джексона Смарта, туда, где кончались уличные фонари и проспект переходил в дорогу, которая потом огибала ферму Толлота и шла дальше.

Часов в десять вечера Ли вышел на улицу, чтобы опустить письмо. На крыльце, на нижней ступеньке, сидел Кэл.

— Где ты был?

— Гулял.

— А где Арон?

— Откуда я знаю.

— Кажется, он на что-то обиделся. Не хочешь со

мной на почту?

— Не-а.

— Чего ты тут сидишь?

— Арона жду, хочу морду ему набить.

— Не стоит.

— Почему это — не стоит?

— Не сладишь ты с ним. Он же из тебя дух вышибет.

— Пусть вышибет. Сукин он сын!

— Немедленно перестань выражаться!

Кэл рассмеялся.

— Айда лучше на почту!

— Ты фон Клаузевица читал?

— Даже не слышал о таком.

Когда Арон вернулся домой, его, сидя на крыльце, ждал Ли.

— Скажи спасибо, если бы не я, задали бы тебе жару. Иди садись.

— Я спать хочу.

— А ну садись! Потолковать надо. Ты почему отцу не сказал, что сдал экзамен?

— Он бы не понял.

— Больно ты хвост распускаешь, недолго и задницу застудить.

— Не нравится мне, когда так выражаются.

— Вот и хорошо, что не нравится. Я ведь спе-

циально грубости говорю, чтобы тебе стыдно стало… Арон, отец так ждал этого дня.

— Откуда он узнал?

— Ты сам должен был ему сказать.

— Не твое это дело.

— Ну вот что, ты сейчас пойдешь, разбудишь его и все расскажешь. Хотя я не думаю, что он спит. Иди!

— Я не пойду.

— Арон, — вкрадчиво проговорил Ли, — тебе когда-нибудь приходилось драться с коротышкой, с малявкой, который тебе едва до плеча достает?

— Что ты придумываешь?

— Самая некрасивая вещь на свете. Представь, лезет такой на тебя с кулаками, никак не отцепится, и ты хочешь не хочешь вынужден дать сдачи. Но от этого еще хуже. Стукнув его, ты попадаешь в настоящую беду.

— Не пойму, о чем это ты?

— Арон, если ты немедленно не сделаешь то, что я велю, мы подеремся. Вот смеху-то будет!

Арон хотел обойти Ли, но тот, сжав маленькие кулачки, преградил ему дорогу. Поза, в какой стоял Ли, и весь его вид были настолько комичны, что он и сам засмеялся.

— Я совсем не умею драться, но попробую.

Арон недовольно отступил и чуть погодя сел на ступеньку крыльца.

— Ну и слава богу! — сказал отдуваясь Ли. — А то бы черт-те что вышло… Арон, почему ты не хочешь сказать, что с тобой? Ты же всегда со мной делился.

Вдруг Арона как прорвало:

— Уеду я отсюда! Противный, мерзкий город.

— Напрасно ты так. Город как город.

— Я здесь никому не нужен. Зачем мы вообще ехали сюда? Не знаю я, что со мной, не знаю! Уеду я. — Арон чуть не плакал.

Ли полуобнял его за широченные плечи.

— Мальчик, ты просто взрослеешь, — сказал он негромко. — Наверно, в этом все дело. Иногда я думаю, что именно в таком возрасте жизнь преподносит нам самые тяжелые испытания. Тогда человек целиком уходит в себя, с ужасом заглядывает себе в душу. Но самое страшное даже не в этом. Человеку кажется, что другие видят его насквозь. И под этим посторонним взглядом все плохое в нас делается чернее черного, а хорошее — белее белого. Но это проходит, Арон. И у тебя пройдет, только потерпи немножко. Понимаю, это слабое утешение. Может быть, ты не согласен со мной, но я не знаю, чем еще я могу тебе помочь.

Постарайся понять одну простую вещь: что бы ни происходило, все не так страшно и не так радостно, как кажется. А сейчас иди спать, вот тебе мой совет, а утром встань пораньше и расскажи отцу о своих успехах. Пусть он порадуется. Он очень одинок, и ему хуже, чем тебе. Ведь перед тобой будущее, о нем и помечтать можно. Сделай душевную зарядку, говорил в таких случаях Сэм Гамильтон. Задумай что-нибудь хорошее, глядишь — и исполнится. Попробуй, не пожалеешь. Ну а сейчас иди спать. Мне еще пирог испечь надо… к завтраку. Да, вот еще что: там отец тебе на подушке подарок оставил.

Глава 44

Абра по-настоящему сблизилась с Трасками лишь после того, как Арон уехал учиться в колледж. До этого они были заняты только друг другом. После отъезда Арона Абра привязалась к его семье и поняла, что может целиком положиться на Адама, а Ли вообще полюбила больше, чем собственного отца.

С Кэлом дело обстояло сложнее. Временами он раздражал ее, временами огорчал, временами вызывал любопытство. Он словно бы находился в состоянии непрекращающегося соперничества с ней. Абра не знала, как он к ней относится, и потому держалась с ним настороженно. Бывая у Трасков, она чувствовала себя гораздо свободнее, когда Кэла не было дома. И напротив, ей делалось не по себе, когда он, сидя в сторонке, смотрел на нее непонятным, оценивающим взглядом, о чем-то думая, и быстро отворачивался, когда она случайно ловила его взгляд.

Абра была стройная крепкая девушка с высокой грудью, готовая стать женщиной и терпеливо дожидающаяся таинства брака. Она взяла за правило после школы приходить домой к Траскам

и подолгу читала Ли целые страницы из писем, которые каждый божий день присылал ей Арон.

Арону было одиноко в Стэнфорде. Письма его были полны тоски и желания увидеться с Аброй. Когда они были вместе, он воспринимал их близость как нечто само собой разумеющееся, но теперь, уехав за девяносто миль, он отгородился ото всех и слал ей страстные любовные послания. Арон занимался, ел, спал и писал Абре, это составляло всю его жизнь.

Абра приходила днем после школы и помогала Ли чистить на кухне фасоль или лущила горох. Иногда она варила сливочные тянучки и часто оставалась у Трасков обедать — домой ее не тянуло. С Ли она могла говорить о чем угодно. То немногое, чем она делилась с матерью и отцом, казалось теперь мелким, неинтересным и как бы даже ненастоящим. Ли был совсем не такой, как ее родители. Ей почему-то хотелось говорить с Ли о самом важном, настоящем, даже если она не была уверена, что важно, а что — нет.

Ли сидел в таких случаях неподвижно, едва заметно улыбался, и его тонкие хрупкие пальцы словно летали, делая какую-нибудь работу. Абра не замечала, что говорит только о себе самой. Ли слушал ее, но мысли его где-то бродили, рыскали

взад и вперед, как легавая на охоте, временами он кивал и что-то мычал себе под нос.

Абра нравилась Ли, он угадывал в ней силу, чистоту и отзывчивость. Ее открытое лицо с крупными чертами могло со временем сделаться либо отталкивающим, либо необыкновенно красивым. Слушая Абру и думая о своем, Ли вспоминал круглые гладкие личики кантонок, женщин его расы. Даже худенькие были круглолицы. Они должны были бы нравиться Ли, потому что обычно люди считают красивым то, что похоже на них самих, но кантонки не нравились Ли. Когда он думал о красоте китайцев, перед его внутренним взором вставали свирепые рожи маньчжуров, сурового воинственного народа, который за многие века приучился властвовать над другими.

— Может, он таким и был все время, я не знаю, — говорила Абра. — Об отце он никогда не любил распространяться. Но после того как мистер Траск… ну, после этой истории с салатом Арон особенно переживает.

— В каком смысле? — спросил Ли.

— Над ним смеяться стали.

Ли вытаращил глаза:

— Над ним? Он-то тут при чем?

— Ни при чем, а все равно переживает. Хотите

знать, о чем я думаю?

— Конечно, хочу.

— Пока это только так, догадка, я еще не до конца продумала. Одним словом, мне кажется, что он считает себя… как бы это сказать… обделенным, что ли. Или даже неполноценным, потому что у него нет матери.

Ли широко раскрыл глаза, но тут же снова приспустил веки и кивнул:

— Понимаю. Как ты думаешь, с Кэлом такая же история?

— С Кэлом? Ну нет!

— Почему же так?

— Я еще не разобралась. Может, некоторым нужно больше, чем другим, они сильнее любят что-нибудь или, наоборот, сильнее ненавидят. Вот папа мой — он репу не выносит. Не любит и все, просто ненавидит. Если мама репу купит, прямо из себя выходит. Один раз она… ну, в общем, рассердилась и приготовила из репы пюре в духовке. Перцу туда положила, сверху тертым сыром обсыпала и хорошенько запекла, сверху корочка получилась. Папа съел половину, потом спрашивает, что это, мол, такое. А мама возьми да и скажи: репа это! Он тогда тарелку — об пол, сам из-за стола выскочил, дверью хлопнул. Думаю, до

сих пор не может простить ей.

— Ну и зря не простил, — фыркнул Ли, — раз она правду сказала. Представь, если бы она сказала, что это не репа, а что-нибудь другое. Он бы съел, вдруг еще попросил, а потом обман случайно открылся. Тут и до смертоубийства недалеко.

— Очень может быть… Так вот, по-моему, Арон больше переживает, что у него нет матери, чем Кэл. И во всем винит отца.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю, так мне кажется.

— Ты со знакомыми много времени проводишь?

— А что, разве нельзя?

— Ну что ты, конечно, можно.

— Тянучек сделать?

— Да нет, пока не надо. Там еще есть.

— Могу еще что-нибудь приготовить.

— Мне сегодня хороший кусок мяса попался — огузок. Если хочешь, вываляй его в муке. Будешь обедать с нами?

— Спасибо, но меня на день рождения пригласили. Как вы думаете, он на самом деле священником станет?

— Как тебе сказать. Может, это одно мечтание.

— Хорошо бы не стал, — сказала Абра и тут же

зажала рот рукой, поразившись тому, как это у нее вырвалось.

Ли встал с места и, вытащив кухонную доску, положил на нее кровоточащий кусок мяса и рядом — сито.

— Бей тупым концом ножа, — сказал он.

— Я знаю. — Она втайне надеялась, что Ли пропустил ее замечание мимо ушей.

Но он спросил:

— И почему же ты не хочешь, чтобы он стал священником?

— Зря я это сказала.

— Ты имеешь право говорить что хочешь. И не нужно никому ничего объяснять.

Ли сел на место, а Абра обсыпала мясо мукой и принялась колотить его ножом: тук-тук-тук.

— Зря сказала… — Тук-тук.

Ли отвернулся, чтобы дать ей возможность справиться со смущением.

— Все время в крайности кидается, — продолжала Абра, не переставая колотить мясо. — Церковь — значит, обязательно высокая. Священник — значит, не должен жениться.

— По последнему письму это не чувствуется, — вставил Ли.

— По письму не чувствуется, но говорить он го-

ворил. — Стук ножа прекратился. Все юное лицо ее выражало растерянность и печаль. — Знаете, Ли, я ему не пара.

— Что значит — не пара?

— Правда, я не прикидываюсь. Он меня совсем не замечает. Придумал себе идеал и дал ему мою внешность. Но я ведь не такая, я обыкновенная.

— А какая она, идеальная?

— Чистая, как стеклышко. Сплошная добродетель. А у меня полно недостатков.

— У кого ж их нет?

— А меня он совсем не знает, понимаете, и не хочет узнать. Ему идеал нужен, идеал… ангел белоснежный.

Ли растирал сухарь.

— Но он же тебе нравится? Конечно, ты еще совсем молоденькая, но это, по-моему, не помеха.

— Да, он мне нравится, и я хочу стать его женой. Но ведь мне хочется, чтобы я тоже ему нравилась, правда? А как я могу ему нравиться, если он обо мне ничего не знает? Раньше думала, знает, а сейчас вижу — ничего подобного.

— Может быть, ему просто трудно сейчас. Но это пройдет. А ты девочка умная, очень умная. Тебе трудно до идеальной возлюбленной дотянуться? То есть если хочешь остаться самой собой.

— Я все время боюсь: вдруг он заметит во мне что-нибудь такое, чего в ней не должно быть. Я вот, например, злюсь иногда, или от меня будет пахнуть. И тогда он разочаруется.

— Даст бог, не разочаруется, — сказал Ли. — Да, тяжелая это задачка — быть одновременно Пречистой Девой, богиней непорочной и живой женщиной. И от людей на самом деле иногда пахнет.

Абра подалась было к столу, за которым сидел Ли.

— Ли, вот если бы…

— Осторожнее, у тебя мука на пол сыплется, — сказал тот. — Что — «если бы»?

— Я вот о чем подумала… Арон ведь без матери рос, правильно? Вот он и вообразил, что она была самая лучшая женщина на свете.

— Не исключено. И потом ты решила, что он перенес все ее драгоценные качества на тебя, верно? — Абра удивленно смотрела на него, ее пальцы скользили вверх и вниз по острию ножа, словно она пробовала, хорошо ли он наточен. — А теперь ты думаешь: вот если стряхнуть с себя все это.

— Да.

— А если ты ему разонравишься?

— Будь что будет, — твердо сказала она. — Лучше оставаться самой собой.

— В жизни не встречал такого бессовестного человека, как я. Вечно сую нос в чужие дела, а у самого ни на что нет готового ответа, — сказал Ли. — Ты будешь отбивать мясо или нет? А то я сам отобью.

Абра снова принялась за работу.

— Смешно, правда? Еще школу не окончила, а о таких серьезных вещах рассуждаю.

— Правильно делаешь, иначе и быть не может. Смеяться потом будешь. Смех — это зрелость, так же как зубы мудрости. А смеяться над собой научаешься только во время сумасшедшего бега наперегонки со смертью, да и то не всегда поспеваешь.

Нож в руках у Абры застучал быстрее, беспокойнее, с перебоями. Ли задумчиво двигал сухие фасолины по столу, складывая из них прямые линии, углы, круги.

Стук ножа вдруг прекратился.

— Скажите, миссис Траск — она жива?

На какой-то миг рука Ли застыла в воздухе, потом медленно опустилась и подвинула фасолину, сделав из буквы «Б» другую, «В». Он чувствовал на себе ее неотрывный взгляд. Ему казалось, что

он видит на ее лице ужас от собственной дерзости. Мысли его метались, как крыса, попавшая в западню. Ничего путного в голову не приходило. Он медленно обернулся и посмотрел на Абру: выражение лица у нее было именно такое, каким оно представилось ему.

— Сколько мы с тобой беседовали, — начал он ровным голосом, — но обо мне не говорили ни разу. — Он застенчиво улыбнулся. — Поэтому, Абра, я тебе вот что скажу. Я слуга, я старый человек, да еще китаец. Все это ты сама знаешь. К тому же я измучен до смерти и вдобавок трус.

— Ничего подобного… — начала было Абра.

— Молчи! — перебил он ее. — Да, я трус. Боюсь в человеческую душу лезть.

— Я что-то не совсем понимаю.

— Абра, скажи, твой отец еще что-нибудь не любит — кроме репы?

Лицо ее сделалось упрямым.

— Я серьезно спрашиваю, а вы…

— Я ничего не слышал, Абра, — сказал он тихо и как бы даже просительно. — Ты у меня ничего не спрашивала.

— Вы, наверно, думаете, что я слишком мала… — начала та, но он снова перебил ее:

— В свое время я работал у одной женщины.

Ей было тридцать пять лет, но она упорно не хотела набираться ума-разума, не хотела ничему учиться да и за внешностью своей не следила. Если бы она была ребенком, годков этак шести, родители бы в отчаянье от нее пришли, и все. Но она была взрослый человек, у нее деньги, власть, от нее зависели судьбы других людей… Нет, Абра, возраст тут ни при чем. Я бы сказал тебе, если бы знал, что сказать.

Девушка улыбнулась:

— А я ведь догадливая. Попробовать?

— Упаси тебя господь, не надо, — сказал Ли.

— Значит, вы не хотите, чтобы я разобралась, что к чему?

— Ты вольна делать что угодно, только не втягивай, пожалуйста, меня. Да у самого порядочного человека есть свои слабости и недостатки, и грехов столько, что колени подгибаются. У меня тоже грехов хватает. Может, они не какие-нибудь особенные, но дай мне сил хоть с ними-то справиться. Так что прости меня, пожалуйста.

Абра протянула руку и обсыпанными мукой пальцами дотронулась до его кисти. Кожа у него была сухая, желтая, морщинистая. Он молча смотрел на белые пятна, оставленные ее прикосновением.

— Папа мальчика хотел, — сказала Абра. — Думаю, он не только репу терпеть не может, но и девчонок. Кого встретит, сразу начинает рассказывать, как дал мне это дурацкое имя. «Другого звал я, но явилась Абра».

— Ты очень хорошая девочка, — улыбнулся Ли. — Приходи завтра обедать, я соображу что-нибудь из репы.

— Она жива? — тихо спросила Абра.

— Жива, — ответил Ли.

Стукнула входная дверь, и в кухню вошел Кэл.

— Здорово, Абра! Ли, отец дома?

— Нет еще. Чего ты так сияешь?

Кэл подал ему чек:

— Вот, это тебе.

Ли разглядывал бумажку.

— Мне не нужны проценты.

— С процентами вернее. Я, может, их в долг у тебя возьму.

— И как же ты их заработал? Скажешь?

— Не-а, пока не скажу. Идея у меня есть… — Он метнул взгляд на Абру.

— Мне пора домой, — заспешила та.

— Ей тоже полезно знать, — сказал Кэл. — Я одну штуку к Дню благодарения приготовил. Абра, наверное, к нам на обед придет, и Арон на

каникулы приедет.

— Какую штуку? — спросила Абра.

— Отцу подарок сделаю.

— А что именно? — снова поинтересовалась она.

— Потом узнаешь.

— А Ли знает?

— Знает, но он — могила.

— Давно я тебя таким веселым не видела, — сказала Абра. — И вообще, кажется, никогда не видела веселым. — В ней поднялось теплое чувство к нему.

Когда Абра ушла, Кэл уселся и сказал:

— Вот только не знаю, когда лучше вручить — до того, как за стол сядем, или после.

— После, — посоветовал Ли. — Ты на самом деле раздобыл денег?

— Пятнадцать тысяч долларов.

— Честно?

— То есть ты хочешь знать, не украл ли я их?

— Именно.

— Честно, — сказал Кэл. — Помнишь, мы купили шампанского, когда Арон сдал экзамены? И на праздник обязательно купим, столовую украсим, ну и вообще… Абра нам поможет.

— Ты думаешь, отец захочет взять деньги?

— А почему бы нет?

— Посмотрим, может, ты и прав, — сказал Ли. — А как у тебя в школе дела?

— Не очень, — признался Кэл. — Ничего, после праздника нагоню.

На другой день после уроков Абра нагнала Кэла, идущего домой.

— Привет, Абра, — сказал он. — Тянучки у тебя вкусные получаются.

— Последний раз жестковатые вышли. Надо мягче их делать.

— Ты прямо-таки заворожила нашего Ли. Как это тебе удалось?

— Просто он мне симпатичен, — сказала она и добавила: — Слушай, Кэл, я хочу спросить тебя об одной вещи.

— Спрашивай.

— Что происходит с Ароном?

— Я что-то не понимаю.

— Мне кажется, он только о себе и думает.

— Открыла Америку! Ты что, поссорилась с ним?

— Нарочно хотела поссориться, когда он начал плести, что хочет церковником стать, не женится и всякое такое. А он не ссорится.

— Не женится? Не может быть.

— Правда, теперь он завалил меня любовными письмами, вот только адресованы они не мне.

— То есть как это не тебе? А кому же еще?

— Вроде как самому себе.

— Гляди, я ведь знаю, что вы под ивой уединялись.

— Правда? — сказала она, ничуть не смутившись.

— Здорово ты, видать, на него разозлилась.

— Да нет, я не злилась. Просто он… как бы это сказать… из рук ускользает. Не пойму я его.

— Потерпи, — сказал Кэл. — Может, у него кризис какой.

— Я все думаю, правильно ли я себя веду. А может, я просто фантазирую — как ты считаешь?

— Я-то откуда знаю?

— Кэл, это правда, что ты гуляешь по ночам? И даже ходишь в… в нехорошие дома?

— Правда. Это тебе Арон сказал?

— Нет, не Арон. А зачем ты туда ходишь?

Он так же спокойно шел рядом с ней и молчал.

— Скажи, — настаивала она.

— Тебе-то что?

— Не потому, что ты в самом себе плохое чувствуешь?

— А что это значит — «плохое»?

— Я и сама не ах какая хорошая.

— Совсем спятила, — сказал Кэл. — Арон из тебя эту дурь вышибет.

— Ты так думаешь?

— Еще как вышибет, — убежденно повторил Кэл. — А куда ему деться?

Глава 45
1

Джо Валери жил, по его собственным словам, не высовываясь, но настороже, зорко приглядываясь и прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. Обиды его копились постепенно, начиная с обиды на мать, не обращавшую на него ни малейшего внимания, и на отца, который попеременно то порол его, то сюсюкал над ним. От обиды на родителей полшага до обозленности — на учителей, приучающих его к порядку, на полицейских, которые гонялись за ним, на священников, наставлявших на путь истинный. Еще до того, как Джо первый раз предстал перед мировым судьей, из обид и озлобленности родилась у него жгучая ненависть к целому свету.

Одной ненавистью не проживешь. Ей нужна подкормка, стимулятор роста в виде любви. Поэтому Джо Валери с самого начала нежно любил и лелеял Джо Валери. Он заботился о нем, опекал его и утешал, потакал ему и льстил. Он ограждал и защищал его от враждебного мира. Постепенно Джо сделался невосприимчивым к несправед-

ливости и злу. Если Джо попадал в беду, то это значило, что люди плетут против него гнусные интриги. Если же Джо сам наносил удар, то это был акт мщения: получили-таки свое, сучьи дети. Джо как никто нежил и холил себялюбие и разработал стройный, пригодный только ему одному свод правил, который выглядел примерно так:

1. Никому ни в жисть не верь. Любой прохвост только и ждет, чтобы достать тебя.

2. Держи язык за зубами. И вообще не высовывайся.

3. Востри уши. Ежели кто дал маху, хватай свое и молчи в тряпочку.

4. Кругом — одни подонки. Ты хоть что вытворяй, у них свой номер наготове.

5. Не суетись. Кривая дорожка — самая верная.

6. Не верь бабам. Ни единой.

7. Молись монете. Денежки каждому позарез нужны. На них кого хошь купишь.

Были у него и другие правила, но они лишь дополняли и уточняли основной канон. Правила помогали — и неплохо, а поскольку других Джо не знал, то и сравнивать было не с чем. Он давно понял: первое дело — надо шевелить извилиной, и считал, что сам он соображает. Когда удавалось что-нибудь провернуть, значит, он

хорошо обмозговал, если не удавалось — значит, просто не повезло. Не то чтобы удача так и перла, однако жил он без особых забот и треволнений. Кейт держала его, так как знала: он для нее что хочешь сделает — за деньги или из страха. Она не питала иллюзий на его счет. В ее деле такой, как Джо, — находка.

Как только Джо получил место у Кейт, он начал выискивать в ней слабину, на которой можно сыграть, — тщеславие и жадность, чревоугодие и сластолюбие, стыд или страх за содеянное, слабые нервы… У какой бабы их нет? Каково же было его удивление, когда он не нашел в ней ни одной из этих слабостей, хотя, может, они и были. Эта дамочка соображала и вела себя, как настоящий мужик. Да еще почище мужика была — круче, хитрее, умнее. Когда у него пара промашек вышла, она ему такую выволочку учинила — не дай бог никому. Джо начал бояться ее и потому зауважал еще сильнее. А когда Кейт пронюхала про некоторые его затеи, то он окончательно понял, что теперь ничто и никогда не сойдет ему с рук. Кейт сделала из него раба — точно так же, как раньше делались рабынями все его женщины. Хозяйка кормила и одевала его, заставляла работать и наказывала.

В конце концов Джо признал, что Кейт более хитроумна, чем он сам, а потом он совсем уверился, что хитроумнее ее вообще на свете нет. В его глазах она обладала двумя величайшими талантами: голова на плечах и неизменное везение. Чего еще человеку надо? Он был рад-радехонек делать за нее грязную работу, потому что отказаться боялся. «Не-е, такая маху не даст, — говорил Джо. — И ежели ты с ей заодно, она тебя откуда хошь вытащит».

Сначала Джо только в уме так прикидывал, потом это вошло в привычку. Он потратил всего один день, чтобы Этель выставили из округа. Не его это дело, а ее, а она баба сообразительная.

2

Когда руки особенно донимали Кейт, она почти не спала. Она чуть ли не физически чувствовала, как распухают и твердеют суставы, и старалась думать о постороннем, пусть даже неприятном, лишь бы только пересилить боль и забыть о своих скрюченных пальцах. Иногда она представляла себе какую-нибудь комнату, куда давно не заходила, пытаясь не пропустить ни одной вещи. Иногда смотрела на потолок, выстраивала

на нем колонки цифр и складывала их. Иногда погружалась в воспоминания. Перед ее мысленным взором возникало лицо мистера Эдвардса, его костюм, слово, выбитое на металлической застежке его помочей. Тогда она не замечала его, однако сейчас оно явственно припомнилось — «Эксцельсиор».

По ночам она часто думала о Фей, вспоминала ее глаза, волосы, говор, ее беспокойные руки и небольшое вздутие у ногтя на левом большом пальце — шрамик от давнего пореза. Кейт пыталась разобраться в своем отношении к ней. Любила она ее или ненавидела? Может, жалела? Раскаивается или нет, что отравила благодетельницу? Мысли извивались, копошились, как черви. Кейт поняла, что ничего не испытывает к Фей — ни симпатии, ни неприязни, и воспоминания о ней не вызывают у нее решительно никаких чувств. Правда, когда та умирала, Кейт раздражали ее бормотанье и тяжелый запах, и ей хотелось поскорее разделаться с ней раз и навсегда.

Кейт вспоминала Фей в гробу, обитом розовой материей, — белое платье, румяна и пудра скрывают дряблую кожу, на лице застывшая парфюмерная улыбка.

Кто-то позади нее шепнул: «Гляди-ка, я ее такой сто лет не видала!» — «Может, и мне попробовать это средство?» — заметила другая, и обе захихикали. Кажется, это были Этель и Трикси. Кейт вспомнила, как она сама внутренне усмехнулась: и впрямь, мертвая потаскуха ничем не отличается от порядочной женщины.

Да, первое замечание скорее всего отпустила Этель. Этель вообще часто являлась в ее тревожные ночные раздумья, каждый раз принося с собой сжимающий душу страх. Дура набитая, поганая шлюха, сует нос куда не надо, старая паршивка. Однако здравый смысл то и дело подсказывал: «Погоди, погоди! Почему паршивка? Не потому ли, что ты сама неверный шаг сделала? Зачем ты ее прогнала и из округа выперла? Надо было спокойно все взвесить и оставить ее тут…»

Кейт хотелось узнать, где она сейчас, Этель. Что, если обратиться в какую-нибудь сыскную контору… хотя бы разузнать, куда она подевалась? Да, но Этель обязательно расскажет про ту ночь, да еще стекляшки предъявит. Вот и получится, что уже двое пронюхают о том, что произошло. С другой стороны, какая разница? И так небось болтает, стоит только пивом накачаться. Факт, болтает — только кто ей поверит, потаскухе-то

упившейся? А сыщик из конторы… Нет, никаких контор.

Много часов провела Кейт в обществе Этель. Интересно, судья догадался, что иск подстроен? Слишком уж ладно все сходилось. Как назло, ровно сотню ей отвалила. Очень уж бросается в глаза. И как смотрит на это дело шериф? Джо сказал, что ее ссадили как раз за административной чертой, на территории округа Санта-Крус. Чего она наговорила, пока помощник шерифа вез ее туда? До смерти девка ленива, могла остановиться прямо в Уотсонвилле. От того места, где ее высадили, до Пахаро рукой подать, а оттуда на Уотсонвилль железная дорога идет, по мосту через реку Пахаро. Железнодорожные рабочие из одного округа в другой то и дело катаются, все больше мексиканцы, правда, есть и индусы. Дурехе Этель всякое может взбрести в голову, к примеру, додумается с путейскими путаться. Вот смеху-то, если она на самом деле в Уотсонвилле обосновалась! Оттуда до Салинаса всего ничего, миль тридцать. Она в любой момент может даже обратно прискакать, если вздумает с кем-нибудь повидаться. Наверное, так и делает. Не исключено, что как раз сейчас она здесь, в городе. Полицейские вряд ли углядят за ней — невелика птица! А что, если

послать в Уотсонвилль Джо — пусть посмотрит, там ли она? Могла ведь и в Санта-Крус податься. Пускай Джо и туда заглянет, на это много времени не уйдет. Джо где угодно любую гулящую девку за несколько часов разыщет, он такой. А уж когда найдет, то и заманить ее обратно нетрудно. Дура она. Можно и так сделать: он Этель разыщет, а она сама к ней съездит. Придет к ней, дверь запрет, а снаружи табличку повесит: «Прошу не беспокоить». Поедет в Уотсонвилль, провернет что нужно, и назад. На таксомоторе опасно, автобусом надо, вечерним рейсом, когда по сторонам никому глазеть неохота. Народ башмаки скинет, пальто под голову и дрыхнет себе. Внезапно Кейт поняла, что боится ехать в Уотсонвилль. Можно, конечно, себя заставить. Ладно, посмотрим. Как это она раньше не подумала послать Джо. Это же замечательно! Такие делишки ему в самый раз. Дубина и подонок, хотя умником себя считает. Такого вокруг пальца обвести легче легкого. А вот Этель глупа как пробка, с ней труднее.

У Кейт все больше крючило пальцы и мучительнее грызла тревога, и ей все чаще приходилось прибегать к услугам Джо Валери — главного ее помощника, посредника и палача. В глубине души она всегда побаивалась своих девочек — не

потому, что она доверяла им еще меньше, чем Джо, а потому, что под покровом осторожности в них бурлило недовольство своим положением. В любой момент, вопреки инстинкту самосохранения, это недовольство могло вырваться наружу и погубить не только их самих, но и окружающих. Раньше Кейт умело предупреждала эту опасность, однако отложение солей в суставах и растущая тревога заставляли ее искать помощи у других, прежде всего у Джо. Опыт подсказывал, что у мужчины нервы покрепче, себе на погибель он ничего не сделает, не то что женщины ее профессии.

Кейт целиком положилась на Джо, потому что в ее бумагах хранился полицейский протокол касательно некоего Джозефа Венуты, который, будучи осужден на пять лет за ограбление, на четвертом году заключения в Сан-Квентине сбежал из тюремной команды, работавшей на прокладке дорог. Она ни полусловом не обмолвилась Джо про этот документ, однако же справедливо полагала, что он быстро приведет беднягу в чувство, если тот, паче чаяния, взбрыкнет.

Каждое утро Джо подавал ей на подносе завтрак: зеленый китайский чай, сливки и несколько ломтиков поджаренного хлеба. Поставив поднос

на столик у кровати, он докладывал новости и получал распоряжения на день. Джо отдавал себе отчет, что хозяйка теперь все больше и больше зависит от него. И он спокойно и неторопливо изыскивал возможности и способы целиком прибрать заведение к рукам. Если ей станет хуже, у него есть шанс. Вместе с тем глубоко засевший в Джо страх перед Кейт не проходил.

— Доброе утречко, — сказал он.

— Не хочется мне что-то вставать, Джо. Выпью чаю — и все. Подержи-ка чашку.

— Болят?

— Болят. Вот разогреюсь, полегче будет.

— Плохо, похоже, спали?

— Нет, — сказала Кейт, — спала я замечательно. Новое лекарство достала.

Джо поднес чашку ей ко рту, и она не спеша начала прихлебывать чай, дуя на него, чтобы остудить.

— Хватит, — сказала она, не выпив и полчашки. — Как вечер прошел?

— Я еще вчера хотел вам сказать, — отвечал Джо. — Деревенщина какая-то из Кинг-Сити завалилась. Только что зерно продал. За все, говорит, плачу. Семь сотен выложил, не считая, чего цыпочкам дал.

— Как зовут-то?

— Не знаю. Наверняка опять заглянет.

— Имя, имя спрашивай! Сколько раз тебе говорила.

— Больно увертлив оказался.

— Тем более надо было разузнать, кто такой. Девицы у него ничего не утянули?

— Не знаю.

— Так узнай!

Джо почувствовал в ее голосе расположение, и у него сразу настроение поднялось.

— Обязательно узнаю, — заверил он хозяйку. — Самому-то мне хватает.

Кейт окинула его долгим испытывающим взглядом, и Джо понял, что она что-то надумала.

— Тебе у меня нравится? — спросила Кейт негромко.

— Известно. Мне здесь хорошо.

— Может еще лучше быть… а может и хуже.

— Нравится мне у вас, — насторожился он, а сам мучительно соображал, не допустил ли где промашку. — Мне здесь просто замечательно.

Кейт облизала губы, показав острый кончик языка.

— Мы могли бы вместе дела делать.

— Я как есть готовый, — поддакнул он, чувствуя,

как изнутри поднимается радостное ожидание.

Кейт молчала, а Джо терпеливо ждал, что она скажет.

— Джо, — сказала она наконец, — я не люблю, когда у меня воруют.

— Я ничего не брал.

— А я и не говорю, что это ты.

— А кто?

— К тому и веду речь. Помнишь ту потрепанную ворону, которую нам пришлось убрать из города?

— Этель… Как ее?..

— Она самая. У меня одну вещь утащила. Я только потом хватилась.

— Какую вещь?

В ее голосе появились ледяные нотки:

— А вот это тебе знать не обязательно. Слушай хорошенько! Ты мужик неглупый — как, по-твоему, где ее найти?

Джо была чужда рассудительность, однако голова его сразу же заработала, подчиняясь опыту и чутью.

— Ей дай бог трепку задали. Далеко не уехала. Которая цыпочка в тираж выходит, в чужое место ни в жисть не подастся.

— Соображаешь. Значит, в Уотсонвилле обос-

новалась?

— Факт. Или же в Санта-Крусе. В любом разе дальше Сан-Хосе не залетела. На что хошь поспорю.

Кейт бережно поглаживала пальцы.

— Джо, хочешь заработать пять сотен?

— Желаете, чтоб я разыскал ее?

— Именно разыскал. Только смотри не спугни. Мне одно нужно — знать, где она. Адрес нужен, понял?

— Понял, — сказал Джо. — Здорово, должно быть, она вас обчистила.

— Не твоего ума дело.

— Да-да, мэм, конечно. Хотите, чтобы я сразу же поехал?

— Да, и поживее там поворачивайся.

— Поживее трудно, — сказал Джо. — Давненько уж дело-то было.

— Трудно, не трудно — это меня не касается.

— Сегодня же в Уотсонвилль выеду.

— Давай, Джо.

Кейт задумчиво глядела на него. Он чувствовал, что она хочет сказать что-то, но не знает, стоит ли. Наконец Кейт решилась:

— Джо, тогда, в суде… она ничего такого не выкинула?

— Не, вроде ничего. Начала только бодягу плести: подстроено, мол… Все они так.

И вдруг ему отчетливо припомнилось то, на что он тогда не обратил внимания. Внутренним слухом он услышал, как Этель хнычет: «Ваша честь, мне с вами с глазу на глаз надобно. Имею что-то сообщить».

Он спохватился и мгновенным усилием воли выкинул это из памяти, чтобы не выдало лицо, но было уже поздно.

— Ну? — нажимала Кейт.

Он лихорадочно соображал, как бы выкрутиться.

— Чевой-то еще было… — проговорил он, стараясь выиграть время. — Сейчас, может, припомню…

— Не тяни, выкладывай! — Голос у нее был настойчивый и жесткий.

— Ну, это… — мямлил он, — она вроде легавым сказала… м-м… нельзя ли на южную дорогу ее вывезти. Сродственники, мол, у нее в Сан-Луис-Обиспо…

Кейт приподнялась с подушек:

— А они что?

— Не желают они к черту на кулички мотаться, так и сказали.

— У тебя своя голова на плечах — ты-то куда сначала двинешь?

— В Уотсонвилль, — твердо сказал Джо. — А в Сан-Луисе приятель у меня. Я ему звякну, скажу, чтоб разведал.

— Но смотри, — предупредила она, — чтоб без шуму и по-быстрому.

— За пять-то сотен? Все в ажуре будет.

Он снова воспрянул духом, хотя по-прежнему видел ее изучающие, в прищуре глаза, и тут он вдруг услышал то, от чего внутри у него все оборвалось.

— Да, кстати, Джо... Тебе знакомо такое имя — Венута?

— Не-а! — выпалил Джо и обрадовался, что голос не отнялся.

— Возвращайся как можно скорее, — спокойно сказала Кейт. — И скажи Елене, чтобы зашла. Пусть без тебя за домом присматривает.

3

Джо собрал чемодан, пошел на вокзал и взял билет до Уотсонвилля. Однако на первой же станции, в Кастровилле, он слез и через четыре часа пересел на экспресс «Горный», который ходит

между Сан-Франциско и Монтереем. Прибыв в Монтерей, он зарегистрировался в гостинице «Центральная» под именем Джона Викера. Потом спустился в забегаловку Папы Эрнста, съел бифштекс, купил бутылку виски и заперся у себя в номере.

Там он снял пиджак и жилет, отстегнул воротничок с галстуком, сбросил башмаки и плюхнулся на медную кровать. Бутылка и стакан стояли на столике рядом. Верхний свет бил ему в глаза, но он ничего не замечал. Для начала он хорошенько заправился полстаканом виски, а потом, закинув руки за голову и скрестив ноги, принялся методично проворачивать в уме и складывать в одно обрывки мыслей, впечатления, возможности и внутренние побуждения.

На вполне подходящее место устроился и думал уже, что облапошил хозяйку. Выходит, просчитался, не на такую напал. Вот дьявол, как она докопалась, что в бегах он? Может, пора дать тягу — махнуть в Рино, а еще лучше в Сиэтл? Портовые города — самая малина. А там… Не, постой-постой! Надо хорошенько обмозговать.

Этель, факт, ничего не крала. Просто пронюхала что-то о Кейт, и та, натурально, всполошилась. Выложить пять сотен, чтобы разыскать потре-

панную девку, — не, тут что-то не так. Значит, то, что Этель собиралась выложить судье, — правда, это первое. И второе: Кейт боится. Может, самому удастся сыграть на этом? Черта с два! Раз обо мне знает, в любой момент легавым стукнет. Джо ужасно не хотелось загреметь снова.

Но прикинуть-то можно, никакого вреда от этого. А что, ежели рискнуть, пойти ва-банк: четыре года против… допустим, десяти косых? Не мало? Ладно, чего гадать. Она ж и раньше знала, и ничего, не стукнула. Может, считает, что ручным его сделала.

Как ни крути, выходит, что Этель и есть главный козырь.

Спокойненько, спокойненько, не пори горячку. Такой шанс… Может, сначала прикуп взять, а там посмотрим? До чего же хитрющая баба! С такой, чтобы выиграть, надо карту хорошую иметь и ходы правильные делать. А пока он ей все в лист ходит.

Джо спустил ноги с кровати и наполнил стакан. Потом выключил свет и, подойдя к окну, поднял жалюзи. Отхлебывая виски, он наблюдал за худощавой маленькой женщиной в халате, которая стирала в рукомойнике чулки в номере, находящемся напротив его собственного. От выпитого

приятно шумело в голове.

Да, шикарный шанс. Видит бог, Джо давно ждал такого. Господи, до чего ему опротивела эта сучка мелкозубая. Ладно, погодим малость.

Джо тихонько поднял оконную раму и, взяв карандаш со стоящего рядом стола, бросил его в окно напротив. Его позабавило, как перепугалась и затрепыхалась тоненькая дамочка, по-быстрому опуская жалюзи.

После третьего стакана полулитровая бутылка была пуста. Джо захотелось выйти, прошвырнуться по городу. Однако порядок есть порядок. Джо давно взял за правило не выходить из дому в подпитии — и неукоснительно придерживался его: береженого бог бережет. На пьяного любой нагрешит, а там уже полиция, проверка и прочее. На кой ему это путешествие по заливу в Сан-Квентин, да еще безо всякой перспективы посачковать на дорожных работах за хорошее поведение. Нет, прогулочка по городу отпадает.

Когда на Джо нападала тоска, он прибегал к проверенному спасительному средству, сам не сознавая, какое удовольствие оно ему доставляет. Самое время предаться этому удовольствию. Он лег на кровать и начал вспоминать о том, какое несчастное у него было детство и каким пере-

пуганным и испорченным входил он в возраст. Нет, не везло ему, ни разу настоящего шанса не выпало. Шансы, они у больших шишек. Пока таскал по малости, не попадался, но как только ножички перочинные в наборе с прилавка увел, сразу же легавые домой пожаловали и загребли. С тех пор и попал под наблюдение. Какой-нибудь вахлак уволочет в Дали-Сити ящик с клубникой, тут же Джо цапнут. В школе тоже не везло. Учителя норовили подножку подставить, и директор заодно с ними. От такой жизни кого хочешь тоска заберет. Надо было сматывать куда подальше.

Джо перебирал в памяти неудачи и невезения, и от этих картинок из прошлого внутри поднималась сладкая печаль; он подогревал ее все новыми и новыми воспоминаниями, и вот уже глаза у него наполнились слезами и губы задрожали от жалости к себе: позабыт-позаброшен с молодых, юных лет.

И вот, пожалуйста, награда за всю маету и лихо — в борделе служит, а у других дома и автомобили собственные. Живут себе поживают всласть, а по ночам ставни закрывают — от таких, как Джо. Он плакал тихо и безутешно, пока не заснул.

Проснулся он наутро в десять, здорово поел у Папы Эрнста и около часу отправился автобусом

в Уотсонвилль. Там он встретился со старым приятелем, которого заранее предупредил по телефону, и сыграл с ним три партии в бильярд. Выиграв последнюю, Джо поставил на место кий и подал приятелю две десятки.

— Зачем мне твои деньги? — удивился тот.

— Бери-бери!

— За что? Я же ничего…

— Очень даже чего. Толково объяснил, что ее тут нету. У тебя на таких дамочек нюх.

— Одно не пойму — на кой она тебе понадобилась.

— Уилсон, я ж тебе сразу сказал: не знаю. И сейчас то же самое говорю. Заплатили мне, вот и ищу.

— Ну ладно, я тебе все выложил… Да, тут еще съезд какой-то собирался — вроде дантисты или Совы. Хотела будто туда податься. Не помню только, сама она сказала или померещилось мне. Пошукай в Санта-Крусе. Свои там есть?

— Кое-кто имеется.

— Поговори с Малером. Хол Малер — запомнишь? Он большую бильярдную держит, «Холова луза» называется. Ну, и втихую, натурально, стол покерный.

— Спасибочки, — сказал Джо.

— Не за что. Деньги-то возьми назад.

— Не мои они. Купи себе гавану.

Автобусная остановка была через два дома от «Холовой лузы». Было уже поздно, но игра в заднем зальце была в самом разгаре. Джо прождал целый час — пока Холу не понадобилось в сортир, — чтобы познакомиться с ним. Хол разглядывал его своими большими водянистыми глазами, которые из-за толстых стекол очков казались размером с блюдце. Он не спеша застегнул ширинку, поддернул черные сатиновые нарукавники, поправил зеленый защитный козырек на лбу.

— Подожди, пока кончим, — сказал он наконец. — Сам-то не любитель?

— А сколько под тебя играют, Хол?

— Только один.

— Давай и я, — согласился Джо.

— Пятерку в час кладу, — сказал Хол.

— Плюс десять процентов с моего выигрыша.

— Ладно, идет. Моя рука — Вильямс, белобрысый такой.

В час ночи Хол и Джо потопали в «Барлов гриль».

— Две грудинки на ребрышках и картошечки жареной, по-французски, — распорядился Хол и

спросил у Джо: — Суп будешь?

— Не, и картошку жареную не буду. Пучит меня от нее.

— Меня тоже, — сказал Хол. — А все равно нажираюсь. Моциону мало.

Хол молчал, пока не подали еду. А как только набил рот, так и заговорил.

— Твой-то тут какой интерес? — осведомился он, откусывая кусок грудинки.

— Никакой. Сотню дали — я и взялся. Если столкуемся, двадцать пять — твои.

— Доказательства нужны, бумага какая?

— Бумага — это хорошо, но обойдусь.

— В таком разе… Не знаю, как и что, только подчаливает она ко мне: так, дескать, и так, нездешняя я, а мне клиент нужен. Да никудышная оказалась. Больше двадцатки за целую неделю я от нее ни разу не имел. И не узнал бы об ней ничего, если бы Билл Примус ее в моем заведении не видел. Когда ее нашли, он, само собой, сразу ко мне, давай расспрашивать. Правильный он мужик, Билл. У нас тут полиция вся правильная.

Этель была не так плоха, как казалось, — да, ленивая, неопрятная, зато простая, добродушная. Ей хотелось стать приличной женщиной и жить достойно. Но бедняге не везло, потому что бы-

ла она не очень смышлена и не очень красива. Нашли ее на берегу, куда ее выкинули волны, полузасыпанную песком. Стали вытаскивать. Если бы она узнала, что у нее при этом задралась сзади до пояса юбка, она бы со стыда сгорела. Этель очень хотела выглядеть приличной.

— У нас тут диких артелей развелось, — продолжал Хол. — Сардиной промышляют. Бормотухи налижутся и в море. Кто-нибудь взял да и затащил ее на свою посудину, а после за борт спустил. Я так понимаю. Иначе как она в воде очутилась?

— Может, сама с причала сиганула?

— Кто, она? — удивился, пережевывая картофель, Хол. — Ни хрена подобного. Да ей задницей пошевелить лень, не то что руки на себя наложить. Ну что, удостовериться желаешь?

— Да нет, раз ты говоришь, что это она самая, значит, так оно и есть, — сказал Джо и пододвинул Холу две десятки и пятерку.

Хол свернул билеты наподобие самокрутки и сунул в жилетный карман. Потом аккуратно отрезал треугольник мяса и положил в рот.

— Она это, точно. Пирога хочешь?

Джо хотел поспать часов до двенадцати, но проснулся в семь утра и долго лежал в постели. Спешить некуда, в Салинас приедет ночью, а

сейчас надо хорошенько все обдумать.

Поднявшись, он долго изучал себя в зеркале, словно примеряя, какую мину состроить, вернувшись домой. Надо, чтобы Кейт видела, что он расстроен, хотя и не очень. Хитрющая баба, с ней ухо востро держи. Пусть она ходы делает, а ты приглядывайся. Думаешь, она так сразу и покажет карту? Держи карман шире! Джо мысленно признался себе, что боится ее до смерти.

Осторожность подсказывала: «Просто приди, расскажи все как есть и получай заработанные пять сотен». И тут же, обозлясь, он возразил самому себе: «Вот о шансах мечтаешь, а много ли их у тебя было? Шанс, он тогда начинается, когда усечешь, что он вообще есть. Кому охота всю жизнь в поганых сутенерах ходить? Слушай, поддакивай, следи за картой. Пусть первой заговорит она. Не убудет тебя от этого. Ежели что не так, всегда можно сказать, что сам, мол, только что узнал».

«Она ж тебя через пять минут в тюрягу упечет».

«Не упечет, надо только за картой следить. Чего ты теряешь? Хоть раз в жизни у тебя настоящий шанс был?»

4

Кейт чувствовала себя гораздо лучше. Похоже, помогло новое лекарство. Ломота в руках поутихла, пальцы как будто немного распрямились, опали припухлости на суставах. Первый раз за много дней она по-настоящему выспалась, потому и настроение у нее было хорошее, даже приподнятое. Ей захотелось вареного яичка на завтрак. Кейт встала, надела халат и взяла ручное зеркальце. Потом, подоткнув под спину подушки, она снова уселась в постель и принялась изучать свое лицо.

Отдых творит чудеса. От боли и тревог рот деревенеет, глаза блестят нездоровым, беспокойным блеском, а мышцы на висках и на щеках и даже крылья носа неестественно напрягаются. Так выглядят захворавшие люди, старающиеся превозмочь страдания.

Перемена после ночного отдыха была в ней поразительна. Сейчас ей можно дать лет на десять меньше. Кейт оттопырила сначала верхнюю губу, потом нижнюю и внимательно осмотрела зубы. Надо почистить хорошенько. Она очень следила за зубами. Золотые мосты на месте коренных

зубов — это единственное, за чем она обращалась к дантисту. До чего же молодо выгляжу, думала Кейт. Одна спокойная ночь, и она снова в форме. Потому она их и дурачит, как маленьких. Хворая, думают, слабенькая. Хороша слабенькая, усмехнулась она про себя, — как стальной капкан. Впрочем, она всегда берегла свое здоровье: ни спиртного, ни тем более кокаина или еще чего в этом же роде, а последнее время даже от кофе отказалась. Умеренность явно шла ей на пользу. Ничего не скажешь, внешность у нее прямо-таки ангельская. Она приподняла зеркало повыше, чтобы не отражался в нем, не лез в глаза платочек на шее.

Внезапно перед ней возникло другое ангельское личико, так похожее на ее собственное, — как же его зовут?.. Черт побери, забыла… Алекс или что-то в этом роде. Она словно бы видела, как он медленно движется мимо нее, в белом стихаре с кружевом, склонив голову и касаясь нежным подбородком груди, и на волосы ему падает отблеск свеч. В руках он держит дубовый жезл, медный крест на его верхушке чуть кренится вперед. Есть в нем что-то завораживающе-прекрасное, что-то нетронутое, неприкасаемо чистое. Да, но разве что-нибудь нехорошее по-настоящему затронуло

ее самое, разве проникло в душу, запачкало ее? Только снаружи от соприкосновения с другими оставались грязные пятна. А внутри она такая же светлая и цельная, как этот юноша — Алекс его, что ли?

Кейт фыркнула: мать двоих взрослых парней, а выглядит как невинная малолетка. Если бы ее увидали, разве не заметили бы, как они похожи? Она вообразила, как они стоят рядышком, кругом народ, и все любуются ими. Интересно, что бы он… Арон, вот как его зовут… что бы он сделал, если бы узнал о ней? Братец-то его пронюхал. Проныра, сукин сын… ах, что же я говорю, нельзя так. Могут и впрямь подумать, что… Некоторые давно думают. И ведь не пригульный, не на стороне его прижила, а от священного таинства брака рожден. Кейт громко, от души рассмеялась. Забавно все-таки получается.

Только вот беспокоит он ее, этот смуглый проныра. Весь в Чарльза пошел. Кого-кого, а Чарльза она действительно уважала: он наверняка бы ее тогда прикончил.

Замечательное все-таки лекарство: боль как рукой сняло, а главное, опять придало ей уверенности в своих силах. Еще немного, и загонит заведение, а там — в Нью-Йорк, как и хотела.

Снова подумалось об Этель. Чего такую бояться? Совсем, должно быть, сдала, дуреха старая. А что, если добить ее добротой? Когда Джо найдет эту развалину, может быть… может быть, взять ее в Нью-Йорк? Чтобы при себе держать.

В голове у Кейт вдруг родилась занятная мыслишка. До чего же смешное смертоубийство будет — о таком ни одна живая душа ни под каким видом не проведает. Закормить дурочку до смерти! Пичкать ее шоколадом — коробки шоколадных конфет, вазы с помадками, обязательно ветчина, причем пожирнее и поджаренная, портвейну хоть залейся, и, само собой, масло, все пропитано маслом, и взбитые сливки, но никаких фруктов и овощей и никаких прогулок. Посиди, дорогуша, лучше дома, присмотри за порядком — нынче никому доверять нельзя. Вид у тебя сегодня усталый, приляг, нет-нет, я сама винца тебе принесу. Кстати, я тут новых конфет купила — возьми коробку прямо в постель. Что? Говоришь, нездоровится? Может, слабительное принять? Очень вкусные орешки, не хочешь попробовать? Да после всего этого она за полгода от обжорства лопнет, сучка паршивая. А глисты? Интересно, кто-нибудь использовал глисты для умерщвления? Как звали того типа, который никак напиться не мог, пото-

му что воду решетом черпал, — Тантал?

На губах у Кейт играла сладкая улыбка, ей становилось весело. Вот потеха была бы — закатить ее мальчикам прощальную вечеринку перед отъездом. Простую вечериночку, а потом показать им, сыночкам ее драгоценным, представление с девочками. Потом Кейт увидела миловидное лицо Арона, так похожее на ее собственное, и какая-то боль, непонятная и несильная, стеснила ей грудь. Хитрости в нем нет. Не умеет защитить себя. А тот, смуглый, — от него чего угодно жди. Она нутром чуяла, какой он. Кэл поборол ее, как ни крути. Ну ничего, до отъезда она ему покажет. Что, если… а правда, почему бы ему не устроить так, чтобы он подцепил триппер… Быстро приведет нахала в чувство.

И вдруг она поняла, что не хочет, чтобы Арон узнал о ней. Хорошо, если бы он приехал к ней в Нью-Йорк. Он подумает, что все это время она жила в красивом особняке на Ист-Сайд. Они будут вместе ходить в театр или оперу, бывать на людях, и все будут удивляться, какие они красивые и как похожи друг на друга. Брат и сестра? Молодая мама со взрослым сыном? Они бы и Этель похоронили вместе. Гроб придется побольше заказать и шестерых нанять, чтобы вынесли. Кейт

так развеселилась, что не услышала стука. Приоткрыв дверь, Джо заглянул в комнату и увидел ее довольное, улыбающееся лицо.

— Завтрак вот, — сказал он, подтолкнув дверь краем покрытого белой салфеткой подноса. Войдя в комнату, он прикрыл за собой дверь коленом. — Там будете? — кивнул он в сторону серой каморы.

— Нет, здесь поем. Яйцо принеси и поджаренный ломтик хлеба. Проследи, чтобы четыре с половиной минуты варили. Терпеть не могу жидкие яйца.

— Вижу, мэм, получше вам сегодня.

— Гораздо, — сказала она. — Это новое лекарство — просто чудо. А вот ты, Джо, растерзанный какой-то. Нездоровится?

— Да нет, нормально себя чувствую. — Джо поставил поднос на стол прямо перед большим креслом. — Значит, четыре с половиной минуты варить?

— Ровно четыре с половиной. И если есть, захвати яблочко посвежее, чтобы хрустело.

— Да вы отродясь столько не ели, — сказал Джо. Дожидаясь на кухне, пока повар сварит яйцо, он тревожно размышлял. Может, она пронюхала чего? Гляди в оба. Черт, чего она цепляется. Он

же, в натуре, ничего не знает. Не виноват он.

Возвратясь в комнату хозяйки, Джо доложил:

— Яблок нету. Повар говорит, что груша вот хорошая.

— Груша? Еще лучше.

Он стоял и смотрел, как она чистит скорлупу и окунает ложку в яйцо.

— Ну как?

— Замечательно! — кинула Кейт. — Просто замечательно.

— Выглядите сегодня что надо.

— Я и чувствую себя что надо. А вот на тебе лица нет. Что-нибудь случилось?

— Понимаете, мэм… — замычал словно бы нехотя Джо. — Мне сейчас незнамо как пять сотен требуется.

— Позарез… — перебила Кейт игриво.

— Чего-чего?

— Ладно, проехали… Ты что — хочешь сказать, что не нашел ее? Посмотрим, если хорошо поработал, получишь свои пять сотен. Давай-ка по порядку. — Кейт взяла солонку и вытрясла в яйцо несколько крупинок.

Джо изобразил на лице радость.

— Спасибочки, — сказал он. — Ей-ей, во как нужно… Ну, был я, значит, в Пахаро и Уотсонвил-

ле. В Уотсонвилле видели ее, сказали, в Санта-Крус подалась. Я — туда, разведал все чин-чином: верно, ошивалась там, а после куда-то смылась.

Кейт попробовала яйцо и добавила еще соли.

— И это все?

— Не, не все, — продолжал Джо. — Дай-ка, думаю, в Сан-Луис-Обиспо махну. И точно, была она там, а после как в воду канула.

— И никаких следов? Никто ничего не знает?

Джо нервно перебирал пальцами. Вся его затея, а может, и вся его жизнь зависели от того, что он сейчас скажет, и он боялся промахнуться.

— Ну, чего молчишь? — проговорила она, теряя терпение. — Выкладывай, чего у тебя там.

— Да так, ничего особенного. Сам не знаю, что об этом думать…

— А ты не думай — говори. Думать я буду, — резко оборвала его Кейт.

— Может, вранье все…

— Вот наказанье-то, господи! — рассердилась она.

— С мужиком одним я калякал. Он ее, значит, последний видел. Джо его зовут, как и меня…

— Как его бабушку зовут — не узнал? — съязвила Кейт.

— Мужик этот, значит, и говорит, набралась

она раз пива и грозилась в Салинас вернуться втихую. Дескать, должок вернуть надо. Больше этот мужик ничего не знает, потому как укатила она.

На какой-то короткий миг Кейт потеряла самообладание, но Джо засек этот миг, заметил ее тревогу, ее испуг и почти полную растерянность. Он не знал, что именно на нее подействовало, но почувствовал себя на коне. Наконец-то у него появился шанс.

Она подняла глаза со своих скрюченных рук, лежащих на коленях.

— Бог с ней, с этой бздюшкой, Джо, — сказала она. — Считай, что пять сотен твои.

Она целиком погрузилась в себя, а бедный Джо боялся дыхнуть, чтобы не спугнуть ее. Поверилатаки, поверила даже тому, о чем он и полслова не вымолвил. Ему захотелось поскорее убраться вон.

— Спасибочки, мэм, — тихо сказал он и начал бочком подвигаться к двери. Его пальцы уже легли на ручку, когда она сказала как бы между прочим:

— Кстати, Джо…

— Да, мэм?

— Услышишь чего… о ней — скажи мне, хо-

рошо?

— Обязательно. Может, мне еще поспрошать?

— Да нет, не стоит. Не так уж это важно.

У себя в комнате Джо защелкнул дверь, уселся, сложил руки на груди и, заулыбавшись, принялся прикидывать, как ему вести себя дальше. Остановился он на том, что лучше всего дать ей помозговать, к примеру, с недельку. Пусть успокоится малость, а там опять, будто ненароком, заговорить об Этель. Джо не понимал, какое оружие попало ему в руки, и не умел им пользоваться. Зато он твердо знал, что оружие опасное, и ему не терпелось пустить его в ход. Он расхохотался бы от радости, если бы знал, что Кейт заперлась в серой каморе, неподвижно сидит в своем кресле и глаза ее закрыты.

Глава 46

Иногда вдруг в ноябре на долину Салинас-Вэлли проливается дождь. Это случается так редко, что «Газета» и «Вестник» тут же откликаются на событие редакционными статьями. После дождя склоны гор и предгорья покрываются пушистой зеленью, а в воздухе разливается приятная свежесть. От дождей в такую пору земледелию никакой пользы, если только они не зарядят как следует, а это бывает чрезвычайно редко. Обычно же снова быстро настает сушь, зелень жухнет, или же побеги прихватывает заморозками, и иногда большая часть посевов гибнет.

Когда началась война, пошли сырые осени, и многие объясняли капризы погоды тем, что во Франции палят из огромных пушек. Сей предмет серьезно обсуждался в разговорах и даже в газетах.

Первую военную зиму наших войск во Франции было мало, однако миллионы проходили обучение и готовились к отправке за океан.

Война — это всегда несчастье, и в то же время она приносит в жизнь разнообразие. Германцев так и не удалось остановить. Больше того, они

снова перехватили инициативу и неудержимо двигались к Парижу. Одному Господу Богу было ведомо, когда их остановят, и остановят ли вообще. Утверждали, что если кто и спасет нас, то только генерал Першинг. В любой газете каждый день красовалась фотография: строгий, по-военному подтянутый, в щегольской форме, подбородок каменный, на гимнастерке ни единой складочки. Вот он, настоящий солдат! Но никто не знал, какие стратегические планы строились в его голове.

Мы твердо знали, что победим, а пока проигрывали одно сражение за другим. Муку, белую муку, продавали только «с нагрузкой», то есть покупатель был обязан взять еще четыре таких же веса муки серой. Люди с деньгами ели хлеб и пироги, выпеченные из белой муки, а из серой делали похлебку и скармливали ее курам.

В помещении музея нашего славного Третьего эскадрона проходила военно-строевую подготовку Гражданская гвардия, состоящая из мужчин за пятьдесят — не самый лучший, понятно, солдатский материал. И тем не менее они регулярно, два раза в неделю, проводили занятия, носили военные фуражки и гвардейские значки, отдавали друг другу распоряжения и постоянно ссорились

из-за того, кому быть командиром. Отжимаясь на полу, прямо на месте помер Уильям С. Берт. У бедняги сердце не выдержало. Во множестве расплодились минитмены, то есть охотники до коротких, одноминутных патриотических речей, которые произносились в кино и церквах. Минитмены тоже носили особые значки.

Что до женщин, то они катали из марли бинты, ходили в форме Красного Креста и считали себя ангелами милосердия. Каждая непременно что-нибудь вязала — будь то шерстяные митенки, которые надевались на запястье, чтобы солдату не дуло в рукав, или глубокие вязаные шлемы с отверстием спереди для глаз. Последние предназначались для того, чтобы предохранить голову от примерзания к новенькой металлической каске.

Самая лучшая, первосортная кожа до последнего кусочка шла на офицерские сапоги и портупеи. Портупеи были умопомрачительны, носить их имели право только офицеры. Состояли они из широкого пояса и узкого ремня, который проходил наискось по груди и пропускался через левый погон. Мы переняли портупеи у англичан, но и те, пожалуй, позабыли, для чего они первоначально предназначались — очевидно, к ним подвеши-

вались тяжеленные мечи. Мечи давно вышли из употребления, да и сабли носили только на парадах, однако же офицеры только что не спали в ремнях. Цена на хорошую портупею доходила до двадцати пяти долларов.

Мы вообще многому научились у англичан: они были хорошие вояки — иначе зачем нам было подражать им. Так, мужчины начали на их манер засовывать носовые платки под рукав, а молодые лейтенантики щеголяли с тросточками. Перед одним нововведением мы, правда, поначалу устояли — разве не глупо носить часы на руке? Нам казалось, что тут мы с бритта ни за что обезьянничать не будем.

Помимо всего прочего, среди нас обнаружились внутренние враги, и мы должны были проявлять бдительность. Сан-Хосе охватила шпиономания, и Салинасу, растущему городу, не пристало плестись в хвосте.

Лет двадцать портняжил в нашем городе мистер Фенкель. Он был маленький, круглый и говорил по-нашему так, что обхохочешься. Целыми днями он сидел на столе, скрестив по-турецки ноги, у себя в крохоткой мастерской на Алисальской улице, а вечером шел в свой чистенький домик в самом конце Центрального проспекта.

Он без конца белил стены дома и реденький штакетник вокруг него. Ни одна живая душа не замечала его смешного выговора, но как только началась война, мы вдруг спохватились: да он же немец! К нам затесался настоящий немец. Мистер Фенкель буквально разорился, покупая облигации военных займов, но это лишь усугубило его положение: ловко придумал, хочет от себя подозрение отвести.

В Гражданскую гвардию его, разумеется, не взяли — незачем выдавать шпиону секретные планы обороны Салинаса. И вообще кому нужен костюм, сшитый врагом? Мистер Фенкель все так же сидел целыми днями на столе, но делать ему было решительно нечего. По нескольку раз он метал и переметывал, сшивал и распарывал одну и ту же вещь. Каких только пакостей не строили мы мистеру Фенкелю! Он был нашим, городским немчурой. До войны, бывало, он каждый божий день проходил мимо нашего дома и ко всякому — и к взрослому, и к ребенку, и к собаке — обращался с добрым словом, и все охотно отзывались на него. Теперь же с ним никто не разговаривал, и я, как сейчас, вижу его одинокую сгорбившуюся фигуру и выражение горькой обиды на лице.

Мы с моей маленькой сестренкой тоже оби-

жали мистера Фенкеля, и при воспоминаниях об этом меня до сих пор от стыда бросает в пот и комок подкатывает к горлу. Раз вечером мы играли перед домом и увидели, как он тащится по улице мелкими шажками. На голове у него прямо сидела аккуратно вычищенная черная шляпа с твердыми полями и высокой тульей, слегка примятой сверху. Не припомню, сговорились мы с сестрой сыграть с ним злую шутку или нет, наверное, все-таки сговорились, потому что удалась она на славу.

Когда он подошел поближе, мы вышли из калитки, не спеша пересекли улицу и остановились на обочине. Мистер Фенкель поравнялся с нами и, улыбнувшись, сказал:

— Топрый фечер, Тшон, топрый фечер, Мэри.

Стоя рука об руку, мы с сестрой разом выкрикнули: «Hoch der Keiser!»[14]

Я до сих пор словно бы вижу его лицо, его удивленные и испуганные голубые глаза. Он хотел что-то сказать, но не выдержал и заплакал, даже не пытаясь скрыть слезы. И что бы вы думали? Мы с сестрой отвернулись, как ни в чем не бывало перешли улицу и скрылись за калиткой.

---

[14] Примечания: 14
«Ура кайзеру!» (нем.)

Нам было стыдно. Мне и сейчас стыдно, когда я вспоминаю об этом.

И все же мы, дети, не могли причинить особого вреда мистеру Фенкелю. Для этого потребовалась толпа взрослых здоровых мужчин, человек в тридцать. Однажды в субботу они собрались в какой-то пивной и оттуда шеренгами по четыре двинулись по Центральному проспекту, подзуживая себя выкриками в такт маршу. Они в щепки разнесли побеленный заборчик у мистера Фенкеля и подожгли крыльцо. Ни один кайзеровский прихвостень не уйдет от нас! Теперь Салинас может прямо смотреть в глаза Сан-Хосе.

Теперь уже и Уотсонвилль, разумеется, не пожелал оставаться в стороне. Там вымазали дегтем и выкатали в перьях какого-то поляка, которого приняли за немца, потому что он тоже говорил с акцентом.

Словом, в Салинасе делали все, что в военное время неминуемо делается повсюду, и думали так же, как принято думать в такую пору. Мы, словно дети, радовались хорошим новостям и помирали со страха, когда приходили дурные. Каждый непременно знал что-нибудь этакое и считал своим долгом непременно рассказать, понятно, под секретом, другим. Жизнь в городе

изменилась, как она всегда меняется в трудные времена. Росли цены и заработки. Слухи о нехватке продуктов заставляли хозяек закупать всё впрок. Благовоспитанные, чинные дамы глаза были готовы выцарапать друг другу из-за какой-то банки помидоров.

Но в нашей жизни было не только плохое, мы видели не только низость или психоз, но и что-то высокое, даже героическое. Некоторые добровольно записывались в армию, хотя могли преспокойно отсидеться дома. Другие отказывались от военной службы по моральным или религиозным соображениям и приняли крестные муки, которые, как ведется, выпадают на долю несогласных. Третьи отдавали все, что имели, для победы, потому что шла последняя, решительная война, и надо было выиграть ее, чтобы удалить ядовитый шип из тела человечества и избавить его от этой чудовищной бессмыслицы.

Никакого величия в смерти на поле боя нет. Чаще всего такая смерть являет собой отвратительное зрелище: растерзана живая человеческая плоть, пролита горячая кровь. Но есть величие и какая-то почти неизъяснимая сладость в той безграничной, беспредельной и неизбывной печали, которая охватывает близких, когда при-

ходит телеграфное извещение о гибели сына, мужа или брата. Что тут скажешь, тем паче — что поделаешь, и только теплится в душе одно-единственное утешение: может, не мучился, милый. Но до чего же слабо и безнадежно это последнее утешение. Правда, были и такие, кто — едва только притуплялась боль от потери — начинал гордиться ею и важничать. После войны кое-кто из них даже обратил потерю себе на пользу. Это вполне естественно, так же, как естественно наживаться на войне для тех, кто всю жизнь посвятил наживе. Никто не упрекал человека за то, что кровь приносит ему деньги, — он должен был всего лишь вложить часть добычи в облигации военных займов.

Мы, салинасские, воображали, будто сами придумали все это, в том числе и печаль.

Глава 47
1

В доме у Трасков появилась карта Европы. Ли и Адам утыкали ее цветными булавками, обозначив извилистую линию Западного фронта, и это придавало им чувство причастности к происходящему за океаном. Когда умер председатель призывной комиссии мистер Келли, на его место назначили Адама. Он был самой подходящей кандидатурой на этот пост. Холодильная фабрика много времени не отнимала, у него был безупречный послужной список в армии и увольнение с благодарностью.

Адам Траск повидал войну, правда, малую, состоящую из погонь и побоищ, но, во всяком случае, он сам пережил то, что бывает, когда переиначивают все законы нормальной жизни и человеку дозволяют убивать других людей.

Он плохо помнил свое боевое прошлое. Конечно, многое отчетливо вставало в воспоминаниях: чье-то искаженное лицо, груда обгоревших трупов, клацанье ножен при быстрой, сбивающейся на бег ходьбе, нестройные рваные залпы из ка-

рабинов, холодный режущий голос горна по вечерам. Но эти картины, запечатлевшиеся в памяти, были словно бы мертвые. В них не было ни движения, ни волнения — скорее, просто картинки в книге, да и то не очень хорошо нарисованные.

Адам ревностно отдавался работе, но им владела печаль. Он не мог побороть ощущения, что, признавая молодых людей годными к воинской службе, он тем самым выносит им смертный приговор. Чем сильнее его мучили сомнения, тем более дотошным он становился и непримиримым ко всяким отговоркам в сложных, спорных случаях. Он брал списки призывников домой, навещал их родителей и беседовал с ними — словом, делал гораздо больше, чем от него требовалось. Он был в положении судьи, который отправляет людей на виселицу, ненавидя казнь.

Генри Стэнтон с тревогой наблюдал, как худеет и замыкается в себе Адам, потому что сам он любил веселье, просто жить без него не мог. Ему было тошно смотреть на кислую рожу коллеги.

— Да брось ты переживать, — твердил он Адаму. — Тебя что, война больше других касается? Не ты ее начал, верно? Тебя на это место поставили, чтобы ты действовал по правилам. Вот и

действуй! Не ты у нас главнокомандующий.

Адам повернул створки жалюзи, чтобы полуденное солнце не било в глаза, и уставился на испещренную резкими параллельными тенями столешницу.

— Да понимаю я, — сказал он досадливо, — все понимаю! Хуже всего, когда надо принимать решение. Когда от тебя зависит «годен» или «не годен». Я вот парня судьи Кендела годным признал, а его взяли и убили на тренировочных стрельбах.

— Ты-то тут при чем, чудак-человек! Хочешь, совет дам? Лучше нет, как вечером стаканчик пропустить. Или же в кинематограф сходи… спится потом замечательно. — Генри засунул оба больших пальца под жилет и откинулся на спинку стула. — Раз уж мы об этом заговорили, я тебе вот что скажу. От твоих беспокойств никакой пользы ребятам нету. Меня бы и уговорил какой, а ты — нет, «годен», и точка.

— Знаю я, — ответил Адам. — Генри, это еще долго протянется, как ты думаешь?

Генри испытующе посмотрел на него, потом вытащил карандаш из нагрудного кармана жилета, набитого бог весть чем, и потер резинкой на его кончике о крупные белые зубы.

— Понятно, — негромко сказал он.

— Что — «понятно»? — словно встряхнулся Адам.

— Не заводись. Я только сейчас подумал, как мне повезло. У меня-то — девчонки.

Адам медленно провел пальцем по длинной тени от жалюзи.

— Угу, — выдохнул он.

— До твоих ребят черед не скоро дойдет.

— Угу. — Его палец переместился на солнечную полосу и так же медленно двинулся по ней.

— Жуткое дело… — выговорил Генри.

— Что именно?

— Не представляю, как это своих сыновей свидетельствовать.

— Я бы ушел с этого места.

— Верно, лучше уйти. А то ведь захочется негодными их признать, своих-то.

— Нет, — возразил Адам. — Я бы по другой причине ушел. Просто не смог бы не признать их годными. Как раз своим-то нельзя поблажки делать.

Сплетя пальцы, Генри сложил ладони в один большой кулак и выставил его перед собой на столе. Лицо у него было озабоченное и хмурое.

— Да, — сказал он, — тут ты прав. Своим ника-

ких поблажек.

Генри любил веселье и потому старался избегать серьезных и тяжелых тем, так как путал их с неприятными.

— Как там у Арона жизнь в Стэнфорде?

— Хорошо. Пишет, что заниматься много приходится. Но рассчитывает справиться. Скоро День благодарения, вот на праздники и приедет.

— Надо поглядеть на него. Вчера вечером Кэла на улице встретил. Шустрый он у тебя.

— Шустрый. Только экзамены в колледж на год раньше он не сдавал.

— Ну и что? Может, у него планида другая. Я, к примеру, в колледже не учился. А ты?

— Я тоже, — сказал Адам. — В армию пошел.

— Армия — дело полезное. Ручаюсь, что не жалеешь.

Адам медленно встал из-за стола, взял шляпу с оленьих рогов на стене.

— Будь здоров, Генри, — сказал он.

2

Адам шел домой и думал, какую же ответственность он взял на себя. Когда он уже подходил к дверям, из булочной Рейно вышел Ли с длинным

румяным батоном в руках.

— Чесночного хлебца захотелось, — сказал он.

— Я бы тоже поел, с жареным мясом.

— А я как раз поджарил мясо. Письма есть?

— Забыл в ящик заглянуть.

Они вошли в дом, и Ли тут же отправился на кухню. Через минуту туда пришел Адам, сел за стол.

— Ли, — начал он, — представь, наша комиссия берет парня в армию, а его убивают. Несем мы за это ответственность или нет?

— Раз уж начали, все говорите. Я хочу иметь полную картину.

— Ну, допустим, у нас есть сомнение — вполне ли он подходит. Тем не менее мы его берем, и он гибнет.

— Понятно. А все-таки что вас больше беспокоит — ответственность или вина?

— Вины за собой я не чувствую.

— Да, но иногда бремя ответственности еще тяжелее. При ответственности никакого тебе сладостного утешения: венок мученика не напялишь.

— Я все думаю о том… помнишь, как Сэм Гамильтон, ты и я насчет одного слова спорили… — сказал Адам. — Как его?..

— А-а… «Тимшел» это слово.

— Вот-вот, «тимшел». И ты еще сказал…

— Я сказал, что в этом слове заключено все величие человека. Если, конечно, он хочет быть великим.

— Помню, что твое объяснение очень понравилось Сэму Гамильтону.

— В этом слове — залог свободы. Оно дает человеку право быть личностью, быть непохожим на других.

— Непохожий, он всегда одинок, — задумчиво произнес Адам.

— Все великое и истинное тоже одиноко.

— Какое, ты говоришь, это слово?

— «Тимшел», то есть «ты можешь» по-нашему.

3

Адам с нетерпением ждал Дня благодарения и приезда сына. Хотя тот пробыл в колледже совсем недолго, память уже подводила Адама и преображала в его сознании Арона — любимый человек вообще преображается на расстоянии. После отъезда Арона в доме почему-то стало тихо, и любая мелкая неприятность как бы сама собой связывалась с его отсутствием. Адам поймал себя

на том, что начинает хвастаться сыном перед людьми, рассказывая им, какой он способный и как удачно, на целый год раньше, школу окончил, хотя люди были чужие, и Арон не особенно интересовал их. Он решил, что в День благодарения в доме надо устроить настоящий праздник, чтобы сын знал, как ценят его успехи.

Арон снимал комнату в Пало-Альто, и каждый день ему приходилось идти целую милю пешком до университетского городка и потом столько же обратно. Его не оставляло чувство покинутости. До приезда сюда университет виделся ему в какой-то прекрасной туманной дымке. Он не задумывался, как возникла в его сознании эта картина, но представлял себе юношей с чистым взором и целомудренных дев, все они в студенческих мантиях и собираются вечерами — там всегда вечер — на вершине лесистого холма у белоснежного храма, у них сияющие, одухотворенные лица, и голоса сливаются в сладкозвучном хоре. Арон не знал, откуда он почерпнул этот образ университетской жизни, может быть, из иллюстраций Доре к Дантову «Аду», на которых красуются тучи лучезарных серафимов. Университет, основанный Лиландом Стэнфордом, был совершенно не похож на выдуманные Ароном

картинки. Правильный квадрат, образованный строениями из красного песчаника и поставленный в чистом поле; церковь с итальянской мозаикой по фронтону; аудитории, обшитые лакированными панелями из сосны; возвышение и распад студенческих братств, которые словно отражали извечную вражду и междоусобицы соседних народов. А осиянные серафимы оказались всего лишь парнями в замызганных вельветовых штанах — одни ошалели от зубрежки, другие успешно осваивали пороки отцов.

Раньше Арон не задумывался, что у него есть дом, но теперь безумно тосковал по дому. У него не возникало никакого желания узнать свое окружение, тем более войти в него. После всех его мечтаний беготня, гвалт и сальные шуточки студиозов приводили его в ужас. Из просторного дортуара при колледже он переселился в убогую меблирашку и там принялся выстраивать и украшать новую мечту, которая только-только появилась на свет. Отсидев положенные лекционные часы, он спешил в свое новое, неприступное убежище и, выбросив из головы университетскую суетню, радостно погружался в нахлынувшие воспоминания. Дом, стоявший рядом с пекарней и булочной Рейно, становился близким и дорогим,

и в том доме — Ли, лучший на свете наставник и старший товарищ, отец — невозмутимое, надежное божество и брат — умница и заводила, и есть еще Абра… из Абры он вообще сотворил бесплотный, беспорочный образ — и влюбился в него по уши. Поздно вечером, покончив с занятиями, он принимался за очередное еженощное послание к ней — так же, как иные регулярно принимают ароматическую ванну. И чем чище, прекрасней и лучезарней становилась Абра, тем большую радость извлекал он из мысли о собственной греховности. Он лихорадочно изливал на бумаге ликующее самоуничижение и потом ложился в постель такой же очищенный и опустошенный, как после совокупления с женщиной. Он тщательно описывал малейший дурной помысел и тут же каялся в нем. В результате его любовные письма переполнялись желанием, и Абре было не по себе от их высокопарного штиля. Откуда ей было знать, что его состояние — это довольно-таки обычная форма созревания полового чувства.

Он совершил ошибку. Он признает это, но исправить ее пока не может. Значит, так и договоримся: на День благодарения — домой, а там будет видно. Может быть, он вообще бросит университет. Арон вспомнил, что однажды Абра

высказала пожелание жить с ним на ферме, и эта идея завладела его воображением. Он вспоминал высоченные дубы, чистый животворный воздух, свежий, напоенный полынью ветер с гор, играющий пожелтевшей листвой. Ему казалось, что он видит Абру: она стоит под деревом, ждет, когда он придет с поля. Спускается вечер. Так они и будут жить, отдыхая после дневных трудов, честно, чисто, в мире с соседями, отгороженные от них неглубоким овражком. Там он укроется от грязи, укроется под покровом вечера.

Глава 48
1

В конце ноября умерла Негритянка. Согласно воле покойной, хоронили ее просто, безо всякой пышности. Гроб из черного дерева и с серебряными ручками был с утра выставлен в часовне Мюллера. Худое строгое лицо усопшей казалось еще строже и аскетичнее от мигания больших свечек по четырем углам гроба.

Муж Негритянки, маленький, щуплый чернокожий, сидел, сгорбившись, у изголовья гроба, справа, пребывая в такой же неподвижности, как и она сама. Не было ни цветов, ни панихиды, ни молитвы, ни проявлений печали. Но весь день к часовне тянулась пестрая вереница горожан, они на цыпочках переступали порог, заглядывали внутрь и молча шли прочь. Кого там только не было! Адвокаты и работники, чиновники и банковские кассиры, в большинстве своем люди пожилые. Девушки Негритянки тоже пришли, они по одной заходили внутрь последний раз взглянуть на хозяйку и понабраться у нее чинности и везения.

Из Салинаса ушла целая часть городской жизни — темная роковая сила пола, такая же неотвратимая и горестная, как смерть. Все так же потом ходил ходуном от рева граммофона, топота и гогота бордель развеселой Дженни. Все так же заходились потом в порочном экстазе мужчины в комнатах Кейт и уходили оттуда опустошенные, ослабевшие и как бы даже напуганные тем, что с ними произошло. Но строгое таинство слияния тел, напоминавшее шаманское жертвоприношение, ушло из города навсегда. Согласно завещанию, похоронная процессия состояла из катафалка и легкового автомобиля, где на заднем сиденье забился в угол низкорослый щуплый негр. День выдался серенький. С помощью жирно смазанной бесшумной лебедки могильщики опустили гроб в яму, катафалк уехал, и супруг, взяв в руки новенькую лопату, принялся забрасывать могилу землей, а до служителя, который поодаль полол сухие сорняки, ветерок доносил негромкий плач.

Джо Валери и Боров Биверс потягивали в «Сове» пиво, но тоже пошли последний раз взглянуть на Негритянку. Боров смылся пораньше, так как ему надо было поспеть на аукцион в Нативидаде, чтобы закупить несколько голов беломордой

керефордской породы для стада Тавернетти.

Выйдя из часовни, Джо столкнулся с Элфом Никельсоном, тем самым тронутым Элфом Никельсоном, который каким-то образом сохранился с незапамятных и невозвратимых времен. Элф был мастер на все руки: плотник, жестянщик, кузнец, монтер, штукатур, точильщик, сапожник. Элф умел делать что угодно, кроме как зарабатывать деньги, хотя и вкалывал от зари до зари. Он знал всё и вся, начиная чуть ли не с сотворения мира.

В былые времена, когда Элф был еще на коне, самыми желанными и полезными гостями в любом доме были белошвейки и мастеровые. Именно они подхватывали городские слухи, и именно от них шла молва. Элф мог рассказать о каждом, кто жил на Главной улице. Жадный до новостей, он был неистощимый сплетник, язва и злослов, хотя зла ни к кому не питал.

Элф глянул на Джо, словно бы припоминая что-то.

— Постой, постой, — сказал он. — А ведь я тебя, кажется, знаю.

Джо бочком от него. Он терпеть не мог людей, которые его знают.

— Ну да, точно! Ты у Кейт служишь, верно?

У Джо камень с души свалился. А он-то подумал,

что Элф о его прошлом прослышал.

— Верно, — отозвался Джо коротко.

— У меня память на лица знаешь какая, — сказал Элф. — Я тебя видел, когда эту дурацкую пристройку ей к дому ставил. На кой дьявол она ей? Даже окно делать не велела.

— Захотела, чтоб света поменьше, — объяснил Джо. — Глаза у нее болят.

Элф фыркнул. Ни в жизнь не поверит, что все так просто и гладко. Такому скажешь: «Доброе утречко!», а он это сразу в какой-нибудь тайный знак оборачивает. Элф был убежден, что у каждого есть секрет, каждый что-то скрывает, и ему одному известно, как в этот секрет проникнуть.

Элф кивнул в сторону часовни:

— Событие, ничего не скажешь. Старая гвардия почти вся перемерла. Пердунья Дженни последняя осталась. Но пока на здоровье не жалуется.

Джо было не по себе. Ему хотелось поскорее отвязаться от Элфа, и тот нутром чуял беспокойство Джо. У него был нюх на тех, которые хотят от него отвязаться. Если вдуматься, как раз поэтому, наверное, у него полно всяких россказней. Кому не захочется о другом что-нибудь этакое услышать, если уж случай выпал. Все мы в душе сплетники, и порядочные. Элфа не очень-то жаловали за его

байки, но слушать слушали. Он понимал, что Джо сейчас отговорку придумает и смоется, а ему не хотелось упускать парня: маловато он в последнее время о Кейтовом борделе слышал. Может, удастся разнюхать что-нибудь новенькое в обмен на старенькое.

— Да, было времечко, — начал Элф. — Ты-то, натурально, еще пацаном был…

— Мне тут с одним встретиться надо, — сказал Джо.

Элф притворился, будто не слышит.

— Взять, к примеру, Фей, — продолжал он. — Во баба! — И добавил как бы между прочим: — Слыхал небось, она раньше вместо Кейт мадамой была. Как Кейт заведением завладела, никто в точности не знает. Тайна, покрытая мраком. А у некоторых вообще подозрения имеются. — Элф с удовольствием отметил про себя, что «одному», с которым должен встретиться Джо, ждать придется долгонько.

— Какие же такие подозрения? — спросил Джо.

— Бес их знает! Народ, известно, болтать любит. Может, ничего и не было. Только сдается мне, что-то там не то.

— Пивком не побалуемся? — предложил Джо.

— Вот это ты в самую точку, — обрадовался

Элф. — Говорят, мужик после похорон на бабу лезет. Староват я стал, не такой прыткий, как раньше. На покойника теперь гляну, сразу в глотке сохнет. А Негритянка, что ни говори, фигура была, деятель. Я об ней такое порассказать могу… Тридцать пять годков ее знаю… не, тридцать семь.

— А кто это такая — Фей? — спросил Джо.

Они отправились в салун мистера Гриффина на Главной улице. Мистер Гриффин недолюбливал все, что связано со спиртным, а пьяниц вообще презирал до смерти. Тем не менее он держал питейное заведение, которое назвал Салуном Гриффина, хотя по субботам, бывало, отказывался обслуживать тех, кто, по его мнению, уже достаточно хлебнул, а таких набиралось десятка два. Благодаря такой странности в салуне всегда был полный порядок, тишина и прохлада, и от клиентов отбою не было. Сюда приходили обговорить сделку и вообще потолковать без помехи.

Джо и Элф сели за круглый столик и заказали по три порции пива. Чего только не наслушался Джо — несомненные факты мешались с сомнительными слухами, удачные догадки с низкими подозрениями. В конце концов он совершенно запутался, но некоторые выводы все-таки

сделал. Кое-что не вязалось в болезни и смерти Фей. Очень может быть, что Кейт — супружница Адама Траска. Он это в момент усек: если Траск не захочет огласки, его можно здорово подоить. А вообще-то в этой истории с Фей сильно пахло жареным. Правда, тут и обжечься недолго. Надо хорошенько умом пораскинуть, потом, когда один останется.

По прошествии двух часов Элф забеспокоился. Джо явно увиливал. Ничем не поделился в обмен: ни единой новости, ни одной мало-мальской догадки. Элф призадумался. Парень язык за зубами держит, значит, ему есть что скрывать. Кого бы порасспросить о нем?

— Только ты правильно пойми, — заключил Элф, — я против Кейт ничего не имею. Она работенку мне подкидывает и расчет не откладывает, и не прижимистая. Конечно, говорят об ней, но, может, это брехня одна. А все-таки, если мозгами пошевелить, железная она баба. Иной раз глянет — мороз по коже. Как, по-твоему?

— У меня все путем.

Элф обозлился на Джо за его скрытность и закинул еще один крючок.

— Мыслишка у меня была, — сказал он. — Когда я ей пристройку эту темную ставил. Глянула

она эдак на меня, тут, значит, и пришла мыслишка-то. Вдруг она выпить мне предложит или куличиком угостит? Тут я и брякну: «Спасибочки, мэм, не хочется». Как она это проглотит, а? Ежели знает, что об ней говорят?

— У нас с ней все путем, — твердил Джо. — Пойду я, встретиться с одним надо.

Джо закрылся у себя, чтобы спокойно все обдумать. Ему было не по себе. Он вскочил с места, распахнул чемодан, выдвинул ящики в комоде. Ему показалось, что кто-то шарил в его вещах. Бред, ничего он тут не прячет, а все равно боязно. Джо старался разобраться в том, что услышал от Элфа.

В дверь постучали, вошла Тельма с распухшими от слез глазами и покрасневшим носом.

— Что это на Кейт нашло?

— Болеет она.

— При чем тут болеет? Взяла я кувшин из-под сока, коктейль молочный делаю, а она врывается на кухню и, как тигра, на меня.

— Может, ты бурбону в коктейль подмешала.

— Ни капельки! Только ванильного экстракта добавила. Не имеет она права на меня орать.

— Мало ли что не имеет.

— Я не потерплю…

— Еще как потерпишь, дорогуша. И вообще вали отсюда!

Тельма посмотрела на него своими красивыми темными задумчивыми глазами и, собрав все свое женское достоинство, сказала:

— Джо, ты взаправду форменный сукин сын или только притворяешься?

— Тебе-то что?

— Мне — ничего, — ответила Тельма. — Сукин ты сын.

2

Джо порешил действовать осторожно, не спеша, хорошенько поразмыслив. Раз выпал шанс, надо им как следует воспользоваться, твердил он себе.

Вечером, как обычно, Джо пошел к Кейт, чтобы получить от нее распоряжения. Распоряжения он получил и заодно выведал кое-что из того, что было у хозяйки на уме. Кейт сидела за бюро, надвинув на глаза защитный зеленый козырек, и даже не оглянулась, когда он вошел. Она коротко и четко перечислила, что надо сделать, и продолжала:

— Послушай, Джо, ты не очень-то за домом

присматривал, пока я болела. Теперь вот поправилась, можно сказать, совсем поправилась.

— Случилось чего?

— Возьми Тельму. По мне, пусть лучше она виски побалуется, чем ванильным экстрактом. А вообще-то я не хочу, чтобы девушки пили. Распустил ты их.

Джо лихорадочно соображал, что бы сказать.

— Занят я был.

— Занят?

— Ну да. Ваше дело раскручивал.

— Дело? Какое дело?

— Как какое? Насчет этой, как ее… Этель.

— Да хватит о ней!

— Хватит так хватит, — буркнул Джо, и вдруг у него вырвалось, сам не ожидал: — Вчера случайно встретил одного, видел он ее.

Если бы Джо не изучил Кейт, он не придал бы никакого значения внезапному, напряженному молчанию, длившемуся ровно столько, сколько требуется, чтобы сосчитать до десяти. Потом Кейт негромко спросила:

— Где?

— У нас в городе.

Кейт медленно повернулась с креслом к нему.

— Да, Джо, напрасно я заставила тебя вслепую

работать. Кому хочется признаваться в собственных ошибках, правда? Но выходит, обязана. Ты ведь помнишь, это я устроила, чтобы ее из округа выгнали. Я думала, что она меня обворовала. — Голос у Кейт сделался грустный. — Так вот, я ошиблась. Я потом нашла эту вещь. С тех пор меня совесть мучит. Не сделала она мне ничего плохого. Поэтому я хочу разыскать ее и попросить прощения. Тебе, наверное, странно это слышать.

— Да нет, мэм.

— Разыщи ее, Джо, пожалуйста. Мне самой лучше станет, если я отблагодарю ее, бедняжку.

— Постараюсь, мэм.

— И смотри, Джо… если деньги понадобятся, не стесняйся. Когда найдешь, передай ей мои слова. Если вдруг не захочет сама прийти, узнай, куда ей позвонить, хорошо? Деньги нужны?

— Пока нет. Только мне придется почаще из дому отлучаться.

— Не возражаю. Ну а теперь ступай, Джо.

Джо хотелось обнять самого себя. Выйдя в коридор, он схватился за локти от переполнявшей его радости. Ему уже начинало казаться, что он сам всю эту штуку подстроил. Он прошел полутемную гостиную — тут и там вспыхивали и угасали негромкие разговоры: час был ранний, — вышел

на крыльцо и поглядел на косяки звезд, плывущие сквозь гонимые ветром облака.

Джо вспомнил своего вечно ворчащего отца и то, что однажды старик сказал. «Следи, которые суп носят, — говорил он. — Ежели дамочка с супом к одному и тому же ходит, значит, добивается чевой-то. Зарубку на память сделай».

«Суп носит, — повторил про себя Джо. — Я думал, похитрее она». Он еще раз перебрал слова, произнесенные Кейт, припомнил, как она их говорила, чтобы не пропустить чего-нибудь важного. И тут же ему на ум пришло сказанное Элфом: «Вдруг она выпить мне предложит или куличиком угостит...»

3

Кейт сидела за бюро. Она слышала, как шумит на дворе ветер в высоком кустарнике, и в беспокойной, ветреной тьме мерещилась ей повсюду неряшливая, расплывчатая, как медуза, Этель. Ее охватила бессильная досада.

Она пошла в серую камору, закрыла за собой дверь и долго сидела там, чувствуя, как снова заныли пальцы и стучит в висках. Она дотронулась до цилиндрика с капсулой, висящего на цепочке

на груди, — он был теплый от тела, — потерла им о щеку, и к ней вернулось самообладание. Кейт сполоснула лицо, попудрилась, покрасила губы и взбила волосы. Потом она вышла в коридор и, как обычно, остановилась перед дверью в гостиную и прислушалась.

В уголке справа от двери две девушки болтали с каким-то мужчиной. Едва Кейт переступила порог, разговор сразу же прекратился.

— Елена, — сказала она, — мне нужно поговорить с тобой, если ты не занята.

Девушка, светлая блондинка с гладким, словно фарфоровым личиком последовала за Кейт в ее комнату.

— Что-нибудь случилось, мисс Кейт? — спросила она боязливо.

— Нет, ничего особенного. Сядь. Скажи, ты на похоронах Негритянки была?

— А разве нельзя?

— Не о том речь. Была?

— Да, мэм, была.

— Расскажи, как это было.

— Что рассказать?

— Все, что запомнила. Как это было.

— Как было? — Елена ужасно волновалась. — Ну страшно, конечно, и… красиво.

— Что значит «страшно» и «красиво»?

— Что значит? Ну… ни цветов, ни молитвы, ничего, а все равно так прилично все, торжественно. Негритянка лежит себе, гроб черный, из черного дерева, а ручки серебряные, огромные, черт, сроду таких не видела. И от всего этого ты вроде… как бы это сказать… нет, словами не опишешь.

— Ладно, уже описала. Что на ней было надето?

— Надето?

— Ну да, надето. Не голая же она лежала, верно?

По лицу Елены было видно, что она изо всех сил старается припомнить, но напрасно.

— Н-не знаю, — выдавила она наконец. — Не помню.

— А на кладбище ходила?

— Нет, мэм. Кроме него, никто не пошел.

— Кроме кого?

— Кроме ее мужа.

Кейт быстро спросила, может, даже слишком быстро:

— У тебя сегодня постоянные есть?

— Нет, мэм, народу мало. Завтра же День благодарения.

— Ах да, я чуть не позабыла, — сказала Кейт. —

Ну ступай! — Она проводила Елену глазами и быстро вернулась к бюро. Глаза ее смотрели на длинный счет от водопроводчика, а рука сама потянулась к груди и дотронулась до цепочки. Цепочка на шее успокаивала и придавала силы.

Глава 49
1

Ли и Кэл пытались отговорить Адама от намерения встречать Арона на вокзале. Тот должен был приехать ночным экспрессом «Жаворонок», курсирующим между Сан-Франциско и Лос-Анджелесом.

— Пусть Абра одна на вокзал пойдет, — говорил Кэл. — Он все равно первым делом ее захочет увидеть.

— И я думаю, что остальных он просто не заметит, — вторил ему Ли. — Зачем идти без толку?

— А мне хочется посмотреть, как он из вагона выходить будет, — стоял на своем Адам. — Он, должно быть, сильно переменился. Хочу поглядеть, какой он теперь.

— Да его всего два месяца не было, — сказал Ли. — За это время не очень-то переменишься и старше не станешь.

— И все-таки он переменился. Новое окружение, и вообще.

— Если ты пойдешь, нам тоже придется, — сказал Кэл.

— Ты что, не хочешь поскорее повидаться с братом? — строго спросил Адам.

— Я-то хочу, это он не захочет… то есть со мной с первым.

— Захочет, — сказал Адам. — Ты плохо Арона знаешь.

Ли примирительно поднял ладони кверху:

— Я вижу, мы все идем.

— Вы только представьте, как много нового он узнал! — увлеченно продолжал Адам. — Я не удивлюсь, если он и говорит теперь по-другому. Ты знаешь, Ли, учащиеся на Востоке привыкают изъясняться так, как принято в их учебном заведении. Гарвардского студента, например, сразу отличишь от принстонского. Так по крайней мере утверждают.

— Что ж, послушаем, — сказал Ли. — Интересно, на каком диалекте изъясняются в Стэнфорде? — Он, улыбаясь, подмигнул Кэлу.

Адам не видел в этом решительно ничего смешного.

— Ты поставил ему в комнату фрукты? — спросил он. — Арон обожает фрукты.

— Конечно, поставил, — ответил Ли. — Груши, яблоки и виноград «мускат».

— Да-да, он любит «мускат», я хорошо помню.

Адам так торопился и торопил других, что они пришли на вокзал за полчаса до прибытия поезда. Абра была уже там.

— Обидно, но я завтра не поспею к обеду, — сказала она Ли. — Отец хочет, чтобы я дома была. Попозже приду, как только освобожусь.

— Что-то ты запыхалась, — заметил Ли.

— А вы?

— Я, наверное, тоже. Погляди-ка на пути, может, там уже «зеленый» дали?

Почти для всех нас железнодорожное расписание является предметом гордости и причиной постоянного беспокойства. Когда вдали на светофоре вместо красного света зажегся зеленый, когда из-за поворота полоснул длинный тонкий луч паровозного прожектора и ярко осветил вокзал, мужчины разом посмотрели на часы и удовлетворенно сказали: «Точно приходит».

Точность не только придает нам гордость, но и приносит облегчение. Мы теперь уже склонны считать доли секунды. Все плотнее переплетаются и соединяются в одно дела человеческие, и появляется необходимость мерить время десятой долей секунды, потом придется придумывать название для сотой доли, тысячной и так далее, пока в один прекрасный день мы не воскликнем:

«Какого черта? Чем плох час?» — хотя я лично в это не верю. Но наше внимание к ничтожно малым единицам времени — отнюдь не глупая прихоть. Случись что-нибудь чуточку раньше или чуточку позже, расстроится весь порядок вещей, одна поломка вызовет другую, потом третью, и они будут расходиться кругами, как волны от камня, брошенного в спокойный пруд.

«Жаворонок» влетел на станционные пути с такой скоростью, что казалось, будто он вообще проскочит мимо. Уже промелькнули локомотив и багажные вагоны, и лишь потом раздалось шипенье и скрежет тормозов, и состав, дергаясь и дребезжа, начал сбавлять ход и наконец остановился.

Из вагонов высыпала немалая, по салинасским меркам, толпа. Люди приехали домой или погостить на праздник, в руках у них были картонки и пакеты в яркой подарочной бумаге. Наши герои искали глазами Арона, а когда увидели его, он показался им солиднее, чем раньше.

На нем была модная, с плоским верхом и узкими полями шляпа. Заметив их, он сорвал шляпу и кинулся бегом навстречу, и они увидели, что его пышные волосы коротко подстрижены и торчат ежиком. Глаза его сияли, и все засмеялись от

радости, глядя на него.

Арон бросил чемодан и одним махом поднял Абру. Потом поставил ее на землю и подал Адаму и Кэлу руки.

Он так сильно обнял Ли, что у того кости захрустели.

По пути домой говорили без умолку и все разом: «Ты-то как?», «Прекрасно выглядишь», «Абра, ты так похорошела!».

— Какое там похорошела. Ты зачем подстригся?

— Да все так носят.

— Жалко, у тебя такие замечательные волосы.

Они быстро вышли на Главную улицу, через квартал свернули на Центральный проспект, прошли мимо булочной Рейно, в витринах которой красовались батоны французского хлеба, и черноволосая миссис Рейно помахала им белой, в муке, рукой, и вот они — дома.

— Как насчет кофе, Ли? — спросил Адам.

— Я еще до ухода заварил. На медленном огне стоит.

На столе уже были расставлены чашки. И тут все поняли, что они вместе: Арон и Абра на диване, Адам в кресле у стоячей лампы, Ли разливает кофе, Кэл прислонился к дверному косяку.

Настала минута, когда первая радость от встречи уже прошла и еще рано начинать другие разговоры. Нарушил молчание Адам:

— Ну, рассказывай обо всем по порядку. Баллы-то какие получаешь — высокие?

— Экзамены только в следующем месяце, отец.

— Ах да. Ну ничего, все сдашь прекрасно. Я уверен.

По лицу Арона промелькнуло неудовольствие.

— Я вижу, ты устал, — сказал Адам. — Хорошо, завтра поговорим.

— А я вижу, что не устал, — возразил Ли. — Я вижу, ему одному хочется побыть.

Адам поглядел на Ли и сказал:

— Ну да, конечно, конечно. Тогда мы пошли спать?

Спасла положение Абра.

— Я не могу долго засиживаться, — сказала она. — Арон, может, ты проводишь меня? Завтра я опять приду.

На улице Арон прижал к себе ее руку. Он весь дрожал.

— Мороз будет.

— Ты рад, что приехал? — спросила Абра.

— Еще бы! Нам надо о многом поговорить.

— О хорошем?

— Думаю, тебе понравится.

— Очень уж ты серьезный сегодня.

— Это на самом деле серьезно.

— Когда тебе нужно возвращаться?

— В воскресенье вечером.

— Ну, тогда у нас масса времени. Я тоже хочу кое-что рассказать тебе. У нас, значит, есть завтра, пятница, суббота и почти все воскресенье. Слушай, ты не рассердишься, если я не приглашу тебя зайти сейчас к нам?

— Почему?

— Потом скажу.

— Скажи сейчас.

— У отца очередной бзик.

— Из-за меня дуется?

— Да, из-за тебя. Я к вам завтра на обед не смогу прийти. Но дома много есть не буду, у вас поем. Скажи Ли, чтобы оставил мне индюшки.

Абра чувствовала, что Арона одолевает робость. Его рука на ее руке разжалась, он молча поднял на нее глаза.

— Напрасно я тебе сегодня сказала.

— Нет, не напрасно, — отозвался он медленно. — Скажи, только честно: ты не передумала? Ты выйдешь за меня?

— Выйду.

— Тогда все в порядке. Я пошел. Завтра поговорим.

Абра стояла на крыльце, чувствуя на губах след легкого поцелуя. Ей было обидно, что Арон так быстро согласился и ушел, потом она невесело рассмеялась: что просила, то и получила — чего же обижаться. Она смотрела, как он быстрыми широкими шагами проходит круг света от фонаря на углу. Совсем с ума сошла, подумала она. Неизвестно что выдумываю.

2

Пожелав всем спокойной ночи, Арон пошел к себе, сел на краешек кровати и, зажав между коленями сцепленные руки, уставился на них. Тщеславные отцовские планы относительно его будущего спеленали его, как младенца, не давали распрямиться, вызывали досаду. До сегодняшнего вечера он не представлял, как сковывает чрезмерная родительская забота, и не знал, хватит ли у него сил вырваться из-под этой нежной и неусыпной опеки. Мысли его разбегались. Он поежился; в доме, казалось, было холодно и сыро. Арон встал, тихонько вышел в коридор. Из-под двери в комнату брата пробивался свет. Он посту-

чал и, не дожидаясь ответа, вошел.

Кэл сидел за своим новым письменным столом и над чем-то колдовал, шурша папиросной бумагой. Тут же стояла катушка красной тесьмы. Как только Арон вошел, он быстро прикрыл что-то большим блокнотом.

Арон улыбнулся:

— Подарки готовишь?

— Ага, — ответил Кэл, не вдаваясь в подробности.

— Можно с тобой поговорить?

— А почему нет? Давай. Только тише, а то отец придет. Знаешь, какой он любопытный.

Арон сел на кровать. Кэл долго ждал, пока брат заговорит, но тот молчал, и тогда он спросил сам:

— Чего молчишь? У тебя неприятности?

— Нет, все нормально. Поговорить вот надо… Знаешь, Кэл, не хочу я больше учиться в колледже.

Кэл резко повернулся:

— Не хочешь учиться? Почему?

— Не нравится, и все.

— Ты хоть отцу еще не сказал? Расстроится он. Мало того что я не учусь, теперь вот ты. И чем же ты хочешь заняться?

— Попробую на ферме хозяйствовать.

— А как Абра?

— Она давно сказала, что согласна.

Кэл испытующе посмотрел на брата:

— Ферма-то в аренду сдана.

— Как раз об этом я и думаю.

— На земле много не заработаешь, — сказал Кэл.

— Мне много не надо. А на жизнь хватит.

— «На жизнь хватит» — нет, мне это не подходит. Мне нужно много денег, и я их заработаю.

— Каким образом?

Кэл почувствовал себя гораздо старше, чем его брат, и опытнее в житейских делах. Ему захотелось подбодрить, поддержать его.

— Пока ты учишься, я бы начал зарабатывать и копить деньги. Потом, когда окончишь колледж, можем партнерами стать. Я буду чем-нибудь одним заниматься, а ты — другим. Думаю, у нас дело пойдет.

— Не хочу я возвращаться в колледж. Не обязан я.

— Отец хочет, чтобы ты учился.

— Мало ли что он хочет.

Теряя терпение, Кэл пристально вглядывался в брата, в его словно бы выгоревшие волосы, в

его широко поставленные глаза, и вдруг со всей отчетливостью понял, почему отец так любит Арона.

— Иди лучше спать, — сказал он как отрезал. — Закончи хоть семестр, а там видно будет. Ничего пока не решай.

Арон встал и пошел к двери.

— Кому же подарок? — спросил он.

— Отцу. Завтра увидишь после обеда.

— Не Рождество ведь.

— Знаю, что не Рождество. Но может, еще лучше праздник.

Когда Арон ушел к себе, Кэл откинул блокнот со своего подарка — пятнадцать новеньких, хрустящих от малейшего прикосновения банковских билетов — и тщательно пересчитал их еще раз. Монтерейский окружной банк специально посылал за ними человека в Сан-Франциско, хотя согласился на такую операцию только после того, как были представлены убедительные доводы. Управляющий был ошарашен, он отказывался верить, что, во-первых, владельцем такой крупной суммы является семнадцатилетний юнец и что, во-вторых, тот желает получить ее наличными. Финансисты не любят, когда живые деньги переходят из рук в руки с такой легкостью, даже

если это делается из родственных чувств. Уиллу Гамильтону пришлось представить банку поручительство в том, что деньги действительно принадлежат Кэлу, заработаны честным путем и, следовательно, тот имеет право распоряжаться ими по собственному усмотрению.

Кэл завернул билеты в бумагу, обмотал красной тесьмой и завязал каким-то немыслимым узлом, который отдаленно напоминал бантик. По виду в пакете мог лежать носовой платок или какая-нибудь другая пустячная вещица. Кэл сунул пакет в комод под рубашки и улегся, но сон не шел. Он был возбужден и робел, как мальчишка. Поскорее бы пришел и прошел завтрашний день, поскорее бы избавиться от злосчастного подарка. Он ломал голову, ища, что сказать отцу.

«Это — тебе».

«Что это?»

«Подарок».

Что последует дальше, Кэл не представлял. Он ворочался с боку на бок до тех пор, пока не забрезжил рассвет, потом встал, оделся и потихоньку выскользнул из дома.

На Главной улице Старый Мартин прохаживался метлой по мостовой. Городской совет никак не мог решить вопрос о приобретении подметаль-

ной машины. Старый Мартин рассчитывал сам сесть на эту машину, но жаловался: самые сливки молодым достаются. Мимо проехал мусорный фургон Бачигалупи, и Мартин завистливо посмотрел ему вслед. Вот оно, настоящее дельце. Наживаются итальяшки паршивые.

Главная улица была пустынна, только два-три бродячих пса обнюхивали подворотни да у ресторации «Мясные деликатесы Сан-Франциско» наблюдалось кое-какое сонное движение. У входа стоял новенький таксомотор Пета Булена, поскольку его с вечера позвали отвести уильямсовских девиц к утреннему поезду в Сан-Франциско.

— Эй, парень, сигаретки не найдется? — окликнул Кэла Старый Мартин.

Кэл остановился и достал коробку «Мюратов».

— Ишь ты, шикарные! — сказал Мартин. — И уж огоньку пожалуй.

Кэл чиркнул спичкой и осторожно поднес ее Мартину, чтобы не опалить ему усы и бороду.

Мартин оперся на ручку метлы и, попыхивая сигаретой, досадливо изрек:

— Самые сливки молодым достаются. — И добавил: — Не, не дадут мне на машину сесть.

— Вы о какой машине? — спросил Кэл.

— Как о какой? О подметальной! Или не слышал? Ты, парень, видать, с луны свалился. — Мартин пребывал в убеждении, что всякий, кто мало-мальски наслышан о городских новостях, должен знать о подметальной машине. Он пустился в рассуждения, совершенно позабыв про Кэла. Может, у Бачигалупи и для него местечко найдется. Они, видать, сами деньги печатают. Три конных фургона уже и грузовик новый.

Кэл повернул на Алисальскую улицу, зашел на почту и заглянул в окошечко 632. Там ничего не было, и он отправился домой.

Ли был уже на ногах и готовил начинку для огромной индейки.

— Всю ночь бродил? — спросил Ли.

— Да нет, только что пройтись вышел.

— Волнуешься?

— Есть немного.

— На твоем месте я бы тоже волновался. Дарить подарки трудно. Хотя получать, наверное, еще труднее. Чудно, правда? Кофе хочешь?

— Не откажусь.

Ли вытер руки, налил чашку себе и Кэлу.

— Как тебе Арон?

— По-моему, нормально.

— Поговорить удалось?

— Пока нет, — соврал Кэл. Сейчас проще соврать. Иначе Ли начнет расспрашивать, а ему не хотелось говорить об Ароне. Сегодня его день. Он долго готовился к этому дню, ждал его, как праздника. Это будет его праздник.

Вошел заспанный Арон:

— Ли, ты на когда обед намечаешь?

— На полчетвертого или на четыре.

— А если в пять сделать?

— Можно и в пять, если Адам не против. А в чем дело?

— Абра только к пяти прийти может. Одну идею отцу собираюсь изложить и хочу, чтобы при ней.

— Ну что ж, в пять так в пять.

Кэл вскочил и поднялся к себе. Там он включил настольную лампу и сел. В нем кипела обида и досада. Арон отнимает у меня мой день, и как легко это у него получается. Мой праздник хочет своим сделать. И вдруг Кэлу стало невыносимо совестно. Он уронил голову на руки и начал твердить себе: «Я просто завидую. Да, я завистливый, в этом все дело. Я завидую, завидую. Но я не хочу никому завидовать». Он повторял снова и снова: «Завидую… завидую», — как будто признаваясь в этом чувстве, он хотел избавиться от него. От покаяния он перешел к самобичеванию: «Зачем

я дарю отцу деньги? Разве я это ради него делаю? Нет, ради себя. Уилл Гамильтон правильно сказал — я пытаюсь купить его любовь. Нехорошо это, нечестно. Я вообще нехороший и нечестный. Исхожу завистью к Арону. Надо называть вещи своими именами».

Кэл продолжал хриплым шепотом: «Надо смотреть правде в глаза. Я знаю, почему отец любит Арона. Потому что он похож на нее. Отец все еще переживает из-за нее. Он, может, не сознает этого, но все равно переживает. А может, сознает? Поэтому я и ей тоже завидую. А что, если забрать деньги и уехать? Никто по мне плакать не будет. Скоро они вообще забудут, что я есть на свете. Все забудут, кроме Ли. Интересно, любит он меня? Может, и нет». Кэл прижал кулаки ко лбу. «Неужели Арон тоже так мучается? Вряд ли. Хотя откуда я знаю. Спросить? Да не скажет он».

Кэл то злился на себя, то жалел. И вдруг услышал какой-то голос, который говорил холодно, даже презрительно: «Если ты такой честный, почему не признаешься, что тебе нравится заниматься самобичеванием? Ведь это же правда. Так почему же не быть самим собой, почему не делать то, что хочется?» Кэл прямо-таки остолбенел от этой простой мысли. Конечно же, ему

это нравится. Он ругал себя для того, чтобы не ругали другие. В нем крепла решимость. Надо отдать отцу деньги, но сделать это как бы между прочим. Не придавай этому значения, ни на что не рассчитывай, не строй никаких планов. Отдай, и дело с концом. И хватит думать. Надо отдать… надо уметь отдавать. Пусть это будет Аронов день. Да, конечно! Кэл вскочил со стула и быстро спустился в кухню.

Арон держал индейку, а Ли начинял ее фаршем. Духовка постреливала от жара.

— Имеем восемнадцать фунтов. По двадцать минут на фунт… — бубнил Ли себе под нос. — Восемнадцать на двадцать — это будет триста шестьдесят минут, ровно шесть часов. Сейчас одиннадцать часов… Двенадцать, час… — считал он, загибая пальцы.

— Арон, кончишь — давай пройдемся, — сказал Кэл.

— Куда? — спросил Арон.

— Никуда, просто так. Мне нужно у тебя кое-что спросить.

Братья вышли, и Кэл направился наискосок через улицу в магазин Бержеса и Гаррисьера, которые торговали заграничными винами.

— Послушай, Арон, я вот о чем подумал… Ты не

хочешь купить вина к обеду? Деньги я дам, я тут немного заработал.

— А какого вина?

— Надо как следует отметить праздник. Давай шампанского, а? Пусть это будет вроде как твой подарок.

— Нет, дорогие юноши, — сказал Джо Гаррисьер, — вы возрастом не вышли.

— Почему, мы же к семейному обеду берем.

— Понимаю, но продать вам вино права не имею.

— Тогда мы вот как сделаем, — сказал Кэл. — Мы заплатим, а вы пришлете вино отцу, идет?

— Идет! — обрадовался Джо Гаррисьер. — Могу предложить вам OEil de Perdrix. — Он причмокнул губами, как будто пробуя вино на вкус.

— А что это такое? — деловито осведомился Кэл.

— Куропачий глаз, сорт шампанского. Очень тонкое, и цвет особый, как глаз куропатки… Знаете, нежный такой, розовый, вернее — темно-розовый. Сухое. Четыре пятьдесят бутылка.

— А это не дорого? — встревожился Арон.

Кэл рассмеялся:

— Конечно, дорого! Хорошо, Джо, пришлите, пожалуйста, три бутылки. Это будет твой подарок

отцу, — обернулся он к брату.

3

Кэлу казалось, что день тянется бесконечно долго. Ему хотелось пройтись, но какая-то сила удерживала его дома. Часов в одиннадцать Адам отправился на призывной пункт посмотреть списки очередной партии молодых людей.

Арон внешне был совершенно спокоен. Он сидел в гостиной, разглядывая карикатуры в старых номерах «Обозрения обозрений». Из кухни по всему дому разливались сочные запахи поджариваемой индейки.

Кэл пошел к себе, достал из комода подарок и положил его на стол. Он хотел прикрепить к пакету карточку с надписью «Отцу от Кэла». Нет, лучше так: «Адаму Траску от Калеба Траска». Он порвал карточки на мелкие кусочки и спустил их в уборную.

Почему именно сегодня? — думал он. Не лучше ли вручить подарок завтра? Просто пойти к нему, сказать спокойно: «Это тебе» — и уйти. Так проще. «Нет, — сказал он вслух. — Я хочу, чтобы остальные тоже видели». Только так. Но страх теснил Кэлу грудь, у него повлажнели ладони — как у

молодого актера перед выходом на сцену. И тут ему вспомнилось то утро, когда отец пришел за ним в полицейский участок. Взаимная близость, тепло и, главное, отцовское доверие — такие вещи не забываются. Отец поверил ему. Он ведь даже сказал: «Я верю в тебя, сын». Да, тогда ему было куда как легче.

Около трех часов Кэл услышал, что вернулся отец, и из гостиной донеслись негромкие голоса. Он пошел вниз, там беседовали отец и Арон.

— Времена переменились, — говорил Адам. — Теперь молодому человеку надо иметь специальность, иначе он ничего не добьется. Поэтому я рад, что ты учишься в колледже.

— Последнее время я как раз об этом думаю, — отвечал Арон. — Засомневался я, честно говоря.

— Нечего тут думать и сомневаться. Ты правильно решил. Возьми, к примеру, меня. Я о многом знаю, но все понемногу, а этого совсем недостаточно, чтобы в наше время зарабатывать на жизнь.

Кэл тоже присел. Адам не обратил на него внимания. Он был целиком занят своими мыслями.

— Это же естественно, когда человек хочет, чтобы его сын добился успеха, — продолжал Адам. — И вообще мне, наверное, виднее.

В комнату заглянул Ли.

— Кухонные весы неправильны, — объявил он. — Блюдо будет готово раньше, чем указано в рецептурной таблице. Боюсь, в индейке нет восемнадцати фунтов.

— Ничего, держи пока на медленном огне, — отозвался Адам и продолжал, обращаясь к Арону: — Сэм Гамильтон это предвидел. Помню, он говорил, что время универсальных умов кончилось. Запас знаний так велик, что ни один человек не в состоянии овладеть ими. Приходит пора, когда каждый ученый будет знать только крошечную область, зато досконально.

— Да, он говорил это, — заметил Ли, стоя в дверях, — но говорил с сожалением. Не нравилось ему это.

— Разве? — сказал Адам.

Ли ступил в комнату. В правой руке он держал большую соусную ложку, подставив под нее левую горсть, чтобы не капало на ковер. Но, войдя в гостиную, он забыл о предосторожности и начал размахивать ложкой, роняя капли жира на пол.

— Вы вот спросили, и я тоже засомневался, — говорил он. — То ли он огорчался из-за этого, то ли я ему свое отношение приписываю.

— Чего ты так разволновался? — сказал Адам. —

Словом нельзя обменяться — сразу на свой счет принимаешь.

— Может быть, не наука стала большой, а человек — маленьким? — горячился Ли. — Люди падают на колени перед атомом, а душа у них при этом разве уменьшается до размеров атома? Может быть, узкий специалист — это просто трус, который боится высунуться из своей скорлупы? Он дальше своего участка ничего не видит, а за забором-то — целый мир!

— Мы же о другом говорим, — возразил Адам. — Только о том, как на жизнь заработать.

— На жизнь заработать, деньги заработать, — возбужденно продолжал Ли. — Деньги заработать — легче легкого, если тебе только деньги нужны. Но людям не деньги нужны. Большинству роскошь подавай, преклонение, власть…

— Хорошо, ты что — против учения в колледже возражаешь? Мы же только о колледже говорим.

— Прошу прощения, — сказал Ли. — Вы правы, я в самом деле чересчур разволновался. Нет, я не возражаю против учения в колледже. При условии, что колледж — это то место, где человек обретает связь с миром. Стэнфорд — это то место, Арон?

— Не знаю, — задумчиво откликнулся тот.

На кухне что-то зашипело.

— Боже ты мой! — воскликнул Ли. — Проклятые потроха убежали. — И стремглав кинулся из гостиной.

Адам тепло посмотрел ему вслед:

— До чего замечательный человек. И друг замечательный.

— Хорошо, если бы он до ста лет прожил, — сказал Арон.

— Откуда ты знаешь? — фыркнул Адам. — Может, ему уже сто?

— Как дела на холодильной фабрике, отец? — спросил Кэл.

— Неплохо. Вполне себя окупает да и прибыль кое-какую дает.

— Я кое-что придумал, чтобы она настоящий доход приносила.

— Не будем сегодня о делах, — сразу же возразил Адам. — Отложим на понедельник, ладно?.. А знаете, — продолжал он, — до чего же хорошее у меня сегодня настроение. Давно такого не было. Такое чувство, будто… как бы сказать… будто исполнились все мои желания. Может, просто выспался как следует, и душ подбодрил. А может, оттого, что мы все вместе и в доме покой. — Он улыбнулся Арону: — Мы и не знали, что будем

так скучать без тебя.

— Я тоже скучал, — признался Арон. — Первые дни вообще казалось, что умру без вас.

Вошла запыхавшаяся Абра. Щеки у нее порозовели, глаза радостно сияли.

— Видели? — воскликнула она. — На Бычьей горе — снег.

— Я тоже заметил, — сказал Адам. — Говорят, это обещает удачный год. А удача никогда не помешает.

— Я дома едва притронулась к еде, — заявила Абра. — Берегла аппетит.

Ли церемонно извинялся за то, что обед получился не такой, как хотелось бы. Он бранил газовую плиту, которая жарит не так, как дровяная. Ругал новую породу индеек, у которой нет чего-то такого, чем славилась индюшатина в прежние времена, но его дружно перебили, сказав, что он ведет себя, как старая хозяйка, напрашивающаяся на похвалу, и он засмеялся вместе со всеми.

Когда был подан грушевый пудинг, Адам открыл шампанское. Настал торжественный миг. За столом воцарился дух изысканной вежливости и доброжелательности. Всем хотелось сказать тост. По очереди выпили за здоровье каждого, а Адам

даже произнес небольшой спич в честь Абры.

Глаза ее сияли. Арон под столом пожал ее руку. Вино успокаивающе подействовало на Кэла, и он перестал нервничать из-за подарка.

Покончив с пудингом, Адам сказал:

— Такого замечательного Дня благодарения я просто не помню.

Кэл достал из кармана пиджака пакет, перевязанный красной тесьмой, и положил его перед отцом.

— Что это? — спросил тот.

— Подарок.

Адам был доволен.

— Не Рождество, а смотри-ка — подарок. Интересно, что это может быть?

— Носовой платок, — сказала Абра.

Адам снял тесьму, развернул бумагу и в изумлении уставился на деньги.

— Что это? — спросила Абра и привстала посмотреть. Арон тоже нагнулся вперед. В дверях напрасно старался сохранить спокойствие на лице Ли. Он кинул на Кэла быстрый взгляд и увидел в его глазах ликующее торжество.

Медленно, словно нехотя, Адам развернул банкноты веером.

— Что это?.. — будто откуда-то издалека донесся

его голос и оборвался.

Кэл судорожно сглотнул.

— Это тебе… я заработал… ты так много потерял на салате…

Адам тяжело поднял голову:

— Заработал? И каким же образом?

— Мистер Гамильтон… мы вместе… на фасоли, — выжал из себя Кэл и торопливо продолжал: — Мы заплатили по пяти центов под будущий урожай, а когда цены подскочили… Тут пятнадцать тысяч… это тебе.

Адам выровнял банкноты, завернул их в папиросную бумагу и вопросительно поглядел на Ли. Кэл чувствовал, что надвигается беда, вот-вот случится что-то непоправимое, и ему стало нехорошо. Отцовский голос сказал:

— Ты должен их вернуть.

Тоже словно издали Кэл услышал собственный голос:

— Вернуть? Кому?

— Тем, у кого получил.

— Британской закупочной компании? Как же они обратно возьмут? Они всем за фасоль по двенадцать с половиной центов платят.

— Верни фермерам, которых ты ограбил.

— Никого мы не грабили! — воскликнул Кэл. —

Мы же на два цента больше рыночной цены за каждый фунт платили. — У него было такое ощущение, будто он повис в воздухе, а время медленно обтекает его.

Отец долго молчал, потом заговорил — тяжело, с остановками:

— Я отбираю таких, как ты, в армию. Ставлю свою подпись, и они идут на войну. Одни гибнут, другие останутся без рук, без ног. Вряд ли кто вернется целый и невредимый. Сын, неужели ты думаешь, что я мог бы наживаться на их жизнях?

— Я сделал это ради тебя, — сказал Кэл. — Я хотел вернуть тебе то, что ты потерял.

— Нет, Кэл, мне не нужны деньги. А что до истории с салатом — не ради наживы я ее затеял. Это было вроде игры… мне хотелось посмотреть, можно ли перевозить салат на большие расстояния. Затеял игру и проиграл, вот и все.

Кэл смотрел прямо перед собой. Он чувствовал, что под взглядами Ли, Арона и Абры у него краснеют щеки, но не мог оторвать глаз от шевелящихся отцовских губ.

— Мне приятно, что ты решил сделать мне подарок. Спасибо тебе, сын, что ты подумал…

— Я уберу, я сохраню их для тебя, — перебил

его Кэл.

— Нет, я никогда не возьму эти деньги. Я был бы счастлив, если бы ты подарил мне… ну, например, то, чем гордится твой брат, — увлеченность делом, радость от своих успехов. Деньги, даже честные деньги, не идут ни в какое сравнение с такими вещами. — Лоб у Адама разгладился, он добавил: — Ты рассердился на меня, сын? Не надо. Живи правильно — это будет мне самый дорогой подарок. Я буду беречь его.

Кэл чувствовал, что задыхается, во рту было горько, по лбу струится пот. Он вскочил и, опрокинув стул, выбежал из гостиной, сдерживая рыдания.

— Не сердись, сын! — крикнул Адам вдогонку.

Никто не полез утешать Кэла. Он сидел у себя за столом, подперев голову руками. Он думал, что вот-вот расплачется, но глаза его оставались сухими. Ему было бы легче от слез, но они будто испарялись от раскаленного чугуна, который заливал ему голову.

Немного погодя Кэл отдышался и почувствовал, как потихоньку, словно украдкой, зашевелились в мозгу нехорошие мысли. Сделав усилие, он вытеснил их в дальний угол сознания, однако и там, в глубине, они продолжали свою коварную рабо-

ту. Кэл оборонялся от них как мог, но ненависть разливалась по всему телу, отравляя каждый его нерв и каждую клеточку. Он со страхом чувствовал, что теряет самообладание.

Потом настал момент, когда он перестал владеть собой, но и страх тоже прошел, и, превозмогая боль, торжествующе вспыхнул мозг. Рука Кэла потянулась к карандашу и сама собой начала выписывать на блокноте тугие спиральки. Когда часом позже в комнату вошел Ли, бумага была сплошь изрисована спиральками, десятки и десятки — одна другой меньше. Кэл даже головы не поднял. Ли тихонько притворил за собой дверь.

— Я вот кофе тебе принес.

— Я не хочу… впрочем, давай. И спасибо тебе, Ли. Так мило с твоей стороны.

— Перестань! — сказал Ли. — Немедленно перестань, слышишь?

— Что «перестань»? Что я должен перестать?

Ли заговорил, словно нехотя:

— Ты вот однажды пожаловался, что это есть в тебе самом. Помнишь, что я ответил? Я ответил, что это можно побороть… при желании.

— Что побороть, Ли? Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты меня совсем не слушаешь, Кэл. Не же-

лаешь слушать. Неужели ты на самом деле не понимаешь, что я хочу сказать?

— Я слушаю тебя, Ли. Что ты хочешь сказать?

— Он просто не мог поступить иначе. Это у него в натуре, а против собственной натуры не пойдешь. У него нет другого выхода, а у тебя есть. Слышишь меня? У тебя есть выход.

Спиральки делались все мельче и мельче, линии соприкасались, соединялись, сливались, образуя одно черное блестящее пятно.

— Тебе не кажется, что ты поднимаешь шум по пустякам? — хладнокровно проговорил Кэл. — Неизвестно что воображаешь. Послушать тебя, можно подумать, что я кого-то убил. Брось придумывать, Ли, честное слово, хватит.

Ли ничего не ответил. Кэл обернулся — его уже не было в комнате. На столе стояла дымящаяся чашка. Кэл чуть ли не залпом выпил горячий кофе и спустился в гостиную.

Адам поднял на него жалостный взгляд.

— Прости меня, отец, — сказал Кэл. — Я не знал, что ты так к этому отнесешься. — Он взял пакет с деньгами с камина, куда его положили, и сунул обратно во внутренний карман пиджака. — Я подумаю, что сделать с этими деньгами. — Потом добавил как бы между прочим: — А где все?

— Абре надо было домой, Арон пошел ее провожать А Ли куда-то вышел.

— И я, пожалуй, пройдусь, — сказал Кэл.

4

На дворе уже спустилась ноябрьская ночь. Кэл приоткрыл переднюю дверь и на белеющей стене «Французской прачечной» через улицу увидел очертания фигуры Ли. Он сидел на ступеньках, и тяжелое пальто его торчало горбом.

Кэл потихоньку прикрыл дверь и прошел гостиной в кухню. «От шампанского пить хочется», — сказал он. Отец не поднял головы.

Кэл выскользнул во двор, пошел между редеющими грядками, предметом особой заботы Ли. Потом перелез через высокий забор, ступил на доску, служившую мостками через канаву с черной водой, и тесным переулком между Лэнговой пекарней и мастерской местного жестянщика выбрался на Кастровилльскую улицу.

По ней он дошел до Каменной, где стоит католическая церковь, взял налево, миновал дома Каррьяго, Уилсонов, Забала и у дома Стейнбеков снова повернул налево, на Центральный проспект. Еще два квартала, и он был у школы на

Западной стороне.

Тополя перед школьным двором почти облетели, лишь кое-где покачивались под вечерним ветром пожухлые листья.

Внутри у Кэла все как будто онемело. Он даже не замечал холода, которым несло с гор. Впереди, через несколько домов, он увидел человека — тот пересекал круг света, падающий от фонаря, и направлялся в его сторону. По походке и по фигуре он узнал брата, и вообще он знал, что встретит его тут.

Кэл замедлил шаги и, когда Арон приблизился, окликнул его:

— Эй, а я тебя ищу.

— Ты уж извини меня за сегодняшнее, — сказал Арон.

— Ты тут ни при чем… Ладно, не будем об этом. — Братья пошли рядом. — Не хочешь со мной? — спросил Кэл. — Могу кое-что показать.

— Что именно?

— Сам увидишь. Думаю, тебе будет интересно. Очень интересно.

— Только если недолго.

— Нет, совсем недолго.

Они вышли на Центральный проспект и направились к Кастровилльской улице.

5

Вербовочный пункт в Сан-Хосе сержант Аксель Дейн обычно открывал ровно в восемь, но, если он немного задерживался, за него это делал капрал Кемп, причем безропотно.

Аксель Дейн представлял собой довольно распространенный тип американского вояки. Длительная служба в армии Соединенных Штатов между двумя войнами — испанской и германской — сделала его совершенно непригодным к жестокой, неупорядоченной жизни на гражданке. Он прекрасно понял это во время месячного перерыва между двумя сроками армейской службы в мирных условиях, а они вместе, в свою очередь, сделали его непригодным к участию в войне, и потому он разработал целую методу, как не попасть на фронт. Вербовочный пункт в Сан-Хосе доказывал правильность этой методы. Он ухаживал за младшей девицей из богатого семейства Ричи, а она — так уж случилось — проживала именно в этом городке.

Кемп был в армии недолго, однако он успешно усваивал основное уставное правило: ладь с непосредственным начальством и по возможно-

сти держись подальше от офицеров. Его отнюдь не трогали легкие насмешки и нагоняи, какими баловался Дейн.

В восемь тридцать Дейн вошел в помещение пункта и увидел, что Кемп похрапывает за столом, а рядом терпеливо жмется на стуле какой-то паренек. Бросив на него взгляд, сержант зашел за перегородку и положил руку на плечо Кемпу.

— Милый, — пропел он. — Заря занялась, и уже заливаются жаворонки.

Кемп поднял голову с рук, вытер нос тылом ладони и чихнул.

— Будь здоров, хороший мой! — сказал сержант. — Вставай, у нас клиент.

Кемп прищурил набрякшие веки:

— Война подождет.

Дейн внимательно оглядел паренька:

— Боже ж ты мой! Вот это красавчик. Будем надеяться, что там поберегут такого, а? Капрал, вы, конечно, полагаете, что он хочет сражаться с ненавистным врагом, а я считаю, что он от любви драпает.

Кемп с облегчением понял, что сержант еще не до конца протрезвел.

— Думаете, девица какая обидела? — Он научился подыгрывать сержанту. — Думаете, он в

Иностранный легион метит?

— Может, он от самого себя драпает.

— Посмотрел я то кино, — сказал Кемп. — Там один сержант есть, подлюга и сучий сын.

— Быть такого не может, — возразил Дейн. — Ну, двигай поближе, парень. Тебе, говоришь, восемнадцать?

— Да, сэр.

Дейн обернулся к подчиненному:

— Как считаешь?

— Чего там считать? Ростом вышел, значит, годится. — Восемнадцать… — проговорил сержант. — Значит, так и запишем?

— Да, сэр.

— Заполни вот этот бланк. Высчитай, в каком году родился, укажи там и хорошенько запомни.

Глава 50
1

Джо не нравилось, что Кейт целыми часами сидит в своем кресле, не двигаясь и глядя в одну точку. Это означало, что она думает. Поскольку лицо ее ровным счетом ничего не выражало, он не мог проникнуть в ее мысли и оттого сильно беспокоился. Ему очень не хотелось упускать свой первый настоящий шанс.

У него был один-единственный план, и поэтому пусть она посидит, понервничает, пока не даст где-нибудь маху. А там видно будет, чем ее охмурить. Но вот как догадаешься — нервничает она или нет, ежели сидит как истукан и в стенку зырит.

Джо видел, что Кейт сегодня не ложилась. Он спросил ее насчет завтрака, а она только головой легонько мотнула. Может, вообще его не слышала, поди узнай.

«Не суетись! — предупреждал он себя. — Смотри в оба и востри уши». Девки тоже, видать, чуют: что-то неладно, но у каждой, видите ли, собственное объяснение имеется. Дуры набитые, мозги

куриные!

Кейт не могла сосредоточиться. Разные образы метались у нее в голове, как мечутся в сумерках летучие мыши. То перед нею вставало лицо ее белокурого красавца, его засверкавшие от потрясения и злости глаза, и слышались его сердитые слова, которые он выкрикивал не столько ей, сколько самому себе. То она видела его смуглого братца — тот стоял, прислонившись к косяку, и смеялся.

Она тоже тогда засмеялась, это самое быстрое и самое верное оружие самозащиты — смех. Что же он сделает, ее сын, ее мальчик? Что он сделал после того, как не торопясь вышел из комнаты?

Ей вспомнился устало-безжалостный и довольный взгляд Кэла, когда он, не спуская с нее глаз, медленно затворял за собой дверь.

Зачем он привел брата? Что ему нужно, чего он добивается? Если бы она знала, то могла бы встретить их как полагается. Но она не знала.

У нее снова ломило суставы, причем ломота проявлялась то в одном месте, то в другом. Когда она двигалась, нестерпимо ныла поясница, ближе к правому боку. Значит, боль надвигается со всех сторон, думала она, и рано или поздно она сойдется в середине, как сбивается в подвале стая

крыс, и примется грызть ее.

Несмотря на все добрые советы, которые Джо давал самому себе, он не мог сидеть сложа руки. Так и сегодня он не утерпел и с чайником в руке негромко постучал к Кейт в дверь, приоткрыл ее и вошел.

— Поставь на стол, — откликнулась она и, словно подумав, добавила: — Спасибо тебе, Джо.

— Нездоровится, мэм?

— Опять руки заболели. Не помогло новое лекарство.

— Может, что сделать нужно?

Она приподняла руки.

— Разве что отрубить их… — Лицо ее исказилось от боли, причиненной движением. — И ведь никакого просвета нет, — добавила она жалобно.

Джо ни разу не слышал такого слабодушия в ее голосе, и чутье подсказало ему, что пора действовать.

— Может, ни к чему вам лишнее беспокойство, но я кое-что разнюхал об ней… — По молчанию Кейт Джо понял, что она насторожилась.

— О ком это ты? — наконец тихо спросила она.

— Об гулящей об этой.

— А, об Этель.

— Об ней самой.

— Надоела она мне. Чего разнюхал-то?

— Я вам по порядку, потому как не усек я, что к чему. Стою я, значит, в табачной у Келлога, и подходит ко мне один. Ты, говорит, Джо? А я ему, откуда, мол, знаешь. Знаю, говорит, и все, ты одного человека ищешь. Я его сроду не видал, но заинтересовался. Так, мол, и так, выкладывай, если знаешь. «Она с тобою хочет поговорить», — так прямо и выложил. Я ему, значит: «За чем же дело стало?» А он смотрит на меня, как на чокнутого. «Ты чего, не помнишь, что судья сказал?» Видать, намекал, что она возвернуться грозилась. — Джо видел бледное неподвижное лицо Кейт и ее глаза, уставившиеся в стену.

— А потом денег потребовал? — проговорила Кейт.

— Никак нет, мэм, денег не потребовал. Плести начал что-то, не разобрал я. Ты, говорит, Фей знаешь? Не, говорю, в первый раз слышу. А он мне, значит: «Поговори с ней, не пожалеешь». Я ему тогда говорю, посмотрим, мол, и пошел себе. Никак не допру, чего он намолол. Дай, думаю, хозяйке донесу.

— Ты в самом деле не знаешь, кто такая Фей? — спросила Кейт.

— В самом деле не знаю.

Голос у Кейт сделался вкрадчивый.

— Ты, выходит, ни разу не слышал, что Фей была хозяйкой в нашем доме?

Джо почувствовал, что внутри у него что-то дернулось и заныло. Ну и дубина! Надо же так по-глупому подставиться. Мысли его заметались.

— А-а… теперь вроде что-то припоминаю… Разве не Фейз ее звали?

Мимо Кейт, конечно, не прошло, как, струхнув, встрепенулся Джо. От его беспокойства померк в голове облик белокурого Арона, притупилась боль в руках и прибыло сил. «Ловко я его», — подумала она с удовольствием.

— Скажешь тоже — Фейз, — словно самой себе повторила она и негромко рассмеялась[15]. — Налей-ка мне чайку, Джо!

Кейт, казалось, не замечала, как дрожит у Джо рука и постукивает о чашку носик чайника. Она даже не взглянула на него, когда он поставил чай перед ней и отступил в сторонку, чтобы она его не видела. Он буквально трясся от страха.

— Скажи, Джо, ты можешь меня выручить? — умоляющим тоном произнесла Кейт. — Я готова тебе десять тысяч отвалить, если ты наконец

---

[15] Примечания: 15

Здесь непереводимая игра слов: фейз (faith) — по-английски вера.

уладишь это дело. — Она выждала ровно секунду и, круто повернувшись, вперилась ему в лицо.

Джо облизывал губы, глаза у него повлажнели. Он отшатнулся от ее резкого движения, словно его ударили, но цепкий взгляд Кейт не отпускал его.

— Попался, голубчик?

— Не пойму я, о чем вы, мэм.

— А ты иди и подумай! Когда пораскинешь как следует мозгами — потолкуем. Ты ведь у нас сообразительный. Погоди, пошли-ка мне Терезу.

Джо не терпелось выбраться вон из этой комнаты, где его разделали, как бог черепаху. Да, натворил он делов. Видать, все его шансы теперь к чертям собачьим. Сучка проклятая, еще изгаляется, подумал он, услышав:

— Спасибо за чай, Джо. Ты парень примерный.

Ему хотелось хлопнуть дверью, но он побоялся.

Кейт осторожно, стараясь не потревожить больной бок, поднялась, подошла к бюро и вытащила листок бумаги. Пальцы едва держали перо.

«Дорогой Ральф, — царапала она, водя всей рукой, чтобы не тревожить кисть. — Скажите шерифу, что не вредно посмотреть отпечатки пальцев Джо Валери. Вы знаете Джо, он у меня

служит. Ваша Кейт». Она сложила бумагу, и тут вбежала перепуганная Тереза.

— Вы меня звали? Я что-нибудь не то сделала, мэм? Я, честное слово, старалась, только нездоровится мне.

— Поди сюда, — сказала Кейт. Бедняжка застыла у бюро, а она не торопясь надписывала конверт и наклеивала марку. — Хочу попросить тебя о небольшом одолжении. Сходи в кондитерскую, к Беллу, возьми две коробки ассорти. Одну большую, на пять фунтов — угостишь девочек, другую маленькую, на фунт, мне принесешь. Потом зайдешь в аптеку Крафа и купишь мне две зубные щетки среднего размера, смотри не перепутай, и баночку зубного порошка — знаешь, такую, с носиком?

— Конечно, знаю, мэм. — Тереза с облегчением вздохнула.

— Ну вот и умница! — продолжала Кейт. — Я давно к тебе приглядываюсь. Понимаешь, Тереза, нездоровится мне в последнее время. Если будешь хорошо выполнять мои поручения, я, пожалуй, тебя вместо себя оставлю, когда в больницу лягу.

— Значит, вы… Неужели вы хотите лечь в больницу?

— Пока еще точно не знаю, милочка. Но по-

мощница мне все равно потребуется. Вот тебе деньги на конфеты. И не забудь — щетки среднего размера.

— Не забуду, мэм, спасибо, можно идти?

— Иди. И знаешь что? Девочкам пока ничего не говори. Постарайся незаметно из дома выйти.

— Я черным ходом пройду, — заторопилась Тереза.

— Да, чуть было не забыла, — сказала Кейт. — Тебе не трудно опустить это в почтовый ящик?

— Ну что вы, мэм, конечно, не трудно! Больше ничего не нужно?

— Нет, милочка, кажется, все.

Тереза ушла, а Кейт положила обе руки на крышку бюро, давая отдых ноющим пальцам. Ну вот оно, начинается. Пожалуй, она всегда знала, что он придет, этот час. Наверняка знала… впрочем, не надо сейчас об этом думать. Еще будет время. Джо, конечно же, уберут, но ведь обязательно найдется еще кто-нибудь… И сама эта поганка Этель. Так что раньше или позже… не надо об этом думать, не надо. Ее мысли ходили на цыпочках туда и сюда, взад и вперед, словно ища какую-то вещь, которая то попадалась на глаза, то пропадала. Первый раз краешек ее высунулся, когда она думала о своем белокуром сыночке.

Они появились рядом — эта вещь и его лицо, растерянное, испуганное, убитое горем. И тут Кейт вспомнила.

Она вдруг увидела себя девочкой, совсем маленькой и хорошенькой, розовощекой, как ее сын. Эта девочка понимала, что она умнее и красивее своих сверстниц. Но время от времени она чувствовала себя совсем одинокой, и ее охватывал такой страх, как будто ее обступает высоченный лес врагов. И каждым своим помыслом, взглядом и словом они старались навредить ей. Она плакала от испуга, потому что ей некуда было бежать от них и негде спрятаться. Потом однажды она увидела одну книгу. Читать ее научили, когда ей было пять лет. Она хорошо помнила эту книгу в твердом оторвавшемся переплете коричневого цвета с серебряным тиснением. Это была «Алиса в Стране чудес».

Кейт переменила положение: у нее затекли локти. Перед глазами встали картинки из книги, и на каждой — Алиса с длинными прямыми волосами. Но больше всего поразил ее воображение и запал в память на всю жизнь пузырек с надписью «Выпей меня!». Она многому научилась у Алисы.

Когда Кэти начинал обступать лес врагов, она была наготове. В кармане у нее лежал пузырек с

подслащенной водой, и на этикетке с красным обводом она написала «Выпей меня!». Она отпивала глоточек и начинала уменьшаться, уменьшаться. Пусть-ка теперь враги поищут ее! Она спрячется под какой-нибудь листок или залезет в муравьиную норку и будет выглядывать оттуда и смеяться над ними. Никто ее не найдет! И нигде ее не запрут, и никто от нее не запрется, потому что она под любой дверью пешком пройдет.

Она любила Алису, играла с ней и делилась всякими секретами. Алиса была верной подружкой и всегда ждала ее, когда ей пожелается стать маленькой-маленькой.

Это было замечательно, так замечательно, что иногда просто хотелось чувствовать себя покинутой и несчастной. И все-таки у нее была приготовлена еще одна маленькая хитрость. В ней ее сила и ее спасение. Стоит только выпить весь пузырек, и ты начнешь уменьшаться и уменьшаться, пока не исчезнешь совсем и не перестанешь существовать. И самое приятное, что когда тебя не будет, то не будет никогда. Вот ее желанное спасение. Иногда, ложась в постель, она глотала много-много капель из «Выпей меня» и делалась маленькой, как самая крохотная мошка. Но она никогда не пробовала выпить себя

насовсем — не было причины. Она тщательно скрывала от других эту маленькую хитрость.

Кейт вспоминала нарисованную в книге девочку и печально качала головой. Странно, почему она забыла про свою волшебную выручалочку. Сколько раз она спасала ее от разных напастей и бед. До чего интересно спрятаться под клеверным листком, и как дивно просвечивает сквозь него солнце, Кэти и Алиса, две неразлучные подружки, обнявшись бродили среди высоченных травяных стеблей. Кэти и в голову не приходило выпить весь пузырек с надписью «Выпей меня!», потому что у нее была Алиса.

Кейт уронила голову на скрюченные руки. В душе было одиноко, холодно, пусто. Она много чего натворила, но ее вынуждали к этому. Да, она отличается от других, ей больше дано. Она подняла голову, по лицу ее бежали слезы, но она не пошевелилась, чтобы смахнуть их. Да, это сущая правда. Она умнее и сильнее, чем другие. У нее есть то, чего нет у них.

Едва она подумала об этом, как перед ней выплыло смуглое лицо Кэла. Губы его кривились в злой усмешке. И тут она почувствовала вдруг такую тяжесть, что едва не задохнулась.

У других есть то, чего нет у нее, но она не зна-

ла, что именно. Теперь она знает и готова; она поняла, что готовилась к этой минуте давно, быть может, всю свою жизнь. Ум ее работал, как несмазанное колесо, тело дергалось, как кукла в руках неумелого кукловода, но она методично принялась за последние приготовления.

Был полдень, она поняла это по щебетанию в столовой. Лентяйки, сони несчастные, только что встали.

Дверная ручка долго не поддавалась; наконец Кейт удалось повернуть ее, зажав между ладонями.

Девушки словно подавились смехом и испуганно уставились на нее. Из кухни прибежал повар.

Бледная, осунувшаяся, скособоченная, Кейт была похожа на привидение. Она прислонилась к стене, улыбнулась, но улыбка еще больше напугала девушек, им показалось, будто изо рта у нее вот-вот вырвется дикий крик.

— А где Джо? — спросила Кейт.

— Куда-то вышел, мэм.

— Слушайте меня внимательно, — начала она. — Я долго не спала и совсем измучилась. Сейчас я приму лекарство и усну, и чтоб никто меня не беспокоил. Ужинать, конечно, не буду. Мне надо как следует выспаться. Передайте Джо,

чтобы никто не приходил ко мне до завтрашнего утра. Ни под каким видом, понятно?

— Понятно, мэм.

— Тогда спокойной ночи. Я знаю, сейчас день, но я желаю всем спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мэм, — послушным хором откликнулись девушки.

Кейт повернулась и поплелась к себе.

Прикрыв за собой дверь, она оглядела комнату, соображая, что нужно сделать. Подошла к бюро, присела. Превозмогая боль, взяла ручку и как можно четче написала: «Все свое имущество я оставляю моему сыну Арону Траску». Поставила число и подпись: «Кэтрин Траск». Пальцы ее погладили бумагу. Потом она поднялась, оставив завещание на видном месте лицевой стороной вверх.

У стола посередине комнаты она налила в чашку холодного чаю, отнесла ее в камору и поставила на столик. Подойдя к трюмо, причесала волосы, взяла немного румян, втерла в лицо, слегка напудрила нос и щеки, подкрасила губы бледной помадой, которой всегда пользовалась. Напоследок она подпилила ногти и сделала маникюр.

Теперь, когда закрылась дверь в большую ком-

нату, здесь, в серой каморе, опустился полумрак, и только лампа бросала кружок света на столик. Кейт взбила и поправила подушки в кресле, прилегла, чтобы проверить, удобно ли. Ей было даже весело, как будто она собиралась на вечеринку. Она бережно выудила цепочку из-за лифа, отвинтила крышку с цилиндрика и вытряхнула облатку на ладонь. Заулыбалась, глядя на нее.

«Съешь меня», — скомандовала Кейт себе и кинула облатку в рот. Потом взяла чашку. «Выпей меня», — сказала она и отхлебнула крепкого чая.

Она заставила себя думать только об Алисе, такой крошечной, ожидающей ее. Но другие лица сами лезли на глаза — лица отца и матери, Чарльза и Адама, Сэмюэла Гамильтона, Арона, ухмыляющееся лицо Кэла. Он молчал, но злые огоньки в его глазах говорили за него: «Вам чего-то не хватает. У людей это есть, а у вас нет».

Она снова заставила себя думать об Алисе. В стене напротив была дырка от гвоздя. Алиса наверняка там. Сейчас она обнимет Кэти за талию, и Кэти обнимет ее, и они пойдут рядышком, две верные подружки, маленькие, величиной с булавочную головку.

Боль в пальцах постепенно унималась, сладко цепенели руки и ноги. Веки словно набухли,

отяжелели. Она зевнула.

— Алиса ведь не знает, что я сразу в прошлое, — то ли подумала она, то ли сказала, то ли подумала, что сказала. Глаза закрылись, и ее вдруг затошнило, затрясло. Она испуганно открыла глаза и обвела комнату угасающим взглядом. В серой каморе совсем потемнело, и только тусклый кружок света от лампы колыхался и расплывался, как вода в озерце. Веки ее опять опустились, и ладони сложились в горсть, словно держали маленькие груди. Сердце стучало торжественнее и тише, дыхание слабело, становилось реже, а она сама уменьшалась, уменьшалась, уменьшалась и вдруг исчезла совсем — как будто ее и не было.

2

Прямо от Кейт Джо пошел в парикмахерскую — он всегда так делал, бывая в расстроенных чувствах. Там его подстригли, вымыли голову яичным шампунем, сполоснули хинной водой, сделали массаж лица и горячий компресс, подпилили ногти на руках, а также до блеска начистили ботинки. Обычно эта процедура плюс новый галстук прекрасно поднимали дух, однако на этот раз, расставаясь с цирюльником и пол-

долларом чаевых, он все еще пребывал в поганом настроении.

Попался-таки в ее мышеловку, прямо штаны с него спустила. Цепкая баба, смекалистая, такой палец в рот не клади. И опасному фокусу научилась, никогда не поймешь, блефует она или нет.

Клиент в тот вечер шел вяло, но потом ввалилась орущая орава из стэнфордского отделения общества «Сигма, Альфа, Эпсилон» — шестнадцать членов и двое кандидатов. Они только что прошли инквизиторскую, изобилующую всякими подначками церемонию принесения присяги в Сан-Хуане, и их бьющая через край энергия требовала разрядки.

Флоренс, которая по ходу представления должна была изображать девочку с сигаретой, простудилась. Каждый раз, когда она затягивалась, чтобы пустить дым, ее разбирал кашель. У жеребчика-пони обнаружился жесточайший понос.

Студиозы ржали от восторга и хлопали друг друга по спине. Выкатываясь из борделя, они шутки ради прихватили с собой все, что плохо лежало. После их ухода две девицы затеяли ленивую дурацкую перебранку, и Тереза первый раз получила возможность показать замашки старины Джо. Словом, вечерок выдался — хуже

некуда.

А там, в конце коридора, за затворенной дверью притаилась беда. Перед тем как пойти к себе, Джо постоял у двери, но ничего не услышал. В половине третьего он запер дом и в три улегся и начал ворочаться — сон не шел. Тогда он уселся в постели и проглотил семь глав «Добычи Барбары Уорт», а когда рассвело, спустился в пустую кухню и зажег огонь под кофейником.

Он сидел, поставив локти на стол и обеими руками держа кружку с кофе. Где-то он дал маху, факт, но где? Может, она пронюхала, что Этель отдала концы? Тогда смотри в оба. И здесь к нему пришло и крепко засело в голове решение. Вот будет девять, он пойдет к ней и поговорит. Только ухо востро надо держать. Может, он чего не расслышал. Самое правильное сейчас — выложить ей все напрямик и затребовать свои, только не переборщить. Давай, мол, тысячу, и я сматываюсь отсюда, а ежели не захочет, черт с ней, все равно смотаюсь. Глядишь, в Рино банкометом устроится, работенка «от» и «до» и никаких тебе юбок. Хорошо бы квартиркой собственной обзавестись и обставить ее чин-чином — кресла кожаные, диван, ну и все такое. Чего он потерял в этом паршивом городишке? Лучше вообще в

другой штат перебраться. Ему вдруг пришло в голову: а не рвануть ли прямо сейчас? Подняться наверх, сложить вещички — всего и делов-то. Пять минут, и поминай как звали. Не с кем ему тут прощаться-обниматься. Заманчиво, ничего не скажешь. Шанс подзаработать на Этель не такой уж крупный, как сперва казалось. С другой стороны, тысяча долларов на земле не валяется. Не, лучше подождать.

Пришел повар в самом мрачном настроении духа. У него на шее выскочил чирей, кожа так воспалилась и распухла, что отдавалось в голове. Нечего посторонним тут у него в кухне под ногами путаться, и без них тошно.

Джо пошел к себе в комнату, почитал еще немного и уложил чемодан. Как бы ни повернулось с ней, он твердо решил сматываться.

Ровно в девять он легонько постучал к Кейт и толкнул дверь. Постель ее была нетронута. Он поставил поднос на стол и постучал в камору раз, потом другой, негромко окликнул хозяйку и вошел.

На стол падал кружок света. Голова Кейт утопала в подушках.

— Видать, всю ночь тут проспали, — сказал Джо. Он подошел поближе, увидел бескровные гу-

бы и погасшие глаза под полузакрытыми веками и понял, что она мертва. Он задумчиво покачал головой и выскочил в переднюю комнату посмотреть, закрыта ли дверь. Потом, не теряя ни секунды, обшарил ящик за ящиком комод, проверил сумочки и портмоне, заглянул в шкатулку около кровати и оторопел: ни единой мало-мальски стоящей вещицы, даже щетка для волос в серебряной оправе и та куда-то подевалась.

Снова по-быстрому в пристройку и нагнулся над ней — ни колечка, ни булавки какой. Потом заметил тонюсенькую цепочку на шее, ловко поддел ее пальцем, разомкнул замочек. С цепочкой вытянулись золотые часики, патрон какой-то и ключи от сейфа, с номерами 21 и 29.

— Вон куда заначила, сучка, — процедил он, снял часики с цепочки и сунул их в карман. Ему хотелось двинуть ей по морде, но тут пришла мысль порыскать в бюро. Бумага с двумя нацарапанными строчками и подписью сразу же бросилась в глаза. За такую хороший куш отвалят. Он сложил бумагу и бережно положил в карман. Потом взял с полки пачку бумаг — счета и квитанции, на другой лежали страховки, на третьей — записная книжечка, где на каждую дешевку целое дело заведено. Сгодится, в карман.

На одной полке — пачка больших конвертов, желтых, не почтовых. Он стянул с них резинку, открыл один и вытащил фотографию. На обороте аккуратным остреньким почерком Кейт имя, адрес, занятие.

Джо радостно гоготнул. Вот это да, всем шансам шанс! Он открыл другой конверт, третий. Господи Иисусе, да тут целый Клондайк! На это сколько ж годков припеваючи прожить можно. Глянуть, к примеру, на этого толстожопого, который в городском совете сидит, — со смеху помрешь! Он схватил конверты резинкой.

В верхнем ящичке обнаружилось восемь десятидолларовых бумажек и связка ключей. Деньги сразу пошли в карман. Джо приоткрыл второй ящичек — в нем бумага писчая, сургуч, пузырек с чернилами, и в эту секунду в комнату постучали. Он подошел к двери, высунулся. В коридоре стоял повар.

— Там тебя один видеть желает.

— Кто такой?

— А я откуда знаю.

Оглянувшись, Джо вышел в коридор, вынул ключ изнутри, запер дверь — и ключ в карман. Может, чего проглядел там.

Оскар Ноубл стоял в просторной гостиной.

На нем были серая шляпа и драповое, в рыжую клетку, полупальто, застегнутое до самого верха. Глаза тоже водянистые, серые, того же цвета, как щетина на щеках и подбородке. Ставни еще не открыли, в комнате света едва-едва.

Джо ленивой походочкой вошел из коридора, и Оскар спросил:

— Тебя Джо зовут?

— Кому потребовался?

— Шериф с тобой поговорить хочет.

У Джо внутри похолодело.

— Задержание? — спросил он. — Покажь ордер.

— Какой, к чертям, ордер! — сказал Оскар. — Ничего мы тебе не клеим. Проверка, простая формальность. Пройдем?

— Пройдем, отчего не пройти, — согласился Джо.

Они вышли. Джо поежился:

— Пальтишко бы взять…

— Хочешь — возьми.

— Да ладно уж, обойдусь.

Они шли в сторону Кастровилльской улицы.

— Раньше загребали? — спросил Оскар. — Брали отпечатки?

Джо помолчал, потом сказал:

— Было дело.

— За что?

— Выпил и легавому двинул, — объяснил Джо.

— Ну вот и проверим, — сказал Оскар Ноубл и завернул за угол.

Джо рванул, как заяц, через улицу, через железнодорожные пути, туда, где виднелись пакгаузы и переулки Китайского квартала.

Чтобы достать револьвер, Оскару пришлось сорвать перчатку и расстегнуть пальто. Он выстрелил, выкинув руку, и промахнулся.

Джо начал петлять на бегу. Он был уже метрах в пятидесяти и приближался к проходу между двумя зданиями. Оскар подскочил к телефонному столбу на обочине, уперся в него левым локтем, левой же ладонью ухватил правое запястье и навел мушку на начало узкого проулка. Как только Джо попал в поле прицела, он выстрелил.

Джо грохнулся ничком и проехал по земле с полметра.

Рядом была бильярдная какого-то филиппинца. Оскар Ноубл зашел туда и позвонил в участок. Когда он вышел оттуда, вокруг убитого уже собралась порядочная толпа.

Глава 51
1

Гораций Куин стал шерифом в 1903 году, победив на местных выборах мистера Р. Кифа. В качестве помощника шерифа он накопил хороший опыт, и избиратели решили: коли большая часть работы все равно лежит на нем, пусть он и будет шерифом. Куин пробыл в должности до 1919 года. Он так долго занимал свой пост, что мы, монтерейские подростки, воспринимали слова «шериф» и «Куин» как одно целое. Никого другого на его месте мы себе просто не представляли. Куин так и состарился шерифом. В молодости он повредил ногу и потом всю жизнь слегка прихрамывал, но мы знали, что он храбр и стоек, потому что много раз выходил победителем из всевозможных переделок и перестрелок. Кроме того, у него и вид был, как у настоящего шерифа — других-то мы ведь не видели. Крупное, квадратное красноватое лицо, седые усы, закручивающиеся, как рога у быка-лонгхорна, могучие плечи. С возрастом он приобрел осанистость, которая придавала ему еще больший вес. Ходил он в стет-

соновской шляпе из дорогого фетра и просторной английской куртке, а кобуру с револьвером под старость носил на заплечном ремне, потому что прежний поясной чересчур оттягивался под ее весом и давил на живот. Он досконально знал свой округ еще в 1903-м, а уж в 1917-м узнал его лучше некуда и единолично поддерживал в нем надлежащий порядок. Коротко говоря, шериф Куин был одним из столпов здешней жизни и такой же неотъемлемой частью Салинас-Вэлли, как и обступавшие ее горы.

После того как Кейт пальнула в Адама, Куин держал ее под негласным надзором. Когда умерла Фей, он нутром чувствовал, что именно эта бабенка скорее всего повинна в ее смерти, но понимал, что у него нет доказательств, а умный шериф ни за что не станет биться головой об стенку. Да и стоит ли огород городить из-за каких-то потаскух.

Со своей стороны Кейт не пыталась обвести шерифа вокруг пальца, так что мало-помалу он даже проникся к ней определенным уважением. С проституцией бороться все равно невозможно, пусть уж лучше бордели будут под началом солидных и строгих мадам. К тому же Кейт время от времени застукивала у себя разных типов, чис-

лящихся в бегах, и доносила Куину. В заведении у нее всегда был полный порядок. Словом, Куин и Кейт вполне ладили меж собой.

В субботу после Дня благодарения часов в двенадцать шериф Куин просматривал бумаги, найденные в карманах Джо Валери. Пуля тридцать восьмого калибра прошила ему край сердечной мышцы и вышла через ребра, вырвав кусок мяса величиной с кулак. Желтые конверты склеились от спекшейся крови. Шерифу пришлось намочить платок и, прикладывая его к плотной бумаге, разнимать их. Завещание было сложено и запачкалось только снаружи. Он прочитал его, отложил и, глубоко вздыхая, начал разглядывать фотографии.

От содержимого каждого конверта зависели честь и покой человека. Если эти фотографии ловко пустить в ход, не оберешься самоубийств, неизвестно, сколько людей покончат с собой. Сама Кейт уже лежала на столе в мертвецкой Мюллера, ее накачивали формалином, а в помещении судебно-медицинской экспертизы стояла банка с ее желудком.

Просмотрев все карточки до единой, Куин взял телефонную трубку и набрал номер.

— Ты не можешь заглянуть ко мне в участок? —

сказал он. — Завтракаешь? Ничего, подождет твой завтрак. Да, очень важно, сам увидишь. Я жду.

Через несколько минут в старой кирпичной окружной тюрьме позади здания суда появился человек, чье имя называть не обязательно, и встал у конторки шерифа. Тот выложил перед ним завещание.

— Ты у нас законник. Скажи, эта бумага имеет какую-нибудь силу?

Посетитель пробежал глазами две написанные строчки и шумно вдохнул через нос.

— Это та самая?

— Та самая.

— Понятно… Если ее имя действительно Кэтрин Траск и это ее рука и если Арон Траск действительно ее сын, то законнее быть не может.

Ногтем указательного пальца Куин приподнял кончики своих пушистых усов.

— Ты ведь знал ее?

— М-м… не то чтобы знал. Я знал, кто она.

Куин поставил локти на стол и подался вперед.

— Сядь-ка, потолковать надо.

Человек пододвинул стул, завертел пальцами пуговицу на пальто.

— Кейт тебя шантажировала? — спросил ше-

риф.

— Шантажировала? С какой стати?

— С такой. Я по-дружески спрашиваю. Она же померла. Чего ты боишься?

— Не понимаю, о чем ты… Никто меня не шантажирует.

Куин выудил фотографию из соответствующего конверта и кинул, как игральную карту, лицевой стороной на стол.

Посетитель водрузил очки на переносицу и прерывисто задышал, засвистел ноздрями.

— Господи Иисусе, — проговорил он едва слышно.

— Ты что, не знал, что она снимает?

— Знал… Она сама мне сказала… И что же ты с этим собираешься сделать? Да не молчи ты, Христа ради!

Куин взял фотографию у него из рук.

— Гораций, что ты с ними сделаешь?

— Сожгу. — Большой палец шерифа с треском прошелся по краю пачки. — Адская колода, правда? — сказал он. — Если ее раздать, в округе такое начнется…

На отдельный листок Куин выписал столбиком имена, поднялся, опираясь на хромую ногу, и подошел к железной печке, стоящей у стены. Там

смял «Салинасскую утреннюю газету», поджег ее и бросил в печку. Когда комок разгорелся, он бросил в огонь пачку конвертов, выдвинул задвижку, закрыл дверцу. В печке загудело, и сквозь слюдяные окошки было видно, как заиграли внутри желтые языки пламени. Куин потер ладони, как будто счищал грязь.

— Негативы тоже там, — сказал он. — Сам ее бюро обыскал. Других отпечатков нет.

Посетитель хотел было что-то сказать, но сумел только выдавить хриплым шепотом:

— Спасибо тебе, Гораций.

Шериф, переваливаясь, вернулся к столу, взял листок с именами.

— Хочу попросить тебя об одном одолжении. Вот список. Поговори с теми, кто тут значится. Скажи, что я сжег фотографии. Ты же всех их знаешь, черт побери. Тебе поверят. Ангелы — они только на небесах водятся. Поговори с каждым по отдельности, расскажи, что тут произошло. Гляди! — Куин открыл дверцу печки и начал шуровать кочергой, сминая сгоревшую бумагу в пепел. — Все расскажи.

Посетитель поглядел на шерифа, и тот понял, что нет такой силы на земле, которая отныне помешала бы сидящему напротив него человеку

видеть в нем злейшего врага. До гробовой доски между ними будет стоять невидимая стена, хотя ни один не посмеет признаться в этом.

— Даже не знаю, как тебя благодарить, Гораций.

— Ладно, чего уж там, — печально проговорил шериф. — Надеюсь, мои друзья и со мной поступили бы таким же манером.

— Вот сволочь проклятая! — выдавил посетитель, и Гораций Куин понял, что в какой-то степени проклятие адресовано ему самому. И еще он понял, что недолго уже ему быть шерифом. Эти пристыженные уважаемые граждане выпрут его с должности, ничего другого им не остается. Он вздохнул и сел за стол.

— Иди, тебя завтрак дожидается, — буркнул он. — А у меня работы по горло.

Без четверти час шериф Куин свернул с Главной улицы на Центральный проспект. В булочной Рейно он взял горячий, прямо с поду, душистый батон французского хлеба. Опираясь на перила, он взошел на крыльцо дома и позвонил.

Дверь открыл Ли. Вокруг пояса у него было обернуто кухонное полотенце.

— Его нет дома, — сказал он.

— Нет, так будет. Я на пункт позвонил — идет

он.

Ли посторонился, пропуская гостя, и усадил его в гостиной.

— Чашку горячего кофе не желаете?

— Не откажусь.

— Только что заварил, — сказал Ли и скрылся в кухне.

Куин с удовольствием оглядел удобную гостиную и подумал, что хватит ему сидеть в своем участке. Один знакомый доктор говорил ему: «Люблю принимать ребенка при родах, потому что меня ждет радость, если я хорошо потружусь». Шериф часто вспоминал эти слова и думал, что, если он хорошо потрудится, его ждет чья-то беда. То, что его работа необходима, — слабое утешение. Да, пора на пенсию, хочет он этого или нет.

Рисуя себе уход на пенсию, каждый мечтает заняться тем, на что не хватало времени раньше: путешествовать по разным городам и странам, читать книги, которые не успел раскрыть, хотя делал вид, будто читал их, и тому подобное. Много лет шериф мечтал о том времени, когда он сможет поохотиться, порыбачить, побродить по горам Санта-Лусия, пожить в палатке на берегу какой-нибудь неизвестной речушки. И теперь, стоя на пороге этой прекрасной предзакатной

поры, он вдруг почувствовал, что ему не хочется ни рыбачить, ни охотиться. Поспишь на земле — разболится нога. Подстрелишь оленя — попробуй-ка поволочи на себе тяжелую обмякшую тушу. Да и не любитель он оленины. Мадам Рейно в вине ее вымачивает, потом приправы разной добавит, поперчит хорошенько, но ведь после такой готовки и старый башмак уплетешь за милую душу. Ли приобрел новую, струйную кофеварку с ситечком. Куин слышал, как ударяется о стеклянный колпак пробивающийся сквозь молотые зерна кипяток, и его натренированный ум отметил, что китаец покривил душой, сказав, что у него только что сварился кофе.

У старика была хорошая память, обострившаяся за долгие годы службы. При желании он выстраивал перед глазами разных людей, рассматривал их лица и жесты, слышал их слова, воссоздавал целые сцены, как будто кинопроектор включал или ставил старую пластинку. Едва он подумал об оленине мадам Рейно, как его ум начал машинально регистрировать вещи в гостиной, и не просто регистрировать, но и словно подталкивать в бок, приговаривая: «Глянь-ка, тут что-то не так, чудно вроде».

Шериф внял совету, подаваемому внутренним

голосом, и принялся рассматривать комнату: мебель обита цветастым ситцем, кружевные занавески, на столе — белая вышитая скатерть, диванные подушки с затейливым рисунком. Словно для дамочки комнатка, а в доме одни мужики. Он представил себе свою собственную гостиную. Все, что в ней есть, высмотрено, приобретено и в чистоте поддерживается неутомимой миссис Куин, все, до последней вещицы. Разве что к подставке для трубок она не притрагивается, хотя сама же ее и купила, если уж на то пошло. Комната у Трасков тоже вроде бы женщиной убрана, но только с виду. Чересчур кокетливая, что ли, мужчиной придумана, с перебором. Наверняка китайские штучки. А Адам ничего не замечает, не говоря уже о том, чтобы твердой рукой порядок навести… Впрочем, нет, тут другое… Ли старается, чтобы у Трасков дом был, семейный очаг, так сказать, но Адам, видно, даже этого не замечает. Гораций Куин вспомнил, как давным-давно допрашивал Адама и был поражен глубиной его горя. Он, как сейчас, видел его отрешенный затравленный взгляд. Он еще подумал тогда, какой перед ним чистый и честный человек, и даже растерялся. Впоследствии они часто бывали вместе. Оба принадлежали к братству вольных каменщиков.

Они вместе проходили обряд посвящения в масоны, по очереди — сначала Адам, потом Гораций — занимали кресло мастера местной ложи и оба носили булавки экс-мастера. И тем не менее будто невидимая стена отгородила Адама от других людей. Никто не мог заглянуть к нему в душу, и он сам не мог распахнуть ее ни перед кем. Но во время того мучительного разговора стены между ними не было.

Женившись, Адам соприкоснулся с реальным миром. Гораций подумал о Кейт — лежит вся серая, обмытая, иглы в горле, к ним прикреплены спускающиеся с потолка резиновые трубки с формалином.

Адам не способен на бесчестный поступок. Бесчестные поступки совершают те, кто жаждет чего-нибудь. А ему ничего не нужно. Шериф старался понять, что же все-таки происходит за этой стеной, какие там заботы, радости и какая боль.

Он переменил положение, чтобы не сильно опираться на хромую ногу. В доме было тихо, слышалось только, как бурлит вода в кофеварке. Адам что-то задерживается. Старею, изумленно подумал шериф, и ничего, нравится.

Стукнула входная дверь, пришел Адам. Ли тоже услышал его и кинулся в прихожую.

— Шериф пришел, — предупредил он.

Адам вошел в гостиную и, улыбаясь, подал Куину руку.

— Здравствуй, Гораций! Ордер при себе? — Старая шутка, но срабатывает безотказно.

— Привет, — отозвался Куин. — Твой помощник собирался напоить меня кофе.

Ли скрылся в кухне и загремел тарелками.

— Что-нибудь случилось? — спросил Адам.

— В моей работенке всегда что-нибудь случается. Дай сначала кофейку испить.

— Говори, не стесняйся. Ли все равно услышит. Даже через закрытую дверь. У меня от него секретов нет. Бесполезно — обязательно разузнает.

Вошел Ли с подносом. Он улыбался, едва заметно, словно своим мыслям, разлил кофе и исчез. Адам снова спросил:

— Что-нибудь серьезное, Гораций?

— Нет, не очень. Скажи, ты не развелся с той особой?

Адам весь напрягся:

— Нет, а что?

— Сегодня ночью она с собой покончила.

Лицо у Адама исказилось, на покрасневших глазах выступили слезы, рот задергался. Он старался не дать волю чувствам, но потом упал лицом на

стол и зарыдал.

— Бедная ты моя, бедная… — твердил он.

Куин терпеливо ждал, пока Адам успокоится. Через некоторое время тот взял себя в руки и поднял голову.

— Ты уж прости, Гораций.

Пришел Ли, вложил в руки Адаму смоченное в воде полотенце. Тот послушно протер лицо, отдал полотенце назад.

— Совсем не думал… — виновато сказал он. — Что я должен сделать? Я заберу ее. Сам похороню.

— Я не стал бы, — возразил Гораций. — Впрочем, если считаешь, что это твой долг… Но я не за этим пришел. — Он вытащил сложенный листок из кармана и протянул Адаму.

Тот отпрянул.

— Это… это ее кровь?

— Да нет, не ее, не бойся. Прочти.

Адам прочитал и уставился в бумагу, словно за написанными двумя строками увидел что-то еще.

— Ведь он… он не знает, что она его мать, — сказал он.

— Как не знает? Ты что, никогда не рассказывал?

— Никогда.

— Вот тебе на… — протянул шериф.

— Не захочет он от нее ничего, — убежденно произнес Адам. — Давай порвем это, и дело с концом. Если узнает, ничего от нее не захочет.

— Не имеем права — порвать-то, — сказал Куин. — Мы и так кое в чем нарушили. Деньги она в банке хранит, в собственном сейфе. Не важно, где я раздобыл завещание и ключи. Решил не дожидаться судебного предписания и сам сходил в банк, чтобы проверить. — Шериф умолчал о том, что хотел, кроме того, посмотреть, нет ли там других фотографий. — Старина Боб все понял. Мы вдвоем сейф открыли, но никто это не докажет. Так вот, там больше ста тысяч в золотых сертификатах и наличные. Сколько там пачек — не считал. Одни деньги в сейфе, и ни единой вещицы, ничего, понял?

— Совсем ничего?

— Бумага еще есть — брачное свидетельство.

Адам откинулся в кресле. Взгляд принял отсутствующее выражение, и сам он заволакивался незримой пеленой, закрывающей его от других людей. Однако чашку на столе заметил, отхлебнул кофе и спросил спокойно:

— Что я, по-твоему, должен сделать?

— Скажу только, что я бы сделал на твоем месте, — ответил шериф. — Впрочем, ты вовсе не обязан слушаться моего совета. Я бы немедленно позвал парня и все ему рассказал — с самого начала до самого конца. Объяснил бы, почему раньше молчал. Сколько ему сейчас?

— Семнадцать.

— Взрослый мужик. Все равно потом узнает. Лучше уж сразу выложить, ничего не утаивать.

— Кэл и сейчас знает, — задумчиво проговорил Адам. — Интересно, почему она именно на Арона записала?

— Бог ее ведает. Ну, что решил?

— Ничего не решил. Поступлю, как ты говоришь. Ты побудешь со мной?

— Побуду, побуду.

— Ли, — позвал Адам, — скажи Арону, чтобы спустился. Он ведь пришел домой?

Ли появился в дверях. Его тяжелые веки на миг прикрылись, потом поднялись.

— Еще не пришел. Может, он в колледж уехал.

— Нет, он бы мне сказал. Понимаешь, Гораций, мы на праздник шампанского хватили. А Кэл где?

— У себя, — ответил Ли.

— Позови его. Пусть придет. Он наверняка

знает.

Плечи у Кэла были опущены и выдавали усталость, но лицо, хоть и осунулось, было непроницаемое и настороженное, и вообще он смотрел вызывающе.

— Где брат, не знаешь? — спросил Адам.

— Не знаю.

— Ты что, совсем его не видел?

— Совсем.

— Два дня дома не ночует. Куда же он подевался?

— Откуда я знаю? — сказал Кэл. — Я не сторож ему.

Адам вздрогнул, совсем незаметно, и опустил голову. В самой глубине его глаз вспыхнул на миг и погас ослепительно-яркий голубой огонь.

— Может, он на самом деле в колледж уехал, — хрипло выдавил он. Губы у него отяжелели, и речь стала похожа на бормотанье спящего. — Как ты думаешь, в колледж уехал?

Шериф Куин поднялся с кресла:

— Ладно, мне не к спеху. А ты ложись отдохни. Тебе надо в себя прийти.

Адам поднял голову:

— Да-да, лягу. Спасибо тебе, Джордж. Большое тебе спасибо.

— Джордж? Почему Джордж?

— Большое тебе спасибо, — повторил Адам.

Шериф ушел, Кэл поднялся к себе, а Адам откинулся в кресле и сразу же уснул. Рот у него открылся, он захрапел.

Ли немного постоял подле него и пошел в кухню. Там он приподнял хлебницу и достал из-под нее небольшой переплетенный в кожу томик с полустершимся золотым тиснением — «Размышления Марка Аврелия» в английском переводе. Он протер очки кухонным полотенцем и начал листать книгу. Потом заулыбался, найдя то, что искал.

Читал он медленно, шевеля губами.

> *Ничто не постоянно. Приходит и уходит и тот, кто помнит, и то, что помнится.*
>
> *Наблюдение показывает, что все происходит из перемен. Размышление подсказывает: ничто так не угодно природе мира, как изменять вещи и создавать новые, на них похожие. Все сущее есть семя, из какового произрастает будущее.*

Несколькими строчками ниже он прочитал:

Ты скоро умрешь, но подступающее небытие не облегчает твой удел и не освобождает от треволнений; ты все еще подвержен внешним опасностям и не можешь быть равно добрым к каждому. Еще не срок ограничить мудрость единственно справедливыми поступками.

Ли поднял голову от книги и ответил писателю, как будто тот был его дальним предком:

— Это верно, хотя и трудно принять, прости. Но не забудь, что ты сам же говорил: «Выбирай прямую дорогу, ибо прямая дорога — в природе вещей». Помнишь? — Он положил книгу, страницы перевернулись, и открылся форзац, на котором плотницким карандашом было размашисто написано: «Сэм Гамильтон».

Ли ни с того ни с сего повеселел. Интересно, Сэм хватился книги или нет, догадался, кто ее украл? Он счел тогда, что самый верный и самый простой способ раздобыть книгу — украсть ее. С тех пор он ни разу не пожалел об этом. Ли любовно погладил гладкую кожу переплета, потом положил томик под хлебницу. «Ну конечно, он понял, кто взял книгу, — сказал он вслух. — Кому еще взбрело бы в голову красть Марка Аврелия?»

Ли пошел в гостиную и подвинул кресло поближе к спящему Адаму.

2

Кэл сидел за столом, подпирая раскалывающуюся голову ладонями и надавливая пальцами на виски. В животе у него бурчало, в ноздри изо рта бил перегар, он словно был окутан перегаром, каждая пора его кожи и каждая складка одежды, казалось, пропитаны им.

Кэл до этого не пил — не было ни потребности, ни повода. Поход в бордель не облегчил боль обиды, и месть не принесла торжества. Рваными, клочковатыми облаками проносились в воспаленном мозгу звуки, образы, ощущения. Происшедшее никак не отделялось от воображаемого. Он помнил, что, когда они с братом вышли из заведения, он дотронулся до его рукава, и тот резким ударом свалил его на землю — точно хлыстом стеганул. Арон постоял над ним, потом вдруг круто повернулся и побежал в темноту, всхлипывая, как испуганный, исстрадавшийся ребенок. Кэл и сейчас различал сквозь топот тот хриплый, надрывный плач. Он лежал, не двигаясь, где упал, — под развесистой бирючиной в

палисаднике, и до него доносилось пыхтение и шипение паровозов у поворотного круга и лязг составляемых товарных вагонов. Он закрыл глаза, но услышал легкие шаги, почувствовал, что кто-то подошел и нагнулся над ним. Он глянул, и ему показалось, что это Кейт. Фигура неслышно отошла.

Немного погодя Кэл встал, стряхнул с себя пыль и пошел к Главной улице, удивляясь, что почти ничего не чувствует. Он шел и напевал под нос: «Чудесно роза расцвела в ничейной полосе».

В пятницу Кэл весь день не находил себе места, а вечером Джо Лагуна принес ему литровую бутылку виски. Самому Кэлу по возрасту спиртное не отпускали. Джо очень хотелось присоединиться к Кэлу, но в конце концов он довольствовался полученным от того долларом и тут же отправился купить себе пол-литра граппы.

Кэл пошел в переулок за Торговым домом Эббота и спрятался в том самом укромном местечке позади фонарного столба, откуда совершил первый поход в заведение матери.

Там он уселся на землю, скрестив ноги, и, превозмогая отвращение и подступавшую тошноту, начал вливать в себя виски. Два раза его вырвало, но он продолжал пить до тех пор, пока не закача-

лась под ним земля и не закружился каруселью фонарь.

В конце концов бутылка выскользнула у него из рук, он потерял сознание, но его все еще рвало. В переулок забрел бродячий пес, короткошерстый, хвост кольцом, и, степенно останавливаясь, делал свои дела, но потом учуял Кэла и осторожно обошел его стороной. Джо Лагуна тоже учуял Кэла. Он взял бутылку, прислонившуюся к его ноге, встряхнул ее, посмотрел на свет, отбрасываемый фонарем: на треть полна. Джо пополз вокруг, понапрасну ища пробку, и пошел себе, заткнув горлышко большим пальцем, чтобы не расплескалось.

Когда на рассвете Кэл проснулся от холода, на душе у него и вокруг него все было погано. Он потащился домой как полураздавленный жук, благо недалеко было — только из переулка выползти и улицу пересечь.

Ли слышал, как Кэл ввалился в дом — от него несло как из бочки, — как он, шатаясь и хватаясь за стены, добрался до своей комнаты и свалился на кровать. Уснуть Кэл не мог: раскалывалась от боли голова и неотступно грызла совесть. Немного погодя он стал под ледяной душ и изо всех сил натерся пемзой — самое лучшее, что он был

способен придумать. По всему телу разливалось жжение и успокаивало, возвращало силы.

Он знал, что должен повиниться перед отцом и просить у него прощения. Должен признать, что брат лучше и добрее его. Иначе ему не жить. И все-таки, когда Ли позвал Кэла, злость на себя обернулась у него злостью на целый свет, и перед отцом и шерифом Куином стоял сейчас затравленный, готовый огрызнуться щенок, которого никто не любит, и он сам не любит никого.

Когда Кэл вернулся к себе, его охватило острое чувство вины, и он не знал, как от него избавиться. Он вдруг испугался за брата. А что, если Арон угодил в беду? Не умеет он за себя постоять. Кэл понял, что должен вернуть Арона домой, должен разыскать его и сделать так, чтобы он снова стал таким, как прежде. Это нужно сделать во что бы то ни стало, даже если придется пойти на жертву. Идея жертвы увлекла Кэла, как и любого, жаждущего искупить вину. Арон почувствует, что ради него чем-то пожертвовали, и тогда обязательно вернется.

Кэл подошел к комоду и достал из ящика спрятанный между платками пакет. Он обвел глазами комнату и поставил на стол фарфоровую пепельницу. Потом глубоко вздохнул, и прохладный

воздух показался ему приятным на вкус. Взяв хрустящую банкноту, он сложил ее пополам, домиком, и, чиркнув спичкой снизу о крышку стола, поджег. Пламя побежало по плотному листку, он свернулся, почернел, и, лишь когда огонь обжег пальцы, Кэл бросил обуглившийся комок в пепельницу. После чего снял вторую банкноту и тоже поджег.

Когда догорала шестая, в комнату без стука вошел Ли.

— Гарью пахнет, — сказал он и, увидев, что делает Кэл, негромко охнул.

Кэл думал, что Ли вмешается, и приготовился дать отпор, но тот стоял, сложив руки на животе, и молча ждал. Кэл упрямо, одну за другой жег банкноты, а когда они кончились, растер черные хлопья в порошок и посмотрел на Ли, дожидаясь, что тот скажет. Ли все так же неподвижно стоял и молчал.

— Ну что же ты молчишь? — не выдержал Кэл. — Хотел поговорить — говори!

— Нет, — ответил Ли, — не хотел. И ты ничего не говори, если не хочешь. Я посижу немного и пойду. Вот тут присяду. — Он опустился на стул и сложил перед собой руки. По лицу его блуждала улыбка, которую называют загадочной.

Кэл отвернулся.

— Я дольше тебя просижу, — сказал он.

— Если решим состязаться — вероятно. Но вот если сидеть целые дни, годы, может, и века — нет, Кэл, не пересидишь ты меня, проиграешь.

Немного погодя, Кэл раздраженно бросил:

— Ну что же, начинай свою нотацию.

— Не собираюсь я читать никаких нотаций.

— Тогда на кой черт ты сюда приперся? Ты же прекрасно знаешь, что я сделал. И что напился вчера — тоже знаешь.

— Не знаю, но догадываюсь. А что напился — чую.

— Как это так — чуешь?

— От тебя до сих пор несет.

— Первый раз это со мной. Ничего хорошего.

— По-моему, тоже. У меня желудок спиртное не принимает. Вдобавок я от него завожусь, то есть умственно завожусь.

— Что значит умственно?

— Приведу тебе один пример. В молодости я теннисом увлекался. Нравилась мне эта игра, да и полезно для слуги. Играешь парную с хозяином, берешь пропущенные им мячи и за сноровку не благодарность получаешь, а нечто более существенное — два-три доллара. Так вот, хватил я

однажды как следует — херес, кажется, был, — и втемяшилась мне такая теория. Будто самые быстрые и увертливые существа на свете — это летучие мыши… Короче говоря, застукали меня ночью в звоннице Методистской церкви в Сан-Леандро. В руках у меня ракетка, и я доказываю полицейскому, что на этих самых летучих мышах удар слева отрабатываю.

Кэл так весело и так неподдельно, от души рассмеялся, что Ли пожалел, что ничего такого у него в жизни не случалось.

— А я у столба уселся и давай глушить. Как свинья наклюкался, — сказал Кэл.

— Вечно мы бедных животных…

— Я боялся, что пулю себе в лоб пущу. Вот и напился, — прервал его Кэл.

— Напрасно боялся. Чересчур себя любишь, чтобы застрелиться, и злобы в тебе много. Кстати, ты в самом деле не знаешь, где Арон?

— Убежал от меня, а куда — не знаю.

— В Ароне злобы нет, — проговорил Ли задумчиво.

— Знаю, меня самого это беспокоит. Но ведь он ни за что не решится, правда? Как ты думаешь, Ли?

— Старая история! Когда человек спрашивает

у другого, что он думает, ему хочется, чтобы тот подтвердил его собственное мнение. Это все равно что спрашивать у официанта, что сегодня стоит заказать. Не знаю я, решится или нет.

— И зачем только я это сделал? — воскликнул Кэл. — Зачем?

— Пожалуйста, не усложняй, — сказал Ли. — Отлично знаешь зачем. Ты разозлился на него, а разозлился потому, что обиделся на отца. Проще простого: разозлился, и все.

— Наверное, ты прав… Но я не хочу быть злым, не хочу! Что же мне делать, Ли, подскажи!

— Погоди-ка, кажется, это отец. — Ли выскользнул за дверь.

Кэл слышал, как они о чем-то говорят, потом Ли вернулся.

— На почту идет. Иногда мне кажется, что все мужское население Салинаса отправляется днем на почту, хотя никакой почты в это время не привозят.

— Многие по дороге заходят выпить, — заметил Кэл.

— Да, своего рода обычай, расслабиться можно, знакомых повидать… Знаешь, Кэл, — переменил Ли тему, — не нравится мне отец, очень не нравится. Глаза какие-то неподвижные, и вообще…

Да, совсем забыл. Ты новость слышал? Вчера ночью твоя мать покончила с собой.

— Как покончила? Правда? — вскинулся Кэл и проворчал: — Надеюсь, помучилась хорошенько… Господи, что я говорю! Вот видишь, опять! Не хочу я быть таким, не хочу!

Ли не спеша почесал голову в одном месте, потом в другом, в третьем, будто она вся кругом зачесалась. Ему нужно было выиграть время и принять глубокомысленный вид. Наконец он спросил:

— Ты получил удовольствие от того, что сжег деньги?

— М-м… Кажется, да.

— А тебе не кажется, что ты получаешь удовольствие от самобичевания? Что наслаждаешься тем, что терзаешь себя?

— Ли!..

— Ты чересчур поглощен собой. Заворожен трагедией Калеба Траска. Еще бы! Калеб — великий и неповторимый. Калеб, чьи страдания должны быть воспеты новым Гомером. А тебе никогда не приходило в голову, что ты всего-навсего мальчишка? Просто-напросто зловредный сопляк, зловредный и в то же время благородный — как все сопляки. Молокосос, набравшийся скверных

привычек, но и сохранивший редкую чистоту помыслов. Допускаю, что у тебя побольше энергии, побольше напористости, чем у других. Но в остальном ты такой же мальчишка, как твои сверстники. Хочешь выставить себя великомучеником только потому, что от шлюхи родился? А если, не дай бог, что-нибудь случилось с Ароном, то и роль братоубийцы себе присвоить? Сопляк ты несчастный!

Кэл медленно отвернулся к столу. Затаив дыхание, Ли пристально следил за ним — точно так же, как врач следит за тем, как действует на пациента укол. Он видел, какие чувства бушуют в его подопечном: ярость, вызванная оскорблением, желание нанести ответный удар и сменившая его горькая обида — признак того, что кризис миновал.

Ли облегченно вздохнул. Он действовал настойчиво и нежно, и труд его, судя по всему, не пропал даром.

— Кэл, мы — народ необузданный, — негромко начал он. — Надеюсь, тебя не удивляет, что я говорю «мы»? Вероятно, правильно утверждают, что американцы происходят из бродяг и бедокуров, драчунов и спорщиков, психопатов и преступников. Но среди наших предков были и

мужественные, независимые и великодушные люди. Иначе мы бы до сих пор лепились на жалких кочках истощенной земли Старого Света и голодали.

Кэл повернулся к Ли, его насупившееся лицо расплылось в улыбке. Китаец понимал, что ему не удастся совсем уж заговорить своего воспитанника, а тот понимал, ради чего старается Ли, и был благодарен ему.

— Я говорю «мы», потому что нам всем это передалось, независимо от того, откуда приехали наши отцы. У американцев разных цветов и оттенков кожи есть нечто общее. Все мы — порода, которая вывелась сама по себе. Именно поэтому мы ласковы и жестоки, как дети. Среди нас есть отчаянные смельчаки и жалкие трусы. Мы быстро сходимся с людьми, а с другой стороны, побаиваемся чужаков. Хвастаемся своими успехами и вместе с тем подражаем другим, как обезьяны. Мы чересчур сентиментальны, но и вполне прозаичны. Мы прагматики до мозга костей, расчетливость у нас в крови, а в то же время назови мне другую страну, которая так вдохновляется идеалами. Мы слишком много едим. У нас нет ни вкуса, ни чувства меры. Мы понапрасну растрачиваем нашу энергию. В Старом Свете

говорят, что американцы из варварства перескочили сразу в декаданс, миновав промежуточные стадии. Но может быть, те, кто критикует Америку, просто не подобрали ключ к нашему образу жизни? Да, мы все такие, Кэл, все до единого. И ты не очень отличаешься от других.

— Зубы заговариваешь? — улыбнулся Кэл. — Ну, давай, давай.

— Нечего мне больше давать. Я все сказал. Отцу пора бы вернуться. Беспокоит он меня. — С этими словами Ли торопливо вышел.

В прихожей, у входной двери, прислонившись к стене, стоял Адам. Плечи у него были опущены, шляпа сбилась на глаза.

— Адам, что с тобой?

— Не знаю. Устал вроде бы. Устал.

Ли взял его под руку, ему показалось, что Адам не знает, как пройти в гостиную. В комнате он тяжело рухнул в кресло, Ли снял с него шляпу. Правой рукой Адам потирал наружную сторону левой руки. Глаза у него были какие-то странные — неестественно-прозрачные и неподвижные, губы пересохли и распухли, речь сделалась, как у говорящего во сне — медленной, слышимой словно бы откуда-то издалека. Он яростно тер руку.

— Удивительно, — проговорил он. — Должно

быть, в обморок упал… на почте. Никогда такого не было. Мистер Пьода мне нашатырю под нос. Всего и длилось-то полминуты. Никогда обмороков не было.

— А почту привезли? — спросил Ли.

— Да-да, кажется, привезли. — Адам сунул левую руку в карман, потом вынул. — Рука что-то онемела, — сказал он виновато, потянулся правой рукой и достал желтую казенную открытку. — Кажется, я уже прочитал… Да, наверное, прочитал. — Он подержал открытку перед глазами, потом уронил на колени. — Ли, пора мне, кажется, очки выписать. В жизни не страдал глазами, а сейчас вот плоховато вижу. Расплывается все.

— Может, я прочту?

— Странно… Завтра же схожу за очками… Да-да, прочти, что там.

Ли прочел:

— «Дорогой отец, я записался в армию. Наврал, что мне уже восемнадцать. Не волнуйся за меня. Все будет в порядке. Арон».

— Странно, — сказал Адам. — Вроде бы читал я… Впрочем, нет, кажется, нет.

Он изо всех сил тер руку.

Глава 52
1

Та зима 1917-1918 годов была мрачным, тяжелым временем. Немцы продвигались вперед, сокрушая все перед собой. За три месяца англичане потеряли триста тысяч человек убитыми и ранеными. Во многих частях французской армии начались волнения. Россия вышла из войны. Отдохнувшие и усиленные новыми пополнениями и новым снаряжением, германские дивизии были переброшены с Восточного фронта на Западный. Судя по всему, война была безнадежно проиграна.

Настал уже май, а в боевых действиях участвовало только двенадцать американских дивизий, и лишь летом восемнадцатого началась систематическая переправка наших войск в Европу. Союзные генералы грызлись между собой. Немецкие субмарины топили наши транспорты.

Вот тогда мы наконец уразумели, что война — отнюдь не лихой кавалерийский наскок, а кропотливый, изнурительный труд. Зимой мы совсем упали духом. Улеглось возбуждение пер-

вых недель, а упорства и привычки к затяжной войне мы пока не выработали.

Людендорф был несокрушим. Ничто не могло остановить его. Он наносил удар за ударом по потрепанным английским и французским армиям. Мы уже начали опасаться, что не успеем соединиться с ними и окажемся один на один с непобедимой германской машиной.

Многие старались не замечать тягот войны, искали утешения кто в фантазиях, кто в пороках, кто в безрассудных развлечениях. Пошла мода на гадалок и предсказателей, в пивных не было отбоя от народа. Другие старались избавиться от растерянности и гнетущего страха, уходили в себя, замыкались в личных радостях и личных бедах. Как мы могли забыть все это? Первая мировая война вспоминается ныне совсем иначе: цепочка легких побед, парады вернувшихся фронтовиков, знамена, оркестры, безудержное хвастовство, драки с треклятыми бриттами, которые воображали, будто войну выиграли они, и только они. Как быстро мы забыли, что в ту зиму нам никак не удавалось побить Людендорфа, и мы умом и сердцем приготовились к поражению.

2

Адам Траск был не столько опечален происшедшим, сколько огорошен. Он хотел вообще уйти из призывной комиссии, однако ему предоставили отпуск по болезни. Целыми часами возился он с левой рукой, держал ее в горячей воде и растирал жесткой щеткой.

— Это нарушение кровообращения, — объяснял он. — Как только кровообращение восстановится, будет действовать нормально. А вот глаза меня беспокоят. Никогда на глаза не жаловался. Наверное, надо врачу показаться, пусть очки выпишет. Я и в очках — как тебе нравится? Уж и не знаю, сумею ли к ним привыкнуть. Сегодня надо бы к доктору сходить, да голова немного кружится.

Адаму не хотелось признаваться, что головокружения у него довольно сильные. Он передвигался по дому, только опираясь на стены. Ли нередко приходилось помогать Адаму подняться с кресла или утром с кровати, он завязывал ему шнурки на ботинках, потому что левая рука у него почти не слушалась.

Едва ли не каждый день Адам заговаривал об Ароне.

— Я могу понять, почему мальчиков тянет в армию. Если бы он мне сказал, что хочет завербоваться, я бы попытался отговорить его, но запрещать… запрещать бы не стал, ты же знаешь.

— Знаю, — отвечал Ли.

— Почему он тайком — вот этого я не могу понять. Почему не пишет? Мне казалось, что я знаю его. Абра от него не получала писем? Уж ей-то он должен написать.

— Я спрошу у нее.

— Обязательно спроси. И поскорее.

— Говорят, муштруют их здорово. Может, просто времени нет.

— Какое там время — черкнуть открытку.

— Сами-то вы писали отцу, когда служили в армии?

— Думаешь, подловил? Нет, не писал я, и ты знаешь почему. Я не хотел идти в армию, это отец заставил. Он обидел меня. Так что у меня причина была. А Арон — он ведь так успевал в колледже. Оттуда даже письменный запрос пришел, ты сам видел. Уехать, все бросить, даже одежды не взять и часы золотые.

— Зачем ему в армии гражданская одежда? И часы золотые тоже ни к чему. Там один цвет

— хаки.

— Наверное, ты прав. Но все равно я его не понимаю… Надо что-то с глазами делать. Не могу же я постоянно тебя просить почитать мне. — Зрение на самом деле серьезно беспокоило Адама. — Строчки вот вижу, а слова расплываются, — говорил он. По десять раз на дню он хватался за газету или за книгу, а потом огорченно откладывал ее.

Чтобы Адам не нервничал понапрасну, Ли старался побольше читать ему вслух, но посреди чтения тот часто засыпал. Потом, очнувшись, спрашивал:

— Ли, это ты? Или Кэл? Странно, в жизни глаза не беспокоили. Надо завтра же врачу показаться.

Как-то раз в середине февраля Кэл пришел в кухню к Ли.

— Все время о глазах говорит. Давай сводим его к врачу.

Ли варил абрикосовый компот. Он быстро закрыл дверь и вернулся к плите.

— Не надо ему к врачу.

— Почему не надо?

— Не глаза это, по-моему. И если врач подтвердит, он еще больше расстроится. Повременим, пусть оправится от удара. Я ему все читаю, что

пожелает.

— А что с ним?

— Не хочу гадать. Вот если мистера Эдвардса попросить, чтобы заглянул… Просто так, проведать.

— Ну, как знаешь, — сказал Кэл.

Ли спросил:

— Ты Абру последнее время видишь?

— Факт, вижу. Но она меня избегает.

— И что, догнать не можешь?

— И догнать могу, и повалить могу, и стукнуть как следует, чтоб не молчала. Могу, но не буду.

— А все-таки стоит попробовать растопить ледок. Иногда стена только с виду крепкая и неприступная, а тронешь пальцем, и она разваливается. Подкарауль Абру где-нибудь. Скажи, что мне нужно с ней поговорить.

— И не подумаю.

— Угрызаешься, да?

Кэл молчал.

— Разве она тебе не нравится?

Кэл молчал.

— Слушай, если так будет продолжаться, я не ручаюсь за последствия. Ты себя доведешь. Не держи это в себе, раскройся. Тебе же лучше будет.

— Рассказать отцу, что я сделал? — воскликнул

Кэл. — Если хочешь, расскажу!

— Нет, Кэл, не надо. Пока не надо. А вот когда он поправится, тебе придется рассказать. Ради самого себя. Одному нести такую ношу не под силу. Она задавит тебя.

— А может, так и надо, — чтобы меня задавило.

— Замолчи! — спокойно и презрительно оборвал его Ли. — Пожалел, видите ли, Кэла Траска. Поблажку самому себе сделал, только дешевый это ход. Так что лучше помалкивай.

— Сам-то ты не помалкиваешь.

Ли переменил тему:

— Не пойму, почему Абра к нам не заходит. Ни разу не была.

— Зачем ей теперь приходить.

— Нет, на нее это не похоже. Тут что-то другое. Ты ее видел?

— Я же сказал — видел! — хмуро бросил Кэл. — Ты, похоже, тоже тронулся. Три раза с ней заговаривал. Ничего слышать не желает. Уходит, и все.

— Тут что-то не то. Она же хорошая женщина, настоящая.

— Девчонка она, вот кто, — возразил Кэл. — Смешно называть девчонку женщиной.

— Ошибаешься, Кэл, — проникновенно сказал

Ли. — Некоторые с самого рождения женщины. Абра красива, как взрослая женщина, она смелая, сильная… и умная. Все прекрасно понимает, на вещи смотрит трезво. Давай спорить, что она по пустякам волноваться не станет, не зловредная и не ломака — разве что из кокетства поломается немного.

— Высоко же ты ее ставишь.

— Да, высоко, и потому думаю, что сама она не перестала бы навещать нас, — сказал Ли и добавил: — Соскучился я по ней. Попроси ее зайти ко мне.

— Уходит она, я же сказал.

— А ты догони. Скажи, что я скучаю и хочу ее видеть.

— Вернемся к разговору об отцовских глазах? — спросил Кэл.

— Не стоит.

— Может, поговорим об Ароне?

— Тоже не стоит.

3

Все переменки на следующий день Абра была среди подруг, и лишь выйдя из школы после занятий, Кэл увидел, что она идет домой одна. У

ближайшего угла он свернул на параллельную улицу, обежал квартал и, рассчитав время, выскочил из переулка как раз перед идущей Аброй.

— Привет, — сказал он.

— Привет. Значит, мне не показалось, что ты сзади крадешься.

— Не показалось. Я квартал обежал, чтобы подкараулить тебя. Поговорить надо.

Абра внимательно посмотрела на Кэла:

— Если поговорить, то зачем бегать и караулить?

— Я же в школе хотел поговорить, но ты не соизволила.

— Ты был не в духе. Не люблю разговаривать, когда человек не в духе.

— Откуда ты знаешь, что я был не в духе?

— По лицу было видно, по походке. Вот сейчас ты в духе.

— Да, в духе.

— Ты не хочешь взять мои книги? — улыбнулась Абра. У Кэла сразу отлегло от сердца.

— Ну, ясное дело, — заторопился он. Сунув стопку книг под мышку, Кэл зашагал рядом с Аброй. — Ли просил передать, чтобы ты зашла повидаться.

— Правда? — оживилась она. — Скажи, обяза-

тельно приду. Как отец?

— Так себе. Глаза беспокоят.

Они шли молча, потом Кэл не выдержал и спросил:

— Об Ароне знаешь?

— Знаю, — откликнулась она и добавила: — Открой мой дневник на второй странице.

Кэл вытащил из стопки учебников дневник. Внутри была вложена простенькая открытка. На ней было нацарапано: «Дорогая Абра! Я как в грязи вывалялся. Совсем не пара тебе. Ты ни в чем не виновата. Нахожусь в армии. К отцу не ходи. Прощай, Арон».

Кэл захлопнул дневник.

— Сукин сын! — пробормотал он.

— Что ты сказал?

— Ничего.

— Я все равно слышала.

— Ты знаешь, почему он уехал?

— Нет. Хотя если подумать… как дважды два сходится. Но я не хочу гадать. Я пока не готова… то есть если ты сам не захочешь сказать.

Неожиданно Кэл спросил:

— Абра, ты… ты меня очень не любишь?

— Это ты меня недолюбливаешь. Только не знаю за что.

— Я… Боюсь я тебя.

— Боишься? Неужели я такая страшная?

— Знаешь, сколько я тебе гадостей делал. И вдобавок ты невеста моего брата.

— Какие гадости? И вовсе я не невеста.

— Хорошо, я скажу. — В тоне Кэла звучала горечь. — Только учти, ты сама попросила… Наша мать была проститутка. Она держала в нашем городе публичный дом. Я давно об этом узнал. В День благодарения я повел туда Арона, чтобы он полюбовался на свою мамочку. Я…

— Ну а он что? — взволнованно перебила его Абра.

— Он? Распсиховался весь. Стал на нее орать. Потом, когда мы вышли, сшиб меня на землю и убежал. Наша дорогая матушка наложила на себя руки, а отец… с ним что-то странное происходит… Ну вот, теперь ты все обо мне знаешь. Теперь имеешь полное право не знаться со мной.

— Теперь я его понимаю, — произнесла она задумчиво.

— Кого, Арона?

— Да.

— Он был хороший… Нет, почему был? Он и сейчас хороший. Добрый, неиспорченный, не то что я.

Они шли медленно и молчали. Потом Абра совсем остановилась, остановился и Кэл, и она посмотрела ему прямо в лицо.

— Кэл, а я ведь давным-давно про твою мать знаю.

— Откуда?

— Мои родители об этом разговаривали. Они думали, что я сплю, а я все слышала. Кэл, я хочу тебе что-то сказать. Мне трудно говорить про это, но молчать еще труднее. Лучше сказать. Я уже не маленькая девочка, какой была совсем недавно. Я стала взрослой. Ты понимаешь, о чем я?

— Понимаю.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Ну, смотри. Теперь самое трудное… Мне надо было это раньше сказать… Я разлюбила Арона.

— Разлюбила? Почему?

— Я очень старалась разобраться… Когда мы были маленькие, мы с ним придумали красивую сказку и начали жить в этой сказке. Потом я подросла и поняла, что мне нужно что-то другое, настоящее, а не придуманное.

— Но ведь…

— Подожди, дай мне досказать. Я переменилась, а Арон так и остался, каким был. Не повзрослел.

Может, он вообще никогда не станет по-настоящему взрослым. Ему нравился этот придуманный мир, в нем все так, как он хочет. Он даже подумать не смел, что у сказки может быть другой конец.

— А ты?

— А я не хочу терпеливо дожидаться, как и что получится из этой сказки. Я хочу жить взаправдашней жизнью. Понимаешь, Кэл, мы с ним разные, настолько разные, что почти чужие. Мы цеплялись за сказку по привычке. Но я больше не верю в красивые сказки.

— Что же будет с Ароном?

— Он всегда старался, чтобы получилось, как он хочет. Ради этого готов все вверх дном перевернуть.

Кэл стоял, уставившись в землю.

— Ты мне не веришь? — спросила Абра.

— Разобраться пытаюсь.

— Понимаешь, ребенку кажется, что он центр Вселенной. Все, что делается вокруг, делается для него одного. Другие люди в его глазах просто куклы, с которыми он играет. Но когда ребенок подрастает, он начинает сравнивать себя с другими, узнает себе цену, находит свое место в мире. Начинает понимать, что не только люди что-то должны ему, но и он должен людям. Это гораздо

труднее, зато справедливее. Я рада, что ты рассказал мне про Арона.

— Рада?

— Да, рада. Теперь я убедилась, что была права. Узнать плохое про собственную мать — это удар. Арон не перенес удара, потому что он разрушил придуманную им сказку. А другого, реального мира он не хочет знать. Вот он и перевернул все вверх дном, все поломал. Он и меня поломал, когда объявил, что хочет быть священником.

— Это надо обмозговать, — проговорил Кэл.

— Давай сюда мои книги, — сказала Абра. — И передай Ли, что я приду. Я теперь свободна. Мне тоже надо кое-что обмозговать. Знаешь, Кэл, мне кажется, я тебя люблю.

— Я нехороший.

— Именно за то, что ты нехороший.

Кэл не чуял под собой ног.

— Она завтра придет! — с порога крикнул он Ли.

— Что-то ты взбудоражился, — ответил тот.

В дом Абра вошла на цыпочках. В прихожей прокралась вдоль стены, где не скрипел пол, хотела было подняться к себе по устланной ковром лестнице, но передумала и пошла в кухню.

— Пришла, — встретила ее мать. — Подзадер-

жалась.

— Надо было остаться после уроков. Как отец, лучше?

— Думаю, что да.

— Что доктор сказал?

— То же самое, что вначале, — переутомление. Ему нужен отдых.

— По его виду не скажешь, что переутомился.

Мать открыла ящик, вынула три картофелины и положила их в раковину.

— Отец очень стойкий человек, дорогая. Никогда не пожалуется на здоровье. Зато я хороша, могла бы и догадаться. Столько сил отдавал на помощь фронту, и это не считая собственной работы. Доктор говорит, что такой человек может сразу слечь.

— Можно, я загляну к нему?

— Видишь ли, Абра, мне кажется, ему не хочется никого видеть. Давеча судья Кнудсен звонил, так отец велел сказать, что спит.

— Тебе помочь?

— Пойди сначала переоденься. Не дай бог, запачкаешь новое платье.

Абра прошла на цыпочках мимо отцовского кабинета и поднялась к себе. Ее комната слепила полированными поверхностями мебели

и яркими, цветастыми обоями. Фотографии родителей в рамочках на столе, стихотворные послания в рамочках на стенах, туфли, аккуратно поставленные рядышком у кровати на натертом полу, — решительно все на своем, раз и навсегда определенном месте. Мать все делала так, как хотела: кормила ее, выбирала платье, устанавливала распорядок жизни. Абра давно отказалась от мысли завести себе личные, только ей принадлежащие вещи. Даже в собственной комнате она не знала уединения. Уединялась она единственно в свои мысли. Несколько писем, которые она хранила, находились в гостиной — были спрятаны в двухтомных «Воспоминаниях Улисса С. Гранта»[16]. С тех пор как генеральские мемуары сошли с печатного станка, ни одна живая душа в доме, кроме нее самой, не прикоснулась, насколько ей было известно, к их страницам.

Абра не задумывалась, почему ей сейчас так хорошо. Многое она сердцем чувствовала и не любила говорить. Она прекрасно знала, к примеру, что отец вовсе не болен. Скрывает он что-то. А вот Адам Траск, напротив, точно болен: она

[16] Примечания: 16

Грант, Улисс Симпсон (1822-1885) — американский военачальник, главнокомандующий вооруженными силами северян во время Гражданской войны 1861-1865 гг., 18-й президент США.

видела, как он, шаркая ногами, брел по улице. Интересно, мать знает, что отец притворяется?

Абра скинула платье и надела ситцевый сарафанчик, предназначенный для работы по дому. Причесав волосы, она прошла на цыпочках мимо комнаты отца и спустилась вниз. Там она вытащила из дневника открытку, полученную от Арона, и в гостиной вытряхнула из второго тома «Воспоминаний» его письма, плотно сложила и, подняв юбку, засунула их под резинку панталон. Письма немного выпирали на животе, но на кухне она надела передник, и стало совсем незаметно.

— Можешь почистить морковь, — сказала мать. — Вода вскипела?

— Закипает.

— Тебе нетрудно положить бульонный кубик в эту чашку? Доктор сказал, что отцу очень полезен бульон.

Когда мать понесла наверх дымящуюся чашку, Абра открыла мусорную топку в газовой плите, кинула туда письма и подожгла.

Мать вернулась, потянула носом:

— Дымом пахнет.

— Это я мусор сожгла. Ведро было полно.

— Надо спрашивать, прежде чем берешься что-

нибудь делать, — сказала мать. — Я коплю сухой мусор и по утрам обогреваю им кухню.

— Прости, мама, я не подумала.

— Пора научиться думать о таких вещах, дорогая. Ты какая-то рассеянная последнее время.

— Прости, мама.

— Бережливость — это статья дохода.

В столовой зазвонил телефон. Мать пошла туда, сняла трубку, и Абра слышала, как она сказала: «Нет, к нему нельзя. Доктор запретил. Нет-нет, категорически никаких разговоров. Ни с кем».

Вернувшись в кухню, она сказала:

— Это опять судья Кнудсен.

Глава 53
1

На другой день в школе Абра была невнимательна: она предвкушала встречу с Ли.

— Ты сказал, что я сегодня приду?

— Он уже какие-то пирожные затеял, — сказал Кэл.

На нем была военная форма, гимнастерка не по росту с жестким стоячим воротничком, на ногах краги.

— У тебя строевая, — сказала Абра. — Тогда я одна пойду. А какое пирожное?

— Не знаю, кажется, корзиночки с клубникой. Оставь штучки две, ладно? Хоть попробовать.

— Хочешь посмотреть, что тут? Это я Ли подарок приготовила. Гляди! — Она открыла картонную коробку. — Новая картофелечистка, только кожицу снимает. И очень удобная. Думаю, ему понравится.

— Ну все! Не видать мне пирожных как своих ушей, — протянул Кэл и добавил: — Если задержусь, подожди, не уходи без меня, ладно?

— А ты понесешь потом мои книжки?

— Факт, понесу.

Она посмотрела ему прямо в глаза таким долгим, внимательным взглядом, что он чуть было не опустил голову, и пошла в класс.

2

Поднимался теперь по утрам Адам поздно. Последнее время он спал часто и понемногу, и Ли приходилось по нескольку раз заглядывать к нему, чтобы посмотреть, не проснулся ли он.

— Хорошее утро, чувствую себя прекрасно, — сказал он в этот день.

— Какое уж там утро! Почти одиннадцать.

— Боже ты мой! Надо скорей вставать!

— А зачем вам вставать? — сказал Ли.

— Как зачем?.. А правда, зачем… Но я же хорошо себя чувствую, Ли. Можно в комиссию сходить. Как там на дворе?

— Сыро, — ответил Ли.

Он помог Адаму встать с постели, помог застегнуть пуговицы, завязать шнурки на ботинках и вообще привести себя в порядок. Пока Ли хлопотал, Адам рассказывал:

— Знаешь, мне сон приснился, очень жизненный. Отца во сне видел.

— Насколько мне известно, достойный был джентльмен, — отвечал Ли. — Я видел папку с газетными вырезками; помните, адвокат вашего брата прислал? Должно быть, достойный был джентльмен.

— А тебе известно, что он был вор? — Адам смотрел на Ли совершенно спокойно.

— Дурной вам сон приснился, не иначе, — возразил Ли. — Ваш отец похоронен на Арлингтонском кладбище. В одной заметке говорится, что на похоронах присутствовали вице-президент и военный министр. Мне кажется, наш «Вестник» заинтересовала бы статья о нем. Как раз ко времени. Не хотите посмотреть папку?

— И тем не менее он был вор, — повторил Адам. — Раньше я не верил, а теперь верю. Он присваивал деньги, принадлежащие СВР.

— Ни в жизнь не поверю.

На глазах у Адама выступили слезы. Последнее время глаза у него вообще были на мокром месте.

— Вы тут посидите, а я принесу что-нибудь поесть, — сказал Ли. — Знаете, кто днем придет к нам? Абра!

— Абра? — переспросил Адам. — Ах да, конечно. Славная девчушка.

— А я так просто люблю ее, — сказал Ли. Он усадил Адама перед карточным столиком. — Может, поломаете голову над разрезной картинкой, пока я завтрак приготовлю?

— Спасибо, сегодня не хочется. Сон попробую разгадать, пока не забыл.

Когда Ли вошел к Адаму с подносом, тот мирно спал в кресле. Ли разбудил его, заставил есть, а сам тем временем почитал ему «Салинасскую газету». Потом он проводил его в ватерклозет.

В кухне стоял душистый аромат печеного теста, а от сока ягод, пролившегося в духовке на противень, разливался приятный горько-сладкий, вяжущий запах.

Сердце Ли переполнялось радостью. То была радость ожидания подступавших перемен. Кончается земное время Адама, подумал он. Мое тоже должно бы кончаться, но я этого не чувствую. Я словно бы бессмертен. Когда-то, когда был совсем молодым, я знал, чувствовал, что смертен, а сейчас нет. Смерть отступила. Не знаю, нормальное ли это чувство.

Любопытно, что имел в виду Адам, говоря, что его отец был вор. Вероятно, ему это приснилось, подумал Ли. Но тут же началась привычная для него игра ума. Допустим, что это правда — то-

гда получается, что Адам, этот честнейший из честных человек, всю жизнь жил на ворованные деньги. Теперь вот это завещание, усмехнулся про себя Ли. Значит, Арон, который чуть ли не упивается собственной безгрешностью, тоже всю свою жизнь будет жить на накопления от доходов с публичного дома. Что это, какая-то шутка или же порядок вещей таков, что если одно явление чересчур перевешивает другое, то автоматически включается некий балансир, и равновесие восстанавливается?

Ему вспомнился Сэм Гамильтон. В какие только двери он не стучался! Какие у него были замечательные идеи и изобретения, однако никто не помог ему деньгами. Впрочем, зачем ему деньги? Он и так был богат, у него хватало всего, а больше ему не нужно. Земные богатства и скапливаются-то у нищих духом, у тех, кто обделен подлинными интересами и радостями жизни. Если уж прямо, по чести, то главные богатеи — это и есть голытьба убогая. Так это или не так, размышлял Ли. Судя по некоторым делам их, безусловно, так.

Он подумал о Кэле, который сжег деньги, чтобы наказать себя, и о том, что от наказания мучился меньше, чем от своего поступка.

«Если где-нибудь и когда-нибудь мне посчаст-

ливится встретиться с Сэмом Гамильтоном, — сказал себе Ли, — порасскажу же я ему всяческих историй! — И добавил в уме: — Да и он мне тоже!»

Ли пошел к Адаму; тот старательно открывал папку, где хранились вырезки о его отце.

3

Днем подул холодный ветер, однако Адам настоял на своем: надо пойти заглянуть в призывную комиссию. Ли хорошенько укутал его и вывел на улицу.

— Если вдруг почувствуете себя плохо, садитесь прямо на тротуаре и ждите.

— Хорошо, — пообещал Адам. — Но сегодня совсем голова не кружится. Может, даже к Виктору зайду, пусть глаза посмотрит.

— Не надо, завтра вместе сходим.

— Там посмотрим, — ответил Адам и зашагал, бодро размахивая руками.

Пришла Абра с сияющими глазами и покрасневшим от студеного ветра носом. При виде ее Ли тихонько засмеялся от радости.

— А где же обещанные пирожные? — по-хозяйски осведомилась она. — Давайте спрячем их от

Кэла, а? — Она присела на стул, огляделась: — До чего хорошо у вас. Я так рада, что пришла.

Ли раскрыл было рот, но в горле у него запершило, и все же надо было сказать, что он хотел, сказать как можно деликатнее. Он остановился перед ней.

— Знаешь, — начал он, — я не так многого хотел в жизни. Смолоду приучил себя к мысли, что многого мне и не надо. От желаний сплошные разочарования.

— А теперь чего-то хотите? — весело спросила Абра. — И чего же?

— Хорошо, если бы ты была моей дочерью!.. — выпалил он. Потрясенный, Ли быстро отошел к плите, выключил газ под чайником, потом снова зажег.

— Хорошо, если б вы были моим отцом, — тихо отозвалась Абра.

Он посмотрел на нее и быстро отвернулся.

— Правда?

— Правда.

— И почему?

— Потому что я люблю вас как отца.

Ли кинулся вон из кухни. У себя в комнате он тяжело опустился на стул и сидел так, крепко стиснув руки, пока его не перестали душить

слезы. Потом он встал и взял с комода миниатюрную резную шкатулку из черного дерева. На крышке был изображен дракон, вздымающийся к небесам. Ли бережно понес коробочку в кухню и поставил перед Аброй.

— Это тебе, — сказал он недрогнувшим тоном. Абра открыла шкатулку и увидела там маленькую нефритовую брошь, на которой была вырезана человеческая рука, правая рука — изящная, с длинными, чуть согнутыми пальцами, как бы предлагающая мир и покой. Абра осторожно вынула брошь, лизнула ее, медленно провела по своим пухлым губам и приложила прохладный темно-зеленый камень к горячим щекам.

— Единственное украшение моей матери, — сказал Ли.

Абра встала, положила ему на плечи руки и поцеловала в щеку. Ни разу в жизни он не испытывал такого волнения.

— Кажется, изменила старику его хваленая восточная невозмутимость, — счастливо рассмеялся Ли. — Дай я лучше чай приготовлю, родная. А то совсем расчувствуюсь. — Он отошел к плите и добавил: — Знаешь, я еще никому не говорил «родная». Ни разу в жизни.

— Я еще утром проснулась такая счастливая, —

сказала Абра.

— Я тоже, — проговорил Ли. — И знаю отчего: тебя ждал.

— Мне тоже поскорее прийти хотелось, хотя…

— Я вижу, ты другая стала. Совсем взрослая. Что-нибудь произошло?

— Произошло. Я Ароновы письма сожгла.

— Он тебя обидел?

— Да нет. Просто не по себе мне было последнее время. Я же с самого начала старалась ему доказать, что никакая я не идеальная.

— Теперь тебе больше не надо никому ничего доказывать, достаточно быть самой собой. И от этого тебе стало легче. Правильно я говорю?

— Наверное, так оно и есть.

— Абра, ты об их матери знаешь?

— Да… Слушайте, Ли, я еще даже пирожного не попробовала! — сказала Абра. — И пить ужасно хочется.

— Вот тебе чай… Тебе Кэл нравится?

— Нравится.

— Трудно ему сейчас. До краев и хорошим, и плохим напичкан. Его любой одним пальчиком…

Абра опустила голову.

— Он меня в Алисаль пригласил, когда распу-

стятся дикие азалии.

Ли взялся за край стола и подался к ней.

— Я не собираюсь выпытывать, поедешь ты или нет.

— А я и не скрываю. Поеду.

Ли откинулся и сказал, глядя ей в лицо:

— Заходи почаще, не забывай нас.

— Мама и папа против.

— Я твоих родителей только раз видел, — сказал Ли язвительно. — Почтенная пара. Но понимаешь, родная, есть такие лекарства, которые на кого хочешь подействуют. Что, если взять да и сказать им, что Арон только что получил в наследство сто тысяч. Как ты думаешь, поможет?

Абра кивнула с серьезным видом, хотя кончики губ у нее задергались.

— Думаю, поможет. Только не знаю, как им сказать.

— Дорогая, если бы я узнал такую потрясающую новость, я бы первым делом к телефону кинулся. На весь бы свет раззвонил. Боюсь только, неисправность на линии появится.

Абра кивнула.

— И вы бы сказали, откуда деньги?

— Э, нет! Секрет фирмы.

Абра взглянула на будильник, повешенный на

гвоздь в стене:

— Ой, скоро пять! Мне надо бежать, — заторопилась она. — Отец болен. Я думала, Кэл пораньше со строевой придет.

— Заходи почаще, — сказал ей Ли вдогонку.

4

На крыльце Абра столкнулась с Кэлом.

— Подожди, я сейчас! — Он вошел в дом и бросил книги.

— Смотри не растеряй ее учебники! — крикнул Ли из кухни.

Надвигался зимний вечер. Порывистый ледяной ветер яростно раскачивал мигающие газовые фонари, и тени метались туда-сюда, как вспугнутые летучие мыши. Прохожие, спешащие с работы в тепло родного дома, прятали лица в воротники. Когда ветер утихал, с катка за несколько кварталов доносилась механическая музыка.

— Абра, подержи, пожалуйста, книги. Надо воротничок расстегнуть, а то голову отрежет. — Кэл нащупал крючки и вздохнул с облегчением. Он взял книги у Абры. Высокая пальма перед домом Берджесов гнулась под ветром, и ее разлапистые листья с треском колотились друг о друга, а у

закрытых дверей кухни протяжно, истошно мяукала кошка.

— Не получится из тебя хороший солдат, — заметила Абра. — Чересчур ты самостоятельный.

— Это мы еще посмотрим, — сказал Кэл. — На что он способен, наш старый Краг-Йоргенсен? Только дурацкие упражнения придумывает. А вот если на самом деле понадобится и мне будет интересно, не хуже других буду.

— Пирожные были замечательные, — сказала Абра. — Я тебе одно оставила.

— Спасибо, попробую. Вот из Арона настоящий вояка выйдет.

— Да, настоящий, и к тому же симпатичный, во всей армии такого не найдешь. Когда поедем азалии смотреть?

— Только весной.

— Давай пораньше. И еды возьмем.

— Пораньше дождь может быть.

— Дождь или ясно — все равно поедем.

Абра взяла у него свои книги и вошла в калитку.

— До завтра!

Кэл не повернул к дому, а пошел дальше, в беспокойную мглу, мимо школы, мимо катка — крытой площадки с громыхающим механиче-

ским мелодеоном, и ни единого человека не было на льду. Старик — хозяин катка сиротливо сидел в будочке, задумчиво наматывая на указательный палец билетную ленту.

На Главной улице тоже не было ни души. Ветер гнал по тротуару обрывки бумаги. Из кондитерской Белла вышел полицейский Том Мик и зашагал рядом с Кэлом.

— Эй, солдат, застегнул бы воротничок, — заговорил он.

— А, это вы, Том, привет! Режет, проклятый.

— Что-то тебя последнее время не видать по ночам.

— Угу.

— Неужто исправился?

— Все может быть.

Том ужасно гордился тем, что умеет с самым серьезным видом разыгрывать людей.

— Похоже, зазнобу завел?

Кэл ничего не ответил.

— Слышал, будто твой братец годков себе надбавил и махнул в армию. А ты, выходит, у него девчонку отбиваешь?

— Выходит, отбиваю.

Тома разбирало любопытство.

— Уилл Гамильтон раззвонил, будто ты пятна-

дцать тысяч на фасоли заколотил. Верно это?

— Выходит, верно.

— Ты же малолетка еще. Куда тебе такую кучу денег?

— А никуда. Сжег я их, — ухмыльнулся Кэл.

— Как сжег?

— Очень просто, взял спички — и готово!

Том пристально посмотрел Кэлу в лицо.

— Поня-я-тно!.. Ну и правильно сделал. Бывай, мне тут заглянуть надобно. — Том Мик страсть как не любил, когда его разыгрывают. «Ишь, щенок паршивый, — пробурчал он, отойдя. — Шибко умный заделался!»

Разглядывая витрины, Кэл медленно брел по Главной улице. Интересно, где похоронена мать? Может, узнать и отнести ей на могилу цветы? Он усмехнулся. Странное желание — или он просто дурачит себя? Салинасский ветер надгробный камень снесет, не то что букетик гвоздик. Ему вдруг почему-то вспомнилось мексиканское название гвоздик, кто-то, кажется, говорил ему, когда он был маленький. Их называют Гвоздиками Любви, а ноготки — Гвоздиками Смерти. И слово какое-то гвоздистое, острое — claveles. Пожалуй, лучше отнести на ее могилу ноготков. «Я уже как Арон рассуждаю», — усмехнулся Кэл.

Глава 54
1

Зимняя стужа не отпускала. Уже давно прошли все сроки, а зима все тянулась — холодная, сырая, ветреная. «Во Франции палят из этих проклятых пушек, — толковали в народе, — а во всем мире погода портится».

Всходы в Долине были робкие, редкие, а полевые цветы так припозднились, что некоторые решили, что они не появятся вовсе.

Мы привыкли, что Первого мая, когда воскресные школы во всей округе устраивают в Алисале пикники, кусты дикой азалии, протянувшиеся там по берегам речки, уже стоят в полном цвету. Иначе и быть не может — так мы считали. Какой же это праздник без распустившихся цветов азалии!

Но в тот год Первое мая выдалось холодным. Ледяной дождь отбил всякую охоту к загородной прогулке. Прошло две недели, а в Алисале по-прежнему не распустилось ни единого цветка.

Кэл не мог знать, что погода так подведет его, когда приглашал Абру за город в пору цвете-

ния азалий. Ему было неудобно откладывать поездку.

Их «форд» стоял в гараже у Уиндхэмов на ходу; накачаны шины, два новеньких аккумулятора, чтобы сразу завести мотор. Ли должен был приготовить бутерброды и через день покупал особые булки, но потом это ему надоело, и он бросил.

— Зачем откладываешь? — спросил он Кэла.

— Я же обещал показать цветущие азалии.

— А как ты узнаешь, когда они распустятся?

— У нас в школе два брата учатся, Силаччи. Они оттуда. Говорят, еще неделю ждать, а то и дней десять.

— Смотри, как бы она вообще не лопнула, твоя вылазка.

Здоровье Адама постепенно улучшалось. Он уже шевелил левой рукой и начал понемногу читать, и с каждым днем — все дольше.

— Вот когда устаю, буквы расплываются. А так — прекрасно вижу. Хорошо, что я очки не заказал, от стекол зрение только портится. В жизни на глаза не жаловался.

Ли довольно кивал. Он съездил в Сан-Франциско, привез оттуда пачку книг и, кроме того, выписал множество оттисков различных публикаций. Он перечитал все, что написано об

анатомии мозга, и теперь прекрасно разбирался в симптомах и осложнениях тромбоза и вообще в патологических изменениях мозговой деятельности. Он изучал предмет и расспрашивал знающих людей с таким же упорством, с каким в свое время изловил, разделал и проанализировал ивритский глагол. Поначалу доктора Г. С. Мэрфи раздражала настырность слуги-китайца, но потом раздражение уступило место искреннему уважению к его любознательности, и он начал относиться к нему едва ли не как к ученому коллеге. Он даже брал у Ли новые журналы и оттиски статей с сообщениями о диагностике и лечении таких заболеваний. «Этот китаеза побольше моего знает о кровоизлияниях в мозг, — заявил он однажды доктору Эдвардсу. — И наверняка не меньше вас». В голосе его прозвучало деланное недовольство и скрытое восхищение. Медики терпеть не могут, когда непосвященные лезут в тайны их профессии.

— Мне кажется, что процесс абсорбции продолжается, — говорил Ли, докладывая об улучшении состояния Адама.

— Был у меня больной… — перебил его доктор Мэрфи и поведал целую историю о счастливом излечении.

— Однако я опасаюсь рецидива, — продолжал Ли.

— Ну уж это как Всевышнему будет угодно, — отвечал доктор Мэрфи. — Артерия не автомобильная шина, ее не залатаешь. Кстати, как тебе удается так часто измерять у него давление?

— Он загадывает мое давление, а я его. Это интереснее, чем играть на скачках.

— И кто же выигрывает?

— Он бы в два счета продулся, если бы я захотел. Но это испортит игру, и показания тоже.

— А каким образом ты не даешь ему разволноваться? — поинтересовался доктор Мэрфи.

— У меня есть собственный метод. Я его разговорной терапией называю.

— Должно быть, уйму времени отбирает?

— Отбирает, — согласился Ли.

2

28 мая 1918 года американские войска провели свое первое крупное сражение Первой мировой войны. Первой дивизии под командованием генерала Булларда было приказано овладеть деревней Кантиньи. Расположенная на холме, она господствовала над долиной реки Авр. Несколько

линий траншей и тяжелые пулеметы образовывали ее систему обороны. Боевые позиции протянулись больше чем на милю.

В 6.45 утра 28 мая после часовой артиллерийской подготовки началась атака. В бою участвовали 28-й пехотный полк под командованием полковника Или, один батальон 18-го пехотного полка во главе с Паркером, рота Первой саперной части и дивизионная артиллерия Самеролла при поддержке французских танков и огнеметов.

Атака завершилась полным успехом. Американские части закрепились на новом рубеже и отбили две мощные контратаки немцев. Клемансо, Фок и Петен направили Первой пехотной дивизии поздравления.

3

Только в самом конце мая братья Силаччи объявили, что на азалиях высыпал наконец оранжево-розовый цвет. Это было в среду, как раз перед звонком на первый урок.

Кэл кинулся в английский класс, и как только мисс Неррис заняла свое место на учительской платформе, он помахал носовым платком и шумно высморкался. Выйдя из класса, он сбежал вниз

в уборную для мальчиков и через несколько минут услышал за стеной, в туалете для девочек, шум спускаемой воды. Он выскользнул черным ходом во двор, прокрался вдоль кирпичной стены, махнул за перечный куст и лишь после того, как его уже нельзя было увидеть из школы, сбавил шаг. Вскоре Абра нагнала его.

— Когда они распустились? — спросила она.

— Сегодня утром.

— Может, подождем до завтра?

Кэл поглядел на яркое, золотое солнце, первый раз в этом году пригревающее землю, и спросил:

— Ты хочешь подождать?

— Нет, не хочу, — сказала она.

— И я не хочу.

Они бросились бегом, купили у Рейно хлеба и начали тормошить Ли, чтобы тот поскорее приготовил еду. Адам услышал громкие голоса и заглянул в кухню.

— Что тут за шум?

— На пикник собираемся, — сказал Кэл.

— Разве в школе отменили занятия?

— Как же, они отменят, — вставила Абра. — Мы сами себе праздник устроили.

— Ты сегодня как роза, — улыбнулся Адам.

— Мы в Алисаль едем, за азалиями! Поедемте с

нами, а? — воскликнула Абра.

— А и в самом деле… — проговорил Адам и сам же себя перебил: — Впрочем, нет, не могу. На фабрику обещал заглянуть. Трубы там кое-где меняем. А денек правда замечательный.

— Мы привезем вам цветов, — пообещала Абра.

— Спасибо, я люблю азалии. Ну что ж, желаю приятно провести время.

С этими словами Адам ушел. Тогда Кэл предложил Ли:

— Может, ты с нами поедешь, Ли?

— Вот уж не думал, что такое сморозишь, — сердито сказал тот.

— Правда, поедем! — позвала Абра.

— Не смешите меня.

4

Речушка, что, журча, протекала через Алисаль у подножия хребта Габилан, была необыкновенно живописна. Вода мягко перекатывалась через валуны и полоскала обнаженные, словно бы вымытые корневища стоящих вдоль берега деревьев.

Аромат азалий и дурманящая свежесть от дей-

ствия солнца на хлорофилл растений наполняли воздух. На берегу стоял «форд», и от его еще не остывшего мотора наплывали волны жара. Заднее сиденье автомобиля было завалено охапками веток азалии. Кэл и Абра сидели, свесив ноги в воду, посреди пакетов с едой.

— Они всегда вянут, пока домой довезешь, — сказал Кэл.

— Зато можно сказать, что долго собирали, — отозвалась Абра и добавила: — Если ты такой недогадливый, я сама…

— Что — сама?

Абра потянулась и взяла его руку.

— Вот что.

— Я боялся.

— Чего?

— Сам не знаю.

— А вот я не побоялась.

— Мне кажется, девчонки вообще гораздо смелее.

— Наверное.

— А ты чего-нибудь боишься?

— Еще бы. Я испугалась, когда ты сказал, что я панталоны обмочила.

— Ужасно подло с моей стороны. Сам не знаю, зачем я это ляпнул… — начал Кэл и запнулся.

Ее пальцы стиснули ему руку.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Не надо.

Кэл посмотрел на бурлящий речной поток и большим пальцем ноги ковырнул бурую гальку.

— Ты думаешь, что это только в тебе сидит, да? — спросила Абра. — Нехорошее только к тебе прилипает?

— Н-не знаю…

— А я знаю! Тогда я тебе вот что скажу. У моего отца серьезные неприятности.

— Неприятности? Какие?

— Не подумай, что я подслушивала, из-за двери было слышно. Он просто притворяется, что болен. Сам что-то натворил, а теперь трусит.

Кэл повернулся к ней.

— Что именно натворил?

— Кажется, забрал деньги, принадлежащие его фирме. И теперь не знает, посадят его компаньоны или разрешат вернуть деньги.

— Откуда ты все это узнала?

— Они собрались в комнате, где он лежит, и так кричали, просто ужас! Мама даже патефон завела, так неприлично было.

— А ты не придумываешь?

— Нет, не придумываю.

Он пододвинулся поближе, положил голову ей

на плечо; рука его робко обвила ее талию.

— Вот видишь, ты не один такой… — Она посмотрела на него искоса. — Ой, теперь, кажется, я боюсь… — сказала она слабеющим голосом.

5

Было три часа пополудни. Ли сидел у себя за письменным столом и разглядывал каталог семенного материала. Его внимание остановила цветная картинка душистого горошка.

— А неплохо будет смотреться на заднем заборе. Болотину заслонит. Только хватит ли ему там солнца? — Услышав звук собственного голоса, Ли поднял голову и засмеялся. Он все чаще ловил себя на том, что разговаривает сам с собой, когда в доме никого нет.

— Это возрастное, — сказал он вслух. — Замедляется мыслительный процесс, и поэтому… — Он вдруг умолк и на секунду замер. — Совсем уж странно — прислушиваться неизвестно к чему. А я чайник на газу не оставил? Нет, снял… точно помню. — Он снова прислушался. — Слава богу, не суеверный я. Только дай воображению волю, примерещится, будто привидения ходят. Такое услышишь…

Зазвонил дверной звонок.

— Ну вот, именно этого я и ждал. Нет, не пойду. Пусть себе звонит. Нечего поддаваться предчувствиям. Пусть звонит.

Звонок больше не позвонил.

На Ли вдруг напала беспросветная, непроходимая усталость, навалилось какое-то безысходное отчаяние. Он попытался рассмеяться. «Вот он, выбор. Пойти и увидеть на крыльце какую-нибудь дурацкую рекламу. Или же трусливо прислушиваться к тому, что нашептывает мне старческое слабоумие: будто смерть на пороге. Нет, я предпочитаю рекламу».

Потом он долго сидел в гостиной, глядя на казенный конверт, лежащий у него на коленях. «Ну, погоди, проклятый!» — сплюнул он, наконец разорвал конверт и тут же положил извещение оборотной стороной на стол.

Уронив локти на колени, он уставился в пол. «Нет, не имею я права, — рассуждал он. — Ни у кого нет такого права — лишать человека любой, самой малой частицы того, что ему положено на земле. И жизнь, и смерть — наш общий удел. Каждый должен нести свою боль».

Внутри у него все напряглось. «Нет, не могу… Трус несчастный! А сам бы я выдержал?»

Ли пошел в ванную комнату, влил в стакан три чайные ложки брома, добавил туда воды, пока жидкость не стала розовой. Потом он отнес стакан в гостиную, поставил его на стол, сложил извещение, положил в карман. «Жалкий, презренный трус, — твердил он, усаживаясь. — Ненавижу, ненавижу!» Руки у него тряслись, на лбу выступил холодный пот.

В четыре часа Ли услышал, что Адам возится с ручкой входной двери. Он облизал пересохшие губы, поднялся и не торопясь пошел в прихожую. В руке он держал стакан с розовым раствором, и держал твердо.

Глава 55
1

Все огни в доме Трасков были зажжены. Кто-то забыл прикрыть дверь на крыльцо, и с улицы несло холодом. Ли сидел в гостиной, в кресле под лампой, съежившийся и сморщенный, как опавший лист. Дверь в комнату Адама была открыта, оттуда слышались голоса.

Вошел Кэл:

— Что случилось?

Ли посмотрел на него и кивнул головой на стол, где лежало извещение.

— Арона убили. А у отца удар.

Кэл кинулся было в коридор.

— Не ходи туда! — сказал Ли. — Там доктор Эдвардс и доктор Мэрфи. Не мешай им.

Кэл подошел к креслу:

— Это серьезно, Ли, очень серьезно?

— Не знаю. — Он говорил медленно, будто припоминая что-то давно забытое. — Он совсем без сил пришел. Но я все равно прочитал ему телеграмму. Отец должен знать. Я прочитал, а он минут пять повторял ее вслух, как будто ничего

не понимал. Только потом, наверное, смысл дошел до него и словно бы взорвался в мозгу.

— Он в сознании?

— Сядь и потерпи, — устало сказал Ли. — Научись терпению. Я и сам пытаюсь.

Кэл взял извещение, пробежал глазами скорбные, беспощадно-суровые и торжественные строки.

Из комнаты появился доктор Эдвардс со своим саквояжем; едва кивнув, он прошествовал через гостиную и вышел из дома, ловко притворив за собой дверь. Доктор Мэрфи поставил саквояж на стол и, вздохнув, сел.

— Доктор Эдвардс поручил мне сообщить наше заключение.

— Как отец? — нетерпеливо перебил Кэл.

— Я скажу все, что известно нам самим, утаивать нет смысла. Кэл, с сегодняшнего дня считай себя главой семьи. Ты представляешь себе, что такое удар? — Не дожидаясь ответа, он продолжал: — В данном случае мы имеем обширное церебральное кровоизлияние. Поражены некоторые участки мозга. Небольшие кровоизлияния наблюдались у него и раньше, Ли об этом знает.

— Наблюдались, — отозвался Ли.

Доктор Мэрфи поглядел на него и снова обра-

тился к Кэлу:

— Левая сторона парализована полностью, правая частично. Левый глаз, очевидно, не видит, однако с уверенностью сказать нельзя. Короче говоря, Кэл, твой отец в тяжелом состоянии.

— А говорить он может?

— Немного может, с трудом. Но не стоит его утомлять.

Кэл судорожно искал, как спросить.

— Он… Он поправится?

— Я слышал о случаях резорбции в подобном тяжелом состоянии, но самому сталкиваться не приходилось.

— Вы хотите сказать, что он умрет?

— Сие никому не известно. Может неделю протянуть или месяц, а может и год прожить, даже два. А может скончаться сегодня же.

— Он узнает меня?

— Сам увидишь… Я сейчас пришлю сиделку на ночь, а завтра найдешь постоянную. — Доктор Мэрфи поднялся. — Мне очень жаль, Кэл, но ничего не поделаешь. Держись, мой мальчик! Главное сейчас — мужество… Знаешь, меня всегда поражает, как люди находят в себе силы держаться. При любых обстоятельствах. Ну, спокойной ночи! Утром придет Эдвардс. — Он хотел было похло-

пать Кэла по плечу, но тот отстранился и пошел к отцу.

Голова Адама покоилась на высоко подложенных подушках. Лицо его застыло, кожа была бледная, словно прозрачная, губы вытянулись в прямую линию, ни усмешки в них, ни укоризны. В широко раскрытых глазах была такая ясность и такая глубина, что, казалось, сквозь них можно заглянуть в самую его душу, и они сами словно бы видели насквозь все вокруг. Но смотрели они спокойно и безразлично прямо перед собой. Когда Кэл вошел, взгляд переместился на него, потом уперся ему в грудь, поднялся вверх и остановился на его лице.

Кэл присел на стул подле постели.

— Прости меня, отец.

Веки медленно, по-лягушачьи, опустились и поднялись снова.

— Ты меня слышишь, отец, понимаешь? — Глаза смотрели все так же неподвижно и покойно. — Это я, я виноват! — крикнул Кэл. — Я виноват, что убили Арона, а у тебя вот удар. Я со зла повел его в публичный дом. Со зла мать показал. Поэтому он и убежал в армию. Я не хочу никому во вред делать, у меня так получается, правда!

Он припал лицом к изголовью кровати, чтобы

не видеть уставившихся на него ужасных глаз, но они не отпускали его, и он понял, что этот взгляд пребудет с ним до конца жизни, станет частью его самого.

В передней позвонили, и через минуту вошел Ли в сопровождении плотной, с густыми черными бровями женщины. Она раскрыла саквояжик, и из него словно посыпало наигранное оживление.

— Где он, мой больной, вот этот?! Непохоже, непохоже… Зачем только меня позвали. Да мне тут делать нечего. Он же здоровее нас с вами. Эй, мистер, может, встанете и поможете мне справиться с моими болячками? Такой видный, красивый, неужели оставите бедную женщину? — Одним привычным движением, без видимых усилий она правой рукой приподняла Адама за спину, левой ловко взбила подушки и, подтянув его повыше к изголовью, опустила на постель.

— Мы ведь любим, когда подушечки прохладные, правда? — тараторила она. — Так-так, замечательно! А где у вас тут туалет? Нам, само собой, утка будет нужна и горшок. И будьте добры, поставьте сюда раскладушку.

— Составьте список, — мрачно отозвался Ли. —

И если вам понадобится помощь…

— Какая там помощь! Мы и сами прекрасно управимся, правда же, золотко?

Ли и Кэл убрались в кухню. Ли сказал:

— Хотел заставить тебя поесть, да вот эта особа помешала. Многие считают, что и на радостях еда в охотку, и от горя лучшее средство. Она из таких, это наверняка. Ну что, будешь есть или нет?

Кэл заулыбался:

— Если бы ты стал заставлять, меня бы наизнанку вывернуло. Но раз ты с подходом, то я, пожалуй, умну сандвич.

— Сандвичей нет.

— Хочу сандвич.

— Просто поразительно, как мы любим вопреки всякой логике, когда все шиворот-навыворот становится, — сказал Ли. — Даже досада берет.

— А я уже расхотел сандвич, — возразил Кэл. — Там пирожков не осталось?

— Осталось — в хлебнице. Уже, наверное, зачерствели.

Он достал блюдо с пирожками и поставил на стол.

— Люблю, когда черствые.

В кухню влетела сиделка.

— Аппетитно выглядят! — Взяв пирожок, она

надкусила его и затараторила, жуя: — Где тут телефон? Аптекарю Крафу позвоню, не возражаете? Заказать кое-что надо. И постельное белье — где у вас белье? Раскладушки тоже не вижу. Вы уже газетку прочитали? Где, говорите, телефон-то? — Взяв еще один пирожок, она исчезла.

— Он что-нибудь сказал? — негромко спросил Ли.

Кэл качал головой как заведенный.

— Тяжело будет, я знаю. Но доктор прав. Человек, в сущности, удивительное животное, все вынесет.

— А я нет. — Голос Кэла звучал глухо, безразлично. — Я не выдержу. Ни за что не выдержу. Надо кончать… Я должен…

Ли яростно схватил его за руку.

— Щенок! Трус поганый!.. Погляди вокруг себя. Сколько замечательного в жизни, а ты… Только попробуй, заикнись еще раз… С чего ты взял, что твое горе глубже моего?

— Да не от горя это. Я ему все выложил. Я убил собственного брата. Убийца я — вот кто. Теперь он все знает.

— И он сказал, что ты убийца? Говори прямо, сказал?

— К чему ему говорить. Я и так понял, по его

глазам. Его глаза все сказали. Куда мне теперь деться? Нигде мне места нет…

Ли облегченно вздохнул и отнял руку.

— Кэл, выслушай меня, мальчик, — терпеливо начал он. — У Адама поражены некоторые центры головного мозга. Думаю, что кровоизлияние затронуло и зрительные нервы, то есть тот участок в коре, от которого зависит зрение. То, что ты видишь в его глазах, — это скорее всего следствие разрыва кровеносных сосудов в зрительной сфере. Помнишь, он совсем не мог читать? Это не потому, что у него вдруг испортились глаза. Это от давления. Поэтому нельзя по глазам судить. Откуда тебе знать, обвиняет он тебя или нет.

— Обвиняет, я знаю. Его глаза сказали, что я — убийца.

— Да он простит тебя. Обещаю!

В дверях появилась сиделка.

— Ты что-то обещаешь, Китай? А как насчет обещанного кофейку?

— Сейчас сварю. Как он?

— Уснул, как младенец! Почитать что-нибудь в этом доме найдется?

— Что именно вы бы хотели?

— Что угодно, лишь бы о ногах не думать. Набегалась за день-то.

— Кофе я скоро принесу… А почитать — могу предложить неприличные рассказики, французская королева сочинила. Правда, они, может быть, слишком…

— Тащи их сюда вместе с кофием, — скомандовала она. — А ты бы прилег, парень. Нас тут двое в случае чего. Эй, Китай, не забудь книжку принести!

Ли поставил кофейник на газ и подошел к столу.

— Кэл!

— Чего?

— Сходи к Абре.

2

Кэл стоял на ухоженном крыльце и давил на кнопку звонка. Наконец над ним вспыхнул яркий свет, загремел болт, и из-за двери высунулась миссис Бейкон.

— Мне нужно видеть Абру, — сказал он.

— Что?! — переспросила миссис Бейкон и раскрыла от изумления рот.

— Мне нужно видеть Абру.

— Нельзя, она уже спит. Уходи.

— Мне нужно видеть ее! — закричал Кэл. — Не-

ужели не понимаете?

— Уходи немедленно, или я позову полицию.

Из дома раздался голос мистера Бейкона:

— Что там такое? Кто это?

— Это не к тебе. Иди ложись, ты же болен. Я сама разберусь. — Она обернулась к Кэлу: — Вот что, убирайся-ка с моего крыльца. Если опять вздумаешь трезвонить, я вызову по телефону полицию. Вон отсюда! — Дверь захлопнулась, стукнул болт, свет погас.

Кэл стоял в темноте и улыбался, представляя, как к нему подваливает старый Том Мик и интересуется: «Привет, Кэл! Ты чегой-то тут надумал?»

Из-за двери раздался голос миссис Бейкон:

— Ты, вижу, еще здесь? Немедленно уходи! Чтобы духу твоего не было!

Кэл не торопясь прошел по дорожке к калитке и свернул к дому, но на углу его нагнала Абра. Она вся запыхалась от бега.

— Через черный ход выскочила! — объявила она.

— Они же все равно узнают.

— Ну и пусть!

— И ты не боишься?

— Нет.

— Абра, — сказал, помолчав, Кэл. — Я — убийца, из-за меня погиб брат, а отца разбил паралич.

Обеими руками она вцепилась в его руку.

— Ты слышала, что я сказал?

— Конечно, слышала.

— Абра, и мать у меня была проститутка.

— Я знаю, ты говорил. А у меня отец — вор.

— Во мне ее кровь, Абра, неужели ты не понимаешь?

— А во мне — его.

Кэл пытался собраться с мыслями, оба молчали. Дул холодный ветер, и они невольно пошли быстрее, чтобы не продрогнуть. Уже остались позади последние уличные фонари, уже кончилась на краю города мостовая и перешла в проселочную дорогу, которую развезло от весенних дождей, а они все шли и шли в беспросветную мглу по скользкой черной грязи, и сырая от росы трава на обочине хлестала им по ногам.

— Куда мы идем? — спросила Абра.

— Мне хочется убежать. Убежать от отцовских глаз. Они все время передо мной. Я их вижу, даже когда сам закрываю глаза. И так будет всегда. Отец умрет, а его глаза все равно будут смотреть на меня и говорить, что я убил брата.

— Ты его не убивал.

— Нет, убил. И его глаза говорят, что убил.

— Зачем ты так говоришь? Куда мы идем?

— Тут уже недалеко. Котловина, водокачка… и ива. Ты помнишь, там стоит большая ива?

— Да, я помню эту иву.

— У нее ветви свисают до самой земли, и получается как шатер.

— Я знаю.

— И днем, после уроков… когда вовсю светило солнце… вы с Ароном раздвигали ветви и входили туда… и вас не было видно.

— Ты подглядывал?

— Подглядывал, — сказал Кэл и добавил: — А теперь я хочу, чтобы ты со мной пошла под иву. Вот чего я хочу.

Она остановилась, он тоже.

— Нет, мы туда не пойдем, — сказала она. — Это будет неправильно.

— Ты не хочешь… со мной?

— Если тебе хочется просто убежать, я не пойду. Ни за что.

— Тогда я не знаю, как мне дальше быть, — сказал он. — Не знаю, что делать. Ну скажи.

— А ты послушаешь меня?

— Не знаю.

— Давай вернемся?

— Вернемся? Куда?

— Домой к твоему отцу.

3

Из окон кухни лился яркий свет. Ли зажег духовку, и она согревала промозглый воздух.

— Это она заставила меня прийти, — буркнул Кэл.

— Правильно сделала. Я так и думал.

— Он бы и сам пришел, — сказала Абра.

— Этого никто не знает и не узнает, — отозвался Ли. Он вышел из кухни и через минуту вернулся. Ставя на стол глиняную бутылку и три миниатюрные, прозрачные фарфоровые чашечки, сказал:

— Он еще спит.

— А я помню эту штуку, — заметил Кэл.

— Еще бы не помнить. — Ли разлил темного тягучего напитка по чашечкам. — Надо чуть-чуть отхлебнуть и подержать на языке, а потом уж глотать.

Абра оперлась локтями на стол.

— Ли, вы — человек мудрый. Помогите ему, научите, как примириться с судьбой.

— Я и сам не знаю, умею ли я примиряться с судьбой, — вздохнул Ли. — У меня не было случая

испытать себя по-настоящему. Я всегда был… сколько раз я сомневался, но мне редко удавалось разрешить свои сомнения. Когда совсем было невмоготу, я плакал один.

— Плакал? Ты?!

— Когда умер Сэмюэл Гамильтон, для меня весь свет померк, как будто единственную свечу задули. Я зажег ее снова, чтобы насладиться его замечательными созданиями. И что же я увидел? Детей его раскидало, смяло, а кое-кого и погубило — словно поработал злой рок… Давайте-ка глотнем еще немного уцзяпи.

Я должен был сам убедиться, — продолжал он, — что думаю и поступаю глупо. И главная моя глупость состояла вот в чем: я считал, что добро всегда гибнет, а зло живет и процветает.

Мне казалось, что однажды Бог разлюбил людей, которых сам же сотворил из праха, или разгневался на них и раздул гончарный горн, чтобы обратить их обратно в прах или очистить от вредных примесей.

Мне казалось, что предки передали мне и ожоги от очищающего обжига, и примеси, из-за которых потребовалось разжечь большой огонь. Передали все — и хорошее, и плохое. У вас нет такого чувства?

— Наверное, есть, — ответил Кэл.

— Я не знаю, — сказала Абра.

Ли покачал головой.

— Но это обманчивое чувство и куцая мысль. Быть может… — Он вдруг умолк.

— Что — быть может? — спросил Кэл, чувствуя, как внутри его разливается теплота.

— Быть может, мы когда-нибудь поймем, что каждый человек без исключения в каждом поколении проходит передел. Разве у мастера, пусть даже в глубокой старости, пропадает желание сделать, например, прекрасный сосуд — тонкий, прозрачный, прочный? — Ли поднял чашку к свету: — Как эта чашка! Чтобы не было никаких примесей, чтобы получился самый лучший и самый чистый спек — надо много огня. И тогда происходит одно из двух: либо пережег, и тогда выгарок, пустая порода, либо… либо то, к чему никто и никогда не перестанет стремиться, — совершенство. — Ли допил до конца свою чашку и сказал громко: — Кэл, как ты думаешь: то, что нас создало… что бы это ни было… неужели оно бросит начатое дело?

— Не знаю, ничего не знаю, — промолвил Кэл.

В гостиной послышались тяжелые шаги сиделки. Она влетела в кухню и смерила оценивающим

взглядом Абру, которая сидела, подперев ладонями лицо.

— Где у вас тут графин? Мы пить захотели. Налейте кипяченой водички, пусть под рукой будет. Мы через рот начали дышать, — сообщила она.

— Он проснулся? — спросил Ли. — А графин, вот он.

— Проснулся и теперь отдохнувший. Я лицо ему протерла и волосы причесала. Хороший больной, спокойный. Он даже улыбнуться мне попробовал.

Ли встал:

— Кэл, пойдем к нему. И ты тоже, Абра. Надо, чтобы вы вместе.

Наполнив над раковиной графин водой, сиделка кинулась вперед.

Когда они по одному вошли в комнату, Адам лежал высоко в подушках. Бледные руки его покойно лежали по бокам, ладонями книзу, и кожа на пясти разгладилась. Черты воскового лица заострились еще больше. Редкое дыхание пробивалось сквозь полуоткрытые бескровные губы. В голубых глазах отражался тусклый свет ночника над головой.

Ли, Кэл и Абра остановились у изножья кровати. Адам медленно переводил взгляд с одного на

другого, и губы его слегка шевелились, словно он хотел поздороваться с ними.

— Вы только посмотрите, разве мы не замечательно выглядим? — пропела сиделка. — За него хоть замуж иди, такой красавчик.

— Перестаньте! — поморщился Ли.

— Нечего беспокоить моего больного.

— Пожалуйста, уйдите отсюда, — сказал он.

— Я расскажу доктору…

Ли решительно повернулся:

— Сейчас же выйдите из комнаты и закройте дверь! Можете даже жалобу доктору подать.

— Я не привыкла, чтобы надо мной китаезы командовали!

— Уйдите и закройте дверь, — вмешался Кэл. Сиделка хлопнула дверью, хотя не слишком громко, словно затем, чтобы сказать: она этого так не оставит. Адам моргнул при стуке.

Ли подошел поближе и позвал:

— Адам!

Широко раскрытые голубые глаза задвигались, отозвались на голос и наконец замерли, уставившись в блестящие карие глаза Ли.

— Адам, я не знаю, хорошо ли ты меня слышишь и все ли понимаешь. Когда у тебя занемела рука и глаза плохо видели, я постарался как

можно больше разузнать про твою болезнь. Но есть вещи, о которых можешь знать один ты. Глаза у тебя останавливаются, но очень может быть, что ум такой же живой и острый. А может быть, твой рассудок сейчас как в дурмане, и ты, словно новорожденный, различаешь только свет и движение.

У тебя поврежден мозг, вероятно, ты уже не тот, кем был раньше. Кто-то совсем другой. Что, если твое великодушие перешло в своеволие, а строгая порядочность выродилась в прихоть и каприз? Кроме тебя, на эти вопросы не ответит никто. Адам, ты меня слышишь?

Веки у лежащего дрогнули, опустились, потом поднялись снова.

— Спасибо, Адам. Я вижу, тебе тяжело, очень тяжело. Но я хочу попросить тебя сделать еще одно усилие. Вот твой сын Калеб… твой единственный сын. Посмотри на него!

Бледно-голубые глаза обвели комнату и остановились на лице Кэла. Пересохшие губы у того задергались, но он не проронил ни звука.

Тишину опять прорезал голос Ли:

— Адам, я не знаю, сколько ты проживешь. Может быть, очень долго, а может, каких-нибудь полчаса. Но твой сын — он будет жить. Он

возьмет себе жену, и у него родятся дети. Они — единственное, что останется после тебя. — Ли пальцами вытер слезы на глазах. — Адам, он думал, что ты отвернулся от него, и в минуту обиды и недовольства натворил дел. Из-за этого погиб Арон, его брат и твой сын.

— Ли, не надо… — умоляюще выдавил Кэл.

— Нет, надо! — возразил Ли. — Надо, даже если это будет стоить ему жизни. А у меня как-никак есть выбор, — произнес он печально и процитировал: «Коль будет суд, меня судите». — Он распрямился и сказал твердо: — Твоему сыну на роду написано нести груз вины… да, на роду написано… Груз почти непосильный, самому ему не справиться. Не отвергай его из-за этого, Адам. Не губи своего сына.

Ли дышал тяжело, со свистом.

— Адам, дай ему отцовское благословение. Не оставляй его одного, пожалуйста, Адам, ты меня слышишь? Благослови Кэла!

В глазах Адама на мгновение вспыхнул какой-то необыкновенный яркий свет, потом он прикрыл веки. На лбу у него собрались морщины.

— Ты должен помочь ему, слышишь, Адам! Дай ему возможность еще раз испытать себя. Дай ему

свободу. Это единственное, что отличает нас от животных. Сними с него этот груз! Благослови же его!

Адам весь напрягся, стараясь собрать последние силы, даже кровать, казалось, качнулась под ним, дыхание сделалось частым, прерывистым, и вдруг медленно, с трудом он приподнял правую руку, приподнял совсем немного и тут же уронил ее обратно.

Лицо у Ли разом словно бы постарело. Он нагнулся, краем простыни вытер Адаму лоб и, глядя на его закрытые глаза, тихо произнес:

— Спасибо, Адам… Спасибо тебе, друг мой! Ты больше не можешь говорить, да? И все-таки попробуй… Скажи хоть его имя.

Адам устало и безнадежно поднял глаза. Рот у него беззвучно приоткрылся раз, другой… Вдруг он шумно втянул в себя воздух, и тут же задрожавшие губы выдохнули:

— Тимшел!

Потом он закрыл глаза и заснул вечным сном, а слово как будто осталось.